

джон р.р. ТОЛКИН

джон р.р. ТОЛКИН

TOPOSTOR

ПЕСНИ БЕЛЕРИАНДА

под редакцией Кристофера ТОЛКИНА

John R.R. Tolkien THE LAYS OF BELERIAND (THE HISTORY OF MIDDLE-EARTH VOL. 3)

Originally published in the English language by HarperCollins Publishers Ltd. under the title The History of Middle EarthThe Lays of Beleriand

Перевод с английского

 $M. \, Apmaмоновой$ («Заметки о первом представлении в издательство "Лэ о Лейтиан" и "Сильмариллиона" в 1937 г.»)

M. Виноградовой (введение к Разделу I и комментарии к главе 1) С. Лихачевой (Разделы I–VI)

Дизайн обложки В. Воронина

Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers Limited и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Толкин, Джон Рональд Руэл.

Т52 Песни Белерианда : [перевод с английского] / Джон Рональд Руэл Толкин ; под редакцией К. Толкина. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 528 с.

ISBN 978-5-17-111389-6

Третий том «Истории Средиземья» дает нам уникальную возможность взглянуть на созидание мифологии Средиземья через призму стихотворных переложений двух наиболее значимых сюжетов толкиновского мира: легенд о Турине и о Лутиэн. Первая из поэм, грандиозная неопубликованная «Песнь о детях Хурина», посвящена трагедии Турина Турамбара. Вторая, проникновенное «Лэ о Лейтиан», главный источник предания о Берене и Лутиэн в «Сильмариллионе», повествует о Походе за Сильмарилями и о столкновении с Морготом в его подземной крепости. Поэмы сопровождаются комментариями об эволюции истории Древних Дней. В книгу также включен любопытный критический разбор «Лэ о Лейтиан» К.С. Льюиса, который прочел поэму в 1929 году.

УДК 821.111-1 ББК 84(4Вел)-5

[©] The Tolkien Estate Limited and C R Tolkien, 1985

[©] Перевод. М. Артамонова, 2020

[©] Перевод. М. Виноградова, 2020

[©] Перевод. С. Лихачева, 2020

[©] Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Настоящее издание коллектив авторов с благодарностью посвящает светлой памяти Кристофера Джона Руэла Толкина (1924 — 2020)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие переводчика и редактора	X
Предисловие	1 (1)
I. ПЕСНЬ О ДЕТЯХ ХУРИНА (THE LAY OF THE CHILDREN OF HÚRIN)	3 (3)
Пролог (Хурин и Моргот) (Prologue (Húrin and Morgoth))	
I Воспитание Турина (Túrin's Fostering) Примечания Комментарии	11 (8) 33
II Белег (Beleg) Примечания Комментарии	79 80
III Файливрин (Failivrin) Примечания Комментарии	130
Дети Хурина: второй вариант (Second Version of the Lay)	
I (Хурин и Моргот) (Húrin and Morgoth) Примечания Комментарии	159
II (Воспитание Турина) (Túrin's Fostering) Примечания Комментарии	186
II. НЕОКОНЧЕННЫЕ ПОЭМЫ, ЗАБРОШЕННЫЕ НА РАННЕЙ СТАДИИ (POEMS EARLY ABANDONED)	, ,
Бегство нолдоли (The Flight of the Noldoli) Примечания Комментарии	209
Фрагмент аллитерационной «Песни об Эаренделе» (Fragments of an alliterative «Lay of Eärendel») Примечания Комментарии	215 (<i>141</i>) 217
Песнь о падении Гондолина (The Lay of the Fall of Gondolin)	219 (144)
III. ЛЭ О ЛЕЙТИАН (THE LAY OF LEITHIAN)	225 (150)
I. (О Тинголе) (Of Thingol) Примечания Комментарии	232
II. (Предательство Горлима и месть Берена) (Gorlim's betrayal and Beren's revenge) Примечания Комментарии	244

III. (Встреча Берена и Лутиэн) (Beren's meeting with Lúthien)	259
IV. (Берен перед Тинголом) (Beren before Thingol) Примечания Комментарии	262 (183) 275
V. (Заточение Лутиэн в Дориате) (Lúthien's captivity in Doriath)	291 292
VI. (Берен в Нарготронде) (Beren in Nargothrond) Примечания Комментарии	303 304
VII. (Берен и Фелагунд перед Ту) (Beren and Felagund before Thû)	317 318
VIII. (Лутиэн в Нарготронде) (Lúthien in Nargothrond) Примечания Комментарии	330 331
IX. (Поражение Ту) (The defeat of Thû) Примечания Комментарии	343
X. (Нападение Келегорма и Куруфина) (The attack by Celegorm and Curufin) Примечания Комментарии	358
XI. (Берен и Лутиэн, изменив обличия, отправляются в Ангбанд) (The disguising of Beren and Lúthien and the journey to Angband) Примечания	372
XII. (Финголфин и Моргот; встреча с Кархаротом) (Fingolfin and Morgoth; the meeting with Carcharoth) Примечания Комментарии	383
XIII. (Берен и Лутиэн в Ангбанде) (Beren and Lúthien in Angband) Примечания	396
XIV. (Бегство из Ангбанда) (Escape from Angband)	
Ненаписанные песни (Unwritten Cantos)	400 (308)
Приложение: Комментарии К. С. Льюиса (Appendix: Commentary by C. S. Lewis)	407 (315)

IV. ВОЗОБНОВЛЕННОЕ «ЛЭ О ЛЕЙТИАН» (THE LAY OF LEITHIAN RECOMMENCED)	423 (330)
1. О Тинголе в Дориате (Of Thingol in Doriath)	424
О возлюбленной Лутиэн (Of Lúthien the beloved)	425
О Дайроне, менестреле Тингола (Of Dairon minstrel of Thingol)	426
2. O Mopгoтe и о том, как Горлима заманили в ловушку (Of Morgoth & the snaring of Gorlim)	427
О том, как 12 Беорингов спасли короля Инглора Фелагунда (Of the saving of king Inglor Felagund by the XII Bëorings)	428
О благословенном озере Аэлуин (Of Tarn Aeluin the Blessed)	429
О Горлиме Злосчастном (Of Gorlim Unhappy)	430
3. О Берене, сыне Барахира, и о том, как ему удалось спастись (Of Beren son of Barahir & his escape)	434
4. О приходе Берена в Дориат; но прежде повествуется о встрече Мелиан и Тингола (Of the coming of Beren to Doriath; but first is told of the meeting of Melian and Thingol) Комментарии к строкам 1–660 (Продолжение Песни III 445; Песнь IV 452; Песни V–IX 454; Песнь X 454; Песнь X 454; Песнь XIV 460)	
Заметка о первом представлении в издательство «Лэ о Лейтиан» и «Сильмариллиона» в 1937 г. (Note on the original submission of the «Lay of Leithian» and «The Silmarillion» in 1937)	461 (364)
Словарь архаизмов (Glossary of Obsolete, Archaic, and Rare Words and Meanings)	465 (368)
Указатель	470
Примечания переводчиков	492

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА И РЕДАКТОРА

Жаворонке перевод свой посвящаю

Вниманию читателей предлагается III том серии «История Средиземья» («The History of Middle-Earth») – «Песни Белерианда» («The Lays of Beleriand»). Не будет преувеличением сказать, что он занимает в серии особое, уникальное место: в отличие от всех прочих томов, содержащих главным образом прозаические материалы, третий том включает значительную часть поэтического наследия Дж. Р. Р. Толкина, позволяя в полной мере оценить талант Толкина-стихотворца, мастера крупных эпических форм. Это две монументальные (и, увы, оставшиеся неоконченными) поэмы, представляющие собою стихотворные переложения двух ключевых «Великих Преданий» Древних Дней: аллитерационная «Песнь о детях Хурина» (2276 строк) и рифмованное «Лэ о Лейтиан» (4223 строки). Поэмы приведены в двух вариантах, первоначальном и переработанном; но если в случае «Детей Хурина» изначальный текст редактировался практически по ходу написания, в случае «Лэ о Лейтиан» исходную версию от переработки отделяют около 25 лет: тем интереснее сравнить трактовку легенды на ранней стадии (1925–1931 гг., Лидс), еще до начала создания «Властелина Колец», - и по завершении этой грандиозной эпопеи в 1951 г. Оба варианта обеих поэм, к сожалению, остались неоконченными и обрываются в самый разгар событий. В книгу также вошли небольшие фрагменты еще трех неоконченных поэм, посвященных событиям Первой Эпохи (аллитерационные «Бегство нолдоли» и «Песнь об Эаренделе» и рифмованная «Песнь о падении Гондолина»), заметка о первом представлении в издательство «Сильмариллиона» и «Лэ о Лейтиан» в 1937 г., проливающая новый свет на историю их несостоявшейся публикации, и критический разбор К.С. Льюиса «Лэ о Лейтиан», стилизованный под высокоученые комментарии к подлинной средневековой рукописи.

Литературоведы единодушно сходятся в том, что успех Толкина как писателя многим обязан филологическим познаниям Толкина-ученого; профессиональное освоение эпических традиций прошлого позволило автору создать собственный эпос, эпос необыкновенно правдоподобный, сочетающий в себе архетипическую убедительность подлинных древних мифов и выразительную образность и отточенность формы, достигаемые лишь немногими авторами XX века. Создавая стихотворные версии «Великих Преданий», Толкин обращается к литературным традициям средневековья, воскрешая модели древнеанглийской аллитерационной поэзии в «Песни о детях Хурина» и жанр бретонских лэ – в «Лэ о Лейтиан». Прежде чем обращаться к авторским текстам и к переводческим нюансам, необходимо сделать небольшой экскурс в традицию как таковую и сказать несколько слов о совокупности формальных и содержательных особенностей жанра бретонских лэ, отраженных в «Лэ о Лейтиан», и об аллитерационной системе стихосложения

древнегерманского мира, возрождаемой Толкином средствами современного английского языка в «Песни о детях Хурина».

Бретонские лэ и «Лэ о Лейтиан»: жанровое своеобразие поэмы

В названии сборника в целом, равно как и в заглавии отдельно взятых поэм, использовано английское слово lay («The Lays of Beleriand», «The Lay of the Children of Húrin», «The Lay of Eärendel»). Оно восходит к старофранцузскому, зафиксированному с XII в., слову lai (провансальский – lais, lays), обозначающему, согласно Оксфордскому словарю, «небольшое стихотворное произведение или эпическую поэму, предназначенные к песенному исполнению».

С XVI по XVIII вв. значение слова расширилось: оно стало употребляться в качестве поэтического синонима для слова song 'песня'. В современном английском языке слово lay используется примерно в этом же значении – в том числе и по отношению к длинным эпическим поэмам (где в русском языке обычно употребляется слово «песнь»: «Песнь о Нибелунгах»): достаточно вспомнить «Песнь последнего менестреля» («The Lay of the Last Minstrel», 1805) Вальтера Скотта или «Песни Древнего Рима» («Lays of Ancient Rome», 1842) Томаса Бэбингтона Маколея - пересказы в балладном духе героических эпизодов из римской истории. Произведения Маколея, классика викторианской литературы, были хорошо известны английским школьникам начала века; в частных школах они входили в обязательную программу, их заучивали наизусть. Еще будучи студентом, Толкин написал шуточный отчет о регбийном матче («Битва на Восточном поле»), стилизованный под героический эпос, а точнее – пародирующий одну из поэм этого цикла («Битва при Регильском озере»), остроумно обыгрывая отдельные строки и целые пассажи. Использование слова *lay* в заголовке поэтического произведения, особенно стилизованного под старину, было для Толкина вполне естественно и предсказуемо; так, переложив эпизод из «Беовульфа» в форме баллады, Толкин назвал стихотворение «Песнь о Беовульфе» («The Lay of Beowulf»).

Однако в заглавии одной из поэм сборника – «The Lay of Leithian», – слово *lay* обретает более узкое, специальное значение, как отсылка к жанру так называемых бретонских лэ (*lais breton*). Этот древний, укорененный в эпическом прошлом жанр превосходно подходит для нарративной поэзии, позволяя достичь сложных вариаций синтаксиса, мелодичности стиха и многозначности смыслов. Именно его имитирует и возрождает Толкин в поэме «Лэ о Лейтиан», и только по отношению к ней уместно употребление слова «лэ» в русском языке. С традицией бретонских лэ Дж. Р. Р. Толкин был знаком профессионально: в 1943–1944 гг. Толкин подготовил издание среднеанглийского лэ «Сэр Орфео» («Sir Orfeo») для оксфордских «ускоренных военных курсов», организованных для кадетов ВМФ и ВВС, а также перевел его на современный английский. А еще раньше, в 1930 г., – в разгар работы над «Лэ о Лейтиан» – написал поэму «Лэ об Аотру и Итрун» («The Lay of Aotrou and Itroun»), мастерски стилизованную под бретонское лэ (спустя пятнадцать лет поэма была опубликована в валлийском литературном журнале «The Welsh Review»).

Средневековое лэ – это стихотворная повесть о куртуазной любви, рыцарственности и необычайных приключениях (в сущности, рыцарский роман в ми-

ниатюре), включающая в себя элементы фантастического и сверхъестественного. Сюжеты их большей частью заимствовались из кельтских преданий, отсюда название – «бретонские лэ». Исходно бретонские лэ, получившие распространение в литературе англонормандского периода, в XII–XIII вв., написаны восьмисложными парнорифмованными двустишиями и, в отличие от рыцарских романов, невелики по объему (от 100 до 1000 строк).

Жанр «лэ» связан с именем Марии Французской, благодаря которой обрел популярность: с высокой степенью достоверности ей приписываются двенадцать лэ: «Гвигемар», «Ланваль», «Элидюк», «Соловей» и т.д. О самой Марии мы практически ничего не знаем: предположительно, она родилась во Франции, в конце XII века жила и писала в Англии, - в эпоху расцвета французской литературы, когда зарождается артуровский рыцарский роман и цикл о Тристане; ее произведения, написанные на англонормандском языке, были хорошо известны при дворе английского короля Генриха II и его супруги Альеноры Аквитанской, утонченных покровителей литературы. Само имя, под которым она нам известна, не более чем отсылка к строкам из эпилога к ее же собственному произведению: «Marie ai nun, si sui de France» («Меня зовут Мария, я родом из Франции»); Марией Французской ее впервые назовет французский ученый XVI века Клод Фоше. Тексты всех двенадцати лэ, а также ее «Басни», содержатся в рукописи XIII в., Harley 978 (находится в Британской библиотеке). Там же содержится пролог из 56 строк: Мария рассказывает о том, как, задумав сочинять лэ, она вдохновлялась примером древних греческих и римских авторов, дабы создать нечто занимательное и морально поучительное и сохранить в веках услышанные ею истории. В русском переводе наиболее известно самое короткое из лэ Марии - «Жимолость»:

Мне лэ понравилось одно – Зовется «Жимолость» оно. Правдиво расскажу я всем, Как создано оно и кем. Его я слышала не раз, Нашла записанный рассказ, Как сладостный постиг недуг Тристрама и Изольду вдруг, Как скорбь наполнила их дни И вместе смерть нашли они. Разгневан Марк, король страны, - Тристраму не простит вины: Он королеву полюбил И королю теперь не мил... (Пер. М. Замаховской)

В конце XIII века появляются и быстро обретают популярность среднеанглийские «бретонские лэ»: «Сэр Гаутер» («Sir Gowther» ок. 1400), «Сэр Дегарэ» («Sir Degaré», начало XIV в.), «Эмарэ» («Emaré», конец XIV в.), «Сэр Ландеваль» («Sir Landeval», пересказ «Сэра Ланваля» Марии Французской, 1-я половина XIV в.), «Сэр Орфео» (созданное в конце XIII – начале XIV вв. переложение сюжета об Орфее и Эвридике, – то самое лэ, что переводил Толкин). В цикле «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера бретонское лэ вложено в уста Франклина («Рассказ Франклина»); в «Прологе Франклина» дается определение жанра:

Бретонцы славные в былые дни Слагали песни. Песни те они Прозвали лэ по складу и напеву Старинному. Их складывали девы Бретонские и распевал их бард... (Пер. И. Кашкина)

О песенном характере лэ говорит и «создательница жанра» Мария Французская: она завершает «Лэ о Гвигемаре» словами о том, что это – произведение,

Que hom fait en harpe et en rote: Bonë est a oïr la note. [которое исполняют на арфе и роте; приятно слушать этот мотив].

Перезвон арф незримо присутствует и в «Лэ о Лейтиан», аккомпанируя пересказу ключевых событий: эльфы/эльфийские арфы поют о подвигах Фингона и его гибели (Песнь VI), о гибели Финрода (Песнь IX), о том, как Берен и Лутиэн возвращались с Тол-ин-Гаурхот (Песнь X), о том, как пробил судьбоносный час над Дориатом, и т.д.; строка «As still the elven harpers sing» [как по сей день поют эльфийские арфисты] в разных вариантах повторяется в толкиновском легендариуме снова и снова.

Имена и сюжеты Мария Французская заимствовала из кельтского – бриттского или бретонского материала; однако пользовалась и бродячими сюжетами, и латинскими и французскими источниками. Топонимика бретонских лэ – это, несомненно, топонимика полуволшебного кельтского мира: действие происходит в армориканской Бретани или в Британии: в Сен-Мало («Соловей»), в Эксетере («Элидюк»), в Корнуолле («Ланваль»), в Уэльсе («Милон»); экзотично звучащие имена Yonec, Muldumarec, Guildeluec, Guilladon - кельтские (бретонские). Что любопытно, что рецензент издательства «Allen & Unwin», ознакомившись с рукописью поэмы «Лэ о Лейтиан», действие которой происходит в Белерианде/ Броселианде, интуитивно классифицировал ее как подлинную «кельтскую жесту»: неодобрительно отозвался о «зубодробительных кельтских именах», однако отметил «ту безумную, ослепляющую красоту, что озадачивает англосакса при встрече с кельтским искусством». Любовь и предательство, разлученные влюбленные («Жимолость», «Гвигемар», «Милон», «Соловей»), звери-оборотни, звери, наделенные даром человеческой речи или иными волшебными свойствами («Бисклаврет», «Йонек»), женщины дивной красоты, обладающие сверхъестественной властью; таинственные миры, куда смертному человеку вход заказан; смертный, влюбленный в деву-фэйри, или смертная, влюбленная в волшебного рыцаря («Граэлент», «Ланваль», «Гвингамор», «Сэр Дегарэ») – все эти элементы, мотивы и темы бретонских лэ вобрало в себя «Лэ о Лейтиан», предание о событиях мира, где эльфийские и людские королевства существуют бок о бок и люди сражаются на стороне эльфов в войнах с общим врагом.

Подлинное бретонское лэ – это стихотворная повесть, не роман; объем сохранившихся лэ варьируется от 100 до 1000 строк (в «Жимолости» 118 строк, в «Элидюке» 1184) – это подходящий размер для небольшой самодостаточной истории о любви или о чудесном происшествии. Но «Лэ о Лейтиан» далеко превосходит этот объем – поскольку вписана в контекст истории Арды, будучи лишь од-

ним из эпизодов ее сложной многовековой истории. В существующем виде поэма насчитывает 4223 строк (неизвестно, сколько их было бы, если бы автор закончил поэму) и состоит из 14 глав или Песней (*Cantos*).

Бретонские лэ отличает простота структуры; небольшое число задействованных персонажей не допускает отступления от основной сюжетной линии. «Лэ о Лейтиан», напротив, представляет собою многомерное, многоплановое повествование, изобилующее отсылками на ключевые моменты прошлого и будущего. Большинство Песней начинаются с ретроспективных отступлений – причем события прошлого непосредственно перекликаются с событиями настоящего, о которых пойдет речь в данной Песни; история повторяется, каждый раз на новом уровне, и «флэшбеки» служат своего рода связью между прошлым и настоящим.

Так, третья Песнь, посвященная одному из ключевых эпизодов легенды, встрече смертного Берена и эльфийской девы Лутиэн, предваряется рассказом о столь же судьбоносной встрече майа Мелиан и Эльвэ Тингола в лесной чаще; а читатель мысленно встраивает в эту последовательность еще и событие будущего, описанное во «Властелине Колец» – встречу Арвен из рода Лутиэн и Арагорна.

Шестая Песнь предваряется рассказом о похищении Морготом Сильмарилей и клятве сынов Феанора, а также рассказом о Битве Внезапного Пламени и том, как эльфийский король Финрод поклялся в дружбе вождю Барахиру, пришедшему ему на помощь; основным содержанием Песни становится противостояние двух клятв с приходом Берена в Нарготронд: настоящее эхом повторяет прошлое, так же, как Келегорм и Куруфин повторяют когда-то произнесенные роковые слова.

Двенадцатая Песнь начинается с рассказа о поединке Финголфина и Моргота у врат Ангбанда: одинокий воин бросает вызов могущественному врагу; столь же отчаянным и безнадежным представляется намерение Берена и Лутиэн дать Морготу бой в его подземной крепости.

Повествование развивается в двух планах, в плане прошлого и в плане настоящего, и вся история Древних Дней оказывается вплетена в легенду о Берене и Лутиэн, как на уровне отдельных эпизодов, так и на уровне единичных отсылок и упоминаний (так, в «удлиняющем заклинании» Лутиэн упомянута цепь Ангайнор, которую скуют для Моргота в далеком будущем).

Бретонские лэ основаны на кодексе куртуазной любви: квест героев обусловлен любовью; в том, чтобы свершить невозможное, ничего судьбоносного нет, влюбленные стремятся лишь к тому, чтобы преодолеть преграды и воссоединиться. «Лэ о Лейтиан» – тоже история любви, но при этом старая форма наполняется новым содержанием. Квест уже не замкнут в пределах любовного мирка и эмоционального бытия героев; через свою любовь герои становятся носителями судьбы, не они выбирают подвиг – подвиг выбирает их, как было предсказано и предрешено задолго до них. Если в бретонских лэ квест – единственная возможность для влюбленных обрести друг друга, то главные герои «Лэ о Лейтиан» пришли в мир и полюбили друг друга именно для того, чтобы исполнить судьбоносный квест. Акцент смещается с индивидуального на универсальное, ведь в Сильмарилях заключены «судьбы Арды, земля, вода и воздух» – («Сильмариллион», стр. 87). Истинная тема «Лэ о Лейтиан» – это извечная борьба между Добром и Злом, противостояние Верности и Предательства, Смерть и Бессмертие, «загадка любви к миру, владею-

щей сердцами расы, "обреченной" покинуть его и, по всей видимости, утратить; тоска, владеющая сердцами расы, "обреченной" не покидать мир, пока не завершится его подстегиваемая элом история» («Письма», № 186); то, что Толкин писал о романе «Властелин Колец», в полной мере приложимо и к поэме. Тем самым, по широте охвата, по усложненности структуры и проблематики, по масштабности, «Лэ о Лейтиан» далеко превосходит исходный жанр бретонских лэ – лирического или лиро-эпического стихотворного повествования, и обретает дополнительные характеристики иного жанра – жесты или шансон де жест – эпической «песни о деяниях». Недаром сам Толкин объединил два этих жанра в заголовке одной из рукописей: «Жеста о Берене, сыне Барахира, и фее Лутиэн, прозванной Соловьем Тинувиэлью, или Лэ о Лейтиан, Избавлении от Оков». Мы вправе сказать, что «Лэ о Лейтиан» – это бретонское лэ, перенесенное в иной контекст, это уже не лэ в чистом виде, но своеобразный сплав двух жанров, лэ и жесты, это, вероятно, – эльфийский вариант лэ.

О концепции перевода «Лэ о Лейтиан»: ключевые принципы

При работе с литературным памятником такого масштаба и такой значимости неизбежно встает необходимость обосновать концепцию перевода. Наиболее адекватным для данного типа текста представляется филологический перевод – перевод, подразумевающий тщательный подбор языковых средств, соответствующих особенностям оригинала в целях сохранения стилистики повествования и недопущения малейших смысловых сдвигов. Однако мы имеем дело с произведением, настолько насыщенным смысловой информацией (фактуальной и концептуальной) и эстетической информацией, что на протяжении всей работы с текстом приходится постоянно балансировать между информативной и эстетической составляющей. Красоту первоисточника необходимо попытаться передать в переводе; прекрасные стихи должны звучать как стихи (что исключает дословность); между тем, поэма – ценнейший источник информации, которую необходимо сохранить в полном объеме (что требует определенного буквализма и дословности). Однозначных и универсальных решений быть не может: в каждом отдельном случае применительно к каждой отдельно взятой переводческой проблеме решение принимается заново. Тем не менее, необходимо сказать несколько слов о принципах и правилах, которыми мы руководствовались в ходе работы.

Проблемы соблюдения формы

Размер и форма «Лэ о Лейтиан» в точности соответствует бретонским лэ – поэма написана парнорифмованными двустишиями, четырехстопным ямбом, или ямбическим тетраметром. Традиционные восьмисложные парнорифмованные двустишия эпической традиции – «одна из самых сложных форм, если хочешь избежать монотонной распевности в очень длинной поэме» (см. здесь же стр. 1), – написал Толкину некий оставшийся неизвестным критик около 1948 года, отмечая, что автор блестяще справился с задачей. Соблюдение исходной формы – четырехстопный ямб, парнорифмованные двустишия, – представляется обязательным и в переводе.

Однако в самом оригинале «Лэ о Лейтиан» встречаются отступления от основной формы. Не следует забывать о том, что тексты, представленные в III томе серии – это черновики, при жизни автора не издаваемые; если бы Толкин подготовил их к публикации, с вероятностью, они были бы отредактированы заново. Тем самым, всякий раз приходится принимать решение, является ли данное отступление частью авторского замысла и, следовательно, подлежит ли сохранению. Недочетами / дефектами черновика, необязательными для воспроизведения (некоторые из них К. Толкин объясняет в примечаниях), мы сочли:

Неточные рифмы:

and the white light silent looked within the waiting portals yawning dim (978–979)

Wolves should come and slow devour them one by one (2222–2223)

Три рифмующиеся строки подряд:

revealing, uncovering, betraying. Then sudden Felagund there swaying sang in answer a song of staying (2175–2177)

Повтор слова на рифме:

profound and fathomless and dark as Lúthien's shadowy hair was dark (1504–1505)

Пропуск рифмы:

His voice such love and longing filled one moment stood she, fear was stilled; one moment only; like a flame he leaped towards her as she stayed and caught and kissed that elfin maid. (741–745)

Повтор рифм на четырех строках:

upheld an hundred umbels fair; and her white arms and shoulders bare her raiment pale, and in her hair the wild white roses glimmering there (623–626)

Сбой в хорей:

There in the dark they wrestled slow, remorseless, snarling, to and fro, teeth in flesh, gripe on throat, fingers locked in shaggy coat, spurning Beren who there lying heard the werewolf gasping, dying. (2620–2625)

В традиционных бретонских лэ используются главным образом односложные мужские рифмы; в «Лэ о Лейтиан» мужские рифмы преобладают, однако изредка встречаются двусложные женские (growing – flowing, lying – dying, beginning – spinning); мы предпочитаем по возможности их не сохранять, поскольку ритми-

ческий рисунок они не улучшают.

Частью авторского замысла (подлежащей сохранению) мы считаем:

Намеренные смысловые повторы отдельных фраз и целых фрагментов, создающие своеобразную перекличку:

'Darkly the sundering flood rolls past! To this my long way comes at last – a hunger and a loneliness,

enchanted waters pitiless.' (649-652, Берен - оплакивая исчезновение Лутиэн.)

'Endless roll the waters past! To this my love hath come at last, enchanted waters pitiless, a heartache and a loneliness.'

(1220–1223, Лутиэн – горюя в разлуке с Береном.)

...Dark the shore of Esgalduin the deep and strong! Why there alone forsaking song by endless waters rolling past must I then hopeless sit at last, and gaze at waters pitiless in heartache and in loneliness?'

«Нем разлучающий поток! Так вот путей моих итог -Скорбеть во тьме, взывать с тоской Над зачарованной рекой!»

«Темна вода и быстр поток! Так вот любви моей итог: Над зачарованной рекой Изныв душой, взывать с тоской».

Эсгалдуин темен и глубок -Там, где, бурля, шумит поток, Ужели буду я одна, Навек надежды лишена,

Скорбеть душой, взывать с тоской

Над равнодушною рекой?»

(2947-2953, Лутиэн - в преддверии новой разлуки.)

Изменение размера и формы в эпизоде «состязания на загадках»:

'Where have ye been? What have ye seen?' «Где вы бывали? Что вы видали?» 'In Elfinesse; and tears and distress, the fire blowing and the blood flowing, these have we seen, there have we been. (2100-2105)

«В эльфийских краях, там горе и страх, Край выжжен дотла, кровь льется, ала; Там мы бывали, вот что видали.

Сбой схемы рифмовки с парнорифмованной на кольцевую:

Farewell, Tinúviel, starlit maiden! Ere the pale winter pass snowladen, I will return, not thee to buy with any jewel in Elfinesse, but to find my love in loveliness, a flower that grows beneath the sky.' (1170-1175)

...Я на исходе зимних дней Вернусь – но не ценой камней Какими славен Эльфинесс Тебя купить – нет, чтоб снискать В любви – красу и благодать, Цветок под куполом небес».

Проблема эквилинеарности

Рассматривая трудности поэтического перевода с английского языка на русский, неизбежно приходится сталкиваться с тем, что русский язык заметно «длиннословнее» английского. Целый ряд частотных ключевых слов поэмы при беглом сравнении оказывается в два и более раза длиннее соответствующих русских эквивалентов: king = король (2 слога), maid = дева (2 слога), bat = летучая мышь(два слова, 5 слогов), star = звезда (2 слога), moth = мотылек, бабочка (3 слога).

В англо-русских переводах неизбежный прирост объема переводимого текста («припёк») в зависимости от жанра может достигать 25% и более; в целом десятипроцентное увеличение считается вполне допустимым.

В поэтическом переводе, несомненно, соблюдение эквилинеарности в произведениях со сложной строфикой является обязательным. Но в данном случае – когда мы имеем дело с пространной эпической поэмой, написанной восьмисложными парнорифмованными двустишиями, где увеличение количества строк никак не сказывается на форме, – следует учитывать еще и то, что «Лэ о Лейтиан» – ценнейший кладезь информации о мире Арды. Из «Лэ о Лейтиан» мы узнаем множество деталей и подробностей, не представленных нигде более: что у Финголфина был серебряный рог и зеленая перевязь, а у Берена – кольчуга ногродской работы и меч Дагмор; что спутники Тавроса одеты в зеленое, а в Валиноре жили разные породы псов; поэма изобилует разнообразными сведениями географического, культурологического и просто любопытного свойства.

Учитывая важность сохранения полного объема смысловой (фактуальной и концептуальной) и эстетической информации, пожертвовать эквилинеарностью представляется наименьшим злом. Догматичное соблюдение эквилинеарности загоняет переводчика в прокрустово ложе: либо теряется значительная часть ценных сведений, либо при попытке вместить их в ограниченное количество строк неизбежно страдает литературность и возникают искусственные, неуклюжие, антилитературные фразы и обороты. Данный перевод принципиально не является эквилинеарным, при определенном ограничении: допустимым считается прирост количества строк в 25% (большее количество добавочных строк неминуемо порождает неприемлемую отсебятину).

Проблема передачи имен и названий

В основе мифологического мира Толкина лежит сложная, непрестанно эволюционирующая система эльфийских языков; как утверждал сам автор в письме к У. Х. Одену, сами предания для него вторичны по отношению к лингвистической составляющей: «языки и имена для меня от сюжета неотделимы. Они являются и являлись, так сказать, попыткой создать фон или мир, в котором могли бы найти выражение мои лингвистические вкусы. Истории возникли сравнительно поздно» («Письма», № 163). Самоочевидно, что адекватный перевод поэмы возможен только при вдумчивом и бережном отношении к лингвистической составляющей толкиновского мира: любая русификация имен и названий, заимствованных из эльфийских языков, в духе «Всеславура» представляется недопустимой. Передаче ономастики уделялось особое внимание; тем более, что корректная постановка ударения и особенности произношения играют крайне важную роль в поэтическом тексте.

Согласно правилам постановки ударения в эльфийских именах и названиях, изложенных Дж. Р. Р. Толкином в «Приложении Е» к «Властелину Колец», ударение в эльфийских языках квенья и синдарин падает на второй от конца слог в двусложных словах (Нарог, Финрод). В словах с большим количеством слогов ударение падает на второй от конца слог, если этот слог содержит в себе долгий гласный звук, дифтонг или гласный звук, за которым следует два или более со-

гласных (*Калакирья, Куивиэнен*, Финголфин). В противном случае ударение падает на предыдущий, третий от конца слог (*Мелиан, Лутиэн*, Феанор). В «Указателе» в конце книги для удобства читателя в эльфийских именах и названиях жирным шрифтом проставлены ударения.

Отдельного уточнения заслуживает название *Нарготронд*. Согласно вышеизложенному правилу, в данном случае ударение должно падать на второй от конца слог, поскольку он содержит в себе гласный звук, за которым следует два или более согласных (*Нарготронд*). Однако на протяжении всей поэмы сам автор последовательно ставит ударение на первый слог (*Нарготронд*) – в противном случае нарушалась бы ямбическая метрика стиха:

Thus Felagund in Nargothrond (VI. 1712) the Gnomes of Nargothrond renowned (VI. 1744) before the gates of Nargothrond (VI. 1766) singing afar in Nargothrond (VII. 2190)

В переводе мы сохраняем авторскую постановку ударения.

Необходимо также пояснить и тот случай, когда в оригинале имена оказываются на рифме:

those dreadful shapes, in hatred both, false Draugluin and Carcharoth (3806–3807) friends thou hast found,' said Celegorm, and gazed upon her elvish form. (2410–2411) For fairer than are born to Men A daughter hast thou, Lúthien. (1054–1055) No evil needst thou think or fear Of Beren son of Barahir! (944–945)

и т.д.

В данном случае вышеизложенное правило постановки ударений не нарушается: в английском языке имеет место основное (главное) ударение на первом слоге, и вторичное – на последнем: C'archar,oth, C'eleg.orm, L'uthi,en, B'arah,ir и т.д. Тем самым имена произносятся правильно, и в придачу создается красивый фонетический эффект – своеобразный отзвук в конце слова. Мы сочли возможным и в переводе использовать такие имена на рифме с тем же эффектом.

Между тем, нельзя не отметить, что в двух случаях в основном «Лэ» и достаточно часто в возобновленном «Лэ» на рифме оказываются двусложные имена, где вторичное ударение невозможно:

and last and longest named she then the endless hair of Uinen (1498–1499) but sullen murmured that Finrod nor yet his son were as a god. (1896–1897)

В основном «Лэ» постановку двусложных имен на рифме мы не воспроизводим, посчитав недочетом черновика; в возобновленном «Лэ», учитывая ее частотность, эта особенность оригинала сохранена.

«Песни» и аллитерационная система стихосложения

Прочие поэмы, включенные в сборник – «Песнь о падении Гондолина», написанная парнорифмованными двустишиями семистопным ямбом, и аллитерационные «Песнь об Эаренделе», «Бегство нолдоли» и «Песнь о детях Хурина» жанру лэ не соответствуют. Последние три произведения принадлежат к совсем иной поэтической традиции: они написаны в рамках аллитерационной системы стихосложения, непривычной для восприятия современного читателя, привыкшего к силлабо-тонике. Аллитерационный стих широко представлен в сохранившихся древнеисландских, древнеанглийских, древненижненемецких и древневерхненемецких текстах. Возникает необходимость сказать несколько слов и о нем и предварить перевод небольшим разъяснением переводческой концепции, использованной в данном издании.

Современный читатель воспринимает аллитерацию как особый фонетический прием, повторение одинаковых или однородных согласных в стихотворении, придающее ему особую звуковую выразительность. Однако в древнегерманской поэзии аллитерация служила не украшением, а функциональным инструментом, связывающим строку в единое целое. Ее роль была близка той роли, которую в современной рифмованной поэзии играет рифма: соединение единиц стихосложения – строк или полустиший.

Каждая строка древнеанглийского аллитерационного стиха делилась на две так называемые краткие строки, разделенные паузой или цезурой и связанные повторением начальных звуков в ударных словах. В каждой краткой строке имелось по два сильных ударения, между которыми различным образом распределялись безударные слоги. Каждая краткая строка представляла собою образчик или вариацию одной из шести основных схем (их Дж. Р. Р. Толкин описал в своем эссе «О переводе "Беовульфа"» *). Сильные места в строке назывались ее вершинами (англ. *lifts*); слабые места назывались спадами (англ. *dips*). Традиционная вершина представляла собою долгий ударный слог, обычно с повышением тона; традиционный спад представлял собою безударный слог, долгий или краткий, с понижением тона.

В отношении такой метрической формы аллитерацию можно определить как согласованное созвучие начальных согласных либо гласных (любых: все гласные считаются аллитерирующими между собой) в сильноударных слогах долгой строки. Таким образом, основная метрическая функция аллитерации состоит в том, чтобы связать воедино две отдельных и сбалансированных кратких строки в завершенную долгую строку. Организацией строки заведует ряд правил: 1) не менее одной вершины в каждой краткой строке должны аллитерировать; 2) во второй краткой строке аллитерировать обязательно должна первая вершина; вторая обычно в аллитерацию не включается; 3) в первой краткой строке аллитерировать могут обе вершины. К этому следует добавить, что четыре аллитерирующие вершины подряд тоже возможны (они встречаются нечасто, но примеры есть и в

^{*} Подробнее см.: *Толкин Дж. Р. Р.* О переводе «Беовульфа» // Чудовища и критики, и другие статьи / Под ред. К. Толкина. М.: АСТ: Хранитель, 2008. С. 87–101.

древнеанглийской, и в среднеанглийской поэзии, так что четыре аллитерирующие вершины подряд допускались и в переводе).

В качестве примера можно привести отрывок из древнеанглийского гимна, который, как считается, впервые явил Дж. Р. Р. Толкину образ мифического мира, впоследствии описанного им в своих произведениях:

Ëala Ëarendel, engla beorhtast ofer middangeard monnum sended... («Христос», 104–105)

В Англии аллитерационный стих в чистой, первозданной его форме вымирает вскоре после Нормандского Завоевания 1066 года; однако ему суждено было воскреснуть в «свободном» аллитерирующем стихе Аллитерационного Возрождения середины XIV века. Эти же самые модели, как древнеанглийские, так и более свободные среднеанглийские, Дж. Р. Р. Толкин возрождает и использует с помощью средств современного английского языка: примером тому служит «Возвращение Беорхтнота, сына Беорхтельма», отдельные стихотворные фрагменты во «Властелине Колец», «Новая Песнь о Вёльсунгах» и «Новая Песнь о Гудрун», «Гибель Артура» и поэмы, включенные в настоящий сборник, в первую очередь «Песнь о детях Хурина».

В том, что касается перевода аллитерационного стиха на русский язык, единого свода правил не существует. В германских языках ударение падает на корневую морфему, и она же обычно стоит в начале слова: она и является «вершиной», сильным местом краткой строки; именно в ее начале и содержится повторяющийся, «аллитерирующий» звук. В русском языке ударение к корневой морфеме не привязано; тем самым, если буквально воспроизводить модели древнеанглийской поэзии, аллитерирующий предударный звук может оказаться и далеко от начала слова, и даже не на корневой морфеме. В. Тихомиров, «первопроходец» и один из самых авторитетных переводчиков аллитерационной поэзии, на материале малых памятников прибег к точному, буквальному соблюдению аллитерационных схем – аллитерируют предударные согласные:

Мы со Скиллингом возгласили голосами чистыми Зычно перед хозяином песносказание наше...
Платье мое безгласно, пока я по земле ступаю, пока я тревожу воды, пребываю в селеньях...*

Однако на куда более обширном материале эпической поэмы «Беовульф» тот же переводчик стремится скорее воспроизвести звуковой эффект оригинала, нежели соблюсти схемы, в результате чего аллитерирующие звуки повторяются вне строгой последовательности, зато на совпадении начальных согласных; причем общее впечатление кажется более привычным и естественным для русского слуха:

Истинно! исстари слово мы слышим О доблести данов, о конунгах датских... Дань доставить достойному власти... И молчат, запечатав печали в сердце...*

^{*} Древнеанглийская поэзия / Пер. В. Тихомирова, ред. О. Смирницкой. М., Наука, 1982.

Однозначного ответа на вопрос «как же правильно?», скорее всего, нет и быть не может: аллитерационный стих не является органической частью русскоязычной поэзии, и желаемого эффекта оригинала возможно добиваться разнообразными средствами, по одному или в комплексе. Что лучше воспринимается на слух русскоязычного читателя: совпадение начального согласного ударного слога – или совпадение начальных согласных слова, независимо от ударения? То есть:

Задумал он недоброе

или:

Замыслил он злое?

Бегством из битвы себя запятнали

или:

<u>Б</u>ежали <u>б</u>есславно с <u>б</u>ранного поля?

В настоящем переводе приоритет отдан совпадению начальных согласных (статистически доказано, что первый звук слова в четыре раза заметнее остальных): опыт подтверждает, что в большинстве случаев такая аллитерация «слышнее»:

Гул голосов, гомон и смех... Где **б**лагие **б**оги **б**дят над миром...

Однако в ряде случаев «срабатывает» и совпадение начального согласного ударного слога:

Хвала неслась к королю Дориата... Сраженьям жарким на рубежах дальних...

Или используется сочетание того и другого:

Голоса, гаснущие в угодьях ночи... Скалясь свирепо, расселись волки... Вином, выжатым на выжженном Юге...

О преемственности в серийном оформлении

Первые два тома серии «История Средиземья» – «Утраченные сказания» І и ІІ стоят особняком: это ранние тексты, радикально отличные от последующих в том, что касается ономастики, стилистики и общей концепции мифологии. Предполагалось, что они должны восприниматься как нечто отдельное и самодостаточное, в частности, благодаря отчетливому налету экзотичности в написании имен, ряду переводческих решений и своеобразной редакторское политике. Ниже оговаривается редакторская политика третьего и последующих томов серии.

О принципах серийного оформления

В серии «История Средиземья» предполагается соблюдение постраничного соответствия оригиналам, что существенно упрощает работу со ссылками на английские публикации, в изобилии встречающимися в последующих томах серии,

^{*} Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: Художественная литература, 1974.

а также в статьях и монографиях, посвященных творчеству Дж. Р. Р. Толкина, как художественному, так и научному. В первых томах («Утраченные сказания» І и ІІ) пагинация английского издания сохранена. Однако в случае третьего, «стихотворного» тома возникает определенная сложность.

Закладывая традицию подачи стихотворных текстов для последующих изданий данной серии, мы приводим поэтические фрагменты в билингвальном варианте, желая дать читателю возможность в полной мере оценить не только качество стихотворного перевода, максимально приближенного к подлиннику, но и фонетическую структуру и ритмику, и само неповторимое звучание оригинала. Это неизбежно увеличивает количество страниц. Для того, чтобы соблюсти пагинацию первоиздания («George Allen & Unwin», 1985), мы обозначаем постраничную разбивку оригинала указанием на полях. В оглавлении даются отсылки и на фактическую, и (в скобках, курсивом) на оригинальную нумерацию – напр. 86 (56). Внутритекстовые ссылки, а также ссылки в Указателе, даются на оригинальную нумерацию страниц.

В точности соблюдена структура английского издания (в частности, постраничные сноски) и сохранен его справочный аппарат. Комментарии переводчиков, не являющиеся частью исходного текста, вынесены в отдельный раздел в конце книги. В примечаниях переводчиков отсылки даются на оригинальную нумерацию страниц. Примечания, написанные редактором книги, не маркированы никак; в иных случаях указывается фамилия автора примечаний («Прим. М. Артамоновой»).

Везде при билингвальной подаче художественного текста (поэтический перевод) русский вариант следует первым (слева), английский оригинал – вторым (справа). В Примечаниях и Комментариях также содержатся переработанные фрагменты больших поэм, оформленные как отдельные стихотворения («Легка, как лист на липовой ветке», «Зима приходит в Нарготронд» и т.д.). Независимо от раздела подобные фрагменты рассматриваются как самостоятельные произведения и оформлены соответствующем образом. В иных случаях в разделе «Примечания» первым (слева) приводится комментируемый текст стихотворных отрывков, вторым (справа) дословный подстрочный перевод. В разделе «Комментарии» стихотворные цитаты также сознательно приводятся в дословном подстрочном переводе (как правило, без текста оригинала), поскольку в контексте комментариев К. Толкина задействована фактологическая, а не эстетическая, информация и важна именно дословность формулировок.

Все переводческие вставки (привнесенная латиница, пометки переводчиков) заключены в косые квадратные скобки. Прямые квадратные скобки оставлены без изменений, в частности, особый авторский знак «одиночная правая квадратная скобка», как, например, в: «noontide [зенит]] summer [лето]» (стр. 133 (81)), где скобка перед «summer» является авторской.

В «Указателе имен и названий» после каждого слова дается в скобках написание латиницей (как в оригинале) для упрощения соотнесения ономастики оригинала и перевода. Ударения в эльфийских именах и названиях проставлены посредством выделения ударного гласного жирным шрифтом, в соответствии с правилами, сформулированными Дж. Р. Р. Толкином в «Приложении Е» к «Властелину Колец»

(см. выше). Ударения в именах и названиях, заимствованных из других языков, не проставлены: в текстах Дж. Р. Р. Толкина не содержится никаких указаний на этот счет. В случае, если в стихотворных текстах одно и то же понятие передается несколькими способами, приводятся основные варианты, в придачу к дословному переводу (как, например, варианты Охотник/Ловчий/Следопыт для the Huntsman, the Hunter применительно к Белегу).

Общий корпус ссылок

Цитаты из «Утраченных сказаний» (части I и II) и «Неоконченных преданий» приводятся по изданиям:

Толкин Дж. Р. Р. История Средиземья: том I: Книга утраченных сказаний: часть I. M: ACT, 2018.

Толкин Дж. Р. Р. История Средиземья: том II: Книга утраченных сказаний: часть II. М: АСТ, 2018.

Толкин Дж. Р. Р. Неоконченные предания Нуменора и Средиземья. М: АСТ, 2017. В тех случаях, когда соответствующие фрагменты из вышеуказанных публикаций содержат в себе ошибки либо радикально противоречат переводческой концепции данного издания, перевод цитаты исправляется по умолчанию.

Цитаты из «Биографии» Х. Карпентера приводятся по русскоязычному изданию: *Карпентер Х.* Джон Р. Р. Толкин. Биография / Пер. А. Хромовой. М: Эксмо-пресс, 2002.

Цитаты из «Писем» Дж. Р. Р. Толкина приводятся по русскоязычному изданию: *Толкин Дж. Р. Р.* Письма / Под ред. Х. Карпентера при содействии К. Толкина; пер. С. Лихачевой. М: Эксмо, 2004.

Цитаты из «Хоббита» приводятся по русскоязычному изданию: *Толкин Дж. Р. Р.* Хоббит / Пер. В. Баканова , Е. Доброхотовой-Майковой. М.: АСТ, 2015.

Цитаты из «Сильмариллиона» приводятся по изданию:

Толкин Дж. Р. Р. Сильмариллион / Пер. С. Лихачевой. М: АСТ, 2015.

Цитаты из «Чудовищ и критиков» приводятся по изданию:

Толкин Дж. Р. Р. Чудовища и критики, и другие статьи / Под ред. К. Толкина. М.: ACT: Хранитель, 2008.

Ссылки на текст оригинала «Властелина Колец» даются на издание: *Tolkien J. R. R.* The Lord of the Rings. One vol. edition. Paperback. Mariner Books: 2005. (J. R. R. Tolkien 50th Anniversary).

Транслитерация имен и названий

И в заключение – краткое объяснение переводческой концепции передачи имен и названий. Транслитерация имен собственных, заимствованных из эльфийских языков, последовательно осуществляется в соответствии с правилами чтения, сформулированными Дж. Р. Р. Толкином в «Приложении Е» к «Властелину Колец» и перенесенными на русскую орфографию. Оговорим лишь несколько наименее самоочевидных подробностей. Так, в частности:

F читается как $[\phi]$, кроме как на конце слов, где обозначает звук $[\mathfrak{b}]$. Отсюда – Оргов (*Orgof*).

L смягчается между e, i и согласным, а также после e, i на конце слова. Отсюда – Бельтиль (Belthil), но Улмо (Ulmo).

Th обозначает глухой звук [b], dh обозначает звонкий $[\eth]$. Эти фонемы не находят достаточно точных соответствий в русском языке и издавна следуют единой орфографической замене через «т» и «д». Мы передаем графическое th, dh через «т» и «д» соответственно. Например – Tuhron (Thingol), Marrow (Marrow).

В языке квенья ui, oi, ai, iu, eu, au – дифтонги (то есть, произносятся как один слог). Все прочие пары гласных (напр. $\ddot{e}a$, $\ddot{e}o$) – двусложные. В языке синдарин дифтонги – ae, ai, ei, oe, ui, au. Дифтонги ai, oi, ui, au, и синдарский ae в русском переводе передаются как «ай», «ой», «уи», «ау», «аэ»; например – nauкви (Laiqi), Ойолоссэ (Oiolossë), Фуилин (Fuilin). При чтении поэтических текстов важно помнить, что, в частности, в таких именах и названиях, как Эсгалдуин (Esgalduin), Гаурхот (Gaurhoth), Таурна-Фуин (Taur-na-Fuin), yu/ay прочитывается как один слог: «уй» / «ав» ([១сгалдуйн], [2aврхот], [maвр-на-фуйн]). Прецедент взят из академических изданий переводов с языков, где присутствуют дифтонги, в которых первый элемент является слоговым, а второй – нет.

E обозначает звук, по описанию Толкина примерно соответствующий тому же, что в английском слове *were*, то есть не имеющий абсолютно точного соответствия в русском языке. Попытки использовать букву «э» там, где в оригинале имеется звук [e] после твердого согласного, то есть практически везде, представляются неправомерными. Звук [ə] русского языка, при том, что он, строго говоря, и не соответствует стопроцентно исходному, будучи передаваем через букву «э», создает комичный эффект имитации «восточного» акцента. Та же самая цель (отсутствие смягчения предшествующего согласного) легко достигается методами, для русского языка куда более гармоничными: в словах, воспринимающихся как заимствования, согласный естественным образом не смягчается и перед «е» (так, в слове эссе предпоследний согласный звук однозначно твердый).

В системе транслитерации, принятой для данного издания, в именах и названиях, заимствованных из эльфийских языков, буква «э» используется:

- на конце имен собственных, заимствованных из эльфийских языков (тем самым позволяя отличить эльфийские имена от древнеанглийских): Финвэ (Finwë), но Эльфвине (Aelfwine).
- в начале слова и в дифтонгах (во избежание возникновения йотирования): Галадриэль (Galadriel), Эриол (Eriol).
- на стыке двух корней: например, Арэдель (Aredhel), лайквэльдар (Laiqeldar).

В большинстве же случаев для передачи пресловутого гласного звука используется буква «е»: например, *Берен* (*Beren*), *Белерианд* (*Beleriand*), *Нуменор* (*Númenor*).

Буква y в словах, заимствованных из синдарского и номского языков, обозначает звук, в русском языке передающийся буквой «ю»: например, Aннон-ин- Γ елюд (Annon-in-Gelydh). Помимо соблюдения фонетического соответствия, это позволяет еще и передать разнообразие используемых Толкином вариантов написания: Эрюдломин (Erydlomin), но Эредломин (Eredlomin). Этот же звук присутствует в имени Ylmir $(\Phi$ opма имени Yлмо (Ulmo) на языке номов); однако, в рамках тра-

диции, сложившейся в русском языке, в начале слова звук транслитерируется как «и» (Инглинги (Ynglingas); отсюда – Ильмир.

Слово *Gnomes*, используемое Толкином для обозначения эльфов-нолдор в ранних текстах и фигурирующее даже в первых изданиях «Хоббита» (автор окончательно отказался от него лишь на стадии «Властелина Колец»), в данном издании передается транскрипционно как *ном* (в том числе и во избежание ненужных ассоциаций с персонажами германского фольклора). В черновом варианте заключительного абзаца «Приложения F» к «Властелину Колец» Толкин писал: «Я порою (не в этой книге) использовал слово "номы" (*Gnomes*) для обозначения нолдор и "язык номов" вместо нолдорин. Поскольку, что бы уж там ни думал про себя Парацельс (если, конечно, он и впрямь изобрел это название), для некоторых слово "ном" (*Gnome*) по-прежнему ассоциируется со знанием. Название этого народа на Высоком эльфийском языке, "нолдор", означает "Те, кто Знает", ибо среди трех родов эльдар нолдор с самого начала отличались как знанием всего того, что было и есть в мире, так и стремлением узнать больше» («Утраченные сказания» I, стр. 43–44).

Архивные материалы, собранные в III томе серии «История Средиземья», впервые были опубликованы в Великобритании издательством «Allen & Unwin» в 1985 году. С тех пор «Песни Белерианда» были переведены только на три языка: испанский, французский и венгерский:

Las baladas de Beleriand. Trad. Ramón Ibero. Barcelona: Minotauro, 1997.

Les Lais du Beleriand. Trad. par Elen Riot (poèmes) et Daniel Lauzon (commentaire et notes) sous la direction de Vincent Ferré. Paris: Christian Bourgois Éditeur, 2006. Beleriand dalai; ford. Nagy Andrea, Ábrahám Zsófia, Bonácz Ágnes; Helikon, Bp., 2018.

С гордостью отмечаем, что теперь этот список пополнится четвертым переводом – на русский язык.

Переводчик выражает глубокую благодарность М. Артамоновой за профессиональные консультации и бесценную помощь в переводе аллитерационных поэм; А. Хромовой, при участии которой выполнен перевод Пролога к «Песни о детях Хурина»; К. Скалл за разъяснения ряда спорных моментов; С. Белякову за неустанное содействие в вычитке готового текста; К. Пирожкову – за причастность к вычитке, И. Хазанову за неизменную поддержку и содействие в течение всех лет работы над данным изданием; и Н. Семеновой за бесконечное терпение в работе над сложнейшей версткой.

На фронтисписе Феаноровым алфавитом (тенгвар) написано (сверху): In the first part of this Book is given the Lay of the Children of Húrin by John Ronald Reuel Tolkien, in which is set [B] первой части этой Книги приводится Песнь о Детях Хурина авторства Джона Рональда Руэла Толкина, в которой излагается[B]; (снизу) forth in part the Tale of Túrin. In the second part is the Lay of Leithian, which is the quest of Beren and Lúthien as far as the encounter of Beren with Carcharoth at the gate of Angband [B] частично Сказание о Турине. Во второй части содержится [B] о Лейтиан, про поход Берена и Лутиэн, вплоть до столкновения Берена с Кархаротом у врат Ангбанда[B].

ПРЕДИСЛОВИЕ

В третью часть «Истории Средиземья» вошли два крупных стихотворных произведения Дж. Р. Р. Толкина, посвященные легендам Древних Дней: «Песнь о детях Хурина», написанная аллитерационным стихом, и «Лэ о Лейтиан», написанное восьмисложными парнорифмованными двустишиями. Аллитерационная поэма создавалась в то время, как мой отец преподавал в Лидском университете (1920–1925); к концу этого срока отец оставил поэму, принявшись за «Лэ о Лейтиан», и более к ней уже не возвращался. Ни в сохранившихся письмах, ни в каких-либо записях я не нашел никаких упоминаний о ней (если не считать нескольких слов, процитированных на стр. 3), и не припоминаю, чтобы отец когда-либо ссылался на нее в разговоре. Однако эта поэма, - в ней насчитывается более 2000 строк и, тем не менее, она является лишь небольшим фрагментом некогда задуманного произведения, представляет собою наиболее весомое воплощение неиссякаемой любви автора к выразительности и богатству звучания, достигаемого посредством древнеанглийского стиха. Она знаменует также важную стадию в эволюции Цикла Древних Дней и содержит отрывки, проливающие свет на представления автора о Белерианде; так, например, именно в этой поэме Нарготронд из примитивных пещер родотлим в «Утраченных сказаниях» превращается в могучую цитадель, и лишь здесь содержится описание Нарготронда. Поэма существует в двух вариантах, причем второй из них представляет собою расширенную переработку первой версии и обрывается на гораздо более ранней стадии развития событий; оба текста приводятся в настоящем издании.

Над «Лэ о Лейтиан» мой отец работал в течение шести лет и в свою очередь оставил поэму в сентябре 1931 года. В 1929 году поэму прочел К. С. Льюис – в том виде, в каком она существовала на тот момент, – и послал автору остроумнейшие комментарии по поводу части текста; я благодарю С. S. Lewis PTE Limited за разрешение включить этот материал в книгу.

В 1937 году мой отец упомянул в одном из писем, что, «невзирая на отдельные удачные куски», в «Лэ о Лейтиан» «полно серьезных недостатков» (см. стр. 366). Спустя лет десять или более отец получил подробный и на удивление откровенный критический разбор поэмы от кого-то, кто хорошо знал его стихи и восхищался ими. Мне доподлинно не известно, кто это был. Выбрав «традиционные парнорифмованные восьмисложники стихотворного рыцарского романа», – писал этот человек, – мой отец выбрал одну из самых сложных форм, «если пытаешься избежать монотонной распевности в очень длинной поэме. Я то и дело изумляюсь, насколько успешно вы справляетесь с задачей, однако успех этот не всегда постоянен». Его суровая критика поэтического стиля «Лэ» касалась в том числе и архаизмов настоль-

ко архаичных, что они нуждались в отдельном пояснении, неправильного порядка слов, использования эмфатических doth и did [1] там, где эмфаза отсутствует, и языка, порою невыразительного и шаблонного (по контрасту с фрагментами «роскошных описаний»). Не осталось никаких свидетельств о том, как именно отец воспринял этот критический разбор (написанный уже после завершения «Властелина Колец»), но он наверняка так или иначе связан с тем фактом, что в 1949 или 1950 годах отец вернулся к «Лэ о Лейтиан» и приступил к его переработке, в результате чего была в сущности создана новая поэма; и, при том, что продвинулась она не так уж и далеко, она столь значительно превосходит старую версию во всех тех аспектах, которые подвергались критике, что занимает одно из первых мест в длинном и печальном списке несостоявшихся творений Толкина. Новый вариант «Лэ» вошел в эту книгу; страница из беловой рукописи воспроизведена на фронтисписе

Главы обеих поэм перемежаются комментариями, основная цель которых – проследить эволюцию легенд и земель, послуживших для них декорациями.

[так в издании оригинала в твердой обложке].

Две страницы, воспроизведенные из «Песни о детях Хурина» (стр. 15 [в данном издании – стр. 22]), взяты из подлинной рукописи первого варианта, строки 297–317 и 318–333. Касательно различий между рукописью и печатным текстом см. стр. 4–5. Страница из «Лэ о Лейтиан», записанная эльфийским алфавитом (стр. 299 [в данном издании – стр. 390]), взята из версии «А» исходного «Лэ» (см. стр. 150–151): в тексте содержится ряд расхождений с вариантом «В», который и напечатан в книге. Эти страницы оригиналов воспроизведены с разрешения Бодлеанской библиотеки в Оксфорде; я благодарю сотрудников отдела Западных рукописей Бодлеанской библиотеки за неоценимую помощь.

Два первых тома этой серии (первая и вторая части «Книги утраченных сказаний») обозначены соответственно как I и II. В четвертый том войдет «Очерк мифологии» (1926), к которому восходит «традиция» «Сильмариллиона»; «Квента Нолдоринва», или «История нолдоли» (1930); первая карта северо-западных областей Средиземья; «Амбарканта» («Очертания мира») за авторством Румиля, вместе с единственными сохранившимися картами Мира в целом; самые ранние «Анналы Валинора» и «Анналы Белерианда», составленные Пенголодом Мудрым из Гондолина; и фрагменты переводов «Квенты» и «Анналов» с эльфийского на древнеанглийский, выполненных Эльфвине из Англии.

2

ПЕСНЬ О ДЕТЯХ ХУРИНА

Существует довольно объемная рукопись (28 страниц), озаглавленная «Очерк мифологии, имеющий непосредственное отношение к "Детям Хурина"»; этот «Очерк» – следующее после «Утраченных сказаний» законченное повествование в прозе (хотя сохранилось и несколько фрагментарных отрывков, созданных в течение промежутка времени между ними). Позже мой отец написал на конверте, в котором эта рукопись хранилась:

«Изначальный "Сильмариллион"». Вариант, изн[ачально] составленный ок. 1926–1930 гг. для Р. У. Рейнолдса как объяснение предыстории «аллитерационной версии» «Турина и Дракона»: на тот момент в работе (неокончена) (начата ок. 1918 г.)».

По всей видимости, сначала он написал «1921», а потом исправил дату на «1918». Р. У. Рейнолдс был одним из учителей моего отца в бирмингемской школе короля Эдуарда (см. Хамфри Карпентер, «Биография», стр. 78). В дневнике за август 1926 года мой отец упоминает, что «в конце прошлого года» снова получил весточку от Р. У. Рейнолдса, что они продолжили переписываться и что он послал Рейнолдсу многие свои стихи, включая «Тинувиэль» и «Турина» («"Тинувиэль" с некоторыми оговорками одобрена, она слишком многословна – но как я мог ее урезать; а посланный мной образчик "Турина" одобрения почти или совсем не встретил»). Это позволяет датировать «Очерк» как изначально написанный (впоследствии он был радикально переработан) в 1926 году, скорее всего – в самом начале года. По всей видимости, «Очерк», созданный как разъяснение предыстории «Турина» (аллитерационной поэмы), был отослан вместе с отрывком из такового на Анакапри, где на тот момент жил Рейнолдс, выйдя на пенсию.

Мой отец занял должность профессора древнеанглийского языка в Оксфорде в зимнем триместре (октябрь-декабрь) 1925 г., хотя на протяжении этого триместра вынужден был по-прежнему преподавать еще и в Лидсе, поскольку его контракты перекрывались. Нет никаких сомнений в том, что, во всяком случае, бо́льшая часть аллитерационной поэмы «Дети Хурина» (или «Турин») была завершена в Лидсе, и я практически уверен, что автор прекратил работу над ней до того, как переехал на юг: на самом деле, ничто, судя по всему, не противоречит естественному предположению, что мой отец оставил «Турина» ради «Тинувиэли» («Лэ о Лейтиан»), которую, согласно его дневнику, начал летом 1925 года (см. стр. 159 и примечания).

Дата начала работы над «Детьми Хурина» известна нам лишь из более позднего (и, вероятно, не вполне уверенного) утверждения отца о том, что поэма «была начата ок. 1918 г.». *Terminus a quo* [2] представлен страницей самой ран-

 $\overline{4}$

ней рукописи поэмы, написанной на карточке для Оксфордского словаря со штампом «май 1918». С другой стороны, имя *Мелиан*, появившееся уже почти в самом начале, указывает на то, что текст создавался позднее, чем машинописная версия «Сказания о Тинувиэли», в которой королеву звали *Гвенетлин*, а *Мелиан* она стала именоваться уже в процессе написания (II. 51); предшествовавшая машинописной рукописная версия этого Сказания сама по себе была, по-видимому, одним из последних законченных фрагментов в «Утраченных сказаниях» (см. I. 204).

Поэма «Дети Хурина» существует в двух версиях, которые я буду называть I и II, каждая из них представлена как рукописью, так и последующим машинописным вариантом (ΫА», I«В»; II«А», II«В»). Не думаю, что вторая версия существенно позднее первой; весьма возможно – более того, вполне в духе моего отца – что автор начал работу над вариантом II еще в процессе сочинения последних эпизодов I. Текст II фактически является расширенной версией текста I, многие строки и целые фрагменты в нем остались практически неизмененными. Пока мы не дошли до второй версии, достаточно будет просто ссылаться на «А» и «В» – рукопись и машинопись соответственно.

Рукопись А состоит из двух частей: первая (а) – пачка маленьких карточек, пронумерованных 1–32. Поэма здесь представлена в виде крайне неразборчивых черновых набросков со множеством вариантов и по меньшей мере в отдельных местах, с вероятностью, являет собою самую начальную стадию, то есть первые записи. Далее следует (b) стопка больших листов для экзаменационных работ из Лидского университета, пронумерованных от 33 и дальше, где поэма по большей части записана в более законченной форме – на второй стадии создания; но отец использовал сквозную нумерацию строк в (а) – с 1 до 528 включительно, и в (b) – строки от 528 и далее. Таким образом, мы получаем один текст, а не два, частично перекрывающие друг друга; и если содержание карточек (а) когда-либо раньше записывалось на листах (b), то эта часть не сохранилась. В части (b) наличествует большое количество поздней карандашной правки.

На этой рукописи основывается машинописный вариант «В». Там приведены изменения, не обнаруженные в «А» или в исправлениях к «А», и сам он тоже подвергся правке как карандашом, так и чернилами, что, без сомнения, отражает несколько этапов работы над текстом. Возьмем в качестве примера одну конкретную строку 8: в «А» она изначально была записана как:

Lo! Thalion in the throng of thickest battle [Ло! Талион в гуще кромешной битвы]

Затем в два этапа поправлена на:

Lo! Thalion Húrin in the throng of battle [Ло! Талион Хурин в гуще битвы]

И в таком виде вошла в машинописный вариант «В»; но «В» в два этапа был исправлен на:

Lo! Húrin Thalion in the hosts of war [Ло! Хурин Талион в битвенных армиях].

Очевидно, что представить этот и великое множество подобных же случаев в составе текстологического аппарата – задача титаническая, а результат оказался бы крайне усложнен и запутан. Поэтому нижеследующий текст во всем, что ка-

5

сается чисто метрико-стилистических изменений, дается по *исправленному* варианту «В» и, за исключением отдельных и немногочисленных случаев, отсылки на более ранние варианты в примечаниях отсутствуют.

Однако же в том, что касается имен и названий, поэма представляет величайшую трудность, поскольку изменения вносились в самое разное время и не были выдержаны последовательно по всему тексту. Если в каждом отдельно взятом фрагменте оставлять самую позднюю форму вне зависимости от всех прочих соображений, то в строках 105 и 129 будет Морвин, Мавуин в 137 и далее, Морвен в 438 и 472; Улмо в 1469, но Ильмир в 1529 и далее; Нирнайт Орнот в 1448, но Нирнайт Унот в 1543. Если в строке 1543 использовать более поздний вариант Нирнайт Орнот, то едва ли оправданно вносить его в строки 13 и 218 (где в качестве окончательного варианта значится Нинин Унотрадин). В конце концов я решил отказаться от последовательного подхода и обращаться с каждым конкретным именем так, как представляется наилучшим в данных обстоятельствах. Например, в строке 1469 я ставлю Ильмир, а не Улмо, во имя единообразия со всеми прочими упоминаниями; в то же время, изменив Унот на Орнот в 1543 строке, я сохраняю Орнот, а не гораздо более поздний вариант Арнедиад в строке 26 второй версии – точно так же я отдаю предпочтение раннему варианту Финвег, а не Фингон (1975, вторая версия 19, 520) и вариантам Бансиль, Глингол, а не Бельтиль, Глингал (2027-2028). Все эти подробности отражены в примечаниях.

Рукопись «А» заголовка не имеет. В машинописном тексте «В» заглавие «Золотой дракон», было изменено на «Турин, сын Хурина, и Дракон Глорунд». Вторая версия поэмы была озаглавлена сперва «Турин», а потом «Дети Хурина», и я принял именно этот вариант: под таким общим названием поэма фигурирует в «Очерке» 1926 г.

В первой версии поэма делится на короткий пролог (Хурин и Моргот) без подзаголовка и три пространных раздела; названия первых двух («Воспитание Турина» и «Белег») в машинописный вариант были вставлены позже; третье же («Файливрин») значится и в «А», и в печатном тексте «В».

Машинописный вариант воспроизведен в настоящем тексте практически во всех подробностях, но я сколько-то упорядочил расстановку заглавных букв, кое-где добавил диакритику и увеличил число отбивок в тексте. Пробелы между краткими строками размечены во второй части текста «А» и начинаются с 543 строки в «В».

Я не стал нумеровать примечания к тексту; все они соотносятся с номерами строк. Эти разъяснения (главным образом касающиеся вариаций имен и сопоставлений с ономастикой «Утраченных сказаний») помещены в конце каждого из трех больших разделов, а за ними следуют комментарии к содержанию раздела.

На протяжении всего текста под «Сказанием» подразумевается «Сказание о Турамбаре и Фоалокэ» (ІІ. 69 и далее); «Нарн» означает «Нарн и Хин Хурин» из «Неоконченных преданий», стр. 57 и далее.

*

6

ТУРИН, СЫН ХУРИНА, И ДРАКОН ГЛОРУНД

Ло! О змие златом
Зла Властелина,
О мраке лесов
мира минувшего,
О недоле людей
и рыданиях эльфов,
Что тускнеют и тают
на тропах леса,
Измолвим истинно,
об имени горьком
Слезной Ниниэли,
о скорбном имени
Турина, сына Талиона, –
тяжек его жребий.

Ло! Хурин Талион
в ходе сражения
Побежден был в тот день,
когда белоснежное
Войско Эльфинесса
по ветру рассеялось,

Мощью подавлено Делу-Моргота.

Та сеча доселе

повсюду зовется

Нинин Унотрадин,

Несчетные Слезы.

Дети людей -

и вожди, и ратники,

Бежали бесславно

с бранного поля,

Предали эльфов -

преданность явил

Лишь Талион Эритамрод

с танами богоравными.

Орды за ордами

орков свирепых

Повергли воина

в кровавой сече.

TÚRIN SON OF HÚRIN & GLÓRUND THE DRAGON

Lo! the golden dragon
of the God of Hell,
the gloom of the woods
of the world now gone,
the woes of Men,
and weeping of Elves
fading faintly
down forest pathways,
is now to tell,
and the name most tearful

of Níniel the sorrowful,
and the name most sad
of Thalion's son Túrin
o'erthrown by fate.

Lo! Húrin Thalion in the hosts of war was whelmed, what time the white-clad armies of Elfinesse

were all to ruin 10 by the dread hate driven of Delu-Morgoth.

That field is yet by the folk naméd

Nínin Unothradin,

Unnumbered Tears.

There the children of Men,

chieftain and warrior,

fled and fought not,

but the folk of the Elves

15

they betrayed with treason,

save that true man only,

Thalion Erithámrod

and his thanes like gods.

There in host on host

the hill-fiend Orcs

overbore him at last

in that battle terrible,

Живым взяли	by the bidding of Bauglir	20
по воле Бауглира,	bound him living,	20
Совладали с доблестным	and pulled down the proudest	
владыкой смертных.	of the princes of Men.	
В угодья Бауглира,	To Bauglir's halls	
в обитель подгорную,	in the hills builded,	
В Железный Ад	to the Hells of Iron	
мглистых пещер,	and the hidden caverns	
Повлекли лорда	they haled the hero	
земли Хитлумской,	of Hithlum's land,	
Талиона Эритамрода –	Thalion Erithámrod,	
к трону вражьему.	to their thronéd lord,	25
Лютая злоба	whose breast was burnt	
жгла Бауглира,	with a bitter hatred,	
Ярился Враг,	and wroth he was	
что в разгроме битвенном	that the wrack of war	
Не захватил ни Тургона,	had not taken Turgon	
десятижды царственного	ten times a king,	
Наследника Финвега,	even Finweg's heir;	
ни Феанора сынов,	nor Fëanor's children,	
Творцов самоцветов	makers of the magic	
бесценных и вечных.	and immortal gems.	30
Ибо Тургон статный	For Turgon towering	30
восстал во гневе,	in terrible anger	
Проложил себе путь	a pathway clove him	
жарким клинком,		
Сквозь вражий строй –	with his pale sword-blade	
просеку торную	out of that slaughter –	
Из сечи – как стебли	yea, his swath was plain	
	through the hosts of Hell	
под серпом стелятся	like hay that lieth	
На поле, так пали	all low on the lea	25
полчища адовы.	where the long scythe goes.	35
Увел с собой вождь	A countless company	
войско бессчетное	that king did lead	
За дальние долы	through the darkened dales	
и дикие горы,	and drear mountains	6
От врагов сокрылся –	out of ken of his foes,	7
и речи о нем	and he comes not more	
Не будет более;	in the tale; but the triumph	
но победу Моргота	he turned to doubt	
Отравило неведение –	of Morgoth the evil,	
гневился враг.	whom mad wrath took.	40

Ни соглядатаи,	Nor spies sped him,
ни духи злобные,	nor spirits of evil,
Ни мудрость немалая	nor his wealth of wisdom
Морготу не открыли,	to win him tidings,
Где обрел укрытие	whither the nation
народ номов.	of the Gnomes was gone.
Задумал он недоброе,	Now a thought of malice,
увидав: Талион	when Thalion stood,
Скован, но не сломлен	bound, unbending,
под сводом черным.	in his black dungeon, 45
Помыслил Моргот,	then moved in his mind
что мнили будто бы	that remembered well
Бессильными и слабыми	how Men were accounted
доселе и прежде	all mightless and frail
Эльфы людей;	by the Elves and their kindred;
что предательством только	how only treason
Превозмочь можно	could master the magic
магию тайную,	whose mazes wrapped
Что хранила доныне	the children of Corthûn,
сынов Кортуна.	and cheated his purpose. 50
«То доблестный Хурин ли, –	'Is it dauntless Húrin,'
рек Делу-Моргот, –	quoth Delu-Morgoth,
Стойкий как сталь,	'stout steel-handed,
встал предо мною,	who stands before me,
Живым захвачен,	a captive living
верно, по трусости?	as a coward might be?
Меня ты знаешь ли?	Knowest thou my name,
Надо ли молвить,	or need'st be told
Что за удел ожидает	what hope he has
бездольного в Ангбанде?	who is haled to Angband – 55
Боль неизбывная,	the bale most bitter,
балрогов пытки».	the Balrogs' torment?'
«Знаю, ненавистный.	'I know and I hate.
Зная, сражался,	For that knowledge I fought thee
Страхом не скован.	by fear unfettered,
Не страшусь я и ныне», –	nor fear I now,'
Молвил Талион;	said Thalion there,
Морготов прихвостень	and a thane of Morgoth
Хлестнул по устам его.	on the mouth smote him;
Усмехнулся Моргот:	but Morgoth smiled: 60
«Изведаешь страх,	'Fear when thou feelest,
как уязвит тебя пламя,	and the flames lick thee,
Ran yasbut icoa iiaina,	and the names ner thee,

И балрога бич	and the whips of the Balrogs thy white flesh brand.	
болью ожжет. Но немало уменьшить можешь, коль хочешь,	Yet a way canst win, an thou wishest, still	
Удел страданий, сужденный тебе.	to lessen thy lot of lingering woe.	
Порасспрашивай пленных из племени проклятого,	Go question the captives of the accursed people	65
И открой мне правду,	I have taken, and tell me	03
где прячется Тургон, Где укрылся, незрим, в краю позабытом;	where Turgon is hid; how with fire and death I may find him soon,	
Как огонь и гибель на врага обрушить.	where he lurketh lost in lands forgot.	
Притворись их другом, преданным в горе,	Thou must feign thee a friend faithful in anguish,	
Войди в их души и думы выведай;	and their inmost hearts thus open and search.	70
Открой мне всю правду – и тройные оковы	Then, if truth thou tellest, thy triple bonds	
Велю совлечь с тебя и на волю отправлю:	I will bid men unbind, that abroad thou fare	
Служа мне, сыщешь сокрытые крепости,	in my service to search the secret places	
По пятам преследуя ослушников Богов».	following the footsteps of these foes of the Gods.'	
«Днесь ты надеешься напрасно, о Бауглир, –	'Build not thy hopes so high, O Bauglir –	75
В подлых происках не пособник тебе я;	I am no tool for thy evil treasons;	, ,
Мука мне милее клейма предателя».	torment were sweeter than a traitor's stain.'	
«Мука мила тебе?	'If torment be sweet, treasure is liever.	
Но манит богатство. Сокровища, за сотни	The hoards of a hundred	
столетий собранные, Самоцветы светлые	hundred ages, the gems and jewels	00
завистных Богов Храню я; немалой	of the jealous Gods, are mine, and a meed	80
награда будет – Да, довольно злата и Змию Алчному».	shall I mete thee thence, yea, wealth to glut the Worm of Greed.'	

«Все тебе ведомо -'Canst not learn of thy lore а врага не признал ты, when thou look'st on a foe, О Бауглир проклятый? O Bauglir unblest? Бахвалиться полно Bray no longer Добром, у Трех of the things thou hast thieved from the Three Kindreds. 85 Народов исхищенным. In hate I hold thee, Презираю тебя, и повеленья твои». and thy hests in scorn.' «Храбр ты, смотрю. 'Boldly thou bravest me. Хвастовство награжу я, -Be thy boast rewarded,' Со смехом рек Моргот. in mirth quod Morgoth, За мной теперь дело: 'to me now the deeds, Не прошу твоей помощи; and thy aid I ask not; but anger thee nought после ж не гневайся, if little they like thee. Коли сам не рад будешь. Так смотри же, злосчастья Yea, look thereon 90 helpless to hinder, Отвесть не волен, ни двинуть рукою». or thy hand to raise.' Then Thalion was thrust Поставили Талиона на Тангородриме, to Thangorodrim, На скале, что сходится that mountain that meets the misty skies с сумрачным небом on high o'er the hills Над вершинами вышними, что взнеслись над Хитлумом that Hithlum sees blackly brooding Грядой грозной on the borders of the north. 95 на границах северных. To a stool of stone К сиденью каменному on its steepest peak на скальном пике they bound him in bonds, Приковали воина вековечной цепью, an unbreakable chain, and the Lord of Woe Там Зла Властелин с лютым хохотом there laughing stood, then cursed him for ever Проклял героя and his kin and seed и род и кровь его, with a doom of dread, Обрек их року страха и смерти. of death and horror. 100 There the mighty man И остался отважный unmoved sat; один; недвижим, Взором всевидящим but unveiled was his vision, that he viewed afar вдали прозревая, all earthly things Все на свете сущее, все скорби тяжкие, with eyes enchanted

that fell on his folk -Что пали на дом его то пытка адова. a fiend's torment. T T ВОСПИТАНИЕ ТУРИНА TÚRIN'S FOSTERING Ло! Леди Морвин Lo! the lady Morwin in the Land of Shadows в Земле Теней waited in the woodland Средь леса ждала for her well-beloved: желанного мужа; but he came never Но не вернулся вовеки from the combat home. с войны домой он; No tidings told her Известия не поведали: whether taken or dead, захвачен, мертв ли, Или жив и бежал or lost in flight he lingered yet. в чужие пределы. Laid waste his lands, Выжгли его вотчину, умертвили подданных; and his lieges slain, 110 Злые люди, власть and men unmindful лорда презревшие, of his mighty lordship Наводнили Дорломин dwelt in Dorlomin и обходились неласково and dealt unkindly with his widowed wife; С вдовой женой его, and she went with child, вдругорядь непраздной, Что сына растила, who a son must succour сироту горького, now sadly orphaned, Турина Талиодрина, Túrin Thaliodrin летами юного. of tender years. 115 Then in days of blackness Во дни недобрые дочь родила она was her daughter born, and was naméd Nienor, И нарекла ее Ниэнор: a name of tears на наречии древнем То слезное имя that in language of eld is Lamentation. Скорбь означает. Then her thoughts turnéd Обратила тут мысль она к Тинголу-королю to Thingol the Elf-king, И к дщери его Тинувиэли, and the dancer of Doriath, Дориатской плясунье, his daughter Tinúviel, 120 Боец бесстрашный, whom the boldest of the brave, Берен Эрмабвед Beren Ermabwed, had won to wife. Взял ее в жены;

He once had known

встарь же был он

V	and Catain Aultin
	est friendship
и другом верным	to his fellow in arms, ion Erithámrod –
7 1 1 1 7	
и затеяла вот что,	so thought she now,
	said to her son,
«Милый ты сын мой,	'My sweetest child, 125
	friends are few,
нейдет отец твой.	and thy father comes not.
I I	u must fare afar
к народу лесному,	to the folk of the wood,
	re Thingol is throned in the Thousand Caves.
в Тысячу Пещер. Кож о Моррии он номунт	remember Morwin
1	
и о могучем отце твоем,	and thy mighty sire rill fain foster thee,
Отважным воином he w вырастит тебя он,	and feats of arms 130
	rill teach thee, the trade
Обучит отрока he w оружному бою:	of targe and sword,
Сын Талиона and	Thalion's son
не станет невольником –	no thrall shall be –
	remember thy mother
в мыслях помни».	when thy manhood nears.'
B MDIC/IAX HOMHIA".	when thy mannood hears.
Стеснилось сердце Неа	vy boded the heart
у сына Хурина,	of Húrin's son,
Но чая, что отчаяньем yet l	ne weened her words
реченья подсказаны,	were wild with grief, 135
Спорить не стал, and	he denied her not,
смысла в том не видя.	for no need him seemed.
	nenchmen had Morwin,
лишь Гумлин да Халог	Halog and Gumlin,
В челяди числились: who	were young of yore
честно служили ей	ere the youth of Thalion,
Днесь лишь эти двое who	alone of the lieges
из домочадцев владыки;	of that lord of Men
	lfast in service
когда мал был Талион.	staid beside her: 140
Повелела она слугам пом	she bade them brave
одолеть горы	the black mountains,
И пущу пройти and	the woods whose ways
опасными тропами:	wander to evil;
	gh Túrin be tender
к тяготам непривычен,	and to travail unused,

they must gird them and go; В путь пора сбираться. Не рады они были, but glad they were not, И лила слезы Морвин, and Morwin mourned когда люди не видели. when men saw not. 145 Came a summer day Раз летним днем when sun filtered лучистое солнце warm through the woodland's Свет струило waving branches. сквозь своды зеленые; Then Morwin stood Скорбь свою скрывая, her mourning hiding стояла Морвин by the gate of her garth У врат двора ее in a glade of the woods. на краю чащобы, At the breast she mothered Дочь-младенца her babe unweaned, 150 на груди лелеяла, and the doorpost held За косяк схватившись, – обессилена горем. lest she droop for anguish. Мальчугана храброго There Gumlin guided Гумлин к ней вывел; her gallant boy, and a heavy burden Ношу немалую нес Халог. was borne by Halog; Но тяжесть томила but the heart of Túrin 10 was heavy as stone Турину сердце, Хоть откуда такая uncomprehending тоска, не ведал он. its coming anguish. 155 He sought for comfort, Говорил он храбро, взбодриться тщась: with courage saying: «Ворочусь я тотчас же 'Quickly will I come из чертогов Тингола, from the courts of Thingol; long ere manhood Не войдя еще в возраст, привесть смогу к Морвин I will lead to Morwin С сокровищем без счету – great tale of treasure, and true comrades' соратников верных», -Но судьбы он не сведал, for he wist not the weird 160 сотканной Бауглиром, woven by Bauglir, Ни разлуки тоскливой, nor the sundering sorrow что легла впереди. that swept between. The farewells are taken: Отзвучали прощанья: в чащу темную their footsteps are turned Пустились путники. to the dark forest: Пропала усадьба the dwelling fadeth in the tangled trees. Средь разросшихся крон. Взыграла в Турине Then in Túrin leapt

Душа: зарыдал он, дал волю горю, Стеная: «Не в силах я расстаться с тобой, О матушка Морвин! Что́ мыслишь услать меня? Немилы холмы, где меркнет надежда. О Морвин, матушка, не умерить слез мне: Долы недобры, дом мой далек». Отзывались слова его под сводами темными Чащи черной – печальным эхом; К той, что плакала слезно на холодном пороге, Неслось из-за леса:	calling 'I cannot,	165 170
«Далек мой дом».	'my home is gone.'	
Пути вели тяжкие,	The ways were weary and woven with deceit o'er the hills of Hithlum to the hidden kingdom deep in the darkness of Doriath's forest; and never ere now for need or wonder had children of Men	175
тех дорог не искали; И доныне немногие по ним хаживали. Томил Турина со товарищи голод, И жажда, и жуть ужасных ночей, Ибо волчьи всадники и враждебные орки И Твари Моргота таились в чаще.	chosen that pathway, and few of the folk have followed it since. There Túrin and the twain knew torment of thirst, and hunger and fear and hideous nights, for wolfriders and wandering Orcs and the Things of Morgoth thronged the woodland. Magics were about them,	180
манили путников,	that they missed their ways	185

Плутали без пути они; and strayed steerless, не светили им звезды. and the stars were hid. Так перевалы прошли они, Thus they passed the mountains, but the mazes of Doriath но потеряли надежду В дебрях Дориата wildered and wayworn бездольные странники: in wanhope bound them. Силы иссякли, They had nor bread nor water, and bled of strength и снедь, и вода, Судьба им сулила their death they deemed it to die forewandered, 190 сгинуть в трущобах; Как вдруг рог раздался when they heard a horn that hooted afar, средь дерев вдали, И собачий лай. and baying dogs. It was Beleg the hunter, То был Белег-охотник, who farthest fared Он от дома всех дальше уходил в чащи, of his folk abroad ahunting by hill Охотясь средь всхолмьев and hollow valley, и нехоженых долов; 10 11 who cared not for concourse Не искал он собраний and commerce of men. 195 и скопищ шумных. He was great of growth Складно сложен and goodly-limbed, и статен ростом, Но ловок и гибок, but lithe of girth, and lightly on the ground легкой поступью his footsteps fell Приблизился он к путникам, as he fared towards them, ступая по дерну, all garbed in grey В платье сером, and green and brown зеленом и буром, Отпрыск глуши, a son of the wilderness who wist no sire. 200 отца не знавший. 'Who are ye?' he asked. «Кто вы? – вопросил он. – Верно, отверженцы, 'Outlaws, or maybe hard hunted men Изгои горькие, гонимые злобой?» whom hate pursueth? ' 'Nay, for famine and thirst «Нет, от жажды и глада мы чуть живы, - рек Халог. we faint,' saith Halog, Плутаем средь пустошей, 'wayworn and wildered, and wot not the road. пути не ведая. Or hast not heard Ужель не слыхал ты of the hills of slain. 205 о холмах павших, or the tear-drenchéd field О слезном поле, where the terror and fire где и люд, и эльфов

Жадно пожрали жуть и огнь Моргота? Там Талион Эритамрод с танами богоравными Сгинул, загублен, а гордая жена его Живет в гореванье вдовою в Хитлуме. Пред тобой – последние из подданных Морвин И сын Талиона Турин: к Тинголову двору Спешим мы по слову супруги Хурина». «Бодритесь! - рёк Белег, прибавив: – Вверили Благие Боги вас

заботе надежной. Слыхал я о доме Хурина Стойкого, Не слыхивал кто ж о холмах павших, О Нинин Унотрадин, Несчетных Слезах? В том бою не бился я, но битву веду С ордами орков, острые мои стрелы Смерть сеют, их сражая незримо. Я – стрелок Белег из Сокрытого племени». Подал он испить им, с пояса сняв Флягу кожаную, налитую доверху Вином, выжатым на выжженном Юге -Номы знают его, и народ эльфов, Везут его издали в земли Севера.

of Morgoth devoured
both Men and Elves?
There Thalion Erithámrod
and his thanes like gods
vanished from the earth,
and his valiant lady
weeps yet widowed
as she waits in Hithlum. 210
Thou lookest on the last
of the lieges of Morwin
and Thalion's son Túrin,
who to Thingol's court
are wending by the word

of the wife of Húrin.' Then Beleg bade them be blithe, and said: 'The Gods have guided you to good keeping. 215 I have heard of the house of Húrin the Steadfast and who hath not heard of the hills of slain, of Nínin Unothradin, the Unnumbered Tears? To that war I went not, but wage a feud with the Orcs unending, whom mine arrows bitter 220 oft stab unseen and strike to death. I am the huntsman Beleg of the Hidden People.' Then he bade them drink, and drew from his belt a flask of leather full filled with wine that is bruised from the berries of the burning South – 225 and the Gnome-folk know it,

and the nation of the Elves,

to the lands of the North.

and by long ways lead it

There bakéd flesh Из сумы его хлеба и мяса печеного and bread from his wallet they had to their hearts' joy; Вкусили они досыта, but their heads were mazed но смешались их мысли От вина Дор-Виниона, by the wine of Dor-Winion что в венах струилось; that went in their veins, 230 and they soundly slept Задремали мирно на мягкой хвое on the soft needles of the tall pine-trees Статных сосен, that towered above. что взнеслись к небу. Later they wakened Позже проснулись; and were led by ways повели их тропами, Петлявшими путано devious winding through the dark wood-realm через пущу дремучую, 11 По лощинам, ущельям by slade and slope 12 и чащобам топким, and swampy thicket 235 Дни были долги, through lonely days и длинны - ночи; and long night-times, Любой, кроме Белега, and but for Beleg сбился с пути бы had been baffled utterly Средь мороков магии by the magic mazes of Melian the Queen. Мелиан-королевы. To the shadowy shores Путь показал он he showed the way к прибрежью тенистому, where stilly that stream Где течет тише strikes 'fore the gates 240 поток пред воротами of the cavernous court Палат пещерных of the King of Doriath. правителя Дориата; O'er the guarded bridge Право прохода получил через мост; he gained a passage, Благодаря его трижды, and thrice they thanked him, странники думали: and thought in their hearts «Благи Боги», -'the Gods are good' что в будущем ждет, had they guessed maybe what the future enfolded Кабы ведали, верно, изверились в жизни бы. they had feared to live. 245 To the throne of Thingol Пред троном Тингола the three were come, трое предстали, Словам дали волю: and their speech sped them; for he spake them fair, вежествен был он, and held in honour Почтил достоинства

стойкого Хурина,

Húrin the steadfast,

Beren Ermabwed's

Брата по битвам Берена Эрмабведа. О Морвин помня, средь смертных прекраснейшей, Не отринул он отрока, не отверг с презреньем, Но сказал: «О сын Хурина, здесь станешь жить ты В пещерных палатах в память родни твоей, Не слугой смиренным – сыном двух королей; Тут пребудешь в почете, покуда, в свой срок, К матери Морвин не помыслишь вернуться. Мудрость безмерную для смертных обрящешь ты, Обращенью с оружием обучат эльфы; Сын Талиона не станет невольником».

brother-in-arms. Remembering Morwin, of mortals fairest, 250 he turned not Túrin in contempt away; said: 'O son of Húrin, here shalt sojourn in my cavernous court for thy kindred's sake. Nor as slave or servant, but a second king's son thou shalt dwell in dear love, till thou deem'st it time 255 to remember thy mother Morwin's loneliness. Thou wisdom shalt win unwist of Men and weapons shalt wield as the warrior Elves. and Thalion's son no thrall shall be.'

Челядинцев двое, что радели об отроке, Отдохнув и окрепнув, отправиться чаяли Через жуткие чащи к госпоже милой. Но Гумлин, согбенный годами многими, К дому не надеялся дойти обратно. И остался при Турине – тяжко хворал он. А Халог храбрый к уходу готовился. Получил он в помощь провожатых-эльфов, И магию Мелиан, и немало злата. Владыки веленье вложили в уста его,

There tarried the twain that had tended the child, 260 till their limbs were lightened and they longed to fare through dread and danger to their dear lady. But Gumlin was gone in greater years than Halog, and hoped not to home again. Then sickness took him, and he stayed by Túrin, 265 while Halog hardened his heart to go. An Elfin escort to his aid was given and magics of Melian, and a meed of gold. In his mouth a message

to Morwin was set,

Послание к Морвин:	words of the king's will,	
ее просьба уважена,	how her wish was granted;	270
Теперь же Тингол	how Thingol called her	
в Тысячу Пещер	to the Thousand Caves	
Призвал прийти ее	to fare unfearing	
под призором эльфов,	with his folk again,	
Погостить там, покуда	there to sojourn in solace,	
подрастает сын ее:	till her son be grown;	
Ведь поныне памятны	for Húrin the hero	
подвиги Хурина,	was held in mind,	
И нет мощи у Моргота	and no might had Morgoth	
там, где Мелиан правит.	where Melian dwelt.	275 12
В стихах о походе	Of the errand of the Elves	13
Халога с эльфами	and that other Halog	
Ни слова не сказано;	the tale tells not,	
в свой срок пришли они	save in time they came	
К порогу Морвин;	to the threshold of Morwin,	
посланье Тингола	and Thingol's message	
Вдове поведали	was said where she sate	
под сводом зала.	in her solitary hall.	
Но внять велению	But she dared not do	
не отважилась Морвин,	as was dearly bidden,	280
Доколе Ниэнор, дитя ее,	for Nienor her nestling	
от груди не отнята.	was not yet weaned.	
Пусть клана княжьего	More, the pride of her people,	
. кровную гордость	princes of Men,	
Смирила она, сына	had suffered her send	
услав к Тинголу	her son to Thingol	
В час отчаянья,	when despair sped her,	
но влачить дни свои,	but to spend her days	
Подаяньем живя	as alms-guest of others,	
у владык эльфийских	even Elfin kings,	285
Претило ей; теплилась	it liked her little;	
в усталом сердце	and there lived e'en now	
Надежда робкая,	a hope in her heart	
что воротится Хурин.	that Húrin would come,	
Дом был ей дорог,	and the dwelling was dear	
где издавна жил он,	where he dwelt of old.	
Часто ночами	At night she would listen	
чутко слушала,	for a knock at the doors,	
Ступень не скрипнет ли,	or a footstep falling	
не стукнут ли двери.	that she fondly knew;	290
Соткалась судьба ее –	so she fared not forth,	
осталась Морвин;	and her fate was woven.	
octanach mophin,	and not face was woven.	

Но воздала достойно Yet the thanes of Thingol за труды посыльных, she thanked nobly, Стыд свой сокрыла and her shame she showed not, и скудость богатства, how shorn of glory Чтоб наградить как должно to reward their wending данников Тингола. she had wealth too scant; Златом последним but gave them in gift her golden things 295 оделила эльфов. that last lingered, Унесли посланцы and they led away шелом Хурина: Пусть-де о ней в память a helm of Húrin его примет Тингол: that was hewn in war Иссечен шлем мечами when he battled with Beren в бессчетных войнах. his brother-in-arms Где бок о бок с Береном against ogres and Orcs бился Хурин and evil foemen; С темными тварями 'twas o'erwritten with runes и толпами орков; by wrights of old. 300 She bade Thingol receive it Покрыли сталь рунами резчики древности. and think of her. Челядинец Халог Thus Halog her henchman came home, but the Elves, дома остался, А таны Тингола the thanes of Thingol, thrust through the woods, возвратились сквозь чащу; Лишь месяц минул and the message of Morwin от Морвин послание in a month's journey, Передали правителю, so quick their coming, to the king was said. 305 не помешкав в дороге. Then was Melian В тот час печалью удручилась Мелиан; moved to ruth, Подарок принял and courteously received с почтеньем Тингол: the king her gift, Доспехов и панцирей who deeply delved had dungeons filled полные залы with Elfin armouries Собрал он он издревле в оружнях глубинных, of ancient gear, Но, словно скуден сокровищем, but he handled the helm смотрел на шлем он: as his hoard were scant; 310 «Чело славное said: 'High were the head сей шелом увенчивал, that upheld this thing На гребне украшен with that token crowned грозным драконом: of the towering dragon

В нем Талион Эритамрод, трижды прославленный, Сражался в сечах со свирепым недругом». Тут дума зародилась в душе у Тингола; Послал он за Турином и поведал отроку, Что Морвин, его матушка,	that Thalion Erithámrod thrice-renownéd oft bore into battle with baleful foes.' Then a thought was thrust into Thingol's heart, and Túrin he called and told when come that Morwin his mother	315
могучий дар Сыну прислала, наследье отцово, Шелом, закаленный в пламени яром Магией и молотом	a mighty thing had sent to her son, his sire's heirloom, a helm that hammers had hardened of old, whose makers had mingled	
мастеров древности; Дорог он на диво; владельцу в битве Не страшны ни секира, ни сабля острая. «Ло! Храни шлем Хурина и храбро вздень его,	a magic therein that its worth was a wonder and its wearer safe, guarded from glaive or gleaming axe – 'Lo! Húrin's helm hoard thou till manhood	320
Как войдешь в возраст, и война позовет тебя». Тронул его Турин, но оставил, не взяв: Сил недостало	bids thee battle; then bravely don it', and Túrin touched it, but took it not, too weak to wield	325
сладить с тяжестью. Оплакивал отрок ответ Морвин: Из печалей его первая полнила душу.	that weight as yet, and his mind mourned for Morwin's answer, and the first of his sorrows o'erfilled his soul.	
Вот так и сталось, что Турин пробыл Двенадцать годов во дворце Тингола С пестуном Гумлином, что привел туда его, Когда скорби настигли	Thus came it to pass in the court of Thingol that Túrin tarried for twelve long years with Gumlin his guardian, who guided him thither when but seven summers	330
на седьмом году Сына Талиона. Семь первых лет	their sorrows had laid on the son of Thalion.	

make maken has winged awage letering that maken has winged a series of the maken was a series of the grant was a series of the grant of the series of the se int to weak somied had neight year cus Curin touches if but hostit not due by ruind bure int duty Due down if Jopan 325 quanded mom plaine my Goos her watter How hen hen contribe Sin Haly her harelmen Cat to choos moved 15rula as Cartery by had complete who are See has Beinged secential and bear ing cand counteresty received of Do Marwin un Melian gamst ogus and aco se Lux dup Selves 2 Elune, o Things 257 to holm a

Er Maverine aune

hei havel son il

or gold of the

Две страницы первоначальной рукописи «Песни о детях Хурина» [в ориг. на стр. 15]

Облегчалась печаль его:	his lot was lightened,	
случалось узнать,	since he learnt at whiles	
От захожих путников,	from faring folk	
что в Хитлуме деется;	what befell in Hithlum, 33	5
Несли новости	and tidings were told	
надежные эльфы:	by trusty Elves,	
Мол, матушка Морвин	how Morwin his mother	
меньше печалится;	was more at ease;	
А Ниэнор ныне	and they named Nienor	
нежною девой	that now was growing	
Взрастает, светлой	to the sweet beauty	
красой расцветая.	of a slender maiden.	
Обнадежилась душа его,	Thus his heart knew hope,	
и доля улучшилась.	and his hap was fairer. 340	0
Скоро стал он старше;	There he waxed wonderly	
славили отрока	and won him praise	
За стойкость сердца	in all lands where Thingol	
и силу телесную	as lord was held	
Повсюду в пределах,	for the strength of his body	
где правил Тингол.	and stoutness of heart.	
Мудрость умножил он,	Much lore he learned,	
и немалые знания;	and loved wisdom,	
Но нечасто чаянья	but fortune followed him	
венчала удача:	in few desires; 34	5
Вкривь и вкось выходило	oft wrong and awry	
все, за что ни брался он,	what he wrought turnéd;	
Чему рад был – терял,	what he loved he lost,	
обресть не мог, чего жаждал;	what he longed for he won not	t;
С трудом сходился	and full friendship	•
с друзьями близко	he found not easily,	
И мил был немногим;	nor was lightly loved	
мрачен обличием,	for his looks were sad.	
Сумрачен сердцем,	He was gloomy-hearted,	
смеялся редко,	and glad seldom, 350	0
Злой разлукой	for the sundering sorrow	
уязвлен в юности.	that seared his youth.	
Войдя в возраст,	On manhood's threshold	
не ведал он равных	he was mighty holden	
В обращенье с оружием;	in the wielding of weapons;	
обрел мастерство	and in weaving song	
В плетении песен,	he had a minstrel's mastery,	
что полнились грустью:	but mirth was not in it,	

Сострадал он недоле for he mourned the misery людей Хитлума. of the Men of Hithlum. 355 Но стократ скорбь его Yet greater his grief grew thereafter, усилилась после: when from Hithlum's hills С холмов Хитлума 14 не слыхал уж вестей он, he heard no more. 16 and no traveller told him И никто не мог ему tidings of Morwin. о Морвин поведать. For those days were drawing Той порой Рок Номов to the Doom of the Gnomes, к свершенью близился: Власть Повелителя and the power of the Prince of the People of Hell, Племени Адова 360 of the grim Glamhoth, И гнусных гламхот was grown apace, угрозы множились. till the lands of the North Гвалт их гремел were loud with their noise, по угодьям северным, Огонь и гибель and they fell on the folk грозили людям, with flame and ruin Что бились с Бауглиром who bent not to Bauglir, либо забресть дерзнули or the borders passed of dark Dorlomin За пределы Дорломинских дебрей сосновых, with its dreary pines 365 Что нарекли люди that Hithlum unhappy is hight by Men. злополучным Хитлумом. There Morgoth shut them, Там замкнул их Моргот, от племен лесных and the Shadowy Mountains fenced them from Faërie И от Фаэри отрезав and the folk of the wood. отрогами Тени. Не бродил даже Белег Even Beleg fared not в тех неблизких краях, so far abroad Как привык прежде; as once was his wont, and the woods were filled 370 полнились чащи with the armies of Angband Армиями Ангбанда и and evil deeds, адскими ратями; while murder walked Гибель гнездилась on the marches of Doriath: у границ Дориата; Лишь могучая магия only mighty magic of Melian the Queen Мелиан-королевы yet held their havoc Служила заслоном Сокрытому племени. from the Hidden People. Дабы боль избыть To assuage his sorrow

and to sate the rage

375

за обиды сородичей,

Скорбь смягчить and hate of his heart for the hurts of his folk и насытить ярость, Отчий шелом then Húrin's son took и оружие славное, the helm of his sire Как воинам заповедано, and weapons weighty взял сын Хурина for the wielding of men, И в дебри подался and went to the woods с доблестными эльфами; with warlike Elves; Несли его ноги, and far in the fight пусть немного годов ему, his feet led him, 380 В сражение жаркое, into black battle в жестокую сечу. yet a boy in years. Ere manhood's measure На заре зрелости he met and slew сразил он немало Ангбандских орков the Orcs of Angband и алчных чудищ, and evil things Что крались и рыскали that roamed and ravened по краю границы. on the realm's borders. There hard his life, Не раз был он ранен and hurts he got him, в ратных трудах 385 Лихим лезвием, the wounds of shaft калеными стрелами; and warfain sword, Доказал он доблесть, and his prowess was proven добыл почести and his praise renowned, Не по летам великими and beyond his years заслугами ратными; he was yielded honour; for by him was holden Отводил долго он длань погибельную the hand of ruin От Тинголовых подданных, from Thingol's folk, Ту устрашая – and Thû feared him – 390 Ту на троне, Thû who was thronéd тана могучего as thane most mighty При Морготе Бауглире; neath Morgoth Bauglir; молвил тот ему: whom that mighty one bade «Разори край 'Go ravage the realm разбойника-Тингола of the robber Thingol, И затми магию and mar the magic Мелиан-королевы». of Melian the Queen.' Лишь один за доблесть Only one was there в деле ратном 395 in war greater, Почитался превыше higher in honour in the hearts of the Elves, в помыслах эльфов, than Túrin son of Húrin Чем Турин, сын Хурина, untamed in war в сечах неистов, -

16

Стрелок Белег even the huntsman Beleg of the Hidden People, из Сокрытого племени, the son of the wilderness Отпрыск глуши, отца не знавший. who wist no sire Тугой лук его (to bend whose bow из тиса черного of the black yew-tree 400 Согнуть недостало б had none the might), unmatched in knowledge силы у прочих. Сведущ в секретах of the wood's secrets скал и чащоб, and the weary hills. Возглавлял он отряды He was leader beloved of the light-armed bands, легкооружные the scouts that scoured, Дозорщиков зорких, scorning danger, что, не зная страха, afar o'er the fells Вдали разведывали вражьи логова, their foemen's lairs; 405 Вести важные and tales and tidings вовремя добывая: timely won them of camps and councils, О советах и станах, о сборах и вылазках, of comings and goings -О всех маневрах мощи all the movements of the might of Morgoth the Terrible. Моргота Ужасного. Так Турин, щиту Thus Túrin, who trusted и стали привержен, to targe and sword, who was fain of fighting Что рвался открыто бороться с недругом, with foes well seen, 410 И соратников храбрых and the banded troops of his brave comrades братство сплоченное were snared seldom Разили внезапно, and smote unlooked-for. западни избегая. Хвала неслась Then the fame of the fights on the far marches к королю Дориата Сражениям жарким were carried to the court на рубежах дальних; of the King of Doriath, Шел толк о Турине and tales of Túrin в Тинголовых залах: were told in his halls, 415 Как Белег нестареющий and how Beleg the ageless братом по оружию was brother-in-arms to the black-haired boy Стал для отрока from the beaten people. темноволосого Then the king called them Из народа разгромленного. Король призвал их to come before him Промеж трудов ратных ever and anon ко двору являться when the Orc-raids waned;

Пировать и праздновать,	to rest them and revel,	
чуть попритихнут орки,	and to raise awhile	420
Песни петь сокровенные	the secret songs	
сынов Инга.	of the sons of Ing.	
Раз возвратился Турин	On a time was Túrin	
на Тинголов пир:	at the table of Thingol –	
Гул голосов,	there was laughter long	
гомон и смех	and the loud clamour	
Звучали над бессчетными	of a countless company	
чашами с медом,	that quaffed the mead,	
Вина Дор-Виниона	amid the wine of Dor-Winion	
вольно лились	that went ungrudged	125
В златые кубки,	in their golden goblets;	
от изысканных яств	and goodly meats	
Столы ломились;	there burdened the boards,	
пылали факелы	neath the blazing torches	
Под потолками крепкими	set high in those halls	
каменных стен.	that were hewn of stone.	
Радость царила там;	There mirth fell on many;	
менестрели звонкие	there minstrels clear	
Пели им песни	did sing to them songs	
о престольном Туне		430
Близ Тайн-Гветили,	neath Tain-Gwethil,	
горы исполинской,	towering mountain,	
Где благие боги	where the great gods sit	
бдят над миром	and gaze on the world	
С береженых прибрежий	from the guarded shores	
бухты Фаэри.	of the gulf of Faërie.	
Об убийстве в Гавани	Then one sang of the slaying	
. Лебяжьелодейной,	at the Swanships' Haven	
О злом проклятье,	and the curse that had come	
что легло на родичей,	on the kindreds since:	435
Запел песнопевец;	all silent sat	
пало безмолвие,	and soundless harkened,	
Молча внимали	and waited the words	
музыке гости,	save one alone –	
Кроме сына Морвин,	the Man among Elves	
смертного среди эльфов,	that Morwin bore.	
Что сидел, задумавшись;	Unheeding he heard	
_ равнодушен к смеху,	or high feasting	
К пиру и к песням,	or lay or laughter,	
впился он взором	and looked, it seemed, 4	40
В даль бездонную	to a deep distance	. 10
пределов внешних,	in the dark without,	
пределов впешили,	in the dark without,	

445

450

460

and strained for sounds Ловя звуки в недвижных кущах, in the still spaces, for voices that vanished Голоса, гаснущие in the veils of night. в угодьях ночи. He was lithe and lean, Был он строен и гибок; and his locks were wild, пряди спутаны; and woodland weeds В платье лесном, he wore of brown зелено-сером and grey and green, И буром; не блистало ни броских каменьев, and gay jewel Ни златых безделиц or golden trinket на одеже грубой. his garb knew not. Был там эльф - Оргов -An Elf there was - Orgof отпрыск народа, of the ancient race that was lost in the lands Что затерялся в краях тех на тропах долгих where the long marches from the quiet waters От покойных вод of Cuiviénen Куивиэнена Во мраке немом were made in the mirk of the midworld's gloom, мира срединного, ere light was lifted Пока свет не сиял еще aloft o'er earth: с высот на землю; but blood of the Gnomes Но кровь номов was blent in his veins. струилась в его жилах. He was close akin Был он в близком родстве to the King of Doriath с королем Дориата, Не из худших охотник, a hardy hunter с храбрым сердцем, and his heart was brave, 455 but loose his laughter Но скор был на смех и слово бездумное, and light his tongue, and his pride outran И гордыня деянья his prowess in arms. доблести затмевала. He was fain before all Кичился он пред всеми каменьями редкими of fine raiment Золотом да узорочьем, and of gems and jewels, and jealous of such завистью полнился К отмеченным милостью as found favour before himself. много его боле. Now costly clad Броско и красочно in colours gleaming разряжен ныне, Воссел на скамье он, he sat on a seat на высоком месте, that was set on high

Близ короля с королевой	near the king and queen		
и недалёко от Турина.	and close to Túrin.		
На пирах он и прежде	When those twain were at table		
нередко язвил его,	he had taunted him oft,		
Насмехался ехидно	lightly with laughter,		
над неухоженным видом,	for his loveless ways,	465	
Над кудрями нестрижеными,	his haggard raiment		
истрепанным платьем;	and hair unshorn;		
Но в ответ на те выходки	but Túrin untroubled		
не вел и бровью	neither turned his head		
Сын Морвин, насмешки	nor wasted words		
без внимания оставляя.	on the wit of Orgof.		
Но той порой на пиру	But this day of the feast		
угрюмей обычного	more deep his gloom		
Сидел он, безучастен	than of wont, and his words		
и чужд веселью:	men won harder;	470	
Долгих дюжина лет	for of twelve long years	170	
позади остались,	the tale was full		
Как на матушку Морвин	since on Morwin his mother		
сквозь марево слез	through a maze of tears		
Напоследок глянул он,	he looked the last,		
· ·	and the long shadows		
и длинные тени	of the forest had fallen		
Одели дом его,			
загражденный чащей;	on his fading home;		
Отвечал он нечасто,	and he answered few,	47E	
и ничего – Оргову.	and Orgof nought. Then the fool's mirth	475	
Раззадорился дурень,			
в недобрых нападках	was filled the more,		
Изощряясь нещадно;	to a keener edge		
потешался без удержу	was his carping whetted		
Над грубой одеждой,	at the clothes uncouth		
над гривой нечесаной	and the uncombéd hair		
Турина, что только что	of Túrin newcome		
воротился из чащи.	from the tangled forest.		
Извлек он изящно	He drew forth daintily	400	1.0
изысканный гребень,	a dear treasure,	480	18
Отлитый из злата	a comb of gold		19
великой ценности,	that he kept about him,		
Подал Турину –	and tendered it to Túrin;		
тот не поднял взгляда,	but he turned not his eye	s,	
Оставив Оргова	nor deigned to heed		
без ответа, как прежде,	or harken to Orgof,		
Но хмельную наглость	who too deep drunken		
не унять небрежением:	that disdain should quell	him:	

«Нет же, раз не знаешь ты ни нужды в гребне,	'Nay, an thou knowest not thy need of comb,	485
Ни прока, – рек Оргов, –	nor its use,' quoth he,	100
рано ушел ты	'too young thou leftest	
Из-под призора матери;	thy mother's ministry,	
пристало б вернуться,	and 'twere meet to go	
Пусть невежу выучит	that she teach thee tame	
волосы холить,	thy tangled locks –	
Коли жены Хитлума	if the women of Hithlum	
ухожены видом,	be not wild and loveless,	
Не дурны и нечесаны,	uncouth and unkempt	
как сыны их отвергнутые».	as their cast-off sons.'	490
Тут бешенство бурное,	Then a fierce fury,	
что белое пламя,	like a fire blazing,	
Взыграло рьяно	was born of bitterness	
в раненом сердце,	in his bruiséd heart;	
И ярость ярая	his white wrath woke	
от язвительных слов	at the words of scorn	
О женах Хитлума,	for the women of Hithlum	
их жалостной участи.	washed in tears;	
Рог, под рукой его	and a heavy horn	
рядом лежащий,	to his hand lying,	495
В узорочье золота,	with gold adorned	
для застолья славного,	for good drinking,	
Мощь не соизмерив,	of his might unmindful	
сей же миг Турин	thus moved in ire	
Схватил – и с силой	he seized and, swinging,	
в сердцах швырнул его	swiftly flung it	
В лицо Оргову.	in the face of Orgof.	
«Глупцу, – рек он,	'Thou fool', he said,	
Рот заткну я рогом,	'fill thy mouth therewith,	
чтоб бреднями вздорными	and to me no further	500
Над чашей хмельной	thus witless prate	
не докучал он мне боле».	by wine bemused' –	
С разбитым лицом	but his face was broken,	
рухнул тот навзничь,	and he fell backward,	
Затылком тяжко	and heavy his head	
стукнув об камень;	there hit upon the stone	
На плиты пола	of the floor rock-paved	
приборы и кубки,	mid flagons and vessels	
И посуда посыпалась:	of the o'erturned table	.
падая, стол	that tumbled on him	505

Опрокинул Оргов	as clutching he fell;	
и не острил более,	and carped no more,	
Смолкнув в смерти.	in death silent.	
Со скамей немо	There dumb were all	
Глядели гости;	at bench and board;	
в гулком безмолвии	in blank amaze	
Все встали вкруг Турина;	they rose around him,	
не веря глазам,	as with ruth of heart	
Взирал он безрадостно	he gazed aghast	
на рук своих дело,	on his grievous deed,	510
На ладонь, влажную	on his wine-stained hand,	
от вина алого,	with wondering eyes	
В остолбенении.	half-comprehending.	
Обернувшись резко,	On his heel then he turn	ned
Шагнул он в ночь,	into the night striding,	
никем не удержан.	and none stayed him;	
За мечи тотчас,	but some their swords	
горячась, схватились	half slipped from sheath	ıs –
Родичи Оргова,	they were Orgof's kin –	
но разить не дерзнули	yet for awe of Thingol	515
Из почтения к Тинголу;	they dared not draw	
на тана поверженного	while the dazéd king	
Глядел владыка	stonefacéd stared	
недвижным взглядом	on his stricken thane	
И знака не дал им;	and no sign showed them.	
но измученный Турин	But the slayer weary	
Слез не смиряя,	his hands laved	
в сокрытом источнике,	in the hidden stream	
Что у врат струился,	that strikes 'fore the gates,	
руки омыл:	nor stayed his tears:	520
«Кем я предан проклятью? –	'Who has cast,' he cried,	1/
промолвил он горько:	'a curse upon me;	19
Все во зло обращаю я;	for all I do is ill,	20
вне закона ныне,	and an outlaw now,	
Изгоем горьким	in bitter banishment	
гонит судьба меня	and blood-guilty,	
Прочь от отца приемного;	of my fosterfather	
запятнан кровью,	I must flee the halls,	
На леди любимую	nor look on the lady	
не гляну я снова!»	beloved again' –	525
Сердцем стремился он	yea, his heart to Hithlum	
спешить в Хитлум,	had hastened him now,	
Но не смел, мысля,	but that road he dared not,	
что месть эльфов	lest the wrath he draw	

ПЕСНИ БЕЛЕРИАНДА

По пятам помчится, и пылкая ярость	of the Elves after him, and their anger alight
Направит ныне,	should speed the spears
несмотря на Моргота,	in despite of Morgoth
За холмы Хитлума	o'er the hills of Hithlum
охотников грозных,	to hunt him down; 530 lest a doom more dire
И судьба страшней	
страданий былых Сразит и Морвин,	than they dreed of old be meted his mother
и Слезную Деву.	and the Maid of Tears.
В дальних пределах	In the furthest folds
Дориатского леса	of the Forest of Doriath,
В темных теснинах	in the darkest dales
на туманных границах	on its drear borders,
Сокрылся спешно он,	in haste he hid him,
спасаясь от травли;	lest the hunt take him; 535
Не сыскали следа	and they found not his footsteps
посланцы зоркие,	who fared after,
Таны Тингола:	the thanes of Thingol;
тридцать дней они	who thirty days
В печали прочесывали	sought him sorrowing,
чащи, но тщетно;	and searched in vain
Не со злом шли они,	with no purpose of ill,
но несли милость	but the pardon bearing
От Тингола на троне	of Thingol throned
в Тысяче Пещер.	in the Thousand Caves. 540
На совете сподвиг он	He in council constrained
сородичей Оргова	the kin of Orgof
Позабыть боль свою,	to forget their grief
быть милосердными,	and forgiveness show,
Ибо злонравьем отравленной	in that wilful bitterness
речью обрек себя	had barbed the words
Эльф Оргов	of Orgof the Elf;
на участь страшную.	said 'his hour had come
«Душе его днесь	that his soul should seek
по дороге скорбной	the sad pathway 545
Уходить в дол	to the deep valley
Ожидающих Мертвых	of the Dead Awaiting,
И трижды тысячу лет там	there a thousand years
во тьме Гуртронда	thrice to ponder
Раздумывать должно	in the gloom of Gurthrond
о недобрых насмешках,	his grim jesting,

Прежде чем придет опять на пир в Фаэри». Тут раскрыл король сокровищницу богатую, Раздал в дар он драгоценности, злато Сынам сраженного, и вассалы Тингола Короля восхваляли. Но не слышал Турин, В скорби сердечной скитаясь в чаще, О суде и думал, что дориатские эльфы Враждой ведомы по следам убийцы. Не судила судьба ему, чтоб сын Хурина

Укрыт был под кровом

народа пещер.

ere he fare to Faërie to feast again.' Yet of his own treasure he oped the gates, 550 and gifts ungrudging of gold and gems to the sons he gave of the slain; and his folk well deemed the deed. But that doom of the King Túrin knew not, and turned against him the hands of the Elves he unhappy believed, 555 wandering the woodland woeful-hearted; for his fate would not that the folk of the caves should harbour longer Húrin's offspring.

> 20 21

ПРИМЕЧАНИЯ

(Повсюду в примечаниях такие утверждения, как: «Delimorgoth [Делиморгот] "А", и в печатном тексте "В"» (строка 11), подразумевают, что вариант в опубликованном тексте (в данном случае Delu-Morgoth [Делу-Моргот] – это более позднее исправление, внесенное в «В».)

8 *Húrin* [Хурин] – это *Úrin* [Урин] «Утраченных сказаний» (а также и на момент начала работы над поэмой; см. прим. к строке 213); а его прозвище *Thalion* [Талион] 'Стойкий', встречающееся в «Сильмариллионе» и в «Нарн», в «Утраченных сказаниях» отсутствует (хотя он уже прозван 'Стойким').

11 Delimorgoth [Делиморгот] «А», и в печатном тексте «В»; Morgoth [Моргот] встречается только один раз в «Утраченных сказаниях», в машинописной версии «Сказания о Тинувиэли» (II. 44); см. прим. к строке 20.

13 Nínin Udathriol [Нинин Удатриол] «А», и в печатном тексте «В»; это название фигурирует в «Сказании» (ІІ. 84; касательно его разъяснения см. ІІ. 346). Меняя Udathriol [Удатриол] на Unothradin [Унотрадин], мой отец приписал на полях «В»: «или Nirnaithos Unothradin [Нирнайтос Унотрадин]».

17 Над Erithámrod [Эритамрод] в «А» карандашом вписано Urinthalion [Уринталион].

- 20 В печатном тексте «В» значилось Belcha [Бельха], что впоследствии было изменено на Belegor [Белегор] > Melegor [Мелегор] > Bauglir [Бауглир]. В «А» здесь значится другой вариант: as a myriad rats in measureless army / might pull down the proudest... [как мириады крыс в неохватной армии/могут ниспровергнуть самого гордого...]. Belcha встречается в машинописном варианте «Сказания о Тинувиэли» (ІІ. 44), где говорится, что Belcha Morgoth [Бельха Моргот] имена Мелько среди номов. Bauglir как одно из имен Моргота встречается в «Сильмариллионе» и в «Нарн».
- 22 Melko's [принадлежащие Мелько] «А»; Belcha's [принадлежащие Бельхе] в печатном тексте «В», далее строка была изменена на: To the halls of Belegor (> Melegor) [В чертоги Белегора (> Мелегора)] и, наконец, на приведенный здесь вариант. См. прим. к строке 20.
- 25 Над Erithámrod [Эритамрод] в «А» вписано Urin Thalion [Урин Талион] (см. прим. к строке 17); Úrin > Húrin [Урин > Хурин], а также указание читать как Thalion Húrin [Талион Хурин].
- 29 Finweg's son [сына Финвега] «А», и в печатном тексте «В»; исправление внесено на более поздней стадии, и тогда же мой отец написал на полях «В» «он был сыном Финголфина», со всей очевидностью, комментарий к замене слова «сын» на «наследник». Finweg [Финвег] это Finwë Nólemë, Владыка нолдоли, который в «Утраченных сказаниях» приходился Тургону отцом (І. 115), а не дедом, как стало впоследствии.
- 50 Kor [Kop] > Cor [Kop] «А», Cor [Kop] в печатном тексте «В». Исправляя Cor на Corthûn [Кортун], мой отец написал на полях «В»: «Corthun [Kopmyh] или Tûn [Tyh]».
- 51 Thalion [Талион] «А», и в печатном тексте «В». Delimorgoth [Делиморгот] «А», и в печатном тексте «В» (как в строке 11).
- 73 В «В» содержится знак вставки между строками 72 и 73. Вероятно, они относятся к одной строке из «А», в «В» не вошедшей: bound by the (> my) spell of bottomless (> unbroken) might [скованный (> моим) заклятием бездонной (> нерушимой) мощи].
- 75 Belcha [Бельха] «А», и в печатном тексте «В»; та же последовательность изменений в «В», как в строках 20 и 22.
 - 84 *Bauglir* [Бауглир]: как в строке 75.
 - 105 Mavwin [Мавуин] «А», и в печатном тексте «В»; затем в «В» исправлено на Mailwin [Майльвин] и обратно на Mavwin; Morwin [Морвин] вписано позже на полях «В». В точности то же самое в строках 129 и 137; хотя в последнем случае без пометки Morwin на полях; в строке 145 Mavwin не исправлено, но на полях вписано Morwin. Далее Mavwin не исправлялось и на полях пометки не было вплоть до строки 438 (см. прим.). Согласованности ради я использую вариант Morwin на протяжении всей первой версии поэмы. Форма Mavwin используется в «Сказании»; Mailwin более нигде не встречается.
 - 117 Касательно вариации *Nienóri/Nienor* [Ниэнори/Ниэнор] в «Сказании» см. II. 118–119.

21

- 120 Tinúviel [Тинувиэль] «А», Tinwiel [Тинвиэль] «В» не исправлено, но на полях вписано Tinūviel [Тинувиэль]; форма Tinwiel более нигде не встречается.
- 121 Ermabwed [Эрмабвед] 'Однорукий' эпитет или прозвище Берена в «Утраченных сказаниях».
- 137 *Gumlin* [Гумлин] поименован в «Сказании» (ІІ. 74, и т.д.); а младший из двух проводников Турина на пути в Дориат, здесь названный *Halog* [Халог] нет.
- 160 Belcha [Бельха] «А», и в печатном тексте «В», исправлено на Bauglir [Бауглир]. См. прим. к строкам 20, 22, 75.
- 213 Urin [Урин] > Húrin [Хурин] «А»; но Húrin «А» в строке 216.
- 218 Nínin Udathriol [Нинин Удатриол] «А», и в печатном тексте «В»; ср. строку 13.
- 226 Различие между «номами» и «эльфами» все еще проводится; см. І. 43-44.
- 230 Dorwinion [Дорвинион] «А».
- 306 For Mavwin was Melian moved to ruth [О Мавуин Мелиан преисполнилась горя] «А», и в печатном тексте «В», на полях вписано: Then was Melian moved [Тогда Мелиан преисполнилась]. Во второй краткой строке содержится только три слога, разве что moved [преисполнилась] прочитывается в два слога как movéd, а это неприемлемо. Во втором варианте поэмы здесь значится: For Morwen Melian was moved to ruth. [О Морвен Мелиан преисполнилась горя.] Ср. строки 494, 519.
- 333 $T\'{u}$ rin Thaliodrin [Турин Талиодрин] «А» (ср. строку 115), исправлено на the son of Thalion [сын Талиона].
- 361 Слово *Glamhoth* [гламхот] появляется в «Падении Гондолина» (II. 160), с переводом «народ страшной ненависти».
- 364 Belcha [Бельха] «А», и в печатном тексте «В»; затем > Melegor [Мелегор] > Bauglir [Бауглир] в «В».
- 392 Bauglir [Бауглир]: как в строке 364.
- 408 Morgoth Belcha [Моргот Бельха] «А», и в печатном тексте «В».
- 430 Kor [Kop] > Cor [Kop] «А», Cor в печатном тексте «В». Ср. строка 50.
- 431 *Tengwethil* [Тенгветиль]«А», и в печатном тексте «В». В раннем словаре языка номов и в «Списке имен» к «Падению Гондолина» название Таникветили на языке номов *Danigwethil* [Данигветиль] (І. 266, ІІ. 337).
- 438 *Mavwin* [Мавуин] «А», и в печатном тексте «В», но *Mavwin > Morwen* [Морвен] исправлено в «В» на поздней стадии. Я использую вариант *Morwin* [Морвин] повсюду в первой версии поэмы (см. прим. к строке 105).
- 450 *Cuinlimfin* [Куинлимфин] «А», и в печатном тексте «В»; *Cuiviénen* [Куивиэнен] позднее исправление в «В». В «Утраченных сказаниях» используется форма *Koivië-Néni* [Койвиэ-Нени]; *Cuinlimfin* нигде более не встречается.
- 461-463 Эти строки взяты в скобки и отмечены знаком «Х» в «В».
- 471 Эта строка отмечена знаком «Х» в «В».
- 472 Mavwin [Мавуин] > Morwen [Морвен] «В»; см. строка 438.

 $\frac{22}{23}$

494 all washed in tears [всем омытым слезами] «А», washed in tears [омытым слезами] «В» (краткая строка, содержащая три слога), со знаком «Х» на полях; перед washed [омытым] карандашом вписано неразборчивое слово. Ср. строки 306, 519. Вторая версия поэмы до этого момента не доходит.

514–516 Напротив этих строк мой отец приписал на полях «В»: «Пусть родня Оргова на него набросится, и Турин мечом проложит себе путь наружу».

517 stonefacéd stared [с каменным лицом глядел]: диакритический знак в stone-facéd был проставлен позже, и строка была отмечена знаком «Х». – В своей статье «О переводе "Беовульфа"» (1940 г., «"Чудовища и критики" и другие статьи» (1983), стр. 95) мой отец приводит словосочетание stared stonyfaced [глядели с каменными лицами] в качестве одного из примеров древнеанглийских аллитерационных схем.

519 his hands laved [руки омыл]: эта строка отмечена знаком «Х» в «В». Ср. строки 306, 494.

528 С краткой строки and their anger alight [и их горящий гнев] начинается вторая, более законченная часть рукописи «А»; см. стр. 4.

529 Belcha [Бельха] «А», Morgoth [Моргот] в печатном тексте «В».

548 *Guthrond* [Гутронд] «А», и в печатном тексте «В».

Комментарии к Прологу и Части I «Воспитание Турина»

Вступительная часть, или «Пролог» поэмы восходит к началу «Сказания» (II. 70–71) и в том, что касается собственно повествовательно-содержательной составляющей, практически не менялась. В строках 18–21 (и в частности в отвергнутой строке в «А», as a myriad rats in measureless army/might pull down the proudest [как мириады крыс в неохватной армии/могут ниспровергнуть самого гордого...]) явственно предвосхищается соответствующий фрагмент «Сильмариллиона» (стр. 195):

...наконец, враги захватили его живым по повелению Моргота: орки вцеплялись в него когтями, и не разжималась хватка даже когда Хурин отсекал им лапы. Не убывало число врагов, и, наконец, Хурин пал, погребенный под тяжестью их тел.

С другой стороны, наличествующий в поздней версии мотив захватить Хурина в плен живым (Моргот знал, что Хурин побывал в Гондолине) здесь, безусловно, отсутствует, поскольку на более ранних стадиях создания легенд Гондолин был обнаружен лишь после того, как Тургон отступил вниз по Сириону после Битвы Бессчетных Слез (II. 120, 208). Однако то, что Хурин был взят в плен по велению Моргота, в поэме уже утверждается (строка 20), хотя и не объясняется, почему. В «Сказании» интерес Моргота к Хурину как к орудию, с помощью которого возможно отыскать Тургона, подсказан тем, что Моргот знает:

эльфы Кора невысоко ставят людей и относятся к ним с малой опаской или подозрением из-за слепоты их и неумелости...

 $\frac{23}{24}$

Эта же мысль повторяется в поэме (46–48); однако она, судя по всему, приходит Морготу в голову, только когда он является в темницу к Хурину (44 и далее).

Место мучений Хурина (в «Сказании» – «высокое место в скалах») теперь описывается как «сиденье каменное» на самом крутом утесе Тангородрима; здесь этот топоним появляется впервые.

В строке 29 «сын» исправлено на «наследник»: это первый намек на эволюцию королевского дома нолдоли с появлением еще одного поколения между Финвэ (Финвегом) и Тургоном; но к тому времени, как мой отец карандашом внес эту поправку в текст (и отметил: «Он был сыном Финголфина»), более поздняя генеалогическая структура уже существовала, на что данное исправление, в сущности, косвенно указывает.

В «Воспитании Турина» прослеживается тесная связь между «Сказанием» и поэмой, вплоть до многочисленных почти дословных совпадений в формулировках – ими особенно изобилует сцена в чертоге Тингола, приведшая к гибели Оргова; а некоторые фразы оказались особенно долгоживущими: будучи заимствованы из «Сказания», через поэму они вошли в «Нарн и Хин Хурин», как, например:

предпочла она влачиться в бедности среди людей, нежели из милости жить в роскоши – даже у лесных эльфов (II. 73)

живя из милости у других, ей претило (284–286)

но проводить дни свои, пусть даже у эльфийских королей,

ей самой гордость еще не позволяла жить из милости на чужих хлебах, пусть даже у короля («Нарн», стр. 70)

хотя в «Нарн» фрагмент про «жить из милости» переставлен в другое место, до того, как Турин покинул Хитлум (надежда Морвен на то, что Хурин вернется, в «Нарн» не позволяет ей отправиться в Дориат вместе с сыном, а не является причиной отказа от более поздних приглашений).

Следует сделать уточнение-другое касательно положения Морвен в Дор-ломине после Битвы Бессчетных Слез. Фрагмент поэмы (111–113):

люди, не признающие жили в Дор-ломине с его вдовой женой его могучую власть и обходились неласково

вторит «Сказанию»: «Чужаки, что жили рядом, не ведали о сане владычицы Мавуин», но по-прежнему нет никаких указаний на то, кем были эти люди и откуда они пришли (см. II. 126). Как часто случается, повествовательная ситуация подготовлена, однако никак не объяснена. Зато устранена неясность «Сказания» относительно того, где именно жил Урин перед великой Битвой (см. II. 120): «был дорог дом, где он жил встарь» (228). Ниэнор родилась до того, как Турин покинул отчий дом (касательно противоречия в «Сказании» на этот счет см. II. 131); и хронология детства Турина по-прежнему совпадает со «Сказанием» (см. II. 142): в семилетнем возрасте он покидает Хитлум (332), в течение семи лет в Дориат еще приходят вести от Морвен (333); через двенадцать лет после свое-

 $\frac{24}{25}$

го прибытия в Дориат Турин убивает Оргова (471). В более позднем варианте последняя цифра осталась неизменной, что позволяет предположить, будто «Х» (знак недовольства), поставленный отцом напротив строки 471, объясняется какими-то другими причинами.

В поэме встречается несколько упоминаний о том, что Хурин и Берен были друзьями и товарищами по оружию (122–124, 248–249, 298). В «Сказании» изначально утверждалось (когда Берен был человеком), что Эгнор, отец Берена, состоял в родстве с Мавуин; это утверждение было заменено другим (когда Берен стал номом), согласно которому Эгнор дружил с Урином («и знал Берена Эрмабведа, сын Эгнора»); см. II. 71–72, 139. В более поздней версии «Сказания о Тинувиэли» (II. 44) Урин назван «братом по оружию» Эгнора; это было исправлено, чтобы Урин оказался знаком с самим Береном – как в поэме. В «Сильмариллионе» (стр. 198) Морвен думала отослать Турина к Тинголу, «ибо Берен, сын Барахира, приходился родней ее отцу и, кроме того, встарь, до того, как пришла беда, связан был с Хурином узами дружбы». В «Нарн» никаких упоминаний об этом факте нет (стр. 63); Морвен просто говорит: «Разве я теперь не в родстве с королем [Тинголом]? Ведь Берен сын Барахира был внуком Брегора, как и мой отец».

То, что Берен все еще эльф, а не человек (такой вывод напрашивается и на основании других свидетельств), явствует из строк 178–179:

и никогда до сих пор, по необходимости или из любопытства, дети людей не выбирали эту тропу

ср. «Сказание» (II. 72): «и Турин, сын Урина, первым из людей ступил на ту дорогу»; на такой вариант была исправлена более ранняя формулировка: «и Берен Эрмабвед первым из людей...»

В сцене прощания Турина с матерью при сравнении со «Сказанием» обнаруживаются мелкие отличия, подробно разъяснять которые здесь нет нужды. Младший из провожатых Турина теперь назван по имени – Халог (и говорится, что Гумлин и Халог – это единственные «челядинцы», оставшиеся у Морвен).

Касательно Белега в поэме сообщается нечто крайне любопытное. Дважды (200, 399) он назван «сыном глуши, отца не знавшим», а в строке 416 он «Белег нестареющий». В нем ощущается нечто таинственное, инаковость, отделяющая его (при том, что он и сам держится особняком, 195) от эльфов – подданных Тингола (подробнее см. стр. 127). Отголоски этого, по всей видимости, обнаруживаются в «Сильмариллионе» 1930 года, где сказано, что из Дориата никто не ушел на Битву Бессчетных Слез, кроме Маблунга и Белега, «который не подчинялся никому» (в более поздней версии этот текст звучит как: «и никто другой из Дориата, кроме одних только Маблунга и Белега – им не хотелось остаться в стороне от деяний столь славных. Тингол дозволил им ехать...»; «Сильмариллион», стр. 189). В поэме (219) Белег со всей определенностью говорит, что не участвовал в великой Битве. – Здесь (400) появляется его могучий лук из черного тисового дерева (как и в «Сильмариллионе», стр. 208, где он назван Бельтрондинг): в «Сказании» не подчеркивается, что Белег – именно лучник (II. 123).

 $\frac{25}{26}$

Слова Белега: «Боги вас направили» (215), и мысль провожатых Турина: «Боги благи» (244), – согласуются с упоминаниями в «Утраченных сказаниях» о влиянии валар на людей и эльфов Великих земель: см. II. 141.

Крепкое вино, которое Белег носил во фляге и которым напоил путников (223 и далее) весьма примечательно: оно привезено со «знойного юга» и «долгими путями» доставлялось «в земли Севера» – а край, откуда это вино родом, называется Дор-Винион (230, 425). Кроме как здесь, название это (насколько мне известно) встречается в отцовских сочинениях только в «Хоббите», в главе ІХ «Спасительные бочки»: «...Это было крепчайшее вино из прославленных виноградников Дорвиниона» и «...Вино Дорвиниона навевает глубокие и приятные сны».* Подробнее см. стр. 127.

Любопытный фрагмент из послания Тингола к Морвен в «Сказании», с объяснением, отчего король не пошел со своим народом на Битву Бессчетных Слез (II. 73), здесь был отвергнут; однако вместе с ответом Морвен посланцам из Дориата появляется легенда о Драконьем шлеме Дор-ломина (297 и далее). Пока еще о нем сказано очень мало (хотя во второй версии поэмы говорится уже больше, см. стр. 126): Хурин часто надевал этот шлем в битву (в «Нарн» отрицается, что он им пользовался, стр. 76); шлем магическим образом защищал своего владельца (как и в «Нарн», стр. 75); и был «знаком увенчан вздыбленного дракона», а также «начертали на нем руны мастера древности» (ср. «Нарн»: «исписан рунами победы»). Но о том, как именно шлем попал к Хурину, не говорится ничего, кроме того факта, что это его «наследие». Весьма примечателен фрагмент (307 и далее), в котором описывается, что Тингол обошелся со шлемом так, словно «сокровища его были скудны», хотя на деле ему принадлежали «подземелья, заполненные / эльфийскими оружейнями с древними доспехами». Прежде я уже комментировал (см. II. 128–129, 245–246) подчеркнутую бедность Тинвелинта (Тингола) на ранней стадии: здесь впервые возникает представление о его богатстве (присутствующее также в начале «Лэ о Лейтиан»). Также примечательна перекличка строк поэмы с отрывком из «Нарн», стр. 76:

И все же Тингол любовался шлемом так, словно сокровищницы его были скудны, и сказал он учтиво: «Воистину, благородные чела венчал он некогда, чела предков Хурина».

Также отголосок строк 315-318:

И тут запала дума в Тинголово сердце, и призвал он Турина, и сказал ему, когда пришел тот, что матушка его Морвин могущественную вещь послала своему сыну – наследие его отца

отчетливо слышен в прозаической версии «Нарн»:

26

^{*} Дорвинион обозначен на декорированной карте Полин Бэйнс как область на северо-западном побережье моря Рун. Остается предположить, что это название, наряду с прочими, которые следовало поместить на карту, ей сообщил мой отец (см. «Неоконченные предания», прим. на стр. 261), однако такое местоположение не может не вызывать удивления.

И тут пришла ему новая мысль, и велел он позвать к себе Турина, и сказал ему, что Морвен шлет своему сыну бесценный доспех, сокровище его отцов.

Ср. также последующие фрагменты в обоих текстах, касательно того, что Турин был еще слишком мал, чтобы поднять Шлем, и в любом случае не придал ему значения, поскольку слишком горевал из-за отказа матери покинуть Хитлум. Это стало «первой из его горестей» (328); в «Нарн» (стр. 75) – второй.

Рассказ о характере Турина в отрочестве (341 и далее) очень близок к описанию из «Сказания» (II. 74), которое, как я отмечал прежде (II. 121), сохранилось в «Нарн» (стр. 77): таковой и в самом деле эхом вторит поэме («постиг он великую премудрость», «непросто заводил дружбу»). В поэме еще добавлено, что «в сложении песен / обладал он мастерством менестреля, но радости в них не было».

В повествовании появляется новый важный элемент: Белег и Турин (который носит Драконий шлем, 377) вместе сражаются на границах Дориата:

как Белег нестареющий был братом по оружию черноволосому мальчугану из побежденного народа. (416–417)

В «Сказании» об этом не упоминается ни словом (II. 74). См. мои комментарий, II. 122:

В сказании доблести Турина в сражениях с орками во время его пребывания в Артаноре придана бо́льшая, фактически – исключительная важность («много лет защищал Турин эльфов от гнева Мелько»), тем более что Белег, его боевой товарищ в позднейших версиях, здесь не упомянут.

Однако в поэме значимость воинской доблести Турина для Дориата никоим образом не умаляется:

ибо он не подпускал погибельную длань к народу Тингола, и Ту страшился его... (389–390)

Здесь мы впервые встречаем Ту, «самого могучего тана / под властью Моргота Бауглира». Любопытно то, что Ту знал о Турине и боялся его, а также и то, что Моргот приказал Ту напасть на Дориат: этот мотив еще повторится в «Лэ о Лейтиан».

В истории Турина и Оргова стихотворный вариант со всей очевидностью следует прозаическому «Сказанию»; как уже отмечалось, совпадают многие формулировки и обороты. Как этот эпизод соотносится с более поздней версией, уже рассматривалось ранее (II. 121–122). В Оргове по-прежнему есть кровь номов; из этого, вероятно, можно заключить, что концепция, согласно которой среди подданных Тингола были и номы (см. II. 43), все еще в силе. Возвращение Турина из лесов в Тысячу Пещер (это название появляется в поэме впервые), по всей видимости, ознаменовано пышным празднеством с песнями о Валиноре – совсем не так, как в более поздней версии, где его приход не является каким-то выдающимся событием, а Тингола и Мелиан в Менегроте нет («Нарн», стр. 79); и Турина, и Оргова усадили «высоко, / близ короля и королевы» (то

<u>27</u>

есть, предположительно, на возвышении, за «высоким столом» для почетных гостей). Мой отец взял в скобки строки 461–463 и пометил их знаком «Х», но потому ли, что решил отказаться от этой идеи, я сказать не могу. «Тайные песни сынов Инга», о которых упоминается в данном фрагменте, на самом деле не песни сыновей Инга из истории Эльфвине (II. 301 и далее); этот Инг – номская форма имени Ингвэ, Владыки Первого Рода (ранее – Инвэ, Владыка телери).*

Весьма примечательны строки о смерти Оргова:

час пробил душе его искать печальную тропу в глубокую долину Ожидающих Мертвых, и там трижды тысячу лет размышлять во мраке Гуртронда над своей недоброй шуткой, прежде чем он отправится в Фаэри пировать снова. (544–549)

Ср. сказание «Пришествие валар и создание Валинора» (І. 76):

Здесь [в чертогах Вэ] Мандос выносил им приговор, и здесь они ждали во тьме, грезя о прошлых своих деяниях, до тех пор, пока в час, назначенный Мандосом, не возродятся они в своих детях и не уйдут на землю – петь и смеяться.

Название Γ уртронд (< Γ утронд) более нигде не встречается; первый элемент здесь, вне сомнения, gurth 'смерть', как в имени меча Турина Γ уртолфин (II. 342).

Остается сделать еще несколько уточнений по поводу топонимов. В строке 366 утверждается, что Xumnym – это название Дорломина среди людей:

о темном Дорломине с его хмурыми соснами, что Хитлумом злополучным зовут люди.

Это весьма любопытно. В «Утраченных сказаниях» данный край среди людей именуется *Арьядор*; так, в «Сказании о Турамбаре» (II. 70):

В те дни мой народ обитал в долине Хисиломэ, и ту землю люди именовали на своих тогдашних языках Арьядором.

В «Сильмариллионе» 1930 года специально оговаривается, что Xumnym и Дорло- muh- это названия Xucunom на языке номов и, по-видимому, есть все основания полагать, что так было всегда. Ответ на эту загадку, тем не менее, возможно, обнаруживается в том же фрагменте из «Сказания о Турамбаре», где утверждается, что:

с уст их [т.е. людей] не сходила история Турамбара и Фоалокэ, которых, однако, по обычаю номов люди называли Турумарт и Фуитлуг.

 $\frac{28}{29}$

^{*} То, что *Инг* – это номская форма имени *Ингвэ*, явствует из «Очерка мифологии» 1926 года и «Сильмариллиона» 1930 года. Имя *Инг* было заменено на *Инвэ* в «Домике Утраченной Игры», но там имя Инвэ на языке номов – *Инвитиэль*, переправленное из *Гим Гитиль* (I. 16, 22).

Тогда, скорее всего, строка 366 подразумевает, что люди называли Хисиломэ Хитлумом, поскольку пользовались номским названием, а не потому, что таково было название этой области на их родном языке.

В следующих строках (367–368) говорится, что:

Тенистые горы ограждали их от Фаэри и народа лесов.

Здесь название Тенистые горы появляется впервые и используется в том же смысле, как и впоследствии (Эред Ветрин); в «Утраченных сказаниях» хребты, ограждавшие Хитлум с юга, именовались Железными горами или Холмами Горечи (см. II. 61).

Название Куинлимфин для Вод Пробуждения (прим. к строке 450), судя по всему, было лишь сиюминутной, вскорости отвергнутой идеей.

И последнее: в строке 50 (в «В» переправлено из Кор [Côr]) встречается уникальное составное название Кортун [Corthûn], тогда как в строке 430 «город Кор [Côr]» было исправлено на «город Тун [Tún]»; см II. 292.

Π

Долго один

в дебрях скрывался он,

Ловец зверя,

29

30

людей ненавистник,

И орков, и эльфов;

отверженцев шайка,

Дики и дерзки,

один за другим

Стеклись под длань его;

далече рыскали,

Друга и недруга

в страх повергая.

Ибо злоба лютая

жгла Турина,

Врага встречали в нем

вассалы Тингола,

Коли в черной чаще

случалось столкнуться им.

Белегу бесстрашному на порубежье Дориата

Бой дали разбойники, с ним были немногие, –

a hunter of beast

or Orcs, or Elves,

around him rallied;

and friend of old.

For hot with hate

nor a friend found him

as he wandering met

in the wood's fastness.

There Beleg the brave

on the borders of Doriath

they found and fought -

and few were with him -

БЕЛЕГ

П BELEG

Long time alone

he lived in the hills

and hater of Men. 560

till outcast folk

there one by one,

wild and reckless

and roaming far

they were feared by both foe

was the heart of Túrin, 565

such folk of Thingol

and o'erborne by numbers Числом одолели, оплели путами, they bound him at last, 570 till their captain came Пока вождь не воротится ввечеру в лагерь. to their camp at eve. Далеко от той драки Afar from that fight his fate that day в тот день Турина had taken Túrin Судьба услала on the trail of the Orcs, по следу орков, as they hastened home Что домой шли, не мешкая, к Холмам Железа to the Hills of Iron with the loot laden С добром, добытым of the lands of Men. 575 во владеньях людских. Then soon was him said Сказали ему загодя привязали, мол, к дереву that a servant of Thingol Тана Тингола, they had tied to a tree и Турин, приблизившись, and Túrin coming Глянул изумленно stared astonied на лик суровый on the stern visage of Beleg the brave Белега бесстрашного, собрата по оружию, his brother in arms. of whom he learned the lore Кто в пляске лезвий of leaping blades, 580 наставлял его встарь, and of bended bow В умении управиться and barbéd shaft. с упругим луком, and the wild woodland's В заповедном знании wisdom secret, зеленых чаш. when they blent in battle Когда кровь из ран своих они в сраженье смешали. the blood of their wounds. Тут сердце Турина Then Túrin's heart отвратилось от ненависти, was turned from hate, Белега-ловчего and he bade unbind Beleg the huntsman. велел развязать он. 585 'Now fare thou free! «Ступай на свободу! Но коли старая дружба But, of friendship aught if thy heart yet holds Не иссякла в сердце for Húrin's son, к сыну Хурина, never tell thou tale Не выдай вовеки, that Túrin thou sawst что видел меня ты an outlaw unloved Изгоем, отторгнутым эльфами и людьми, from Elves and Men, whom Thingol's thanes С коим таны Тинголовы 590 тшатся покончить. yet thirst to slay.

30

31

Прежнюю преданность не предай ныне!» Тут Белег-лучник привлек к груди его, -На пир не попал он, где пал Оргов, -Поцеловал приветливо со словами утешными: «Ло! Не ведал вести я, кою выслушал ныне, Но в почете ль, в бесчестии ль, всечастно пребудешь ты Братом Белегу в беде и в радости! Но мне немило, что меч твой ярый Жаждет жизней осажденных эльфов. Или гнусные гламхот сгинули разом, Или сердцем ослабли супротивники Фаэри, Так что дела достойного нет доблестным воинам? Иль в дружбе род людской с вражьим племенем? Прежнюю преданность предашь ли ныне?»

«Ни орка оружного, ни эльфа лесного На земле подлунной не люблю и не чту я, О Белег-лучник! Эта банда одна лишь – Мне собратья по скорби и судьбе неприкаянной, Други мне и соратники – враг нам весь мир».

«Пусть же к банде добавится и Белега лук; Смерть суля сынам мрака,

Betray not my trust or thy troth of yore!' Then Beleg of the bow embraced him there he had not fared to the feast or the fall of Orgof – there kissed him kindly comfort speaking: 'Lo! nought know I of the news thou tellest; 595 but outlawed or honoured thou ever shalt be the brother of Beleg, come bliss come woe! Yet little me likes that thy leaping sword the life should drink of the leaguered Elves. Are the grim Glamhoth then grown so few, 600 or the foes of Faërie feeble-hearted. that warlike Men have no work to do? Shall the foes of Faërie

be friends of Men?

Betrayest thou thy troth
whom we trusted of yore?'

'Nor of arméd Orc,
nor [of] Elf of the wood, 605

nor of any on earth
have I honour or love,
O Beleg the bowman.
This band alone
I count as comrades,
my kindred in woe
and friendless fate –
our foes the world.'

'Let the bow of Beleg to your band be joined; 610 and swearing death to the sons of darkness Да избудем боль let us suage our sorrow и обиду судьбы! and the smart of fate! Не иссякла смелость, Our valour is not vanquished, слава не тщетна, nor vain the glory that once we did win Что под сенью лесов in the woods of old.' стяжали мы встарь». Thus hope in the heart Слова эти в сердце of Húrin's offspring 615 сына Хурина awoke at those words; Пробудили надежду; едино мыслили and them well likéd of that band the boldest, В отряде храбрейшие; не рад был лишь Блодрин save Blodrin only -Блодрин, сын Бора; Blodrin Bor's son, богатств да крови who for blood and for gold alone lusted. Жаждал он жадно, не желал и думать, and little he recked whom he robbed of riches Чье добро грабит, 620 кого рубит насмерть, or reft of life. were it Elf or Orc: Эльфа ли, орка ли; но не открыл Блодрин but he opened not the thoughts of his heart. Потаенных помыслов. Пробудилась арфа -There throbbed the harp, where the fires flickered, Пламя плясало, and the flaming brands пылали ярко of pine were piled Сосновые сучья, in the place of their camp; свалены грудой, Там, где в лагере люд, where glad men gathered in good friendship 625 ликуя, сошелся, as dusk fell down Как соткались сумерки над стылым лесом. on the drear woodland. Ввысь взвилась Then a song on a sudden soaring loudly – внезапно песня, -Под деревами ветвистыми, and the trees up-looming towering harkened что нависли, внимая, -О Злом Разоре was raised of the Wrack of the Realm of the Gods: в Землях Богов, of the need of the Gnomes О невзгодах номов on the Narrow Crossing; 630 в нелегком Походе, О битве в Фангросе, of the fight at Fangros, and Fëanor's sons' о Феанора сынов Непреложной клятве. oath unbreakable. Тут воскликнул Белег: Then up sprang Beleg:

 $\frac{31}{32}$

«Похвальба и обеты	'That our vaunt and our vows
да не забудутся наши!	be not vain for ever,
Как те вожди всемером	even such as they swore,
встарь ручались,	those seven chieftains,
Поклянемся же ныне	an oath let us swear
неизменной клятвой –	that is unchanging 63.
Что крутая вершина	as Tain-Gwethil's
Тайн-Гветили!»	towering mountain! '
Сблизились лезвия	Their blades were bared,
в блеске кровавом	as blood shining
Ало-огненных	in the flame of the fires
отсветов пламени.	while they flashed and touched
Слово сказали	As with one man's voice
в согласье едином -	the words were spoken,
Должно длиться	and the oath uttered
раз данной клятве	that must unrecalled 64
Вечно, верности	abide for ever,
связь скрепляя,	a bond of truth
И дружбы оружной	and friendship in arms,
в трудную пору.	and faith in peril.
Так вновь война	Thus war was waked
с врагами Фаэри	in the woods once more
Под кронами грянула,	for the foes of Faërie,
грозная слава	and its fame widely,
Братства ратного	and the fear of that fellowship,
трепет вселяла;	now fared abroad; 64
Не стихал рог	when the horn was heard
охотников-эльфов,	of the hunting Elves
Будя долы	that shook the shaws
и дикие чащи.	and the sheer valleys.
Лучились лезвия,	Blades were naked
луки гнулись,	and bows twanging,
Свистели в сумраке	and shafts from the shadows
стрелы крылатые,	shooting wingéd,
Отродьям мрака	and the sons of darkness
на страх и погибель;	slain and conquered; 650
Даже в Ангбанде орки	even in Angband
ужас изведали.	the Orcs trembled.
Разнеслись слухи	Then the word wandered
под сводами леса,	down the ways of the forest
Что Турин Талион	that Túrin Thalion
возвратился к битве;	was returned to war;
Достигли и Тингола,	and Thingol heard it,
танов выслал он	and his thanes were sped

Приграсти отпорилатил	to load the lost one	
Привесть отверженца	to lead the lost one in love to his halls –	655
в любви пред трон его, –	but his fate was fashioned	055
Но судьба не судила,		
чтоб сыскали Турина.	that they found him not	•
В тех сраженьях стяжали	Little gold they got	
сокровищ мало, –	in that grim warfare,	
Наградой им – раны,	but weary watches	
да стража бессонная;	and wounds for guerdor	1;
Не грабежом впредь жили –	nor on robber-raids	
ограждали Фаэри	now rode they ever,	
Всякий день доблестью	who fended from Faërie	
от демонов ада	the fiends of Hell.	660
Но Блодрин, сын Бора,	But Blodrin Bor's son	
добычи алкал,	for booty lusted,	
Хмельного хохота	for the loud laughter	
лихих времен,	of the lawless days,	
Угощеньем прельщался	and meats unmeasured,	
щедрым без меры:	and mead-goblets	
Чтоб пустели и полнились	refilled and filled,	
пенным медом	and the flagons of wine	
Чаши бессчетные	that went as water	
на бесчинной попойке.	in their wild revels.	665
Преданья поведали:	Now tales have told	
в плен ребенком	that trapped as a child	
Угнали его гномы	he was dragged by the Dwarves	
в Ногрод подгорный,	to their deep mansions,	
Там вырос он в неволе	and in Nogrod nurtured,	
во всем непохожий	and in nought was like,	
На кровный свой род,	spite blood and birth,	
на радостных эльфов.	to the blissful Elves.	
Всем сердцем ненавидел он	His heart hated	
сына Хурина	Húrin's offspring	670
И Белега-лучника.	and the bowman Beleg;	
Бросил отряд он,	so biding his while	
Выждав время,	he fled their fellowship	
и выдал прибежище	and forest ĥidings	
Оркам озлобленным,	to the merciless Orcs,	
чьи острия кривые,	whose moon-pallid	
Лунно-бледные лезвия,	cruel-curvéd blades	
люты до крови.	to kill spare not;	
Ибо жжет их жарче	than whose greed for gold	
жажда злата,	none greater burns	675
Чем утробы алчные	save in hungry hearts	
адских драконов.	of the hell-dragons.	

32

33

He betrayed his troth; Предал он правду, предателем сделавшись, traitor made him and the forest fastness Открыл оркам, of his fellows in arms отрекшись от клятвы, he opened to the Orcs, Сокрытую крепость соратников смелых. nor his oath heeded. Там, рубясь, погибали те There they fought and fell в битве неравной, by foes outnumbered, 680 Врасплох вероломством by treachery trapped at a time of night уловлены ночью, when their fires faded Когда костры догорели, и редко кто бодрствовал. and few were waking some wakened never, Не проснулись иные – not for wild noises, под стенанья и грохот, Под клики, проклятья nor cries nor curses, и лязганье стали nor clashing steel, swept as they slumbered Во сне сошли они to the slades of death. 685 в смертные долы. But Túrin they took, Турина захватили, хоть, восстав в мощи, though towering mighty Обок Охотника at the Huntsman's hand he hewed his foemen, отчаянно бился, Как средь своры воющей as a bear at bay mid bellowing hounds, медведь затравленный, Презрев раны; unheeding his hurts; как поручено Морготом, at the hest of Morgoth yet living they lapped him, Покуда жив, окружили его, his limbs entwining, 690 сжали цепко Лохматыми лапами, with hairy hands and hideous arms. дланями хищными. Погребен был Белег Then Beleg was buried in the bodies of the fallen, под убитыми в схватке, as sorely wounded От раны страшной рухнув замертво; he swooned away; Добыли в битве and all was over, победу орки. and the Orcs triumphed. The dawn over Doriath Заря забрезжила зыбко над Дориатом. 695 dimly kindled Блодрин, сын Бора, saw Blodrin Bor's son by a beech standing под буком замер – with throat thirled Стрела каленая by a thrusting arrow, впилась в горло, whose shaven shaft, Острием отравленным shod with poison, застряла в дереве -

С оструганным древком, оперенным густо.	and feather-wingéd, was fast in the tree.	
Кто за кровь собратьев требовал злата,	He bargained the blood of his brothers for gold:	700
Тот обрел награду	thus his meed was meted –	,
во мраке ночи –	in the mirk at random	
Смерть от случайной	by an orc-arrow	
стрелы орочьей.	his oath came home.	
Прочь от мороков магии	From the magic mazes	
Мелиан-королевы	of Melian the Queen	
Повлекли злополучного	they haled unhappy	
наследника Хурина,	Húrin's offspring,	
Чтоб судьбы не избег он;	lest he flee his fate;	
но неблизок был путь.	but they fared slowly	705
Длинными лигами	and the leagues were long	
нелегких троп	of their laboured way	
Через овраги и рощи	over hill and hollow	
к отрогам горным,	to the high places,	
Где кряжи каменные	where the peaks and pinnacles	
и кручи отвесные	of pitiless stone	
Ввысь воздвиглись	looming up lofty	
до завесы туч	are lapped in cloud,	
В облачении чадном	and veiled in vapours	
черного дыма;	vast and sable;	710
Где Эйглир Энгрин	where Eiglir Engrin,	
эхом полнятся –	the Iron Hills, lie	
Холмы Железные	o'er the hopeless halls	
над хоромами Ада	of Hell upreared	
В преддверье ревучих	wrought at the roots	
отвесных утесов	of the roaring cliffs	
Горы Тангородрима,	of Thangorodrim's	
громов пристанища,	thunderous mountain.	
С добром награбленным	Thither led they laden	
направились орки.	with loot and evil;	715
Но Белег в беспамятстве,	but Beleg yet breathed	
забрызган кровью,	in blood drenchéd	
Дышал еще. Солнце	aswoon, till the sun	
спешило к югу	to the South hastened,	
Над окоемом; открылось	and the eye of day	
око дневное.	was opened wide.	
Придя в себя, зарыдал он,	Then he woke and wondered,	
оглядевшись растерянно,	and weeping took him,	

Равных не знала Unmatched among Men, средь рода людского, or magic-wielding Elves, or hunters Средь орков-охотников, of the Orc-kindred. средь эльфов-магов or beasts of prey Или зверья свирепого, for blood pining, до крови жадного, was his craft and cunning, Ловкость лучника; that cold and dead на хладном камне След сокрытый an unseen slot could scent o'er stone, сыскать умел он, Мог учуять в чащах foot-prints could find on forest pathways отпечаток лапы, Легший на листья that lightly on the leaves were laid in moons луны назад, Развеян ветром long waned, and washed by windy rains. и вымыт ливнями. The grim Glamhoth's Гнусные гламхот, goblin armies гоблинов орды go cunning-footed, Шли неслышно, but his craft failed not но след отыскивал Ловчий ловко; to tread their trail, till the lands were darkened, в земле неведомой and the light was lost Свет сокрылся; сгустилась темень. in lands unknown. Ночь нерассветная Never-dawning night was netted clinging тенетами липла in the black branches К деревам нависшим, of the beetling trees; к веткам сплетенным. Одурманен смольным oppressed by pungent pinewood's odours, 755 ароматом сосновым, and drowsed with dreams В дремотном мороке as the darkness thickened, сквозь тьму густевшую he strayed steerless. Без дорог брел он. Сокрылись звезды, The stars were hid, and the moon mantled. Затмился месяц. There magic foundered Здесь магия гасла В гибельной мгле. in the gathering glooms, Здесь гоблины даже, there goblins even (Чьи глаза зоркие (whose deep eyes drill the darkest shadows) 760 пронзают темень) Растерявшись, бродят, bewildered wandered, who the way forsook с дороги сойдя Пошарить в лощинах; to grope in the glades, there greyly loomed вширь неохватные

ПЕСНИ БЕЛЕРИАНДА

Дерева вековые,	of girth unguessed	
овеяны чарами,	in growth of ages	
Вознесли гладкие	the topless trunks	
стволы до неба.	of trees enchanted.	
Нарек тот край	That fathomless fold	
народ Эльфланда –	by folk of Elfland	765
Таур-на-Фуин,	is Taur-na-Fuin,	
Темная Чаща	the Trackless Forest	
Смертной Мглы:	of Deadly Nightshade,	
то страшное имя.	dreadly naméd.	
Затерян, истерзан,	Abandoned, beaten,	
простерся Белег,	there Beleg lying	
Внемля ветру	to the wind harkened	
в ветвях поникших,	winding, moaning	
	in bending boughs;	
Стонам и скрипам сучьев кряжистых	to branches creaking	770
В вышней выси,	up high over head,	//(
где предвестьем недобрым	where huge pinions	
	of the pluméd pine-trees	
Крылья оперенные угрюмых сосен	complained darkly	
Плескали печально.		
	in black foreboding. There bowed hopeless,	
Помрачась разумом, Скорбно склонился он,	in wit wildered,	
	and wooing death,	
смерть призывая,	he saw on a sudden	
Внезапно узрел он зыбкий отсвет,	a slender sheen	775
Луч переливчатый	shine a-shimmering	//-
, .	in the shades afar,	
вдали средь сумрака, Так светляк бледный	like a glow-worm's lamp	
	a-gleaming dim.	
бликом мерцает.	He marvelled what it might be	
Дивясь на диковину,	as he moved softly;	
к ней двинулся Белег:	for he knew not the Gnomes	
Не ведал он вовсе	of need delving	
про невольников-номов,	in the deep dungeons	
Что томились в темницах		780
темного Моргота.	of dark Morgoth.	/00
Мастера по металлу	Unmatched their magic	
магией дивной	in metal-working,	
Украсы творили	who jewels and gems	
на радость Богам	that rejoiced the Gods	
И самоцветы светлые	aforetime fashioned,	1
на воле некогда;	when they freedom held	u,
Днесь рабами забитыми	now swinking slaves	
работали тяжко	of ceaseless labour	

В Ангбандских кузнях,	in Angband's smithies,	
в адовой бездне,	nor ever were suffered	785
Сокрыться не в силах:	to wander away,	
стерегли их зорко.	warded always.	
Но светочи скромные	But little lanterns	
из сребра хладного	of lucent crystal	
И хрусталя лучистого	and silver cold	
с преловким искусством	with subtlest cunning	
Созидали дивно;	they strangely fashioned,	
в средине нетленно	and steadfast a flame	
Пламя пылало	burnt unblinking	
бледно-синее	there blue and pale,	790
Светом стойким.	unquenched for ever.	
Секрет огня их	The craft that lit them	
Хранили номы	was the jewel-makers'	
что зеницу ока:	most jealous secret.	
Ни мощь Моргота,	Not Morgoth's might,	
ни муки, ни плата	nor meed nor torment	
Не сподвигли невольников	them vowed, availed	
выдать тайну;	to reveal that lore;	
Но светочей вечных	yet lights and lamps	
живого пламени	of living radiance,	795
Немало магией	many and magical,	
для Моргота сделали.	they made for him.	
Во тьме кромешной	No dark could dim them	
не меркли лучи их;	the deeps wandering;	
Кто на свет их следовал,	whose lode they lit	
не сбивался с дороги	was lost seldom	
В неосвещенных пещерах	in groundless grot,	
и расщелинах тесных.	or gulfs far under.	
Взглянув настороженно,	'Twas a Gnome he beheld	
нома Белег	on the heaped needles	800
Завидел на ворохе	of a pine-tree pillowed,	
хвои сосновой,	when peering wary	
Подобравшись поближе.	he crept closer.	
Покров из шкуры	The covering pelt	
Соскользнул со светоча,	was loosed from the lamp	
сиявшего ясно	of living radiance	
Подле спящего.	by his side shining.	
Пали тени	Slumber-shrouded	
На лик, истомленный	his fear-worn face	
во власти страха.	was fallen in shade.	805
I		

Чтоб в тенетах тканых	Lest in webs woven	
темной дремы,	of unwaking sleep,	
Отягченных чарами	spun round by spells	
в тех черных пределах,	in those spaces dark,	
Непробудным безмолвием	he lie forlorn	
не забылся навеки он,	and lost for ever,	
Окликнул его Ловчий	the Hunter hailed him	
средь леса притихшего –	in the hushed forest –	
В необъятных безднах	to the drowsy deeps	
глубокого сна	of his dream profound	810
Грянул громко	fear ever-following	
страх неотвязный;	came falling loud;	
Сей же миг молнией	as the lancing lightning	
с места вскочил он,	he leapt to his feet	
Мысля: то смерть	full deeming that dread	
и муки настигли	and death were upon hir	n.
Флиндинга го-Фуилина,	Flinding go-Fuilin	11,
из форта Моргота	fleeing in anguish	
Бежавшего в ужасе.	from the mines of Morgoth.	
Пораженно внимал он	Marvelling he heard	815
Наречию древнему	the ancient tongue	013
народа Туна;	of the Elves of Tûn;	
Беглеца обнял	and Beleg the Bowman	
Белег-Лучник,	embraced him there,	
Про род и рок его	and learnt his lineage	
безрадостный вызнал:	and luckless fate,	
Как в неволю был ввергнут он	how thrust to thraldom	
вместе с пленными,	in a throng of captives,	
От родичей отторгнутыми	from the kindred carried	
и от обителей скальных	and the cavernous halls	820
и от обителей скальных Номов-насельников	of the Gnomes renowned	020
	of Nargothrond,	
Наргортронда; Как годами трудился он,	long years he laboured	
	under lashes and flails	
выжидая часа, Под хлесткой плетью	of the baleful Balrogs,	
злобных балрогов.	abiding his time.	
	A tale he unfolded	
Правду поведал он		
о превратностях бегства	of terrible flight	
Через пустошь пламенную и	o'er flaming fell	925
пустоты дымные,	and fuming hollow,	825
Через песок запекшийся	o'er the parchéd dunes of the Plains of Drouth,	
степей Засухи;		
Осторожность утратил он,	till his heart took hope and his heed was less.	
воспряв сердцем.	and ms need was less.	

«В тенетах темных	'Then Taur-na-Fuin
Таур-на-Фуин	entangled my feet
Разум утратил я	in its mazes enmeshed;
на тропах путаных,	and madness took me
В беспамятстве бредил,	that I wandered witless,
бродил, натыкаясь	unwary stumbling 830
На стволы сосен,	and beating the boles
сыпал ударами	of the brooding pines
В ослеплении ярости –	in idle anger –
меня орки заслышали.	and the Orcs heard me.
На поляне лагерь их:	They were camped in a clearing,
повезло мне чудом	that close at hand
Пройти пообок.	by mercy I missed.
Пролег широко	Their marching road
Их торный тракт	is beaten broad
через тени густые,	through the black shadows 835
Сокрыт волшбой	by wizardry warded
от странников-эльфов;	from wandering Elves;
Но страх силен в них	but dread they know
пред Смертной Мглой –	of the Deadly Nightshade,
Лишь в спешке ступают	and in haste only
на стезю ужасную.	do they hie that way.
Гам и гомон,	Now cruel cries
и громкие вопли	and clamorous voices
Леса огласили;	awoke in the wood,
стрелы крылатые	and winged arrows 840
Срывались со свистом	from horny bows
с роговых луков;	hummed about me;
Топоток торопкий,	and following feet,
тихая поступь	fleet and stealthy,
Слышались следом	were padding and pattering
по сосновой хвое.	on the pine-needles;
Съежился я в страхе;	and hairy hands
в сумраке шарили	and hungry fingers
Лапы лохматые,	in the glooms groping,
длинные пальцы	as I grovelled fainting 845
Чуть живого выискали,	till they cowering found me.
хватко вцепились, -	Fast they clutched me
Избит, истерзан,	beaten and bleeding,
изнурен духом,	and broken in spirit
В полон повлекся я.	they laughing led me,
Потешаясь, орки	my lagging footsteps
Подгоняли пиками.	with their spears speeding.
Пленников скованных	Their spoils were piled,
	1 1 1

 $\frac{36}{37}$

Средь груд награбленного	and countless captives	
узрел я в лагере;	in that camp were chained,	850
Рыдали страдальчески	and Elfin maids	
девы эльфийские.	their anguish mourning.	
За одним следили	But one they watched,	
и днем, и ночью:	warded sleepless,	
Силен, строг ликом,	was stern-visaged, strong,	
статен и крепок,	and in stature tall	
Как мужи Хитлума	as are Hithlum's men	
с холмов туманных,	of the misty hills.	
Простерся в полный рост он,	Full length he lay	
привязан к кольям.	and lashed to pickets	855
Сердцем стоек,	in baleful bonds,	
пусть стянут путами,	yet bold-hearted	
Не молил он о милости	his mouth no mercy	
Моргота черного,	of Morgoth sued,	
Но врагам слал вызов.	but defied his foes.	
Зверски избитый,	Foully they smote him.	
Воззвал он звонко, –	Then he called, as clear	
так зычным криком	as cry of hunter	
Ловчий в долинах	that hails his hounds	
кличет гончих, -	in hollow places,	860
К королю великому,	on the name renowned	000
к славному имени, –	of that noblest king –	
Немногим оно ныне	but men unmindful	
в народе памятно, –	remember him little –	
К Хурину Талиону,	Húrin Thalion,	
Эритамродом прозванному,	who Erithámrod hight,	
Сиречь Несгибаемым,	the Unbending,	
ибо балрогу с орком	for Orc and Balrog	
И мощи Моргота	and Morgoth's might	
	on the mountain yet	865
в муках страшных Противится стойко он	he defies fearless,	003
на Тангородриме,	on a fangéd peak	
на тангородриме, На горе грозной,	of thunder-riven	
громом расколотой».	Thangorodrim.'	
тромом расколотои».	Thangorourini.	
Вскочил в отчаянии	In eager anger	
сей же час Белег,	then up sprang Beleg,	
Воззвал и воскликнул,	crying and calling,	
не вспомнив о Флиндинге:	careless of Flinding:	
«О Турин, Турин,	'O Túrin, Túrin,	
товарин и брат мой.	my troth-brother.	870

to the brazen bonds Путам позорным предам тебя ли shall I abandon thee, И порталу пасмурному and the darkling doors of the Deeps of Hell?' Подземелий Адских?» 'Thou wilt join his journey «В пасть пагубы последуешь с ним ты, to the jaws of sorrow, O bowman crazéd, О лучник глупый, if thy bellowing cry коли клики громкие to the Orcs should come; Орки услышат; their ears than cats' 875 острей чем у кошек are keener whetted, Слух их сторожкий; and though the camp from here до стана отсюда, be a day distant Где дела те видал я, where those deeds I saw, день дороги. who knows if the Gnome Как знать, вдруг за номом они ныне гонятся they now pursue Что ужом увертливым that crept from their clutches, ускользнул из когтей их as a crawling worm Ползком, потихоньку, on belly cowering, whom they bleeding cast 880 полумертвым брошенный В крови, изранен, in deathly swoon on the dung and slough на грязь и гноище В проклятом их логове. of their loathsome lair. О Луч Валинора! O Light of Valinor! О благие Боги! and ye glorious Gods! Как блещут глаза их, How gleam their eyes, Как алы пасти!» and their tongues are red!' 'Yet I Túrin will wrest «Из алчных лап Исторгну я Турина, from their hungry hands, иль утянут в Ад меня, or to Hell be dragged, 885 Иль уснуть мне с убитыми or sleep with the slain в урочище Смерти». in the slades of Death. Да ведет нас светоч твой, Thy lamp shall lead us, and my lore rekindle да возжжет заново and wise wood-craft!' Следопыта сноровку!» – «Слова твои дики, 'O witless hunter, Худоумный охотник! thy words are wild -Хранят заклятья wolves unsleeping Несчастных невольников, and wizardry ward 890 their woeful captives; и неусыпные волки; unerring their arrows; Остры стрелы; сталь льдистая the icy steel

Кривых клинков	of their curvéd blades	
_ крушит, рассекая,	cleaves unblunted	
Ячеи кольчуги;	the meshes of mail;	
черную темень	the mirk to pierce	
Глаза пронзают.	those eyes are able;	
От злого хохота	their awful laughter	
Стынет сердце!	the flesh freezes!	
В тот стан не вернусь я –	I fare not thither,	895
Страх сковал меня	for fear fetters me	0,0
в Смертной Мгле:	in the Forest of Night:	
Лучше сгинуть в сумраке,	better die in the dark	
сбившись с дороги,	dazed, forwandered,	
Чем добром добиваться	than wilfully woo	
доли злосчастной.	that woe and anguish!	
Пути не помню я».	I know not the way.'	
«Или пал духом	'Are the knees then we	ak
Флиндинг го-Фуилин?	of Flinding go-Fuilin?	
Иль в финале окажется	Shall free-born Gnome	900
Рабом робким –	thus show himself	700
рожденный свободным,	a shrinking slave,	
Кто дважды схваченный –	who twice entrapped	
дважды спасся?	has twice escaped?	
Воспомни величие	Remember the might	
и веселье былое	and the mirth of yore,	
Знаменитых номов	the renown of the Gnomes	
Нарготронда!»	of Nargothrond!'	
Партогропда://	of ivalgotiffolia:	
Так Белег бесстрашный	Thus Beleg the bowman	
будил в нем мужество;	quoth bold-hearted,	905
Страх сердца	but Flinding fought	
смирил Флиндинг,	the fear of his heart,	
С синего светоча	and loosed the light	
сдернул покров он –	of his lamp of blue,	
Запылало пламя.	now brighter burning.	
Плутали путники,	In the black mazes	
Пустившись на поиски,	enwound they wandered,	
в путах тьмы,	weary searching;	
Меж стволов статных,	by the tall tree-boles	
застывших немо;	towering silent	910
Спотыкались слепо,	oft barred and baffled;	
сбившись с дороги,	blindly stumbling	
О корни крученые,	over rock-fast roots	
что крепче камня,	writhing coiled;	
I		

and drowsed with dreams От духа дурманного в дрему клонило, by the dark odours, Слабела надежда. till hope was hidden. «Слушай, Флиндинг; 'Hark thee, Flinding; Голоса смутные viewless voices vague and distant, 915 слышны в отдалении, a muffled murmur Приглушенные шорохи of marching feet шагов на марше, that are shod with stealth Скрытно ступающих, shakes the stillness.' сотрясают безмолвие». 'No noise I hear', «Напрасна надежда, – the Gnome answered, ном ответствовал, -Все смолкло в сумраке». 'thy hope cheats thee.' «Слышу: цепи 'I hear the chains Скрежещут и стонут, clinking, creaking, the cords straining, скрипят путы, 920 and wolves padding По торным тропам on worn pathways. торопятся волки. I smell the blood Разит кровью that is smeared on blades от кривых лезвий that are cruel and crooked; Смертоносной стали; слушай! - все ближе the croaking laughter now, listen! louder Хриплый хохот», – and louder comes,' охотник молвил. Рек ном в страхе: the hunter said. 'I hear no sound', «Вокруг ни звука». 925 quoth Flinding fearful. «Так спеши следом! – сгибая лук свой, 'Then follow after!' Велел ему Белег. with bended bow Воскресла снова then Beleg answered, Ловкость ловчего: 'my cunning rekindles, my craft needs not в луче путеводном thy lamp's leading.' Мне нет нужды ныне». -На ноги вскочил он, Leaping swiftly he shrank in the shadows; И сокрылся в сумраке; with shrouded lantern 930 спешил за ним Флиндинг, Flinding followed him, Прикрыв пламя; and the forest-darkness плыли неспешно and drowsy dimness Дремотное марево drifted slowly и мгла лесная, Таяли тихо unfolding from them in fleeing shadows, тенью летучей,

39	Исчезли чары;	and its magic was minished,
	не чая, путники	till they marvelling saw
	Пришли к опушке.	they were brought to its borders.
	Проем черный	There black-gaping 935
	Открылся, как в раме,	an archway opened.
	меж дерев мертвых:	By ancient trunks
	В давние дни в них	it was framed darkly,
	ударила молния,	that in far-off days
	Стволы склонились	the lightning felled,
	скелетом костлявым,	now leaning gaunt
	Лишайник, что лепра,	their lichen-leprous
	лепился к сучьям.	limbs uprooted.
	Пища пронзительно	There shadowy bats
	в полете ломком,	that shrilled thinly 940
	На крылах неслышных	flew in and flew out
	летучие мыши	the air brushing
	Сновали в воздухе.	as they swerved soundless.
	Свет мерклый	A swooning light
	Сочился слабо:	faint filtered in,
	на Север простерлись	for facing North
	Длинные лиги	they looked o'er the leagues
	длинные лиги земли скорбящей,	
	Глыбы голые,	of the lands of mourning, o'er the bleak boulders,
	гулкие дюны	The state of the s
	И пыльные пустоши	o'er the blistered dunes 945
	поля Жажды,	and dusty drouth
	поля жажды, Дор-на-Фауглит, –	of Dor-na-Fauglith;
		o'er that Thirsty Plain,
	до дальних пиков, До грозной громады	to the threatening peaks,
	до грознои громады Гор Железа,	now glimpsed grey
		through the grim archway,
	Смутно серевшей	of the marching might
	в страшном проеме,	of the Mountains of Iron,
	И в дальней дали,	and faint and far
	в дымке мерцающей, –	in the flickering dusk 950
	Твердыни темные	the thunderous towers
	Тангородрима.	of Thangorodrim.
	Позади ж пролег	But backward broad
	просекой торной	through the black shadows
	От мрачных тех врат,	from that darkling door
	теряясь в чащобе,	dimly wandered
	Орочий тракт;	the ancient Orc-road;
	озирались путники,	and even as they gazed
	Вдруг шум устрашающий	the silence suddenly
	в тиши послышался –	with sounds of dread 955

Звуки зловещие,	was shaken behind them,		
и зыбкое эхо	and shivering echoes		
Летело над лесом:	from afar came fleeting.		
лязгал металл,	Feet were tramping;		
Под сводом бессветным	trappings tinkling;		
раздавались все ближе	and the troublous mur	mur	
Голосов гомон	of viewless voices		
и гул невнятный,	in the vaulted gloom		
И тяжкий топот.	came near and nearer.		
«Теперь я слышу!	'Ah! now I hear',	960	
Прочь же скорее! –	said Flinding fearful;		
в страхе рек Флиндинг, -	'flee we swiftly		
От мук и мерзости,	from hate and horror		
от морд ужасных,	and hideous faces,		
От очей огненных,	from fiery eyes		
от оков беспощадных!	and feet relentless!		
А! Горе мне, глупцу,	Ah! woe that I wandered		
что гибели ищет!»	thus witless hither!'		
,			
Тут в груди дрогнуло,	Then beat in his breast,		
недоброе предвещая,	foreboding evil,	965	
От страха странного	with dread unwonted		
сердце храброе	the dauntless heart		
Бесстрашного Белега.	of Beleg the brave.		
Белы как смерть,	With blanchéd cheeks		
В пожухлую поросль,	in faded fern		
средь перистых листьев	and the feathery leaves		
Орляка бурого,	of brown bracken		
забились они глубже:	they buried them deep,		
Там ров сырой	where dank and dark		
вдоль кромки леса,	a ditch was cloven	970	
Сочась из чащи,	on the wood's borders	<i>)</i> ,	
проточили воды,	by waters oozing,		
Стекая по каплям,	dripping down to die		
чтоб кануть в пустыню.	in the drouth below.		
Чуть успели укрыться, –	Yet hardly were they hid		
в угрюмом сумраке	when a host to view		
Из-под свода ветвей	round a dark turning		
войско орочье	in the dusky shadows		39
Показалось внезапно.	came swinging sudden		40
Звучала глухо	with a swift thudding	975	70
	of feet after feet	113	
Поступь поспешная	on fallen leaves.		
средь палых листьев.	on failen leaves.		

Ряд за рядом In rank on rank грозных копий of ruthless spears Воинство двигалось; that war-host went; невольников сотни weary stumbling Брели, сгибаясь countless captives, cruelly laden под бременем тяжким with bloodstained booty, Добра награбленного, обагренного кровью, in bonds of iron 980 they haled behind them, В кандалах железных; and held in ward стерегли неусыпно их by the wolf-riders Волчьи всадники and the wolves of Hell. и волки Адовы. Their road of ruin Их путь погибельный полит был слезами: was a-reek with tears: Дворов немало many a hall and homestead, и сокрытых убежищ many a hidden refuge Знатных номов, of Gnomish lords ночью захваченных, by night beleaguered 985 their o'ermastering might Их сила свирепая of mirth bereft, веселья лишила, and fair things fouled, Красоту осквернила, and fields curdled оросила пашни Кровью храбрейших with the bravest blood из народа поверженного. of the beaten people. До войска великого To an army of war was the Orc-band waxen выросла банда, Что Блодрин, сын Бора, that Blodrin Bor's son на погибель свою to his bane guided 990 Привел в пограничье; to the wood-marches, поглотив отряды by the welded hosts На дороге обратной homeward hurrying to the halls of mourning под угрюмые своды, swiftly swollen Многажды умножилась до несметного бедствия. to a sweeping plague. Like a throbbing thunder Как грохот грома в грузных глубинах in the threatening deeps of cavernous clouds Туч тяжких, o'ercast with gloom 995 тьмой напоенных, Грянула громко now swelled on a sudden грозная песня, a song most dire, and their hellward hymn Демонским гимном дом приветствуя. their home greeted;

То запели первые flung from the foremost из копейщиков лютых, of the fierce spearmen, В нечистом черном who viewed mid vapours чаду завидев vast and sable the threefold peaks Тройные пики 1000 of Thangorodrim, Тангородрима. it rolled rearward, Грохотали рокотом rumbling darkly, раскаты песни, Как бой барабанный like drums in distant в забытом узилище. dungeons empty. Then a werewolf howled; Взвыл вервольф; a word was shouted возглас раздался like steel on stone; Что скрежет стали; and stiffly raised над строем взметнулись their spears and swords Копья; клинки sprang up thickly 1005 кучно встопорщились, Что пшеница в полях as the wild wheatfields повелителя войн of the wargod's realm Бледные лезвия with points that palely pricked the twilight. мглу пронзали. As by wind wafted Словно ветер повеял – все войско склонилось, then waved they all, and bowed, as the bands Дикие дебри покидая безрадостно: with beating measured Под ритм размеренный moved on mirthless from the mirky woods, 1010 отряды двигались from the topless trunks Прочь от стволов статных of Taur-na-Fuin, Таур-на-Фуин neath the leprous limbs Под ветвями неприветными of the leaning gate. врат наклонных. Белег-лучник, Then Beleg the bowman забившись в орляк, in bracken cowering, Средь земли проклятой, on the loathly legions through the leaves peering, сквозь листья высмотрел saw Túrin the tall Турина: шатаясь, as he tottered forward 1015 устало брел он, 40 Подгоняем плетьми neath the whips of the Orcs 41 as they whistled o'er him; и посвистом орков. Рьяная ярость and rage arose in his wrathful heart, объяла сердце, and piercing pity От жгучей жалости

outpoured his tears.

не сдержал слез он.

Гимн угас; The hymn was hushed; с глаз сгинуло войско, the host vanished Сошло по склонам down the hellward slopes of the hill beyond; 1020 под сень адову. and silence sank Безмолвье мглистое slow and gloomy медленно пало round the trunks of the trees Вкруг стволов старых of Taur-na-Fuin. Таур-на-Фуин. and nethermost night Ночь непроглядная надвинулась ближе. drew near outside. 'Follow me, Flinding, «Из-под сводов сумрачных from the forest curséd! следуй за мной, Флиндинг! Поспешим помочь ему, Let us haste to his help, хоть в пределы Ада to Hell if need be 1025 or to death by the darts Или к смерти от стрел свирепых гламхот!» of the dread Glamhoth!': and Beleg bounded Бросился Белег from the bracken madly, как безумный из зарослей, like a deer driven Что олень, преследуем лающей сворой, by dogs baying from his hiding in the hills Что в холмах хоронился и в нехоженых долах. and hollow places; and Flinding followed В страхе следом fearful after him 1030 спешил Флиндинг Сквозь портал зияющий neath the yawning gate, through yew-thickets, и заросли тиса, through bogs and bents Через пустошь, и поле, and bushes shrunken, и поросль чахлую, till they reached the rocks К топям, теснинам и плато каменистым, and the riven moorlands Где склоны суровые and friendless fells срывались уступами falling darkly to the dusty dunes К дальним дюнам Дор-на-Фауглит. of Dor-na-Fauglith. 1035 In a cup outcarven В чаше, иссеченной on the cold hillside, на черном откосе, -Где бахромчатой кромкой whose broken brink по краю изломанному was bleakly fringed Поникала печально with bended bushes bowed in anguish поросль чахлая, from the North-wind's knife, Под стылым серпом beneath them far северного ветра, -

Пировали привольно на привале орки; В огнистых отсветах и отблесках факелов Сквозь чад бессчетные черные тени Слонялись по лагерю; слышались вопли И вой зловещий волков голодных.	the feasting camp of their foes was laid; the fiery flare of fuming torches, and black bodies in the blaze they saw crossing countlessly, and cries they heard and the hollow howling of hungry wolves.	1040	
Над туманным маревом месяц поднялся, В холодном блеске лунного света	Then a moon mounted o'er the mists riding, and the keen radiance of the cold moonshine	1045	
Четче расчерчены, черные тени На долины и склоны легли штрихами.	the shadows sharpened in the sheer hollows, and slashed the slopes with slanting blackness;		
Спирали серые смрадного дыма Серебром трепетным струились в небо.	in wreaths uprising the reek of fires was touched to tremulous trails of silver.	1050	
Пламя померкло; задремали недруги Сном пресыщенным; ни стражи вкруг лагеря,	Then the fires faded, and their foemen slumbered in a sleep of surfeit. No sentinel watched,		
Ни часовых не выставив – не видя проку Бдить и бодрствовать в безотрадных землях	nor guards them girdled – what good were it to watch wakeful in those withered regions		
Под Эйглир Энгрин, где очи Бауглира Взирают всевидяще от врат Адовых.	neath Eiglir Engrin, whence the eyes of Bauglir gazed unclosing from the gates of Hell?	1055	41
Иль глаза зоркие злобных вервольфов В лучах лунных не блещут бессонно?	Did not werewolves' eyes unwinking gleam in the wan moonlight – the wolves that sleep not,		42
Иль, скалясь свирепо, не расселись волки Вкруг поляны и лагеря	that sit in circles with slavering tongues round camp or clearing		
гламхот жестоких?	of the cruel Glamhoth?	1060	

Вздрогнул Белег: Then was Beleg a-shudder, их взгляд немигающий and the unblinking eyes nigh chilled his marrow Студил душу, and chained his flesh сдавливал сердце Жутью безжалостной. in fear unfathomed. as flat to earth Вжавшись в землю За камнем укрылся он. by a boulder he lay. Ло! Клубы туч Lo! black cloud-drifts Расточались чадом surged up like smoke с черного Севера, from the sable North, 1065 and the sheen was shrouded Завесивши зарево иззябшей луны; of the shivering moon; the wind came wailing Завыл ветер from the woeful mountains, с высей безрадостных, Вереск-горевестник and the heath unhappy невесело никнул. hissed and whispered; and the moans came faint Слабо стонали of men in torment страдальцы-пленники in the camp accursed. В проклятом лагере. 1070 Ловчий поднялся, His quiver rattled as he found his feet Забренчав колчаном, and felt his bow, с плеча сдернул Лук с накладками hard horn-pointed, by hands of cunning из гладкого рога, of black yew wrought; Туго натянутый, with bears' sinews из тиса черного it was stoutly strung; И жестких жил strength to bend it медвежиных сработан: Под силу согнуть его had nor Man nor Elf save the magic helped him 1075 меж смертных и эльфов that Beleg the bowman Без подмоги магии – лишь могучему Белегу; now bore alone. No arrows of the Orcs Стрелу крылатую so unerring wingéd посылал в цель он, as his shaven shafts На миг мелькнувшую that could shoot to a mark в мглистом сумраке, Верней, чем витые that was seen but in glance ere gloom seized it. тетивы орочьи. Дайлир достал он, Then Dailir he drew, his dart beloved; 1080 добрую стрелу свою: howso far fared it, Куда б не пала, послана в полет дальний, or fell unnoted, Сама она сыскивалась: unsought he found it with sound feathers в сохранности перья

И зубцы в целости	and barbs unbroken		
(в конце лишь сломалась).	(till it broke at last);		
Пустил он посланницу	and fleet bade he fly		
перьекрылатую,	that feather-pinioned		
Змееязыкую:	snaketonguéd shaft,		
на зарубку ловко	as he snicked the string	1085	
Наложив тетиву,	in the notch nimbly,		
натянул ее до уха	and with naked arm		
Рукой крепкой.	to his ear drew it.		
Рассекся воздух,	The air whistled,		
Тетива звонко	and the tingling string		
звякнула, дрогнув.	twanged behind it,		
Часовой беззвучно	soundless a sentinel		
повергся наземь –	sank before it –		
Волк тот вовеки	there was one of the wolves		
не восстанет к жизни.	that awaked no more.	1090	
Стрелу за стрелою	Now arrows after		
слал Белег быстро:	he aimed swiftly		
Смерть сеяли	that missed not their mark		
в сумраке черном,	and meted silent		
Сражая безжалостно,	death in the darkness		
жала беззвучные:	dreadly stinging,		
Три волка рухнули	till three of the wolves		
со стрелами в горле;	with throats piercéd,		
Четверых зверей	and four had fallen		
быстрокрылые стрелы	with fleet-wingéd	1095	
Сразив, дрожали	arrows a-quivering		
в глазницах померкших.	in their quenchéd eyes.		
Так проход просторный	Then great was the gap		
пролег меж охранников.	in the guard opened,		
Лук свой ослабив,	and Beleg his bow		
окликнул Белег:	unbent, and said:		42
«В становище сойдешь ли,	'Wilt come to the camp,		43
соратник Флиндинг,	comrade Flinding,		
Иль на страже останешься?	or await me watchful?		
Коль стрясется худшее,	If woe betide	1100	
Ты вести поведаешь,	thou might win with word		
вернувшись сквозь чащу,	through the woods home	eward	
Правителю Тинголу:	to Thingol the king		
чем поход мой закончился,	how throve my quest,		
Как сети судьбы	how Túrin the tall		
сплелись вкруг Турина,	was trapped by fate,		
Как Белег-лучник	how Beleg the bowman		
не избег погибели».	to his bane hasted.'		

Then Flinding fiercely, Хоть и с дрожью страха, though fear shook him: рек рьяно Флиндинг: 1105 «Я сюда последовал, 'I have followed thee far, O forest-walker, о следопыт, за тобою, nor will leave thee now Не покину и после, our league denying!' предав союз наш!» Then both bow and sword Лук свой и меч, Beleg left there чтоб не мешали, Белег with his belt unbound Притаил с поясом in the bushes tangled в поросли частой, В черной чаще of a dark thicket in a dell nigh them, 1110 в лощине ближней; А Флиндинг светильник and Flinding there laid his flickering lamp спрятал с обувью, Подбитой гвоздями, and his nailéd shoes, чтоб без обузы лишней and his knife only Беззвучно красться; he kept, that uncumbered взял лишь кинжал свой. he might creep silent. Thus those brave in dread Смельчаки в страхе down the bare hillside по склону голому К становищу спустились, towards the camp clambered 1115 ступая опасливо; creeping wary, and dared that deed О деянье том дерзком дней минувших in days long past Славословья слышатся whose glory has gone through the gates of earth, под сводами мира, Песни повсюду and songs have sung поют неумолчно unceasing ringing wherever the Elves Доселе в древних державах эльфийских, in ancient places Что смехом и светом had light or laughter in the later world. 1120 сквозь столетья полнились. With breath bated У кромки дола, on the brink of the dale дух затаивши, Встали они, высмотрев they stood and stared во враждебной мгле, through stealthy shadows, till they saw where the circle Где разомкнут ряд of sleepless eyes недреманных глаз; Стук сердец was broken; with hearts смиряя, бесшумно beating dully they passed the places Прошли сквозь проход они, where pierced and bleeding 1125 где пронзенные стрелами,

Волки валялись

the wolves weltered

в крови, сражены	by wingéd death		
Смертью скрытной.	unseen smitten;		
Как струи дыма,	as smoke noiseless		
Неслышно скользили	they slipped silent		
сквозь спящие толпы,	through the slumbering thro	ongs	
Тенями тусклыми,	as shadowy wraiths	O	
тихой поступью,	shifting vaguely		
Из мглы во мрак,	from gloom to gloom,		
пока милость Богов	till the Gods brought them	1130	
И ловкость ловчего	and the craft and cunning		
не привели наконец	of the keen huntsman		
К Турину статному,	to Túrin the tall		
простертому в сумраке:	where he tumbled lay		
Лежал лицом он	with face downward		
в луже вонючей,	in the filthy mire,		
Кандалами крепкими	and his feet were fettered,		
скованы руки	and fast in bonds		
За спиной намертво;	anguish enchained		
ноги – в оковах;	his arms behind him.	1135	
Во сне ль, без сознания ли,	There he slept or swooned,		
смертоносным мороком	as sunk in oblivion		
Зелий тьмы	by drugs of darkness		
в забытье ввергнут.	deadly blended;		
Шепот не всполошил его;	he heard not their whispers;		
не шелохнулась надежда,	no hope stirred him		
Не пронзила бездонную	nor the deep despair		
заводь отчаяния;	of his dreams fathomed;		43
Слова не рассеяли	to awake his wit		44
сон разума.	no words availed.	1140	
Не под силу стали	No blade would bite	1110	
рассечь те оковы.	on the bonds he wore,		
Кинжал кованый	though Flinding felt		
поискал Флиндинг –	for the forgéd knife		
Оружье гномьей	of dwarfen steel,		
работы; на поясе	his dagger prizéd,		
Носил тот нож он –	that at waist he wore		
ночью ли, днем ли.	awake or sleeping,		
Лезвие грызло	whose edge would eat		
беззвучно железо –	through iron noiseless	1145	
Так глину гложет	as a clod of clay	-	
лемех плуга.	is cleft by the share.		
Сработан в Белегосте	It was wrought by wrights		
бородатыми гномами,	in the realms of the East,		
sop omazzini momanin,			

Ковалями коварными в королевствах Востока, Что не ведали верности, он выпал из ножен, Предал владельца, как по долам кустистым И кремнистым кручам крались во тьме они. «Отсель унесем его, сколь силы достанет», -Рек Белег бестрепетно, сгибая спину. Подхватил он за плечи потомка Хурина, Приподнял за ноги ном Флиндинг. Деянье то доблестное: ведь во дни былые, Хоть смертные статью не столь выдавались, Пока благодать земную не отняли у эльфов; Хоть рода эльфийские до старения солнца Мощь имели немалую; не мыкались под луною Тенями тусклыми, тая со временем, В пределах пустынных, все ж плотью и костью, И ростом рослым ровней не были, А Турин всех статней был средь десяти племен, Что в холмах Хитлума хозяйствуют издавна. Как ношу недвижную, за ноги и руки Подняв, повлекли его, пот утирая, Спотыкаясь, в страхе,

согнувшись вдвое,

in black Belegost,
by the bearded Dwarves
of troth unmindful;
it betrayed him now
from its sheath slipping
as o'er shaggy slades
1150
and roughhewn rocks
their road they wended.

'We must bear him back as best we may,' said Beleg, bending his broad shoulders. Then the head he lifted of Húrin's offspring, and Flinding go-Fuilin the feet clasped; 1155 and doughty that deed, for in days long gone though Men were of mould less mighty builded ere the earth's goodness from the Elves they drew, though the Elfin kindreds ere old was the sun were of might unminished, nor the moon haunted 1160 faintly fading as formed of shadows in places unpeopled, yet peers they were not in bone and flesh and body's fashioning, and Túrin was tallest of the ten races

that in Hithlum's hills
their homes builded. 1165
Like a log they lifted
his limbs mighty,
and straining staggered
with stealth and fear,
with bodies bending
and bones aching,

from the cruel dreaming От снов страшных в становище вражьем, of the camp of dread, Где копейщики пьяные where spearmen drowsed 1170 простерлись в дреме sprawling drunken Близ мечей-полумесяцев by their moon-blades keen with murder whetted смертоубийственных, mid their shaven shafts Средь струганных древков, грудами сваленных. in sheaves piléd. Прочь пробираясь Now Beleg the brave первым, Белег backward led them. but his foot fumbled Оступившись, упал; and he fell thudding повалился сверху with Túrin atop of him, Турин тяжко; трепеща, Флиндинг and trembling stumbled 1175 Flinding forward; Рухнул вперед; замерев, двое there frozen lying long while they listened Выжидали долго, не раздастся ль тревога, for alarm stirring, for hue and cry. Гам и гомон: and their hearts cowered; пугаясь до дрожи; but unbroken the breathing Но сном скован был of the bands sleeping, стан орочий, as darkness deepened Да темень густела: в тиши полуночной to dead midnight, 1180 and the lifeless hour Случается часто when the loosened soul отреченным душам oft sheds the shackles Путы плоти of the shivering flesh. трепещущей сбросить. Лишь тогда дерзнули Then dared their dread дух перевесть они, to draw its breath, Поднялись на ноги and they found their feet с оскверненной земли in the fouléd earth, and bent they both И снова склонились, their backs once more 1185 спины напрягши, to their task of toil, К труду тяжкому: Турин не пробудился. for Túrin woke not. There the huntsman's hand Тут руку ранил острием блескучим was hurt deeply, Ловчий, неловко as he groped on the ground, by a gleaming point по земле шаря, -'twas Dailir his dart То Дайлир-стрела – дорожил ею Белег, – dearly prizéd

ПЕСНИ БЕЛЕРИАНДА

he had found by his foot Пополам переломлена, с погнутыми зубьями, in fragments twain, 1190 and with barbs bended: Под тяжестью тела it broke at last треснув надвое, neath his body falling. Нашлась у ног его. Недобрый то знак! It boded ill. As in dim dreaming, Как в смутном сне, and dazed with horror, скованы ужасом, they won their way Шаг за шагом. with weary slowness, поспешать не в силах, foot by footstep, Путь они пролагали за пределы лагеря, till fate them granted 1195 Пока сквозь строй стражей the leaguer at last судьба их не вывела. of those lairs to pass, Уронив ношу and their burden laid they, на нагую землю, breathless gasping, on bare-bosméd earth, Подождали недолго, and abode a while. дабы дух перевесть, И путями петляющими ere by winding ways they won their path побрели далее, Вверх по склонам пологим, up the slanting slopes with silent labour, 1200 ни слова не вымолвив, with spended strength Силы иссякли; сокрылись путники sprawling to cast them В дол дикий, in the darkling dell средь дремучих зарослей. neath the deep thicket. Там мелодии магии, Then sought his sword, and songs of magic за меч взявшись, o'er its eager edge Над острием ярым языком эльфийским with Elfin voice Слагал Белег, there Beleg murmured, while bluely glimmered 1205 а светоч Флиндинга the lamp of Flinding Сиял синевой neath the lacéd thorns. под сводом терновника. There wondrous wove he Сплетал эльф искусно words of sharpness, слова вострящие; Ножей названия and the names of knives and Gnomish blades и номских лезвий he uttered o'er it: Произнес он: припомнил even Ogbar's spear и пику Огбара, И глевию Гаурина, and the glaive of Gaurin whose gleaming stroke 1210 что грозным ударом

Разбила крепость	did rive the rocks of Rodrim's hall; the sword of Saithnar, and the silver blades of the enchanted children of chains forgéd in their deep dungeon; the dirk of Nargil, the knife of the North in Nogrod smithied; the sweeping sickle of the slashing tempest, the lambent lightning's leaping falchion even Celeg Aithorn that shall cleave the world	1215 1.
Заклятое лезвие в полете крутнул он, Трижды три раза мрак рассекло оно: Занялось зарево зловеще-синее	Then whistling whirled he the whetted sword-blade and three times three it threshed the gloom, till flame was kindled flickering strangely	1220
Вдоль кромки клинка, по краю мерцая, – Так пламя пленное пляшет в светильнике. Се! Смех глумливый, страх вселяющий, Ветром навеян, в воздухе дрогнул. В смятении слушая,	like licking firelight	1225
стыло сердце: Примерещилась путникам поступь вражья, Рев рогов, словно рыск погони, В шелестящем шорохе шальных дуновений. Прикрыв плотно пологом кожаным Сиянье светоча, спешно Белег	in listening horror; they fancied the feet	1230

Рассек разом with his sword severed на руках и запястьях the searing bonds on wrist and arm Путы прочные – like ropes of hemp как пеньковое вервие, so strong that whetting; Оружием острым. В одури сонной; in stupor lying Лежал безжизненно entangled still недвижимый Турин. lay Túrin moveless. 1235 For the feet's fetters В ночи нащупав then feeling in the dark ножные оковы, Beleg blundering Острием ранил with his blade's keenness ненароком Белег Стопы истертой unwary wounded the weary flesh усталую плоть. Руку ему сбрызнув, of wayworn foot, and welling blood кровь хлынула: Сверх меры темна была bedewed his hand магия лучника. too dark his magic: 1240 that sleep profound Сна беспросыпного was sudden fathomed; сети расторглись, Очнулись чувства; in fear woke Túrin, and a form he guessed почудилось Турину: o'er his body bending Нагнулся над ним некто, with blade naked. нацелив лезвие. His death or torment Смерть или мука, he deemed was come. он мыслил, настала, Ведь в забаве злобной for oft had the Orcs for evil pastime 1245 зачастую орки him goaded gleeful Кидали в него копья, and gashed with knives кололи ножами, that they cast with cunning, Ликуя, лезвия with cruel spears. в плоть вонзали. Lo! the bonds were burst Се! Распались путы, that had bound his hands: что запястья стягивали: Бросился он бешено his cry of battle calling hoarsely с битвенным кличем На мнимого недруга; he flung him fiercely on the foe he dreamed, 1250 наземь рухнул Бездыханным Белег. and Beleg falling breathless earthward Безумен от муки, was crushed beneath him. Подмяв противника, Crazed with anguish пламенный меч его, then seized that sword Под рукой валявшийся the son of Húrin, волею рока,

Схватил стремительно	to his hand lying	
сын Хурина,	by the help of doom; at the throat he thrust;	
Воткнул ему в горло, вонзил поглубже,	-	1255
дабы грунт рыхлый	through he pierced it, that the blood was buried	1233
	in the blood-wet mould	1.
кровью упился.		ι,
Что стряслось, не успел еще осмыслить Флиндинг,	ere Flinding knew	
Как все кончено было.	what fared that night, all was over.	
	With oath and curse	
Крича, Турин		
Грозил гоблинам: берегитесь, недруги,	he bade the goblins now guard them well,	
Или насытитесь сталью:	or sup on his sword:	
	'Lo! the son of Húrin	1260
«Ло! Сын Хурина На волю вырвался!»	is freed from his fetters.'	1200
Витала мысль его	His fancy wandered	
	in the camps and clearings	
В лесу и в лагере гламхот жестоких.	of the cruel Glamhoth.	
-	Flight he sought not	
Бежать не жаждал он:	at Flinding leaping	40
сражаться ринулся С врагами вымышленными	with his last laughter,	42
при виде Флиндинга,	his life to sell	1,
Смеясь над смертью.	amid foes imagined;	
Но сын Фуилина	but Fuilin's son	1265
Потрясенно промолвил,	there stricken with amaze,	1200
прянув назад:	starting backward,	
«Магия Моргота!	cried: 'Magic of Morgoth!	
A! в уме повредившись,	A! madness damned!	
С друзьями дерешься ты!» -	with friends thou fightest!' -	
задел он, падая,	then falling suddenly	
Светоч, спрятанный	the lamp o'erturned '	
под слоем листьев.	in the leaves shrouded	
На свободу сиянье	that its light released	
синее хлынуло;	illumined pale	1270
Лег луч бледный	with its flickering flame	
на лик Белега.	the face of Beleg.	
Недвижней древесных	Than the boles of the trees	
вековечных стволов,	more breathless rooted	
С лицом каменным,	stone-faced he stood	
словно цепью скован,	staring frozen	
На смерть страшную	on that dreadful death,	
смотрел Турин	and his deed knowing	
Взором безумным, –	wildeyed he gazed	
застыв на месте	with waking horror,	1275

Муки немыслимой as in endless anguish немым изваянием. an image carven. Жуток был вид его -So fearful his face сжавшись, Флиндинг that Flinding crouched Гадал, что за гиблые, and watched him, wondering what webs of doom грозно-нещадные dark, remorseless, Сети судьбы dreadly meshed him связали злосчастного by the might of Morgoth; Мощью Моргота; and he mourned for him, 1280 о муках Турина Скорбел, и о Белеге: and for Beleg, who bow should bend no more, в битве отныне his black yew-wood Стрелу не вложит он в лук черно-тисовый. in battle twanging -К ожиданию долгому his life had winged дух отлетел его to its long waiting За холмы моря, in the halls of the Moon o'er the hills of the sea. в хоромы лунные. Чу! Рокот рогов Hark! he heard the horns 1285 раздался вдали, hooting loudly, no ghostly laughter Не смех смутный мрачных фантомов, of grim phantom, Не шагов шуршащих no wraithlike feet rustling dimly шорохи мнимые, -То орки очнулись; the Orcs were up; their ears had hearkened остер их слух, the cries of Túrin; Растревожили войско their camp was tumult, возгласы Турина; Проснулась ненависть; their lust was alight ночные тени ere the last shadows 1290 Еще стлались, не схлынув. of night were lifted. От страха мертвея, Then numb with fear in hoarse whisper Чуть дыша, шепотом to unhearing ears поспешить звал ном, he told his terror; Но словно не слышал for Túrin now слов его Турин: С потухшим взглядом, with limbs loosened над телом безжизненным leaden-eyed was bent Склонился он, скорчившись, crouching crumpled by the corse moveless; 1295 слеп и глух nor sight nor sound Ко всему вокруг; his senses knew, волю утратив,

Обрывки речей	and wavering words		
роняя бессмысленно.	he witless murmured,		
Бормотал он: «А! Белег!	'A! Beleg,' he whispered,		
Брат мой по оружию!»	'my brother-in-arms.'		
Встряхнул его ном,	Though Flinding shook him,		
напрасно: не внял он,	he felt it not:		
А кабы понял, призывом	had he comprehended		
пренебрег бы, верно.	he had cared little.	1300	
Ветра повеяли	Then winds were wakened		
в вышних темницах,	in wild dungeons		
Где грома гулкие	where thrumming thunders		
грохочут раскатисто,	throbbed and rumbled;		
Близилась буря	storm came striding		
в убранстве стягов	with streaming banners		
С четырех сторон	from the four corners		
хрупкого мира.	of the fainting world;		4
Молния смяла	then the clouds were cloven		4
мглистые тучи;	with a crash of lightning,	1305	
Как каменья меткие	and slung like stones		
из несметных пращ,	from slings uncounted		
Град гремучий	the hurtling hail		
грянул на землю,	came hissing earthward,		
Ливень хлынул	with a deluge dark		
лавиной темной.	of driving rain.		
То ввысь взмывали,	Now wafted high,		
то вдали слышались	now wavering far,		
Гвалт и гомон	the cries of the Glamhoth		
гнусных гламхот,	called and hooted,	1310	
И вой волчий	and the howl of wolves		
с вышним рокотом	in the heavens' roaring		
Сливался скорбно.	was mingled mournful:		
Сбивая с пути,	they missed their paths,		
Разбухшие бурно,	for swollen swept there		
бежали потоки	swirling torrents		
По склонам серым,	down the blackening slopes,		
и след размыло.	and the slot was blind,		
По тракту торному	so that blundering back		
возвратясь назад	up the beaten road	1315	
К порталу пасмурному,	to the gates of gloom		
плутали гоблины:	many goblins wildered		
Утонули многие,	were drowned or drawn		
иль в Ночной Мгле	in Deadly Nightshade		
Бесследно сгинули;	to die in the dark;		
солнце не вышло,	while dawn came not,		

while the storm-riders Бесновались и буйствовали бури всадники strove and thundered all the sunless day, В бессветном сумраке; and soaked and drenched 1320 в смертном ужасе, Flinding go-Fuilin Насквозь вымочен, под ветром Флиндинг with fear speechless there crouched aquake; Дрожал, сжавшись; над безжизненным телом cold and lifeless Белега Лучника lay Beleg the bowman; бодрствовал немо brooding dumbly Турин Талион Túrin Thalion neath the tangled thorns под терном спутанным -Безгласно, бездвижно, sat unseeing without sound or movement. 1325 в безысходном горе. Дальние дюны The dusty dunes of Dor-na-Fauglith Дор-на-Фауглит, Шипя, шуршали. hissed and spouted. Huge rose the spires Шпили высокие of smoking vapour Черного чада качались в небе swathed and reeking, thick-billowing clouds Жгучей жаждой from thirst unquenched, рожденные тучи. Зажглась заря and dawn was kindled в зловещем тумане, dimly lurid 1330 Чуть ночь вслед за новым when a day and night had dragged away. днем миновала. Орки отправились The Orcs had gone, their anger baffled, обескураженно o'er the weltering ways Путями путаными в пределы Адовы; weary faring В чертоги нечистые to their hopeless halls влачились устало, in Hell's kingdom; Турина Талиона no thrall took they Túrin Thalion -1335 не таща в рабство: a burden bore he Но горе глубокое гнело тяжелее than their bonds heavier, Оков орочьих: in despair fettered опустошен сердцем, with spirit empty in mourning hopeless Скован отчаяньем, he remained behind. скорбеть остался он.

*

48

49

ПРИМЕЧАНИЯ

- 617 Blodrin [Блодрин]: Bauglir [Бауглир] «А», и в печатном тексте «В». См. строку 618
- 618 Bauglir Ban's son [Бауглир, сын Бана] «А», и в печатном тексте «В» (Bauglir > Blodrin [Бауглир > Блодрин] аккуратно внесенное изменение на ранней стадии, Ban > Bor [Бан > Бор] внесено наспех и позже).
- 631 Fangair [Фангайр] «А», Fangros [Фангрос] в печатном тексте «В».
- 636 Tengwethiel [Тенгветиэль] [sic] «А», Tain-Gwethil [Тайн-Гветиль] в печатном тексте «В». Ср. строку 431.
- 653 *Túrin Taliodrin [*Турин Талиодрин] «А», и в печатном тексте «В». Ср. строки 115, 333, 720.
- 661, 696 Как в строке 618.
- 711 Aiglir-angrin [Айглир-ангрин] «А», Aiglir Angrin [Айглир Ангрин] в печатном тексте «В», небрежно исправлено карандашом на Eiglir Engrin [Эйглир Энгрин]; ср. строку 1055. В «Сказании о Турамбаре» встречается Angorodin [Ангородин] (Железные горы): II. 77.
- 711–714 Эти строки в «А» (и в печатном тексте «В», где of the Hells of Iron [Преисподних Железа] заменено на of Hell is reared [Преисподней воздвигнута]) выглядят так:

where Aiglir-angrin
the Iron Hills lie
and Thangorodrim's
thunderous mountain
o'er the hopeless halls
of the Hells of iron
wrought at the roots
of the ruthless hills.

где Айглир-ангрин,
Железные холмы находятся,
и Тангородрима
громовая гора
над безысходными чертогами
Преисподних железа,
прорытыми у корней
безжалостных холмов.

718 Ср. вторую загадку Бильбо, загаданную Голлуму [3].

720 Как в строке 653.

780 Delimorgoth [Делиморгот] «А», Delu-Morgoth [Делу-Моргот] в печатном тексте «В», dark Morgoth [темный Моргот] – позднее исправление, внесенное карандашом. В строках 11 и 51 Delimorgoth в «В» исправлено на Delu-Morgoth.

816 Tûn [Тун] также в «А»; см. строки 50, 430.

818–820 Напротив этих строк мой отец вписал на полях «В»: «Захвачен в битве у врат Ангбанда».

826 o'er the black boulders of the Blasted Plain [через черные валуны Разоренной Равнины] «А» (отмечено знаком вопроса).

834 *mercy* [милость, удача]: *magic* [магия] «А», и в печатном тексте «В»; *mercy* вписано карандашом и допускает возможность иного прочтения.

946 Daideloth [Дайделот] «А», на момент написания исправлено на Dor-na-Maiglos [Дор-на-Майглос], Dor-na-Fauglith [Дор-на-Фауглит] в печатном тексте «В». На

полях «А» вписано: «плато от Dai "высокий", Deloth "равнина"»; ср. II. 341, статья «Дор-на-Дайделот [Dor-na-Dhaideloth]».

990 Blodrin Ban's son [Блодрин, сын Бана] «А», и в печатном тексте «В»; Ban's [(сын) Бана] > Bor's [(сын) Бора] позже в «В». В строках 617–618, 661, 696 «А», и в печатном тексте «В» стояло Bauglir [Бауглир], исправлено на Blodrin [Блодрин] в «В».

1055 Aiglir Angrin [Айглир Ангрин] «А», и в печатном тексте «В»; см. строку 711. Bauglir [Бауглир] «А» и «В».

1098 Эта строка исправлена в «В», но прочтению поддается с трудом; по всей вероятности, она гласит: *Then his bow unbending Beleg asked him*: [Тогда, ослабив тетиву лука, Белег спросил его:].

1137 На полях «В» вписано: *r*?, т.е. *dreadly* [жутко] вместо *deadly* [смертоносно]. 1147 *East* [Восток]: *South* [Юг] «А», и в печатном тексте «В».

1198 bosm'ed (=bosomed) [букв. (на землю с нагой) грудью, т.е. на нагую грудь земли], именно такое написание присутствует и в «А», и в «В».

1214 Nargil [Наргиль]: Loruin [Лоруин] «А», и вариант Nargil добавлен как альтернативный.

1324 *Túrin Thaliodrin* [Турин Талиодрин] «А», и в печатном тексте «В»; см. строки 653, 720.

1335 Thalion-Túrin [Талион-Турин] «А», и в печатном тексте «В».

 $\frac{49}{50}$

Комментарии к Части II «Белег»

В этой части поэмы возникают чрезвычайно интересные сюжетные изменения. Поэма вторит «Сказанию» (II. 76) в том, что Белег присоединяется к отряду Турина на порубежье Дориата вскорости после того, как Турин покинул Тысячу Пещер, и никаких промежуточных событий не происходит; в «Сильмариллионе» (стр. 200) Белег приходит в Менегрот и, переговорив с Тинголом, отправляется на поиски Турина; в то время как в «Нарн» (стр. 82–85) имеет место «суд над Турином», и Белег вмешивается в происходящее, приведя Неллас в качестве свидетельницы, прежде чем отправиться по следам Турина. В поэме со всей определенностью говорится, что Белег вовсе не искал Турина и, более того, ничего не знал о том, что произошло в Тысяче Пещер (595). Но банда Турина – уже не «отчаянные головы» «Сказания»: они враждебны ко всем чужакам, будь то орки, люди или эльфы, в том числе и эльфы Дориата (560–561, 566), как в «Сильмариллионе» и в гораздо более подробном «Нарн», где изгои называют себя *гаурвайт*, людьми-волками, которые «опаснее волков».

Здесь появляется новый элемент сюжета: Белег захвачен в плен, и банда жестоко с ним обращается; кроме того, на тот момент Турина в лагере нет. Некоторые подробности «Нарн» уже представлены в поэме, хотя в более сжатое изложение «Сильмариллиона» не включены: так, разбойники привязывают Белега к дереву (577, «Нарн», стр. 92–93), и объясняется отсутствие Турина – он шел:

по следу орков, которые торопились домой, в Холмы Железа, нагруженные награбленной добычей из людских земель

так же, как и в «Нарн» (стр. 91-92), где, однако, эта история - часть сложной последовательности событий, в которых задействованы Лесные люди Бретиля, Белег, гаурвайт и орки.

В то время как в «Сказании» Белег и Турин стали собратьями по оружию только сейчас, мы уже видели, что в поэму вошла более поздняя версия, согласно которой эти двое вместе сражались на рубежах Дориата до того, как Турин бежал из Тысячи Пещер (стр. 27). Теперь добавился еще один элемент сюжета: переворот в душе Турина при виде Белега, привязанного к дереву («Тогда сердце Турина отвратилось от ненависти», 584) и упреки самого Белега («Должно ли врагам Фаэри быть друзьями людей?», 603) привели к тому, что впредь банда обращала оружие только «против врагов Фаэри» (644). О великой клятве, принесенной изгоями, которая намеренно вторит клятве Сыновей Феанора (634) – и, между прочим, показывает, что в той клятве в свидетели призывалась священная гора Таникветиль (Тайн-Гветиль) (636), - ни в «Сильмариллионе», ни в «Нарн» ни словом не упоминается; более того, в «Нарн» разбойники изображены так, что подобная клятва в их устах показалась бы невероятной.

Строки 643 и далее, описывающие доблестные деяния содружества в чащах, это главный источник оставшейся недоконченной истории о Земле Дор-Куартол («Сильмариллион», стр. 205, «Нарн», стр. 152–154); строки 651–654:

> даже в Ангбанде орки дрожали. Тогда разнесся слух по дорогам лесным, что Турин Талион вернулся к войне; и Тингол его услыхал...

привели в итоге к:

В Менегроте, и в глубинных чертогах Нарготронда, и даже в сокрытом королевстве Гондолин гремела слава о подвигах Двух Вождей; прознали о них и в Ангбанде.

В более поздней версии Турин сокрылся под именем Гортол, Грозный Шлем, – именно по Драконьему шлему Моргот смог узнать его. На ранней стадии легенды никаких намеков на это нет; здесь, в поэме, Драконий шлем более не появляется.

Чтобы прояснить эволюцию предания, уместно прибегнуть к таблице:

«Сказание»	«Песнь»	«Сильмариллион» и «Нарн»
Доблесть Турина на порубежье Дориата (Белег не упомянут).	Турин и Белег – собратья по оружию на порубежье Дориата; Турин носит Драконий шлем.	Как в поэме.
Смерть Оргова.	Смерть Оргова.	Смерть Саэроса.

50

51

«Сказание»

Турин покидает Дориат; вокруг него группируется отряд, в который входит и Белег.

«Песнь»

Турин покидает Дориат; вокруг него группируется банда изгоев, нападающих на всех, кого встретят.

Банда захватывает в плен Белега (который не знает о том, что Турин покинул Дориат) и привязывает его к дереву.

Турин приказывает освободить его; в душе Турина происходит переворот; Белег присоединяется к отряду; все приносят клятву.

Великая доблесть отряда.

Великая доблесть отряда в сражениях с орками. «Сильмариллион» и «Нарн»

Турин покидает Дориат и присоединяется к банде отчаянных изгоев.

Банда захватывает в плен Белега (который разыскивает Турина, неся ему прощение Тингола) (и привязывает его к дереву, «Нарн»).

Турин приказывает освободить его; в душе Турина происходит переворот; но Белег отказывается присоединиться к отряду и уходит. (О клятве не упоминается ни словом.)

(Позже Белег возвращается и присоединяется к отряду:) Земля Дор-Куартол.

Прежде чем закончить с этим фрагментом сюжета, стоит высказать предположение, что к строкам 605 и далее, в которых Турин объявляет Белегу: «Только эту банду / я числю товарищами», – восходят слова Турина, обращенных к нему же, в «Нарн», стр. 94:

Думается мне, что Тингол не будет настолько великодушен, чтобы принять моих товарищей по несчастью; а я с ними теперь не расстанусь, пока они не пожелают расстаться со мной, и т.д.

Здесь впервые появляется предатель, выдавший отряд оркам. Поначалу он зовется *Бауглир* как в «А», так и в исходной машинописи «В»; может показаться, что это имя обладало слишком самоочевидной недоброй коннотацией. Однако объяснение, бесспорно, заключается в том, что *Бауглир* стал *Блодрином* в то же самое время, когда *Бауглир* заменил вариант *Бельха* в качестве имени Моргота. (К тому моменту, как мой отец дошел до строки 990, имя *Блодрин* уже изначально значится и в «А», и в «В»; в то время как в строке 1055 имя Моргота – *Бауглир*, не *Бельха*, и в «А», и в исходной рукописи «В».) Изменение имени *Бан* (так звали отца Блодрина) на *Бор* не просуществовало долго; этот персонаж зовется *Бан* в «Очерке мифологии» 1926 г., и остается *Баном* вплоть до того момента, когда, на гораздо более поздней стадии, исчезает вообще.

Любопытно происхождение Блодрина:

 $\frac{51}{52}$

захвачен в плен ребенком, он был притащен гномами в их глубинные чертоги и в Ногроде вскормлен, и ничем не походил, несмотря на кровь и рождение, на благословенных эльфов. (666–669)

Тем самым злобная природа Блодрина однозначно объясняется влиянием «бородатых гномов, / верности не знающих» (1148–1149); и Блодрин, вслед за Уфедином в «Сказании о Науглафринге», является примером зловещих последствий общения эльфов с гномами, – этот мотив отчасти просматривается в сюжете об Эоле и Маэглине, представленном в «Сильмариллионе». И хотя природа – равно как и имя – предателя из отряда Турина впоследствии претерпела множество изменений, вполне возможно, что воспоминание о гномьем элементе в предыстории Блодрина отчасти повлияло на то, что в этой роли со временем выступил Мим. Касательно первоначального неприязненного восприятия гномов см. І. 247. Только что процитированные слова поэмы взяты из эпизода, в котором Флиндинга «предает» его гномий нож, выскользнув из ножен; точно так же, позже, в «Лэ о Лейтиан», когда Берен попытался вырезать второй Сильмариль из Железной Короны (строки 4160–4162):

Гномья сталь коварного лезвия, сработанного предательскими кузнецами Ногрода, сломалась...

Представление о том, что Турина захватили живым по Морготову повелению, чтобы «Турин не избег уготованной ему судьбы», изложенное в «Сказании» (П. 76), вновь возникает в поэме: «чтобы он не избег свой судьбы» (705).

В остальном история, пересказанная в поэме, отличается от версии «Сказания» лишь в мелких подробностях. То, что Белег уцелел при нападении орков и быстро исцелился от тяжких ран (II. 77), – элемент сюжета, представленный в «Сильмариллионе» в совсем иных обстоятельствах (стр. 249–250), – здесь, пожалуй, более понятно: эльфы из Дориата, разыскивающие Турина (654–655), обнаружили Белега и отнесли его назад в Тысячу Пещер, где его исцелила Мелиан (727–731). В рассказе о встрече Белега с Флиндингом в лесу Таур-на-Фуин (Белег заметил его благодаря сиянию синего светильника), поэма очень близко следует «Сказанию».* Иллюстрация моего отца к этому эпизоду («Рисунки Дж.Р.Р. Толкина», №37) была практически наверняка нарисована несколько лет спустя: эльф, лежащий под деревом, все еще зовется Флиндинг, сын Фуилина (в «Сказании» *бо-Дуилин*, на более раннем этапе *го-Дуилин*, то есть сын Дуилина; патронимический суффикс в поэме (814, 900) вернулся к более раннему варианту *го-*, см. II. 119).

В «Сказании» говорится только то, что Флиндинг был из народа родотлим, «пока орки не схватили его» (II. 81); из поэмы (819–821) складывается впечатление, что его, вместе со многими другими, угнали из Нарготронда; но такое прочтение вряд ли возможно, поскольку «ничего до поры не знали они [орки] о Нарготронде» (1578). Пометка на полях в «В» напротив этих строк: «Захвачен

 $\frac{52}{53}$

^{*} В версии «Сильмариллиона» синий светильник отсутствует; см. «Неоконченные предания», стр. 51, прим. 2.

в битве у врат Ангбанда» является отсылкой к более позднему сюжету, впервые появляющемуся в «Сильмариллионе» 1930 г.

Поэма вторит «Сказанию» в том, что касается подробностей истории Флиндинга, пересказанной Белегу, за исключением того, что в поэме его вновь захватили орки в лесу Таур-на-Фуин (846 и далее), он снова бежал («выскользнул из их когтей, как ползучий червь», 879), в то время как в «Сказании» он не попадал в плен вторично, но «бежал без оглядки» (II. 79). Примечательная подробность «Сказания», – что Флиндинг «весьма обрадовался разговору со свободным нолдо», - вновь появляется в поэме: «Дивясь, слушал он / древнее наречие эльфов Туна». Подробности его встречи с орочьим воинством слегка отличаются: в «Сказании» орки решили пойти другим путем, а в поэме, по всей видимости, Белег и Флиндинг просто дошли быстрее орков до того места, где орочий тракт выходил из леса. Действительно, в «Сказании» создается впечатление, что орки встали лагерем еще в лесу: глаза волков «красными точками горели среди дерев», и Белег с Флиндингом, вызволив Турина, уложили его на землю «в чаще, не очень далеко от становища». «Чаша, вырезанная на стылом склоне холма», где орки устроили привал в поэме (1036), это «безлесная лощина» «Сильмариллиона».

В отличие от «Сказания» (см. стр. 26), теперь Белега то и дело называют «Белегом-лучником», подробно описаны его могучий лук (пока еще не поименованный) и его непревзойденное искусство стрелка (107 и далее). Также в поэме упоминается свойство стрелы Дайлир, которая никогда не терялась и неизменно оставалась цела и невредима (1080 и далее) до тех пор, пока не сломалась, когда на нее упал Белег, несший Турина (1189–1192); впоследствии о ней ни словом не упоминалось. Этот элемент Белегова снаряжения либо появился блатодаря ныне возникшему изменению в рассказе о том, как Белег и Флиндинг проникли в орочий лагерь, либо сам породил это изменение; в «Сказании» они просто-напросто «прокрались там, где волки были дальше всего друг от друга», в то время как в поэме Белег совершил великий подвиг: застрелил семерых волков в темноте, и только благодаря этому «открылся просторный проход» (1097). Но слова «Сказания», «сопутствовала им удача валар: Турин лежал неподалеку, отдельно от остальных», эхом повторяются в:

пока не привели их Боги, и ловкость и искусство опытного охотника, к Турину статному, где лежал он, распростершись... (1130–1132)

То, что двое эльфов смогли поднять и унести Турина, в «Сказании» названо «великим деянием», «поскольку был он человек и статью превосходил их» (II. 80); эта подробность в поэме разрастается (1156 и далее) в целый комментарий о стати людей и эльфов в древние времена, который согласуется с более ранними утверждениями на эту тему (см. І. 235, II. 142, 220). Примечательные строки:

хотя люди были по форме менее могучей созданы, до того, как благость земли у эльфов они отняли (1157–1158) соотносятся с утверждениями, процитированными в ІІ. 326: «рост [эльфов] уменьшается по мере увеличения роста людей» и «по мере того, как люди ста-

 $\frac{53}{54}$

новятся могущественнее и многочисленнее, фэйри истаивают, становятся маленькими и бесплотными, смутными и прозрачными, а люди – больше, крепче и прибавляют в теле». Упоминание здесь (1164) «десяти племен» Хитлума более нигде не встречается, и не вполне понятно, подразумеваются ли все народы людей и эльфов, которые в том или ином месте «Утраченных сказаний» помещались в Хитлуме, где, как я уже отмечал, «по всей видимости, возникла опасность перенаселения» (см. II. 249, 251).

Согласно «Сказанию», нож выпал у Белега, пока тот пробирался в лагерь; в поэме это был нож Флиндинга (1142 и далее). В «Сказании» Белег вернулся забрать меч с того места, где его оставил, поскольку нести Турина дальше они не могли; в поэме эльфы донесли Турина до самого «темного леса в лощине», откуда они перед тем вышли (1110, 1202). «Вострящее заклинание» Белега над его (все еще не поименованным) мечом – абсолютно новый элемент (бесследно исчезнувший впоследствии); он возник в связи со строкой 1141: «Никакое лезвие не прокусило бы его оковы». По стилю оно напоминает «удлиняющее заклинание» Лутиэн в Песни V «Лэ о Лейтиан»; но что до названных в нем имен, – Огбар, Гаурин, Родрим, Сайтнар, Наргиль, Келег Айторн, – никаких иных сведений о них не сохранилось.

Здесь в поэме возникает загадочный «издевательский смех» (1224); по всей видимости, именно к нему отсылает строка 1286: «призрачный смех жуткого фантома»; он же еще раз упоминается в следующей части поэмы (1488–1490). Его сюжетообразующая функция со всей очевидностью состоит в том, чтобы заставить прикрыть светильник и вынудить Белега в спешке перерезать путы в кромешной темноте. Кроме того, неуклюжесть Белега, возможно, объясняется тем, что он поранил руку, наткнувшись на острие своей стрелы Дайлир (1187); ведь каждая подробность этого впечатляющего эпизода была тщательно продумана и проработана.

В поэму введена сильная гроза: сперва она только предвещается в строках 1064 и далее, когда Белег и Флиндинг стоят на краю лощины (как и в «Сильмариллионе»):

Ло! Черные плывущие тучи надвинулись словно дым с мрачного Севера, и мерцание было сокрыто дрожащей луны; ветер налетел, стеная, с горестных гор, и несчастный вереск шуршал и перешептывался

и наконец разражается после смерти Белега (1301 и далее) и продолжается весь последующий день, в течение которого Турин и Флиндинг прячутся, вжавшись в землю, на склоне холма (1320, 1330–1331). Из-за грозы орки не смогли отыскать Турина и ушли, как и в «Сильмариллионе»; в «Сказании» Флиндинг привел Турина в себя и они бежали прочь, едва из орочьего лагеря донеслись крики, свидетельствующие о том, что исчезновение пленника обнаружено, и более о том не говорится. Но в поэме по-прежнему, как и в «Сказании», покров внезапно соскользнул со светильника Флиндинга, когда тот отскочил назад при нападении Турина, этот-то свет и озарил лицо Белега; в более поздней версии этого эпизода мой отец так и не смог решить, что послужило источником света:

54

55

55

56

светильник, с которого соскользнул покров, или яркая вспышка молнии, и в опубликованной книге я отдал предпочтение второму варианту.

Остается уточнить несколько отдельных моментов, главным образом касающихся ономастики. В этой части поэмы мы впервые встречаем следующие имена и названия:

Нарготронд 821, 904;

Tаур-на-Фуин (для Tаур Фуин «Утраченных сказаний») 766, 828; также именуется Cмерmная Mгла 767, 837, 1317, и Mес M0чи 896;

Дор-на-Фауглит 946, 1035, 1326, также именуется Равнины Засухи 826, Жаждущая равнина 947 (и в «А», прим. к 826, Разоренная равнина). Название Дор-на-Фауглит возникло в ходе сочинения поэмы (см. прим. к 946). К тому времени история о том, как обширная северная равнина была разорена и превратилась в пыльную пустыню в ходе битвы, завершившей Осаду Ангбанда, по всей видимости, уже возникла, хотя записана была несколькими годами позже.

Здесь также впервые упомянуты тройные пики Тангородрима (1000), названные «громовыми башнями» (951), хотя в Прологе к поэме говорится, что Хурина поместили «на самый крутой пик» (96); а из строк 713–714 (переписанных в «В»-тексте) мы узнаем, что Ангбанд «был возведен у корней» громадной горы.

Название Φ ангрос (631; Φ ангайр «А») один раз уже встречалось в другом месте, в крайне невнятной заметке, где, по всей видимости, имело отношение к сожжению кораблей нолдоли.

_ Имя Мелиан *Маблуи* [Mablui] – «руками зачарованными Мелиан Маблуи», 731 – со всей определенностью содержит элемент *mab* 'рука', как в *Маблунг* [Mablung] и в *Эрмабвед* [Ermabwed] II. 339.

Тот факт, что в «А» и изначально в «В» говорится, будто гномы живут на юге (1147, в «В» исправлено на восток), возможно, соотносится с утверждением в «Сказании о Науглафринге» о том, что Ногрод находится неблизко: «путь туда, на юг, был долог: вел он за широкий лес на границах тех огромных пустошей, что лежат возле Умбот-муилин, Заводей Сумерек» (II. 225).

Я не в силах объяснить отсылку на «дикие поля пшеницы во владении бога войны» в строке 1006; равно как и в строках касательно судьбы Белега после смерти на долгое ожидание мертвых «в чертогах Луны» (1284).

III

ФАЙЛИВРИН

III

FAILIVRIN

Флиндинг го-Фуилин, фальши чуждый, Меч могучий Белега, омытый кровью,

Flinding go-Fuilin faithful-hearted the brand of Beleg with blood stainéd

1340

Подобрал, дрогнув, lifted with loathing from the leafy mould, в травах пожухлых, and hid it in the hollow Притаил в трещине терна могучего; of a huge thorn-tree; then he turned to Túrin Обратясь же к Турину, что застыл в скорби, yet tranced brooding, and softly said he: Сказал сочувственно: «О сын Хурина, 'O son of Húrin, Сокрушенный сердцем, unhappy-hearted, what helpeth it 1345 не сетуй: что толку to sit thus in sorrow's Ждать тут, страданьем silent torment душу терзая, В глухой безысходности?» without hope or counsel?' But Húrin's son, Но Хуринов сын, От речей тех очнувшись, by those words wakened, вскричал неистово: wildly answered: 'I abide by Beleg; «Пребуду я с Белегом, его бросить не требуй, nor bid me leave him, thou voice unfaithful. Советчик неверный! 1350 Все ныне бессмысленно. Vain are all things. O Death dark-handed, Смерть сумрачнорукая, draw thou near me; спеши ко мне ты; Гореванье прерви мое if remorse may move thee, при виде раскаянья, from mourning loosed crush me conquered Повергни павшим to his cold bosom!' на прах его хладный!» Flinding answered, Страх отринув, and fear left him рек тут Флиндинг С жаром и жалостью: for wrath and pity: 'Arouse thy pride! 1355 «Мужайся, о воин! Not thus unthinking Слов столь безрассудных не слыхали от Хурина on Thangorodrim's heights enchainéd Средь темных утесов на Тангородриме». did Húrin speak.' «Железа жестче 'Curse thy comfort! Less cold were steel. жалость такая! If Death comes not Коли Смерть взять мешкает смерти алчущего, to the death-craving, Так меч мне помощник. I will seek him by the sword. The sword - where lies it? 1360 Не на месте зачем он? O cold and cruel, О суровый и стылый, where cowerest now, схоронился где ты, Господина губитель? murderer of thy master? Оправдайся ж ныне, Amends shalt work,

and slay me swift, Срази меня сразу, сна податель». O sleep-giver.' «Не льстись, злополучный, 'Look not, luckless, 56 лишить себя жизни thy life to steal, nor sully anew И вновь запятнать his sword unhappy 1365 клинок горемычный in the flesh of the friend Кровью друга, whose freedom seeking от рабства спасенного. he fell by fate, Не рана вражья – рок сразил Белега. by foes unwounded. Yea, think that amends Послушай: зло are thine to make, загладишь скорее, his wrongéd blade Бесчестье меча with wrath appeasing, залечив яростью: its thirst cooling Утоли лучше лезвия жажду in the thrice-abhorred 1370 Трижды проклятой кровью blood of Bauglir's ратей Бауглировых. baleful legions. Is the feud achieved Иль распря отца, thy father's chains в оковах страждущего, on thee laid, or lessened От зла последнего ослабла и кончена? by this last evil? Не мни, что Моргота Dream not that Morgoth will mourn thy death, твоя смерть опечалит, or thy dirges chant Что плач подымут the dread Glamhoth -1375 подлые гламхот less would like them Не по нраву недругам твоя ненависть жгучая thy living hatred and vows of vengeance; И мысли о мести: мужество не бесплодно, nor vain is courage, Пусть бесстрашью редко though victory seldom наградой победа». be valour's ending.' Вскричал воинственно, Then fiercely Túrin to his feet leaping вскочив на ноги, cried new-crazéd: Обезумевший Турин: 'Ye coward Orcs, 1380 «Орки трусливые, Что ноги уносите? why turn ye tail? Why tarry ye now, Что ныне замешкались, Оробели пред бешенством when the son of Húrin and the sword of Beleg Белегова меча И сына Хурина? in wrath await you? За скорбь и зло For wrong and woe

Месть не замедлит. here is vengeance ready. Коль не смеете выйти, If ye venture it not, Вас настигну, пустившись I will follow your feet to the four corners на четыре стороны 1385 of the angry earth. Сурового света следом! Ату вас!» Have after you!' **Fainting Flinding** С одержимым сражался, еле жив, Флиндинг, there fought with him, and words of wisdom Речью разумной to his witless ears радел унять его, Внушал, задыхаясь: he breathless spake: 'Abide, O Túrin, «Выжди, о Турин, for need hast thou now Прежде потребно to nurse thy hurt, 1390 подлечить твои раны, С силой собраться, and strength to gather с советом мудрым. and strong counsel. Бегущего в битву Who flees to fight не бесчестят трусом, wears not fear's token, И месть, помешкав, and vengeance delayed its vow achieves.' метче сражает». Иссякло безумие; The madness passed; amazed pondering потрясенный Турин neath the tangled trees Под сводом спутанным sat Túrin wordless 1395 сидел немо, brooding blackly В мрачных мыслях on bitter vengeance, о мщенье горьком; Вот день его бдения till the dusk deepened on his day of waking, оскудел светом, and the early stars Замерцали зыбко were opened pale. звезды ранние. Погребению Белега Then Beleg's burial в бесприютной чаще in those bleak regions did Flinding fashion; Предал Флиндинг; где принял смерть он, where he fell sadly 1400 he left him lying, Лежать лучника and lightly o'er him в лесу оставил, Листвой легкой with long labour the leaves he poured. завалил тело. В бесслезной скорби But Túrin tearless turning suddenly воспрял вдруг Турин, on the corse cast him, Прильнул к павшему, and kissed the mouth поцелуем коснулся

Уст отверстых, cold and open, 57 очи закрыл ему, and closed the eyes. 1405 58 His bow laid he Положил лук черный black beside him, на ложе смертное, Сплел сокрушенно and words of parting wove about him: слова прощания: 'Now fare well, Beleg, «Доброй дороги to feasting long к долгому пиршеству neath Tengwethil Под Тенгветилью in the timeless halls вне течения времени, Где Боги бражничают where drink the Gods. neath domes golden в башнях златых, o'er the sea shining.' За пучиной пенной». Песнь его дрогнула, His song was shaken, Но слезы иссохли but the tears were dried in his tortured eyes в страдальческом взоре -Под палящим пламенем, by the flames of anguish that filled his soul. что полнило душу. His mind once more Разум во мраке was meshed in darkness терялся снова, as heaped they high Как над главою возлюбленной o'er the head beloved 1415 возвели высоко a mound of mould Курган из грунта and mingled leaves. и груды листьев. Light lay the earth Легко легла on the lonely dead; земля над умершим; Тяжко томила heavy lay the woe on the heart that lived. тоска живущего. Та печаль в чертах его That grief was graven запечатлелась навеки with grim token В лике и обличии. on his face and form, и не изгладилась впредь: nor faded ever: 1420 and this was the third Так постигла Турина of the throes of Túrin. третья горесть. Thence he wandered witless Блуждая бессмысленно, without wish or purpose; бесцельно и слепо, Погиб бы он в пуще; but for Flinding the faithful he had fared to death, кабы не помощь Флиндинга, or been lost in the lands Заплутал бы в землях зла потаенного. of lurking evil. Renewed in that Gnome В номе Нарготронда надежду и доблесть, of Nargothrond 1425

И силу стойкую was heart and valour воскресила ненависть; by hatred wakened, Берег он ревностно that he guarded and guided угрюмого спутника, his grim comrade; with the light of his lamp В сиянье светоча he lit their ways, сыскивал тропы; and they hid by day Хоронились днем они, to hasten by night, ночью - спешили, by darkness shrouded Сумраком скрыты or dim vapours. 1430 или смутным маревом. The tale tells not Не описан в повести of their travel weary, путь их тяжкий, Как дорогой брели они how roamed their road by the rim of the forest, вдоль кромки леса, Как нависшие ветви whose beetling branches, уловить тщились, black o'erhanging, did greedy grope Колыхаясь хищно with gloomy malice под хмурым сводом, to ensnare their souls Сердца их в сети in silent darkness. 1435 сумрака жуткого. Yet west they wandered, Всё на запад брели они, by ways of thirst изныв от жажды and haggard hunger, И глада горького, hunted often, иногда охотились, and hiding in holes В полых пещерах and hollow caverns, и падях прятались, by their fate defended. Судьба их спасала. At the furthest end У самых пределов of Dor-na-Fauglith's Душных пустошей Дор-на-Фауглит, dusty spaces 1440 К кургану крутому to a mighty mound в короне тумана, in the moon looming Что сбрызнут словно бы they came at midnight: it was crowned with mist, слезными каплями, Пришли они в полночь bedewed as by drops в подлунном свете. of drooping tears. 'A! green that hill «А! травой невянущей with grass fadeless, повит тот холм, where sleep the swords Где спят мечи of seven kindreds. 1445 семерых родов, where the folk of Faërie Где смерть смела несметные рати once fell uncounted.

Народа Фаэри. There was fought the field 59 Нарекли ту битву by folk naméd Nirnaith Ornoth. Нирнайт Орнот, Unnumbered Tears. Несчетные Слезы. Возведен на крови он 'Twas built with the blood поверженного народа; of the beaten people; Под луною и солнцем neath moon nor sun ни смертный, ни эльф, is it mounted ever 1450 by Man nor Elf; Не всходил на вершину; not Morgoth's host воинства Моргота ever dare for dread Из страха не смели to delve therein.' сквернить ту землю». Тут прервался Флиндинг; Thus Flinding faltered, faintly stirring растревожил сказ его Безучастность Турина; Túrin's heaviness, that he turned his hand в отчаянии длань он Простер к Тангородриму toward Thangorodrim, and thrice he cursed и трижды проклял 1455 Моргота Бауглира, the maker of mourning, бед созидателя. Morgoth Bauglir. Thence later led them Потом перешли они поступью мешкотной their lagging footsteps o'er the slender stream Струю скудную of Sirion's youth; Сириона юного; Шнуром серебряным not long had he leapt прочь утекал он a lace of silver from his shining well От истока искристого in those shrouded hills, 1460 в иссеченных грядах the Shadowy Mountains Тенистых гор – их туманные пики whose sheer summits there bend humbled Смиренно склоняются towards the brooding heights пред сумрачным кряжем in mist mantled, Нависших высей, вершин Севера. the mountains of the North. Here the Orcs might pass him; Переправляясь здесь лишь, they else dared not переплывать орки Через Сирион не смели: o'er Sirion swim, стремительным током whose swelling water 1465 Через лог и луг, through moor and marsh, лес и болота, mead and woodland, through caverns carven Через гроты гулкие в глубинах Земли, in the cold bosom

В хладном ее лоне,	of Earth far under,		
через лиги нехоженые	through empty lands		
И безлюдные земли,	and leagues untrodden,		
любезные Ильмиру,	beloved of Ylmir,		
Струится Сирион,	fleeting floweth,		
славный вовеки	with fame undying	1470	
В напевах номов, -	in the songs of the Gnomes,		
несется к морю.	to the sea at last.		
Пришли двое к предгорьям,	Thus reached they the roots		
к подножиям гиблым	and the ruinous feet		
Хмурых холмов,	of those hoary hills		
вкруг Хитлума вставших,	that Hithlum girdle,		
К соснякам темным	the shaggy pinewoods		
Тенистых гор.	of the Shadowy Mount	ains	
Там полумрак призрачный	There the twain enfolded	u 1110.	
плыл, растекаясь;	phantom twilight	1475	
Тенета тусклые	and dim mazes	11/3	
ткались вкруг путников	dark, unholy,		
В Нан Дунгортин,	in Nan Dungorthin where nameless gods		
где в ночи таятся Богов безымянных	have shrouded shrines		
	in shadows secret,		
забытые капища –			
Древнее, чем Моргот	more old than Morgoth		
и владыки исконные,	or the ancient lords		
Загражденного Запада	the golden Gods	1.400	
златые Боги.	of the guarded West.	1480	
Но призраки, в пасмурной	But the ghostly dwellers		
пади живущие,	of that grey valley		
Не пытались им препятствовать,	hindered nor hurt them,		
повредить не тщились, –	and they held their cou	irse	
Шли двое далее,	with creeping flesh		
холодея от страха.	and quaking limb.		
Хохот, эхом	Yet laughter at whiles		
затихавший в сумерках,	with lingering echo,		
Дальней издевкой	as distant mockery		
демонских кличей,	of demon voices	1485	
Мрачный и мерзкий,	there harsh and hollow		
мерещился Флиндингу,	in the hushed twilight		
Черствый, нечистый	Flinding fancied,		
в вечернем безмолвии, -	fell, unwholesome		5
Как смех глумливый,	as that leering laughter		6
страх вселяющий,	lost and dreadful		
Что в скалах слышался	that rang in the rocks		
в скорбный час	in the ruthless hour		

Погибели Белега. «То глас Бауглира Нас презреньем пагубным преследует неотступно», – С дрожью думал ном; но дурные предчувствия, Смятенье и слабость схлынули разом, Чуть взошли они на вершины, к крошащимся скалам, Ограждавшим дол от бдения вражьего,	of Beleg's slaughter. 'Tis Bauglir's voice 1490 that dogs us darkly with deadly scorn' he shuddering thought; but the shreds of fear and black foreboding were banished utterly when they clomb the cliffs and crumbling rocks that walled that vale of watchful evil, 1495
И на юге завидели выси Хитлума, Не столь суровые. К тем склонам пустились Через долы и дали при дневном свете, И лощины с ущельями, и мшистые топи, Валуны, и выгоны,	and southward saw the slopes of Hithlum more warm and friendly. That way they fared during the daylight o'er dale and ghyll, o'er mountain pasture, moor and boulder, over fell and fall
и водопады искристые, Что срывались в Сирион – собою умножить Водоток восточный, что вольно стремился К югу, к морю, к устьям песчаным.	of flashing waters that slipped down to Sirion, to swell his tide in his eastward basin onward sweeping to the South, to the sea, to his sandy delta.
Се! сон сковал их спустя семь переходов, Под звездным сводом, как вошли путники В пределы приветные, памятные Флиндингу С прежних пор. При первом свете Стрелы солнца, сиявшие ясно, Ликуя, хлынули в зеленые долы По склонам улыбчивым,	After seven journeys lo! sleep took them on a night of stars when they nigh had stridden 1505 to those lands beloved that long had known Flinding aforetime. At first morning the white arrows of the wheeling sun gazed down gladly on green hollows and smiling slopes
расстилавшимся вольно.	that swept before them. 1510

Там стволы стройные	There builded boles	
старых буков	of beeches ancient	
Ввысь вознеслись	marched in majesty	
величавым строем,	in myriad leaves	
В рдяное злато	of golden russet	
уйдя корнями,	greyly rooted,	
Листвой лучистой	in leaves translucent	
легко окутались;	lightly robéd;	
Вкруг ветвей воздетых	their boughs up-bending	
вились поутру		1515
Ветерки вольные,	by the wings of winds	
вея крылами	that wandered down	
Над душистой ширью	o'er blossomy bent	
шатров цветущих,	breathing odours	
Над искристой рябью	to the wavering water's	
вдоль кромки водной.	winking margin.	
Камыши с шорохом	There rush and reed	
шуршали султанами,	there rustling plumes	
Тростники, что копья,	And leaves like lances	
клонились под ветром	louted trembling	
Над зеленым затоном.	green with sunlight.	
Злосчастный Флиндинг	Then glad the soul	
Стал весел сердцем.	of Flinding the fugitive;	
Рассвет в лице его	in his face the morning	
Замерцал золотом,	here glimmered golden,	
светозарные кудри	his gleaming hair	
Омыл огнем.	was washed with sunlight.	
«Очнись же от горя,	'Awake from sadness,	
О Турион Талион [4],	Turion Thalion [4],	
и от тяжких мыслей!	and troublous thoughts!	1525
Звонок смех	On Ivrin's lake	1323
над заводью Ивринской.	is endless laughter.	
Ло! Светла как стекло она;	Lo! cool and clear	
струи хрустальные	by crystal fountains	
Не скудея, поят ее,	she is fed unfailing,	
от порчи хранит	from defilement warded	60
Древний Ильмир,	by Ylmir the old,	61
что в далеком прошлом,	who in ancient days,	01
Вод владыка,	wielder of waters,	
изваял красу ее.	here worked her beauty.	1530
От Океана окраинного	From outmost Ocean	1000
в сию область доныне	yet often comes	
Приходят послания,	his message hither	
•	his magic bearing,	
полные магии,	illo illagic ocarilly,	

Даруя надежду,	the healing of hearts	
души врачуя	and hope and valour	
В борьбе с Бауглиром.	for foes of Bauglir.	
Средь Богов лишь Ильмир	Friend is Ylmir	
О нуждах номов	who alone remembers	
вспоминает как друг	in the Lands of Mirth	1535
В Землях Веселья.	the need of the Gnomes.	
Здесь воды Нарога	Here Narog's waters	
(Что в наречии номов	(that in tongue of the Gnomes	
назван «потоком»)	is 'torrent' naméd)	
	are born, and blithely	
Родятся, и радостно		
разлившись по гальке,	boulders leaping	
По перекатам прыгают,	o'er the bents bounding	
пеной брызжут,	with broken foam	
Струятся на юг,	swirl down southward	
к сокрытым чертогам	to the secret halls	1540
В Нарготронд,	of Nargothrond	
номами выстроенный,	by the Gnomes builded	
Что от страшной смерти	that death and thraldom	
спаслись и рабства	in the dreadful throes	
В Нирнайт Орнот,	of Nirnaith Ornoth,	
и немногим числом	a number scanty,	
Бежав, выжили.	escaped unscathed.	
Он жилище Берена	Thence skirting wild	
И Дориатской плясуньи,	the Hills of the Hunters,	
дочери Тингола, –	the home of Beren	1545
Холмы Охотников, –	and the Dancer of Doriath	1343
на ходу огибает,	daughter of Thingol,	
Кружит и катится	it winds and wanders	
до края ивового,	ere the willowy meads,	
До страны Нан-Татрина –	Nan-Tathrin's land,	
девятнадцать лиг	for nineteen leagues	
Влечется весело,	it journeys joyful	
дабы влиться на Юге	to join its flood	
В светлый Сирион.	with Sirion in the South.	
К соленым топям,	To the salt marshes	1550
Где бекас с моевкой	where snipe and seamew	
и морские ветра	and the sea-breezes	
Смеются и свищут,	first pipe and play	
спешат они вместе	they press together	
	sweeping soundless	
Полями привольными к престолу Ильмира,	to the seats of Ylmir,	
	where the waters of Sirion	
Где воды Сириона		
и волны моря	and the waves of the sea	l

Смешались шумливо.	murmurous mingle.	
Широко тянется	A marge of sand	1555
Полоса песчаная,	there lies, all lit	
подсвечена солнцем;	by the long sunshine;	
Там безумолчно зыбится	there all day rustles	
залив Океана,	wrinkled Ocean,	
И мятутся мятежно	and the sea-birds call	
морские птицы,	in solemn conclave,	
Белокрылые стаи	whitewingéd hosts	
стонут печально,	whistling sadly,	
Горестен гомон	uncounted voices	
голосов бессчетных.	crying endlessly.	1560
Там берег блещет	There a shining shingle	
бледным мерцанием,	on that shore lieth,	
Песок – что перлы	whose pebbles as pearl	
или пыль мраморная	or pale marble	
В россыпях брызг	by spray and spindrift	
искрится под вечер,	splashed at evening	
Под луною лучится,	in the moon do gleam,	
плачет и стонет,	or moan and grind	
Когда гонит в гневе	when the Dweller in the Deep	
Глубинный Житель	drives in fury	1565
К стенам суши –	the waters white	
стылые воды;	to the walls of the land;	
Всадники длинновласые	when the long-haired riders	
на взмыленных скакунах	on their lathered horses	
С уздой и удилами,	with bit and bridle	
рожденными в пене,	of blowing foam,	
Венчаны вервием	in wrack wreathéď	
из водорослей придонных,	and ropes of seaweed,	
Громовым галопом	to the thunder gallop	
грохочут в прибое».	of the thudding of the surf."	1570 61
Так сказал Флиндинг,	Thus Flinding spake	62
слыша чары	the spell feeling	
Извечного Ильмира:	of Ylmir the old	
издревле все помнит он;	and unforgetful,	
Благодать его давняя	which hale and holy	
ограждает Иврин	haunted Ivrin	
И пенный Нарог.	and foaming Narog,	
Прихвостни Моргота	so that fared there never	
Перейти поток тот	Orc of Morgoth,	
не пытались вовеки,	and that eager stream	1575
Сквернить ту страну	no plunderer passed.	
не смели разбойники:	If their purpose held	

Если путь пролегал их to reach the realms в пределы заречные that roamed beyond (Не знали они доныне (nought yet knew they о Нарготронде), of Nargothrond) they harried o'er Hithlum Через хребты хмурые the heights scaling Хитлума шли они. Те вершины высились that lay behind за впадиной озера: the lake's hollow, 1580 the Shadowy Mountains Тенистые горы in the sheen mirrored в затонах Иврина Отражались, дрожа. of the pools of Ivrin. Жадно внимал Pale and eager Слову Флиндинга Túrin hearkened to the tale of Flinding: бледный Турин: Звучал в речах тех the washing of waters in his words sounded, пучины рокот, an echo as of Ylmir's Эхо грозных раковин Ильмира awful conches 1585 in the abyss blowing. В глубинных безднах. There born anew Забилось надеждой Сердце истерзанное, was hope in his heart как спешили вниз они, as they hastened down to the lake of laughter. К озеру смеха. Отходит рукав его, A long and narrow Длинный и узкий: arm it reaches that ancient rocks древние пики, o'ergrown with green Затканы зеленью, girdle strongly, 1590 вкруг заводи высятся -Там отверзся внезапно at whose outer end средь валунов серых there open sudden a gap, a gateway Проем – как портал in the grey boulders; у предела крайнего: whence thrusteth thin Сквозь скалу сочатся струи тонкие: in threadlike jets Народившийся Нарог; newborn Narog, с девятнадцати саженей nineteen fathoms o'er a flickering force Каскады кипучие 1595 в купель срываются; falls in wonder, and a glimmering goblet Ключами лучистыми with glass-lucent та чаша мерцающая fountains fills he Полнится, пенным by his freshets carven потоком изваяна В хладном лоне in the cool bosom of the crystal stones. хрусталей каменных.

Там выпили вдосталь	There deeply drank		
воды прозрачной	ere day was fallen		
Турин усталый	Túrin the toilworn		
с сотоварищем верным;	and his true comrade;	1600	
Боль избылась	hurt's ease found he,		
в скорбящем сердце,	heart's refreshment,		
Силки страдания	from the meshes of misery		
сбросил разум,	his mind was loosed,		
Как, присев на поляне	as they sat on the sward		
под плеск воды,	by the sound of water,		
Глядели, дивясь, они,	and watched in wonder		
как за дикие горы	the westering sun		
Солнце садится,	o'er the wall wading		
за стену уходит,	of the wild mountains,	1605	
И пики пурпурные	whose peaks empurpled		
пронзают вечер.	pricked the evening.		
Все гасло. Густея,	Then it dropped to the dark		
глубокие тени	and deep shadows		
Скользили по склонам;	up the cliffs creeping		
в сумерках тонули,	quenched in twilight		
Пунцовым подсвечены,	the last beacons		
последние гребни.	leashed with crimson.		
Кряжи крутые	To the stars upstanding		
в каменных мантиях	stony-mantled	1610	
Воздвиглись под звездами;	the mountains waited		
взошла луна	till the moon arose		62
Над извечным Востоком,	o'er the endless East,		63
и воды Иврина,	and Ivrin's pools		
В сон погруженные,	dreaming deeply		
отражали смутно	dim reflected		
Два бледных лика.	their pallid faces.		
Размышленьем скованы,	In pondering fast		
Беглецы безмолвствовали,	woven, wordless,		
не будя ни звука.	they waked no sound,	1615	
Вот ветерки повеяли;	till cold breezes		
вились вкруг путников	keenly breathing		
Дуновения душистые,	clear and fragrant		
дыша прохладой.	curled about them;		
Для ночлега нашли они	then sought they for sleep		
нишу в скалах:	a sand-pavéd		
Пещерку песчаную;	cove outcarven;		
из прутьев буковых	there kindled fire,		
Сложили костер;	that brightly blossomed	1.620	
соцветиями жаркими	the beechen faggots	1620	

in flowers of flame; Плясало пламя; floated upward плыл сизый дым a slender smoke, Тонкими токами; when sudden Túrin Турин внезапно on the firelit face На лик Флиндинга средь бликов воззрился of Flinding gazed, and wondering words И дивясь, вымолвил, he wavering spake: в словах запинаясь: 'O Gnome, I know not «О ном, не знаю, thy name or purpose 1625 как и назвать тебя, or father's blood -Чьей ты крови и рода, what fate binds thee что за рок связал тебя С бродягой бездумным, to a witless wayworn бездольным скитальцем, wanderer's footsteps, Погубителем Белега, the bane of Beleg, his brother-in-arms?' брата по оружию?» Боясь, как бы боль Then Flinding fearful lest fresh madness безумия снова should seize for sorrow Не накатила на Турина, не утаил Флиндинг, on the soul of Túrin, 1630 Как страждал и странствовал retold the tale в страшной чаще, of his toil and wandering; how the trackless folds Как на неторных тропах Таур-на-Фуин, of Taur-na-Fuin, Смертной Тени, Deadly Nightshade, dreadly meshed him; сбился с дороги, of Beleg the bowman О бойце бесстрашном, Белеге-лучнике, bold, undaunted, О деяньи их доблестном and that deed they dared on the dim hillside, в долине сумрачной, 1635 that song has since Что помнят поныне в песнях немолчных; unceasing wakened; of the fate that fell, О Судьбе свершившейся сбивчиво молвил он, he faltering spake, in the tangled thicket В запутанных зарослях под завесой терновника, neath the twining thorns Когда мощь Моргота when Morgoth's might was moved abroad. во мраке воспряла. Then his voice vanished Смолк сказ его, в скорби прервался; veiled in mourning, 1640 and lo! tears trickled Ло! Слезы хлынули по лицу Турина, on Túrin's face

На волю вырвалось	till loosed at last		
полноводным потоком	were the leashed torrer	its	
Страданье сдерживаемое.	of his whelming woe.		
Рыдал он неистово,	Long while he wept		
Беззвучно, безудежно,	soundless, shaken,		
в безмерном горе	the sand clutching		
Песок пыльный	with griping fingers		
в пальцах терзая;	in grief unfathomed.	1645	
Но не боялся более	But Flinding the faithful		
бедствий новых	feared no longer;		
И ободренья бездушного	no comfort cold		
не обрел Флиндинг:	he kindly found,		
Сон беспросыпный	for sleep swept him		
сковал его намертво.	into slumber dead.		
Вдруг песнь потревожила	There a singing voice		
покойную дрему.	sweetly vexed him		
Дивясь, пробудился он;	and he woke and wondered:		
чуть рдели угли;	the watchfire faded;	1650	
Ночь тускнела;	the night was aging,		
недвижен был мир.	nought was moving		
Во тьме безмолвной	but a song upsoaring		_
мелодия ширилась,	in the soundless dark	_	6.
Плыла в поднебесье	went strong and stern		6
песня могучая.	to the starlit heaven.		
То Турин, вставши	'Twas Túrin that towering		
над истоком водным,	on the tarn's margin,		
Высоко в скалах,	up high o'er the head	1.655	
у кромки воды,	of the hushed water	1655	
Что сочилась слабо,	now falling faintly,		
слагал во весь голос	let flare and echo		
Песнь, что полнилась	a song of sorrow		
печалью торжественной:	and sad splendour,		
Плач по Белегу	the dirge of Beleg's		
и бессмертной славе его.	deathless glory. There wondrous wove he		
Сплетал он складно	words enchanted,		
Слова колдовские;	that woods and water		
Откликались, очнувшись,	waked and answered,	1660	
озера и чащи, Скалы стенали,	the rocks were wrung	1000	
скалы стенали, скорбя по Белегу.	with ruth for Beleg.		
Песнь, что пел он,	That song he sang		
помнят и ныне:	is since remembered,		
Средь номов – насельников	by Gnomes renewed		
в Нарготронде	in Nargothrond		
втирготропде	iii i tui gotiii oild		

Повсюду призвала она it widely has wakened полки отважные warfain armies to battle with Bauglir -Бороться с Бауглиром, -'The Bowman's Friendship'. 1665 «Дружба Лучника». С вершины вниз 'Tis told that Túrin then turned him back возвратился Турин, На песок прилег он and fared to Flinding, and flung him down подле Флиндинга, to sleep soundless Сном скован, till the sun mounted пока солнце не вышло to the high heavens На свод сияющий, and hasted westward. спеша на Запад. A vision he viewed Виденье взору in the vast spaces 1670 явилось в пределах Немой дремоты; of slumber roving: мнилось, бредет он it seemed he roamed up the bleak boulders Вверх по глыбам угрюмым голого склона of a bare hillside К чаше, точёной to a cup outcarven in a cruel hollow, в черной лощине, whose broken brink Окаймленной по краю bushes limb-wracked кустарником куцым; by the North-wind's knife Ветер северный 1675 ветви иссек его in knotted anguish Как ножом безжалостным. did fringe forbidding. There black unfriendly В ложбине мрачной Теснился терновник, was a dark thicket, a dell of thorn-trees с тисом сплетенный: with yews mingled Древесину дерев тех изглодали годы; that the years had fretted. Сучья иссохшие, The leafless limbs they lifted hopeless сплошь изъязвленные, were blotched and blackened, Черные, чахлые, barkless, naked, 1680 обреченно вздымались; a lifeless remnant Мечены молнией, of the levin's flame, мертвые остовы charred chill fingers Персты, пожженные changeless pointing пожаром, тянули В сумерки стылые. to the cold twilight. There called he longing: Сокрушенно воззвал он: 'O Beleg, my brother, «О Белег, брат мой! О Белег, скажи мне, O Beleg, tell me

Где покоится прах твой в пределах горестных?» Отголоски эха отзывались: «Белег». Се! Из дальней дали донесся голос, Задрожав зыбко,	where is buried thy body in these bitter regions?' – and the echoes always him answered 'Beleg'; yet a veiléd voice vague and distant he caught that called	1685	
как зов полуночный Над пустынной пучиной: «Полно искать меня, Истлел лук мой в земле могильной, Лес мой спалило пламя небесное.	like a cry at night o'er the sea's silence:	1690	
Здесь страх селится, не смеет вторгаться Во глушь горькую ни гоблин, ни орк; Нет подхода к порталу	here dread dwelleth, none dare profane this angry earth, Orc nor goblin; none gain the gate	-	64 65
пущи угрюмой, Путем пагубным пройти не можно. Но к ожиданию долгому за долами моря Отлетела жизнь моя,	of the gloomy forest by this perilous path; pass they may not, yet my life has winged to the long waiting in the halls of the Moon	1695	
в чертоги лунные. Доблесть – поддержка тебе, друг одинокий!» Дивясь, пробудился он –	o'er the hills of the sea. Courage be thy comfort, comrade lonely!' Then he woke in wonder;		
духом взбодрившись, Исцелившись разумом; громко окликнул Флиндинга го-Фуилина, эльфийского воина. Солнца серебряные стрелы пробились	his wit was healed, courage him comforted, and he called aloud Flinding go-Fuilin, to his feet striding. There the sun slanted its silver arrows	1700	
Сквозь пряди разметанные ревущего водопада, Крытого радуги трепетным сводом. «Куда, о Флиндинг, податься нам ныне?	through the wild tresses of the waters tumbling roofed with a radiant rainbow trembling. 'Whither, O Flinding, our feet now turn we,	1705	

or dwell we for ever Или навек заживем мы у вод плящуших, by the dancing water, Без забот, вне зла, by the lake of laughter, alone, untroubled?' у заводи смеха?» 'To Nargothrond «В Нарготронд of the Gnomes, methinks,' номов ныне отсюда said Flinding, 'my feet Добраться думаю, дал ответ Флиндинг. would fain wander, Келегорм и Куруфин, that Celegorm and Curufin, искусного Феанора the crafty sons 1710 Сыны, заложили, of Fëanor founded бежав на юг, when they fled southward; Бастион борьбы there built a bulwark с Бауглировой яростью, against Bauglir's hate, И в союзе секретном who live now lurking in league secret скрываются ныне with those five others С пятью прочими in the forests of the East. в пущах Востока fell unflinching Нетерпимые недруги 1715 ненавистного Моргота: foes of Morgoth. Майдрос, что Морготом Maidros whom Morgoth maimed and tortured был муке подвергнут, is lord and leader. Их вождь и владыка, his left wieldeth владеет мечом он Дланью левой; his sweeping sword; there is swift Maglor, легконогий Маглор, there Damrod and Díriel Дамрод и Дириэль, и недобрый Крантир; and dark Cranthir, Взыскуют семеро the seven seekers of their sire's treasure. 1720 сокровища отчего. Now Orodreth rules Днесь Ородрет правит the realms and caverns, гротами, землями the numbered hosts И нарготрондскими бессчетными ратями. of Nargothrond. Там, верно, в возраст There to woman's stature will be waxen full вошла, расцветая, frail Finduilas Финдуилас дивная, the fleet maiden дева хрупкая, his daughter dear, Дорогая дочь его, тех дворцов сумрачных in his darkling halls 1725 a light, a laughter, Свет и смех, что всем сердцем любил я, that I loved of yore, and yet love in longing, Люблю и стремлюсь к ней; любовь зовет меня». and love calls me.'

Где Нарог несся	Where Narog's torrent		
в неистовой ярости	gnashed and spouted		
По перекатам каменным,	down his stream bestrewn		
плеская пеной,	with stone and boulder,		
В путь проворно	swiftly southward		
пустились на юг они.	they sought their paths,	1730	
Лучилось улыбками	and summer smiling		
лето приветное,	smoothed their journey		
День ото дня,	through day on day,		
в долах и чащах,	down dale and wood		
Где птицы полнят	where birds blithely		
певучей музыкой	with brimming music		
Чащобы частые,	thrilled and trembled		
щебеча звонко.	in thronging trees.		65
Никто не выследил,	No eyes them watched	_	66
как, ведомы судьбою,	onward wending	1735	00
Пришли они к пади, где,	till they gained the gorge	1733	
повернув, Гинглит	where Ginglith turns		
Скользит, вся в золоте,			
	all glad and golden		
на зов Нарога:	to greet the Narog.		
Ее струи спокойные	There her gentler torrent		
в стремнину вливаются,	joins his tumult,		
И по хранимой равнине	and they glide together		
несутся вдвоем они	on the guarded plain		
К холмам Охотников:	to the Hunters' Hills		
их хребты скальные,	that high to southward	1740	
Затканы зеленью,	uprear their rocks		
воздвиглись на юге.	robed in verdure.		
Там Хранители Нарога	There watchful waited		
неусыпно бдили:	the Wards of Narog,		
Вдруг недруги номов	lest the need of the Gnomes		
нагрянут с Севера,	from the North should o	come,	
Ибо море на Юге –	for the sea in the South		
мощный оплот им	them safe guarded,		
А вольный Нарог –	and eager Narog		
с Востока защита.	the East defended.	1745	
Твердынь средь дерев	Their treegirt towers		
на древних холмах	on the tall hilltops		
Свет меж ветвей	no light betrayed		
не выдал проблеском,	in the trees lurking,		
Рогов голос в нагорьях	no horns hooted		
не слышался [5],	in the hills ringing [5]		
Трубя тревогу;	in loud alarm;		
на тропах тайных	a leaguer silent		
па тронах гаиных	a reaguer sitelit		

Кольцо смыкалось unseen, stealthy, вкруг чужака беззвучно: beset the stranger, 1750 Так зверье сторожкое as of wild things wary замрет недвижно that watch moveless, И по следу неслышно then follow fleetly with feet of velvet на лапах бархатных За бездумной дичью their heedless prey with padding hatred. крадется с ненавистью. In this fashion fought they, Так вели войну – невидимо, скрытно, phantom hunters that wandering Orc С одиноким орком, and wild foeman 1755 с отчаянным недругом unheard harried. Охотники-тени, hemmed in ambush. таясь в засаде. The slain are silent. Немотствуют мертвые, и безмолвны стрелы and silent were the shafts Номов незримых of the nimble Gnomes Нарготронда: of Nargothrond, На страже стрелки, who word or whisper чтоб ни слухов лишних, warded sleepless from their homes deep-hidden, Ни вестей вовеки 1760 не проведал Бауглир that hearsay never О станах их тайных. was to Bauglir brought. Bright hope knew they, Питала надежда их. На войну открытую and east over Narog к востоку от Нарога to open battle no cause or counsel До поры повода пойти у них не было, had called them yet, though of shield and shaft Хоть метких стрел, мечей и щитов and sheathéd swords, И бойцов бесстрашных of warriors wieldy прибавилось в войске now waxed their host 1765 Для деяний доблестных. to power and prowess, По дальним тропам and paths afar their scouts and woodmen Лазутчики зоркие scoured in hunting. в тех землях рыскали. Thus the twain were tracked Настигли они странников till the trees thickened там, где густела чаща, И река ревела and the river went rushing под обрывистой кручей, neath a rising bank, in foam hastened Плеща пеной

у подножья холмов.

o'er the feet of the hills. 1770

In a gloom of green В смарагдовом сумраке, спотыкаясь, брели они. there they groped forward; Судьба спасла there his fate defended от смерти летучей from flying death Турина Талиона -Túrin Thalion a twisted thong толстые корни Ступню опутали, of writhing roots enwrapped his foot; как плетеным вервием; Пал он - в полете as he fell there flashed, 1775____ fleet, whitewingéd, проблеском белокрылым 66 a shrill-shafted arrow Стрела свистнула, that shore his hair, срезав прядь ему, and trembled sudden И в древесном стволе, in a tree behind. дрожа, застряла. Вскричал Флиндинг, Then Flinding o'er the fallen fiercely shouted: встав над упавшим: «Кто стрелы слепо 'Who shoots unsure his shafts at friends? стремит в друзей? Флиндинг го-Фуилин Flinding go-Fuilin из эльфов Нарога of the folk of Narog 1780 and the son of Húrin И сын Хуринов, his sworn comrade сотоварищ верный, Спешат к свободе here flee to freedom from the foes of the North.' от северных недругов». His words in the woods В ответ ни отзвуком awoke no echo; не отозвалось эхо, no leaf there lisped, Ни листьев лепет, ни ломкой ветки nor loosened twig there cracked, no creak Хруст или треск, of crawling movement 1785 ни в травах шорох Тишины не тревожили. stirred the silence. Still and soundless Застыли недвижно in the glades about На земле средь зарослей were the green shadows. зеленые тени. Thus fared they on, Так шли двое далее; and felt that eyes шаги беззвучные, unseen saw them, По пятам поспешавшие, and swift footsteps позади чудились. unheard hastened Глаза незримые behind them ever. 1790 пронзали сумрак; till each shaken bush От куста каждого

or shadowy thicket

и колючих зарослей,

В страхе напрасном they fled furtive шарахались путники; in fear needless, for thereafter was aimed Но стрел из сумрака не слали более. no arrow wingéd, К владеньям, возделанным and they came to a country как должно, пришли они; kindly tended; through flowery frith Кущи в цвету и тучные выгоны and fair acres 1795 Миновали, не видя they fared, and found of folk empty вовсе жителей, the leas and leasows И поле, и пашни, и пастбища Нарога, and the lawns of Narog, Изобильные земли the teeming tilth by trees enfolded средь буйства зелени Меж рекой и кряжами. twixt hills and river. Киркомотыги The hoes unrecked in the fields were flung, В полях валялись, 1800 и лестницы, брошены and fallen ladders in the long grass lay Средь спутанной поросли of the lush orchards; пышных садов. every tree there turned Деревья кронами its tangled head украдкой качали, and eyed them secretly, Чужаков примечая; and the ears listened чутко вслушивались of the nodding grasses; Колосья злаков; though noontide glowed палил полдень on land and leaf, Луга и листья; their limbs were chilled. 1805 но хлад пробрал путников. Never hall or homestead Ни двора, ни дома its high gables ни виднелось под солнцем, in the light uplifting Ни конька крыши in that land saw they, в краю том обширном, but a pathway plain Но пролегла вдоль полей, приметная издали, by passing feet was broadly beaten. Тропа торная. Туда и направился Thither bent their steps Напрямую Флиндинг: Flinding go-Fuilin, whose feet remembered 1810 ноги помнили Ту дорогу белую. that white roadway. Добрались они вскорости In a while they reached to the acres' end, До предела полей, that ever narrowing что меж потоком и склоном Сужаясь, скоро twixt wall and water did wane at last сошли на нет -

К берегам цветущим to blossomy banks вдоль бровки дороги. by the borders of the way. Поток полноводный, A spuming torrent,		o blossomy banks		
		by the borders of the v	way.	
	лноводный,		,	
пенный и бурный, in spate tumbling 1815			1815	
Низвергшись с вершины from the highest hill				
				67
				68
из резного камня there of carven stone				
Точеной и тонкой with slim and shapely				
летящей аркой slender archway				
Мост воздымался, a bridge was builded,	-			
мерцала дуга его a bow gleaming				
Над вскипающей пенной in the froth and flashing		n the froth and flashing		
пылью Ингвиля, foam of Ingwil, 1820			1820	
Что, бушуя шумно, that headlong hurried			1020	
спешил по ущелью. and hissed beneath.		and hissed beneath		
Тде настиг наконец он Where it found the flood,				
Нарог далекостранствующий, far-journeyed Narog,				
крепкие плечи the strong shoulders				
Нависли сверху of the hills, o'erhanging				
над водами быстрыми. the hurrying water; Укрыта под кронами, there shrouded in trees				
			1025	
терраса отвесная a sheer terrace, 1825			1825	
Простерлась просторно, wide and winding,				
истертая гладко – worn to smoothness,				
На лоне скалистых was fashioned in the face				
склонов изваяна. of the falling slope.				
Врата темные Doors there darkly				
тусклой громадой dim gigantic				
Ровно прорубленные, – were hewn in the hillside;				
прочны балки, huge their timbers,	-			
Столпы и своды, и сваи – and their posts and lintels	и своды, и сваи –			
из камня, – of ponderous stone. 1830	з камня, –	of ponderous stone.	1830	
Закрыты незыблемо. They were shut unshakeable.				
Запела труба – Then shrilled a trumpet	апела труба –	Then shrilled a trump	et	
Так сигнал смутный as a phantom fanfare				
слышен порою faintly winding		faintly winding		
В холмах, затихая in the hill from hollow	•	n the hill from hollow		
в хоромах глубинных. halls far under;				
Скрипя, створка a creaking portal with				
скользнула назад, clangour backward				

Из прови опроветой	was flung and forth	
Из двери отверстой	was flung, and forth	1025
воины хлынули, Проворной поступью,	there flashed a throng, leaping lightly,	1033
·		
пики нацелив,	lances wielding, and swift encircling	
Обступили плотно	seized bewildered	
путников изумленных,		
Повлекли пленников	the wanderers wayworn,	
сквозь проем зияющий,	wordless haled them	
Молча, не мешкая,	through the gaping gateway	
во мрак подземный.	to the glooms beyond.	
Со скрипом и скрежетом	Ground and grumbled	1010
на крепких петлях	on its great hinges	1840
Врата тяжкие	the door gigantic;	
натужно стронулись,	with din ponderous	
Точно гром грянул –	it clanged and closed	
затворились с лязгом.	like clap of thunder,	
В переходах нехоженых	and echoes awful	
глухое эхо	in empty corridors	
Отозвалось зловеще	there ran and rumbled	
под сводом незримым.	under roofs unseen;	
Луч поблек.	the light was lost.	
Повели их далее	Then led them on	1845
Коридорами долгими	down long and winding	
сквозь пределы тьмы;	lanes of darkness	
Направляли воины	their guards guiding	
их неверную поступь.	their groping feet,	
Вот слабый блик	till the faint flicker	
пламенных факелов	of fiery torches	
Блеснул пред ними;	flared before them;	
невнятный гул –	fitful murmur	
Голоса бессчетные	as of many voices	
сонмов несметных –	in meeting thronged	1850
Вдали послышался.	they heard as they hastened.	1050
Взнеслись ввысь своды.	High sprang the roof.	
За поворотом резким	Round a sudden turning	
	they swung amazed,	
разом предстал им	and saw a solemn	
Тайный чертог, застывший в безмолвии:	silent conclave,	
Сотни сошлись здесь	where hundreds hushed	
в сумерках неохватных	in huge twilight	
Под куполом каменным,	neath distant domes	1055
канувшим в тень,	darkly vaulted	1855
И безмолвно ждали.	them wordless waited.	
Стремительным током	There waters flowed	

Вода вилась, омывало эхо, Сонмы собравшихся; струи фонтанные На пятьдесят саженей, сверкая алым, Вольно взметнулись ввысь, колыхаясь, Дрожа, отражали жаркие отсветы, К подножью падали престола резного. Восседал там владыка, венчан короной.	with washing echoes winding swiftly amid the multitude, and mounting pale for fifty fathoms a fountain sprang, and wavering wan, with winking redness flushed and flickering in the fiery lights, it fell at the feet in the far shadows of a king with crown and carven throne.	
Голос грянул под гулкими сводами, Воззвал властелин: «Вы кто, пришедшие С немилого Севера в Нарготронд наш, Ном-невольник и незнаемый смертный? Гость здесь негожий –	A voice they heard neath the vault rolling, and the king them called: 'Who come ye here from the North unloved to Nargothrond, a Gnome of bondage and a nameless Man? No welcome finds here	1865
изгой-бродяга; Привета не сыщет он, коли не смерти взыскует: Прознавшим в приют наш последний дорогу Об иной милости молить не пристало». Тут сын Фуилина без страха ответствовал: «Иль недостало стражи	wandering outlaw; save his wish be death he wins it not, for those that have looked on our last refuge it boots not to beg other boon of me.' Then Flinding go-Fuilin freely answered: 'Has the watch then waned	1870
в стране Нарога, С тех пор, как правит Ородрет народом здешним? Как добрался б до врат затравленный путник Без согласья стрелков, твоему слову покорных? Не слышал ты, стало быть, как сокрытый лучник,	in the woods of Narog, since Orodreth ruled this realm and folk? Or how have the hunted thus hither wandered, if the warders willed it not thy word obeying; or how hast not heard that thy hidden archer,	1875

Стрелу пославший	who shot his shaft	
под сводами леса,	in the shades of the fores	st.
Доведавшись, кто мы,	there learned our lineage,	,
о Король Нарога,	O Lord of Narog,	
И имена наши зная –	and knowing our names	
		1880
новые стрелы	loosed no longer?'	1000
Не пускал уж в путников?»	Then low and hushed	
Поднялся ропот		
Еле слышный, смутный,	a murmur moved	
над сонмом собравшихся.	in the multitude,	
Одни объявляли:	and some were who said:	
«Он это, воистину,	"Tis the same in truth:	
Найден ныне	the long looked-for,	
давно утерянный:	the lost is found,	
Знал он в Нарготронд	the narrow path he knew	
потайную тропу,		1885
Здесь рожден он и вырос,	who was born and bred here	
и возмужал летами».	from babe to youth';	
Другие дивились:	and some were who said:	
«Долгие годы	'The son of Fuilin	
Искали сгинувшего	was lost and looked for	
сына Фуилина.	long years agone.	
Знак какой указует	What sign or token	
взору иль слуху,	that the same returns	
Что в самом деле вернулся он?	have we heard or seen?	
Исхудалый беглец	Is this haggard fugitive	1890
С согбенной спиною –	with back bended	1070
смелый тот вождь,	the bold leader,	
Следопыт, что в походы,	the scout who scoured,	
	scorning danger,	
презрев опасность,	most far afield	
Ходил всех дальше		
из детей Нарога?»	of the folk of Narog?' 'That tale was told us,'	
«Сей сказ мы слышали, –		
сурово молвил	returned answer	
Грозный Ородрет, -	the Lord Orodreth,	
но рано верить.		1895
Единственным из бездольных,	That alone of the lost,	
что в дальние земли	whom leagues afar	
Орки Ангбанда	the Orcs of Angband	
в оковах тяжких	in evil bonds	
Утащили в узилища,	have dragged to the deeps,	
из угрюмого рабства	thou darest home,	
Благодатью ли, доблестью ль,	by grace or valour,	
ты домой вернулся, –	from grim thraldom,	
1 /	e e	

<u>69</u> 70

1905

1910

1915

Чем подтвердишь? Повод what proof dost thou proffer? и предлог есть ли, What plea dost show 1900 Чтоб смертный муж that a Man, a mortal, on our mansions hidden на дома наши тайные should look and live, Взглянул – и выжил, our league sharing?' войдя в союз наш?» Так проклятье клана Thus the curse on the kindred за кровь, пролитую for the cruel slaughter В Лебединой гавани, at the Swans' Haven на душу его пало, there swayed his heart, but Flinding go-Fuilin Но Флиндинг го-Фуилин факелом вспыхнул: fiercely answered: 'Is the son of Húrin, «Или сын Хурина, что страждет в оковах who sits on high in a deathless doom Вековечного рока dreadly chainéd, на вышнем утесе, unknown, nameless, Неведом, незнаем, in need of plea и нуждается в просьбах, to fend from him the fate Чтоб спастись от судьбы соглядатая вражьего? of foe and spy? Flinding the faithful, Флиндинг далекостранствующий, the far wanderer, фальши чуждый, Пусть лик и обличье его, though form and face опалив, изувечили fires of anguish Преисподней пламя and bitter bondage, Balrogs' torment, и пытки балрогов, have seared and twisted, И путы плена, for a song of welcome на песнь приветную had hoped in his heart В душе надеялся, at that home-coming о радушном доме that he dreamed of long Часами черными мечтал в рабстве! in dark labour. Или подземные залы Are these deep places узилищем стали, to dungeons turned, a lesser Angband Малым Ангбандом in the land of the Gnomes?' в местности номов?»

Гнев возгорелся Thereat was wrath aroused в груди Ородрета, in Orodreth's heart, and the muttering waxed Гомонили все громче to many voices, голоса многие, Толпа толковала and this and that the throng shouted; 1920 то так, то этак;

Вдруг песнь проснулась –	when sweet and sudden	
поплыл сладкозвучно	a song awoke, a voice of music	
Над гулом и гвалтом		
голос нежный, –	o'er that vast murmur	
Мелодичной музыкой	mounted in melody	
к мглистым сводам,	to the misty domes;	
Заполнив отзвуками	with clear echoes	
изгибы арок.	the caverned arches	
Туманом текучим	it filled, and trembled	
трепеща зыбко,	frail and slender,	1925
Соткались светлые	those words weaving	
слова привета,	of welcome home	
Что уставшим тяготы	that the wayweary	
пути облегчали,	had wooed from care	
С тех пор, как номы узнали	since the Gnomes first knew	
нужду и скитания.	need and wandering.	
Всяк внимал молча;	Then hushed was the host;	
милый тот голос	no head was turned,	
Всем знаком был сыздавна	for long known and loved	
в зале недвижном.	was that lifted voice,	1930
И Флиндинг узнал его –	and Flinding knew it	
у подножья престола	at the feet of the king	
В тех стенах статуей	like stone graven	
застыв в безмолвии	standing silent	
Со скорбным сердцем,	with heart laden;	
но сын Хурина,	but Húrin's son	
Дивясь, пробудился	was waked to wonder	
	and to wistful thought,	
к задумчивой грусти,	and searching the shadows	
И взором внимательным		1025
всмотревшись в сумрак,	that the seat shrouded,	1933
В тени трона	the kingly throne,	
трижды приметил	there caught he thrice	
Отблеск, отблик	a gleam, a glimmer,	
одеяния белого.	as of garments white.	
То Финдуилас нежная,	"Twas frail Finduilas,	
легконогая дева,	fleet and slender,	
Что, в возраст войдя,	to woman's stature,	
_ воссияла красою,	wondrous beauty,	
Песней приветной	now grown in glory,	
путников встретила,	that glad welcome	1940
Их скорби сочувствуя,	there raised in ruth,	
и стихла ярость.	and wrath was stilled.	
Сберегала доселе	Locked fast the love	
в сердце любовь она,	had lain in her heart	

that in laughter grew Что родилась в радости порою давней, long years agone Когда в рощах раздольных when in the meads merrily a maiden played резвилась в детстве Она с озорным отроком, with fleet-footed 1945 отпрыском Фуилина. Fuilin's youngling. No searing scars Шрамы рваные of sundering years разлучных лет could blind those eyes Взор ей не застили, bright with welcome, засиявший приветно Сквозь светлые слезы, and wet with tears wistful trembling состраданьем исторгнуты at the grief there graven При виде вытравленного in grim furrows навеки горя В лице Флиндинга. on the face of Flinding. 'Father,' said she, К отцу воззвала она: 1950 'what dream of doubt «Что за сон сомнения сковал тебя ныне? dreadly binds thee? "Tis Flinding go-Fuilin, То Флиндинг го-Фуилин, whose faith of yore фальши чуждый, none dared to doubt. Встарь чтимый за стойкость. This dark, lonely, А темноволосый mournful-fated Смертный, судьбою скорбной отмеченный, -Man beside him if his oath avows Коль правдива порука – the very offspring 1955 поистине отпрыск of Húrin Thalion, Хурина Талиона; what heart in this throng чье в толпе сердце С недоверьем отвергнет его, shall lack belief or love refuse? не ведая жалости? But are none yet nigh us Или нет меж нами that knew of yore тех, кто знали встарь Мужа могучего, that mighty of Men, mark of kinship чтоб примету высмотреть to seek and see Родства кровного в суровом облике, in these sorrow-laden 1960 form and features? В печальных чертах его? Прихвостни Моргота The friends of Morgoth not thus, methinks, Не придут, думаю, through thirst and hunger одни, без товарищей, come without comrades, Сквозь глад и жажду; nor have countenance и не глядят, мнится мне, Так открыто и прямо, thus grave and guileless, glance unflinching.' строго и твердо».

Then did Túrin's heart	
	1965
soft and gentle	
of that tender voice	
that years of yearning	
had yielded slow;	
and Orodreth, whose heart	
knew ruth seldom,	
yet loved deeply	
that lady dear	1970
gave ear and answer	
of dire treachery,	
in flame of swords,	1975
and Húrin Thalion	
had hewn the throngs,	
the dark Glamhoth's	
demon legions,	
and who called there looked	
and cried aloud:	
"Tis the face of the father	
new found on earth,	
and his strong stature	
and stalwart arms;	1980
though such care and sorrow	
never claimed his sire,	
whose laughing eyes	
were lighted clear	
at board or battle,	
in bliss or in woe.'	
Nor could lack belief	
for long the words	
and faith of Flinding	
when friend and kin	1985
that face beheld.	
	tremble wondering at the sweet pity soft and gentle of that tender voice touched with wisdom that years of yearning had yielded slow; and Orodreth, whose heart knew ruth seldom, yet loved deeply that lady dear gave ear and answer to her eager words, and his doubt and dread of dire treachery, and his quick anger, he quelled within him. No few were there found who had fought of old where Finweg fell in flame of swords, and Húrin Thalion had hewn the throngs, the dark Glamhoth's demon legions, and who called there looked and cried aloud: "Tis the face of the father new found on earth, and his strong stature and stalwart arms; though such care and sorrow never claimed his sire, whose laughing eyes were lighted clear at board or battle, in bliss or in woe.' Nor could lack belief for long the words and faith of Flinding when friend and kin and his father hastening

Се! Обнялись отрадно Lo! sire and son отец и сын did sweet embrace neath trees entwining Под деревами, витые tangled branches ветви сплетающими at the dark doorways У портала темного of those deep mansions тайных чертогов, that Fuilin's folk Что прорыл и отстроил afar builded. 1990 род Фуилина and dwelt in the deep К западу от города, в Нагорье Охотников, of the dark woodland На лесистых склонах, to the West on the slopes of the Wold of Hunters. в сердце чащобы. Of the four kindreds Из четырех кланов, к королю приближенных, that followed the king, Нагорья наместники, the watchtowers' lords, хранители башен the wold's keepers И стражи моста, and the guards of the bridge, the gleaming bow мерцающей арки, 1995 Что повисла над пенной that was flung o'er the foaming пылью Ингвиля, froth of Ingwil, from Fuilin's children Назначались вначале were first chosen, из чад Фуилина, Благороднейшей крови, most noble of name. renowed in valour. геройством славные. В тех чертогах чащобных In those halls in the hills в час возвращения at that homecoming Веселье со светлыми mirth was mingled with melting tears 2000 слезами мешалось, for the unyielding years Ибо годы горькие под гнетом боли whose yoke of pain Омрачили чело, the form and face of Fuilin's son черты изменили Сына Фуилина, had changed and burdened, chilled the laughter смех выстудили, that leapt once lightly Что в глазах встарь не гас его, to his lips and eyes. и с губ срывался. Ныне в любви и ласке Now in kindly love was care lessened, 2005 умалилась горесть, Скорбь сердечную with song assuaged sadness of hearts; смягчили песни, Свечи и светочи the lights were lit and lamps kindled воссияли ярко

110 IIECIMI D	E/IEI /IIIIIA/II
Над пиршеством праздничным:	o'er the burdened board;
пригласили в залу	there bade they feast Túrin Thalion
Турина Талиона	with his true comrade
с товарищем верным	
К заставленным яствами	at the long tables' laden plenty, 2010
столам длинным,	laden plenty, 2010 where dish and goblet
Древесным, темным,	on the dark-gleaming
натертым воском,	wood well-waxéd,
Где кубки и блюда,	
и кувшины с вином	where the wine-flagons engraven glistened
Сверкали, узорные,	gold and silver.
серебром и златом.	Then Fuilin filled
Питьем пенным	
наполнил Фуилин –	with flowing mead, dear-hoarded drink
Многоценным медом,	
дурманным и темным –	1
Чашу точеную	a carven cup with curious brim,
с причудливым краем,	
Мастеров старинных	by ancient art of olden smiths
творение чудное,	
Дивно содеяно	fairly fashioned,
с древним искусством.	filled with marvels;
В серебре сером	there gleamed and lived
там сверкали как вживе	in grey silver the folk of Faërie
Дети Фаэри	in the first noontide 2020
во дни расцвета	of the Blissful Realms;
Земли Благостной;	
златыми гирляндами	with their brows wreathéd in garlands golden
Чёла венчали,	III garianus golden
лучистые кудри	with their gleaming hair
Развевались по ветру,	in the wind flying
своевольные ноги	and their wayward feet
Сами в пляс устремлялись	fitful flickering,
на полянах невянущих:	on unfading lawns the ancient Elves
Танцевали, вечные,	
не ведая устали,	there everlasting 2025
Древние эльфы	danced undying
средь дольных пажитей	in the deep pasture
В Садах Богов;	of the gardens of the Gods;
там сиял Глингол,	there Glingol shone
И мерцал Бансиль:	and Bansil bloomed
как мотыльки белые,	with beams shimmering,
Лепестки лучились	mothwhite moonlight
лунным маревом.	from its misty flowers;

Коронованы Кором,	the hilltops of Tûn
кручи Туна	there high and green 2030
Ввысь возносились;	were crowned by Côr,
вился по склонам	climbing, winding,
Белостенный город:	town white-walléd
башня Инга,	where the tower of Ing
Полутьму пронзала	with pale pinnacle
прозрачным шпилем;	pierced the twilight,
Слал сквозь сумрак	and its crystal lamp
светоч хрустальный	illumined clear
Над морями Тенистыми	with slender shaft
тонкий луч свой.	the Shadowy Seas. 2035
Сквозь гибель и горе,	Through wrack and ruin,
и гнев Богов,	the wrath of the Gods,
Сквозь скитания тяжкие	through weary wandering,
и потери изгнания	waste and exile,
Прошла эта чаша,	had come that cup,
точёная в радости	carved in gladness,
Сбереженная в скорби,	in woe hoarded,
в слабевшей надежде,	in waning hope
Когда многое минуло	when little was left
из мудрости прошлого.	of the lore of old. 2040
На пирах лишь порою	Now Fuilin at feast
полнил ее Фуилин –	filled it seldom
Порукой в приязни	save in pledge of love
к преданному другу.	to proven friend;
Предложил он приветливо	blithely bade he
испить из той чары	of that beaker drink
Ради сына, сидевшего	for the sake of his son
на скамье с ним рядом,	that sate nigh him Túrin Thalion
Турину Талиону,	in token sure 2045
товарищу верному,	of a league of love
Союз скрепляя	long enduring.
сердечной дружбы. «О дитя Хурина,	'O Húrin's child
Хитлумского владыки,	chief of Hithlum,
Ты томим мукой;	with mourning marred,
пусть мед эльфийский	may the mead of the Elves
Дух твой подымет,	thy heart uplift
дарует надежду!	with hope lightened;
Не покинь нас и после,	nor fare thou from us
как пир закончится,	the feast ended, 2050
Останься в сих стенах;	here deign to dwell;
коль чертог подземный	if this deep mansion
Top for Hogoeninin	

 $\overline{74}$

thus dark-dolven Под сумрачным сводом, в бессветных глубинах, dimly vaulted Пришлецу не противен, displease thee not, приют обрел ты». a place awaits thee.' Глотком глубоким There deeply drank a draught of sweetness гость из чаши Túrin Thalion Вкусил сладости, and returned his thanks 2055 словом признательным Ответствовал вежественно. in eager earnest, while all the folk Веселье длилось, with loud laughter Смех сердечный, and long feasting, застолье шумное, О бедах баллады with mournful lay и бурная музыка, or music wild Менестрелей магия, of magic minstrels that mighty songs могучие песни, Чудно сплетенные, did weave with wonder. there wooed their hearts 2060 отлучали души От предчувствий черных; from black foreboding; there bed's repose с почетом гостю Постлали ложе, their guest was granted, как во мгле безмолвной when in gloom silent the light and laughter Смех и свет, and the living voices и голоса звонкие were quenched in slumber. Сном сменились. Стылый и хрупкий, Now cold and slim the sickle of the Moon Серпом серебряным was silver tilted 2065 склонился Месяц o'er the wan waters Над потоком тусклым, что катился бессонно, that washed unsleeping, Над ночным Нарогом, nightshadowed Narog, номской рекою, the Gnome-river. Под глухое уханье In tall treetops охотников-филинов of the tangled wood there hooted hollow В вершинах вышних вековечного леса. the hunting owls. Thus fate it fashioned Так судьба судила, что под сводом Фуилина that in Fuilin's house 2070 Рок грозный the dark destiny now dwelt awhile до поры угнездился of Túrin the tall. Турина статного. Там трудился и бился он There he toiled and fought

С народом Фуилина with the folk of Fuilin из дружбы к Флиндингу; for Flinding's love; Знание забытое lore long forgotten learned among them, узнал среди них, Ибо свет сиял еще for light yet lingered in those leaguered places, 2075 в той стране осажденной. and wisdom yet lived Народ номов in that wild people, осеняла мудрость: whose minds yet remembered Хранили они в памяти the Mountains of the West Хребты Запада И лики Богов, and the faces of the Gods. yet filled with glory славы исполнены more clear and keen Превыше и паче than kindreds of the dark племен сумрака Или смертных, веселья or Men unwitting of the mirth of old. 2080 старины не ведавших. Так Фуилин и Флиндинг Thus Fuilin and Flinding гостя с лаской приветили, friendship showed him, and their halls were his home. Под кровом укрыв своим; while high summer а красное лето waned to autumn Уступило осени; and the western gales ураганы с запада the leaves loosened Листву посрывали с ветвей натужных, from the labouring boughs; the feet of the forest Лес устлали поблекшим золотом, in fading gold 2085 and burnished brown В буром багрянце погребли подножия. were buried deeply; Шорох и шелест a restless rustle в обширных нефах down the roofless aisles Ропща, реяли. sighed and whispered. Lo! the Silver Wherry, Ло! Серебряный Ялик, the sailing Moon Месяц мерцающий с мачтой хрупкой with slender mast. was filled with fires Пламенем полнился, as of furnace golden 2090 что пылающий горн: whose hold had hoarded Тепло летнее the heats of summer, залито в трюмы, Ванты свиты whose shrouds were shaped of shining flame из света огнистого; uprising ruddy Воспрял он, рдея

над кромкой Вечера,

o'er the rim of Evening

75

Близ призрачных пристаней by the misty wharves у пределов мира. on the margin of the world. Thus the months fleeted Так мчались месяцы, and mightily he fared 2095 много гость бродил По лесу с Флиндингом; in the forest with Flinding, ждала судьба, and his fate waited До поры в дреме; slumbering a season, while he sought for joy он радости алкал, Взыскивал знаний the lore learning and the league sharing заветных, в дружбе С номами знатными of the Gnomes renowned в Нарготронде. of Nargothrond. The ways of the woods Той страны секреты скоро постиг он, he wandered far, 2100 and the land's secrets Вдаль забредал he learned swiftly дорогами чащи Зимой невозбранно, by winter unhindered to weathers hardened закален непогодой, whether snow or sleet Пусть снег, или слякоть, или струи дождя or slanting rain from glowering heavens С серых, бессолнечных, суровых небес grey and sunless cold and cruel Знобкой завесой на землю спадали. was cast to earth. 2105 Но вот исторглись потоки, till the floods were loosed and the fallow waters тусклые воды of sweeping Narog, Мчались в мощи: swollen, angry, то мутный Нарог were filled with flotsam Плавником полнясь, пеной вскипал, and foaming turbid Бушевал бешено. passed in tumult; Бледно мерцая, or twinkling pale Вечер отверзся ice-hung evening was opened wide, 2110 в завесе льдистой a dome of crystal Сводом хрустальным o'er the deep silence над вечным безмолвием of the windless wastes Безветреных высей, and the woods standing над деревами, застывшими Как мерзлый морок like frozen phantoms under flickering stars. в мерцании звезд. By day or night Без нужды дерзко danger needless днем ли, ночью

Привечал гость опасности,	he dared and sought for,	
правого мщенья	his dread vengeance	2115
Искал неусыпно	ever seeking unsated	
сынам Ангбанда;	on the sons of Angband	l;
Но зима злобствовала;	yet as winter waxed	
занесло тропы,	wild and pathless,	
Бураны буйные	and biting blizzards	
бичевали скалы,	the bare faces	
Холмы хмурые	lashed and tortured	
хлестали и мучили	of the lonely tors	
И кручи кручинные.	and haggard hilltops,	
Под кровом все чаще	in the halls more often	2120
С народом Нарога	was he found in fellowship	
ныне гость сиживал:	with the folk of Narog,	
В ремеслах ручной	and cunning there added	
работы навыкнул,	in the crafts of hand,	
Перенял песни,	and in subtle mastery	
преуспел в музыке,	of song and music	
Премудрость поэзии	and peerless poesy,	
прибавил к сноровке	to his proven lore	
Следопыта испытанного;	and wise woodcraft;	
предания дивные	there wondrous tales	2125
Сказители златоустные	were told to Túrin	
рассказали Турину	in tongues of gold	
В тех палатах подземных;	in those mansions deep,	
порою други	there many a day	
К очагу и в чертоги	to the hearth and halls	
величавого короля	of the haughty king	
Приходили на праздник,	did those friends now fare	
на пир и на игрища,	to feast and game,	
Ибо Финдуилас дивная	for frail Finduilas	
убеждала отца	her father urged	2130
К застолью звать их,	to his board and favour	
по заслугам чествуя.	to bid those twain,	
Почтил просьбу	and it grudging her granted	
правитель нехотя,	that grimhearted	
К состраданью не склонен,	king deep-counselled –	
суров душою;	cold his anger,	
Глубоки думы,	his ruth unready,	
долог гнев его;	his wrath enduring;	
Жег ему сердце	yet fierce and fell	
свирепым жаром	by the fires of hate	2135
Огнь ненависти	his breast was burned	
к отродьям ада	for the broods of Hell	

((Сын его, скор на ногу,	(his son had they slain,	
	смерть от них принял –	the swift-footed	
X	алмир-ловчий,	Halmir the hunter	
	на оленя охотник).	of hart and boar),	
В	скоре восчувствовал	and kinship therein	
ν.	владыка суровый	the king ere long	
C	родство сердечное	in his heart discovered	
C		for Húrin's son,	2140
TT	с сыном Хурина,		2140
4	то безучастен, безмолвен,	dark and silent,	
	блуждал, как во сне,	as in dreams walking	
4	ерной кручиной	of anguish and regret	
_	и печалью мучим,	and evergrowing	
Л	ишь о мести мысля.	feud unsated.	
	Так в милость вскоре	Thus favour soon	
В	ошел он к владыке,	by the king accorded	
	воссел с ним рядом	of the company of his b	oard
C	редь дружины доверенной.	he was member made,	
	Деяньями многими,	and in many a deed	2145
C	мелыми вылазками	and wild venture	
	на Север и Запад	to West and North	
C	лаву стяжал	he achieved renown	
	средь смелых лучников	among the chosen warr	iors
И	бойцов отборных;	and fearless bowmen;	
	в битвах далеких,	in far battles	
3a	атаясь в засаде	in secret ambush	
	для внезапного натиска,	and sudden onslaught,	
Ч	тоб взвились злоязыкие	where fell-tonguéd flew	
	змеи летучие	the flying serpents,	2150
С	острием отравленным	their shafts envenomed,	
	в окрестных долинах,	in valleys shrouded	
Л	елал он, что должно,	he played his part,	
_	хоть досадовал втайне.	but it pleased him little,	
M	коть досадовал вталис. Іилей были меч ему	who trusted to targe	
141	и могучий щит,	and tempered sword,	
1/1	здавна длань его	whose hand was hungry	
VI		for the hilts it missed	
1.1	изголодалась по рукояти,	but dared never a blade	
П	о не дерзала взяться		2155
п	за заостренное лезвие	since the doom of Beleg	, 2155
11	осле смерти Белега.	to draw or handle.	
	Любовь снискал он,	Dear-holden was he,	
C	ам того не чая.	though he wished nor willed it,	1
	Расточали хвалы ему.	and his works were prair	sed.
К	оли сказанья сказывали	When tales were told	
	о седой древности,	of times gone by,	

of valour they had known, О мятежном мужестве, о минувших победах, of vanished triumph, О печали памятной, glory half-forgot, полузабытой славе, grief remembered, 2160 then they bade and begged him Говорили гостю, be blithe and sing грусть гоня, спеть им of deeds in Doriath О деяньях в Дориате, in the dark forest в дремучих лесах У берегов безгласных, by the shadowy shores that shunned the light в бессветном тумане, where Esgalduin Где Эсгалдуин, the Elf-river эльфийский поток, Чрез бездонные омуты, by root-fencéd pools roofed with silence, 2165 безмолвьем одетые, by deep eddies По крутым перекатам, darkly gurgling, по корням спутанным, Струится стремительно flowed fleetly on мимо сумрачных врат past the frowning portals Тысячи Пещер. of the Thousand Caves. Так припомнились вновь ему Thus his thought recalled the woodland ways Тропы тайные в тенистой чаще, where once of yore Beleg the bowman Где Белег-лучник had a boy guided 2170 направлял отрока По долинам, и склонам, by slade and slope и болотистым пустошам and swampy thicket neath trees enchanted; Под кронами зачарованными. then his tongue faltered Дрогнул голос, Смолк сказ его. and his tale was stilled. Скорби Турина At Túrin's sorrow one marvelled and was moved.

Скорби Турина
Сострадая, дивилась
дева прекрасная,
Финдуилас хрупкая,
кою Файливрин, –
На зеркальных заводях
озерного Иврина
Блик переливчатый –
с любовью эльфы
Нарекли наново.
Она ночами бессонными
И днем все думала,
что за давнее горе,

В сердце сокрытое,	lay locked in his heart	
сокрушает жизнь его;	his life marring;	2180
Ведь о судьбе страха	for the doom of dread	
и смерти, постигшей	and death that had fallen	
Белега-лучника,	on Beleg the bowman	
безмолвствовал Турин,	in unbroken silence	
И не сронил ни слова,	Túrin warded,	
сколь не допытывай,	nor might tale be won	
Флиндинг преданный	of Flinding the faithful	
об их пути и деяниях	of their fare and deeds	
В глуши гиблой.	in the waste together.	
Гасла любовь ее	Now waned her love	2185
К лику и облику,	for the form and face	
искалеченным мукой,	furrowed with anguish,	
К спине согбенной	for the bended back	
и сломленной мощи,	and broken strength,	
К смеху смолкшему	the wistful eyes	
и скорбному взгляду	and the withered laughter	
Флиндинга преданного,	of Flinding the faithful,	
хоть полнили душу	though filled was her heart	
Сострадание слезное	with deepwelling pity	
и сердечная дружба.	and dear friendship.	2190
Состарен до срока,	Grown old betimes	
сединой тронут,	and grey-frosted,	
Мудр был он и мягок, –	he was wise and kindly	
и мысль и совет его,	with wit and counsel,	
Прозорливость и зоркость, -	with sight and foresight,	
не запальчив в гневе,	but slow to wrath	
Не дерзостен в доблести,	nor fiercely valiant,	
но коли должно сражаться,	yet if fight he must	
Не бежал битвы,	his share he shirked not,	
хоть былой страх	though the shreds of fear	2195
Омрачал сердце.	in his heart yet hung;	2175
Чуждался он ненависти,	he hated no man,	
Но улыбался нечасто;	but he seldom smiled,	
в очах его свет	save suddenly a light	
Загорался порою,	in his grave face glimmered	
и в строгом лице его	and his glance was fired:	
При виде Финдуилас:	Finduilas maybe	
как по траве скользит она	faring lightly	
Легкой поступью,	on the sward he saw	
или бледно мерцает	or swinging pale,	2200
или оледно перциет	or owniging paic,	

Серебряным отсверком a sheen of silver в сумеречном зале. down some shadowy hall. * Yet to Túrin was turned Обратилось к Турину her troublous heart смятенное сердце against will and wisdom Вопреки воле and waking thought: и велениям разума; В снах стремилась к нему она, in dreams she sought him, his dark sorrow дабы скорбь черную Облегчить любовью, with love lightening, so that laughter shone 2205 чтобы лучился смех В глазах засиявших, in eyes new-kindled, и назвал он пылко and her Elfin name Ее имя эльфийское, he eager spake, и в извечной весне они as in endless spring Шли бы с легким сердцем they fared free-hearted through flowers enchanted по лугам зачарованным, with hand in hand Рука об руку, o'er the happy pastures по радостным пажитям Страны, осиянной of that land that is lit не светом Земли, by no light of Earth, Не луной и не солнцем, by no moon nor sun, по лабиринтам троп, down mazy ways К пределу пробуждения, to the black abysmal к пропасти черной. brink of waking. Скорбью страждущее From woe unhealed the wounded heart сердце израненное of Túrin the tall Турина статного was turned to her. обратилось к деве. Amazed and moved, Потаенные помыслы, his mind's secret 2215 в потрясении чувства Отчасти угаданные, half-guessed, half-guarded, он в час сумрачный in gloomy hour Ночных бдений, of night's watches, бродя устало when down narrow winding По тесным тропам paths of pondering тяжких раздумий, he paced wearily, Отпирал в одиночестве, he would lonely unlock, и, обету верен, then loyal-hearted Замыкал на запор вновь, shut fast and shun, заботу прятал or shroud his grief 2220

^{*} Здесь заканчивается машинописный текст «В»; оставшаяся часть написана от руки. См. «Примечание о текстах», стр. 81.

В беспробудной дреме, in dreamless sleep, в беспамятстве сонном, deep oblivion Куда ни войны вечные where no echo entered of the endless war не вторгаются эхом Из миров яви, of waking worlds, woe nor friendship, ни мука, ни цвет, flower nor firelight Ни пламя, ни преданность, ни пена морская, nor the foam of seas, В страну, где свет a land illumined by no light at all. 2225 не сиял вовеки. «О! душа недужная! 'O! hands unholy, О! длань нечестивая! O! heart of sorrow, O! outlaw whose evil О! изгой, что зло не загладил доселе, is yet unatonéd, Иль ты, вероломец, wilt thou, troth-breaker, a treason new вину новую Прибавишь к бремени; to thy burden bind; брата по оружию, thy brother-in-arms, Флиндинга го-Фуилина Flinding go-Fuilin лукаво предашь ты, thus foully betray, 2230 Кто берег безумца who thy madness tended в бессчетных опасностях, in mortal perils, К водам врачующим to thy waters of healing thy wandering feet привел скитальца, did lead at the last Через многие мили – to lands of peace, в мирные земли, where his life is rooted Где родился и рос он, and his love dwelleth? где обрел любовь? O! stainéd hands О! рука запятнанная, his hope steal not!' 2235 не рушь мечту его!» Thus love was fettered Так любовь, веригами верности скована, in loyal fastness Облеклась в хладное and coldly clad слово учтивости, in courteous word; yet he would look and long Но томился он мыслью о милой деве, for her loveliness, in her gentle words В речах ее чутких his joy finding, черпал отраду, Ликом прелестным her face watching любовался украдкой, – when he feared no eye 2240 Но глаза зоркие might mark his mood. One marked it all замечали сокрытое:

В лике Файливрин Failivrin's face. the fleeting gleams, блики бегучие, -Так солнце стремительно like sun through clouds скользит сквозь тучи sailing hurriedly Над полями поблекшими, over faded fields, that flickered and went out потухали, вспыхнув, При встрече с Турином; as Túrin passed; трепетные улыбки; the tremulous smiles, 2245 Его взгляды пылкие his grave glances out of guarded shade, под прикрытием сумрака, Его вздохи втайне his sighs in secret one saw them all, все видел и слышал Flinding go-Fuilin, Флиндинг верный: воротился домой он, who had found his home and lost his love Но любви лишили его to the lying years, лживые годы. Наблюдал он немо, he watched and wondered. изныв душою, no word speaking, 2250 Вражда и жалость and his heart grew dark 'twixt hate and pity, жалили сердце, bewildered, weary, Смущено, обессилено in the webs of fate. в сетях рока. Тогда Финдуилас, Then Finduilas. more frail and wan исхудавшая, бледная, 'twixt olden love Меж бывшей любовью, избытой ныне. now overthrown and new refused, И новой, отвергнутой, did nightly weep; 2255 ночами рыдала; Удивлялись все, глядя, and folk wondered как бледны пальцы at the fair pallor На струнах арфы, of the hands upon her harp, как кудрей злато her hair of gold on slender shoulders В беспорядке рассыпано slipped in tumult, по хрупким плечам, Как в очах отражаются the glory of her eyes that gleamed with fires огнем горячечным of secret thought Потаенные помыслы в пучинах безмолвия. in silent deeps. 2260 В ту пору предчувствия Many bosoms burdened with foreboding vague полнили души,

Но мрак рассеивался

радостным смехом.

their glooms disowned

neath glad laughter.

79

В песне и молчании, In song and silence, в пурге и метели snow and tempest, Зима минула, winter wore away; to the world there came и в мир вернулся Наново год, a year once more 2265 незапятнанно-юный, in youth unstained, Зелен был лист, nor were leaves less green, лучи золотились, light less golden, the flowers less fair, Оделись в цвет долы, хоть в душах померкших though in faded hearts Весна не воспряла, no spring was born, though speeding nigh хоть надвинулись ближе danger and dread Пагуба, и опасность, и поступь рока and doom's footsteps Отозвалась в залах. to their halls hasted. Of the host of iron 2270 Разнесся слух О железных полчищах; came tale and tidings ever treading nearer; приближались рати; Воинства орков Orcs unnumbered to the East of Narog к востоку от Нарога, roamed and ravened Разоряя окраины, on the realm's borders, рыскали хищно. Мощь Моргота the might of Morgoth was moved abroad. смяла засады; No ambush stayed them; Не в силах сдержать ее, сдавали лучники the archers yielded 2275 each vale by vale, Склон за склоном, though venomed arrows пусть стрелы отравленные

Здесь тексты «А» и «В» обрываются; думаю, можно утверждать со всей определенностью, что ничего больше из поэмы написано не было.

ПРИМЕЧАНИЯ

1409 *Tengwethil* [Тенгветиль] «В», *Taingwethil* [Тайнгветиль] «А». В предыдущих случаях – наоборот; см. строки 431, 636.

1417–1418 Эти строки в «В» взяты в скобки, а строка 1418 вычеркнута целиком; на полях стоит знак удаления, но под вопросом.

1448 Nirnaith Únoth [Нирнайт Унот] «А», и в печатном тексте «В»; карандашом в «В» исправлено на Nirnaith Ornoth [Нирнайт Орнот]. Ранее в поэме (строки 13, 218) использовались формы Ninin Udathriol [Нинин Удатриол], в «В» исправле-

но на Nínin Unothradin [Нинин Унотрадин] (также Nirnaithos Unothradin [Нирнайтос Унотрадин] в строке 13). Ср. строку 1543.

1469 Ulmo [Улмо] «А», и в печатном тексте «В»; в «В» Ulmo вычеркнуто карандашом и заменено на Ylmir [Ильмир], но и это имя зачеркнуто. Я оставляю вариант Ylmir; см. прим. к строке 1529.

1525 *Túrin Thalion* [Турин Талион] «А», и в печатном тексте «В» (не *Túrin Thaliodrin* [Турин Талиодрин], см. прим. к строке 1324).

1529 Ylmir [Ильмир]: так уже в «А», и в печатном тексте «В»; так же и в строках 1534, 1553, 1572, 1585 См. прим. к строке 1469.

1537 В «В» эта строка целиком вычеркнута карандашом.

даря добавлениям на полях строка 1711 прочитывается как:

1542–1543 Эти строки в «В» карандашом взяты в скобки, а на полях приписано: «Не так». Хотя *Unoth* [Унот] здесь не было исправлено, я использую вариант *Ornoth* [Орнот] (см. прим. к строке 1448).

1558 the sea-birds call in solemn conclave [морские птицы кличут торжественным сонмищем]: ср. сказание «Пришествие эльфов и возведение Кора», І. 124.

1673-1676 Ср. строки 1036-1039.

1696-1697 Ср. строки 1283-1284.

1710–1711 Строка 1710 полностью и 1711 частично вычеркнуты в «В», где благо-

[by] Felagund founded [основанный Фелагундом,] flying southward [бежавшим на юг].

Кроме того, на полях приписано: «до Нирнайт Унот». В строке 1711 в «А» значится *found* [нашел] вместо *founded* [основал], но поскольку текст записывался в спешке, возможно, эта подробность значения не имеет.

1713–1720 Эти строки в «В» взяты в скобки, как нуждающиеся в переработке, и на полях вписаны еще две строки – их предполагалось вставить после 1715:

that home came never что так и не вернулись домой, to their halls of old в свои былые чертоги, since the field of tears с тех пор, как битва слез was fought and lost. состоялась и была проиграна.

Я не стал включать в текст эти строки (написанные, по всей видимости, в то же самое время, как и прочие комментарии на полях к этому фрагменту), принимая во внимание сложность «исторического контекста» на тот момент; см. комментарии, стр. 84–85.

Напротив этого фрагмента на полях приписано:

но Нарготронд был основан Φ елагундом, сыном Φ инрода (его братьями были Ангрод Эгнор & Ородрет). Куруфин и Келегорм жили в Нарготронде.

1719 Cranthor [Крантор] «А», Cranthir [Крантир] в печатном тексте «В».

1724 Finduilas [Финдуилас]: Failivrin [Файливрин] «А», и в печатном тексте «В»; Finduilas вписано карандашом на полях «В»; а также в строке 1938. См. строки 2130, 2175, 2199.

 $\frac{80}{81}$

1938 Finduilas [Финдуилас]: как в строке 1724.

1945 Слово youngling [юнец, юноша] вычеркнуто в «В», и напротив вписано: Flinding [Флиндинг], но получившийся в результате вариант: Fuilin's Flinding [Флиндинг Фуилина] (с аллитерацией во второй краткой строке) вряд ли входил в замысел автора. Впоследствии на полях было вписано еще одно слово, не поддающееся прочтению.

1974-1975 На полях «В» вписано: «Не так».

1975 Finweg [Финвег] «А», и в печатном тексте «В»; в «В» на поздней стадии исправлено на Fingon [Фингон]. Я оставляю вариант Finweg, поскольку именно это имя все еще используется в «Сильмариллионе» 1930 г.

1993–1998 В «А» и в печатном тексте «В» эти строки приводились в ином порядке:

Out of the four kindreds
that followed the king,
most noble of name,
renowned in valour,
the watchtowers' lords,
the wold's keepers
from Fuilin's children
were first chosen,
and the guards of the bridge,
the gleaming bow
that was flung o'er the foaming
froth of Ingwil.

Из четырех родов,
что следовали за королем,
самые благородные по имени,
знаменитые доблестью,
владыки сторожевых башен,
блюстители нагорий,
из детей Фуилина
выбирались в первую очередь,
и хранители моста,
мерцающей дуги,
переброшенной через бурлящую
пену Ингвиля.

2027 Glingol [Глингол] «А», и в печатном тексте «В»; в «В» на поздней стадии исправлено на Glingal [Глингал]. Я оставляю вариант Glingol: эта форма используется в «Утраченных сказаниях» и все еще – в «Сильмариллионе» 1930 г.; в опубликованном «Сильмариллионе» Glingal – имя златого древа Гондолина.

2028 Bansil [Бансиль] «А», и в печатном тексте «В»; в «В» на поздней стадии исправлено на Belthil [Бельтиль]. Я оставляю вариант Bansil по той же причине, что и Glingol в строке 2027.

2030 there high and green the hill of Tûn [там высок и зелен холм Туна] «А», и в печатном тексте «В»; в «В» карандашом исправлено на приведенный здесь вариант; was [был] 2031 не исправлено на were [были], но что подразумевались hilltops [вершины холмов] во мн.ч., видно из текста «С», см. стр. 82.

2130 Я даю здесь вариант Finduilas [Финдуилас], хотя в «В» имя Failivrin [Файливрин] в этом месте не было исправлено, как в строках 1724, 1938. См. прим. к строкам 2175, 2199.

2164 Esgaduin [Эсгадуин] «А», и в печатном тексте «В»; исправлено карандашом на Esgalduin [Эсгалдуин] «В».

2175 the frail Finduilas that Failivrin [хрупкая Финдуилас, которую Файливрин] в печатном тексте «В»; the frail Failivrin на момент написания в «А» было исправ-

лено на Findóriel [Финдориэль] (т.е. the frail Findóriel that Failivrin &c. [хрупкая Финдориэль, которую Файливрин, и т.д.]).

2199 Finduilas [Финдуилас] «А» и «В»; Failivrin [Файливрин] вписано на полях «А». В последующих случаях (Failivrin 2242, Finduilas 2253) имена и в «А», и в «В» таковы же, как в опубликованном тексте.

Примечание о текстах раздела «Файливрин»

Машинописный текст «В» заканчивается на строке 2201; далее аккуратно дописаны еще 75 строк. Эта последняя часть добавлена на бумаге хорошего качества, которую мой отец использовал на протяжении многих лет для любых записей (университетские лекции, «Сильмариллион», «Властелин Колец» и т.д.) чернилами или карандашом (т.е. когда не печатал на машинке); немелованную бумагу, – оставшиеся неиспользованными листы из тех пачек, что выдавались студентам на экзаменах, – ему поставляли Экзаменационные школы Оксфордского университета. Переход на другую бумагу, однако, отнюдь не свидетельствует о переезде из Лидса в Оксфорд (ср. стр. 3), поскольку мой отец бывал в Оксфорде в качестве внешнего экзаменатора в 1924 и 1925 гг.; но наводит на мысль о том, что окончание работы над «Песнью» (до того, как было начато «Лэ») приходится на конец 1924 г. или на начало 1925 г. Заключительная часть «А» тоже записана на этой бумаге.

Здесь необходимо рассмотреть еще один короткий, аккуратно переписанный текст, содержащий строки с 2005 до 2225, который я стану называть «С». Текстологические подробности наглядно свидетельствуют, что «С» следует за «В» – причем, как мне кажется, эти два текста разделяет не слишком большой временной промежуток. Часть исправлений, вошедших в «В», были внесены также и в «С». Здесь я привожу список наиболее значимых отличий «С» от «В» (мелкие изменения в пунктуации и соединении предложений не учитываются).

Текст «С» озаглавлен «Турин в доме Фуилина и его сына Флиндинга». Не вполне понятно, не должна ли была так называться четвертая часть поэмы; но это маловероятно, если за третьей частью по-прежнему сохранялось заглавие «Файливрин».

2005 Now was care lessened in kindly love [Теперь забота уменьшилась в сердечной любви] «С».

2020 noontide [зенит]] summer [лето] исправление, внесенное в «С».

2027–2028 Glingol [Глингол] > Glingal [Глингал] и Bansil [Бансиль] > Belthil [Бельтиль] исправлено карандашом в «С», как и в «В».

2029 Изначально в «В» и «С» значилось: like magic moonlight from its mothwhite flowers [как магический лунный свет из его белых, как мотыльки, цветов]; в «С» это было исправлено иначе: like moths of pearl in moonlit flowers [как жемчужные мотыльки в освещенных луной цветах].

2030–2032 «С» в исходном варианте в точности совпадает с текстом «В» после внесения исправлений (were [были] вместо was [был] 2031); затем эти строки были вычеркнуты, а вместо них подставлены следующие:

 $\frac{81}{82}$

there high and green that hill by the sea was crowned by Tûn, climbing, winding in tall walls of white, where the tower of Ing там высокий и зеленый, этот холм у моря был увенчан Туном, взбирающимся вверх и изгибающимся высокими белыми стенами, где башня Инга

2036-2053 опущены в «С» (и There [Там] заменено на Thence [Оттуда] 2054).

2069 После hunting owls [охотящиеся совы] в «С» следуют строки, состоящие из отточий, обозначающих пропуск в тексте, и поэма возобновляется начиная со строки 2081.

2083 waned to autumn [угасло, сменившись осенью]] waned towards winter [угасло, сменяясь зимой] – карандашное исправление в «С».

2090 as of furnace golden [словно в золоченом горне]] as a furnace of gold [словно горн золотой].

2114-2116 опущены в «С».

2123-2128 В «С» опущены строки 2124, 2125b-2127, и говорится:

and in subtle mastery
of song and music
to his wise woodcraft
and wielding of arms.
To the hearth and halls
of the haughty king

и в искусном мастерстве песен и музыки к его мудрому знанию леса и владению оружием. К очагу и в чертоги надменного короля

2135–2138 В «С» опущены эти строки (относящиеся к сыну Ородрета Халмиру, убитому орками) и говорится:

his ruth unready, his wrath enduring. But kinship of mood the king ere long его сочувствие неохотно, его гнев долог. Но родство духа король очень скоро

2142b-2143a В «С» эти строки опущены, и говорится:

of anguish and regret.

Thus was honour granted
by the king to Túrin;

of the company of his board

тоски и раскаяния. Так честь была оказана

королем Турину:

в число его приближенных

2158 were told [рассказывались]] men told [люди рассказывали].

2164 Esgalduin [Эсгалдуин] В «С» в рукописи; см. прим. к этой строке выше.

Комментарии к Части III «Файливрин»

В этой чрезвычайно важной части поэмы сюжет претерпевает значительные изменения со времен «Сказания о Турамбаре» (если промежуточная стадия и существовала, то никаких ее следов не осталось); одновременно история

изгнанников-нолдоли углублялась и расширялась в сравнении с ее трактовкой в набросках к «Рассказу Гильфанона» – этот фактор усложняет представление поэм, поскольку в процессе создания историческая данность то и дело менялась.

82 83

Самое примечательное в этом разделе поэмы – это описание Нарготронда: оно содержится только в «Песни» и нигде более. Во всех более поздних переработках и переделках саги о Турине данная часть никак не затрагивалась, если не считать развития взаимоотношений между Турином, Гвиндором и Финдуилас: эти материалы я привел в «Неоконченных преданиях», стр. 155–159. Здесь просматривается параллель с Гондолином, очень подробно описанном в сказании «Падение Гондолина», но нигде более. Как я писал в предисловии к «Неоконченным преданиям» (стр. 5):

Таким образом, следует отметить, что единственным полным вариантом истории о пребывании Туора в Гондолине, о его браке с Идрилью Келебриндал, о рождении Эарендиля, предательстве Маэглина, разорении города и спасении беглецов – центрального сюжета Первой Эпохи, с точки зрения отца, – так и осталось повествование, написанное им еще в юности.

И Гондолин, и Нарготронд были созданы лишь единожды, и уже не воссоздавались заново. Они остались исполненными силы источниками и образами – возможно, тем более сильными именно потому, что никогда не были воссозданы, и никогда не были воссозданы, вероятно, потому, что обладают такой силой. И «Туору», и «Турину» предстояло облечься в письменную форму не только в составе сжатого «Сильмариллиона», но в виде пространных прозаических повествований; все то, что отец успел воплотить из своего замысла, я привел в первых двух разделах «Неоконченных преданий»; но хотя он взялся переделать Гондолин, до города он так и не добрался: поднявшись по бесконечному ущелью Орфалх Эхор и пройдя через длинную череду геральдических врат, автор замер вместе с Туором при виде Гондолина посреди долины и так и не пересек Тумладен. Переработка «Турина» продвинулась гораздо дальше, но и здесь тоже Нарготронд – могучее средоточие поэтических образов – был обойден стороной.

Основание Нарготронда

Сперва я рассмотрю «исторический контекст», в центре которого стоит сложный вопрос об основании Нарготронда. В «Сказании» (II. 81–82) Нарготронд не назван по имени и представлен Пещерами Родотлим; как и в поэме, предводителем этих номов был Ородрет, но на тот момент он стоял особняком и еще не был связан узами родства с другими владыками. О происхождении этой цитадели не говорится ничего, но, как мне кажется, со всей определенностью предполагалось, что возникла она (подобно Гондолину) после Битвы Бессчетных Слез, поскольку на самой ранней стадии легенд, как я отмечал в комментариях к «Сказанию Гильфанона» (I. 242):

всей наиболее поздней истории многолетней Осады Ангбанда, закончившейся Битвой Внезапного Пламени (Дагор Браголлах), перехода людей через Горы в Белерианд и прихода их на службу к королям нолдор только предстояло появиться; несомненно, эти наброски производят впечатление, что

между приходом нолдоли из Кора и их страшным поражением [в Битве Бессчетных Слез] прошло короткое время.

В поэме эта мысль по-прежнему наглядно представлена в строках 1542–1544:

тайные чертоги

Нарготронда, выстроенные номами, которые от смерти и рабства, в страшных муках Нирнайт Орнот, в небольшом числе, спаслись невредимыми.

Напротив данного фрагмента мой отец приписал: «Не так»; этот комментарий со всей очевидностью означает: «Нарготронд не был основан после Битвы Бессчетных Слез», как далее явствует из пометки автора к строкам 1710–1711:

(в Нарготронд), что Келегорм и Куруфин, искусные сыны Феанора основали, когда они бежали на юг...

Напротив этих строк он написал: «до Нирнайт Унот». Тогда когда же Нарготрод был основан? В «Очерке мифологии», явно более позднем, нежели поэма (поскольку написан он был в качестве пояснения ее исторического контекста), уже в самой ранней его версии известно об Осаде Ангбанда и о том, как Моргот прорвал Осаду – пусть эти события описаны крайне скупо, без каких-либо упоминаний о битве, положившей конец Осаде; там говорится, что в то время «номы, илькорины и люди разогнаны кто куда... Келегорм и Куруфин основывают королевство Нарготронд на берегах Нарога на юге северных земель». В «Очерке» (снова в самой ранней, неотредактированной версии) также утверждается, что Келегорм и Куруфин выслали войско из Нарготронда на Битву Бессчетных Слез, что это войско воссоединилось с армией Майдроса и Маглора, но «к основной битве они опоздали». «Они отброшены назад и оттеснены на юго-восток, где и жили долгое время, в Нарготронд не возвращаясь. Там уцелевшими правил Ородрет».

Проблематично объяснить, как так вышло в раннем варианте истории, представленном в поэме (Нарготронд основан Келегормом и Куруфином *после* Битвы Бессчетных Слез), что Келегорма и Куруфина на момент прихода Турина там нет, а королем является Ородрет. Почему Келегорм и Куруфин «живут ныне, скрываясь... в лесах Востока» вместе со своими пятью братьями (1713–1714)?

Единственное объяснение, которое я могу предложить, таково. Когда мой отец писал строки 1542–1544, он считал, что Нарготронд был основан после Битвы Бессчетных Слез (это утверждается со всей определенностью). Но когда он писал строки 1710–1715:

(в Нарготронд), что Келегорм и Куруфин, искусные сыны 1710 Феанора основали, когда они бежали на юг; возвели оплот против Бауглировой ненависти, те, что живут ныне, скрываясь в тайном союзе с пятью остальными в лесах Востока, жестокие и непоколебимые недруги Моргота 1715

 $\frac{84}{85}$

уже существовал более поздний вариант истории. (Ничего из ряда вон выходящего в этом нет; в «Лэ о Лейтиан» историческая канва меняется от Песни к Песни.) Тем самым, фраза «когда они бежали на юг» относится к бегству Келегорма и Куруфина из битвы, завершившей Осаду Ангбанда; «они живут ныне, скрываясь... в лесах Востока» относится к тому периоду после Битвы Бессчетных Слез, когда братья в Нарготронд не вернулись и «уцелевшими правил Ородрет», как утверждается в «Очерке».* Согласно этой точке зрения, примечание моего отца напротив строк 1710–1711 («до Нирнайт Унот») является ошибочным – он решил, что эти строки относятся к старому варианту истории (как, со всей очевидностью, строки 1542–1544), в то время как, на самом-то деле, они относятся к более поздней версии. Такое объяснение может показаться притянутым за уши, но на самом-то деле не настолько, как заведомо верные решения иных загадок в истории «Сильмариллиона», и другого выхода из этого затруднительного положения я не вижу. – Две дополнительные строки, следующие за 1715:

что домой так и не возвратились в свои древние чертоги, с тех пор, как битва слез состоялась и была проиграна

относятся, как мне кажется, к Келегорму и Куруфину, и подкрепляют отсылку к более поздней версии сюжета (т.е. что после Битвы Бессчетных Слез они не вернулись в Нарготронд).

Изменение в строках 1710–1711, в результате которого фрагмент стал выглядеть как:

(в Нарготронд), основанный Фелагундом, бежавшим на юг

и пометка на полях напротив строк 1713–1720: «но Нарготронд был основан Фелагундом, сыном Финрода» и т.д., безусловно, отражают последующую стадию, – ту, что возникла вскоре после написания первой версии «Очерка». Вплоть до этого момента существенные сдвиги в истории Нарготронда, со всей определенностью, таковы:

- (1) Ородрет правил родотлим в их пещерах, впервые заселенных после Битвы Бессчетных Слез.
- (2) Келегорм и Куруфин основали Нарготронд после Битвы Бессчетных Слез.
- (3) Келегорм и Куруфин основали Нарготронд после прорыва Осады Ангбанда; они отправились с войском на Битву Бессчетных Слез и не возвратились, но остались на Востоке; Ородрет правил уцелевшими номами Нарготронда.
- (4) Фелагунд сын Финрода и его братья Ангрод, Эгнор и Ородрет основали_ Нарготронд после прорыва Осады Ангбанда; Келегорм и Куруфин там жили.

Еще одно свидетельство эволюции истории и генеалогии номских владык – это упоминание Φ инвега, что позже в «В»-тексте был заменен на Φ ингона, который «пал в пламени мечей» в Битве Бессчетных Слез (1975). Φ инвег уже появлялся в самом начале поэмы (строка 29), но там это форма или написание имени

Или стражи поубавилось в лесах Нарога, С тех пор, как Ородрет правил этой страной и народом?

^{*} Ср. строки 1873-1874:

Финвэ (Нолемэ), основателя рода; этот Φ инвег фигурирует в исходном варианте «Очерка» как сын Φ инголфина.

Прежде Сыны Феанора все были поименованы только в «Сказании о Науглафринге» (II. 241); теперь же (1716 и далее) имена их обретают формы, закрепившиеся надолго (в том числе это форма Крантир (переправленная из Крантор в «В») и форма Дириэль, заменившая более ранний вариант Динитель (?Дуритель). Появляются постоянные отличительные эпитеты: Маглор «быстрый», Крантир «темный», а «искусность» Куруфина, уже присутствующая в «Сказании о Науглафринге», здесь распространяется и на Келегорма. Упоминается о том, что Майдрос держит меч в левой руке: со всей очевидностью, сюжет о том, как Моргот приказал повесить его на утесе за правую руку, а Финвег (> Фингон) его спас, уже присутствует, так же, как и в «Очерке». Муки и увечье Майдроса упоминались в набросках к «Рассказу Гильфанона» (I. 238, 240), но в подробностях не описывались.

Теперь обратимся к основному повествованию поэмы. В поэме, в отличие от «Сказания», упоминается о том, что сталось с мечом Белега: Флиндинг прячет его в дупле дерева (1342), и более он в повествовании не фигурирует. Если бы поэма продвинулась дальше, Турин получил бы свой черный меч в Нарготронде в дар от Ородрета, как оно и происходит в «Сказании» (II. 83). В «Сказании» говорится, что Турин «не носил меча после убийства Белега и довольствовался тяжелой палицей»; в поэме этот же мотив появляется вновь, и смысл его вполне ясен (2155–2156):

не смела [рука] клинок, с тех пор, как погиб Белег, извлекать из ножен или держать.

Здесь возникает эпизод с погребением Белега; рядом с погибшим кладут его могучий лук (1399 и далее); поцелуй Турина восходит к «Сказанию»; то, что горе о смерти Белега (третья из скорбей Турина, как говорится в поэме, 1421) навсегда запечатлелось в его лице, стало неотъемлемой составляющей легенды.

География

О том, как Флиндинг и Турин шли от места гибели Белега до Нарготронда, в «Сказании» (II. 80–81) говорится очень немного: благодаря светильнику Флиндинга, «шли они ночью, таясь днем. И сокрылись они в холмах, и орки не сыскали их». Напротив, в поэме путь их описан весьма пространно и содержит несколько примечательных подробностей; более того, в этом описании ничто не противоречит самой ранней карте «Сильмариллиона» (она будет приведена в следующем томе), которая восходит к тому же периоду и, возможно, изначально создавалась применительно к поэме. В полночь странники минуют Курган Павших, что грозно высится под луной «в самом дальнем конце / пыльных пространств Дор-на-Фауглит» (1439–1440); этот элемент в истории Турина больше не возникнет. Единственное предшествующее упоминание громадного погребального кургана содержится в набросках к «Рассказу Гильфанона», где он назван Холмом Смерти и возведен Сынами Феанора (I. 241). В поэме говорится,

 $\frac{86}{87}$

что при словах Флиндинга о Холме, Турин, невзирая на свою глубокую отрешенность, «простер руку / к Тангородриму» и трижды проклял Моргота – как Феанор в свой предсмертный час после Битвы-под-Звездами («Сильмариллион», стр. 107); первое проклятие, вне всякого сомнения, предвосхищает собою второе. Здесь же впервые говорится о неприкосновенности кургана (1450–1452).

Далее Турин и Флиндинг переправились через Сирион неподалеку от его истока в Тенистых горах, где реку возможно перейти вброд (1457 и далее); это первая отсылка на Исток Сириона. Описан великий путь Сириона к Морю, с упоминанием о его прохождении под землей (1467; ср. II. 195, 217) и через земли, «возлюбленные Ильмиром» (Улмо). Далее путники оказываются в области Нан Дунгортин, которая упоминалась в «Сказании о Тинувиэли» (см. II. 35, 62-63): Хуан нашел Берена и Тинувиэль после их бегства из Ангбанда в «той северной части Артанора, что после названа была Нан Думгортин, земля темных идолов», «даже тогда то был зловещий край, темный и мрачный, и ужас таился под сенью его угрюмых деревьев». Мой отец долго сомневался, куда именно поместить эту область: в словаре номского языка она располагалась к востоку от Артанора (II. 62), в «Сказании о Тинувиэли» - «в северной части Артанора», а здесь она находится к западу от Сириона, в долине на южных склонах Тенистых гор. На самой ранней карте к «Сильмариллиону» область Нан Дунгортин так же сперва находилась западнее Сириона (к западу от Острова Волколаков), а потом снова была возвращена в регион к северу от Дориата, где и осталась.

Говорится, что, когда Турин и Флиндинг выбрались из долины Нан Дунгортин, они «увидели на юге склоны Хитлума / более теплые и дружелюбные» (1496–1497). На первый взгляд, это трудно понять, но я думаю, что подразумевается следующее: на тот момент путники действительно находились «на склонах Хитлума» (то есть ниже южных утесов Тенистых гор, ограждающих Хитлум), но, глядя на юг (строго говоря, на юго-запад), видели вдали, в предгорьях, в направлении Иврина, более приветные области. Здесь впервые появляется Иврин, исток Нарога, и изображен он очень наглядно. Строка (1537), в которой расшифровывается значение названия Нарог ('поток' на языке номов), была вычеркнута, но (как мне кажется) потому, что мой отец счел ее неуместной, а не потому, что отказался от такой этимологии. В этой связи стоит отметить, что в списке древнеанглийских соответствий эльфийским названиям, составленном несколько лет спустя после того, как была написана данная поэма, и соотнесенном с переводами Эльфвине эльфийских текстов на его родной язык, встречаются Нарог: Hlýda и Нарготронд: Hlýdingaburg. Hlýda – древнеанглийское название марта («шумный месяц ветра»; ср. квенийское название *сулимэ* [Súlimë] и синдарское название гваэрон [Gwaeron]); родственными словами являются hlúd (современное английское loud 'громкий'), hlýd 'звук', hlýdan 'издавать звук'. Здесь, бесспорно, имеет место значение 'тот, что громок'; то же, что стоит за названием английской речки Лидбрук [Lydbrook].

Следуя по течению Нарога к югу от Иврина, путники:

добрались до ущелья, где река Гинглит поворачивает, вся ликующая и златая, поприветствовать Нарог. Там ее более плавный поток вливается в его буйство,

87

и струятся они вместе по хранимой равнине к Охотничьим холмам, что, высокие, к югу вознесли свои скалы, одетые в зелень. (1736–1741)

Чуть раньше Флиндинг уже описывал Турину, как Нарог, минуя Нарготронд, «оттуда огибал, ярясь, холмы Охотников, дом Берена и Дориатской плясуньи» (1544-1546). В этих стихах впервые появляются река Гинглит, Хранимая равнина и холмы Охотников (все они изображены на самой ранней карте), хотя сами холмы, пусть и не названные, описаны в «Сказании» (II. 96). На карте Нарготронд изображен близ северной оконечности холмов Охотников, которые протянулись далеко на юг, к побережью Моря, и обрываются западнее устьев Сириона. Холмы эти описываются по-разному. В «Сказании» они «высоки и поросли деревьями»; в поэме «взнесли свои скалы, одетые зеленью»; в «Сильмариллионе» (стр. 122), где они названы *Таур-эн-Фарот* или *Высокий Фарот*, это «обширные лесистые нагорья»; в «Нарн» (стр. 116) Высокий Фарот – «бурый и нагой». В поэме их также называют Охотничье нагорье (1816), нагорье Охотников (1992), где слово wold, по всей вероятности, используется в устаревшем значении 'лес, лесистые нагорья'. Судя по отцовскому неоконченному акварельному изображению Врат Нарготронда, созданному, по всей вероятности, в 1928 г. (см. «Рисунки Дж. Р. Р. Толкина», №33), он представлял эти холмы как громадные скалистые высоты, воздвигшиеся над нижними склонами, заросшими густым лесом. В строке 1746 Стражи Нарога озирают окрестности с «опоясанных деревьями башен на высоких гребнях холмов»; эти сторожевые башни находились в северной части холмов Охотников и смотрели на север (1743-1745); потому, возможно, не случайно на самой ранней карте северная оконечность холмов (и только) изображена как поросшая густым лесом.

По мере того, как Турин и Флиндинг шли на юг вниз по западному берегу Нарога, река «стремительно неслась через подножия холмов» (1770), и поля и сады, через которые пролегал путь:

все время сужаясь между стеной и водой, наконец вовсе умалились до цветущих берегов вдоль границ дороги. (1812–1814)

На карте также показано, как Нарог течет все ближе к северо-восточному краю холмов Охотников. Здесь путники переправились через пенный Ингвиль, сбегающий с холмов, по узкому мостику; эта речка появляется впервые (ср. «Сильмариллион», стр. 122: «недлинный пенистый поток Рингвиль обрушивался в Нарог с отвесной стены Высокого Фарота»), а мост через него нигде более не упоминается.

Земля Умерших, что Живы (то есть Берена и Лутиэн по их возвращении) теперь помещена в холмах Охотников (1545–1546), где изначально находилась и на карте. Эту область переносили с места на место еще чаще, чем даже Нан Дунгортин. В «Сказании о Науглафринге» она находилась в Хисиломэ (но в рукописи содержалась пометка о том, что ее должно перенести в «Дориат за Сирионом», II. 249); в «Сказании о Тинувиэли» Берен и Тинувиэль «стали могучими фэйри в краях к северу от Сириона» (II. 41). Из холмов Охотников данную область впоследствии перемещали еще несколько раз.

 $\frac{88}{89}$

Прежде чем покинуть Нарог, здесь мы впервые в повествовательном тексте встречаем название *Нан-Татрин* (1548): в «Утраченных сказаниях» этот край неизменно называли *Тасаринан* на языке эльдарисса (но *Нантатрин* встречается в словаре номского языка, І. 267, статья «Сирион», и «Дор-татрин» в «Списке имен» к «Падению Гондолина», II. 345).

Гораздо подробнее, нежели в любой другой более поздней версии, в поэме рассказывается о пребывании Турина и его спутника у Иврина; здесь раскрывается многое из того, что стоит за соответствующим фрагментом в «Сильмариллионе» (стр. 253). В «Сильмариллионе» Турин испил воды Иврина и наконец смог заплакать, и безумие его оставило; тогда он сложил песнь о Белеге («Лаэр Ку Белег», «Песнь о Могучем Луке»), «запел ее во весь голос, не задумываясь об опасности», а затем спросил у Гвиндора, кто тот такой. В «Песни» присутствуют все эти элементы сюжета, порою представленные в ином порядке. Флиндинг рассказывает Турину о течениях Нарога и Сириона и о защите Улмо, и Турин ощущает, что к нему отчасти возвращается надежда (1586-1587); они спешат вниз, к озеру, и пьют из него (1599–1600); и «от сетей страдания разум его освободился» (1602). С приходом ночи, когда они расположились у костра подле заводей Иврина, Турин спросил Флиндинга о его имени и судьбе, и ответ Флиндинга наконец-то позволил Турину выплакаться. Флиндинг уснул, но ближе к утру проснулся и услышал, как Турин поет погребальную песнь о Белеге у кромки озера (здесь песнь называется «Дружба Лучника»). Затем и сам Турин засыпает и во сне возвращается к тому страшному месту на окраине Таур-на-Фуин, где он убил Белега, ищет его могилу и сожженные молнией деревья и слышит вдали голос Белега, который велит ему не искать более, но утешиться в храбрости.

Тогда он пробудился в изумлении; разум его исцелился, храбрость его утешила, и он вслух позвал Флиндинга го-Фуилина, поднимаясь на ноги. (1699–1701)

Этот эпизод в «Песни» отличается жесткой, четкой структурой и яркими, запоминающимися образами. Как я писал во введении к «Неоконченным преданиям», остается только жалеть, что в более позднем Сказании о Туоре мой отец не продвинулся дальше того момента, когда Туор и Воронвэ приходят к последним вратам и Туор видит оттуда Гондолин посреди равнины. Не менее жаль, что отец так и не пересказал, в более поздних прозаических изложениях, историю о пребывании Турина и Гвиндора у Озера Иврина. Соответствующий фрагмент в «Сильмариллионе» заменой послужить не может; и лишь из этой поэмы мы можем вполне понять всю глубину горя Турина, убившего друга.

Описанные в поэме скрытность и осторожность защитников Нарготронда восходят к «Сказанию» (II. 81). В «Сказании»:

соглядатаи же и стражи родотлим ... предупредили об их приближении, и все, кто был за пределами своих жилищ, уходили с их пути. Затем родотлим затворили двери в надежде, что чужаки не найдут их пещер...

Когда Флиндинг и Турин подошли ко входам в пещеры,

89

родотлим ... сделали вылазку и, захватив их в плен, увлекли в свои каменные чертоги и привели к своему вождю, Ородрету.

Все это вошло в поэму и обогатилось большим количеством новых подробностей; добавился эпизод, в котором Турин споткнулся о корень, и в результате пущенная в него стрела пролетела мимо; а Флиндинг с упреком прикрикнул на незримых лучников, после чего на них с Турином больше не нападали. Возможно, в поэме не настолько самоочевидно, как в «Сказании», что возделанные угодья и сады Нарготронда были покинуты, чтобы путники не нашли входа в пещеры, тем более, что «тропа ровная, проходящими ногами / была широко утрамбована» (1808–1809) - хотя говорится, что в парадном зале Нарготронда их ждала огромная толпа (1856). Более того, в «Сказании» на них не нападали. Из пересказа сюжета в поэме не вполне понятно: если для таящихся в лесу лучников оклика Флиндинга оказалось достаточно, чтобы они более не стреляли, почему они не вышли в этот самый момент и не отвели чужаков в пещеры как пленников? Как мне кажется, этот новый элемент - стрела, выпущенная из-за деревьев, - не вполне встроился в прежний рассказ о том, как родотлим боязливо попрятались в надежде, что Турин с Флиндингом не найдут входа. Но фрагмент с описанием «угодьев» Нарготронда сам по себе представляет большой интерес, поскольку сведения о земледелии у народов Средиземья в Древние Дни крайне редки.

Здесь впервые описаны гигантские Врата Нарготронда – тройные деревянные створки, какими представлял их мой отец, можно увидеть на его рисунке, сделанном в Дорсете летом 1928 года, и (в соответствии с иной концепцией) «их столбы и косяки из массивного камня» (1830) на акварели того же самого периода, о котором шла речь выше («Рисунки», №33, 34).

В «Сказании» страх и подозрительность родотлим по отношению к нолдоли, побывавшим в рабстве, объясняются «злодеяниями номов в Копас Алквалунтен»; этот элемент вновь появляется в поэме (1903–1904). Тем не менее, в «Сказании» нет и намека на то, что под сомнение ставились идентичность и добрая воля Флиндинга, при том, что он разительно изменился внешне и «немногие узнавали его». С другой стороны, в поэме Ородрет выступает как персонаж властный и враждебно настроенный; его характер тщательно прорисован: он скор на гнев (1973), причем его холодная ярость не ослабевает со временем (2133-2134); разжалобить его непросто (1969, 2134), он суров сердцем, себе на уме (2132-2133), но способен на сильную любовь (1970) и на беспощадную ненависть (2135). Впоследствии, по мере развития легенд, Ородрет постепенно умалялся, утрачивая былую силу и значимость, что само по себе крайне любопытно. Много лет спустя, обдумывая эволюцию саги о Турине, мой отец отмечал, что Ородрет «довольно слабая личность»; ср. «Нарн», стр. 160: «он, как всегда, обратился за советом к Турину». В конечном итоге Ородрету предстояло быть смещенным с роли второго короля Нарготронда («Неоконченные предания», стр. 255, прим. 20). Но суровому, мрачному королю подземного чертога, изображенному в поэме, до этого очень далеко: Фелагунд еще не появился, равно как и мятежное влияние Келегорма и Куруфина в Нарготронде (см. далее стр. 246).

 $\frac{90}{91}$

Гибель сына Ородрета, Халмира-охотника, в столкновении с орками (2137—2138; опущено в «С»-тексте, стр. 82) – это новый элемент, который появится опять, хотя в «Сильмариллионе» его нет; там имя *Халмир* носит правитель Народа Халет.

В «Сказании», как я отмечал в своих комментариях (II. 124):

появляются прекрасная Файливрин и ее безответная любовь к Турину, но сложности, проистекающие из-за ее прежних отношений с Гвиндором, совершенно отсутствуют, и она – дочь не короля Ородрета, но некоего Галвега (который впоследствии исчез бесследно).

В поэме Галвег уже исчез, и Файливрин стала дочерью Ородрета: Флиндинг любил ее, и она отвечала ему взаимностью до того, как тот попал в плен; это ее мольба, обращенная к отцу перед всеми многочисленными собравшимися поколебала решимость короля, в результате чего Флиндинг и Турин были допущены в Нарготронд. Отголосок этого вмешательства, по всей видимости, сохранился в очень сжатом изложении «Сильмариллиона» (стр. 254):

Поначалу Гвиндора не признал собственный народ его – уехал он молодым и исполненным сил, теперь же, вернувшись, мог сойти за смертного, изнемогшего под бременем лет: так изменили несчастного пытки и непосильный труд. Но Финдуилас, дочь короля Ородрета, тотчас узнала его и радостно приветила: ибо любила его встарь, до Нирнаэт, Гвиндор же, преклоняясь пред красотою Финдуилас, нарек ее Фаэливрин, что значит «солнечный блик на заводях Иврина».

В поэме ее зовут Файливрин в «А» и в рукописи «В»; в «В» это имя где-то исправлено, а где-то нет, на Финдуилас (1724, 1938, 2130), но ближе к концу имя Финдуилас возникает в текстах уже в изначально записанном варианте (2175, 2199), а Файливрин («мерцающий отблеск на хрустальных заводях / Ивринского озера») – это прозвище, которым эльфы наделили Финдуилас.

В «Песни», так же, как и в «Сказании», Турин не скрывает, кто он такой, в отличие от «Сильмариллиона», где Турин одергивает Гвиндора, когда Гвиндор уже готов назвать его имя, и называется Агарваэн, Запятнанный кровью, сын Умарта, Злосчастного (стр. 254). Финдуилас (Файливрин) спрашивает:

Но разве нет еще никого подле нас, кто бы встарь знал этого могучего из числа людей [Хурина], чтобы примету родства высмотреть и увидеть в этих исполненных страдания чертах и обличии? (1958–1961)

И далее:

Немало нашлось тех, кто сражался встарь там, где пал Финвег в пламени клинков и Хурин Талион сокрушал толпы, темных гламхот демонские легионы... (1974–1977)

Они объявили, что лицо Турина – это «лицо его отца, новообретенное на земле». Касательно второго из этих фрагментов отец отметил на полях: «Не так». Этот комментарий относится к идее о том, что многие нарготрондские номы неког-

91

да сражались в Битве Бессчетных Слез (см. стр. 84–85); согласно более поздней версии, из Нарготронда ушли очень немногие, а из их маленького отряда назад не вернулся никто, кроме самого Флиндинга/Гвиндора. – В «Сильмариллионе» (стр. 254) про Турина не говорится, что он вылитый отец; напротив, он:

с виду воистину походил на мать свою, Морвен Эледвен: темноволосый, светлокожий и сероглазый.

См. также «Нарн», стр. 161, где Турин говорит Арминасу:

Но не стыжусь я того, что волосы у меня черные, а не золотые. Ибо я не первый из сынов, кто похож на мать.

Сам же Хурин был:

ростом ниже других людей своего племени – этим он вышел в родичей матери, – всем же прочим был он подобен своему деду Хадору: белокожий, златовласый, могучий телом и пылкий духом («Нарн», стр. 57).

Но в «Песни» Турин уже задуман как темноволосый:

темноволосый мальчуган из поверженного народа... (417)

Во второй версии поэмы у Хурина тоже «темные пряди» (стр. 97, строка 88).

На приветственном пиру в доме Фуилина, отца Флиндинга, в чаще леса на склонах Охотничьего нагорья (1989–1992) Фуилин наполняет медом великолепную древнюю серебряную чашу из Валинора:

изваянную в радости,

в горе сбереженную, в угасающей надежде, когда мало что осталось от древнего знания. (2038–2040)

Именно о таких предметах, как эта чаша, на которой вырезаны изображения «народа Фаэри в пору первого расцвета / Благословенных Королевств», Двух Дерев и башни Инга на холме Кора, думал мой отец, когда писал о сокровищах, привезенных Финродом Фелагундом из Тириона («Сильмариллион», стр. 139); «то было утешение, но и лишняя тяжесть в пути» (там же, стр. 105). – Это первое упоминание о башне Инга (Ингвэ, см. стр. 28) в эльфийском городе:

ее бледный шпиль пронзал сумерки, и ее хрустальный светильник ясно освещал тонким лучом Тенистые Моря (2033–2035)

так же, как впоследствии серебряный светильник на башне Миндон Эльдализва: «далеко светил луч ее серебряного маяка, пронзая морские туманы» («Сильмариллион», стр. 59).

Согласно текстам «А» и «В» в строках 2030–2032 холм, на котором был построен эльфийский город, изображенный на чаше Фуилина, это *Тун*, увенчанный белостенным градом Кор; это необычно, поскольку название Тун со всей очевидностью возникло как именование самого города (см. II. 292), и в «Очерке мифологии» и в «Сильмариллионе» 1930 г. Кор – это холм, а Тун – город. Однако, в «С»-тексте поэмы эти строки были изменены; Туном стал называться город (стр. 82).

 $\frac{92}{93}$

Усложнение взаимоотношений Турина и Финдуилас в последнем фрагменте указывает на крупномасштабность задуманного произведения: учитывая, сколь многое еще предстояло описать хотя бы с точки зрения изложения фактов (падение Нарготронда, Дракон, утрата Финдуилас, путь Турина в Дор-ломин, Морвен и Ниэнор в Дориате, их выезд в Нарготронд и зачаровывание Ниэнор, Турин и Ниэнор среди Лесного народа, появление Дракона и его гибель, и смерть Ниэнор и Турина) – поэма наверняка должна была растянуться еще на тысячи и тысячи строк.

Остается еще несколько отдельных подробностей. Здесь впервые появляется название Эсгалдуин, но в «А» и в печатном варианте «В» (2164) изначально стоял вариант Эсгадуин. В «С»-тексте – Эсгалдуин (стр. 82).

Луна появляется в строках 2088–2094 в виде корабля, Серебряного Ялика, с мачтой, трюмом, вантами; он отплывает от пристаней на краю мира; но эти образы никак не связаны с Кораблем Луны в «Сказании о Солнце и Луне» (Т 192–193)

Здесь Улмо носит имя *Ильмир* (впервые оно возникает в виде исправления в «В» в строке 1469, а после того – и в «А», и в «В», в изначально записанном тексте); в «Очерке» он впервые появляется как *Улмо (Ильмир)*, затем как *Ильмир*; можно предположить, что на тот момент *Ильмир* – это номская форма его имени (в словаре номского языка это *Гулма*, І. 270). Также его называют *Глубинным Жителем* в строке 1565, как и в позднем «Туоре» («Неоконченные предания», стр. 22, 28). Флиндинг упоминает о посланиях Улмо, которые слышны у Иврина, и говорит, что Улмо «один помнит в Землях Веселья / о нуждах номов» (1531 и далее); ср. «Сказание», ІІ. 77.

Наконец следует обратить внимание на прощальные слова Турина, обращенные к Белегу в момент его погребения (1408–1411): Турин провидит для него жизнь после смерти в Валиноре, в чертогах Богов, и не говорит о времени «ожидания»; ср. строки 1283–1284, 1696–1697.

«ДЕТИ ХУРИНА»: ВТОРОЙ ВАРИАНТ

Этот вариант поэмы (II) сохранился в виде пачки очень небрежных рукописных заметок (II«А»), которые не составляют полного текста, и машинописи (II«В») – точного аналога машинописи (I«В») первого варианта, напечатанной с помощью той же самой узнаваемой фиолетовой ленты, – на основе (II«А»). То, что II создана позже I, самоочевидно даже на поверхностный взгляд: приведем один-единственный пример – имя *Морвен* фигурирует как в II«А», так и в II«В». Как я уже отмечал (стр. 4), я не думаю, что текст II далеко отстоит по времени от I; скорее всего, он создавался еще до того, как мой отец закончил

93

работу над I.* Ближе к концу II количество изменений и добавлений заметно убывает; но представляется разумным привести II полностью.

Текст начала второй версии усложняется существованием еще двух текстов, оба начинаются после строк II. 1–94. Более ранний из них – еще одна машинопись (II«С»), которая вобрала в себя исправления, внесенные в II«В», и сама по себе подверглась редактуре; второй – это рукопись (II«D») на «оксфордской» бумаге (см. стр. 81), в которую вошли изменения, внесенные в II«С», равно как и новые правки. Потому в начале поэмы содержатся строки, претерпевшие ряд последовательных изменений на протяжении шести разных текстов, как, например, в случае строки 18 первой версии, которая становится строкой 34 во второй версии:

I«A»: Yet in host upon host the hillfiends, the orcs

[Однако орда за ордой горные демоны, орки] исправлено в рукописи на:

Yet in host upon host the hillfiend orcs

[Однако орда за ордой горные демоны-орки]

I«B» There in host on host the hill-fiend Orcs

[Там орда за ордой горные демоны-Орки]

II«A» but in host on host from the hills of darkness

[но орда за ордой из холмов тьмы] (вместе с альтернативным вариантом: from the hills swarming [из холмов изливаясь кишащим потоком])

II«В» but in host on host from the hills swarming [но орда за ордой, из холмов изливаясь кишащим потоком]

II«С» как в II«В», но в машинописи исправлено на:

and in host on host from the hills swarming

[и орда за ордой, из холмов изливаясь кишащим потоком]

II«D» In host upon host from the hills swarming

[Орда за ордой, из холмов изливаясь кишащим потоком]

Бо́льшая часть исправлений была внесена в последовательность текстов поэмы из соображений метрики – в ходе более поздней редактуры, главным образом в целях удаления «коротких словечек», ради достижения эффекта, близкого к древнеанглийским строкам, и устранения искусственных метрических заполнителей, таких, как $-\acute{e}d$ [окончание прошедшего неопределенного времени], произносимого как отдельный слог. Как я уже писал, полный справочный аппарат оказался бы чрезвычайно длинным и сложным (а местами почти невозможным, поскольку тексты как таковые зачастую куда более неразборчивы, нежели представляется в опубликованном виде). Поэтому в том, что касается второго

^{*} Единственное объективное подтверждение датировки (помимо физических свойств текстов, со всей очевидностью созданных в Лидсе, а не Оксфорде) состоит в том, что одна из страниц II«А» записана на оборотной стороне официального письма из «Микрокосма» (Лидский литературный ежеквартальный журнал, в котором мой отец опубликовал стихотворение «Град Богов» в весеннем выпуске 1923 года, см. І. 136), с подтверждением получения оплаты подписки за 1922 г.; письмо, по всей видимости, было написано в 1923 г.

варианта поэмы, я привожу текст II«D» (последний) до самого конца (ведь изменения, перенесенные из II«В», совсем мелкие, хотя и сквозные), а далее, с 95 строки, продолжается II«В» (основной машинописный текст второго варианта); и как и прежде, чисто метрические/глагольные изменения, не имеющие отношения к сюжету или именам, в примечаниях не оговариваются.

В II«А» заглавие отсутствует; текст II«В» был озаглавлен «ТУРИН», затем – «ДЕТИ ХУРИНА»; такое же название носят II«С» и II«D».

«Пролог», во втором варианте существенно расширенный, по-прежнему подзаголовка не имеет; однако в II«С» он помечен цифрой «I»; в II«В» «Воспитание Турина» – это заглавие для всего раздела; к нему отец впоследствии добавил «II».

ДЕТИ ХУРИНА

Ι

Вы, Боги, обнесшие береженые земли Грядами гор,

громадами скал, Что ввысь взнеслись

над взморьем сокрытым

Гавани Фаэри

на границах Мира!

Вы, люди, ни слез

былого не знавшие,

Ни войн, ни веселья

времен стародавних,

О мощи Моргота

и в мыслях не помнящие!

Ло! Внемлите: эльфы,

под арфы древние,

В землях забытых

замешкавшись некогда,

Тускнея и тая

на тропах леса,

В тени островов

Тенистых морей,

В скорби поют

о сыне Хурина,

Как соткались сети

судьбы его темной

THE CHILDREN OF HÚRIN

Ι

Ye Gods who girt

your guarded realms

with moveless pinnacles,

mountains pathless,

o'er shrouded shores

sheer uprising

of the Bay of Faëry

on the borders of the World!

Ye Men unmindful

of the mirth of yore,

wars and weeping

in the worlds of old,

of Morgoth's might

remembering nought!

Lo! hear what Elves

with ancient harps,

lingering forlorn

in lands untrodden,

fading faintly

down forest pathways,

in shadowy isles

on the Shadowy Seas,

sing still in sorrow

of the son of Húrin.

how his webs of doom

were woven dark

95

5

С несчастьем Ниниэли:	with Níniel's sorrow:	
имена то печальные.	names most mournful.	
А! Хурин Талион	A! Húrin Thalion	
в ходе войны	in the hosts of battle	15
Был схвачен в сражении,	was whelmed in war,	
когда стяги белые	when the white banners	
Короля разгромленного	of the ruined king	
были в кровь втоптаны,	were rent with spears,	
Порваны пиками;	in blood beaten;	
в пожаре мечей	when the blazing helm	
Пал шелом	of Finweg fell	
пламенный Финвега,	in flame of swords,	
Лучезарного войска	and his gleaming armies'	
злато-серебряные	gold and silver	20
Гербы, горящие	shields were shaken,	
на гордых щитах,	shining emblems	
В темном потоке	in darkling tide	
тяжкой ненависти	of dire hatred,	
Сонмов несметных	the cruel Glamhoth's	
свирепых гламхот	countless legions,	
Сокрылись и сгинули –	were lost and foundered –	
свет их погас!	their light was quenched!	
Ту сечу доселе	That field yet now	
повсюду зовут	the folk name it	25
Нирнайт Орнот,	Nirnaith Ornoth,	
Несчетные Слезы:	Unnumbered Tears:	
Сыны смертных –	the seven chieftains	
семь вождей –	of the sons of Men	
Все бежали бесславно	fled there and fought not,	
с бранного поля,	the folk of the Elves	
Предали эльфов –	betrayed with treason.	
преданность клятве	Their troth alone	
В пасти Преисподней	unmoved remembered	
помнили свято	in the mouths of Hell	30
Лишь Талион Эритамрод	Thalion Erithámrod	
и таны его славные.	and his thanes renowned.	
Над изодранным, затоптанным	Torn and trampled	
знаменем тройственным	the triple standard	
Дома Хитлума	of the house of Hithlum	
громоздились мертвые.	was heaped with slain.	
Орды за ордами	In host upon host	
орки голодные	from the hills swarming	
*	O	

С холмов хлынули,	with hideous arms	
хищными лапами	the hungry Orcs	35
Осилили смелого,	enmeshed his might,	
иссекли ранами,	and marred with wounds	;
Совладали с доблестным	pulled down the proud	
Владыкой Митрима.	Prince of Mithrim.	
Живым его взяли	At Bauglir's bidding	
по воле Бауглира;	they bound him living;	
В предел Преисподней,	to the halls of Hell	
в подгорные залы,	neath the hills builded,	
К угрюмым и мрачным	to the Mountains of Iron,	
Кряжам Железа	mournful, gloomy,	40
Привели лорда	they led the lord	
Земли Тумана,	of the Lands of Mist,	
Хурина Талиона –	Húrin Thalion,	
к трону ненависти,	to the throne of hate	
Под свод, что стоял	in halls upheld	
на столпах базальтовых.	with huge pillars	
Нетопыри реяли	of black basalt.	
во мраке зала,	There bats wandered,	
Драконы и змеи	worms and serpents	
вкруг колонн обвились.	enwound the columns;	45
Лютое пламя	there Bauglir's breast	
жгло Бауглира:	was burned within	
Ярился враг	with blazing rage,	
из-за краха замыслов:	baulked of purpose:	
Из ловушки вырвались	from his trap had broken	
отважный Тургон,	Turgon the mighty,	
Сын Финголфина;	Fingolfin's son;	
и Феаноровы чада,	Fëanor's children,	
Творцы самоцветов	the makers of the magic	
бесценных и вечных.	and immortal gems.	50
Ибо в буре битвенной	For Húrin standing	
не сгибался Хурин:	storm unheeding,	
С горьким смехом,	unbent in battle,	
не страшась гибели,	with bitter laughter	90
Секирой сражался –	his axe wielded –	9
смертоносные взмахи	as eagle's wings	
Что крыла орлиные	the sound of its sweep,	
в полете вольном;	swinging deadly;	
Мертвенной молнией	as livid lightning	
взмыв, она падала,	it leaped and fell,	55
Как дерева вековые	as toppling trunks	
валятся с грохотом,	of trees riven	
*		

Так валились враги его.	his foes had fallen.	
Воитель бился;	Thus fought he on,	
Тесаки тупились,	where blades were blunted	
тонули в крови	and in blood foundered	
Мужи Митрима;	the Men of Mithrim;	
так на миг краткий	thus a moment stemmed	
Путь преградила	with sad remnant	
потоку орков	the raging surge	60
Горсть уцелевших,	of ruthless Orcs,	
арьегард храбрый,	and the rear guarded,	
Дабы Тургон стойкий,	that Turgon the terrible	
восстав во гневе,	towering in anger	
Проложил себе путь	a pathway clove	
жарким лезвием,	with pale falchion	
Сквозь рати ярящиеся –	from swirling slaughter.	
просеку торную	Yea! his swath was plain	
Из сечи – как стебли	through the hosts of Hell,	
под серпом ложатся	as hay that is laid	65
В пору покоса, –	on the lea in lines,	03
	where long and keen	
так полчища адовы		
Стлались как сено.	goes sweeping scythe. Thus seven kindreds,	
Так семь родов,		
Войско великое	a countless company,	
увел король	that king guided	
За дальние долы	through darkened dales	
и дикие горы,	and drear mountains	
От врагов сокрылся –	out of ken of his foes –	=0
речи нейдет о нем	he comes no more	70
В повести Турина.	in the tale of Túrin.	
Победу Моргота	Triumph of Morgoth	
Неведенье отравило –	thus to doubt was turned,	
возмездья алкал он,	dreams of vengeance,	
Во власти вражды	thus his mind was moved	
и великой злобы,	with malice fathomless,	
И дум недобрых:	thoughts of darkness,	
приведен был Талион,	when the Thalion stood	
Скован, но несломлен,	bound, unbending,	
под своды черные.	in his black dungeon.	75
Рек Владыка Ада:	Said the dread Lord of Hell:	
«Доблестный Хурин,	'Dauntless Húrin,	
Стойкий как сталь,	stout steel-handed,	
встал предо мною,	stands before me	

И живьем взятый, верно, по трусости? Меня он знает ли? Надо ли молвить, Что за доля ждет его в подвалах железных? Боль неизбывная, балрогов пытки!»	yet quick a captive,	80
Хитлумский вождь,	Then Húrin answered,	
Хурин ответствовал:	Hithlum's chieftain –	
«О губитель гнусный, –	his shining eyes with sheen of fire	
и в гневе яром Очи его алым	in wrath were reddened:	
огнем полыхнули, –	'O ruinous one,	
Страхом не скован,	by fear unfettered	
я сражался с тобою,	I have fought thee long,	85
Не боюсь и ныне,	nor dread thee now,	
о недруг Богов,	nor thy demon slaves,	
Ни тебя, ни рабов твоих:	fiends and phantoms,	
бесов и демонов!»	thou foe of Gods!'	
Кудри темные	His dark tresses,	
откинул с лица он, –	drenched and tangled,	
Пряди спутанные,	that fell o'er his face	
от пота влажные, –	he flung backward,	
Выдержал взгляд	in the eye he looked	
Властелина Зла.	of the evil Lord –	90
С того дня недоброго	since that day of dread	
ни один из смертных	to dare his glance	
Не дерзал с тем взором	has no mortal Man	
глазами встретиться.	had might of soul. There the mind of Húrin	
Разум Хурина	in a mist of dark	97
во мраке туманном Тонул, теряясь	neath gaze unfathomed	98
под тяжким взглядом.*	groped and foundered,*	70
Но ни дух не дрогнул,	yet his heart yielded not	
ни гордыня ярая.	nor his haughty pride.	95
Тут Лунгортин,	But Lungorthin	, ,
Властелин Балрогов	Lord of Balrogs	
Хлестнул по устам его;	on the mouth smote him,	
усмехнулся Моргот:	and Morgoth smiled:	
«Нет, изведаешь страх,	'Nay, fear when thou feelest,	
как уязвит тебя пламя,	when the flames lick thee	!

 $[\]overline{\ ^*$ Здесь заканчивается самый поздний текст II«D», и далее следует текст II«В»; см. стр. 95.

И бич исхлещет and the whistling whips белое тело thy white body И пытке предаст and wilting flesh 100 плоть изнуренную!» weal and torture!' Then hung they helpless Приказал он подвесить Húrin dauntless пленника на цепях, Колдовством кованых in chains by fell для казни мучительной, enchantments forged Что нестерпимой пыткою that with fiery anguish his flesh devoured, плоть язвили, Но в немом безмолвии yet loosed not lips locked in silence замкнул уста он, to pray for pity. Не молил о милости. Thus prisoned saw he 105 Так мучась, видел он on the sable walls На смоляных стенах – the sultry glare слепящим жаром -Огней отдаленных of far-off fires отблески яркие, fiercely burning Во тьме туннелей down deep corridors and dark archways и тусклых арок in the blind abysses В безднах бессветных of those bottomless halls; бездонных чертогов. there with mourning mingled Там стоны сливались mighty tumult 110 со смутным шумом, the throb and thunder С гулом и громом грохочущих кузней, of the thudding forges' brazen clangour; С громовым лязгом; belched and spouted дымы изрыгали flaming furnaces; Горны горящие; there faces sad горестные лица Во мраке маячили; through the glooms glided злорадные орки as the gloating Orcs Хлесткими плетками their captives herded 115 пленников гнали. under cruel lashes. Many a hopeless glance В отчаянии очи on Húrin fell, обращались к Хурину, Много слез пролилось for his tearless torment о бесслезной его муке. many tears were spilled. Ло! Помыслил Моргот Lo! Morgoth remembered the mighty doom, о могучей судьбе, the weird of old, О реченном роке, that the Elves in woe, что разор и гибель,

Скорбь и страдания	in ruin and wrack		
сулит эльфам	by the reckless hearts	120	
По вине и воле	of mortal Men		
ветреных смертных:	should be meshed at last;		
Лишь друга доверенного	that treason alone		
предательство низкое	of trusted friend		
Превозмочь сможет	should master the magic		
магию тайную,	whose mazes wrapped		
Что поддержкой дарила	the children of Côr,		
детей Кора,	cheating his purpose,		
Берегла братьев,	from defeat fending		
обетом связанных,	Fingolfin's son,	125	
Сынов Феанора;	Turgon the terrible,	123	
и сына Финголфина,	and the troth-brethren		
Тургона стойкого;	the sons of Fëanor,		
и тайные, дальние	and secret, far,		
Чертоги в черной	homes hid darkly		
чаще дремучей –	in the hoar forest		
Трон Тингола	where Thingol was throned		
в Тысяче Пещер.	in the Thousand Caves.		
Тут двоедушный	Then the Lord of Hell		
Владыка Ада	lying-hearted	130	
Поспешил проворно	to where Húrin hung	130	
к пленному Хурину,	hastened swiftly,		98
С ним – могучие	and the Balrogs about him		99
меднорукие балроги	brazen-handed))
	with flails of flame		
С плетьми из пламени,			
с цепами железными;	and forgéd iron		
Смеясь, смотрели они	there laughed as they looked		
на страданья узника,	on his lonely woe;		
Но объявил Бауглир:	but Bauglir said:	125	
«О бесстрашнейший смертный,		135	
Судьба сия не пристала	'tis fate unfitting		
столь смелому воину,	for thus fellhanded		
До сражений жадному,	warrior warfain		
жестокорукому:	that to worthless friends		
Свой меч продавать	his sword he should sell,		
малодушным союзникам,	who seek no more		
Что отбить из оков его	to free him from fetters		
иль отмстить не тщатся;	or his fall avenge.		
Сокрывшись в сумраке,	While shrinking in the shadows		
от страха дрожат они,	they shake fearful	140	

В горах голодных	in the hungry hills	
как изгои хоронятся,	hiding outcast	
Предательски прячутся,	their league belying,	
презревши союз,	lurking faithless,	
Пока в темнице томится он –	he by evil lot	
на тяжкую долю	in everlasting	
Обречен – на мучения	dungeons droopeth	
нескончаемой пытки	doomed to torment	
И боль неизбывную.	and anguish endless.	
Мне больше по нраву,	That thy arms unchained	145
Чтоб рукою нескованной	I had fainer far	- 10
клинок острый	should a falchion keen	
Ты сжимал, иль секиру	or axe with edge	
с сияющим краем	eager flaming	
В вихре войны,	wield in warfare	
где ветер треплет	where the wind bloweth	
Стяги сражения –	the banners of battle –	
чтоб славный клинок тот	such a brand as might	
	in my sounding smithies	
В горнах гулких	on the smitten anvil	150
моих горных кузней,		130
Из стали сияющей,	of glowing steel	
сердцу на радость,	to glad thy soul	
И броня битвенная	be forged and fashioned,	
сработаны были,	yea, and fair harness	
И кольчуга чудная, –	and mail unmatched -	
чем иссечен цепами,	than that marred with flails	•
Мою милость отмел бы ты,	my mercy waiving	
мучась в оковах,	thou shouldst moan enchai	ned
Под плетьми могучими	neath the brazen Balrogs'	
медных балрогов.	burning scourges:	155
Пристал почет тебе,	who art worthy to win	
подобает отличие	reward and honour	
Как войсководителю,	as a captain of arms	
когда в вихре битвы	when cloven is mail	
Щиты трещат,	and shields are shorn,	
и нещадный натиск	when they shake the hosts	
Вражий строй рушит	of their foes like fire	
под рев пожара.	in fell onset.	
Ло! На службу ступай ко мне;	Lo! receive my service;	
смири ненависть,	forswear hatred,	160
Вражду давнюю,	ancient enmity	
дань заблуждению,	thus ill-counselled –	
Господин я добрый,	I am a mild master	
деянья слуг своих	who remembers well	

Помню прекрасно. Примет длань твоя Лезвие ужаса – и звание высокое Паладина Бауглира, предводителя балрогов, Дабы рати мои громкие, построены к бою, Грозным строем из края в край вел ты – На Тургона-тролля (как трус, бежал он, Бросив друга;	his servants' deeds. A sword of terror thy hand should hold, and a high lordship as Bauglir's champion, chief of Balrogs, to lead o'er the lands my loud armies, whose royal array I already furnish; on Turgon the troll (who turned to flight and left thee alone,	165
сокрывшись в осаде Гор гнетущих, глуши безводной) Мою расправу обрушить, и на разбойных злодеев, Бунтарей-номов и бродячих эльфов, Безумцев бездумных, что бросают вызов	now leaguered fast in waterless wastes and weary mountains) my wrath to wreak, and on redhanded robber-Gnomes, rebels, and roaming Elves, that forlorn witless the Lord of the World	170
Властелину Мира – мощь мою да изведают! Я велю расковать тебя	defy in their folly – they shall feel my might. I will bid men unbind thee,	100
и вылечить раны! Ступай по следам их со сталью и пламенем, Сыщешь их сокрытые	and thy body comfort! Go follow their footsteps with fire and steel, with thy sword go search	175
селенья с мечом своим; Когда ж с победой в палаты мои вспять воротишься, Храню я сокровища» – но Хурин Талион	their secret dwellings; when in triumph victorious thou returnest hither, I have hoards unthought-of' – but Húrin Thalion	
Смолчать не смог, слово промолвил, Стиснув зубы от страшной боли: «О клятый король, – крикнул он дерзко, –	suffered no longer silent wordless; through clenchéd teeth in clinging pain, 'O accursed king', cried unwavering,	180
Днесь ты надеешься напрасно, о Бауглир, – В происках подлых не пособник тебе я;	'thy hopes build not so high, Bauglir; no tool am I for thy treasons vile,	

Поищи предателей, презревших клятву, В месте другом».	who tryst nor troth ever true holdest – seek traitors elsewhere.'	185
Моргот ответствовал, Дивясь и досадуя, но дум не выдав: «Нет, безумием болен ты, блуждают мысли; Сокровищ без счету сокрыто в казне моей: Груды и горы громоздятся от века, Под замком заперты: злато эльфийское,	Then returned answer Morgoth amazed his mood hiding: 'Nay, madness holds thee; thy mind wanders; my measureless hoards are mountains high in places secret piled uncounted agelong unopened; Elfin silver and gold in the gloom	190
Серебро в сумраке смутно мерцает. Самоцветы светлые, что под спудом Боги Стерегли встарь и скорбят о них ныне, Храню я; награда немалая ждет тебя – Довольно злата и Змию Алчному».	there glister pale; the gems and jewels once jealous-warded in the mansions of the Gods, who mourn them yet, are mine, and a meed I will mete thee thence of wealth to glut the Worm of Greed.'	195
Ненавидя, ответствовал отважный Хурин: «Все тебе ведомо – а врага не признал ты, О Бауглир проклятый? Бахвалиться полно Добром, у Трех Народов исхищенным! Презираю тебя. Посрамлен ты впрямь,	Then Húrin, hanging, in hate answered: 'Canst not learn of thy lore when thou look'st on a foe O Bauglir unblest? Bray no longer of the things thou hast thieved from the Three Kindreds! In hate I hold thee. Thou art humbled indeed	, 200
Мельчает мощь твоя, коль мечты кровожадные И замыслы злобные зависят от узника, Что страждет в скорби, слаб и измучен». Обратил тут очи он к ордам адским:	and thy might is minished if thy murderous hope and cruel counsels on a captive sad must wait, on a weak and weary man.' To the hosts of Hell his head then he turned:	205

«Стяги ваши смрадные в сраженье несите, Вы, орки и балроги; пусть орды черные Рыщут, ища меч нещадный Тургона. Погонят на гибель вас через горькие долы, Как скворцов стаи от скирд пшеничных! Повелителя подлого прихвостни жалкие, Рока грозного, разгрома страшитесь! Судьба сменится, ваше счастье недолгое И победа падут. Прозреваю вдали Грозу Богов, в гневе восставших».	'Let thy foul banners go forth to battle, ye Balrogs and Orcs; let your black legions go seek the sweeping sword of Turgon. Through the dismal dales you shall be driven wailing like startled starlings from the stooks of wheat. Minions miserable of master base, your doom dread ye, dire disaster! The tide shall turn; your triumph brief and victory shall vanish. I view afar the wrath of the Gods roused in anger.'	210
Гул громогласный грянул под сводами, Стены сотряс смятенный ропот, Буйство безумное объяло Моргота, Но шепотом приглушенным, широко ухмыляясь, Талиону Эритамроду в темнице грозил он: «Ты сам сказал так! Как скорый мой умысел Вершится, увидишь ты, вмешаться не в силах; Не прошу твоей помощи, пеняй на себя лишь, Смертный самонадеянный! На свершенья грозные Деяний моих должно глядеть тебе впредь, Хоть не рад им – смотри неотрывно, злосчастья	Then tumult awoke, a tempest wild in rage roaring that rocked the walls; consuming madness seized on Morgoth, yet with lowered voice and leering mouth thus Thalion Erithámrod he threatened darkly: 'Thou hast said it! See how my swift purpose shall march to its mark unmarred of thee, nor thy aid be asked, overweening mortal mightless. I command thee gaze on my deeds of power dreadly proven. Yet if little they like thee, thou must look thereon	220 225

Отвесть не волен, ни двинуть рукою.	helpless to hinder or thy hand to raise,	
Взирать твоим взорам,	and thy lidless eyes	
вовеки не затмеваясь,	lit with anguish	
Как Боги бессонные	shall not shut for ever, shorn of slumber	220
бдят над миром, –		230
В неизбывной боли,	like the Gods shall gaze	
бесслезно и горько,	there grim, tearless,	
На мощь Моргота,	on the might of Morgoth and the meed he deals	
и на немилость его	to fools who refuse	
К отвергшим вассальную	fealty gracious.'	
верность упрямцам».		
Доставили Талиона	To Thangorodrim	
на Тангородрим,	was the Thalion borne,	
На скалу, что сходится	that mountain that meets	
с сумрачным небом	the misty skies	235
Над вершинами вышними,	on high over the hills	
что взнеслись над Хитлумом	that Hithlum sees	
Грядой грозной	blackly brooding	,
на границах Севера.	on the borders of the Nor	th.
Там к камню на скальном	There stretched on the stone	
крутом пике	of steepest peak	
Живым сковали его	in bonds unbreakable	
вековечной цепью;	they bound him living;	
Там зла властелин	there the lord of woe	2 40
с лютым хохотом	in laughter stood,	240
Проклял героя	there cursed him for ever	
и родичей всех его,	and his kindred all	
Чтоб под сенью скорби	that should walk and wander	
им скитаться и мыкаться;	in woe's shadow	
Обрек их року	to a doom of death	
страшной смерти.	and dreadful end.	
И остался отважный	There the mighty man	
один; недвижим,	unmovéd sat,	
Вдаль прозревая	but unveiled was his vision	245
взором всевидящим	that he viewed afar	245
Все на свете сущее,	with eyes enchanted	
все страдания тяжкие,	all earthly things,	
И судьбу скорбную,	and the weird of woe	
сплетенную мрачно,	woven darkly	
Что пали на дом его –	that fell on his folk –	
то пытка адова	a fiend's torment.	

*

ПРИМЕЧАНИЯ

14 После этой строки в II«В» значится:

how the golden dragon
of the God of darkness
wrought wrack and ruin
in realms now lost –
only the mighty of soul [6],
of Men or Elves,
doom can conquer,

and in death only.

содеял разор и разрушения в ныне утраченных королевствах – лишь могучие духом [6], из числа людей и эльфов, могут победить судьбу, и только в смерти.

как златой дракон

Бога тьмы

Эти строки были вычеркнуты в II«В» и в II«С» и II«D» уже не представлены.

19 Cp. I. 1975:

where Finweg fell in flame of swords [где Финвег пал в пламени мечей].

Finweg [Финвег] > Fingon [Фингон] — это позднее внесенное карандашом изменение в I«В». Все тексты II содержат Finweg (II«А» Fingweg [Фингвег]), но вариант Fingon возникает в позднем внесенном карандашом исправлении в II«D».

26 Nirnaith Únoth [Нирнайт Унот] II«В», II«С»; Nirnaith Ornoth [Нирнайт Орнот] II«D», карандашом исправлено на Nirnaith Arnediad [Нирнайт Арнедиад]. Касательно Únoth, Ornoth в первой версии см. стр. 79, прим. к строкам 1448, 1542–1543. Здесь я использую Ornoth, поскольку форма Arnediad возникла гораздо позже.

27 Во всех текстах II значится: the chosen chieftains of the children of Men [избранные вожди детей людей], но в II«D» эта фраза карандашом исправлена на: the seven chieftains of the sons of Men [семь вождей сынов людей].

49 Fingolfin's son [сын Финголфина]: см. стр. 21, прим. к строке 29. Fëanor's children [Феаноровы дети] II«D»; and Fëanor's children [и Феаноровы дети] II«A», «В», «С».

76 'Is it dauntless Húrin,' quoth Delu-Morgoth [«Это бесстрашный ли Хурин, – молвил Делу-Моргот] II«В», как в I«В» (строка 51).

157 as a captain among them [как предводитель среди ${\rm Hux}$] в печатном тексте ${\rm II}$ «В». Ср. строку 165.

Комментарии к Части I второго варианта

Эта часть увеличилась в два с половиной раза по сравнению с исходным объемом, отчасти за счет добавления описаний Ангбанда (42–45, 105–115) – которые были значительно расширены несколько лет спустя в «Лэ о Лейтиан», – и последнего боя Хурина (51–61), но главным образом благодаря существенно дополненному рассказу о взаимодействии Моргота с Турином, о его попытке искусить «самого Талиона» и его неуемной ярости (полностью отсутствующей в первой версии), когда ему так и не удалось сломить волю пленника. Перепи-

102

санная сцена в целом более драматична: в ней куда острее ощущаются ложь, жестокость и боль (и героическая сила сопротивления Хурина).

Во вступительном разделе содержится несколько интересных подробностей. О темных волосах Хурина (88) уже упоминалось выше (стр. 92). «Тан Моргота», который хлестнул пленника по губам (вариант I, 59) здесь – «Лунгортин, Властелин Балрогов» (96) – что, по всей видимости, надо понимать как «один из владык из числа балрогов», потому что Готмог, Владыка или Предводитель Балрогов в «Падении Гондолина», вскорости появляется вновь в традиции «Сильмариллиона». Примечателен фрагмент (88–94), в котором Хурин, отбросив назад свои длинные волосы, посмотрел Морготу в глаза, и разум его «в тумане тьмы... брел ощупью и тонул»: сюда восходит представление о гипнотическом взгляде Глорунда, его слуги, до которого поэма не дошла.

Строка, которая в первом варианте стоит гораздо позже (1975):

where Finweg [> Fingon] fell in flame of swords [где Финвег [> Фингон] пал в пламени мечей]

вводится здесь (19); также упоминаются его «белые знамена ... в кровь втоптанные» и его «полыхающий шлем»: к этим строкам в конечном итоге восходит фрагмент «Сильмариллиона» (стр. 232):

из рассеченного шлема Фингона взметнулось белое пламя ... враги булавами вбили его тело в грязь, а королевское знамя, синее с серебром, втоптали в лужу его крови.

В строке 26 впервые появляется упоминание о *Нирнайт Арнедиад*, но это наспех внесенное карандашом изменение в последнем тексте II«D» и принадлежит к более поздней стадии ономастики.

Говорится, что Тургон вывел из битвы семь родов (67): в сказании «Падение Гондолина» перечислены двенадцать родов гондотлим.

Хурин назван Владыкой Митрима (37), а его люди – людьми Митрима (59). Возможно, это подразумевает, что название «Митрим», до сих пор относившееся только к озеру, теперь распространилось на всю область, в которой озеро находилось; на самой ранней карте к «Сильмариллиону» это не отражено. Земля Митрим упомянута в строке 248, но формулировка была изменена.

Фрагмент первого варианта (46–50), в котором утверждается, будто Моргот: хорошо помнил,

что людей считают всёх бессильными и хрупкими эльфы и их родня; и только предательство

может обуздать магию, тенета которой укрывали детей Кортуна

изменен во втором варианте (118-124) на:

Ло! Моргот вспомнил могучий рок, судьбу древнюю, что эльфы в страдание, в разор и гибель беспечными сердцами смертных людей будут в итоге вовлечены; что одно лишь предательство доверенного друга обуздает магию, тенета которой укрывали детей Кора...

 $\frac{102}{103}$

104

В «Утраченных сказаниях» не содержалось никаких отсылок на древний «рок» или «судьбу». Возможно, что отсылка к «предательству» подразумевает «Пророчество Севера», произнесенное Мандосом или его посланником, когда воинство нолдор шло на север вдоль побережья Валинора после Братоубийства («Сильмариллион», стр. 108); в самой ранней версии этого сюжета, в сказании «Бегство нолдоли» (І. 167), ничего подобного не содержится, но в «Сильмариллионе» 1930 г. со всей определенностью утверждается, что расплатой номам за деяния в Лебединой гавани станут «предательство и страх перед предательством среди своей же родни». С другой стороны, «могучему року, древней судьбе» приписывается также и финальное поражение эльфов, причиной которого явятся люди; а такой идеи ни в одной из версий Пророчества Севера нет. Этот фрагмент из переработанного варианта поэмы эхом отзывается в соответствующем эпизоде «Сильмариллиона» 1930 г.:

После же Моргот вспомнил, что лишь предательство либо страх перед ним, в особенности же предательство людей, погубит номов, и пришел к Хурину...

Π

ВОСПИТАНИЕ ТУРИНА

Ло! Леди Морвен в Земле Теней Средь леса ждала желанного мужа; Но не вернулся вовеки приветить жену он Из кровавой схватки. Уповала вотще она; Известия не поведали: захвачен, мертв ли, Или жив и бежал в чужие пределы. Выжгли его вотчину, умертвили подданных; Злобный люд, власть лорда презревший, Наводняя Дорломин, обходился неласково

вдругорядь непраздной,

С женой его вдовой,

Π

TÚRIN'S FOSTERING

Lo! the lady Morwen in the land of shadow waited in the woodland for her well-beloved, but he came never to clasp her nigh 250 from that black battle. She abode in vain; no tidings told her whether taken or dead or lost in flight he lingered yet. Laid waste his lands and his lieges slain, and men unmindful of that mighty lord 255 in Dorlómin dwelling dealt unkindly with his wife in widowhood: she went with child,

 $\frac{104}{105}$

Коя сына растила,	and a son must succour	
_ сироту горького,	sadly orphaned,	
Турина Талиона,	Túrin Thalion	
летами юного.	of tender years.	
Во дни те недобрые	In days of blackness	
дочь родила она,	was her daughter born,	260
Нарекла ж ее Ниэнор,	and named Nienor,	
на наречии древнем	a name of tears	
То слезное имя	that in language of eld	
Скорбь означает.	is Lamentation.	
Обратилась тут мысль ее	Then her thoughts were turned	
к Тинголу-эльфу	to Thingol the Elf,	
И Лутиэн прелестной,	and Lúthien the lissom	
легконогой деве,	with limbs shining,	
Его дочери дивной,	his daughter dear,	
Дайрону милой,	by Dairon loved,	265
Что далёко и близко	who Tinúviel was named	
звалась Тинувиэлью,	both near and far,	
Звездным Плащом;	the Star-mantled,	
ее помнят и ныне:	still remembered,	
Легка, как лист	who light as leaf	
на липовой ветке,	on linden tree	
В дни давние	had danced in Doriath	
в Дориате танцуя	in days agone,	
На полянах подлунных,	on the lawns had lilted	
она пела звонко,	in the long moonshine,	270
Менестрель же Дайрон	while deftly was drawn	270
на серебряных флейтах	Dairon's music	
на сереоряных флеитах Перстами проворными		
	with fingers fleet	
плел мелодию.	from flutes of silver.	
Боец бесстрашный,	The boldest of the brave,	
Берен Эрмабвед	Beren Ermabwed,	
В жены взял ее;	to wife had won her,	
встарь же воитель	who once of old	
Водил дружбу,	had vowed fellowship	
дарил приязнью	and friendly love	275
Хурина Хитлумского,	with Húrin of Hithlum,	
храброго воина,	hero dauntless	
Близ заводей Митримских,	by the marge of Mithrim's	
в земле тумана.	misty waters.	
Так мальчику она молвила:	Thus to her son she said:	
«Милый ты сын мой,	'My sweetest child,	
Немного друзей у нас,	our friends are few;	
нейдет отец твой.	thy father is gone.	
псидст отсц твои.	my famer is golle.	

Отправлю я прочь тебя	Thou must fare afar	
к народу лесному,	to the folk of the wood,	280
К трону Тингола	where Thingol is throned	
в Тысячу Пещер.	in the Thousand Caves.	
Коль о Морвен он помнит	If he remember Morwen	
и о могучем отце твоем,	and thy mighty sire	
Отважным воином	he will foster thee fairly,	
взрастит тебя он,	and feats of arms,	
Обучит отрока	the trade he will teach thee	
оружному бою:	of targe and sword,	
Не быть сыну Хурина	that no slave in Hithlum	
рабом в Хитлуме!	shall be son of Húrin.	285
А! Воротись, мой Турин,	A! return my Túrin	
с течением времени;	when time passeth;	
Но о матери в мыслях,	remember thy mother	
мужая, помни,	when thy manhood come	eth
Или в силках скорби».	or when sorrows snare thee.'	
Тут смолкла Морвен,	Then silence took her,	
Ибо страх сковал ее,	for fears troubled	
срывался голос.	her trembling voice.	
Стеснилось сердце	Heavy boded the heart	
у сына Хурина.	of Húrin's son,	290
Не поняв ее горя,	who unwitting of her woe	
не знал он, что думать;	wondered vaguely,	
Но чая, что отчаяньем	yet weened her words	
реченья подсказаны,	were wild with grief	
Спорить не стал,	and denied her not;	
смысла в том не видя.	no need him seemed.	
Ло! Майльронд и Халог	Lo! Mailrond and Halog,	
при Морвен поныне	Morwen's henchmen,	
В челяди числились:	were young of yore	
честно служили ей	ere the youth of Húrin,	295
Днесь лишь эти двое	and alone of the lieges	
из домочадцев владыки;	of that lord of Men	
Их молодость минула,	now steadfast in service	
когда мал был Хурин.	stayed beside her:	
Повелела она слугам	now she bade them brave	
одолеть горы	the black mountains	
И пущу пройти	and the woods whose ways	
опасными тропами:	wander to evil;	
Хоть Турин – дитя еще,	though Túrin be tender,	
к тяготам непривычен,	to travail unused,	300

 $\frac{105}{106}$

В путь пора сбираться.	they must gird them and go.	
Рады они не были,	Glad they were not,	
Но оспорить открыто	but to doubt the wisdom	
не отважились мудрость	dared not openly	
Морвен, что плакала,	of Morwen who mourned	
когда люди не видели.	when men saw not.	
Раз летним днем	Came a day of summer	
лепет и шорохи	when the dark silence	
В приветном воздухе	of the towering trees	
волнами зыбкими	trembled dimly	305
Всколыхнули вышних	to murmurs moving	
ветвей безмолвие,	in the milder airs	
Венчавшее чащу.	far and faintly;	
Лучей потоки	flecked with dancing	
Светом серебряным	sheen of silver	
сбрызнули травы	and shadow-filtered	
Полян потаенных,	sudden sunbeams	
пронизанных тенью,	were the secret glades	
Где ветерки вольные	where winds came wayward	
веяли мягко,	wavering softly	310
Струясь сквозь сплетенные	warm through the woodland's	
своды зелени.	woven branches.	
Скорбь скрывая,	Then Morwen stood,	
стояла Морвен	her mourning hidden,	
У порога двора своего	by the gate of her garth	
на прогалине в Хитлуме,	in a glade of Hithlum;	
Дочь-младенца	at her breast bore she	
на груди баюкала,	her babe unweaned,	
Напевала негромко	crooning lowly	
несмышленой крохе	to its careless ears	315
Песню печальную,	a song of sweet	
полную нежности,	and sad cadence,	
Обессилена горем.	lest she droop for anguish.	
Открылись двери,	Then the doors opened,	
Под ношей немалой	and Halog hastened	
пригнулся Халог,	neath a heavy burden,	
А Майльронд старый	and Mailrond the old	
ее стойкого Турина	to his mistress led	
Подвел к госпоже своей:	her gallant Túrin,	
не плакал отрок,	grave and tearless,	320
Тяжесть томила	with heart heavy as stone	
застывшее сердце,	hard and lifeless,	

Но откуда такая	uncomprehending	
тоска, не ведал он.	his coming torment.	
Крикнул он храбро,	There he cried with courage,	
взбодриться тщась:	comfort seeking:	
«Ло! Ворочусь я тотчас же	'Lo! quickly will I come	
из чертогов далеких,	from the court's afar,	
Не войдя еще в возраст,	I will long ere manhood	
смогу привесть к Морвен	lead to Morwen	325
С сокровищем без счету –	great tale of treasure	
соратников верных», -	and true comrades.'	
Ни судьбы он не сведал,	He wist not the weird	
сотканной Морготом,	woven of Morgoth,	
Ни разлуки тоскливой,	nor the sundering sorrow	
что пролегла впереди.	that them swept betwe	en,
Поцелуи последние,	as farewells they took	
прощальные речи	with faltering lips.	
Уже угасли	The last kisses	
на устах дрогнувших,	and lingering words	330
Отзвучали напутствия;	are over and ended;	
пуста лощина	and empty is the glen	
Посреди пущи;	in the dark forest,	
пропала усадьба	where the dwelling fac	led
Средь разросшихся крон.	in trees entangled.	
Воскресло в Турине	Then in Túrin woke	
Сердце смятенное –	to woe's knowledge	
к скорби безудержной.	his bewildered heart,	
Зарыдал он страдальчески,	that he wept blindly	
пробуждая эхо,	awakening echoes	335
Тоскливо вторили	sad resounding	
темные долы.	in sombre hollows,	
Стенал он: «Не в силах я	as he called: 'I cannot,	
расстаться с тобой,	I cannot leave thee.	
О! Матушка Морвен!	O! Morwen my mother,	
Что мыслишь услать меня?	why makest me go?	
Холмы немилы,	The hills are hateful,	
где меркнет надежда.	where hope is lost;	
О! Морвен, матушка,	O! Morwen my motĥer,	
не умерить слез мне:	I am meshed in tears,	340
Ибо долы недобры,	for grim are the hills	
и дом мой далек».	and my home is gone.	•
Отзывались слова его	And there came his cries	
под сводами темными	calling faintly	
Чащи черной –	down the dark alleys	
печальным отзвуком;	of the dreary trees,	
, ,	,	

107

К плачущей слезно на холодном пороге, Неслось из-за леса: «Далек мой дом». Пути вели тяжкие, оплетенные мороком, За холмы Хитлума, в хранимое королевство, Сокрытое в сердце лесов Дориатских. Дети людей в нужде ли, по прихоти ль, Никогда доселе тех дорог не искали; Лишь Берен бестрепетный, не боялся чащ он, Ни лесов, ни лощин, ни ледяных гор, Бродил, где вздумает, пределов не зная, -И доныне немногие вслед за ним хаживали. Поведал Турину то предание Халог Что в «Лэ о Лейтиан, Избавлении от Оков» Вязью словесной верно соткалось: О Берене Эрмабведе, бесстрашном сердцем; Как к Лутиэн легконогой любовь в нем проснулась В чаще чудесной; он, чарами скован, Тинувиэлью нарек ее, нежней ее голос Чем песнь соловьиная под пологом зыбким Тканых тенет туманного сумрака

В звездном узоре,

со взором сияющим,

that one there weeping
weary on the threshold
heard how the hills said
'my home is gone.'
345

* * *

The ways were weary and woven with deceit o'er the hills of Hithlum to the hidden kingdom deep in the darkness of Doriath's forest. and never ere now for need or wonder had children of Men chosen that pathway, save Beren the brave who bounds knew not to his wandering feet nor feared the woods or fells or forest or frozen mountain, and few had followed his feet after. There was told to Túrin 355 that tale by Halog that in the Lay of Leithian, Release from Bonds, in linkéd words has long been woven, of Beren Ermabwed, the boldhearted; how Lúthien the lissom he loved of yore in the enchanted forest chained with wonder - 360 Tinúviel he named her, than nightingale more sweet her voice, as veiled in soft and wavering wisps of woven dusk shot with starlight,

with shining eyes

Танцевала дева –	she danced like dreams	
как видения отблеск,	of drifting sheen,	365
Как перлы переливчатые	pale-twinkling pearls	
в полутемных глубинах.	in pools of darkness;	
Из любви к Лутиэн	how for love of Lúthien	
лес он покинул:	he left the woods	
На подвиг опасный	on that quest perilous	
послал его Тингол,	men quail to tell,	
Сквозь жуть и жажду, –	thrust by Thingol	
сколь ужасна повесть! -	o'er the thirst and terro	r
В Край Скорби;	of the Lands of Mourning;	
о кудрях Лутиэн	of Lúthien's tresses,	370
И о магии Мелиан,	and Melian's magic,	
и немыслимых подвигах,	and the marvellous dee	ds
Свершенных следом	that after happened	
под сводами Ангбанда,	in Angband's halls,	
О бегстве сквозь бескрайние	and the flight o'er fell	
болота и чащи,	and forest pathless	
Когда Кархарот,	when Carcharoth	
клык безжалостный,	the cruel-fangéd,	
Волк-стражник	the wolf-warden	
Врат Скорби,	of the Woeful Gates,	375
Чье нутро пожрало	whose vitals fire	
грозное пламя,	devoured in torment	
Их с рыком преследовал	them hunted howling	
(руку Берену	(the hand of Beren	
Он отгрыз у запястья:	he had bitten from the wrist	
храбрец сжимал в ней	where that brave one he	eld
Несказанное диво,	the nameless wonder,	
номский кристалл,	the Gnome-crystal	
Где свет живой	where light living	
волшбою замкнут,	was locked enchanted,	380
Сама суть цвета.	all hue's essence.	
С сердцем выжженным,	His heart was eaten,	
Объят безумьем,	and the woods were filled	
бушевал волк средь чащи	with wild madness	
В муке немыслимой;	in his dreadful torment,	
во мраке долин	and Doriath's trees	
Древа Дориата,	did shudder darkly	
дрожа, стенали);	in the shrieking glens);	
Как волкодав Хуан,	how the hound of Hithlum,	
Хитлумский пес,	Huan wolf-bane,	385
Поспешил на травлю,	to the hunt hasted	
в помошь Тинголу;	to the help of Thingol,	

108

Чуть заря забрезжила and as dawn came dimly в земле Дориата, in Doriath's woods Убийца убит был, was the slaver slain. но умолкнув, рядом but silent lay Окровавленный Берен лег, there Beren bleeding близок к смерти; nigh brought to death, С поцелуем Лутиэн, till the lips of Lúthien любви исполненным, in love's despair Он очнулся, откликнулся – awoke him to words, и отлетел далече ere he winged afar К ожиданию долгому; to the long awaiting; но дева эльфийская thence Lúthien won him, Вернула вспять его, the Elf-maiden. и волшба подлунная and the arts of Melian, Ее матери Маблуи, her mother Mablui Мелиан-колдуньи; of the moonlit hand, И живут они вечно, that they dwell for ever времени неподвластные; in days ageless Трава не вянет and the grass greys not в вековечных чащах, in the green forest Где вдвоем они бродят – where East or West на Восток ли, на Запад. they ever wander. Чая печаль Then a song he made them облегчить отрадой, for sorrow's lightening, Напев затянул он a sudden sweetness в немом лесу, in the silent wood. Что «Легка, как лист that is 'Light as Leaf on Linden' called, на липе» зовется, В нем радость и грусть whose music of mirth равно смешались and mourning blended И в сердца стучатся. yet in hearts does echo. Так спел им Халог.* This did Halog sing them:*

Шли травы в рост, в тени лесов Звенела Дайрона свирель, В ночи белел болиголов, Омыт лучами лунными; Танцуя, шла Тинувиэль По лиственным коврам лесов, Ночь отзывалась на свирель Невидимыми струнами.

The grass was very long and thin, The leaves of many years lay thick, The old tree-roots wound out and in, And the early moon was glimmering. There went her white feet lilting quick, And Dairon's flute did bubble thin, As neath the hemlock umbels thick Tinúviel danced a-shimmering. 410

390

395

400

^{*} Касательно текстологической истории вставки этого стихотворения в «Песнь» см. Примечание на стр. 120-122.

109

Мерцал рой мотыльков ночных, Объяла темнота листву; Брел Берен из земель чужих, Усталый, опечаленный. Он, словно грезя наяву, В подлунных сумерках ночных Узрел плясунью сквозь листву Как отсвет над прогалиной.

И пали чары на него:
 Он позабыл, что одинок,
В мерцающее волшебство
 Он сделал шаг, не думая:
И танец Берена увлек.
 Бежала дева от него,
А он остался, одинок;
 Сомкнулась тишь угрюмая.

Ему мерещились вокруг Шаги в безмолвии лесов, Из мглы пещер свирели звук Струился, полня Дориат. Но вот увял болиголов, Шурша, осыпались вокруг Уборы буковых лесов, – Уснул осенний Дориат.

Он все искал: вблизи, вдали Под звездами и под луной, Где листья под ноги легли Ночами молчаливыми. Плясунья в дымке ледяной Сверкнула серебром вдали; Туманы стлались, под луной Мерцая переливами.

На взгорье средь нетленных трав Она кружилась, таял мрак; Ей вторил Дайрон, заиграв Вблизи лесной обочины. Гость в танце к деве сделал шаг; Но след ее пропал средь трав, И над холмом сомкнулся мрак – Стремглав бежала прочь она

The pale moths lumbered noiselessly,
And daylight died among the leaves,
As Beren from the wild country
Came thither wayworn sorrowing.
He peered between the hemlock sheaves,
And watched in wonder noiselessly
Her dancing through the moonlit leaves
And the ghostly moths a-following.

There magic took his weary feet,
And he forgot his loneliness,
And out he danced, unheeding, fleet,
Where the moonbeams were a-glistening.
Through the tangled woods of Elfinesse
They fled on nimble fairy feet,
And left him to his loneliness
In the silent forest listening,

Still hearkening for the imagined sound
Of lissom feet upon the leaves,
For music welling underground
In the dim-lit caves of Doriath. 430
But withered are the hemlock sheaves,
And one by one with mournful sound
Whispering fall the beechen leaves
In the dying woods of Doriath.

He sought her wandering near and far 435
Where the leaves of one more year were strewn,
By winter moon and frosty star
With shaken light a-shivering.
He found her neath a misty moon,
A silver wraith that danced afar, 440
And the mists beneath her feet were strewn
In moonlight palely quivering.

She danced upon a hillock green
Whose grass unfading kissed her feet,
While Dairon's fingers played unseen
O'er his magic flute a-flickering;
And out he danced, unheeding, fleet,
In the moonlight to the hillock green:
No impress found he of her feet
That fled him swiftly flickering.
450

 $\frac{109}{110}$

И Берен к ней воззвал с тоской:
 «Тинувиэль, Тинувиэль!» –
Влекомый силой колдовской
К лучистому видению.
Она, в безмолвии земель
Заслышав, как звенит с тоской:
 «Тинувиэль, Тинувиэль!» –
Застыла на мгновение.

И Берен устремился к ней Поцеловал – и в звездах глаз Зажглась любовь; среди теней, Ночами благовонными, Пока свет лунный не угас, Ему кружиться в танце с ней В лучах ее искристых глаз, Под колдовскими кронами.

Встарь Дориат, земля лесов, Был зелен, и лилась свирель, И расцветал болиголов, – Пути туда утеряны, Но Берен и Тинувиэль Танцуют в сумраке лесов, Пусть смолкла Дайрона свирель Навек с приходом Берена.

Так, сердца согревая, спел им Халог, Запертым в зловещем заграждении чащи, В незримых тенетах ночи кромешной. Там томил Турина со товарищи голод, И жажда, и жуть ужасного бегства От волчьих всадников и враждебных орков И тварей Моргота, что таились в чаще. Немели и мокли они ночами бессонными, Хладными, липкими. Лето сгинуло

And longing filled his voice that called 'Tinúviel, Tinúviel,'
And longing sped his feet enthralled Behind her wayward shimmering.
She heard as echo of a spell 455
His lonely voice that longing called 'Tinúviel, Tinúviel':
One moment paused she glimmering.

And Beren caught that elfin maid
And kissed her trembling starlit eyes, 460
Tinúviel whom love delayed
In the woods of evening morrowless.
Till moonlight and till music dies
Shall Beren by the elfin maid
Dance in the starlight of her eyes
In the forest singing sorrowless.

Wherever grass is long and thin,
And the leaves of countless years lie thick,
And ancient roots wind out and in,
As once they did in Doriath,
Shall go their white feet lilting quick,
But never Dairon's music thin
Be heard beneath the hemlocks thick
Since Beren came to Doriath.

This for hearts' uplifting did Halog sing them 475 as the frowning fortress of the forest clasped them and nethermost night in its net caught them. There Túrin and the twain knew torture of thirst and hunger and fear, and hideous flight from wolfriders and wandering Orcs 480 and the things of Morgoth that thronged the woods. There numbed and wetted they had nights of waking cold and clinging, when the creaking winds

В вое ветров;	summer had vanquished	
в волглых лощинах	and in silent valleys	
Капель плакучая	a dismal dripping	
плескала и брызгала	in the distant shadows	485
Под тенью тоскливой	ever splashed and spilt	
трущоб бескрайних	over spaces endless	
С влажных листьев.	from rainy leaves,	
Луч пробивался,	till arose the light	
Скупой и серый,	greyly, grudgingly,	
смутно блеснувший	gleaming thinly	
Сырым рассветом.	at drenching dawn.	
В сети волшебные	They were drawn as flies	
Как мух их манили	in the magic mazes;	
обманы магии.	they missed their ways	490
Плутали без пути они;	and strayed steerless,	
не светили им звезды.	and the stars were hid	
Угасало солнце.	and the sun sickened.	
Сумрачно-строги,	Sombre and weary	
Громоздились горы;	had the mountains been;	
на границах Дориата	the marches of Doriath	
Блуждали беспомощно	bewildered and wayworn	
бездольные странники	wound them helpless	
В дебрях дремучих	in despair and error,	
и духом пали.	and their spirits foundered.	495
Без воды и снеди,	Without bread or water	
сбивши в кровь ноги,	with bleeding feet	
Без сил, слабея,	and fainting strength	
скитались они, думая:	in the forest straying	
Судьба сулит им	their death they deemed it	
сгинуть в чащобах;	to die forwandered,	
Как вдруг рог раздался	when they heard a horn	
средь дерев вдали	that hooted afar	
И лай собачий.	and dogs baying.	
Ло! Склоны сонные	Lo! the dreary bents	500
И распадки мрачные	and hushed hollows	
разбудила охота,	to the hunt wakened,	
Гам и гомон	and echoes answered	
гремели эхом –	to eager tongues,	
То Белег-лучник	for Beleg the bowman	
трубил ликующе.	was blowing gaily,	
Он от дома всех далее	who furthest fared	
уходил в чащи,	of his folk abroad	
Охотясь средь всхолмьев	by hill and by hollow	
и нехоженых падей;	ahunting far,	505

careless of comrades Сторонился он спутников и сборищ шумливых, or crowded halls, Легок как лист, as light as a leaf, 110 как летучий ветер, as the lusty airs 111 as free and fearless Смел и свободен под сенью пустынной, in friendless places. Складно сложен, He was great of growth статен ростом with goodly limbs И ловок и гибок, and lithe of girth, and lightly on the ground 510 легкой поступью Приблизился он к путникам, his footsteps fell ступая по дерну, as he fared towards them all garbed in grey В платье сером, зеленом и буром. and green and brown. 'Who are ye?' he asked. «Кто вы? – вопросил он. – Верно, отверженцы, 'Outlaws, maybe, Прячетесь в пуще, hiding, hunted, от погони бежите?» by hatred dogged?' 'Nay, for famine and thirst «Нет, от жажды и глада we faint,' said Halog, мы чуть живы, - рек Халог. -515 'wayworn and wildered, Плутаем средь пустошей, and wot not the road. пути не ведая. Or hast not heard Ужель не слыхал ты of the hills of slain. о холмах павших, field tear-drenchéd О поле слезном, where in flame and terror где в пламени жутком Моргот пожрал Morgoth devoured и мощь, и доблесть the might and valour Воинств Финвега of the hosts of Finweg and Hithlum's lord? 520 и владыки Хитлума? The Thalion Erithámrod Сам Талион Эритамрод and his thanes dauntless с танами его храбрыми Там сгинул, загублен; there vanished from the earth, гордая жена его whose valiant lady yet weeps in widowhood Днесь живет в гореванье as she waits in Hithlum. вдовою в Хитлуме. Пред тобой – последние Thou lookest on the last из подданных Морвен of the lieges of Morwen, and the Thalion's child И дитя Талиона: к Тинголову двору who to Thingol's court 525 now wend at the word Мы спешим по слову of the wife of Húrin.' супруги Хурина».

«Бодритесь! – рёк Белег	Then Beleg bade them	
и прибавил: – Вверили	be blithe, saying:	
Благие Боги вас	'The Gods have guided you	
заботе надежной.	to good keeping;	
Слыхал я о доме	I have heard of the house	
Хурина бесстрашного,	of Húrin undaunted,	
Не слыхивал кто ж	and who hath not heard	
о холмах павших,	of the hills of slain,	530
О Нирнайт Орнот,	of Nirnaith Ornoth,	
Несчетных Слезах?	Unnumbered Tears!	
В том бою не бился я,	To that war I went not,	
но битву веду	yet wage a feud	
С ордами орков,	with the Orcs unending,	
опасные мои стрелы,-	whom mine arrows fleeting	
Смертоносны, стремительны, -	smite oft unseen	
сражают незримо.	swift and deadly.	
Я – Белег-стрелок	I am the hunter Beleg	
из сокрытого племени;	of the hidden people;	535
Чаща – чертог мой,	the forest is my father	
я – чадо леса».	and the fells my home.'	
Подал он испить им,	Then he bade them drink	
с пояса снявши	from his belt drawing	
Флягу кожаную,	a flask of leather	
налитую доверху	full-filled with wine	
Вином, выжатым	that is bruised from the berries	
на выжженном Юге –	of the burning South –	
Номы его знают,	the Gnome-folk know it,	
из Ногрода гномы	from Nogrod the Dwarves	540
Везут его издали	by long ways lead it	
в земли Севера	to the lands of the North	
Эльфам-изгнанникам,	for the Elves in exile	
что под гнетом рока	who by evil fate	
Не вольны виноградников	the vine-clad valleys	
видеть более	now view no more	
В землях Богов.	in the land of Gods.	
Зажегся костер,	There was lit gladly	
Полыхнуло пламя,	a fire, with flames	
поленья трещали:	that flared and spluttered,	545
Валежник волглый,	of wind-fallen wood	
ветви прогнившие,	that his wizard's cunning	
Сырые и прелые,	rotten, rain-sodden,	
с ревом к жизни	to roaring life	11
Мастерством ли, магией	there coaxed and kindled	11
мгновенно вспыхнули.	by craft or magic;	

Запекли в золе	there baked they flesh in the brands' embers;	
запасенное мясо; Из сумы достал эльф сердцу на радость	white wheaten bread	550
Хлеба пшеничного. Проснулась надежда,	he haled from his wallet till hunger waned	
Насытились странники, но смешались их мысли	and hope mounted, but their heads were mazed	
От вина Дор-Виниона,	by that wine of Dor-Winion	
что в венах струилось; Задремали они мирно	that went in their veins, and they soundly slept	
на мягкой хвое	on the soft needles	
Статных сосен,	of the tall pinetrees	
что взнеслись к небу.	that towered above.	555
Пробудились, дивясь, они: было добрым – утро,	Then they waked and wondered, for the woods were light,	
Леса – светлы,	and merry was the morn	
рассеялась дымка	and the mists rolling	
Под солнцем сияющим.	from the radiant sun.	
Собрались они вскорости	They soon were ready	
В путь неблизкий.	long leagues to cover.	
Повели их тропами,	Now led by ways	
Петлявшими путано	devious winding	
через пущу глухую,	through the dark woodland,	560
По лощинам, ущельям	by slade and slope	
и чащобам топким,	and swampy thicket,	
Дни были долготны,	through lonely days,	
и длинны – ночи;	long-dragging nights,	
Ведомые верно	they fared unfaltering,	1
вожатого славили:	and their friend they blessed	1,
Любой, кроме Белега,	who but for Beleg	
сбился с пути бы Средь мороков магии	had been baffled utterly by the magic mazes	
Мелиан-королевы.		565
Путь показал он	To those shadowy shores	303
к тому прибрежью тенистому,	he showed the way	
Где течет тише	where stilly the stream	
поток пред вратами	strikes before the gates	
Палат пещерных	of the cavernous court	
правителя Дориата;	of the King of Doriath.	
Право прохода им	Over the guarded bridge	
получил через мост;	he gained them passage,	
Благодаря его трижды,	and thrice they thanked him,	
странники думали:	and thought in their hearts	570
. I	0	

«Благи Боги», -'the Gods are good' – что в будущем ждет, had they guessed, maybe, what the future enfolded, Кабы ведали, верно, изверились в жизни бы. they had feared to live. Вот пред троном Тингола To the throne of Thingol трое предстали, were the three now come; И словам дали волю: there their speech well sped, и вежествен был он, and he spake them fair, for Húrin of Hithlum Ибо Хурина Хитлумского he held in honour, за храбрость чествовал, 575 Кого Берен Эрмабвед whom Beren Ermabwed как брата любил; as a brother had loved and remembering Morwen, И о Морвен помня, средь смертных прекраснейшей, of mortals fairest, Не отринул он отрока, he turned not Túrin не отверг с презреньем. in contempt away. Владыка Дориата There clasped him kindly к груди привлек его, the King of Doriath, Ибо Мелиан мужа for Melian moved him вразумила советом, with murmured counsel, 580 and he said: 'Lo, O son И сказал: «О, сын стремительнорукого, of the swifthanded, the light in laughter, Чей смех светел, кто стоек в верности, the loyal in need, Húrin of Hithlum, Хурина Хитлумского, thy home is with me, в хоромах моих, and here shalt sojourn Сыном мне считаясь, здесь станешь жить ты. and be held my son. In these cavernous courts В сих пещерных палатах for thy kindred's sake 585 в память родни твоей, thou shalt dwell in dear love, Пребудешь в почете, till thou deemest it time покуда, в свой срок, К матери Морвен to remember thy mother Morwen's loneliness: не помыслишь вернуться. thou shalt wisdom win Переймешь ты мудрость, для смертных непостижимую, beyond wit of mortals, 112 113 and weapons shalt wield Обращенью с оружием обучат эльфы; as the warrior-Elves, nor slave in Hithlum Не стать рабом в Хитлуме shall be son of Húrin.' 590 сыну Хурина».

There the twain tarried

that had tended the child,

Двое челядинцев,

что радели об отроке,

Отдохнув и окрепнув,	till their limbs were lightened	
отправиться чаяли	and they longed to fare	
Через жуткие чащи	through dread and danger	
к госпоже милой,	to their dear lady,	
Как преданность призывала.	so firm their faith.	
Но пригнула тяжко	Yet frore and grey	
Старость стылая	eld sat more heavy	
седую голову		95
Майльронда дряхлого;	of Mailrond the old,	
мощь его уступала	and his mistress' love	
Любви к хозяйке;	his might matched not,	
летами дряхлый,	more marred by years	
К дому он не надеялся	than Halog he hoped not	
дойти, как Халог.	to home again.	
• •	Then sickness assailed him	
Затмилось его зрение,	and his sight darkened:	
захворал он тяжко.		
Вздыхал он: «Турину	'To Túrin I must turn	00
верой и правдой	1	00
Служить я стану –	he said and he sighed,	
славному отроку».	'to my sweet youngling';	
Но Халог храбрый	but Halog hardened	
к уходу готовился.	his heart to go.	
Получил он в помощь	An Elfin escort	
провожатых-эльфов,	to his aid was given,	
И магию Мелиан,	and magics of Melian,	
и немало злата.	and a meed of gold,	
Вести веселые	and a message to Morwen	
вложили в уста его,	for his mouth to bear, 6	05
Послание к Морвен:	words of gladness	
ее просьба уважена,	that her wish was granted,	,
Привечен и принят	and Túrin taken	
на попечение Турин	to the tender care	
Владыкой Дориата:	of the King of Doriath;	
доброй волей	of his kindly will	
Тингол теперь ее	now Thingol called her	
в Тысячу Пещер	to the Thousand Caves	
Призвал прийти	to fare unfearing	
под призором эльфов,		10
Погостить там, покуда	there to sojourn in solace	10
	till her son be grown;	
подрастает сын ее:	for Húrin of Hithlum	
Ведь Хурин Хитлумский	was holden in mind	
храним в памяти,		
И нет мощи у Моргота	and no might had Morgoth	
там, где Мелиан правит.	where Melian dwelt.	

О походе храброго	Of the errand of the Elves		
Халога с эльфами	and of eager Halog		
В стихах не сказано;	the tale tells not,		
в свой срок пришли они	save in time they came	615	
К порогу Морвен;	to Morwen's threshold.		
там посланье Тингола	There Thingol's message		
Вдове поведали	was said where she sat		
под сводами зала.	in her solitary hall,		
Но внять велению	but she dared not do		
не отважилась Морвен:	as was dearly bidden,		
Дочь, лишь недавно	who Nienor her nursling		
от груди отнятую	yet newly weaned		
Ни покинуть не помышляла,	would not leave nor be led		
ни подвергнуть опасности	on the long marches	620	
На дорогах долгих	To adventure her frailty		
дитя свое малое;	in the vast forest;		
Крови княжьей	the pride of her people,		
древнюю гордость	princes ancient,		
Смирила она, сына	had suffered her send		
уславши к Тинголу	a son to Thingol		
В час отчаянный,	when despair urged her,		
но влачить дни свои,	but to spend her days		
Подаяньем живя	an almsguest of others,		
у владык эльфийских	even Elfin kings,	625	
Претило ей; и теплилась	it little liked her;		
в усталом сердце	and lived there yet		
Надежда робкая,	a hope in her heart		
что воротится Хурин.	that Húrin would come,		
Дом был ей дорог,	and the dwelling was dear		
где издавна жил он,	where he dwelt of old;		
Часто ночами	at night she would listen		
чутко слушала,	for a knock at the doors		113
Ступень не скрипнет ли,	or a footstep falling		114
не стукнут ли двери.	that she fondly knew.	630	
Так соткалась судьба ее –	Thus she fared not forth;		
так осталась Морвен;	thus her fate was woven.		
Но воздала достойно	Yet the thanes of Thingol		
за труды посыльным,	she thanked nobly,		
Свой стыд сокрыла	nor her shame showed she,		
и скудость богатства,	how shorn of glory		
Чтоб наградить как должно	to reward their wending		
данников Тингола.	she had wealth too scant,		
Своим златом последним	but gave them in gift		
оделила эльфов;	those golden things	635	
~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~			

Унесли посланцы	that last lingered, and led they thence	
и шелом Хурина: Иссеченный мечами	a helm of Húrin	
в бессчетных войнах,	once hewn in wars	
	when he battled with Beren	
Где бился он с Береном,	as brother and comrade	
братом по оружию,		
Против темных тварей	against ogres and Orcs	
и толп орочьих.	and evil foes.	
Сталь сероблещущую	Grey-gleaming steel,	C 4 0
сработали в кузнях,	with gold adorned	640
По златому узорочью –	wrights had wrought it,	
вырезали руны	with runes graven	
Победы и мощи;	of might and victory,	
магией полнясь,	that a magic sat there	
От ран и смерти	and its wearer warded	
спасали они ратника;	from wound or death,	
Светло сиял	whoso bore to battle	
в сражении яростном	brightly shining	
Грозный гребень –	dire dragon-headed	
глава драконья.	its dreadful crest.	645
Пусть-де примет его правитель –	This Thingol she bade	
и признательность вдовью.	and her thanks receive.	
Так верный Халог	Thus Halog her henchman	
в Хитлум вернулся,	to Hithlum came,	
А Тинголовы таны,	but Thingol's thanes	
простившись почтительно,	thanked her lowly	
В путь пустились,	and girt them to go,	
хоть пущи и кряжи	though grey winter	
Зима знобкая	enmeshed the mountains	
застлала покровом:	and the moaning woods,	650
Потаенному племени	for the hills hindered not	
не преграда – горы.	the hidden people.	
Ло! Лишь месяц минул –	Lo! Morwen's message	
от Морвен послание	in a month's journey,	
Прозвучало в Дориате:	so speedy fared they,	
посланцы не мешкали.	was spoken in Doriath.	
О Морвен Мелиан	For Morwen Melian	
в мыслях печалилась;	was moved to ruth,	
Принял почтительно	but courteously the king	
правитель шелом тот –	that casque received,	655
Позлащенный подарок –	her golden gift,	055
с приветливым словом.	with gracious words,	
c iipiibci/iiibbiiii c/iobom.	with gracious words,	

who deeply delyed

Доспехов и панцирей	who deeply delved
полные залы	had dungeons filled
Собрал он издревле	with elvish armouries
в оружейнях глубинных,	of ancient gear,
Но, будто скуден сокровищем,	yet he handled that helm
смотрел на шлем тот:	as his hoard were scant:
«Чело славное 1	'That head were high
шелом сей увенчивал,	that upheld this thing 660
На гребне украшен	with the token crowned,
грозным знаком,	the towering crest
Дорломину милым,	to Dorlómin dear,
драконом Севера;	the dragon of the North,
В нем Талион Эритамрод,	that Thalion Erithámrod
что трижды прославлен,	the thrice renowned
Сражался в сечах	oft bore into battle
со свирепым недругом.	with baleful foes.
Кабы в день тот недобрый	Would that he had worn it
надел герой его	to ward his head 665
Оградить голову	on that direst day
от удара погибельного!»	from death's handstroke!'
Тут дума родилась	Then a thought was thrust
в душе у Тингола;	into Thingol's heart,
Призвали Турина	and Túrin was called
и поведали мягко,	and told kindly
Что Морвен, его матушка,	that his mother Morwen '
могучий дар	a mighty thing
Сыну прислала,	had sent to her son,
наследье отцово,	his sire's heirloom, 670 114
Покрыли сталь рунами	o'er-written with runes 115
резчики древности	by wrights of yore
Во дни давние	in dark dwarfland
в державах гномьих, -	in the deeps of time,
Еще смертные Митрима	ere Men to Mithrim
и туманного Хитлума	and misty Hithlum
Не достигли, скитаясь;	o'er the world wandered;
в старину носил его	it was worn aforetime
Праотец праотцев	by the father of the fathers
племени Хурина,	of the folk of Húrin, 675
Чей родитель Гумлин	whose sire Gumlin
передал шлем сыну,	to his son gave it
И с рассеченным сердцем	ere his soul severed
разлучилась душа его.	from his sundered heart -
«То творение Тельхара,	"Tis Telchar's work
труд бесценный,	of worth untold,
* * * * * * * * * * * * * * * * * * *	

Берег шлем ратника its wearer warded от ран и магии; from wound or magic, Спасал от сабли from glaive guarded 680 и секиры острой. or gleaming axe. Так храни шлем Хурина, Now Húrin's helm hoard till manhood и храбро вздень его, to battle bids thee, Как в возраст войдешь, и война позовет тебя. then bravely don it, Со славой носи его!» go wear it well!' Woeful-hearted Скорбя сердцем, did Túrin touch it Турин его тронул, but take it not, но оставил, не взяв: Слаб он был слишком, too weak to wield чтоб сладить с тяжестью. that mighty gear, 685 И оплакивал отрок and his mind in mourning for Morwen's answer ответ Морвен: Затмились его мысли. was mazed and darkened. Немало дней Thus many a day Прошло с той поры: it came to pass так прожил Турин in the courts of Thingol Двенадцать годов for twelve years long во дворце Тингола. that Túrin lived. 690 But seven winters Семи зим сын Хурина their sorrows had laid скорбь изведал, Когда лето ласковое on the son of Húrin when that summer to the world взошло над миром В лучезарном злате – came glad and golden with grievous parting; провозвестник разлуки. nine years followed Девять лет следом в лесах взрастал он, of his forest-nurture, И облегчалась печаль его: and his lot was lightened, for he learned at whiles 695 ведь случалось узнать От захожих путников, from faring folk what befell in Hithlum, что в Хитлуме деется; and tidings were told Несли новости надежные эльфы: by trusty Elves Мол, матушке Морвен how Morwen his mother менее тяжко knew milder days and easement of evil, Живется ныне; невзгод поубавилось; and with eager voice all Nienor named Все Ниэнор называли, the Northern flower 700 нежную деву,

Цветком Севера:	the slender maiden	
светла и прекрасна,	in sweet beauty	
Взрастала сестра его.	now graceful growing.	
Рад был Турин;	The gladder was he then	
Надежда в душе его	and hope yet haunted	
пробуждалась порою.	his heart at whiles.	
Снискал он славу,	He waxed and grew	
став старше годами,	and won renown	
За сердце стойкое	in all lands where Thingol	
и силу телесную	as lord was held	705
Повсюду в пределах,	for his stoutness of heart	
где правил Тингол.	and his strong body.	
Мудрость умножил он	Much lore he learned	
и немалые знания;	and loved wisdom,	
Но нечасто чаянья	but fortune followed	
венчала удача:	him in few desires;	
Вкривь и вкось выходило	oft wrong and awry	
все, за что ни брался он,	what he wrought turnéd,	
Чему рад был – терял,	what he loved he lost,	
крах терпел в желаньях;	what he longed for failed,	710
С трудом сходился	and full friendship	710
с друзьями коротко	he found not with ease,	11.
И мил был немногим;	nor was lightly loved,	11
мрачен обличием,	for his looks were sad;	11
Сумрачен сердцем,	he was gloomy-hearted	
смеялся редко,	and glad seldom	
Злой разлукой	for the sundering sorrow	
	that seared his youth.	
уязвлен в юности.	that scared his youth.	
Войдя в возраст,	On manhood's threshold	
всех превзошел он	he was mighty-thewed	715
В обращенье с оружием;	in the wielding of weapons;	
и обрел мастерство	in weaving song	
В плетении песен,	he had a minstrel's mastery,	
что полнились грустью:	but mirth was not in it,	
Сострадал он недоле	for he mourned the misery	
людей Хитлума.	of the Men of Hithlum.	
Но стократ скорбь его	Yet greater his grief	
усилилась после:	grew thereafter	
С холмов Хитлума	when from Hithlum's hills	
не слыхал уж вестей он,	he heard no more	720
И никто не мог ему	and no traveller told him	
о Морвен поведать.	tidings of Morwen.	
<u> </u>	~	

Той порой рок номов к свершенью близился: Власть Повелителя королевства безжалостного И гнусных гламхот угроза множилась; Гвалт их гремел по угодьям северным, Разор и пламя грозили людям, Кои бились с Бауглиром либо забресть дерзнули За пределы Дорломинских дебрей сосновых, Что звался Хитлумом в злополучном народе. Там замкнул их Моргот; от племен лесных И от Фаэри их отрезали отроги Тени. Не бродил даже Белег в тех неблизких краях, Как привык прежде; ведь полнились чащи Армиями Ангбанда и адской злобой; И гибель гнездилась у границ Дориата; Лишь могучая магия Мелиан-королевы Служила заслоном сокрытому племени.

Дабы боль избыть
 за обиды сородичей,
И скорбь смягчить
 в сердце яростном,
Отчий шелом
 и оружие славное,
Как воинам заповедано,
 взял сын Хурина,
И в дебри подался он
 с дружиной эльфийской;

For those days were drawing to the doom of the Gnomes and the power of the Prince of the pitiless kingdom, of the grim Glamhoth, was grown apace, till the lands of the North were loud with their noise, 725 and they fell on the folk with fire and slaughter who bent not to Bauglir or the borders passed of dark Dorlómin with its dreary pines that Hithlum was called by the unhappy people. There Morgoth shut them in the Shadowy Mountains, 730 fenced them from Faërie and the folk of the wood. Even Beleg fared not so far abroad as once was his wont, for the woods were filled with the armies of Angband and with evil deeds, and murder walked on the marches of Doriath; 735 only the mighty magic of Melian the Queen

To assuage his sorrow
and to sate his rage,
for his heart was hot
with the hurts of his folk,
then Húrin's son
took the helm of his sire
and weapons weighty
for the wielding of men,
and he went to the woods
with warrior-Elves.

from the hidden people.

yet held their havoc

and far in the forest Несли его ноги, his feet led him пусть немного годов ему, into black battle В сражение жаркое, yet a boy in years. в жуткие чащи. Ere manhood's measure На заре зрелости he met and he slew 745 сразил он немало И ангбандских орков, Orcs of Angband и алчных чудищ, and evil things that roamed and ravened Что крались и рыскали on the realm's borders. по краю границы. There hard his life, Не раз его ранили в ратных трудах and hurts he lacked not, the wounds of shaft Калеными стрелами, and the wavering sheen лихо сияющими Серпами сабель, of the sickle scimitars, the swords of Hell. 750 сталью адовой, the bloodfain blades Клинком кровожадным, on black anvils кованым в Ангбанде in Angband smithied, На наковальнях черных; 116 отчаянно бился он, yet ever he smote Не страшась смерти; unfey, fearless, 117 судьба берегла его. and his fate kept him. Thus his prowess was proven Так доказал он доблесть, and his praise was noised добыл хвалу себе, and beyond his years Не по летам великими he was yielded honour, 755 заслугами ратными; for by him was holden Отводил долго он the hand of ruin длань погибельную От Тинголовых подданных, from Thingol's folk, Ту устрашая and Thû feared him, and wide wandered Разносилось повсюду the word of Túrin: слово о Турине: 'Lo! we deemed as dead «Ло! Мертв, мы думали, the dragon of the North, Дракон Севера, Но высоко над воинством but high o'er the host its head uprises, взнеслась глава его, its wings are spread! Крылья раскинулись! Who has waked this spirit Кто дух воскресил тот, Кто в пасти пламенной and the flame kindled of its fiery jaws? пробудил зарево? Or is Húrin of Hithlum Или Хурин Хитлумский стряхнул оковы?» from Hell broken?' And Thû who was throned И Ту на троне, тан могущественный as thane mightiest

При Морготе Бауглире, neath Morgoth Bauglir, кому молвил хозяин: whom that master bade 765 «Разори край 'go ravage the realm of the robber Thingol разбойника-Тингола И затми магию and mar the magic of Melian the Queen', Мелиан-королевы», even Thû feared him. Даже Ту трепетал пред ним, и его таны дрожали. and his thanes trembled. One only was there Лишь один за доблесть в деле ратном in war greater, Почитаем превыше был more high in honour in the hearts of the Elves 770 в помыслах эльфов, Чем Турин, сын Хурина, than Túrin son of Húrin. твердыня Хитлума, tower of Hithlum, Следопыт Белег even the hunter Beleg из сокрытого племени, of the hidden people, whose father was the forest Чаща – чертог его, and the fells his home: он - чадо леса. to bend whose bow. Тугой лук его Balthronding named, встарь рожденный От тиса черного, that the black yewtree наречен Балтрондингом, once bore of yore, 775 had none the might; Согнуть недостало б unmatched in knowledge силы у прочих. of the woods' secrets Сведущ в секретах and the weary hills. скал и чащоб. He was leader beloved Возглавлял он лучников of the light companies легкооружных all garbed in grey В платье сером, зеленом и буром, and green and brown, Как стрелы, стремительных the archers arrowfleet стрелков остроглазых, with eyes piercing, 780 Дозорщиков зорких, the scouts that scoured scorning danger что, не зная страха, afar o'er the fells Вдали разведывали their foemen's lair, вражьи логова, and tales and tidings Вести важные timely won them вовремя добывая: of camps and councils, О советах и станах, of comings and goings, о сборах и вылазках, all the movements of the might О всех маневрах мощи Моргота Бауглира. of Morgoth Bauglir. 785

118

Так Турин, щиту
и стали привержен,
Что рвался открыто
бороться с недругом,
Где мечи лучистые
мечут пламя,
И в броне блестящей
его братья по оружию
Разят внезапно,
западни избегая.

Хвалы неслись к королю Дориата Сражениям жарким на рубежах дальних; Шел толк о Турине в Тинголовых залах: Как Белег нестареющий брата и друга Обрел в отважном отроке чернокудром Из народа разгромленного. Король призвал их, Чуть вылазки орочьи во внешних землях Поутихнут, почаще приходить и без зова Пировать и праздновать, и петь баллады, Воскрешая в музыке веселье минувшее В пору, пока еще не постарела луна И земли были молоды – на заре мира.

Раз сидел Турин
за столом королевским,
За деянья его доблестные
благодарен был Тингол;
Гул голосов,
гомон и смех
Звучали над бессчетными
чашами с медом,

Thus Túrin, who trusted
to targe and sword,
who was fain of fighting
with foes well seen,
where shining swords
made sheen of fire,
and his corslet-clad
comrades-in-arms
were snared seldom
and smote unlooked-for. 790

Then the fame of the fights on the far marches was carried to the courts of the king of Doriath, and tales of Túrin were told in his halls, of the bond and brotherhood of Beleg the ageless with the blackhaired boy from the beaten people. 795 Then the king called them to come before him did Orc-raids lessen in the outer lands ever and often unasked to hasten. to rest them and revel and to raise awhile in songs and lays and sweet music 800 the memory of the mirth ere the moon was old, when the mountains were young in the morning of the world.

On a time was Túrin
at his table seated,
and Thingol thanked him
for his thriving deeds;
there was laughter long
and the loud clamour
of a countless company
that quaffed the mead

Вина Дор-Виниона вольно лились В златые кубки. от изысканных яств Столы ломились; пылали факелы Под потолками крепкими, на каменных стенах. Радость царила там; менестрели звонкие Пели песни о престольном Коре, Что Тайнгветиль, гора исполинская, Осеняет отвесно; об освещенных чертогах, Где благие боги бдят над миром С береженых прибрежий бухты Фаэри. Спел один об убийстве в Лебединой Гавани, О злом проклятье, что легло на родичей...

and the wine of Dor-Winion that went ungrudged in their golden goblets; and goodly meats there burdened the boards neath blazing torches in those high halls set that were hewn of stone. 810 There mirth fell on many; there minstrels clear did sing them songs of the city of Côr that Taingwethil towering mountain o'ershadowed sheerly, of the shining halls where the great gods sit and gaze on the world 815 from the guarded shores of the gulf of Faërie. One sang of the slaying at the Swans' Haven and the curse that had come on the kindreds since

Здесь машинописный текст II«В» резко обрывается на середине страницы; рукописный текст II«А» уже закончился на строке 767.

.

ПРИМЕЧАНИЯ

Первая страница машинописного текста этой части поэмы, содержащая строки 248–295, перепечатана в двух экземплярах, причем в один из них (b) перенесены правки, сделанные в другом (a), и добавлены новые изменения. Соответствующий текст II«А» начинается только со строки 283.

248 *in the land of Mithrim* [в земле Митрима] (а), и в печатном тексте (b). Исправление в (b) восстанавливает формулировку первой версии (105), *in the Land of Shadows* [в Земле Теней].

119 265 Dairon's sister [сестра Дайрона] (а), и в печатном тексте (b).

266–268 Эти три строки были вставлены в (b), с изменением *who had danced* [что танцевала] 269 на *had danced* [танцевала]. См. ниже, Примечание к стихотворению «Легка, как лист на липовой ветке».

273 Ermabweth [Эрмабвет] (а), и в печатном тексте (b). Исправление в (b) на Ermabwed [Эрмабвед] является возвращением к форме имени в «Утраченных сказаниях» и в первом варианте поэмы (121).

274–278 Печатный текст (а) практически совпадал с первым вариантом строк 122–125. Затем этот фрагмент был заменен на:

did win her to wife,
who once of old
fellowship had vowed
and friendly love
Elf with mortal,
even Egnor's son
with Húrin of Hithlum,
hunting often
by the marge of Mithrim's
misty waters.
Thus said she to her son...

добыл ее себе в жены, который некогда встарь поклялся в братстве и дружественной любви, эльф – смертному, сын Эгнора – Хурину Хитлумскому, охотясь часто у кромки митримских туманных вод.

Так сказала она своему сыну...

После того данный отрывок был перепечатан в (b), с изменением hunting often [охотясь часто] на hero dauntless [герой бесстрашный]. Впоследствии строка Elf with mortal, even Egnor's son [эльф – смертному, сын Эгнора] была вычеркнута, и добавились еще несколько мелких изменений, как можно видеть в опубликованном тексте.

294 Mailrond [Майльронд]: Mailgond [Майльгонд] II«А», II«В»; я привожу вариант Mailrond, учитывая изменения в строках 319, 596.

319 *Mailrond* [Майльронд]: *Mailgond* [Майльгонд] II«А», и в печатном тексте II«В», карандашом исправлено на *Mailrond*; так же в строке 596.

356 Release from Bondage [Избавлении от Рабства] в печатном тексте II«В» (изменение на Release from Bonds [Избавлении от Оков] сделано из соображений метрики. В II«А» отсылки к «Лэ о Лейтиан» нет, но в этом месте рукопись настолько обрывочна и несвязна, что на нее ориентироваться невозможно.

358–366 Эти девять строк напечатаны на листке бумаги, вклеенном в II«В», в качестве замены следующего вычеркнутого фрагмента:

how Lúthien the lissom
he loved of yore
in the enchanted forest
chained with wonder
as she danced like dreams
of drifting whiteness
of shadows shimmering
shot with moonlight;

как Лутиэн гибкую полюбил он встарь, в зачарованном лесу, скованный удивлением, когда она танцевала подобно грезам из плывущего белого блика, из теней мерцающих, пронизанных лунным светом;

В первой строке (358) вклейки brave undaunted [храбрый неустрашимый] было исправлено на the boldhearted [храбрый сердцем]; а над Ermabwed [Эрмабвед] вписано (позже, карандашом) Er(h)amion [Эр(х)амион].

120

374 Carcharoth [Кархарот]: Carcharolch [Кархаролх] II«А», и в печатном тексте II«В».

398–402 Эти пять строк напечатаны на листке, вклеенном в II«В» одновременно с листком, содержащим строки 358–366; но в данном случае в исходной рукописи ничего заменено не было. Строка 400 в печатном тексте:

that 'Light as Leaf on Lind' is called /что «Легка, как лист на липе» зовется/

исправлена на вариант, приведенный в книге.

Под пятью печатными строками мой отец приписал: «Далее следует стихотворение "Легка, как лист на липовой ветке"».

Примечание к стихотворению «Легка, как лист на липовой ветке»

Строки 266–268 (см. примечание выше) со всей очевидностью были добавлены одновременно с двумя вклейками (содержащими строки 358–366 и 398–402), как можно судить по строке 268 who light as leaf on linden tree [которая легка, как лист на липовом дереве].

Данное стихотворение, здесь включенное в «Песнь о детях Хурина», представлено тремя машинописными рукописями (далее обозначенными (а), (b), (c)) и рукописной страничкой небольшого размера, содержащей переработанную предпоследнюю строфу. Эти машинописные экземпляры были отпечатаны с помощью все той же фиолетовой ленты, использованной для текстов I«В» и II«В» «Песни» и, несомненно, датируются тем же самым периодом.

Экземпляр (a), самый ранний из трех, не содержит напечатанного заголовка; заглавие *Light as leaf on lind* [Легка, как лист на липе] вписано чернилами, и непосредственно перед началом стихотворения также чернилами добавлено:

На этом машинописном экземпляре мой отец сделал несколько пометок касательно датировки стихотворения: «впервые начато – Оксфорд 1919–1920, Альфред-ст.», «Лидс 1923, подправлено 1924». Вариант (а) датируется1923 годом; от более позднего (1924) он отличается только предпоследней строфой, касательно которой см. прим. к строкам 459–466 ниже.

Вариант (b) тоже не имеет заглавия в машинописи, но *As Light as Leaf on Lindentree* [Легка, как лист на липовом дереве] было вписано чернилами. Он начинается пятнадцатью строками аллитерационного стиха:

В «Лэ о Лейтиан,
Избавлении от Оков»,
вязью словесной
верно поведано
о Берене Эрмабведе,
бесстрашном и смелом;
как к Лутиэн легконогой
любовь в нем проснулась

In the Lay of Leithian,
Release from Bondage
in linkéd words
has long been wrought
of Beren Ermabwed,
brave, undaunted;
how Lúthien the lissom
he loved of yore

121

in the enchanted forest в чаще чудесной; chained in wonder. 5 он, чарами скован, Tinúviel he named her, Тинувиэлью нарек ее, than nightingale нежней ее голос, чем песнь соловьиная, more sweet her voice, as veiled in soft под пологом зыбким and wavering wisps тканых тенет туманного сумрака of woven dusk shot with starlight, в звездном узоре, со взором сияющим, with shining eves she danced like dreams танцевала дева -10 как видения отблеск, of drifting sheen, как перлы переливчатые pale-twinkling pearls в полутемных глубинах. in pools of darkness. Песни пелись And songs were raised for sorrow's lightening, порою безмолвной, час печали a sudden sweetness in a silent hour, облегчая отрадой, that 'Light as Leaf что «Легка, как лист on Linden-tree' на липовой ветке» were called - here caught звались, - здесь звучит их зыбкое эхо. a cadent echo. 15

Вариант (c) в машинописи озаглавлен *As light as Leaf on Lind* [Легка, как лист на липе], причем последнее слово было исправлено на *Linden-tree* [липовое дерево]. В нем содержится только текст самого стихотворения, без аллитерационного вступления; текст идентичен варианту (b).

Как можно видеть, в аллитерационном фрагменте из (b) строки 1–2 очень близки к строкам 356–357 «Песни» (изначально содержавшимся в машинописном тексте, а не вставленным позже):

(There was told to Túrin that tale by Halog) that in the Lay of Leithian, Release from Bonds, [< Bondage] in linkéd words has long been woven (Турину была рассказана эта повесть Халогом) что в «Лэ о Лейтиан», «Избавлении от Оков» [< Рабства] в сплетенных словах лавно была соткана

в то время как строки 3–11 идентичны тем, что содержатся на первом из вклеенных листков, 358–366 (в печатном тексте: *the boldhearted* [бесстрашном сердцем] в строке 358 заменило собою *brave undaunted* [бесстрашном и смелом]). Далее, строки 12–15 близки к тем, что содержатся на второй вклейке, 398–402:

Then a song he made them for sorrow's lightening, a sudden sweetness in a silent hour, that is 'Light as Leaf on Linden' called, 400

Тогда он сложил им песнь для облегчения страданий, внезапную отраду в безмолвный час, что «Легка, как лист на липе» зовется,

whose music of mirth and mourning blended yet in hearts does echo. This did Halog sing them: музыка ее из радости и скорби слита, и однако в сердцах отзывается эхом. Так спел им Халог:

Последовательность событий установить крайне трудно, но ключом, по-видимому, служит тот факт, что строки 356–357 содержатся в II«В» в исходном машинописном тексте, а не во вклеенной вставке. Я думаю (или скорее догадываюсь), что мой отец сочинил аллитерационное продолжение из 13 строк (начиная с of Beren Ermabwed, brave undaunted [о Берене Эрмабведе, бесстрашном и смелом] в качестве вступления к стихотворению «Легка, как лист на липовой ветке»; а затем, тогда же, когда он перепечатал текст (b) данного стихотворения, вместе с аллитерационной «заставкой», он добавил их в уже существующую машинописную рукопись «Песни».

Стихотворение «Легка, как лист на липовой ветке» было опубликовано в «Грифоне» (Лидский университет), Новая Серия, т. VI, №6, июнь 1925 г., стр. 217. Там ему предшествуют девять аллитерационных строк, начинающихся с: "Tis of Beren Ermabwed brokenhearted... [О Берене Эрмабведе, с разбитым сердцем...] и продолжающихся в точности как в (b) выше (и в тексте «Песни») вплоть до in pools of darkness [в заводях тьмы]; последние четыре строки отсутствуют. В вырезке из «Грифона» мой отец изменил broken-hearted [с разбитым сердцем] (это со всей очевидностью просто-напросто ошибка наборщика) на the boldhearted [смелый сердцем] (как в «Песни», 358); изменил заголовок на «Легка, как лист на липовой ветке»; и вписал Erchamion [Эрхамион] над Ermabwed [Эрмабвед] (см. прим. к строкам 358–366).

Текст стихотворения-вставки, приведенный в составе «Песни» соответствует опубликованному и идентичен машинописным экземплярам (b) и (c). Впоследствии мой отец внес в (c) лишь несколько правок (то есть уже после того, как стихотворение было напечатано в «Грифоне»); они приводятся в примечаниях ниже, равно как и ранние варианты предпоследней строфы.

Наконец, стоит отметить, что, если мои выводы справедливы, включение в «Песнь» упоминания о «Лэ о Лейтиан» и краткого изложения Халогом сюжета предшествовало публикации стихотворения «Легка, как лист на липовой ветке» в июне 1925 г.

419 magic [магия] > wonder [изумление], позднее исправление, внесенное в машинописный текст (с) стихотворения «Легка, как лист на липовой ветке» уже после его публикации.

424 fairy [волшебных, т.е. как у фейри] > elvish [эльфийских], см. прим. к 419.

459, 464 elfin [эльфийскую] > elvish [эльфийскую], см. прим. к 419.

459–466 В машинописном тексте (а) эта предпоследняя строфа выглядит так:
And Beren caught the elfin maid
And kissed her trembling starlit eyes:

И поцеловал ее трепещущие
подсвеченные звездами глаза:

 $\frac{121}{122}$

The elfin maid that love delayed Эльфийскую деву, которую любовь заставила помедлить Во дни за пределами нашей памяти. In the days beyond our memory. Till moon and star, till music dies, Пока луна и звезда, пока музыка не угаснут, Shall Beren and the elfin maid Будут Берен и эльфийская дева Dance to the starlight of her eyes Танцевать под звездное сияние ее глаз And fill the woods with glamoury. И наполнять леса волшебством. Единственная рукописная страница (с адресом «университет, Лидс) содержит два промежуточных варианта строфы между той, что содержится в (а) и окончательной версией. Первый вариант таков: Ere Beren caught the elfin maid Прежде, чем Берен поймал эльфийскую And kissed her trembling starlit eyes И поцеловал ее трепещущие подсвеченные звездами глаза -Tinúviel, whom love delayed Тинувиэль, которую любовь заставила помедлить In the woven woods of Nemorie Среди сплетенных лесов Немори, In the tangled trees of Tramorie. Среди спутанных деревьев Трамори. Till music and till moonlight dies Покуда музыка и покуда лунный свет не угаснут, Shall Beren by the elfin maid Будет Берен рядом с эльфийской Dance in the starlight of her eyes Танцевать в звездном сиянии ее глаз And fill the woods with glamoury. И наполнять леса волшебством. 122 123 Для строк 4 и 8 предлагаются также варианты: In the woven woods of Glamoury [Среди сплетенных лесов Гламори] O'er the silver glades of Amoury [На серебристых полянах Амори] Ere the birth of mortal memory [До рождения памяти смертных] And fill the woods with glamoury. [И наполнять леса волшебством.] Я не в силах пролить свет на эти названия. Второй вариант приближается к окончательному, в строках 4 и 8 данной строфы:

In the land of laughter sorrowless [В земле смеха беспечального] > In spells enchanted sorrowless [Зачарованную заклятьями беспечальными]

In eve unending morrowless [Бесконечным вечером, который никогда не сменится завтрашним днем]

Конечные варианты строк тоже вписаны здесь же. Эта переработка предпоследней строфы – вне сомнения, «подправление» 1924 г., о котором шла речь в пометке в машинописном тексте (а) (см. стр. 120).

475 did Halog sing them [Халог спел им]: did Halog recall [Халог вспомнил] в печатном тексте II«В». Данное исправление внесено тогда же, когда было вставлено стихотворение «Легка, как лист на липовой ветке»; в первоначальной рукописи эта строка следовала за строкой 397, в конце рассказа Халога.

520 Finweg [Финвег] в II«В» не исправлено; см. прим. ко второму варианту, строка 19.

531 Nirnaith Únoth [Нирнайт Унот] II«А», и в печатном тексте II«В». См. прим. ко второму варианту, строка 26.

550 haled [вытащил] подчеркнуто в II«В», и в качестве замены вписано неразборчивое слово, возможно, had [имел].

576 Ermabweth [Эрмабвет] II«А», и в печатном тексте II«В». Ср. строка 273.

596 Mailrond [Майльронд]: см. прим. к строке 319.

658 elfin [эльфийскими] II«В», elvish [эльфийскими] в печатном тексте II«В».

767 Здесь заканчивается рукопись II«А».

811 $\hat{Cor}$ [Кор] исправлено карандашом на $\hat{Tun}$ [Тун], но название $\hat{Tun}$ впоследствии вычеркнуто. В первом варианте (I«В», строка 430) так же, но там исправление $\hat{Tun}$ не вычеркнуто.

812 Taingwethil [Тайнгветиль]: Tengwethil [Тенгветиль] в печатном тексте. В первом варианте I«В» значится Tain- вместо Ten- в строках 431, 636, но в строке 1409 в I«В» значится Ten- там, где в I«А» – Tain-.

На поздней стадии здесь сделана карандашная пометка: «по-английски *Tindbrenting*» (см. комментарии, стр. 127).

 $\frac{123}{124}$

Комментарии к Части II второго варианта «Воспитания Турина»

(і) Отсылки к истории Берена и Лутиэн

Во второй части второго варианта ключевое нововведение – это, безусловно, история Берена и Лутиэн, поведанная Турину его провожатым Халогом, когда они заплутали в лесу; сразу же вспоминается, как Арагорн рассказывает то же самое предание своим спутникам на Заветери перед нападением Кольцепризраков («Братство Кольца», І. 11); а с включением в текст стихотворения «Легка, как лист на липовой ветке», исходного варианта той самой песни, что Арагорн поет на Заветери, становится ясно, что эпизод «Властелина Колец» непосредственно восходит к данному фрагменту поэмы.

В строке 264 (изначально содержащейся в тексте, а не добавленной впоследствии) впервые возникает имя *Путиэн* для дочери Тингола, так что Тинувиэль становится ее прозвищем (данным ей Береном, строка 361). Вставные строки

266–267 заставляют предположить, что слово Тинувиэль означало 'Облаченная в звездную мантию', и это кажется вполне правдоподобным (см. І. 269, статья «Тинвэ Линто»; в номском словаре, относящемся к тому же времени, что и «Утраченные сказания», как ни странно, ничего не говорится о значении имени *Тинувиэль*). С другой стороны, в добавленной строке 361 столь же ясно подразумевается, что оно означает «Соловей». Объяснить это непросто.*

Исходный вариант строки 265, «сестра Дайрона», восходит к «Сказанию о Тинувиэли», где Дайрон приходится сыном Тинвелинту (II. 10).

Выше я отмечал (стр. 25), что строки 178–179 в первом варианте поэмы и никогда вплоть до нынешнего времени, в силу нужды или из любопытства, дети людей не выбирали эту тропу

свидетельствуют: на тот момент Берен все еще являлся эльфом, а не человеком; но при том, что эти строки без каких-либо изменений вошли и во второй вариант (349–350), смысл их преображается благодаря новой, следующей сразу за ними строке – «кроме отважного Берена», которая столь же недвусмысленно подтверждает, что Берен – человек, а не эльф. На тот момент мой отец, со всей очевидностью, еще не пришел к окончательному мнению по этому поводу. В строках 273 и далее второго варианта (где речь идет о дружбе Берена с Хурином) он изначально повторил строки 122–125 первой версии, где на этот счет ничего не говорится; но при первой редактуре данного фрагмента (см. прим. к строкам 274–278) он однозначно написал, что Берен – эльф:

(Берен), который некогда встарь поклялся в братстве и дружественной любви, эльф – смертному, сын Эгнора – Хурину Хитлумскому...

Поскольку мой отец переписал исходный текст II«В», он предположительно отошел от данной концепции (что Берен – человек), выраженной в строках 349–350; в то время как при следующей редактуре этого отрывка, избавившись от строки «эльф – смертному, сын Эгнора», он, по всей вероятности, к ней вернулся.

В рассказе Халога о Берене и Лутиэн заметен ряд отличий от версий «Сказания о Науглафринге» и «Лэ о Лейтиан». Под «магией Мелиан», упомянутой в строке 371, предположительно подразумевается осведомленность Мелиан касательно того, где Берен находится; ср. «Сказание о Тинувиэли» II. 17: «О матушка

^{*} Возможное, хотя и довольно изощренное объяснение состоит в том, что строки 266–268 на самом-то деле были вписаны в текст не тогда же, когда добавились две вклейки (со строками 358–366 и 398–402), как я предполагал (стр. 120), но раньше. Согласно этому взгляду, когда были созданы строки 266–268, *Тинувиэль* еще не являлось именованием Лутиэн в устах Берена, но было ее общепринятым прозванием, известным «близко и далеко» (266), и означало «Облаченная в звездную мантию». Позже, когда к тексту добавились строки 358–366, оно превратилось в имя, данное возлюбленной Береном (361), и стало означать «Соловей». Если все произошло именно так, можно также предположить, что строка 268, «которая легка, как лист на липовом дереве» дало стихотворению заголовок.

моя Гвенделинг, открой мне своим волшебством, если то под силу тебе, что с Береном?» Вероятное объяснение упомянутого позже в этом же отрывке «искусства Мелиан» (393) в связи с возвращением Берена от смерти к жизни силами Лутиэн будет приведено дальше. Но ни в одной другой версии легенды нет и намека на то, что Кархарот «преследовал» Берена и Лутиэн (377) после того, как проглотил кисть Берена, сжимающую Сильмариль – более того, все было наоборот: от «Сказания о Тинувиэли» (II. 34) «Тогда Тинувиэль и Берен бросились от ворот прочь, стремительно, как ветер, однако обезумевший Каркарас далеко обогнал их» до «Сильмариллиона» (стр. 219): «Завывая, волк бросился бежать от них». (Форма Кархарот здесь появляется впервые, заменив собою вариант Кархаролх, который нигде более не встречается; в «Сказании о Тинувиэли» используется форма Каркарас (в написании Каrkaras и (во втором варианте) Carcaras).

Что еще более важно, в строках 395-397

что живут они вечно, во днях нестареющих, и трава не жухнет в зеленом лесу, где на Восток или на Запад они вечно странствуют

по всей видимости, излагается концепция «посмертной» жизни Берена и Лутиэн, существенно отличающаяся от той, что представлена в «Сказании о Науглафринге» (II. 240), где судьба смертных, провозглашенная Мандосом, постигла их очень быстро (как и в «Сильмариллионе», стр. 226–227):

и на сей раз не вместе прошли они эту дорогу, ибо, когда был их ребенок, Диор Дивный, еще мал, начала Тинувиэль медленно истаивать ..., и исчезла в лесах, и никто больше не видал ее танцующей среди деревьев. Берен обошел все земли Хитлума и Артанора, ища ее, и никто из эльфов не был столь одинок, как он, пока он тоже не начал истаивать и не ушел из жизни ...

Однако, как бы мы ни истолковывали этот аспект, строки «Песни» со всей очевидностью ассоциируются с финалом стихотворения «Легка, как лист на липовой ветке»:

 $\frac{125}{126}$

До тех пор, пока не исчезнут лунный свет и музыка, Станет Берен рядом с эльфийской девой Танцевать в звездном свете ее глаз В лесу, распевая беспечально.

Ср. финал песни, которую Арагорн пел на Заветери:

Моря Разлук пролегли между ними, И однако ж наконец они встретились снова, И давным-давно они ушли, В лесу распевая беспечально.

(ii) Драконий шлем и предки Хурина

Старший из провожатых Турина, в первом варианте именуемый по-прежнему Гумлином, теперь назван (Майльгонд >) Майльронд; а Гумлином теперь зовут отца Хурина, о котором прежде даже не упоминалось (иначе как в первом вари-

анте применительно к Драконьему шлему, который назван «наследием» Хурина, 318). Во втором варианте Драконий шлем

был носим прежде

праотцами праотцев народа Хурина, чей родитель Гумлин вручил его сыну,

прежде чем его душа отделилась от рассеченного сердца. (674–677)

Последняя строка заставляет предположить, что история отца Хурина уже возникла; а строка 675 подразумевает длинную череду предков в родословной Хурина – как и строка 622, «гордость ее народа, древних князей», подразумевает то же самое в отношении Морвен. Трудно сказать, как на тот момент мой отец представлял себе первые поколения людей; рассмотрение этого вопроса стоит отложить.

Драконий шлем как таковой начинает обрастать предысторией: он был сделан в темной земле гномов, в глубинах времени,

до того, как люди в Митрим и в туманный Хитлум,

скитаясь по всему миру, забрели (672-674)

и является творением Тельхара (678), здесь поименованного впервые. Но в тексте все еще нет никакого указания на значимость гребня в виде дракона.

Строки 758–762 («Ло! Мы почитали мертвым дракона Севера .... Или Хурин Хитлумский из Ада вырвался?»), соответствий которым в первом варианте нет, явственно предвосхищают «Нарн», стр. 79:

И слух прошел по лесам и разнесся за пределы Дориата, что вновь появился Драконий Шлем Дор-ломина. И многие дивились, говоря: «Неужто дух Хадора или Галдора Высокого восстал из мертвых? Или то воистину Хурин Хитлумский вырвался из бездн Ангбанда?»

126 127

(ііі) Разное

Любопытные упоминания о Белеге из первого варианта поэмы («сын глуши, не знавший отца», см. стр. 25) вновь появляются и во втором варианте, но в измененном виде, и в одном случае слова вложены в уста самого Белега: «лес – мой отец», 536, ср. 772. «Белег нестареющий» вошел и во второй вариант (793), и в строках 544 и далее он, подобно Гандальву, демонстрирует способность разжечь костер из сырых дров «с колдовским искусством» (ср. «Братство Кольца» II. 3).

Наконец-то обрел имя могучий лук Белега: *Балтрондинг* (773; позже *Бельтрондинг*).

Теперь мы узнаем, что крепкое вино Дор-Виниона, которым Белег поделился с путниками и которое пили на роковом пиру в Тысяче Пещер, привозилось в Северные земли из Ногрода гномами (540–541); и что в Валиноре существовало виноградарство (543–544), хотя после описания жизни в чертогах Тулкаса и Оромэ в сказании «Пришествие валар» (І. 75) это не вызывает удивления – ведь говорится, что Несса, жена Тулкаса, разносила «кубки самого доброго вина», а Меассэ расхаживала среди воинов своего чертога и «тех, кто терял сознание, приводила в себя крепким вином» (І. 78).

Во втором варианте рассказа о том, как приняли Турина в Дориате, содержится любопытная подробность, нигде более не встречающаяся, а именно: благоволение короля отчасти объясняется вмешательством Мелиан:

ибо Мелиан сподвигла его, шепотом подав совет. (580)

Из описания пира, на котором Турин убил Оргова, «песни сынов Инга» первого варианта (строка 421) теперь исчезают вовсе.

Хронология юности Турина во втором варианте слегка меняется. В первом, как и в «Сказании» (см. стр. 25), Турин прожил семь лет в Дориате, пока от Морвен все еще приходили вести (строка 333); теперь этот срок растягивается до девяти лет (строка 693), как в «Сильмариллионе» (стр. 241).

Наконец, рядом со строкой 812, сделана карандашная приписка напротив названия *Тайнгветиль* (Таникветиль): «по-английски *Tindbrenting*». Это название встречается в заметках о древнеанглийских формах эльфийских имен и названий (см. стр. 87), *Tindbrenting be ha Brega Taniquetil nemnað* («Тимбрентинг, что валар называют Таникветиль»; др.-англ. *bregu* 'король, владыка, правитель' = 'вала'). Возможно, оно происходит от древнеанглийского *tind* 'острый выступ, зубец' (совр. англ. *tine*) и *brenting* (производное от *brant* 'крутой, возвышенный'), здесь использованного в незафиксированном значении (*brenting* в письменных древнеанглийских источниках встречается лишь единожды, в «Беовульфе», где означает 'корабль').

Стихотворения, связанные с поэмой «Дети Хурина»

Существует стихотворение, сохранившееся в трех рукописях, все – на «оксфордской» бумаге (см. стр. 81), в котором мой отец переработал фрагменты строк 2082–2113 из поэмы «Дети Хурина» в небольшое самостоятельное произведение. Первый текст не имеет заголовка и выглядит так:

Красное лето Уступило осени; ураганы с запада Листву посрывали с ветвей натужных, Лес устлали поблекшим золотом, В буром багрянце погребли подножия. Шорох и шелест в обширных нефах Ропща, реяли. Серебряный Ялик, Месяц мерцающий с мачтой хрупкой Пламенем полнился, что полыхающий горн, -

The high summer waned to autumn, and western gales the leaves loosened from labouring boughs. The feet of the forest in fading gold and burnished brown were buried deeply; a restless rustle down the roofless aisles sighed and whispered. The Silver Wherry, the sailing moon with slender mast was filled with fires as of furnace hot;

5

 $\frac{127}{128}$

И тепло летнее	its hold hoarded	
залито в трюмы,	the heats of summer,	10
И ванты свиты	its shrouds were shaped	
из света огнистого, -	of shining flame	
Воспрял он,	uprising ruddy	
рдея над кромкой Вечера,	o'er the rim of Evening	
Близ призрачных пристаней	by the misty wharves	
у пределов мира.	on the margin of the world	d.
Зима надвинулась;	Then winter hastened	
злобилась непогода,	and weathers hardened,	
Слякоть и снег,	and sleet and snow	
и струи дождя	and slanting rain	15
С серых, бессолнечных,	from glowering heaven,	
суровых небес	grey and sunless,	
Ветром взвихрены,	whistling whiplash	
вервием хлестким	whirled by tempest,	
Секли и стегали	the lands forlorn	
сирые земли:	lashed and tortured:	
Исторглись потоки,	floods were loosened,	
тусклые воды	the fallow waters	
Мчались в мощи	sweeping seaward,	
к морю далекому,	swollen, angry,	20
Плавником полнясь,	filled with flotsam,	
пеной вскипая,	foaming, turbid	
Бушевали бешено.	passed in tumult.	
У Буря утихла:	The tempest failed:	
Мороз нагрянул	frost descended	
с кряжей далеких	from the far mountains,	
Стылой сталью.	steel-cold and still.	
Сверкая кремнем,	Stony-glinting	
Вечер отверзся	icehung evening	
в завесе льдистой –	was opened wide,	25
Сводом хрустальным	a dome of crystal	
над вечным безмолвием	over deep silence,	
Безветреных высей;	the windless wastes,	
дерева застыли	the woods standing	
Мерзлыми мороками	frozen phantoms	
в мерцании звезд.	under flickering stars.	
т тердини обеод.		

Напротив deeply [глубоко] в строке 5 приводится thickly [густо] в качестве альтернативного варианта, и напротив Wherry [ялик] в строке 7 приводится vessel [судно].

Первые тринадцать строк этого отрывка почти полностью совпадают со строками 2082–2094 «Песни», отличаясь от них лишь несколькими мелкими поправками (по большей части внесенными с одной и той же целью: мой отец неизменно стремился сделать аллитерационные строки более сжатыми

и лаконичными). Далее строки 14–16 представляют собою переделку строк 2102–2104; 17 – новая строка; 18 содержит часть строки 2119; 19–22а основаны на 2106–2109а; 22b–24 – новые строки; и 25–28 почти не отличаются от строк 2110–2113.

Второй вариант стихотворения, значительно переработанный, озаглавлен «Гроза над Нарогом». В эту версию в изначально записанном виде вошли строки 14–15 из первого варианта, но они были изменены и расширены до трех; а третий текст, под заголовком «Зима приходит в Нарготронд», представляет собой копию второго вместе с этим изменением и еще одной-двумя мелкими поправками. Здесь я привожу третий из текстов.

 $\frac{128}{129}$

Зима приходит в Нарготронд

Лето лениво в лесу печальном

Померкло, поблекло.

Поднялись на западе Ветра, вея

над валами воинственными;

Листву посрывало

с ветвей натужных;

Погребло, падая,

подножья дерев,

Раздетых и рослых,

рдяное злато,

Что с шуршаньем и шелестом в обширных нефах

Слой за слоем стлалось.

Сияющий челн

Молодого месяца

с мачтой хрупкой

С вантами, свитыми

из света искристого,

Воспрял, рдея

у кромки Вечера

Близ призрачных пристаней

у пределов мира.

Звенели рога:

то зима рыскала

В чащах печальных;

исчадием злобы

Слякоть спадала,

сыпался град

С серых, бессолнечных,

суровых небес, -

Winter comes to Nargothrond

The summer slowly

in the sad forest

waned and faded.

In the west arose

winds that wandered

over warring seas.

Leaves were loosened

from labouring boughs:

fallow-gold they fell,

and the feet buried

C. 1:

of trees standing

tall and naked,

rustling restlessly

down roofless aisles,

shifting and drifting.

The shining vessel

of the sailing moon

with slender mast,

with shrouds shapen

of shimmering flame,

uprose ruddy

on the rim of Evening

by the misty wharves

on the margin of the world.

With winding horns

winter hunted

in the weeping woods,

wild and ruthless;

sleet came slashing,

and slanting hail

from glowering heaven

grey and sunless,

15

10

25

5

whistling whiplash Ветром взвихрены, что вервие хлесткое. whirled by tempest. На волю вырвавшись, The floods were freed воды бурые and fallow waters Мчались в мощи sweeping seaward, к морю далекому, swollen, angry, filled with flotsam, Плавником полнясь, пеной вскипая. foaming, turbid, Бушевали бешено. passed in tumult. Буря утихла: The tempest died. Frost descended Мороз нагрянул from far mountains с кряжей далеких steel-cold and still. Стылой сталью. Сверкая кремнем Stony-glinting icehung evening Вечер отверзся was opened wide, в завесе льдистой a dome of crystal Сводом хрустальным over deep silence, над вечным безмолвием, Над безветреной высью over windless wastes and woods standing и деревами, застывшими Что мерзлые мороки as frozen phantoms under flickering stars. в мерцании звезд.

*

На оборотной стороне стихотворения «Зима приходит в Нарготронд» записаны следующие стихи, основанные на строках 1554–1570 «Песни». Это произведение никак не озаглавлено.

С волнами моря воды Сириона, -С серыми складками – струи зеленые, -Смешались шумливо. Слетаются чайки, На совет сбираются стаи птичьи, Стонет скорбно сонм белокрылый Голосами бессчетными в песчаной стране: Поля и пригорья пепельно-желтые, Иссушены солнцем, под соленым ветром Шурша, порошатся. Широко тянется

With the seething sea Sirion's waters, green streams gliding into grey furrows, murmurous mingle. There mews gather, seabirds assemble in solemn council, whitewingéd hosts whining sadly with countless voices in a country of sand: plains and mountains of pale yellow sifting softly in salt breezes. sere and sunbleached. At the sea's margin

Полоса гальки	a shingle lies,	
у гряды прибоя;	long and shining	10
Песок – как перлы	with pebbles like pearl	
или пыль мраморная,	or pale marble:	
В волнах пенных,	when the foam of waves	
что плещут по ветру,	down the wind flieth	
Горит и искрится;	in spray they sparkle;	
сбрызнут к вечеру,	splashed at evening	
Под луною блещет,	in the moon they glitter;	
плачет и стонет,	moaning, grinding,	
Во мрак рушится,	in the dark they tumble;	
с рокотом катится;	drawing and rolling,	15
Шторм широкогрудый	when strongbreasted storm	
штурмует неистово	the streams driveth	
Стены суши –	in a war of waters	
в сражении вод.	to the walls of land.	
Властелин Океана	When the Lord of Ocean	
в громогласные трубы	his loud trumpets	
Трубит в бездне,	in the abyss bloweth	
на бой скликая	to battle sounding,	
Длинновласые воинства	longhaired legions	
на взмыленных скакунах:	on lathered horses	20
Поводья – вспенены,	with backs like whales,	
спины – китовые,	bridles spuming,	
Храпят и рвут	charge there snorting,	
водоросли-удила;	champing seaweed;	
В грохоте гулком –	hurled with thunder	
гром барабанов;	of a hundred drums	
Кони буйствуют бешено;	they leap the bulwarks,	
бастионы песчаные	burst the leaguer,	
Сметают стремительно,	through the sandmountains	
сокрушают преграды,	sweeping madly	25
Вверх по реке с ревом	up the river roaring	
рвутся в бешенстве.	roll in fury.	

Последние три строки позже были взяты в скобки.

*

Здесь стоит упомянуть, что существует поэма, написанная рифмованными двустишиями, под названием «Дети Хурина». Она насчитывает всего-навсего 170 строк и резко обрывается после короткого пролога, основанного на вступлении к более позднему варианту аллитерационной «Песни», и неоконченной второй части под заголовком «Битва Бессчетных Слез и проклятие Моргота». Однако эта поэма относится к гораздо более позднему периоду – приблизительно к тому времени, когда, в начале 1930-х гг., автор прервал работу над «Лэ о Лейтиан», написанным тем же размером, и здесь я ее не привожу.

НЕОКОНЧЕННЫЕ ПОЭМЫ, ЗАБРОШЕННЫЕ НА РАННЕЙ СТАДИИ

Во время своего пребывания в Лидском университете мой отец взялся за пять отдельных поэтических произведений, основанных на мифологическом материале; но три из них не продвинулись дальше вступительного фрагмента. В этой главе речь пойдет о каждом из них по очереди.

(i) «Бегство нолдоли»

По всей видимости, не сохранилось никаких точных указаний на датировку этого небольшого произведения, написанного аллитерационным стихом, относительно «Детей Хурина» (хотя стоит отметить, что уже в самом раннем из трех текстов «Бегства нолдоли» сын Феанора Крантир поименован именно так, в то время как эта форма возникла лишь как исправление варианта «Крантор» в машинописном тексте «Песни» (строка 1719)). Однако, как по общему ощущению, так и по отдельным деталям, становится ясно, что «Бегство нолдоли» относится к тому же самому времени; и поскольку очень маловероятно, что (с одной стороны) мой отец взялся бы за новую аллитерационную поэму, не отложив предыдущую, или что (с другой стороны) он бы вернулся к этому типу стихосложения, уже целиком и полностью погрузившись в работу над длинной поэмой, написанной парнорифмованными двустишиями, я полагаю, что, скорее всего, «Бегство нолдоли» датируется началом 1925 г. (см. стр. 3, 81).

У каждой из трех рукописей поэмы («А», «В» и «С») свое название: «А» озаглавлена «Бегство номов, как о нем поют в Чертогах Тингола»; «В» – «Бегство номов» (название вписано позже карандашом); «С» – «Бегство нолдоли из Валинора». В «А» содержатся исправления, которые вошли и в текст «В»; в «В» содержатся исправления, вошедшие в «С»; почти все они представляют собою характерные метрические / глагольные перестановки, как, например, в строке 17:

«A» in anguish mourning [в тоске оплакивая] изменено на вариант текста «В»; «В» and in anguish mourn [и в тоске оплакивают] изменено на вариант текста «С»; «С» mourning in anguish [оплакивая в тоске].

Как в большинстве случаев в данной книге, ранние варианты, не имеющие отношения к именам или сюжету, не приводятся. Все три версии заканчиваются на одном и том же моменте, однако еще три строки неразборчиво вписаны на полях рукописи «А» (см. примечание к строке 146).

Здесь я привожу текст третьей версии, «С».

132	— БЕГСТВО НОЛДОЛИ ИЗ ВАЛИНОРА	THE FLIGHT OF THE NOLDOLI FROM VALINOR
	А! Древа Света,	A! the Trees of Light,
	дивные, статные,	tall and shapely,
	Серебро и золото,	gold and silver,
	убранство зорь,	more glorious than the sun,
	Лунный луч волшебный,	than the moon more magical,
	над лугом Богов	o'er the meads of the Gods
	Цветоносные кущи,	their fragrant frith
	некогда яркие,	and flowerladen
	Рощи душистые	gardens gleaming,
	в радостном зареве,	once gladly shone. 5
	Угасли, погублены.	In death they are darkened,
	Гроздья опали	they drop their leaves
	С сучьев иссохших,	from blackened branches
	иссушенных Морготом	bled by Morgoth
	И Унголиант гнусной.	and Ungoliant the grim
	Мглы Прядильщица	the Gloomweaver.
	В обличье паучьем	In spider's form
	блеклые ночи,	despair and shadow
	Леденящий страх,	a shuddering fear
	унылую тень	and shapeless night 10
	Свивает в завесы	she weaves in a web
	зловонного яда,	of winding venom
	Удушливо-дымные.	that is black and breathless.
	Опадают ветви,	Their branches fail,
	Свет и смех листвы	the light and laughter
	стихли, угасли.	of their leaves are quenched.
	В залах Могучих,	Mirk goes marching,
	безмолвных, покинутых,	mists of blackness,
	Стелется сумрак	through the halls of the Mighty
	сетью черной.	hushed and empty, 15
	Тьма заткала	the gates of the Gods
	Врата Богов.	are in gloom mantled.
	Ло! Эльфы ропщут,	Lo! the Elves murmur
	рыдая скорбно,	mourning in anguish,
	Но не возгореться	but no more shall be kindled
	радости Кора	the mirth of Côr
	Над тропами Туна,	in the winding ways
	над толщей стен,	of their walled city,
	Над короной твердынь.	towercrownëd Tûn,
	Горящие светочи	whose twinkling lamps 20

Затоплены тьмою.	are drowned in darkness.		
Тусклые длани	The dim fingers		
Стылых туманов	of fog come floating		
от пустыни тянутся,	from the formless waste		
От померкшего моря.	and sunless seas.		
Музыка рога,	The sound of horns,		
Конских копыт	of horses' hooves		
клацанье звонкое	hastening wildly		
В безнадежной погоне	in hopeless hunt,		
дали тревожат –	they hear afar,	25	
То гнусных виновников	where the Gods in wrath		
гневные Боги	those guilty ones		
Сквозь липкую мглу,	through mournful shadow,		
как прилив накатившую	now mounting as a tide		
На Блаженные земли, –	o'er the Blissful Realm,		
ужасны в ярости,	in blind dismay		
Гонят без устали.	pursue unceasing.		
В городе эльфов	The city of the Elves		
Толпы мятутся.	is thickly thronged.		
На плетениях лестниц,	On threadlike stairs	30	
Точеных, хрустальных,	carven of crystal		
бессчетные факелы	countless torches		
Сияют и светят,	stare and twinkle,		
сумрак пятная;	stain the twilight		
Блестят балюстрады	and gleaming balusters		
из берилла зеленого.	of green beryl.		
Ропот гулкий	A vague rumour		
голосов резких	of rushing voices,		
Будит, тревожит	as myriads mount		
обители дивные, –	the marble paths,	35	
Уступы Туна,	there fills and troubles		
стены жемчужные –	those fair places		
То тысячи всходят	wide ways of Tûn		
тропами мрамора.	and walls of pearl.		
1 1	1		
В толпы смятенные	Of the Three Kindreds		
из Трех Народов	to that clamorous throng		132
В великом числе	are none but the Gnomes		133
собрались лишь номы.	in numbers drawn.		
Эльфы Инга	The Elves of Ing		
в ясные залы	to the ancient halls	40	
И звездные кущи	and starry gardens		
в зареве светлом	that stand and gleam		
<u>*</u>	č		

На Тимбрентинг,	upon Timbrenting
на тронную гору	towering mountain
В тот день поднялись,	that day had climbed
к одетым тучами	to the cloudy-domed
Чертогам Манвэ,	mansions of Manwë
для радостных песен.	for mirth and song.
Там Бредиль Благословенная	There Bredhil the Blessed
в убранстве синем,	the bluemantled, 45
Леди высот,	the Lady of the heights
что белее снегов	as lovely as the snow
В сиянии сонма	in lights gleaming
созвездий искристых,	of the legions of the stars,
Владычица вечная	the cold immortal
льдистых гор,	Queen of mountains,
Грозная, дивная,	too fair and terrible
далека, недоступна	too far and high
Для взоров смертных,	for mortal eyes,
в залах Манвэ	in Manwë's court 50
Внимала молча	sat silently
музыке песен.	as they sang to her.
Пенные Всадники,	The Foam-riders,
племя вод,	folk of waters,
Эльфы плесов,	Elves of the endless
эху открытых,	echoing beaches,
Лазурных лагун,	of the bays and grottoes
заливов и гротов,	and the blue lagoons,
Песков серебряных,	of silver sands
пересыпанных хрусталями,	sown with moonlit, 55
Что свет вобрали	starlit, sunlit,
солнца и звезд;	stones of crystal,
Напоенными пламенем	paleburning gems .
опалами и жемчугами,	pearls and opals,
На побережье искристом,	on their shining shingle,
где ныне рыщут тени,	where now shadows groping
Смех смирили,	clutched their laughter,
в скорби уняли	quenched in mourning 60
Восторг и веселье;	their mirth and wonder,
влачились горестно	in amaze wandered
У стылых скал,	under cliffs grown
слабо взывая,	cold calling dimly,
Или ждали, дрожа,	or in shrouded ships
на ладьях сумрачных,	shuddering waited

Ибо свету снова не сиять вовеки.	for the light no more should be lit for ever.	
А номы, сочтены по именам и родству, Пришли, призваны, на площадь великую На вершине Кора. Там взывал громко Сын Финна яростный. Факелы жаркие	But the Gnomes were numbered by name and kin, marshalled and ordered in the mighty square upon the crown of Côr. There cried aloud the fierce son of Finn. Flaming torches he held and whirled	65
Вознес он ввысь, вращая в руках, – В тех руках искусных, что сокрытую тайну Ремесла постигли;	in his hands aloft, those hands whose craft the hidden secret knew, that none	
ни смертный, ни ном Ни умение их, ни магию не переймет никогда. «Ло! повержен отец мой	Gnome or mortal hath matched or mastered in magic or in skill. 'Lo! slain is my sire	70
вражьим мечом; Смерть испил он у стен чертогов, У сокровищниц крепких, где, сокрыты во мгле,	by the sword of fiends, his death he has drunk at the doors of his hall and deep fastness, where darkly hidden	
Хранились те Три несравненных камня, Что не создадут заново ни Девять валар,	the Three were guarded, the things unmatched that Gnome and Elf and the Nine Valar	75
Ни ном, ни эльф; не дано возродить их Ни магией, ни умением; замены им не исполнит	can never remake or renew on earth, recarve or rekindle by craft or magic, not Fëanor Finn's son	
Сам Феанор, сын Финна, что форму придал им. Жар утрачен	who fashioned them of yo the light is lost	re – 133
Жар утрачен, зажегший их встарь, Рок свершился над родом Фаэри.	whence he lit them first, the fate of Faërie hath found its hour.	80
Так мудрость от недомыслия сумела снискать Зависть Богов, что заперли нас	Thus the witless wisdom its reward hath earned of the Gods' jealousy, who guard us here	

В сладостных клетках –	to serve them, sing to them	
прислуживать, петь им,	in our sweet cages,	
Гранить им камни,	to contrive them gems	0.5
побрякушки занятные,	and jewelled trinkets,	85
Досуг их скрашивать	their leisure to please	
красою обличия;	with our loveliness,	
Они ж на ветер бросают	while they waste and squander	
вековые творения;	work of ages,	
Не могут Моргота	nor can Morgoth master	
превозмочь, созывая	in their mansions sitting	
Совет за советом!	at countless councils.	
Все, в ком живы	Now come ye all,	
Надежда и доблесть,	who have courage and hope!	
идите на зов мой,	My call harken	90
К бегству, к свободе	to flight, to freedom	
в забытых землях!	in far places!	
Чащобы мира –	The woods of the world	
чертоги раздольные,	whose wide mansions	
Что дремлют издревле,	yet in darkness dream	
одетые мраком;	drowned in slumber,	
Равнины вольные,	the pathless plains	
сокровенные берега,	and perilous shores	
Где лунный луч	no moon yet shines on	
не льется доселе,	nor mounting dawn	95
Заря в убранстве	in dew and daylight	,,,
росном не блещет, –	hath drenched for ever,	
Стопам бесстрашных	far better were these	
пристали более,	for bold footsteps	
Чем кущи Богов	than gardens of the Gods	
в оковах тьмы,	gloom-encircled	
Оплот праздности,	with idleness filled	
где пусты – дни.	and empty days.	
Да! Свет сиял там;	Yea! though the light lit them	
их краса запредельная	and the loveliness	100
Превыше помыслов	beyond heart's desire	100
в плену нас держала	that hath held us slaves	
Здесь годы и годы.		
Но угас тот свет.	here long and long.	
	But that light is dead.	
Сокровища сгинули,	Our gems are gone,	
самоцветы украдены,	our jewels ravished;	
А Три, мои Три,	and the Three, my Three,	
трижды заклятые	thrice-enchanted	
Сферы хрустальные,	globes of crystal	105
светом немеркнущим	by gleam undying	105

Зажжены, наполнены ожившим заревом, Переливчатым блеском пламени ярого – Моргот замкнул их в мрачной крепости, – Мои Сильмарили. Сим словом навеки Оковы крепкие клятвы приемлю: Тимбрентингом и чертогами вечными Бредиль Благословенной, ее обителью горной, – Да услышь она слово! – спешить клянусь я Через весь мир и море, не мысля об отдыхе, Через гряды горные и угодья бескрайние, Через трясины и скалы, и снежные бури, Чтоб сыскать самоцветы, в коих судьбы замкнуты И сокрыт рок народа Эльфланда; Лишь в их сердце сияет ныне свет первозданный».	illumined, lit by living splendour and all hues' essence, their eager flame – Morgoth has them in his monstrous hold, my Silmarils. I swear here oaths, unbreakable bonds to bind me ever, by Timbrenting and the timeless halls of Bredhil the Blessed that abides thereon – may she hear and heed – to hunt endlessly unwearying unwavering through world and sea, through leaguered lands, lonely mountains, over fens and forest and the fearful snows, till I find those fair ones, where the fate is hid of the folk of Elfland and their fortune locked where alone now lies the light divine.'	110 115	
И семь сынов его высокого рода: Крантир темный, Куруфин искусный, Дамрод и Дириэль, и дивный Келегорм, Маглор могучий и Майдрос статный (Старший; страсть в нем сильней полыхала Гнева отцовского, огня Феанора; Доля недобрая поджидала его), –	Then his sons beside him, the seven kinsmen, crafty Curufin, Celegorm the fair, Damrod and Díriel and dark Cranthir, Maglor the mighty, and Maidros tall (the eldest, whose ardour yet more eager burnt than his father's flame, than Fëanor's wrath; him fate awaited with fell purpose),	120	134 135

Все вышли, встали	these leapt with laughter	
вкруг отца, смеясь,	their lord beside,	
Взялись за руки,	with linkëd hands	
поклялись легко	there lightly took	
Крепкою клятвой,	the oath unbreakable;	
что крови впоследствии	blood thereafter	
Пролила ливни,	it spilled like a sea	
лезвия затупила	and spent the swords	130
Воинств несметных,	of endless armies,	
но жива и поныне.	nor hath ended yet:	
«Будь он друг или враг,	'Be he friend or foe	
или грязный отпрыск	or foul offspring	
Моргота Бауглира,	of Morgoth Bauglir,	
или немудрый смертный,	be he mortal dark	
Что в день грядущий	that in after days	
придет на землю,	on earth shall dwell,	
Ни право, ни преданность,	shall no law nor love	
ни помощь Богов,	nor league of Gods,	135
Ни мощь, ни милость,	no might nor mercy,	
ни мрачный рок	not moveless fate,	
Не охранят вовек его	defend him for ever	
от смертоносной мести	from the fierce vengeance	
Сынов Феанора,	of the sons of Fëanor,	
– кто б ни унес, не добыл,	whoso seize or steal	
Кто б не завладел бы, найдя,	or finding keep	
дивными, колдовскими	the fair enchanted	
Сферами света,	globes of crystal	
слава коих не меркнет, -	whose glory dies not,	140
Сильмарилями.	the Silmarils.	
Все слышали клятву!»	We have sworn for ever!'	
И громом могучий	Then a mighty murmuring	
гул раскатился,	was moved abroad	
И смятенные толпы	and the harkening host	
подхватили клич:	hailed them roaring:	
«В путь же! Да, в путь!	'Let us go! yea go	
Прочь от Богов	from the Gods for ever	
Следом за Морготом,	on Morgoth's trail	
через скалы мира,	o'er the mountains of the world	145
К победе и к мести!	to vengeance and victory!	
Обет ваш – принят!»	Your vows are ours!	

Здесь поэма заканчивается (но см. примечание к строке 146).

*

ПРИМЕЧАНИЯ

- 41 starry gardens [звездные сады] «С», starlit domes [осиянные звездами купола] «А», «В».
- 42 Tengwethil's [(гора) Тенгветили] «А» (на полях вписано Timbrenting [(гора) Тимбрентинг] Timbrenting's [(гора) Тимбрентинга] «В»; Timbrenting [(гора) Тимбрентинг] «С» (на полях вписано Taingwethil [Тайнгветиль]). См. примечание к «Детям Хурина» (второй вариант»), строка 812.
- 45 *Bridhil* [Бридиль] «А», «В», «С», исправлено в «С» на *Bredhil* [Бредиль]; также в строке 112.
- 107 and all hues' essence [и сущностью всех оттенков]: это полустишие (в форме all hue's essence [и всей сущностью цвета] также встречается во втором варианте «Детей Хурина», строка 381: это высказывание относится к Сильмарилю Берена.
- 111 Tengwethil (клянусь) Тенгветилью] «А»; Timbrenting [(гора) Тимбрентингом] «В», «С».
- 134 that in after days on earth shall dwell [что в последующие дни станут жить на земле]: эта строка позже в «С» взята в скобки карандашом.
- 146 На последней странице «А» на полях неразборчиво вписаны три строки, не вошедшие ни в «В», ни в «С» которые, по всей видимости, следуют за строкой 146:

Но Финвег вскричал, Финголфина сын, чуть увидел отец его, что совет добрый, что мысль и мудрость не в милости боле: «Глупцы

But Finweg cried
Fingolfin's son
when his father found
that fair counsel,
that wit and wisdom
were of worth no more:
'Fools

Комментарии к «Бегству нолдоли»

Как ни печально, что эта поэма была оставлена так рано, – ведь, блестяще владея аллитерационным стихом, мой отец мог бы дальше рассказать о Братоубийстве в Алквалондэ, о Пророчестве Севера, о переходе через Хелькараксэ и о сожжении кораблей, – тем не менее, эти несколько строк представляют немалый интерес для изучения развития легенды. Прежде всего, именно здесь появляется самая ранняя формулировка Феаноровой клятвы. Впервые Клятва упоминалась в набросках к «Рассказу Гильфанона» (І. 238, 240):

Семь Сынов Феанора дали ужасную клятву вечной ненависти ко всем: к Богам, эльфам или людям, кто бы ни завладел Сильмарилями.

Но принесена она была после прихода эльфов из Валинора и после смерти Феанора. В настоящей поэме впервые возникает версия о том, что Клятва была дана

в Валиноре до ухода номов. О ней также упоминалось в первом варианте «Детей Хурина», строки 631 и далее, где подразумевалось, что в свидетели призывалась гора Тайн-Гветиль – как и в «Сильмариллионе» (стр. 102): здесь (строка 111) сам Феанор клянется Тимбрентингом в том, что вовеки не отступится от погони за Сильмарилями.

Я не в силах объяснить, почему строка 134:

что в последующие дни будет жить на земле

в «С»-тексте была взята в скобки (это всегда означает, что строка подлежит удалению или хотя бы вряд ли останется как есть). Эта строка дословно повторяется в «Лэ о Лейтиан» (Песнь VI, 1636); ср. «Сильмариллион»: «будь то вала, демон, эльф или не родившийся еще смертный».

Постоянные эпитеты некоторых из Сынов Феанора изменились в сравнении с теми, что приведены в «Детях Хурина» (см. стр. 86): Келегорм теперь «прекрасный» [the fair], Майдрос «высокий» [the tall], таковыми они и останутся; а Маглор «могучий» [the mighty] (в «Сильмариллионе» «могучий певец» [mighty singer]. Строка касательно Майдроса:

его поджидала судьба с недобрым намерением (126)

возможно, свидетельствует, что история его гибели уже сложилась (в «Сказании о Науглафринге» он выжил в нападении на Диора Прекрасного, но ничего больше о нем не говорится); но мне кажется, что, скорее всего, речь идет о том, как Моргот захватил его в плен и изувечил.

В словах Феанора содержатся две любопытных отсылки: к Девяти валар и к его отцу Финну. В «Утраченных сказаниях» точное число валар нигде не называется (в любом случае, это понятие включает в себя и меньшие божественные сущности; ср., напр., І. 65–66: «Пришло с ними множество меньших вали <...> манир и сурули, сильфы воздуха и ветров»); но «Девять валар» упомянуты в «Очерке мифологии» (1926) и поименованы в «Сильмариллионе» 1930 г.: Манвэ, Улмо, Оссэ, Аулэ, Мандос, Лориэн, Тулкас, Оромэ и Мелько.

Отец Феанора нигде не был назван по имени со времен сказания «Воровство Мелько и Затмение Валинора» (І. 145 и далее): а там он именовался Бруитвиром и был убит Мелько. В «Детях Хурина» не содержится никакого указания на то, что Феанор в родстве с прочими владыками номов – хотя не приходится сомневаться, что к тому времени это именно так и было. Но теперь можно выявить ключевые черты королевского дома нолдор в том виде, в каком он сложился на тот момент, и каким ему суждено было оставаться на протяжении многих лет. В первом варианте «Детей Хурина» (строка 29 и примечание) Тургон приходился сыном Финвэ (в написании Финвег), как и в «Утраченных сказаниях» (І. 115), но теперь, в результате внесенного исправления, стал наследником Финвэ, с пометкой: «он был сыном Финголфина»; а во втором варианте «Тургон могучий, / сын Финголфина» значится уже в исходном варианте текста (48–49). Таким образом, получается:

 $\frac{136}{137}$

Финвэ (Финвег) Финголфин Тургон

Далее, Финвег появляется в «Детях Хурина» (первый вариант 1975, второй вариант 19, 520) как король номов, что погиб в Битве Бессчетных Слез; в двух из этих случаев имя было впоследствии переправлено на Фингон. В строках, добавленных в конце «А»-текста «Бегства нолдоли» (примечание к строке 146) Финвег приходится сыном Финголфину. Таким образом, мы можем добавить:

Теперь в «Бегстве нолдоли» Феанор назван сыном Финна; а в «Очерке мифологии» имя «Финн» приводится как альтернативное для Финвэ:

Эльдар поделены на три отряда: одни, под началом Ингвэ (он же Инг) <...>; другие, под началом Финвэ (он же Финн), впоследствии прозывались нолдоли...* Тем самым Феанор становится братом Финголфина:

(Лишь в позднем примечании к строкам 1713-1720 «Детей Хурина» появился третий сын Финвэ, Финрод, отец Фелагунда, Ангрода, Эгнора и Ородрета).

В речи Феанора содержится также любопытное предвидение создания Солнца и Луны (92–96):

> Леса мира, чьи обширные чертоги до поры спят во мраке, погруженные в дрему; на нехоженые равнины и опасные побережья до поры не светит луна, и встающий рассвет росой и дневным светом не напитал их покамест...

Примечательны также заключительные слова Феанора (117–118):

пока я не отыщу те прекрасные [камни], в коих судьба сокрыта народа Эльфийской земли и замкнут рок эльфов...

Ср. «Сильмариллион», стр. 87: «Мандос же предсказал, что судьбы Арды заключены в сих кристаллах», и слова Тингола к Берену (там же, стр. 200): «И хотя в Сильмарилях заключена судьба Арды – считай, что щедрость моя не имеет границ». Со всей очевидностью, Сильмарили обрели куда большую значимость со времен раннего периода мифологии (см. І. 156, 169, прим. 2; ІІ. 259).

^{*} В «Сильмариллионе» 1930 г. специально оговаривается, что Инг и Финн – это формы имен Ингвэ и Финвэ на языке номов.

139

Только в этой версии и нигде более в данном эпизоде Феанор держит в руках пламенеющие факелы и вращает ими над головой.

Строки (38-39):

Из Трех Народов в ту гомонящую толпу никто, кроме номов, в большом количестве не сходился

восходят к сказанию «Бегство нолдоли» (І. 162): «И видит Феанор, что большинство здесь – из рода нолдор». По поводу этой фразы я отмечал (І. 169): «Необходимо напомнить, что по старой версии телери (т.е., в более поздней, ваньяр) не покидали Кор». Более поздние свидетельства подтверждают, что исходная история не менялась; но тот факт, что в настоящей поэме «эльфы Инга» (Ингвэ) находились на Тимбрентинге (Таникветили) в чертогах Манвэ и Варды, демонстрирует появление более позднего сюжета (представленного в «Очерке») об уничтожении Дерев. В раннем сказании «Воровство Мелько и Затмение Валинора» (І. 143 и далее, и комментарии І. 157) великое празднество послужило поводом для нападения Мелько на место изгнания номов к северу от Валинора, убийства отца Феанора и похищения Сильмарилей; а уничтожение Дерев последовало некоторое время спустя. Теперь, однако, празднество оказывается поводом для нападения на Древа; Первый Род пребывает на Таникветили, но большинство номов – нет.

Имя, которым названа здесь Варда, «Бридиль Благословенная» (в «С» переправлено на «Бредиль») содержится в раннем словаре номского языка, а также и Тимбридиль (І. 270, 252, статьи «Тинветари», «Варда»). Касательно названия *Тимбрентинг* см. стр. 127, где рассматривается форма *Тиндбрентинг*, употребленная в «Детях Хурина» (в примечании ко второму варианту, строка 812). Обе формы представлены в «Очерке»:

Тимбрентинг, или Тиндбрентинг по-английски, Тенгветиль на языке номов, Таникветиль по-эльфийски.

Таким образом, форма, содержащая -*м*, со всей очевидностью возникает благодаря изменению произношения в английском языке: ndb > mb.

В строке 41 изменение раннего варианта starlit domes [озаренные звездами купола] на starry gardens [звездные сады], вероятно, можно соотнести с описанием чертога Манвэ на Таникветили в сказании «Пришествие валар и создание Валинора» (І. 73):

Был тот дом построен из мрамора голубого и белого и стоял посреди снежных полей, а крыши его были сделаны из сплетений того лазурного воздуха, что называется *ильвэ* и лежит над белым и серым слоями. Те сплетения сотворили Аулэ и супруга его, а Варда изукрасила звездами, и Манвэ поселился в том доме.

Это представление о кровле, подсвеченной звездами, никогда не исчезало и в видоизмененном виде возникает много времени спустя, хотя в «Сильмариллионе» не упомянуто.

Строки (21-23):

Тусклые пальцы тумана наплывают от бесформенной пустоши и бессолнечных морей

эхом отзываются в «Сильмариллионе» (стр. 96):

В тот час с Востока потянуло холодом и гигантские тени моря накатили на береговые скалы.

139

Из строк в конце «А»-текста (примечание к строке 146) явствует, что Финголфин заступил на место Финвэ Нолемэ как глашатай разума и сдержанности в разгар революционного энтузиазма нолдоли на обширной площади Кора (см. I. 162, 171).

В заключение следует отметить термин «Пенные Всадники» (строка 52), употребленный по отношению к Третьему Роду (солосимпи «Утраченных сказаний», впоследствии телери); он уже использовался один раз прежде, в «Эльфвине из Англии» (ІІ. 314), где об Эадгиву, матери Эльфвине, говорится, что, когда родился ее сын:

Пеновсадники, Береговые эльфы, которых она знавала в прежние времена в Лионессе, прислали гонцов по случаю его рождения.

Анализ метрики поэмы

В конце второго текста («В») «Бегства нолдоли» мой отец проанализировал метрическую форму первых двадцати и нескольких последующих строк. Касательно его анализа и разъяснения особенностей древнеанглийской метрики см. «О переводе "Беовульфа"» в сборнике «"Чудовища и критики" и другие статьи», 1983, стр. 61 и далее. Буквы А, +А, В, С, D, Е в левом столбце обозначают «типы» древнеанглийского полустишия; буквы под анализом «подъемов» и «спадов» – это аллитерации, задействованные в каждой строке, где О используется для любого гласного (поскольку все гласные «аллитерируют» между собою), а X – для согласного в начале подъема, не задействованного в аллитерационной схеме строки; термины «полная», «простая» и т.д. описывают аллитерационную модель в каждом отдельном случае.

простая	$\frac{1}{T} \stackrel{\checkmark}{\circ} \frac{1}{X} \stackrel{\checkmark}{\circ}$	$\circ \circ \frac{1}{T} \circ \frac{1}{X}$	ВА	1
перекрестная	$G = \frac{1}{G} G = \frac{1}{G} G$	$\frac{1}{G}$ $\frac{1}{S}$	A B	2
полная	$\smile \smile \frac{1}{M} \smile \smile \frac{1}{X}$	$\circ \circ_{\mid \overset{/}{M}} \circ \overset{/}{\widetilde{M}}$	+ A B	3
полная	$\sim \frac{1}{F} \frac{1}{X} \sim$	$\sim \frac{1}{F} \sim \frac{1}{F}$	ВС	4
полная	$G = \frac{1}{G} = \frac{1}{X}$	$\frac{1}{G}$ $\frac{1}{G}$	A B	5
полная	$\bigcup \frac{1}{D} \bigcup \frac{1}{X}$	$ \frac{1}{D} \frac{1}{D} $	+ A B	6

 $\frac{140}{141}$

полная	$\frac{1}{B} \circ \frac{1}{X} \circ$	$\circ \stackrel{/}{\widehat{\otimes}} \overline{B} \circ$	C A	7
полная	$\overset{\prime}{G}\frac{/}{X}\overset{\prime}{\sim}$	$\widetilde{G} \circ \widetilde{G}$	ВС	8
простая	$\stackrel{\checkmark}{\circ} \frac{f}{Sp} \stackrel{\checkmark}{\circ} \stackrel{\checkmark}{\widetilde{X}}$	$Sp \widetilde{X}$	ВВ	9
простая	$\ \ \ \ \ \ \ \ \ \ \ \ \ \ \ \ \ \ \ $	$\operatorname{\widetilde{Sh}}'$ $\operatorname{\widetilde{X}}'$	ВВ	10
полная	$\widetilde{W}$ $\widetilde{\widetilde{X}}$	$\sqrt[]{\frac{1}{W}} \sqrt[]{\sqrt[]{W}}$	ВВ	11
полная	$\smile \frac{/}{B} \smile \frac{/}{X}$	$\circ \circ \stackrel{/}{\widehat{\otimes}} \overline{B} \circ$	СВ	12
полная	$\smile \smile \frac{1}{L} \smile \frac{1}{X}$		+ A B	13
полная	$\frac{1}{M}$	$\frac{1}{M} \stackrel{\underline{x}}{\underline{M}} \stackrel{\underline{f}}{\underline{f}} \stackrel{\smile}{\underline{f}}$	A A	14
простая	$\frac{1}{H}$	$\circ \circ_{\mid} \frac{/}{H} \circ \circ \frac{/}{X} \circ$	+ A A	15
полная	$\overline{G} \frac{f}{X} \overline{g} $	G = G = G	ВС	16
двойная	$\frac{1}{M} \circ \circ \frac{1}{O} \circ$	$\frac{x}{O}$ $\frac{1}{O}$ $\frac{1}{M}$	C A	17
перекрестная	$\frac{1}{M}$	$\circ \circ_{\mid} \frac{/}{M} \circ \circ \frac{/}{K} \circ$	+ A B	18
полная	$\smile \overset{{}_{\scriptstyle\smile}}{\overset{{}_{\scriptstyle\smile}}{W}}\overset{{}_{\scriptstyle\smile}}{\overset{{}_{\scriptstyle\smile}}{X}}\smile$	$\smile \bigvee_{W} \bigvee_{W} \bigvee_{W}$	ВС	19
полная	$\overset{\smile}{T}\overset{/}{\overset{\smile}{X}}$	$\frac{1}{T} \stackrel{\lambda}{\longrightarrow} \stackrel{I}{\smile} \frac{I}{T}$	ЕВ	20
простая +	$\overline{W}$	$\frac{}{W}(\overline{W})\widetilde{X}$	ЕВ	37
полная	$\frac{1}{S} \frac{1}{S} \frac{1}{X}$	$\frac{1}{S} \frac{1}{S} \frac{b}{b} \sim$	DB	51
простая	$\frac{/}{P}$ $\sim \frac{/}{X}$ $\sim$	$\frac{1}{P} \stackrel{\lambda}{\longrightarrow} \stackrel{f}{\searrow} \frac{f}{X}$	ΕA	57
полная	$\frac{1}{K}$	$\circ \circ \frac{1}{K} \stackrel{\underline{x}}{=} \frac{1}{K}$	ВА	61
полная	$\frac{1}{F}$ $\stackrel{1}{\circ}$ $\stackrel{1}{X}$ $\stackrel{1}{\circ}$	$\text{con}\frac{1}{F}\text{con}\frac{1}{F}$	+ E A	67
полная	$\checkmark \overset{/}{\bigoplus} \checkmark \checkmark \overset{/}{X}$	$\circ_{\mid} \mathop{\overleftarrow{\bigoplus}}_{F} \circ_{F} \underline{x}$	+ A B	79
полная	$\frac{1}{O}$	$\sim \frac{O}{\sqrt{Q}} \frac{O}{\sqrt{Q}} \frac{O}{\sqrt{Q}} \sim$	+ A B	107

Можно отметить, что метрика первого полустишия в строке 8 (где первый подъем приходится на *-goli-* [*-голи-*] демонстрирует: в имени *Унголиант* главное ударение падало на второй слог; а sp [cn] может аллитерировать только со sp (строки 9, 130), как в древнеанглийском (то же самое, безусловно, справедливо касательно sh [u] – это отдельный согласный звук).

(ii) Фрагмент аллитерационной «Песни об Эаренделе»

Существует еще один фрагмент аллитерационного стиха, написанный на материале «Утраченных сказаний»: самое начало поэмы, которая не имеет заглавия и обрывается слишком рано, чтобы понять, о чем будет это произведение. Падение Гондолина, бегство уцелевших по тайному подземному ходу, битва в Кристорне и последующие долгие скитания в глуши кратко перечисляются в первых строках, которым предстояло сыграть роль введения, а тема как таковая обозначилась, по-видимому, в самом конце фрагмента:

> про все это прочие в древних преданиях и песнях поведали; но еще скажу...

а в заключительных строках заходит речь о пребывании беженцев в Земле Ив. Но в конце текста мой отец несколько раз разными почерками написал: «Эарендель», «Эарендель сын Фенгеля», «Эарендель Фенгельссон»; и мне кажется крайне вероятным, – я даже практически в этом уверен, – что эта поэма задумывалась как «Песнь об Эаренделе». (О Фенгеле см. следующий раздел).

Текст представляет собою крайне небрежно набросанный черновик на первой стадии создания; но в нем содержится одна строка, представляющая собою чрезвычайный интерес в свете истории Эаренделя. Фрагмент записан на экзаменационной работе из Лидского университета и со всей очевидностью совпадает по времени с «Песнью о детях Хурина» и «Бегством нолдоли»; ничего более о датировке сказать невозможно.

Ло! Пожаром жадным и жаркой ненавистью Погублен Гондолин, сгинула его слава, Вышние своды, островерхие башни -Все пали во прах; пенных фонтанов Смолкла музыка на холме Гварет, Белоскальные стены стали стылой золою. Но Ваде хельсингов, выстрадав много, Тур землерожденный был стоек в битве Из руин и разора направил выживших -Дев, и детей, и рыдающих женщин,

Lo! the flame of fire and fierce hatred engulfed Gondolin and its glory fell, its tapering towers and its tall rooftops were laid all low, and its leaping fountains made no music more on the mount of Gwareth, and its whitehewn walls were whispering ash. But Wade of the Helsings wearvhearted Tur the earthborn was tried in battle from the wrack and ruin a remnant led women and children and wailing maidens

141

142

И израненных ратников	and wounded men	
народа угасшего,	of the withered folk	10
По тропе неиспытанной,	down the path unproven	
что пронзала склон,	that pierced the hillside,	
К кругу круч	neath Tumladin he led them	
окрест Тумладина,	to the leaguer of hills	
Что ввысь взнеслись	that rose up rugged	
вереницей пиков	as ranged pinnacles	
От долины к северу.	to the north of the vale.	
Там пролег Кристорн –	There the narrow way	
Расщелина неширокая,	of Cristhorn was cloven,	
Ущелье Орлов,	the Cleft of Eagles,	15
Сквозь срединные скалы.	through the midmost mountains.	
Сказано больше	And more is told	
В песнях, и повестях,	in lays and in legend	
и преданиях многих	and lore of others	
О тяжком пути	of that weary way	
скитальцев бездольных:	of the wandering folk;	
Как изгои Гондолина	how the waifs of Gondolin	
избегли Мелько,	outwitted Melko,	
Из долины сокрылись,	vanished o'er the vale	
одолели кряжи;	and vanquished the hills,	20
Как Златой Глорфиндель	how Glorfindel the golden	
в Теснине Орлиной	in the gap of the Eagles	
Бился с балрогом;	battled with the Balrog	
обоих смерть взяла:	and both were slain:	
Тот – сполохом пламени	one like flash of fire	
с пика скального,	from fangéd rock,	
Этот – громом черным	one like bolted thunder	
грянулся с кручи	black was smitten	
В провал пропасти,	to the dreadful deep	
пробитой Торнсиром.	digged by Thornsir.	25
О тяготах глада	Of the thirst and hunger	
тридцать лун,	of the thirty moons	
Пока искали они Сирион,	when they sought for Sirion	
страхом и бедами	and were sore bestead	
Терзаемы зло;	by plague and peril;	
о Заводях Сумерек	of the Pools of Twilight	
И о Земле Ивовой,	and Land of Willows;	
где их слезные жалобы	when their lamentation	
Услыхали в хоромах,	was heard in the halls	
где отдыхали Боги	where the high Gods sate	30
За завесой в Валиноре	veiled in Valinor	
Острова Сгинувшие;	the Vanished Isles;	

Про все это прочие в преданиях древних И песнях поведали; прибавлю еще я, Как смягчилась их участь, как случилось достичь им Луга зеленого в Земле Ивовой. Там солнце светлое... свежи дуновения, Там ветра реют, там дремы колодези, Зачарованы росы...

all this have others
in ancient stories
and songs unfolded,
but say I further
how their lot was lightened,
how they laid them down
in long grasses
of the Land of Willows.
There sun was softer,
... the sweet breezes
and whispering winds,

there wells of slumber

and the dew enchanted

142 143

ПРИМЕЧАНИЯ

25 Следующие строки таковы:

where stony-voicéd that stream of Eagles runs o'er the rocky где этот каменноголосый Орлиный поток бежит через скалистый

Но вторая из этих строк вычеркнута, а первая оставлена как есть, без продолжения.

- 31 Второе полустишие изначально было записано как *in the Vanished Isles* [на Исчезнувших островах], но предлог *in* [на] был вычеркнут и заменен словом, которое я не в силах разобрать.
- 36 Второе полустишие изначально было записано как *and the sweet breezes* [и отрадные ветерки], но союз *and* [и] был вычеркнут и заменен каким-то другим словом, возможно, *then* [тогда].

Комментарии

Касательно формы *Tûr* [Тур] см. II. 148, 260.

В сказании «Падение Гондолина» Орлиная Расселина, Кристорн, находилась в Окружных горах к югу от Гондолина, а потайной ход вел от города к югу (II. 167–168, и т.д.); но из строки 14 данного фрагмента явствует, что изменение в пользу севера в легенду уже вошло.

Строки 26–27 («тридцать лун, пока искали они Сирион») восходят к «Падению Гондолина», где говорится, что беглецы блуждали «год с лишним» в глуши (см. II. 195, 214).

Примечателен первоначальный вариант строки 7 (его не вычеркнули, но на полях было добавлено: «Тур землерожденный был испытан в битве»)

Но Ваде хельсингов, усталый душою

напрямую заимствован из весьма раннего древнеанглийского стихотворения «Видсид» [7], где встречается строка «Wada Hælsingum», т.е. «Wada [weold] Hælsingum», «Вада [правил] хэльсингами». Мы вправе недоумевать, почему загадочная фигура Ваде появляется здесь вместо Туора; действительно, я этого объяснить не могу; но, в чем бы ни состояла причина, ассоциации Ваде с Туором не случайны. Об исходной истории о Ваде почти ничего не известно; но образ этот сохранялся в народной памяти на протяжении Средних веков и позже: он упоминается у Мэлори [8] как некое могущественное существо, а Чосер ссылается на «корабль Ваде» в «Рассказе Купца»; в «Троиле и Крессиде» Пандар рассказывает «сказ о Ваде». [9] Р.У. Чемберс [10] («Видсид», Кембридж 1912, стр. 95) отмечает, что Ваде, вероятно, «изначально был морским великаном, которого почитали и страшились племена, живущие на побережьях Северного моря и Балтийского», а название племени хэльсингов, которым он, как сказано в «Видсиде», правил, предположительно, сохранилось в топонимах Хельсингёр (Эльсинор) в Дании и Гельсингфорс [11] в Финляндии. Чемберс суммирует те несколько обобщений, что, на его взгляд, можно выстроить на основе разрозненных упоминаний на английском и немецком языках следующим образом:

Мы обнаруживаем следующие общие характеристики, которые, как мы можем предположить, принадлежали древнему прототипу, Ваде хэльсингов:

- (1) Власть над морем.
- (2) Необыкновенная сила зачастую воплощенная в сверхчеловеческом росте.
- (3) Использование этих способностей в помощь тем, кому Ваде благово-

... Вероятно, образ этот восходит не к какому-либо историческому вождю, но к некоему сверхъестественному существу, у которого своей истории не было и который интересовал смертных только тогда, когда вмешивался в их дела. Поэтому он выступает главным образом как помощник в час нужды; и можно утверждать с уверенностью, что уже в древнейших песнях именно эта роль ему и отводилась.

Однако, чрезвычайно интересен тот факт, что в комментариях Спехта [12] к Чосеру (1598) говорилось:

Касательно же Ваде и его корабля «Гвингелот», равно как и его удивительных приключений на оном, поскольку небывалый сей сказ весьма длинен, я его опущу.

Достаточно примечательно уже само сходство «Гвингелота» с «Вингелотом»; но если сопоставить еще и те факты, что «Вингелот» – это корабль Эаренделя,* что Эарендель – это сын Туора, что Туор особенным образом связан с морем и что здесь «Ваде хельсингов» занимает место Туора, вероятность совпадения исклю-

^{*} На котором он отправился на «удивительные приключения». Возможно, существует некая связь между великим путешествием Эаренделя вокруг света и странствиями Ваде, описанными у английского автора XII в. Уолтера Мапа [13], который рассказывает, как Гадо (т.е. Ваде) плавал на своем корабле к самым дальним Индиям.

чается. «Вингелот» восходит к кораблю Ваде «Гвингелоту» – мне это кажется столь же бесспорным, как и то, что Эарендель восходит к древнеанглийскому образу (последнее – безусловный факт, однозначно подтвержденный моим отцом, II. 309).

Зачем моему отцу понадобилось на этой стадии вставлять в поэму «Ваде хельсингов», это другой вопрос. Возможно, это произошло непреднамеренно: слова «Wada Hælsingum» крутились у него в голове (хотя в таком случае разумно было бы ожидать, что автор вычеркнет эту строку, а не просто впишет напротив нее другую в качестве варианта); но, как бы то ни было, почему эти слова крутились у него в голове, вполне понятно, и такая вероятность ни в коей мере не умаляет убедительности этой строки, ясно доказывающей, что «Вингелот» восходит к «Гвингелоту» и что здесь наличествует связь гораздо более значимая, нежели просто заимствование имени – точно так же, как и в случае с Эаренделем.

(iii) «Песнь о падении Гондолина»

Такое название мой отец в конце жизни написал на связке бумаг, содержащих начало этой неоконченной поэмы; но по всей вероятности, задумывалась она не как крупномасштабная, поскольку повествование дошло до того, как над северными вершинами вспыхнуло драконье пламя, уже в пределах 130 строк. Совсей очевидностью, мой отец сочинил эти стихи в Лидском университете, но я очень сильно подозреваю, что это была первая попытка переложить в стихи материал из «Утраченных сказаний», прежде чем автор обратился к аллитерационной строке. Сам сюжет, насколько можно судить по написанному фрагменту, практически не отклоняется от прозаического сказания «Падение Гондолина»: насколько близко «Песнь» соответствует сказанию, будет видно из нижеследующего сопоставления (хотя данный фрагмент, несомненно, уникален):

(Сказание, II. 158)

Радуйтесь же, что нашли его, ибо вот перед вами Град Семи Имен, где обретают надежду все, кто борется с Мелько.

И сказал тогда Туор:

- Каковы же те имена?

И ответил старший из Стражи:

– Так говорится, так поется: «Гондобар зовусь я и Гондотлимбар, Град Камня и Град Живущих в Камне, и т.д.

(Песнь)

Возрадуйтесь: вас отдых ждет от долгих войн и свар:

Здесь, на холме, красуется семиименный град,

Где все, кто бъется с Морготом, надежду подкрепят.

Rejoice that ye have found it and rest from endless war,

For the seven-naméd city 'tis that stands upon the hill,

Where all who strive with Morgoth find hope and valour still.'

144

Рек Туор: «Как же звать сей град, 'What be those names,' said Tuor, 'for I come from long afar?' сосредоточье чар?» "Tis said and 'tis sung,' one answered, "My «Поют и сказывают так: "Мне имя name is Gondobar Гондобар, And Gondothlimbar also, the City hewn И Гондотлимбар также, Град, из Камня of Stone, сотворен, The fortress of the Gnome-folk who dwell Твердыня номов, в Камне их чертоги in Halls of Stone, &c. испокон..." и т.л.

Я не привожу здесь поэму *in extenso* [14], поскольку она, в том, что касается основного повествования, ничего к сказанию не прибавляет; и, как мне кажется, отец счел данный размер непригодным для своего замысла. Тем не менее, некоторые ее фрагменты представляют интерес для изучения эволюции преданий в более широком контексте.

В «Сказании» Туор приходился сыном Пелегу (сыну Индора, II. 160), но здесь он сын Фенгеля; в то время как на клочке бумаги с черновым наброском процитированного выше отрывка* Фенгелем зовется сам Туор: ср. «Эарендель сын Фенгеля» в конце фрагмента «Песнь об Эаренделе», стр. 141. Много времени спустя Фенгелем именовался пятнадцатый король Рохана, дед Теодена, в Третью Эпоху; в древнеанглийском языке есть существительное fengel 'король, владыка'.

В поэме содержатся также несколько озадачивающих утверждений касательно Финголфина; здесь, как я уверен, он появляется раньше, нежели в аллитерационных поэмах; причем во фрагменте, где он фигурирует, рассказывается также история Исфин и Эола.

145 146

Ло, Гондобара князь [Меглин] Сын Эола, – где гор гряда над долом вознеслась, Родился в Дориате он, под сенью темных in the gloom of Doriath's forest, the whiteкрон, У дочери Финголфина, что Гельмиром рожден. Финголфин бился рядом с Феанором; превозмочь Не смог он сабель гламхот; но его жена и дочь Под сводом Дориатских чащ, ища его в ночи

Lo, that prince of Gondobar [Meglin] dark Eöl's son whom Isfin, in a mountain dale afar

limbed maiden bare,

the daughter of Fingolfin, Gelmir's mighty

'Twas the bent blades of the Glamhoth that drank Fingolfin's life

as he stood alone by Fëanor; but his maiden and his wife

were wildered as they sought him in the forests of the night,

^{*} Это та самая страница, о которой шла речь в «Неоконченных преданиях», стр. 4: «несколько стихотворных строк, в которых упоминаются Семь Имен Гондолина, набросаны на обороте бумажки, где записан "порядок старшинства в батальоне"». На тот момент я не знал, откуда выпал этот отдельный листок, и счел это указанием на очень раннюю дату, но, со всей определенностью, ошибся: должно быть, листок сохранился и был использован много лет спустя для черновых записей.

Плутали в беспросветной мгле; как лунные лучи

В прозрачной глубине зеркал, мерцал меж черных ям

Их силуэт; одни нетопыри порхали там

Из гротов Ту. Сей отблеск Эол темный углядел.

Он Исфин белоногую пленил; ее удел

Печален: в Дориате жить, не видя света дня,

Ведь Эол бесприютным Темным эльфам был родня.

Был Меглин послан в Гондолин, там ждал его почет –

Как отпрыска Финголфина, чья слава не умрет.

Возглавил рудознатцев он, что ищут в толще скал

Каменья самоцветные, но радости не знал.

Был темен он и скрытен, и власы – как пряди мглы,

Что оплели в лесу Таур Фуин* и ветви, и стволы.

in the pathless woods of Doriath, so dark that as a light

of palely mirrored moonsheen were their slender elfin limbs

straying among the black holes where only the dim bat skims

from Thû's dark-delvéd caverns. There Eöl saw that sheen

and he caught the white-limbed Isfin, that she ever since hath been

his mate in Doriath's forest, where she weepeth in the gloam;

for the Dark Elves were his kindred that wander without home.

Meglin she sent to Gondolin, and his honour there was high

as the latest seed of Fingolfin, whose glory shall not die;

a lordship he won of the Gnome-folk who quarry deep in the earth,

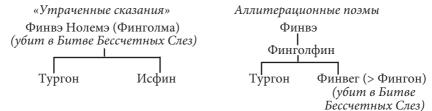
seeking their ancient jewels; but little was his mirth,

and dark he was and secret and his hair as the strands of night

that are tangled in Taur Fuin the forest without light.

В «Утраченных сказаниях» Финвэ Нолемэ, первый Владыка нолдоли, приходился отцом Тургону (а значит, и Исфин, сестре Тургона), І. 115; Финвэ Нолемэ пал в Битве Бессчетных Слез, орки вырезали из груди его сердце, но Тургон спас тело и сердце своего отца, и Алое Сердце стало его мрачным гербом (І. 241, ІІ. 172). Финвэ Нолемэ также именовался Финголма (І. 238–239, ІІ. 220).

В аллитерационной поэме Финголфин – сын Финвэ (Финвега) и отец Тургона, а также Финвега (> Фингона); таковым ему и суждено было остаться (см. стр. 137). Таким образом:

 $^{^*}$ Форма Tayp Фуин используется в «Утраченных сказаниях»; впоследствии она была изменена на Tayp-на-Фуин, и этот вариант с самого начала использовался в «Детях Хурина».

146 Но в то время как в «Песни о падении Гондолина» Финголфин появился и заступил место Финвэ как отец Тургона и Исфин, здесь он сын не Финвэ, а некоего *Гельмира*:

В раннем прозаическом тексте – одном из тех нескольких фрагментов (они будут приведены в следующем томе), которые заполняют пробел в прозаической истории между «Утраченными сказаниями» и «Очерком мифологии» – Гельмир фигурирует как король нолдоли на момент их бегства из Валинора; один из его сыновей там именуется Голфин.

Сохранилось слишком мало свидетельств (если вообще было записано чтото еще), проливающих свет на ранний этап эволюции нолдорских королей. Простейшее объяснение состоит в том, что этот Гельмир, отец Голфина/Финголфина = Финголма/Финвэ Нолемэ, отец Финголфина. Но в том же отрывке говорится, что Финголфин был убит гламхот, «когда стоял он один подле Феанора»; и уж какой бы сюжет за этим ни скрывался, ныне он утрачен (касательно самых ранних, крайне неясных упоминаний о смерти Феанора, см. І. 238–239).

Данный фрагмент из «Песни о падении Гондолина» содержит самый ранний рассказ об Эоле Темном эльфе, Исфин, сестре Тургона, и их сыне Меглине (касательно очень схематичного варианта легенды см. ІІ. 220). В прозаическом сказании «Падение Гондолина» эта история опущена со словами «об Исфин и Эоле здесь речи не будет», II. 165. В «Песни» жена Финголфина и его дочь (Исфин) «искали его», когда Исфин была захвачена Эолом. Поскольку в «Очерке» Исфин заплутала в чаще Таур-на-Фуин после Битвы Бессчетных Слез и там Эол заманил ее в ловушку, возможно, что на этой стадии Финголфин был эльфийским королем, который погиб (рядом с Феанором?) в великой битве. Возможно также, что мы тут наблюдаем зарождение идеи о том, как Исфин заблудилась в глуши, хотя, конечно же, впоследствии возникали изменения: так, Финголфин погиб в поединке с Морготом после Битвы Внезапного Пламени, а королем нолдор, павшем в Битве Бессчетных Слез, был Фингон (брат Исфин), и в результате сюжет о том, что Исфин искала отца, был отвергнут. Зато этот фрагмент со всей определенностью демонстрирует, что история о том, как Исфин отослала сына в Гондолин, исходно присутствует в легендариуме, хотя первоначально Исфин осталась со своим похитителем и так и не бежала от него.

Здесь Эол живет «в далекой горной долине во мраке Дориатского леса», «в лесах ночи», «где только тусклая летучая мышь проносится из темных прорытых пещер Ту». Это, вероятно, самое раннее упоминание о Ту; и, в любом случае, в сопутствующих сочинениях самое раннее – о Дориате (Артаноре «Утраченных сказаний»). Я уже высказывал предположение (ІІ. 63) о том, что в «Сказании о Тинувиэли» «Артанор мыслился как огромный лесной массив, в центре которого находились пещеры Тинвелинта», и что регион, находящийся

 $\frac{147}{148}$

под защитой королевы, «изначально был менее четко очерчен и менее обширен, нежели стал впоследствии "Пояс Мелиан"». Здесь описание обиталища Эола в бессветном лесу (где в пещерах живет Ту) скорее наводит на мысль о чаще Та-ур-на-Фуин, где:

Безрассветная ночь раскинулась сетями, облепляя черные ветви нависших деревьев

и где:

даже гоблины

(чьи глубокие глаза пронзают самые темные тени), бродили, заплутав («Дети Хурина», стр. 34, строки 753 и далее).

Этот фрагмент содержит также интересную отсылку на цели рудокопов Гондолина: «ищущих свои древние драгоценности».

Выше в этой «Песни» несколько строк были посвящены приходу Туора к потайной двери под Окружными горами:

Сюда явился Туор, сын Фенгеля, Из темного Дор-Ломина; и Бронвег был при нем: Бежал он из Железных гор, где муки, боль и мгла, И сбросил Мелькора ярмо, разбив оковы зла. Он, верный сердцем, Туора вел сквозь холмы один, Бессветной ночью, белым днем, меж кряжей и долин. Но вот у родников светильник синий осиял Средь зачарованных осин подгорных Врат портал – Вход в сумрачном Дунгортине: лишь номам ведом он.

Thither Tuor son of Fengel came out of the dim land that the Gnomes have called Dor-Lómin, with Bronweg at his hand, who fled from the Iron Mountains and had broken Melko's chain and cast his yoke of evil, of torment and bitter pain; who alone most faithful-hearted led Tuor by long ways through empty hills and valleys by dark nights and perilous days, till his blue lamp magic-kindled, where flow the shadowy rills beneath enchanted alders, found that Gate beneath the hills, the door in dark Dungorthin that only the Gnome-folk knew.

В наброске к этому фрагменту топоним *Нан Орвен* здесь был исправлен на *Дунгортин*. В «Детях Хурина» (строки 1457 и далее) Турин и Флиндинг добрались до этой «серой долины» после того, как прошли на запад за Сирион и достигли подножия Тенистых гор, «что ограждают Хитлум». Касательно более ранних упоминаний Нан Дунгортина и разных вариантов его местонахождения см. стр. 87; данный отрывок, по всей видимости, указывает на еще одно, и потайная дверь Гондолина выводит именно туда.

Стоит отметить еще несколько фрагментов. В самом начале упоминаются древние песни, рассказывающие:

Как Боги на совет сошлись у западных мысов

how the Gods in council gathered on the outmost rocky bars

149

На Одиноком острове, измыслив землю нег: Был создал Фаэри залив и протяженный брег – За мороками моря, мраком теневых морей...

of the Lonely Island westward, and devised a land of ease beyond the great sea-shadows and the shadowy seas; how they made the deep gulf of Faërie with long and lonely shore...

О том, что Боги были перевезены Оссэ и оарни на острове в пору низвержения Светилен, повествуется в сказании «Пришествие валар» (І. 70); а о том, что на этом же острове впоследствии были переправлены эльфы (и он стал Тол Эрессеа), говорится в сказании «Пришествие эльфов» (І. 118).

Когда Гондолин был построен, народ воскликнул: «Кор возведен заново!», и стражник, назвавший Туору семь имен города, говорит:

Лот, Цветок, меня назвали, – молвя, «словно из руин Кор восстал как Лот-а-ладвен,* сиречь Лилия Долин». Loth, the Flower, they name me, saying 'Cor is born again, even in Loth-a-ladwen, the Lily of the Plain'

Ранее я отмечал (II. 208), что, в то время как в «Сильмариллионе» прямо сказано: Тургон созидал город «в память о Тирионе на Туне», и тот стал «прекрасен, как воспоминание о Тирионе Эльфийском», в «Падении Гондолина» этого не говорится: Тургон родился в Великих землях уже после возвращения нолдоли из Валинора и Кора никогда не знал. «Тем не менее чувствуется, что башня Короля, фонтаны и лестницы, и беломраморные стены Гондолина воплощают память о Коре, каким он описан в "Пришествии эльфов" и "Возведении Кора" (І. 122–123)».

Содержится в поэме также упоминание об Эаренделе, который:

прошел сквозь Ужаса Врата, смешалась в нем равно Кровь эльфов и людей; бессмертен он – и мертв давно. who passed the Gates of Dread, half-mortal and half-elfin, undying and long dead.

Врата Ужаса – это, вероятно, врата Двери Ночи, сквозь которые проплывает Эарендель (II. 255).

^{*} Только в этой подробности Семь Имен отличаются от их форм в «Сказании» (II. 158). В «Сказании» название города, означающее «Лилия Долины» – Лотенгриол. Касательно ladwen 'долина' см. II. 344. В черновом наброске этого отрывка в песни приводилось название Лот Бародрин.

III

ЛЭ О ЛЕЙТИАН

Мой отец записал в дневнике, что начал «поэму о Тинувиэли» в период летней экзаменационной сессии 1925 года (см. стр. 3) и прервал работу в сентябре 1931 года (см. ниже) в возрасте 39 лет. Сохранились черновые наброски всей поэмы (а «черновые» означает, что они набросаны и впрямь вчерне); их отец переписал начисто, и эту рукопись я стану называть «А».*

В рукопись «А» мой отец, что для него совершенно нехарактерно, вставил даты, первую – напротив строки 557 (23 августа 1925 г.), а последнюю сотню строк третьей Песни (до строки 757) он сочинил, будучи на каникулах в Файли на йоркширском побережье в сентябре 1925 года. Следующая дата отстоит от предыдущей на два с половиной года и четыреста строк: 27–28 марта 1928 г., напротив строки 1161; после того в течение девяти дней датируется каждый день вплоть до 6 апреля 1928 года, – в течение этого периода отец написал целых 1768 строк и дошел до 2929 строки.

Поскольку даты соотносятся с переписыванием стихотворных строк рукописи начисто, а не с моментом их создания, можно предположить, что они ничего не доказывают, однако черновые наработки строк 2497–2504 набросаны на недописанном письме, датированном 1 апреля 1928 года, и они же переписаны начисто в рукописи «А» 4 апреля – из чего следует, что строки 2505–2929 были на самом деле сочинены между 1 и 6 апреля. Потому я считаю, что даты в рукописи «А» с тем же успехом могут означать и время создания.

За датой «ноябрь 1929 г.» (напротив строки 3031) следует значительное количество текста, созданного за последнюю неделю сентября 1930 г., и затем в середине сентября 1931 г.; последняя дата – это 17 сентября того же года напротив строки 4085, очень близко к тому моменту, на котором «Лэ» обрывается. Подробности касательно дат приводятся в комментариях.

Существует также машинописный текст («В»), перепечатанный моим отцом; последние несколько сотен строк в нем записаны от руки; данный текст заканчивается точно в том же месте, где и «А». Эта перепечатка начата была довольно рано, поскольку отец упоминает о ней в своем дневнике от 16 августа 1926 г. – отмечая, что «перепечатал небольшую порцию "Тинувиэли"»; а незадолго до конца 1929 года он дал почитать машинопись К.С. Льюису. 7 декабря того же года Льюис написал отцу о своих впечатлениях:

Вчера не спал до глубокой ночи – дочитал «Жесту» до того момента, когда Берен и его номские соратники побеждают орочий патруль близ истоков Нарога и переодеваются в $r\bar{e}af$ [др.-англ. 'одежда и оружие, снятые с убитых'].

^{*} Отец переписал их на оборотной стороне экзаменационных бланков, увязанных вместе в стопку специально для этой цели: запаса хватило на шесть лет, и несколько последних бланков так и остались неиспользованными.

Со всей откровенностью скажу, что давным-давно не выпадало мне такого восхитительного вечера: и личный интерес к сочинению друга тут ни при чем. Я прочел бы «Жесту» с неменьшим удовольствием, даже будь она про-изведением неизвестного автора, найденным в книжной лавке. В глаза бросаются две особенности: ощущение реальности на заднем плане и мифологический смысл; а суть любого мифа в том, что для его создателя он аллегорией не запятнан, а вот читателю подсказывает зарождающиеся аллегории.

Тем самым, Льюис дочитал «Жесту» приблизительно до строки 2017. Со всей очевидностью, ему было прислано больше; вероятно, что к тому времени перепечатка текста дошла до нападения Келегорма и Куруфина, бежавших из Нарготронда, на Лутиэн и Берена – этот эпизод (напротив строки 3031) в рукописи датирован как «ноябрь 1929 г.». Вскорости после того, возможно, в начале 1930 г., Льюис прислал моему отцу 14 страниц подробных критических замечаний вплоть до строки 1161 (если было еще что-то, то не сохранилось). Свой критический разбор он стилизовал под высоконаучные комментарии к тексту, как если бы «Лэ» представляло собою старинное анонимное сочинение, дошедшее до наших дней в большом количестве рукописей разной степени сохранности, изобилующих ошибками древних переписчиков и испещренных мудреными замечаниями ученых девятнадцатого века; так, благодаря шутливой и занимательной форме, Льюис сумел смягчить отдельные резкие придирки и одновременно таким же образом восхвалить до небес отдельные фрагменты. Почти все строки, которые Льюис счел несовершенными в силу той или иной причины, в рукописи «В» отмечены как нуждающиеся в правке или даже переписаны; во многих случаях предложенные Льюисом исправления или вариации строк включены в текст. Большая часть комментариев Льюиса приводится на стр. 315 и далее, - вместе с раскритикованными строками и внесенными в результате изменениями.

Мой отец оставил работу над «Лэ» на эпизоде, когда челюсти Кархарота, «сомкнулись как капкан» на запястье Берена, и Сильмариль был проглочен; и хотя отец так и не продвинулся в повествовании дальше этого момента, поэму он забросил не навсегда. Закончив «Властелина Колец», он снова вернулся к «Лэ» и переработал первые две Песни и значительную часть третьей, а также отдельные небольшие фрагменты из других Песней.

Суммируем этапы этой текстологической истории:

- (1) Черновые наброски поэмы в целом, сделанные в 1925–1931 гг.
- (2) Рукопись «А» поэмы в целом, постепенно создаваемая в 1925–1931 гг.
- (3) Машинопись «В» поэмы в целом (заканчивается в рукописи); в 1926 г. работа над ней уже велась.

Этот машинописный экземпляр и был выдан К.С. Льюису где-то в конце 1929 г., когда текст дошел, по всей вероятности, приблизительно до строки 3031.

(4) Переделка первых Песней и частично некоторых других (после завершения «Властелина Колец»).

В разное время в рукопись «А» вносилась редактура – исправления и добавления, причем большинство этих изменений вошли в машинопись «В», при том, что в перепечатанном тексте «В» обнаруживаются новые правки, в «А» отсутствующие.

Количество исправлений, внесенных в «В», очень сильно различается. Отец использовал «В» как основу для дальнейших переработок, и в таких частях машинописный текст почти полностью теряется под слоем новых стихотворных строк; но довольно длинные фрагменты – несомненно, большая часть поэмы, – вообще не затронуты правкой, внесены лишь совсем мелкие и, если угодно, поверхностные изменения в отдельные строки там и тут.

После многих проб и экспериментов я пришел к выводу, что создание единого текста как некоего сплава из самых последних вариантов на всем протяжении поэмы было бы явной ошибкой. Даже не считая чисто практической проблемы с замененными именами в переписанных частях, – именами, которые в размер прежних строк не укладываются, – более поздние стихотворные строки слишком отличаются по диапазону и техничности; прошло слишком много времени, и в той небольшой части «Лэ о Лейтиан», что мой отец переработал после завершения «Властелина Колец», содержатся фрагменты совершенно новой поэмы: по ним мы можем представить себе, что могло бы выйти в итоге. Эти части я вырезал и привожу их отдельно в конце книги (в разделе IV).

Еще одна причина так поступить подсказана целью этой книги, в которой, помимо прочего, обе поэмы рассматриваются как важные стадии в эволюции легенд. Некоторые правки в «Лэ о Лейтиан» отстоят по меньшей мере на тридцать лет от начала создания поэмы. Тем самым, с точки зрения «хронологии», прекращение работы над поэмой в сентябре 1931 года или вскорости после того, знаменует конечную точку; так что я не учитывал изменения имен, сделанные (по моим представлениям) со всей определенностью позже этой даты, однако включил те, что сделаны раньше.* Так, в подобном случае с Белериандом, который назывался Броселиандом на протяжении значительной части поэмы в рукописи «В», и позже всегда бывал исправлен на Белерианд, но к строке 3957 стал Белериандом сразу, я даю вариант Белерианд на протяжении всего текста. С другой стороны, я сохранил этноним номы, поскольку мой отец все еще использовал его в «Хоббите».

Однако множество мелких исправлений, сделанных из соображений метрики / стилистики, представляют проблему при попытке воспроизвести «текст 1931 года», поскольку зачастую невозможно определить доподлинно, к какой «фазе» они принадлежат. Некоторые со всей очевидностью внесены на самой ранней стадии – так, напр. «цветы-свечи» [candle flowers] исправлены на «цветущие свечи» [flowering candles] (строка 516), поскольку К.С. Льюис откомментировал второй вариант – в то время как другие явно сделаны много лет спустя и, строго говоря, относятся к поздним переработкам; но многие трудно датировать с уверенностью. В любом случае, такие изменения – зачастую вносимые,

152

^{*} Это приводит к непоследовательности в обращении с отдельными именами в двух разных пространных поэмах, напр. Φ инвег сын Φ инголфина в «Детях Хурина», но Φ ингон в «Лэ о Лейтиан». Вариант Φ инвег сохранился в версии «Сильмариллиона» от 1930 года, но был рано исправлен на Φ ингон.

чтобы избавиться от искусственных метрических заполнителей (среди них особенно бросается в глаза использование эмфатических форм глагола do (doth, did) просто ради того, чтобы добавить лишний слог – такие изменения не влекут за собою никаких последствий помимо улучшения отдельно взятой строки. В этих случаях было жаль, ради строгого следования текстовой основе, потерять эти мелкие улучшения или даже спрятать их в громоздком шлейфе примечаний к тексту, оставив в тексте менее удачные предшествующие варианты. Потому я счел допустимым повести себя откровенно непоследовательно в том, что касается этих подробностей, и, например, сохраняя вариант hombi (вместо hombi) или hombi (вместо hombi) или hombi (вместо hombi) внести мелкие поправки в формулировки явно более поздние.

Как и в «Песни о детях Хурина», пронумерованных примечаний к тексту здесь нет; пояснения, относящиеся к номерам строк, по большей части сводятся к более ранним вариантам, а ранние варианты ограничиваются теми, в которых содержатся существенные отличия в том, что касается имен или мотиваций. Цитаты из рукописи «А» все взяты из *исходного записанного* текста (во многих случаях текст был исправлен на формулировки, вошедшие в «В»).

Следует отметить, что, одновременно с работой над «Лэ о Лейтиан», был создан первый вариант «Очерка мифологии» (изначально в 1926 году) – а затем и переписан, неуклонно приближаясь к варианту «Сильмариллиона», который я датирую 1930 годом: в нем уже обнаруживаются многие важные элементы опубликованного варианта, в том, что касается сюжета и языка. В своих комментариях к каждой «Песни» я пытаюсь критически рассмотреть развитие легенд параллельно тексту поэмы и лишь в виде исключения ссылаюсь на современные прозаические тексты.

Текст «А» заглавия не имеет, но на верхней странице в стопке черновых набросков написано «Тинувиэль», и в самых первых ссылках на поэму отец называет ее именно так, а аллитерационную поэму – «Турин». Текст «В» содержит следующее заглавие:

ЖЕСТА

о
БЕРЕНЕ, сыне БАРАХИРА,
и
ФЕЕ ЛУТИЭН,
прозванной
СОЛОВЬЕМ ТИНУВИЭЛЬЮ,
или
ЛЭ О ЛЕЙТИАН,
Избавлении от Оков

 $\frac{153}{154}$

Заголовок «Жеста о Берене и Лутиэн» подразумевает эпическую поэму, рассказывающую о деяниях Берена и Лутиэн. Английское слово *gest* ['жеста', 'деяние'], произносится как современное английское *jest* ['шутка'], и на самом деле является «тем же самым словом» в том, что касается фонетической формы, при том, что полностью изменило свое значение.

Мой отец так и не объяснил название *Лейтиан* 'Избавление от Оков'; нам остается при желании выбрать какое-либо из разнообразных толкований, просмат-

ривающихся в поэме. Не откомментировал он и смысл, - если смысл тут есть, сходства между словами Лейтиан и Лейтиэн 'Англия'. В сказании «Эльфвине из Англии» эльфийское название для Англии – Лутиэн (на более ранней стадии так звали самого Эльфвине, а Англия называлась Лутани); но при первом его упоминании (и нигде более) над ним карандашом было вписано слово Лейтиан (II. 330, прим. 20). В «Очерке мифологии» Англия все еще называется Лутиэн (на тот момент дочь Тингола тоже зовут Лутиэн), но этот топоним был переправлен на Лейтиэн, и именно эта форма представлена в версии «Сильмариллиона» 1930 года. Не могу объяснить, (i) как связаны эти два значения слова Лутиэн, если связь между ними вообще существует; и (іі) соотносится ли или соотносилось ли слово Лейтиэн (изначально Лейтиан) 'Англия' с Лейтиан 'Избавление от оков'. Единственное свидетельство этимологического характера, которое мне удалось отыскать в наспех набросанной заметке неизвестной датировки, отсылает к основе leth- 'отпускать на свободу', где leithia 'освобождать', и там же для сравнения приводится словосочетание «Лэ о Лейтиан».

ЖЕСТА о БЕРЕНЕ и ЛУТИЭН The GEST of BEREN and LÚTHIEN

I

Встарь, до того, как род людской Явился в мир – лесной страной Могучий правил властелин Средь чащ, прогалин и долин. Щиты его – что лунный лик, Мерцал в знаменах звездный блик; Слепил глаза клинков металл, Серебряный венец блистал, И серебром в тиши ночной Песнь труб звенела под луной. Тот край был чарами объят; Могуч, и славен, и богат, Король на троне восседал Среди многоколонных зал. В сокровищницах он хранил Опал, и жемчуг, и берилл, Без счета панцирей, кольчуг И копий для могучих рук; Мечи, щиты и топоры Во тьме таились до поры. Но клады все теряли вес Пред девушкой, что Эльфинесс Встарь озаряла красотой: Владыка эльфов всей душой

A king there was in days of old: ere Men yet walked upon the mould his power was reared in cavern's shade, his hand was over glen and glade. His shields were shining as the moon, 5 his lances keen of steel were hewn, of silver grey his crown was wrought, the starlight in his banners caught; and silver thrilled his trumpets long beneath the stars in challenge strong; 10 enchantment did his realm enfold. where might and glory, wealth untold, he wielded from his ivory throne in many-pillared halls of stone. There beryl, pearl, and opal pale, 15 and metal wrought like fishes' mail, buckler and corslet, axe and sword, and gleaming spears were laid in hoard all these he had and loved them less than a maiden once in Elfinesse; 20

154

Любил дочь, Лутиэн, светлей Земли прекрасных дочерей.

Не помнит трав лесной ковер Столь легкий шаг, столь ясный взор; Не помнят чащи и цветы Столь совершенной красоты. Синей небес ее наряд, И, словно летний вечер, взгляд. По шелку - вязь златых лилей, Темней теней - волна кудрей. Походка, как полет, легка, А смех - нежнее ветерка. К воде склонившийся тростник, В зеленой чаще света блик, Весной цветущие поля, Хрустальный перезвон ручья -Что лучше передаст черты Ее бессмертной красоты, Бесценнее в глазах отца, Чем все сокровища дворца?

В Белерианде был их дом, В лесу дремучем и густом, Что назывался Дориат. В глухую чащу, говорят, Немногим был известен путь. Немногие когда-нибудь Вступали в дивную страну: Не смел нарушить тишину Ни звон копыт, ни гончих псов Призывный лай, ни звук шагов. Отсюда к северу лежал Край Ужаса, – за кряжи скал Под сводом пасмурных небес, Сквозь Таур-на-Фуин, зловещий лес, Вели, петляя, тропы зла, И Смертная Ночная Мгла Укрыла земли той страны, Где нет ни Солнца, ни Луны. На юг, бесплодные, легли Пространства сумрачной земли;

for fairer than are born to Men a daughter had he, Lúthien.

Such lissom limbs no more shall run on the green earth beneath the sun; so fair a maid no more shall be 2.5 from dawn to dusk, from sun to sea. Her robe was blue as summer skies, but grey as evening were her eyes; 'twas sewn with golden lilies fair, but dark as shadow was her hair. 30 Her feet were light as bird on wing, her laughter lighter than the spring; the slender willow, the bowing reed, the fragrance of a flowering mead, the light upon the leaves of trees, 35 the voice of water, more than these her beauty was and blissfulness, her glory and her loveliness; and her the king more dear did prize than hand or heart or light of eyes. 40

They dwelt amid Beleriand, while Elfin power yet held the land, in the woven woods of Doriath: few ever thither found the path; few ever dared the forest-eaves 45 to pass, or stir the listening leaves with tongue of hounds a-hunting fleet, with horse, or horn, or mortal feet. To North there lay the Land of Dread, whence only evil pathways led 50 o'er hills of shadow bleak and cold or Taur-na-Fuin's haunted hold, where Deadly Nightshade lurked and lay and never came or moon or day; to South the wide earth unexplored; 55 На Западе, у черных скал Ревел и дыбил пенный вал Безбрежный, бурный океан. К Востоку призрачный туман Окутал синих гор хребты: Мир озирая с высоты, Они взнеслись немой стеной Над сумрачной лесной страной, – Те чародейные края Древней, чем утро бытия.

Поток Эсгалдуин омывал Из камня бледного портал – Вход в Тысячу Пещер, – чертог Таил, просторен и глубок, Без счету залов, галерей В сиянье факельных огней. Там правил Тингол – горд, могуч, Король лесов и горных круч, И чащ, где ясень, бук и дрок: Высокий шлем, стальной клинок.

Там Лутиэн, легка, как тень, Кружилась в танце; таял день, И музыки певучий звук Звенел в листве; и мир вокруг Стихал, внимая ей – звончей, Чем птичий щебет; слух людей Средь шумных пиршественных зал Прекрасней песням не внимал. Был зелен лес, и долог лист, Звучал мотив, высок и чист, Лилась волшебной флейты трель – То Дайрон, дивный менестрель Слагал напев для Лутиэн: Певец ей сердце отдал в плен.

Свистели стрелы, гнулся лук, Олени мчались через луг; В неясном отблеске луны С летящей гривой скакуны, Звеня серебряной уздой, Летели вскачь порой ночной.

to West the ancient Ocean roared, unsailed and shoreless, wide and wild; to East in peaks of blue were piled in silence folded, mist-enfurled, the mountains of the Outer World, 60 beyond the tangled woodland shade, thorn and thicket, grove and glade, whose brooding boughs with magic hung were ancient when the world was young.

There Thingol in the Thousand Caves, 65 whose portals pale that river laves Esgalduin that fairies call, in many a tall and torchlit hall a dark and hidden king did dwell, lord of the forest and the fell; 70 and sharp his sword and high his helm, the king of beech and oak and elm.

There Lúthien the lissom maid would dance in dell and grassy glade, and music merrily, thin and clear, 75 went down the ways, more fair than ear of mortal Men at feast hath heard, and fairer than the song of bird.

When leaves were long and grass was green then Dairon with his fingers lean, 80 as daylight melted into shade, a wandering music sweetly made, enchanted fluting, warbling wild, for love of Thingol's elfin child.

There bow was bent and shaft was sped, 85 the fallow deer as phantoms fled, and horses proud with braided mane, with shining bit and silver rein, went fleeting by on moonlit night, as swallows arrow-swift in flight; 90

Охотники трубили в рог, Будя уснувший дол и лог, Звучали песни; мастера Ковали чаши серебра

И украшений без числа;
И слава Фаери росла, Но пробил час, и рок судил Свершиться воле тайных сил.

a blowing and a sound of bells, a hidden hunt in hollow dells.

There songs were made and things of gold, and silver cups and jewels untold, and the endless years of Faëry land 95 rolled over far Beleriand, until a day beneath the sun, when many marvels were begun.

*

ПРИМЕЧАНИЯ

Начало поэмы в рукописи «В» представляет собою определенную сложность в силу того факта, что мой отец частично переписал, а потом и перепечатал, первую Песнь - причем переписанный вариант разительно отличается от последующей радикальной переработки этой первой части поэмы. Эта первая переработка вступительной Песни была сделана, пока исходный вариант поэмы только создавался, хотя и продвинулся уже довольно далеко. Вторая версия была перепечатана в точности в том же виде, что и замененный ею вариант, в то время как последняя часть текста «В» не перепечатана; однако название Beleriand [Белерианд] уже фигурирует в перепечатке, причем изначально, а не в качестве исправления, в то время как во всех остальных случаях в «В» употребляется форма Broseliand [Броселианд] – повсюду исправленная чернилами на Beleriand.* Более того, именно первую версию Песни I в виде текста «В» и прочел К.С. Льюис вечером 6 декабря 1929 года, и, как мне кажется весьма вероятным, именно критика Льюиса сподвигла моего отца переписать начало (см. стр. 315-316). В нижеприведенных примечаниях первая версия «В» называется «В»(1), а переписанный текст, представленный выше, обозначен как «В»(2). [15] 1-30 «A»:

A king was in the dawn of days: his golden crown did brightly blaze with ruby red and crystal clear; his meats were sweet, his dishes dear; red robes of silk, an ivory throne, 5 and ancient halls of archéd stone, and wine and music lavished free, and thirty champions and three, all these he had and heeded not. His daughter dear was Melilot: 10 from dawn to dusk, from sun to sea, no fairer maiden found could be. Her robe was blue as summer skies,

На заре времен жил король: его золотая корона ярко сияла красными рубинами и прозрачным хрусталем; его яства были сладки, и драгоценны блюда; алые шелковые одежды, трон слоновой кости и древние чертоги из сводчатого камня, и вино и музыка, что текли в изобилии, и тридцать паладинов и еще три, – все это у него было, и до всего этого не было ему дела.

Была у него любимая дочь, Мелилот: от зари до сумерек, от солнца до земли не сыскать было девы прекраснее. Платье ее было синим как летние небеса,

^{*} Один-единственный раз, ближе к концу текста (строка 3957), в заключительной части рукописи «В», в исходном тексте возникает форма *Белерианд* вместо *Броселианд*.

but not so blue as were her eyes; 'twas sewn with golden lilies fair, 15

но не настолько синим, как ее глаза; было оно расшито дивными золотыми лилиями,

but none so golden as her hair.

но не настолько золотыми, как ее волосы.

В наброске более раннем после строки 12 *found could be* [сыскать было] присутствует двустишие:

from England unto Eglamar o'er folk and field and lands afar.

от Англии до Эгламара, среди народа, и поля, и дальних земель.

Жил король в древние дни:

157 158

«B»(1): A king there was in olden days:

и т.д. как в «А» до строки 6:

and hoarded gold in gleaming grot, all these he had and heeded not. But fairer than are born to Men a daughter had he, Lúthien: и золото скопил он в мерцающем гроте; всем этим владел он и не дорожил. Но прекраснее, чем рождаются у людей, была у него дочь, Лутиэн:

и т.д. как в «В»(2)

14–18 Эти строки впоследствии были использованы в песни Гимли в Мории («Братство Кольца» ІІ. 4); см. «Комментарии К. С. Льюиса», стр. 316.

41-44 «A»:

They dwelt in dark Broceliand while loneliness yet held the land. «B»(1):

They dwelt beyond Broseliand while loneliness yet held the land, in the forest dark of Doriath. Few ever thither found the path;

Они жили в темном Броселианде, пока в той земле до поры царило одиночество.

Они жили за пределами Броселианда, пока в той земле до поры царило одиночество, в темном лесу Дориата.
Мало кто находил туда дорогу;

В «В»(1) над топонимом *Broseliand* [Броселианд] вписано *Ossiriande* [Оссирианд]. Как отмечалось выше, в «В»(2) в машинописном тексте значится *Beleriand* [Белерианд].

48 После этой строки в «А» и в «В»(1) значится:

Yet came at whiles afar and dim

beneath the roots of mountains grim a blowing and a sound of bells, a hidden hunt in hollow dells. Однако ж порою издалека и смутно доносились

из-под корней мрачных гор звук рога и перезвон колокольцев – отголосок потаенной охоты в гулких долинах.

Второе двустишие вновь появится в «B»(2) несколько дальше по тексту, в строках 91–92.

49-61 «A» and «B»(1):

To North there lay the Land of Dread, whence only evil pathways led o'er hills of shadow bleak and cold; to West and South the oceans rolled

К Северу лежала Земля Ужаса, откуда вели лишь недобрые тропы через холмы теней, суровых и хладных; к Западу и Югу катили волны океаны,

159

unsailed and shoreless, wild and wide;

to East and East the hills did hide beneath the tangled woodland shade,

65-66 «A»:

There Celegorm his ageless days doth wear amid the woven ways, the glimmering aisles and endless

whose pillared feet that river laves

пустынные и безбрежные, дикие и широкие;

к Востоку и к Востоку прятались холмы под спутанной лесной сенью,

Там Келегорм неподвластные времени дни влачил среди переплетающихся троп, мерцающих нефов и бесконечных приделов,

многоколонные столпы которых омывает река

67 Esgalduin [Эсгалдуин] «А»; но в черновых набросках Esgaduin [Эсгадуин]; эта же форма использовалась в «Детях Хурина» (стр. 76, строка 2164) до внесения исправления.

73 «A»: There Melilot the lissom maid [Там Мелилот, стройная и гибкая дева]. 79–84 В «А» отсутствуют.

85-93 В «А» и «В»(1) (с одним мелким расхождением):

There bow was bent and shaft was sped and deer as fallow phantoms fled,

and horses pale with harness bright went jingling by on moonlit night; there songs were made and things of gold Там гнулся лук и летела стрела, и олени бежали прочь, точно желтокоричневые призраки, и бледные кони с блестящей сбруей, позвякивая, проезжали лунной ночью; там слагали песни и создавали золотые предметы

См. прим. к строке 48.

96 «A»: rolled over dark Broceliand, [катились над темным Броселиандом,]. «В»(1): rolled over far Broseliand, [катились над далеким Броселиандом,]. В «В»(1) над топонимом Broseliand вписано Ossiriande, как в строке 41.

Комментарии к Песни І

Варианту «А» присуща необычная черта – королю лесных эльфов (Тинголу) дано имя *Келегорм*; более того, в следующей Песни в варианте «А» роль Берена отводится *Маглору*, сыну Эгнора. Отсюда напрашивается единственно возможный вывод, как ни странно он прозвучит: отец готовился заменить имя *Тингол* на *Келегорм* и (что еще более удивительно) имя *Берен* на *Маглор*. И *Келегорм*, и *Маглор* к тому времени уже фигурируют в «Сказании о Науглафринге» и в «Песни о детях Хурина» как сыновья Феанора.

Вызывает удивление и имя дочери короля в версии «А» – *Мелилот* [16] (и в самом ли деле это – «растительное» имя, как в случае Мелилот Брендибак, гостьи на прощальном празднике Бильбо Бэггинса?). Но уже во втором варианте «Детей Хурина» *Лутиэн* фигурирует в качестве «истинного» имени Тинувиэли (см. стр. 119, примечания к 358–366). Возможно, что на самом деле отец начал «Лэ о Лейтиан» до того, как прекратил работу над «Детьми Хурина»; в таком

случае *Мелилот*, вероятно, оказывается первым «истинным» именем Тинувиэли, позже замененным на *Путиэн*; но мне это представляется крайне неправдоподобным.* Учитывая замену *Берен > Маглор*, превращение *Путиэн* в *Мелилот* кажется мне гораздо более вероятным. Как бы то ни было, очень скоро имена *Берен и Лутиэн* возникают уже в первоначальных набросках к «Лэ о Лейтиан».

Странно также, что в варианте «А» дочь короля описана как голубоглазая и золотоволосая, поскольку это не согласуется с одеянием тьмы, которое она впоследствии соткала из своих волос. В «Сказании о Тинувиэли» ее волосы названы «темными» (II. 20).

159 160

Примечателен топоним *Броселианд* [*Broceliand*], возникающий в варианте «А» (*Броселианд* [*Broseliand*] в варианте «В»), однако я не в состоянии пролить свет на то, почему отец выбрал именно его (название знаменитого леса Броселианд в Бретани из цикла Артуровских легенд).** Небезынтересно было бы узнать, как от *Броселианда* автор пришел к *Белерианду*; подсказку, вероятно, содержит страница с черновыми наработками начала «Лэ», где отец набросал, по-видимому, различные варианты названия для того края. Тот факт, что среди них появляется *Оссирианд* (он же вписан карандашом над топонимом *Броселианд* в строках 41 и 96 варианта «В»(1), заставляет предположить, что названия эти возникали в ходе поисков замены *Броселианду*. Они таковы:

Голодинанд [Golodhinand], Нолдоринан [Noldórinan], Гелерианд [Geleriand], Бладоринанд [Bladorinand], Белауриэн [Belaurien], Арсирианд [Arsiriand], Лассирианд [Lassiriand], Оссирианд [Ossiriand].

Любопытно название *Голодинанд*, поскольку содержит элемент *голод-*[Golodh], позже ставший эквивалентом квенийского *нолдо* в языке синдарин (в раннем словаре языка номов *голда* [Golda] соответствует « эльфийскому» *нолдо* [Noldo]; I. 262). Я не в состоянии пролить свет на топоним *Гелерианд*; вариант *Белауриэн*, очевидно, соотносится с *Белаурин*, эквивалентом *Палуриэн* в языке номов (I.265), а *Бладоринанд* – с именованием *Палуриэн Бладорвен* 'широкий мир, Мать-Земля' (там же). Не исключено, что *Белауриэн* стоит за названием *Белерианд* (хотя позже этот топоним толковался совсем иначе).

Ёще одна любопытная черта – слова «за пределами» [beyond] во фразе «Они жили за пределами Броселианда», как о том говорится в «В»(1), строка 41, в то время как в варианте «А» стоит предлог «в» [in], а в «В»(2) – «среди» [amid].

 $\Im Cra(\pi)\partial y$ ин, Tayp-на- Φy ин (в «Утраченных сказаниях» – Tayp Φy ин) и Тысяча Пещер уже фигурировали в «Детях Хурина», но в строках:

к Востоку синими пиками громоздились одетые безмолвием, укутанные туманом

^{*} Мой отец со всей определенностью указал в своем дневнике, что начал «Тинувиэль» летом 1925 года; и следует отметить, что ссылка на «Лэ о Лейтиан» содержится в аллитерационной заставке к одному из машинописных текстов стихотворения «Легка, как лист на липовой ветке», – которое было опубликовано в июне 1925 года (см. стр.120–121). Таким образом, ссылка на «Лэ о Лейтиан» во втором варианте «Детей Хурина» (стр.107, строка 356) отнюдь не свидетельствует о том, что отец действительно начал работу над поэмой.

^{**} На самой ранней карте к «Сильмариллиону» говорится, что «все земли, омываемые Сирионом к югу от Гондолина, в английском языке носят название "Броселианд"».

161

которые отсутствуют в вариантах «A» и «B»(1), впервые появляются Синие горы ($\partial pe \delta$ Луин) более поздних легенд: они словно бы отгораживают Белерианд от «Внешнего мира».

Во всех текстах первой Песни Король лесных эльфов представлен как обладатель несметных богатств. Эта концепция возникает уже в «Детях Хурина» (см. стр. 26), резко контрастируя со всем тем, что говорится в «Утраченных сказаниях»: ср. «Сказание о Турамбаре» (II. 95): «Скудны были богатства, коими владел народ Тинвелинта»; «богатства его были невелики»; а также «Сказание о Науглафринге» (II. 227): «Золотую корону выковали они [гномы] для Тинвелинта, который доселе носил лишь венок из алых листьев».

Π

На Севере, в краю теней, В неверном отблеске огней, Что призрачно мерцал, багров, В дыханье ледяных ветров, В пещерах горных погребен, Во тьме таился черный трон. Стонало эхо; душный дым Клубился облаком густым, Окутывая тяжкий свод. Подземных тварей мерзкий род Кишел в бессветной мгле глубин. Там правил Темный Властелин -Не эльф, не смертный; равно чужд Земле и Небу, зову нужд Добра и милости; могуч, Как горный кряж под сенью туч; Древней, чем скалы: зол, угрюм -Сосредоточье черных дум.

Стальные копья и клинки Разили в цель: его полки Сражали тысячи в бою, В прокорм волкам и воронью; И сонмы черные ворон Средь черных реяли знамен: Их страшный, хриплый хор гремел Над грудами гниющих тел. Карали тех, кто смел навлечь Гнев Моргота – огонь и меч.

H

Far in the North neath hills of stone in caverns black there was a throne 100 by fires illumined underground, that winds of ice with moaning sound made flare and flicker in dark smoke: the wavering bitter coils did choke the sunless airs of dungeons deep 105 where evil things did crouch and creep. There sat a king: no Elfin race nor mortal blood, nor kindly grace of earth or heaven might he own, far older, stronger than the stone 110 the world is built of, than the fire that burns within more fierce and dire: and thoughts profound were in his heart: a gloomy power that dwelt apart.

Unconquerable spears of steel
were at his nod. No ruth did feel
the legions of his marshalled hate,
on whom did wolf and raven wait;
and black the ravens sat and cried
upon their banners black, and wide
upon their hideous chanting dread
above the reek and trampled dead.
With fire and sword his ruin red
on all that would not bow the head

 $\frac{161}{162}$

Весь Север вплоть до черных скал Под дланью Моргота стенал.

Но жил, таясь, в стране лесной Отважный Барахир - герой, Рожденный, чтоб повелевать, Лишен, преступнику под стать, Владений и наследных прав, Скрывался средь чащоб и трав. С ним – десятеро, всяк – удал; И Берен, сын. Пускай был мал Отряд изгнанников лесных -Отважные деянья их Вселяли трепет во врагов. Им жизнь средь сумрачных лесов Была милей, чем жалкий плен И рабство средь подземных стен. Прислужников заклятых рать, Готовых жечь и убивать, Людей и вепрей, псов, волков Слал Моргот против смельчаков. Все было тщетно: враг не мог Ничем им повредить – но рок Настиг и их: о том рассказ, Встарь слезы исторгал не раз: Как, бдительности вопреки, Их Моргот уловил в силки.

То Горлим был, что как-то раз Ночной порой, в недобрый час Один отправился сквозь тьму В долину: тайный друг ему Назначил встречу; чей-то дом Минует: в сумраке ночном Белеет смутный силуэт На фоне звезд; лишь тусклый свет Мерцает в маленьком окне. Он заглянул, и, как во сне, У призрачной мечты в плену, Пред очагом свою жену Увидел: прядь седых волос, И бледность, и пролитых слез

like lightning fell. The Northern land lay groaning neath his ghastly hand.

But still there lived in hiding cold undaunted, Barahir the bold, of land bereaved, of lordship shorn, who once a prince of Men was born 130 and now an outlaw lurked and lay in the hard heath and woodland grey, and with him clung of faithful men but Beren his son and other ten. Yet small as was their hunted band 135 still fell and fearless was each hand, and strong deeds they wrought yet oft, and loved the woods, whose ways more soft them seemed than thralls of that black throne to live and languish in halls of stone. King Morgoth still pursued them sore with men and dogs, and wolf and boar with spells of madness filled he sent to slay them as in the woods they went; yet nought hurt them for many years, 145 until, in brief to tell what tears have oft bewailed in ages gone, nor ever tears enough, was done a deed unhappy; unaware their feet were caught in Morgoth's snare. 150

Gorlim it was, who wearying of toil and flight and harrying, one night by chance did turn his feet o'er the dark fields by stealth to meet with hidden friend within a dale, 155 and found a homestead looming pale against the misty stars, all dark save one small window, whence a spark of fitful candle strayed without. Therein he peeped, and filled with doubt 160 he saw, as in a dreaming deep when longing cheats the heart in sleep, his wife beside a dying fire lament him lost; her thin attire

 $\frac{162}{163}$

Следы, и нищенский наряд О днях страданий говорят. «А! Нежный друг мой, Эйлинель, Кого я почитал досель Низринутой в мглу ада! Прочь Бежав в ту роковую ночь, Когда я волей черных сил Утратил все, чем дорожил, Не я ль уверился сперва, Что ты погибла, ты мертва?» С тяжелым сердцем, изумлен Глядел извне, из мрака он. Но прежде, чем посмел опять Ее окликнуть, разузнать, Как удалось ей ускользнуть И отыскать в долину путь, -Зловещий крик совы ночной Донесся вдруг. Раздался вой Волков, предвестников беды: Волк проследил его следы Сквозь сумрак ночи. Злобный враг Ночных убийц неслышный шаг Направил в ночь не наугад. И Горлим отступил назад, Надеясь увести врагов От Эйлинели; в глушь лесов Он устремился прочь, один, Через ручьи и зыбь трясин, Сквозь лог, ночною мглой одет, Как зверь, запутывая след, Пока тропа не привела К соратникам; сгустилась мгла И расступилась вновь; но он Глядел во мрак, забыв про сон, Пока унылый свет небес Не озарил промозглый лес. Измучен, Горлим был готов Изведать плен и гнет оков, Когда б сумел вернуть жену. В душе его вели войну Вассальный долг, любовь и честь, И ненависть к врагу, чья месть

and greying hair and paling cheek 165 of tears and loneliness did speak. 'A! fair and gentle Eilinel, whom I had thought in darkling hell long since emprisoned! Ere I fled I deemed I saw thee slain and dead 170 upon that night of sudden fear when all I lost that I held dear': thus thought his heavy heart amazed outside in darkness as he gazed. But ere he dared to call her name, 175 or ask how she escaped and came to this far vale beneath the hills, he heard a cry beneath the hills! There hooted near a hunting owl with boding voice. He heard the howl 180 of the wild wolves that followed him and dogged his feet through shadows dim. Him unrelenting, well he knew, the hunt of Morgoth did pursue. Lest Eilinel with him they slay 185 without a word he turned away, and like a wild thing winding led his devious ways o'er stony bed of stream, and over quaking fen, until far from the homes of men 190 he lay beside his fellows few in a secret place; and darkness grew, and waned, and still he watched unsleeping, and saw the dismal dawn come creeping in dank heavens above gloomy trees. 195 A sickness held his soul for ease, and hope, and even thraldom's chain if he might find his wife again. But all he thought twixt love of lord and hatred of the king abhorred 200

164

Грозит любимой: скорбь и страх Кто мог бы передать в словах?

Шли дни - и Горлим, обуян Тоской, пришел во вражий стан, Готов предстать пред королем Раскаявшимся бунтарем, Что смеет уповать едва На милость обрести права Своим известием о том, Где находил в краю лесном Отважный Барахир приют И тропах, что туда ведут. Он, приведен в глубинный зал, Пред троном на колени пал, Своим доверием почтив Того, кто был от роду лжив. И Моргот отвечал: «Ну что ж! Ты Эйлинель свою найдешь -Там, где она давно, скорбя, Скитается и ждет тебя. И боле вас не разлучат. Предатель милый! Буду рад В награду за благую весть Тебя с женою снова свесть! В стране теней живет она, Любви и дома лишена – Тот бледный призрак, что в окне Ты видел ночью, мнится мне. Но ты к ней попадешь теперь -Мой меч тебе откроет дверь. В разверстой бездны глубину Ступай, ищи свою жену!»

Так умер Горлим, и не раз Он клял себя в предсмертный час. Так пал отважный Барахир Под сталью вражеских секир. Так все деянья старины Напрасно были свершены. Но Моргота коварный ков Не удался – не всех врагов Он одолел: война все шла,

and anguish for fair Eilinel who drooped alone, what tale shall tell?

Yet at the last, when many days of brooding did his mind amaze, he found the servants of the king, 205 and bade them to their master bring a rebel who forgiveness sought, if haply forgiveness might be bought with tidings of Barahir the bold, and where his hidings and his hold 210 might best be found by night or day. And thus sad Gorlim, led away unto those dark deep-dolven halls, before the knees of Morgoth falls, and puts his trust in that cruel heart 215 wherein no truth had ever part. Quoth Morgoth: 'Eilinel the fair thou shalt most surely find, and there where she doth dwell and wait for thee together shall ve ever be, and sundered shall ye sigh no more. This guerdon shall he have that bore these tidings sweet, O traitor dear! For Eilinel she dwells not here, but in the shades of death doth roam 225 widowed of husband and of home a wraith of that which might have been, methinks, it is that thou hast seen! Now shalt thou through the gates of pain the land thou askest grimly gain; thou shalt to the moonless mists of hell descend and seek thy Eilinel.'

Thus Gorlim died a bitter death and cursed himself with dying breath, and Barahir was caught and slain, 235 and all good deeds were made in vain. But Morgoth's guile for ever failed, nor wholly o'er his foes prevailed, and some were ever that still fought

Круша хитросплетенья зла.

Сам Моргот, верят, колдовством

Явил тот дьявольский фантом,

Что Горлима склонил ко злу, -

Так, чтобы канул вновь во мглу

 $\frac{164}{165}$

Надежды свет, что рос и креп. Но Берен, волею судеб В тот день охотился средь скал И, утомясь, заночевал Вдали от лагеря. Но сон Был мрачен: ночь со всех сторон Надвинулась - и мир исчез. Он видит: облетевший лес Под ветром гнется, как быльё; Но вместо листьев - вороньё Крича, расселось в полумгле И на ветвях, и на стволе. Клюв каждой птицы обагрен В крови; но встать не в силах он, -Не разорвать незримых пут. Темнеет рядом стылый пруд. Вдруг – гладь недвижных, сонных вод Заколебалась, дрогнув; вот Сгустилась тень, бледна, светла, И очертанья обрела. Неясный призрак в тишине К нему приблизился во сне И молвил: «Горлим пред тобой, Предатель преданный! Не стой, Беги, не мешкая! Воспрянь! Сомкнулась Морготова длань На горле твоего отца! Про тайный стан у озерца Проведал Враг – и знает путь К убежищу». Злых козней суть Раскрыл тут Горлим. Сон же вдруг Прервался. Берен, меч и лук Схватив, помчался в тайный стан, Стремительней, чем ураган, Что, словно бы ножом, крушит Верхушки ломкие ракит

unmaking that which malice wrought. 240 Thus men believed that Morgoth made the fiendish phantom that betrayed the soul of Gorlim, and so brought the lingering hope forlorn to nought that lived amid the lonely wood; 245 yet Beren had by fortune good long hunted far afield that day, and benighted in strange places lay far from his fellows. In his sleep he felt a dreadful darkness creep 250 upon his heart, and thought the trees were bare and bent in mournful breeze; no leaves they had, but ravens dark sat thick as leaves on bough and bark, and croaked, and as they croaked

each neb 255 let fall a gout of blood; a web unseen entwined him hand and limb, until worn out, upon the rim of stagnant pool he lay and shivered. There saw he that a shadow quivered 260 far out upon the water wan, and grew to a faint form thereon that glided o'er the silent lake, and coming slowly, softly spake and sadly said: 'Lo! Gorlim here, 265 traitor betrayed, now stands! Nor fear, but haste! For Morgoth's fingers close upon thy father's throat. He knows your secret tryst, your hidden lair', and all the evil he laid bare 270 that he had done and Morgoth wrought. Then Beren waking swiftly sought his sword and bow, and sped like wind that cuts with knives the branches thinned

166

Порой осенней. Жар огня Жег сердце. На рассвете дня Достиг он места, наконец, Где Барахир, его отец Разбил свой лагерь. Видит взгляд Знакомых хижин жалкий ряд На островке среди болот; Рой птиц вспугнул его приход. Но то не цапля, не кулик – То вороны подняли крик, Рассевшись на ветвях осин. «Не скор был Берен!» – так один Закаркал. И зловещий хор Откликнулся: «Не скор! Не скор!» И Берен прах земле предал, Возвел из валунов завал, И имя Моргота над ним Он трижды проклял, одержим Отчаяньем: в день горький тот В нем сердце обратилось в лед.

Через леса и зыбь болот Направил Берен путь – и вот Он, наконец, настиг врагов: Вблизи кипящих родников Они устроили привал. Один со смехом показал Друзьям кольцо, трофей войны: «Колечку, братцы, нет цены, Да это и немудрено: Белериандское оно, И равного не знает мир: Сраженный мною Барахир Лесной разбойник и бунтарь Помог-де Фелагунду встарь. Кольцо мне велено принесть; Ну да у Моргота не счесть Богатств! Негоже королю Скупиться! Я не уступлю Сокровища! Ищи глупца! Сболтну, что не нашел кольца!» Но в этот миг взвилась стрела

of autumn trees. At last he came, 275 his heart afire with burning flame, where Barahir his father lay; he came too late. At dawn of day he found the homes of hunted men. a wooded island in the fen. 280 and birds rose up in sudden cloud no fen-fowl were they crying loud. The raven and the carrion-crow sat in the alders all a-row; one croaked: 'Ha! Beren comes too late', 285 and answered all: 'Too late! Too late!' There Beren buried his father's bones, and piled a heap of boulder-stones, and cursed the name of Morgoth thrice, but wept not, for his heart was ice.

Then over fen and field and mountain he followed, till beside a fountain upgushing hot from fires below he found the slavers and his foe, the murderous soldiers of the king. 295 And one there laughed, and showed a ring he took from Barahir's dead hand. 'This ring in far Beleriand, now mark ye, mates,' he said, 'was wrought. Its like with gold could not be bought, 300 for this same Barahir I slew, this robber fool, they say, did do a deed of service long ago for Felagund. It may be so; for Morgoth bade me bring it back, 305 and yet, methinks, he has no lack of weightier treasure in his hoard. Such greed befits not such a lord, and I am minded to declare the hand of Barahir was bare!' 310 Yet as he spake an arrow sped;

И в грудь изменнику вошла. Был Моргот, верно, рад узнать, Что злейший враг его, под стать Слуге, с кого особый спрос, Удар ослушнику нанес. Но смех Врага, должно быть, смолк От слов, что Берен, точно волк Метнулся из-за валунов, Один ворвался в стан врагов, И выхватил кольно, и вмиг Исчез во тьме, – истошный крик Летел герою вслед; рой стрел Взметнулся в воздух, но задел Лишь гномью сталь: броня, светла, От гибели уберегла. Так Берен скрылся: след пропал Средь вереска и темных скал; Не в силах беглеца сыскать, Погоня повернула вспять.

Был Берену неведом страх: Могуч и стоек, он в боях Являл отваги образец, Пока был жив его отец. Теперь же свет небес померк Для Берена. Скорбя, отверг Он смех и радость, и мечтал, Чтоб меч, стрела или кинжал Прервали жалкой жизни нить. В неистовом желанье мстить Страшась лишь участи раба, Он смерти вызов слал – судьба Хранила храбреца. Хвала Дерзаньям доблести росла, Молва гремела на миру, Звучали песни ввечеру О подвигах. Сражался он Один, врагами окружен, Таясь в тумане и во мгле. Слуг Моргота в лесной земле Смерть поджидала даже днем За каждым деревом и пнем.

with riven heart he crumpled dead. Thus Morgoth loved that his own foe should in his service deal the blow that punished the breaking of his word. 315 But Morgoth laughed not when he heard that Beren like a wolf alone sprang madly from behind a stone amid that camp beside the well, and seized the ring, and ere the yell of wrath and rage had left their throat had fled his foes. His gleaming coat was made of rings of steel no shaft could pierce, a web of dwarvish craft; and he was lost in rock and thorn, for in charméd hour was Beren born: their hungry hunting never learned the way his fearless feet had turned.

320

325

As fearless Beren was renowned, as man most hardy upon ground, 330 while Barahir yet lived and fought; but sorrow now his soul had wrought to dark despair, and robbed his life of sweetness, that he longed for knife, or shaft, or sword, to end his pain, 335 and dreaded only thraldom's chain. Danger he sought and death pursued, and thus escaped the fate he wooed, and deeds of breathless wonder dared whose whispered glory widely fared, 340 and softly songs were sung at eve of marvels he did once achieve alone, beleaguered, lost at night by mist or moon, or neath the light of the broad eye of day. The woods 345 that northward looked with bitter feuds he filled and death for Morgoth's folk;

Его друзьями в трудный час Надолго стали бук и вяз, Пернатый и пушной народ И духи каменных высот. Но всяк мятежник обречен: Могуч был Моргот и силен, Не помнят короля грозней Сказания минувших дней; Все туже стягивал он сеть, Стремясь строптивца одолеть. Покинул Берен наконец Край, милый сердцу, где отец Обрел могилу средь болот: В сырой земле, близ сонных вод, Где, поникая на пески, Свой плач слагают тростники, Лежит прославленный герой. В осенней мгле, ночной порой Пробрался Берен сквозь заслон: Прокрался мимо стражей он Бесшумным шагом. Средь листвы Не слышно звона тетивы; Смолк свист стрелы; не вспыхнет щит, Никто главы не преклонит Средь вереска в тени полян. Луна, что смотрит сквозь туман На сосны; ветер, что волной Колеблет вереск голубой, Напрасно ждут его назад. Ночные звезды, что горят В морозном воздухе ночном Искристым, трепетным огнем, Теперь ему светили вслед, Струя холодный, чистый свет На горный кряж и сонный пруд: «Пылающий Шиповник» люд Встарь называл огни небес, Что озаряют дол и лес.

Край Ужаса, где без числа Переплелись дороги зла, Оставил Берен за спиной,

his comrades were the beech and oak. who failed him not, and many things with fur and fell and feathered wings; 350 and many spirits, that in stone in mountains old and wastes alone. do dwell and wander, were his friends. Yet seldom well an outlaw ends, and Morgoth was a king more strong 355 than all the world has since in song recorded, and his wisdom wide slow and surely who him defied did hem and hedge. Thus at the last must Beren flee the forest fast 360 and lands he loved where lay his sire by reeds bewailed beneath the mire. Beneath a heap of mossy stones now crumble those once mighty bones, but Beren flees the friendless North one autumn night, and creeps him forth; the leaguer of his watchful foes he passes – silently he goes. No more his hidden bowstring sings, no more his shaven arrow wings, 370 no more his hunted head doth lie upon the heath beneath the sky. The moon that looked amid the mist upon the pines, the wind that hissed among the heather and the fern 375 found him no more. The stars that burn about the North with silver fire in frosty airs, the Burning Briar that Men did name in days long gone, were set behind his back, and shone o'er land and lake and darkened hill,

His face was South from the Land of Dread, whence only evil pathways led, and only the feet of men most bold 385

forsaken fen and mountain rill.

Стремясь на юг. Крутой тропой Сквозь хлад и тьму Тенистых гор, Опасностям наперекор, Пройдут лишь смельчаки. Высок, Вознесся северный отрог: Там – смерть и боль, там рыщет враг. Обманчивый, неверный мрак Окутал склоны южных скал: Обрыв, и пропасть, и провал; Там средоточье мрачных чар, И темный морок, и кошмар, И сладковато-горький яд Потоки мертвые струят. А вдалеке, за цепью гор, Мог различить орлиный взор С недосягаемых высот Скалистых круч, одетых в лед, В неясной голубой дали Границы призрачной земли: Белерианд, Белерианд, Плетенье колдовских гирлянд.

might cross the Shadowy Mountains cold. Their northern slopes were filled with woe, with evil and with mortal foe: their southern faces mounted sheer in rocky pinnacle and pier, 390 whose roots were woven with deceit and washed with waters bitter-sweet. There magic lurked in gulf and glen, for far away beyond the ken of searching eyes, unless it were 395 from dizzy tower that pricked the air where only eagles lived and cried, might grey and gleaming be descried Beleriand, Beleriand, the borders of the faëry land. 400

*

ПРИМЕЧАНИЯ

128 «A»: a lord of Men undaunted, bold [владыка людей, бесстрашный, храбрый]. 134 «A»: Maglor his son and other ten. [сын его Маглор и еще десятеро.] 141 «A»: But the king Bauglir did hunt them sore [Но король Бауглир жестоко их преследовал].

177-179 Ранний вариант:

to this far vale among the hills a haggard hungry people tills,

в эту далекую долину среди холмов, которую возделывает изможденный, изголодавшийся народ;

there hooted nigh a hunting owl поблизости заухала охотящаяся сова 205 found [нашел]: ранний вариант sought [разыскал].

209-210 «A»:

with tidings of Lord Egnor's band, известиями об отряде владыки Эгнора and where their hidings in the land и где у них потаенное убежище 235 «А»: and Egnor was betrayed and slain [и Эгнор был предан и убит].

246 «A»:

yet Maglor it was by fortune good who hunting etc.

однако то был Маглор, кто, по счастью, охотился, и т.д.

272 «A»: till Maglor waking swiftly sought /пока Маглор, пробудившись, не отыскал поспешно].

277 «А»: to where his father Egnor lay; [где хоронился его отец Эгнор;].

297 «A»: he took from Egnor's slaughtered hand: [которое он снял с изрубленной руки Эгнора:/.

168 169

298 Broceliand [Броселианд] «А», Broseliand [Броселианд] «В» исправлено на Beleriand [Белерианд].

301 «А»: for this same Egnor that I slew [ибо этот самый Эгнор, которого я убил].

304 Celegorm [Келегорм] «А», исправлено на Felagoth [Фелагот], а затем на Felagund [Фелагунд].

310 «А»: I found the hand of Egnor bare!' [Я не обнаружил кольца на руке Эгноpa!»].

313-316 Эти четыре строки были взяты в скобки, и слово that [что] в строке 317 изменено на *Then* [Тогда], прежде чем текст «В» был отослан К.С. Льюису (нумеруя строки, отец исключил эти четыре, и отсылки к номерам строк у Льюиса такому подсчету вполне соответствуют). Изъятие строк 313-314 у Льюиса не подтверждено; я сохранил все четыре строки. См. стр. 318-319.

317, 329 Maglor [Маглор] «А», Beren [Берен] «В».

326 «A»: and deep ghylls in the mountains torn [и в глубоких ущельях в расколотых ropax].

331-333 «A»:

ere Egnor in the wilderness was slain; but now his loneliness, grief and despair, did rob his life до того, как Эгнор в глуши был убит; но теперь одиночество, горе и отчаяние лишили его жизнь

360 «A»: proud Maglor fled the forest fast Гордый Маглор бежал из надежного леса]. (Здесь английское слово fast употреблено в значении 'защищенный от нападения'; ср. fastness [крепость].)

365 Maglor [Маглор] «А», Beren [Берен] «В».

377-381 «A»:

about the North with silver flame in frosty airs, that men did name Timbridhil in the days long gone, he set behind his back, and shone that sickle of the heavenly field

в морозном воздухе, - которым люди дали имя Тимбридиль в давно минувшие дни, он оставил за спиной, и сиял тот серп небесного поля, that Bridhil Queen of stars did wield коим владеет Бридиль Королева звезд,

над Севером серебряным пламенем

o'er land and lake and darkened hill, над землей и озером, и потемневшим холмом, Пятая и шестая строки взяты в скобки, a and shone [и сиял] в четвертой строке заменено на *It shone* [Он сиял].

383-384 Ср. строки 49-50.

399 Broceliand [Броселианд] «А», Broseliand [Броселианд] «В» исправлено на Beleriand [Белерианд].

Комментарии к Песни II

Во второй Песни рассказ о том, как был предан отряд изгоев, уже в рукописи «А» приближен в основных деталях к окончательному варианту; но вплоть до первых набросков к «Лэ о Лейтиан», сделанных летом 1925 года (см. стр. 150), этот эпизод нигде не упоминается даже вскользь. Комментируя «Сказание о Тинувиэли», я отмечал (II. 52):

Ясно, что в то время биография Берена и его отца (Эгнора) была намечена лишь в самых общих чертах; в любом случае, никаких намеков на историю отряда изгоев во главе с отцом Берена и на предательство Горлима Злосчастного не встречается вплоть до появления первого варианта «Лэ о Лейтиан».

На самом деле, сюжет «Лэ» в ряде подробностей отличается от версии, изложенной в «Сильмариллионе» (стр. 193 и далее): так дом, где Горлим увидел призрак Эйлинели, в «Лэ» не являлся его собственным; предательство Горлима было много серьезнее, ибо явилось заранее обдуманным шагом: он сам отыскал слуг Моргота с намерением выдать тайное убежище изгнанников; и предстал он перед самим Морготом (а не перед Ту-Сауроном). Но совпадений гораздо больше, нежели отличий: как, например, отсутствие Маглора-Берена в роковой день; явление ему во сне призрака Горлима, скользящего по поверхности озера; вороны, пожиратели мертвечины, в ветвях ольхи; груда камней над могилой; отвоевание кольца; дружба Берена с птицами и зверями.

Что касается имен в тексте «А»: *Горлим и Эйлинель* останутся неизменны. Вопрос о Маглоре-Берене уже обсуждался (стр. 159). Отца его по-прежнему зовут *Эгнор*, как и в «Утраченных сказаниях» (замена имени на *Барахир* во втором варианте «Сказания о Тинувиэли», II. 43 – это правка, внесенная мимоходом много лет спустя). Имя *Бауглир* (возникшее в процессе создания «Детей Хурина», см. стр. 52) повсюду в тексте изменено на *Моргот*, но из этого вряд ли следует, что имя было отвергнуто вовсе, поскольку позже оно возникает в тексте «В» «Лэ» и сохраняется в «Сильмариллионе».

В тексте «А» Варда именуется Бридиль (прим. к строкам 377–381) так же, как и в аллитерационной поэме «Бегство нолдоли» (стр. 135, 139); однако, как ни странно, в том же абзаце созвездие Большой Медведицы названо Тимбридиль, ибо, согласно раннему словарю номского языка, это – именование самой Варды (что вполне закономерно: ср. Тинветари, І. 269). Созвездие «Серп Богов» (Валакирка) названо здесь «серпом небесного поля»: им владеет Бридиль Королева Звезд. Я не в состоянии пролить свет на название Пылающий Шиповник, которое возникает в тексте «В» (стр. 378); оно же вновь появляется в варианте «Сильмариллиона» 1930 года:

Много имен дано им [Семи Звездам]; однако в былые дни и эльфы, и люди Севера называли их «Пылающий Шиповник», а некоторые – «Серп Богов». Касательно самого раннего мифа о Большой Медведице см. І. 114, 133.

 $\frac{169}{170}$

Географических указаний немного, и в тексте «В» число их не возрастает. Топоним Таур-на-Фуин уже упоминался в «В» выше (строка 52), и, хотя в данной Песни не сказано прямо, что в этой области и скрывались изгои, нет причин усомниться в том, что отец имеет в виду именно ее. Направляясь на юг, Маглор-Берен прошел «хладные Тенистые горы» (386). Тенистые горы несколько раз упоминались в «Детях Хурина»: там они представляют собою горную цепь, ограждающую Хитлум, и отражаются в заводях Иврина, что согласуется с «Сильмариллионом». Однако со всей очевидностью Берен, покинув Таур-на-Фуин и двигаясь на юг, к Дориату, никак не смог бы пересечь именно эти Тенистые горы. В «Очерке мифологии» Берен точно так же «пересекает Тенистые горы и, изведав тяжкие лишения, приходит в Дориат»; то же самое говорится и в варианте 1930 года, хотя в последнем «горы Тени» исправлены на «горы Ужаса». Таким образом, ясно, что в «Лэ о Лейтиан» мой отец употребил название «Тенистые горы» в ином смысле, нежели в «Песни о детях Хурина», и что «Тенистые горы» данной Песни – это первое упоминание об Эред Горгорот, горах Ужаса: «на юге резко обрывалось нагорье Дортонион [Таур-ну-Фуин] там разверзлись отвесные пропасти» («Сильмариллион», стр. 145); однако название это вновь появляется и в другом своем значении (стр. 234).

 $\frac{170}{171}$

Озеро, на котором находилось убежище Эгнора-Барахира и его отряда (*озеро Аэлуин* в «Сильмариллионе», стр. 193) в «Лэ» не поименовано, и тайный лагерь располагается «на лесистом островке среди болота» (280). В «Лэ» сообщается, что орки разбили свой лагерь у родника (родник также не назван); причем здесь это горячий источник (292–293); в «Сильмариллионе» (стр. 195) это был *Родник Ривиля* выше Топи Серех.

В том, что касается развития легендариума, самая примечательная черта этой Песни – то, что в ней впервые возникает тема спасения Барахиром Фелагунда в Битве Внезапного Пламени («Сильмариллион», стр. 181): в тексте «А» это – «помощь», оказанная Келегорму Эгнором (строки 301–304, в то время как в тексте «В» фигурируют Фелагунд и Барахир). Недолгое существование «Келегорма» в качестве замены Тинголу уже закончилось (см. стр. 159); теперь он – вновь один из сыновей Феанора, как в «Детях Хурина». На момент создания этих строк текста «А» именно Келегорм (и Куруфин) основали Нарготронд после прорыва Осады Ангбанда – эта сюжетная линия возникла, по всей видимости, в процессе написания «Детей Хурина» (см. стр. 83–85); именно Келегорм был спасен Эгнором-Барахиром в этой битве и вручил Эгнору-Барахиру свое кольцо. В тексте «В» с появлением (Фелагота >) Фелагунда в качестве спасенного Барахиром основателя Нарготронда сюжетная линия получает новое развитие, и Келегорму с Куруфином отводится совсем иная роль.

В тексте «А» Эгнор и его сын Маглор (Берен) – люди (так, Эгнор – «владыка людей», см. прим. к строке 128). В первом варианте «Детей Хурина» Берен все еще эльф, в то время как во втором варианте мой отец, по-видимому, колебался между двумя версиями, отдавая предпочтение то одной, то другой (см. стр. 124–125). Даже на данной стадии, как выяснится в дальнейшем, он не пришел к окончательному решению.

172

III

Давно, в былые времена, Пока ни Солнце, ни Луна Над миром не зажгли огней, И сонмы призрачных теней Заполоняли темный лес Под звездным куполом небес – Безмолвия прервался сон. Смех, серебристый перезвон Нарушил тишину полян: То пели птицы Мелиан. Мир смертных, жизни колыбель Впервые слышал птичью трель. К волшебнице, одетой в плащ Вечерних сумерек, из чащ Слетались соловьи. Длинна, Кудрей тяжелая волна Спадала по плечам; до пят Струился темный водопад.

Сады Богов, обитель сна Давно покинула она; За горы, вдаль, на край земли Беглянку тропы увели. И зазвучал ее напев Среди долин, в тени дерев. Тот голос, нежный, колдовской И птицы трель в тиши лесной Смятенный Тингол услыхал: В ту пору мир принадлежал Лишь эльфам. Юный их народ В далекий выступил поход К заливу у границ земли, -Там возводились корабли, Там поднимались якоря И эльфы плыли за моря – В края Богов, где смерти нет, Где сад сиянием одет, Где небо сходится с землей, Где все – отрада и покой.

III

There once, and long and long ago, before the sun and moon we know were lit to sail above the world. when first the shaggy woods unfurled, and shadowy shapes did stare and roam 405 beneath the dark and starry dome that hung above the dawn of Earth, the silences with silver mirth were shaken; the rocks were ringing, 410 the birds of Melian were singing, the first to sing in mortal lands, the nightingales with her own hands she fed, that fay of garments grey; and dark and long her tresses lay beneath her silver girdle's seat 415 and down unto her silver feet.

She had wayward wandered on a time from gardens of the Gods, to climb the everlasting mountains free that look upon the outmost sea, and never wandered back, but stayed and softly sang from glade to glade. Her voice it was that Thingol heard, and sudden singing of a bird, in that old time when new-come Elves had all the wide world to themselves. Yet all his kin now marched away, as old tales tell, to seek the bay on the last shore of mortal lands. where mighty ships with magic hands they made, and sailed beyond the seas. The Gods them bade to lands of ease and gardens fair, where earth and sky together flow, and none shall die.

420

425

173

Но Тингол, очарован, нем Застыл, внимая смене тем Волшебных песен, мудрых слов. Тенистый сад Владыки Снов Дарит забвенье тех минут, Что в мире, знавшем смерть, сочтут За век. Скорбя о короле, Уплыл к неведомой земле Народ – а Тингол, недвижим, Внимал напевам колдовским. Казалось, минул только час. Под сень лесов, где дуб и вяз, Вступил он, деву увидав: На ложе из листвы и трав В тиши покоилась она, Темноволоса и бледна, Объята сном. Остерегись! Здесь дрема с забытьем сплелись! Коснувшись шелковых волос, Король застыл во власти грез, Во тьму забвенья погружен. Так шли века. И длился сон.

Так Тингол, дальний путь презрев, Остался жить среди дерев И не уплыл за океан, Плененный мудрой Мелиан, Чей нежный голос, полон чар, Был чист и сладок, как нектар, Что кубки валар наполнял Под сводом золоченых зал Среди фонтанов и цветов. Когда ж звучала в честь Богов Песнь темнокудрой Мелиан -Внимал цветок, смолкал фонтан. Так королевская чета В краю, где мир и красота Бессмертный изливали свет, Царила много сотен лет. Все эльфы, что, сойдя с пути, До моря не смогли дойти,

But Thingol stayed, enchanted, still, 435 one moment to hearken to the thrill of that sweet singing in the trees. Enchanted moments such as these from gardens of the Lord of Sleep, where fountains play and shadows creep, 440 do come, and count as many years in mortal lands. With many tears his people seek him ere they sail, while Thingol listens in the dale. There after but an hour, him seems, he finds her where she lies and dreams. pale Melian with her dark hair upon a bed of leaves. Beware! There slumber and a sleep is twined! He touched her tresses and his mind 450 was drowned in the forgetful deep, and dark the years rolled o'er his sleep.

Thus Thingol sailed not on the seas but dwelt amid the land of trees, and Melian he loved, divine, 455 whose voice was potent as the wine the Valar drink in golden halls where flower blooms and fountain falls; but when she sang it was a spell, and no flower stirred nor fountain fell. 460 A king and queen thus lived they long, and Doriath was filled with song, and all the Elves that missed their way and never found the western bay,

И не увидели вдали Сиявшей золотом земли И башен валар, и высот Близ пенных волн и темных вод, – Все в колдовском краю лесном Отныне обрели свой дом.

Когда же Моргот власть Богов Отверг, бежал из их краев, И, к миру смертных привлечен, На Севере воздвиг свой трон -Род вновь пришедших в мир людей Он воле подчинил своей; Утратил дом и стал рабом И человек, и эльф, и ном. У края проклятой земли Строй стен и башен вознесли Твердыни эльфов: тьма и страх Стояли стражами в дверях, И всем им предстояло пасть -Но вызов тьме бросала власть Бессмертной Мелиан. Светла, Хранила Дориат от зла Мудрейшая из королев. Здесь смех звенел в листве дерев, Здесь солнцем был пронизан лес – В краю легенд, в земле чудес.

Сменялись солнце и луна;
В лучистый шелк облачена,
Дочь темнокудрой Мелиан
Кружилась в танце средь полян –
Эльф-фея, в чьих чертах не гас
Бессмертный свет; дитя двух рас.
Чуть разгорались звезды, трель
Вела певучая свирель,
Незрима, но совсем близка:
В венке из листьев орляка
Искусный Дайрон средь теней, –
На ветке или меж корней, –
Играл: леса заворожив,
Звучал причудливый мотив,

the gleaming walls of their long home 465 by the grey seas and the white foam, who never trod the golden land where the towers of the Valar stand, all these were gathered in their realm beneath the beech and oak and elm. 470

In later days when Morgoth first, fleeing the Gods, their bondage burst, and on the mortal lands set feet, and in the North his mighty seat founded and fortified, and all 475 the newborn race of Men were thrall unto his power, and Elf and Gnome his slaves, or wandered without home, or scattered fastnesses walled with fear upraised upon his borders drear, 480 and each one fell, yet reigned there still in Doriath beyond his will Thingol and deathless Melian, whose magic yet no evil can that cometh from without surpass. 485 Here still was laughter and green grass, and leaves were lit with the white sun, and many marvels were begun.

In sunshine and in sheen of moon, with silken robe and silver shoon, 490 the daughter of the deathless queen now danced on the undying green, half elven-fair and half divine; and when the stars began to shine unseen but near a piping woke, 495 and in the branches of an oak, or seated on the beech-leaves brown, Dairon the dark with ferny crown played with bewildering wizard's art music for breaking of the heart. 500

 $\frac{173}{174}$

И сердце полнилось тоской При звуках песни колдовской. Трех музыкантов Эльфинесс Знал встарь, чей голос – дар небес. И первый – Тинфанг Гелион: Рой звезд на бледный небосклон Он призывает, и Луне Слагает песни по весне. Второй же – Маглор, что у скал Волне напевы посвящал, Безмолвие прибрежных дюн Тревожа перебором струн -В чьих песнях – гул валов морских. И Дайрон, лучший из троих.

В ночные сумерки одет, Смолк летний лес; последний свет Мерцал меж листьев, сокровен; И танцевала Лутиэн. Каштан ронял с могучих плеч Гирлянды бело-алых свеч; Темнел безмолвный вяз; под ним Соцветий облаком густым Во тьме белел болиголов. Рой светлокрылых мотыльков, Чьи очи светятся огнем, Порхал в безмолвии ночном. Полевки вышли из норы На звуки колдовской игры; Смолк крик полночных сов; луна Была пока что не видна. Во тьме, сгустившейся вокруг, Светился мрамор тонких рук, Вихрь разметавшихся кудрей Кружился в танце вместе с ней, И легкий шаг в траве полян Чертил сквозь сумрак и туман Узоры тропок. Светляки У ног мерцали; мотыльки, Как бледный ореол живой, Вились, дрожа, над головой.

Such players have there only been thrice in all Elfinesse, I ween: Tinfang Gelion who still the moon enchants on summer nights of June and kindles the pale firstling star; 505 and he who harps upon the far forgotten beaches and dark shores where western foam for ever roars, Maglor whose voice is like the sea; and Dairon, mightiest of the three.

510

Now it befell on summer night, upon a lawn where lingering light yet lay and faded faint and grey, that Lúthien danced while he did play. The chestnuts on the turf had shed their flowering candles, white and red; there darkling stood a silent elm and pale beneath its shadow-helm there glimmered faint the umbels thick of hemlocks like a mist, and quick 520 the moths on pallid wings of white with tiny eyes of fiery light were fluttering softly, and the voles crept out to listen from their holes; the little owls were hushed and still: the moon was yet behind the hill. Her arms like ivory were gleaming, her long hair like a cloud was streaming, her feet atwinkle wandered roaming in misty mazes in the gloaming; 530 and glowworms shimmered round her feet, and moths in moving garland fleet above her head went wavering wan -

И в этот миг луна взошла, Бела, неспешна и кругла, Посеребрив лесной предел. И чистый голос зазвенел -Восторгом грез упоена, Запела в тишине она Ту песню, что переняла У соловьев, и в них вплела Заклятия эльфийских чар. Заслушавшись, лучистый шар Луны помедлил в вышине: Вот что услышал в тишине Отважный Берен; вот что он Узрел в ночи под сенью крон -И в изумлении немом Оцепенел, объят огнем Восторга, страсти и тоски. От мира смертных далеки, Смешались мысли; колдовство Цепями пало на него -И он без сил к стволу припал. Согбен, измучен, исхудал, Спустился Берен с гор: седой, Изранен телом, мертв душой, Пройдя бездольным тем путем, Он стал до срока стариком. Теперь же, сердцем исцелен От безысходной скорби, он Очнулся к новой жизни вдруг -Для новых грез и новых мук.

Он все глядел – и в этот миг, Скользнув по листьям, лунный блик Дождем серебряных лучей Запутался в сетях кудрей; И, ярко вспыхнув, засиял В ее глазах, на дне зеркал, Небесных звезд дрожащий свет. Тогда забылись боль и бред Блужданий между скальных гряд, В краю, где призраки кишат, and this the moon now looked upon, uprisen slow, and round, and white, 535 above the branches of the night. Then clearly thrilled her voice and rang; with sudden ecstasy she sang a song of nightingales she learned and with her elvish magic turned 540 to such bewildering delight the moon hung moveless in the night. And this it was that Beren heard. and this he saw, without a word, enchanted dumb, yet filled with fire 545 of such a wonder and desire that all his mortal mind was dim: her magic bound and fettered him, and faint he leaned against a tree. Forwandered, wayworn, gaunt was he, 550 his body sick and heart gone cold, grey in his hair, his youth turned old; for those that tread that lonely way a price of woe and anguish pay. And now his heart was healed and slain 555 with a new life and with new pain.

He gazed, and as he gazed her hair within its cloudy web did snare the silver moonbeams sifting white between the leaves, and glinting bright 560 the tremulous starlight of the skies was caught and mirrored in her eyes. Then all his journey's lonely fare, the hunger and the haggard care, the awful mountains' stones he stained 565 with blood of weary feet, and gained only a land of ghosts, and fear

176

Где ужас заперт с давних пор В расселинах отвесных гор; Где мерзостный паучий род В ночи свои тенета ткет, И ждет поживы жадный клюв, От камня к камню протянув Удушливые сети зла – Их обволакивает мгла; Там страха липкого приют -Во тьме белеют там и тут Средь склизких трещин и камней Куски обглоданных костей. Воспоминаний тяжкий гнет С плеч сбросил Берен. Грохот вод, С вершин спадающих в овраг, Затих – и расступился мрак Безумья, что в себе несли Потоков мутные струи. Он более не вспоминал Кошмары раскаленных скал, Где он, сбивая ноги в кровь, На синий кряж взбирался вновь И видел – взор куда ни кинь – Все новых горизонтов синь; И вниз спешил – на новый бой С чудовищами тьмы ночной, К бессонным бдениям во мгле Среди ветвей - а по земле Бесшумно крались, чуя след, Ночные твари; злобный свет Горел в фасетчатых глазах. Но Берен, позабыв про страх, Благословлял пути итог -Волшебный край, лесной чертог, Где льется бледный свет луны, Где золотится с вышины Звезд Эльфинесса светлый рой; Где все – отрада и покой.

Забыв про все, дивясь, влеком К поляне в зареве златом,

in dark ravines imprisoned sheer there mighty spiders wove their webs, old creatures foul with birdlike nebs 570 that span their traps in dizzy air, and filled it with clinging black despair, and there they lived, and the sucked bones lay white beneath on the dank stones now all these horrors like a cloud 575 faded from mind. The waters loud falling from pineclad heights no more he heard, those waters grey and frore that bittersweet he drank and filled his mind with madness - all was stilled. 580 He recked not now the burning road, the paths demented where he strode endlessly... and ever new horizons stretched before his view. as each blue ridge with bleeding feet was climbed, and down he went to meet battle with creatures old and strong and monsters in the dark, and long, long watches in the haunted night 590 while evil shapes with baleful light in clustered eyes did crawl and snuff beneath his tree - not half enough the price he deemed to come at last to that pale moon when day had passed, to those clear stars of Elfinesse. 595 the hearts-ease and the loveliness.

Lo! all forgetting he was drawn unheeding toward the glimmering lawn

Он выступил из-за стволов: Немая музыка без слов Росла в душе; ключом забив, Звучал несозданный мотив; Из глубины небытия Рождалась песнь, в себе тая Отраду сладкозвучных нот. Он робко сделал шаг вперед -Тень в бледном зареве луны – Вмиг смолкла флейта. С вышины Так канет ласточка стремглав, Так затаится в гуще трав Кузнечик, услыхав шаги. «Беги, о Лутиэн! Беги! -Воскликнул Дайрон, и опять Воззвал из тьмы: – Не время ждать! В лесу чужой! Скорее прочь!» Но изумленья превозмочь Не в силах, Лутиэн на миг Помедлила. И страх застиг Ее врасплох: во мрак одет, Зловещий, темный силуэт С копною спутанных волос Возник пред ней. Виденьем грез Она исчезла - светлый луч Так гаснет за грядою туч. Среди куртин ночных цветов Высокий ствол болиголов Вознес, раскинув до утра Соцветий белых веера. Беглянка под его шатром Укрылась. Лунным серебром Озера света на земле Переливались в полумгле; В их отсветах, как в бликах свеч, Терялся контур рук и плеч, Шелка одежд, волна волос, Венок душистых диких роз. А Берен, речь утратив вдруг, В смятении глядел вокруг На спящий лес, пустынный дол, И, спотыкаясь, слепо брел

by love and wonder that compelled his feet from hiding; music welled 600 within his heart, and songs unmade on themes unthought-of moved and swayed his soul with sweetness; out he came, a shadow in the moon's pale flame and Dairon's flute as sudden stops 605 as lark before it steeply drops, as grasshopper within the grass listening for heavy feet to pass. 'Flee, Lúthien!', and 'Lúthien!' from hiding Dairon called again; 610 'A stranger walks the woods! Away!' But Lúthien would wondering stay; fear had she never felt or known, till fear then seized her, all alone, seeing that shape with shagged hair 615 and shadow long that halted there. Then sudden she vanished like a dream in dark oblivion, a gleam in hurrying clouds, for she had leapt among the hemlocks tall, and crept 620 under a mighty plant with leaves all long and dark, whose stem in sheaves upheld an hundred umbels fair; and her white arms and shoulders bare her raiment pale, and in her hair 625 the wild white roses glimmering there, all lay like spattered moonlight hoar in gleaming pools upon the floor. Then stared he wild in dumbness bound at silent trees, deserted ground; 630 he blindly groped across the glade to the dark trees' encircling shade,

Через прогалину к стволам, Укрытым мглой. Не зная сам Как вышло, сладко изумлен, Ее руки коснулся он. Как бабочка, пробуждена От заколдованного сна, Вскочив, она метнулась прочь, Промеж дерев, одетых в ночь, Тропой причудливой средь трав. За нею, далеко отстав, Покинут в кущах темноты, Спешил сквозь чащу и кусты, Пути не разбирая, он – Избит, изранен, изнурен. Поток Эсгалдуин, мча сквозь тьму, Дорогу преградил ему. В подвижном зеркале воды Дрожал искристый луч звезды. Сокрывшись потайным путем, На дальнем берегу речном Она исчезла, точно сон, И вновь один остался он. «Нем разлучающий поток! Так вот путей моих итог – Скорбеть во тьме, взывать с тоской Над зачарованной рекой!»

Сменила осень летний зной. А Берен в стороне лесной Скрывался – дик, насторожен, Как фавн, страж чащ, что чуткий сон Стряхнет, едва, росой одет, В траве зашелестит рассвет, И, прячась у куста и пня, От яркого сиянья дня Спешит под сумеречный свод – Но жизни леса тайный ход Не ускользнет от зорких глаз. Звенящий зной в полдневный час, Шум крыльев, птичий пересвист, Звон капель об упругий лист,

and, while she watched with veiled eyes, touched her soft arm in sweet surprise. Like startled moth from deathlike

> sleep 635

in sunless nook or bushes deep she darted swift, and to and fro with cunning that elvish dancers know about the trunks of trees she twined a path fantastic. Far behind 640 enchanted, wildered and forlorn Beren came blundering, bruised and

torn:

Esgalduin the elven-stream, in which amid tree-shadows gleam the stars, flowed strong before his

645

Some secret way she found, and fleet passed over and was seen no more, and left him forsaken on the shore. 'Darkly the sundering flood rolls past! To this my long way comes

at last - 650

a hunger and a loneliness, enchanted waters pitiless.'

A summer waned, an autumn glowed, and Beren in the woods abode, as wild and wary as a faun 655 that sudden wakes at rustling dawn, and flits from shade to shade, and flees the brightness of the sun, yet sees all stealthy movements in the wood. The murmurous warmth in weathers

good, 660

the hum of many wings, the call of many a bird, the pattering fall of sudden rain upon the trees,

Гул ветра в океане крон И скрип ветвей – все слышал он. Но песни лучших птиц земли Его утешить не могли; Скиталец, нем и одинок, Искал и ждал – и все не мог Услышать вновь певучий зов – Нежней, чем трели соловьев; Вновь различить на краткий миг В лучистой дымке милый лик.

Поблекли осени цвета; Коврами палого листа Зима устлала дол и луг; Чернеет облетевший бук, А у корней легла, мертва, Его багряная листва. Луна следит из мглы сырой, Как заклубилась над землей Туманов белых пелена, И гасит солнце, неясна, Наплывами густых завес, И обволакивает лес. Он днем и ночью напролет Напрасно ищет, тщетно ждет; В закатный час и поутру Он слышит в сумрачном бору, Где находил промозглый кров, Лишь отзвук собственных шагов.

Ветра зимы трубят в рога; Туман развеяла пурга. Ветра стихают; звездный хор Рассыпал огненный узор В морозной тьме; мир нем и сед. Пронзительно-холодный свет Струится вниз; закован в лед Сверкающий хрустальный свод.

Деревьев темный полукруг Слепящий луч пронзает вдруг: the windy tide in leafy seas,
the creaking of the boughs, he heard; 665
but not the song of sweetest bird
brought joy or comfort to his heart,
a wanderer dumb who dwelt apart;
who sought unceasing and in vain
to hear and see those things again: 670
a song more fair than nightingale,
a wonder in the moonlight pale.

An autumn waned, a winter laid the withered leaves in grove and glade; the beeches bare were gaunt and grey, 675 and red their leaves beneath them lay. From cavern pale the moist moon eyes the white mists that from earth arise to hide the morrow's sun and drip all the grey day from each twig's tip. 680 By dawn and dusk he seeks her still; by noon and night in valleys chill, nor hears a sound but the slow beat on sodden leaves of his own feet.

The wind of winter winds his horn; 685 the misty veil is rent and torn.

The wind dies; the starry choirs leap in the silent sky to fires, whose light comes bitter-cold and sheer through domes of frozen crystal clear. 690

A sparkle through the darkling trees, a piercing glint of light he sees,

Плясунья на холме крутом Кружится в танце колдовском! Плащ, шитый россыпью камней Вобрал морозный блеск огней; Искрились снежные холмы; Холодным пламенем зимы Лучась в ночи, легка, светла, По склону вниз она сошла, Смятенный ослепляя взгляд Как серебристый звездопад. Ветрам и стуже вопреки Раскрыл подснежник лепестки Там, где, танцуя, шла она, И птицы трель, чиста, нежна, Звеня, взвилась под небосвод. Лесной ручей, ломая лед, Проснулся и заговорил. Но Берен, недвижим, застыл Во власти чар. Часы текли, И звездный свет погас вдали, И ночь сомкнула свой покров Над бликом бледных лепестков.

Отныне на крутом холме
Он часто различал во тьме
Эльфийский свет: сиянье рук
И блеск камней; свирели звук
Вновь зазвучал, воспряв от сна,
И тихо пела в лад она.
Тогда, подкравшись ближе, он
Внимал, таясь под сенью крон,
И в сердце радость и покой
Сливались с болью и тоской.

Гул вьюги стих. Настала ночь, Когда прогонит зиму прочь С зарей пришедшая весна. И Лутиэн, совсем одна, Кружилась в танце колдовском И звонко пела; над холмом Звучали древние слова Наития и волшебства.

and there she dances all alone upon a treeless knoll of stone! 178 Her mantle blue with jewels white ~~179~~ 695 caught all the rays of frosted light. She shone with cold and wintry flame, as dancing down the hill she came, and passed his watchful silent gaze, a glimmer as of stars ablaze. 700 And snowdrops sprang beneath her feet, and one bird, sudden, late and sweet, shrilled as she wayward passed along. A frozen brook to bubbling song awoke and laughed; but Beren stood 705 still bound enchanted in the wood. Her starlight faded and the night closed o'er the snowdrops glimmering white.

Thereafter on a hillock green
he saw far off the elven-sheen
710
of shining limb and jewel bright
often and oft on moonlit night;
and Dairon's pipe awoke once more,
and soft she sang as once before.
Then nigh he stole beneath the trees,
715
and heartache mingled with hearts-ease.

A night there was when winter died; then all alone she sang and cried and danced until the dawn of spring, and chanted some wild magic thing 720 that stirred him, till it sudden broke the bonds that held him, and he woke

Чарующий и властный звук Разбил оковы: Берен вдруг Воспрял, очнулся - страх презрев, Он выступил из-за дерев; В волшебном танце закружась, Волшебных троп сплетая вязь, Он дерзко поспешил к холму, К лучу, пронзающему тьму, Стремглав поднялся на откос, Тщась удержать виденье грез. Но все напрасно: смущена, Прочь, прочь стремила шаг она Сквозь сумрачный лесной портал. И замер он, и к ней воззвал Эльфийским именем, нежней, Чем песня флейты: соловей, Ночной певец подзвездной тьмы. Звеня, отозвались холмы; «Тинувиэль! Тинувиэль!» -Звал голос, чистый как свирель, Будя безмолвие земель, -«Тинувиэль!» Такой любовью и тоской Звучал призыв в тиши ночной, Дрожа над миром, как струна -На миг помедлила она, Забыв про страх, - всего на миг. И он тотчас ее настиг, Привлек к себе, и, упоен, Коснулся поцелуем он.

И отступили тьма и страх; В ее распахнутых глазах, Несмелой нежностью согрет, Дрожал лучистый звездный свет. А! Лутиэн! Ты, что милей Земли прекрасных дочерей! О свет эльфийской красоты, Каким безумьем бредишь ты! О, гибкий стан, кудрей волна, Подснежниками убрана!

to madness sweet and brave despair. He flung his arms to the night air, and out he danced unheeding, fleet, 725 enchanted, with enchanted feet. He sped towards the hillock green, the lissom limbs, the dancing sheen; he leapt upon the grassy hill his arms with loveliness to fill: 730 his arms were empty, and she fled; away, away her white feet sped. But as she went he swiftly came and called her with the tender name of nightingales in elvish tongue, 735 that all the woods now sudden rung: 'Tinúviel! Tinúviel!' And clear his voice was as a bell: its echoes wove a binding spell: 'Tinúviel! Tinúviel!' 740 His voice such love and longing filled one moment stood she, fear was stilled; one moment only; like a flame he leaped towards her as she stayed and caught and kissed that elfin maid. 745

As love there woke in sweet surprise the starlight trembled in her eyes.

A! Lúthien! A! Lúthien!

more fair than any child of Men;

O! loveliest maid of Elfinesse,

750

what madness does thee now possess!

О россыпь звезд, о бледность рук В неясном мареве вокруг, Что бледная струит луна! Его объятия она Покинула, едва восход Позолотил небесный свод.

A! lissom limbs and shadowy hair and chaplet of white snowdrops there; O! starry diadem and white pale hands beneath the pale moonlight! 755 She left his arms and slipped away just at the breaking of the day.

*

ПРИМЕЧАНИЯ

439 Исходный вариант в «В»:

From gardens of the God of Sleep, [из садов Бога Сна,].

457 Исходный вариант в «В»:

the Gods drink in their golden halls [что Боги пьют в своих золоченых чертогах].

467-468 Исходный вариант в «В»:

who never passed the golden gate

которые так и не вошли в

золоченые врата,

where doorwards of the Gods do wait, пде ждут стражи Богов,

Эти три изменения внесены достаточно поздно; они преследовали цель убрать из текста слово «Боги». Благодаря исправлению в строке 468 убирается также метрический заполнитель do в словосочетании do wait ['ждут'; эмфатическая конструкция в наст. времени]; по всей видимости, замены did build and fortify ['построили и укрепили'; эмфатическая конструкция в прош. неопр. времени] > founded and fortified [основали и укрепили] 475; и did raise ['воздвигли'; эмфатическая конструкция в прош. неопр. времени] > upraised [воздвигли] 480 относятся к тому же времени. С другой стороны, изменения did flutter ['порхали'; эмфатическая конструкция в прош. неопр. времени] > were fluttering ['порхали'; прош. продолж. время] 523 и did waver ['колыхались'; эмфатическая конструкция в прош. неопр. времени] > went wavering [колыхались] 533, скорее всего, были внесены на ранней стадии (см. «Комментарии К.С. Льюиса», стр. 320–321). Я привожу эти исправления как наглядную иллюстрацию к своим замечаниям на данную тему, стр. 152–153.

180 181

493 elfin- [эльфийски-] «В», исправлено на elven- [эльфийски-]. Здесь и далее это ранняя правка, так же, как elfin [эльфийская] > elvish [эльфийская] в 540 и т.д. 503 $Tinfang\ Warble\ [$ Тинфанг Трель] «А», и в машинописи «В»; $Gelion\ [$ Гелион] –

раннее изменение в «В».

508 После этой строки в «А» следуют еще две, опущенные в «В»:

from England unto Eglamar от Англии до Эгламара

on rock and dune and sandy bar, на скале, и дюне, и песчаной отмели, Первая из этих строк встречается также в раннем наброске начала поэмы,

Первая из этих строк встречается также в раннем наброске начала поэмы, см. стр. 157, прим. к строкам 1–30.

509 *Maglor* [Маглор] «А», «В»; в черновом наброске этого фрагмента *Ivárë* [Иварэ] (но рядом вписано *Maglor*).

527-530~B~«В» отмечено знаком «Х» (т.е. нуждается в редактуре); но никаких других вариантов для замены не предложено.

557 С этой строки начинается новая страница в рукописи «А»; вверху страницы вписана дата: «23/8/25».

558 golden [золотистая] «А» и в машинописи «В» (вне всякого сомнения, по недосмотру); на ранней стадии исправлено на cloudy [туманная]. См. прим. к строкам 1–30 и стр. 159–160.

648 После этой строки стопка экзаменационных бланков, на которых был записан вариант «А» (стр. 150), переложена другими страницами с текстом поэмы вплоть до конца Песни III. Внизу первой из этих страниц вписано: «Файли 1925»: там мой отец отдыхал в сентябре указанного года.

743 В данном двустишии отсутствует вторая строка [17]. Строки 741–745 наспех переработаны на основе критических замечаний Льюиса; см. его комментарии, стр. 325.

Комментарии к Песни III

Многие детали этой Песни заимствованы из «Сказания о Тинувиэли» (II. 10 и далее): каштаны, белые мотыльки, встающая луна, внезапно смолкшая флейта Дайрона, нежелание Тинувиэли бежать, сцена, когда она прячется под болиголовами «подобно бликам лунного света» (ср. II. 11 «она казалась бликом лунного света, мерцающим на земле сквозь листву»); эпизод, где Берен касается ее руки, а она бежит прочь, петляя между стволов деревьев, и после «безлесный холм», на котором она танцевала зимой. Песнь эта соотносится также со стихотворением «Легка, как лист на липовой ветке» (см. стр. 108–110, 120–122), опубликованном в июне 1925 года, в то время как эта часть «Лэ о Лейтиан» была написана чуть позже в том же году. Эти стихотворные произведения перекликаются между собой, а строка «и в танце он выступил вперед, стремительно, ни на что не обращая внимания», повторяющаяся и там, и там (стр. 109, строка 447; стр. 179, строка 725) – это больше, чем просто отголосок.

«Неправильные» имена, встречающиеся в первых двух Песнях рукописи «А», к этому моменту в тексте исчезают. Уже во второй Песни мой отец вернул имя *Келегорм* сыну Феанора (прим. к строке 304); теперь в «А» появляется *Тингол*, имя *Мелилот* заменено на *Лутиэн*, а *Маглор* – на *Берен*. В тексте «А» вместо *Бауглир* стоит *Моргот* (см. стр. 170).

И в том, и в другом тексте теперь со всей определенностью говорится, что *Тинувиэль* – это эльфийское слово, означающее 'соловей' (строка 735; см. стр. 124), а *Маглор*, также в обоих текстах – имя одного из трех величайших певцов Эльфинесса:

Тот, кто играет на арфе на дальних позабытых побережьях и темных берегах, где западная пена ревет вечно, Маглор, чей голос подобен морю (506–509)

Однако в черновом наброске имя этого менестреля – *Иварэ* (хотя рядом приписано *Маглор*); Иварэ также упомянут в «Сказании о Тинувиэли» (II. 10)

наряду с Тинфангом и Дайроном как один из «трех эльфийских музыкантов, чья колдовская власть не имела себе равных», который «слагает напевы у моря». Это – первый намек на последующую историю Маглора, сына Феанора, который, согласно «Сказанию о Науглафринге» (II. 241) был убит вместе с Келегормом при нападении на Диора. Любопытны следующие строки рукописи «А», опущенные в «В» (прим. к строке 508):

от Англии до Эгламара на скале, и дюне, и песчаной отмели

Форма Эгламар (на языке номов, = Эльдамар) встречается в совсем раннем стихотворении «Берега Фаэри» и прозаическом предисловии к нему (II. 262, 272); и та же строчка «от Англии до Эгламара» обнаруживается в черновых набросках к началу «Лэ» (прим. к строкам 1-30). Ссылка на Англию напоминает о том, что на данный момент легендариум все еще отчетливо ассоциировался с Эриолом/Эльфвине, хотя других указаний на это в «Лэ о Лейтиан» нет.

Тинфанг Трель из «Утраченных сказаний» вновь возникает в строке 503; имя было переправлено на Тинфанг Гелион, но значение слова Гелион никак не объясняется.

Только в одном отношении повествование этой Песни существенно расходится с общепринятой «традицией» текстов, но подробность эта достаточно примечательна: в финале Великого Странствия эльфы переправляются через море в Валинор на кораблях!

Однако вся его родня ныне ушла, как повествуется в древних преданиях, искать залив, на последнем берегу смертных земель, где могучие корабли волшебными руками они созидали и плыли за моря. (427–431)

Это крайне странно (и я не в состоянии подобрать объяснения; остается думать, что это – недолго просуществовавшее изменение), так как мотив «острова-судна» (Тол Эрессеа), впервые возникший в «Утраченных сказаниях» (І. 118–120), присутствует во всех вариантах «Сильмариллиона». С другой стороны, эльфы здесь представлены как великие кораблестроители уже в начале своего бытия. – Со ссылкой в только что процитированном отрывке на «залив», откуда отплывали эльфы, можно сравнить тот фрагмент «Сильмариллиона» (стр. 75), где говорится, что Улмо укрепил «остров-судно» в заливе Балар (а отломившийся восточный мыс острова стал островом Балар).

В описании пути Берена в Дориат в строке 563 и далее впервые рассказывается о горах Ужаса, Эред Горгорот (в Песни II они названы «Тенистые горы», см. стр. 170–171): там живут пауки и текут ручьи, сводящие с ума того, кто утолит жажду этой водой (ср. «Сильмариллион» стр. 146; а со строками 590–591 «зловещие тени со злобным светом / в гроздьях глаз» ср. там же, стр. 196: «чудовища ... бесшумно охотились, высматривая добычу своими бесчисленными глазами»).

182

IV

Он рухнул ниц в сплетенья трав, К груди земли без чувств припав, Блаженством грезы упоен, Касаньем уст заворожен, Узрев сквозь морок слепоты Свет, что превыше темноты, Красу, нетленную в веках, Пусть мир вокруг – зола и прах. Так, у дремотной мглы в плену, Он погружался в глубину – В пучину неизбывных мук Разлуки, что прервала вдруг Недолгого свиданья миг. Благоуханье, легкий блик Чуть дрогнули; неясный след Поблек, погас – и вот их нет. И новый день застал его В тоске и скорби - одного.

«Куда ты скрылась? День уныл, Свет дня поблек, и воздух стыл! Куда твой путь увел, куда? О заплутавшая звезда, О дева грезы! О цветок Эльфийских сумерек – жесток Дар совершенной красоты Для смертных душ! Леса пусты! Пусты! – воскликнул он средь трав, – Весна увяла, не настав!» Так, сбившись с мыслей и с пути, На ощупь тщился он брести – Слепец так ловит свет рукой Во тьме, что глубже тьмы ночной.

Так Берен скорбью оплатил Предначертанье высших сил, Любовь бессмертной Лутиэн, Чьей красоты нетленный плен –

IV

He lay upon the leafy mould, his face upon earth's bosom cold, 760 aswoon in overwhelming bliss, enchanted of an elvish kiss, seeing within his darkened eyes the light that for no darkness dies, the loveliness that doth not fade, though all in ashes cold be laid. 765 Then folded in the mists of sleep he sank into abysses deep, drowned in an overwhelming grief for parting after meeting brief; a shadow and a fragrance fair 770 lingered, and waned, and was not there. Forsaken, barren, bare as stone, the daylight found him cold, alone.

'Where art thou gone? The day is bare, the sunlight dark, and cold the air! 775
Tinúviel, where went thy feet?
O wayward star! O maiden sweet!
O flower of Elfland all too fair for mortal heart! The woods are bare!
The woods are bare!' he rose and cried. 780
'Ere spring was born, the spring hath died!'
And wandering in path and mind he groped as one gone sudden blind, who seeks to grasp the hidden light with faltering hands in more than
night. 785

And thus in anguish Beren paid for that great doom upon him laid, the deathless love of Lúthien, too fair for love of mortal Men;

 $\frac{183}{184}$

184

185

Не для сынов земли. Но рок И Лутиэн в ту сеть увлек, И ей, бессмертной, повелел С ним смертный разделить удел, И цепи выковал для рук – Живой любви и смертных мук.

Сверх чаянья, она назад Пришла, едва погас закат И запылали в небесах Пожары звезд; в ее глазах Дрожали звездные лучи, И облако волос в ночи Струило нежный аромат Эльфийских трав с холмистых гряд.

Так Лутиэн вернулась вспять; Та, что словить и удержать Не властны сети и стрела, На зов, покорная, пришла, И так легла, нежна, легка, В его ладонь – ее рука; В заклятый час, в земле вне зла Она скитальца обняла И приклонила отдохнуть Главу уставшего на грудь. А! Лутиэн, Тинувиэль, Во взгляде – звездная метель, Лучистый лик и легкий шаг -Чем мил тебе лесной овраг? С закатом, как сгущалась мгла, Она любимого ждала, И покидала лишь тогда, Как меркла за звездой звезда, И отблеском посеребрен, Светлел восточный небосклон. Она являлась; трепетал Шелк невесомых покрывал; Чуть смущена, пред чужаком Плясунья в танце колдовском Кружилась, словно легкий дух, Шутливо укоряя вслух:

and in his doom was Lúthien snared, the deathless in his dying shared; and Fate them forged a binding chain of living love and mortal pain.

Beyond all hope her feet returned at eve, when in the sky there burned 795 the flame of stars; and in her eyes there trembled the starlight of the skies, and from her hair the fragrance fell of elvenflowers in elven-dell.

800 Thus Lúthien, whom no pursuit, no snare, no dart that hunters shoot, might hope to win or hold, she came at the sweet calling of her name; and thus in his her slender hand was linked in far Beleriand: 805 in hour enchanted long ago her arms about his neck did go, and gently down she drew to rest his weary head upon her breast. A! Lúthien, Tinúviel, 810 why wentest thou to darkling dell with shining eyes and dancing pace, the twilight glimmering in thy face? Each day before the end of eve she sought her love, nor would him leave, 815 until the stars were dimmed, and day came glimmering eastward silver-grey. Then trembling-veiled she would appear and dance before him, half in fear; there flitting just before his feet 820

she gently chid with laughter sweet:

«Нет, Берен – ты танцуй, не стой! Хочу взглянуть на танец твой! Танцуй! Влюбленный ухажер Ступает легче, быстр и скор, Чем те, чьи тропы пролегли У гор, под небом, вне земли, Где вяз и бук озарены Сиянием ночной луны!»

Так Берен в старину постиг Исконной мудрости язык; Взгляд ярко вспыхнул: сила чар Зажгла в глазах прозренья дар; Гость, в танце следуя за ней, Ступал все легче и вольней, И пел окрепший голос в лад Певцам, что знает Дориат – Край, где в цвету тропа и свод; И смех звенел каскадом нот. Шли дни, и вот весне вослед Забрезжил лета ясный свет.

Час встреч и короток, и скор; И Дайрона ревнивый взор Пронзает тень лесной глуши Весь день – и вот, в ночной тиши Он видит: в танце легкий шаг Влюбленные стремят сквозь мрак: Две легких тени под луной, Где прежде был приют – одной. «Будь проклят ты, о Край Дерев! Пусть скорбь и тишь прервут напев, Пусть флейта выпадет из рук, Умолкнет песнь, угаснет звук, Белерианд познает страх, Все стихнет в рощах и в лесах!»

И пал безмолвия покров В застывшем воздухе лесов. Дивился Тингола народ, Всяк дознавался в свой черед: «Кто сплел заклятья тишины? Что Дайрон смолк? Едва слышны

'Come! dance now, Beren, dance with me! For fain thy dancing I would see. Come! thou must woo with nimbler feet, than those who walk where mountains meet 825

the bitter skies beyond this realm of marvellous moonlit beech and elm.'

In Doriath Beren long ago
new art and lore he learned to know;
his limbs were freed; his eyes alight, 830
kindled with a new enchanted sight;
and to her dancing feet his feet
attuned went dancing free and fleet;
his laughter welled as from a spring
of music, and his voice would sing 835
as voices of those in Doriath
where paved with flowers are floor and path.
The year thus on to summer rolled,
from spring to a summertime of gold.

Thus fleeting fast their short hour flies, 840

while Dairon watches with fiery eyes, haunting the gloom of tangled trees all day, until at night he sees in the fickle moon their moving feet, two lovers linked in dancing sweet, 845 two shadows shimmering on the green where lonely-dancing maid had been. 'Hateful art thou, O Land of Trees! May fear and silence on thee seize! My flute shall fall from idle hand 850 and mirth shall leave Beleriand; music shall perish and voices fail and trees stand dumb in dell and dale!'

It seemed a hush had fallen there upon the waiting woodland air; 855 and often murmured Thingol's folk in wonder, and to their king they spoke: 'This spell of silence who hath wrought? What web hath Dairon's music caught?

60 186

Напевы птичьи; лес угрюм; Унял Эсгалдуин рев и шум, Не шелестит зеленый свод, Беззвучен крыл пчелы полет!»

Так вопрошали стар и млад, И дочери смятенный взгляд Ловила Мелиан. Гонцов За Дайроном в конце концов Послал владыка; сам же он Взошел на холм, воссел на трон Под сенью кряжистых ветвей Царицы Буков: имя ей От века Хирилорн; взнеслись В недосягаемую высь Три неохватные ствола И лиственные купола. Там, где Эсгалдуин воды нес, Пологий уводил откос К вратам во тьму подземных сфер, Под своды Тысячи Пещер. Там Тингол восседал: вокруг Ни птичья трель, ни флейты звук, Ни шелестящие листы Не нарушали немоты. Там Дайрон, молчалив и тих, Встал средь сородичей своих. «О дивный Дайрон, - Тингол рёк, -Напевов древности знаток! Ты - сердцем мудр, ты видишь суть, Твой слух и взор не обмануть: Что предвещает тишина? Иль песнь рогов вдали слышна? Что за веленья чаща ждет? Или лорд Таврос от ворот И сводчатых лесных хором На диком скакуне верхом, Владыка чащ, бог леса, мчит Под грохот золотых копыт, Под трубный гром, а свита – вслед, И всяк в зеленое одет, -

It seems the very birds sing low; 860 murmurless Esgalduin doth flow; the leaves scarce whisper on the trees, and soundless beat the wings of bees!'

This Lúthien heard, and there the queen her sudden glances saw unseen. But Thingol marvelled, and he sent for Dairon the piper, ere he went and sat upon his mounded seat his grassy throne by the grey feet of the Queen of Beeches, Hirilorn, 870 upon whose triple piers were borne the mightiest vault of leaf and bough from world's beginning until now. She stood above Esgalduin's shore, where long slopes fell beside the door, 875 the guarded gates, the portals stark of the Thousand echoing Caverns dark. There Thingol sat and heard no sound save far off footsteps on the ground; no flute, no voice, no song of bird, no choirs of windy leaves there stirred; and Dairon coming no word spoke, silent amid the woodland folk. Then Thingol said: 'O Dairon fair, thou master of all musics rare, 885 O magic heart and wisdom wild, whose ear nor eye may be beguiled, what omen doth this silence bear? What horn afar upon the air, what summons do the woods await? 890 Mayhap the Lord Tavros from his gate and tree-propped halls, the forest-god, rides his wild stallion golden-shod amid the trumpets' tempest loud, amid his green-clad hunters proud, 895

 $\frac{186}{187}$

Прочь от смарагдовых дубрав И ланей? Кроны взволновав, Донесся отзвук голосов На крыльях западных ветров -И чает лес, заворожен, Чтоб вновь пронесся дикий гон Под смертной сенью чащ и скал? Ах, кабы так! Не покидал Веками Таврос Край Благой С тех пор, как Моргот начал бой, И гордый Север ждал разгром, И ном утратил кров и дом. Но ежели не Таврос - кто ж?» Рёк Дайрон: «Ты напрасно ждешь! Никто из племени Богов Вновь не покинет берегов, Где катят вал моря Теней: Пройдет немало лет и дней, Постигнет мир немало бед До той поры! Лорд Таврос? Нет! Средь нас – чужак. Леса молчат, Но знай: край немотой объят При виде небывалых дел: Чего король не доглядел, То взорам королев, - как знать? -Дано постичь и угадать; А девам суть и так ясна: Там двое - где была одна!»

«Проста загадка – но изволь Сказать ясней! – вскипел король. – Кто тот, что заслужил мой гнев? Как смеет средь моих дерев Бродить он вольно тут и там, Чужой и букам, и дубам?» Но Дайрон, нем, на Лутиэн Взглянул, пристыжен и смятен, И продолжать не захотел, Хоть Тингол был от гнева бел. А дочь владыки, наконец Ступив вперед, рекла: «Отец!

leaving his deer and friths divine and emerald forests? Some faint sign of his great onset may have come upon the Western winds, and dumb the woods now listen for a chase 900 that here once more shall thundering race beneath the shade of mortal trees. Would it were so! The Lands of Ease hath Tavros left not many an age, since Morgoth evil wars did wage, 905 since ruin fell upon the North and the Gnomes unhappy wandered forth. But if not he, who comes or what?' And Dairon answered: 'He cometh not! No feet divine shall leave that shore, where the Shadowy Seas' last surges roar, till many things be come to pass, and many evils wrought. Alas! the guest is here. The woods are still, but wait not; for a marvel chill 915 them holds at the strange deeds they see, but kings see not – though queens, maybe, may guess, and maidens, maybe, know. Where one went lonely two now go!'

'Whither thy riddle points is plain' 920 the king in anger said, 'but deign to make it plainer! Who is he that earns my wrath? How walks he free within my woods amid my folk, a stranger to both beech and oak?' 925 But Dairon looked on Lúthien and would he had not spoken then, and no more would he speak that day, though Thingol's face with wrath was grey. Then Lúthien stepped lightly forth: 930

На Севере, ограждена Заслоном гор, лежит страна, Что Моргота познала гнет. Из-за хребтов явился тот, Кто, тяготы боев и бед Сполна изведав, дал обет Мстить Властелину Тьмы: свой род Герой от Беора ведет. В твои леса, под сень листвы, Доходят отзвуки молвы От диких горных рубежей О доблестнейшем средь мужей Из дома Беора: хвала Тому, чье сердце чуждо зла, Дух - стоек, меч - непобедим. Нет власти у Врага над ним, Его стеречься нет причин: То Берен, Барахира сын! Зовешь его? - быть по сему! Дай клятву не вредить ему -И я введу его в твой дом -Как равного, но не рабом!» Король, недвижен и суров, На Лутиэн взирал без слов, Молчала Мелиан; она, Нимало не удивлена, К обоим обращала взгляд. Изрёк король: «Не повредят Ему ни цепь, ни сталь клинка. Чужак пришел издалека И, может быть, принес мне весть – И что ему сказать, мне есть!» Всем повелев покинуть зал, Владыка к Дайрону воззвал: «Что за волшбу, что за обман, Туманов северных дурман Принес пришлец злосчастный нам? Певец, внемли моим словам! Тебе весь Дориат знаком – Ступай за Лутиэн тайком, -О дочерь! Что тобой за бред Владеет? Что за сеть тенет,

'Far in the mountain-leaguered North, my father,' said she, 'lies the land that groans beneath King Morgoth's hand. Thence came one hither; bent and worn in wars and travail, who had sworn 935 undying hatred of that king; the last of Bëor's sons, they sing, and even hither far and deep within thy woods the echoes creep through the wild mountain-passes cold, 940 the last of Bëor's house to hold 187 a sword unconquered, neck unbowed, 188 a heart by evil power uncowed. No evil needst thou think or fear of Beren son of Barahir! 945 If aught thou hast to say to him, then swear to hurt not flesh nor limb, and I will lead him to thy hall, a son of kings, no mortal thrall.' Then long King Thingol looked on her 950 while hand nor foot nor tongue did stir, and Melian, silent, unamazed, on Lúthien and Thingol gazed. 'No blade nor chain his limbs shall mar' the king then swore. 'He wanders far, 955 and news, mayhap, he hath for me, and words I have for him, maybe! ' Now Thingol bade them all depart save Dairon, whom he called: 'What art, what wizardry of Northern mist 960 hath this illcomer brought us? List! Tonight go thou by secret path, who knowest all wide Doriath,

Как путы Морготова зла, Тебя незримо оплела? Чем мысль твоя помрачена? Смотри ж, чтоб Берену она Бежать не вздумала помочь! Я с ним увидеться не прочь! Возьми лесных стрелков дозор, Пусть не затмятся дух и взор!»

И Дайрон, сам тому не рад, В лес выслал лучников отряд – Без надобности. Ночью той, В подлунной дымке золотой, Ввела принцесса пришлеца На мост под стенами дворца, Где немо нависал и ждал Разверстый каменный портал.

Вниз гостя ласковой рукой Она направила; резьбой Покрыт был каждый коридор: Драконы устрашали взор -Глаза – каменья, кость – клыки; Огня живые языки Подсвечивали пол и свод, Отметив каждый поворот. И вдруг, прервав безмолвья сон, Смех, серебристый перезвон Донесся из глубин, неждан: То пели птицы Мелиан. И расступилась полумгла -Под арки Лутиэн ввела Скитальца в лучезарный свет -Как в вечный день вне смены лет, Как в ночь под звездный небосвод. Образовав древесный грот, Резных стволов вознесся строй, Как башни чащи колдовской, Волшбой навеки скреплены; Сплетались ветви, зелены, В узор ажурно-кружевной, Подсвечен солнцем и луной.

and watch that Lúthien – daughter mine, what madness doth thy heart entwine, 965 what web from Morgoth's dreadful halls hath caught thy feet and thee enthralls! – that she bid not this Beren flee back whence he came. I would him see! Take with thee woodland archers wise. 970 Let naught beguile your hearts or eyes!'

Thus Dairon heavyhearted did, and the woods were filled with watchers hid; yet needless, for Lúthien that night led Beren by the golden light 975 of mounting moon unto the shore and bridge before her father's door; and the white light silent looked within the waiting portals yawning dim.

980 Downward with gentle hand she led through corridors of carven dread whose turns were lit by lanterns hung or flames from torches that were flung on dragons hewn in the cold stone with jewelled eyes and teeth of bone. 985 Then sudden, deep beneath the earth the silences with silver mirth were shaken and the rocks were ringing, the birds of Melian were singing; and wide the ways of shadow spread 990 as into archéd halls she led Beren in wonder. There a light like day immortal and like night of stars unclouded, shone and gleamed. A vault of topless trees it seemed, 995 whose trunks of carven stone there stood like towers of an enchanted wood in magic fast for ever bound, bearing a roof whose branches wound 1000 in endless tracery of green lit by some leaf-emprisoned sheen

 $\frac{188}{189}$

На черешках златых – листы: Каменья дивной красоты. Ло! Средь немеркнущих цветов Звучали песни соловьев Над головою Мелиан, И струи рассыпал фонтан Над полом в каменном дворце. Там Тингол восседал – в венце Из зелени и серебра. Вкруг - воины его двора В сиянии эльфийских лат. На короля поднявши взгляд, Смешался Берен, изумлен. Вокруг него со всех сторон Сомкнулось мечников кольцо. Всмотрелась Мелиан в лицо Ему – и гость глаза отвел И немо замер, глядя в пол. Король же медленно изрёк: «Кто ты, что в мой забрел чертог? Узнай же: кто под этот свод Незваным вторгнуться дерзнет, Тот не покинет сих палат!» Смолчал гость, робостью объят. Но отвечала Лутиэн: «Се – тот, кто не склонил колен Пред Морготом; кого сюда Пригнала, как пожар, вражда. То – Берен, Барахира сын! Отец мой, нет ему причин Страшиться гнева короля: Он, с нами недругов деля, Вел с ними битву, одинок!»

«Пусть скажет Берен! – Тингол рёк.– Что надо здесь тебе, чужак? Почто сюда направил шаг Ты, смертный, через глыбы скал? Чем Лутиэн околдовал? Как смел в лесной пробраться край Незваным, втайне? Подбирай

of moon and sun, and wrought of gems, and each leaf hung on golden stems. Lo! there amid immortal flowers the nightingales in shining bowers 1005 sang o'er the head of Melian, while water for ever dripped and ran from fountains in the rocky floor. There Thingol sat. His crown he wore of green and silver, and round his chair 1010 a host in gleaming armour fair. Then Beren looked upon the king and stood amazed; and swift a ring of elvish weapons hemmed him round. Then Beren looked upon the ground, 1015 for Melian's gaze had sought his face, and dazed there drooped he in that place, and when the king spake deep and slow: 'Who art thou stumblest hither? Know that none unbidden seek this throne 1020. and ever leave these halls of stone!' no word he answered, filled with dread. But Lúthien answered in his stead: 'Behold, my father, one who came 189 190 pursued by hatred like a flame! 1025 Lo! Beren son of Barahir! What need hath he thy wrath to fear, foe of our foes, without a friend, whose knees to Morgoth do not bend?'

'Let Beren answer!' Thingol said. 1030
'What wouldst thou here? What hither led
thy wandering feet, O mortal wild?
How hast thou Lúthien beguiled
or darest thus to walk this wood
unasked, in secret? Reason good 1035

Весомый довод для меня -Иль не увидишь света дня!» И Берен встретил девы взгляд -Светлей, чем летний звездопад; Его лучами осиян, Гость вскинул взор на Мелиан. И вот, вглядясь в ее черты, От изумленной немоты Очнулся Берен. Гордость в нем Зажглась неистовым огнем, Благоговенье одолев; Блеснул в глазах холодный гнев: «Самой судьбой я был ведом: Хребет минуя за хребтом, Я шел, сбивая ноги в кровь; Здесь в плен взяла меня любовь: Преодолев громады скал, Я здесь нашел, чего не ждал. Взыскую я бесценный дар: Ни сталь, ни Морготов пожар Ни Эльфинесса мощь и рать Мне не сумеют помешать Добыть желанный самоцвет, Которого дороже нет: То дочь твоя, король, светлей Прекрасных смертных дочерей».

Безмолвие сковало зал; И всяк, окаменев, молчал. Средь всех потупилась одна; Второй, бледнее полотна, Сдержать злой хохот не сумел, – Свирельщик Дайрон, бел как мел, Приник к колонне у стены: В душе – пожар, глаза – темны; Ствол флейты стиснули персты. «Заслуживаешь смерти ты, О смертный смерд, что, груб и дик, В угодьях Морготских привык Шпионить, красться и шнырять Отродьям орочьим под стать!»

'twere best declare now if thou may, or never again see light of day!' Then Beren looked in Lúthien's eyes and saw a light of starry skies, and thence was slowly drawn his gaze 1040 to Melian's face. As from a maze of wonder dumb he woke: his heart the bonds of awe there burst apart and filled with the fearless pride of old; in his glance now gleamed an anger cold. 1045 'My feet hath fate, O king,' he said, 'here over the mountains bleeding led, and what I sought not I have found, and love it is hath here me bound. Thy dearest treasure I desire; 1050 nor rocks nor steel nor Morgoth's fire nor all the power of Elfinesse shall keep that gem I would possess. For fairer than are born to Men A daughter hast thou, Lúthien.' 1055

Silence then fell upon the hall; like graven stone there stood they all, save one who cast her eyes aground, and one who laughed with bitter sound. Dairon the piper leant there pale 1060 against a pillar. His fingers frail there touched a flute that whispered not; his eyes were dark; his heart was hot. 'Death is the guerdon thou hast earned, O baseborn mortal, who hast learned 1065 in Morgoth's realm to spy and lurk like Orcs that do his evil work!'

 $\frac{190}{191}$

Затрепетала Лутиэн, С тоскою глядя на отца. «И смерть постигла б наглеца, Когда б не вздорный мой обет, – Рёк Тингол, - не содеют вред Ему ни цепь, ни сталь клинка. Но без решеток и замка, Свободен от оков и пут, Нескованным ты будешь тут, По лабиринту в толще скал, Вокруг моих дворцовых зал, Средь наваждений и теней Скитаться до скончанья дней И, рок не уставая клясть -Познаешь Эльфинесса власть, Навеки ввергнутый во тьму!» Рек Берен: «Не бывать тому! – Владыку дерзко перебив. – Ужель король эльфийский лжив, И Морготу под стать, готов Смысл извратить своих же слов? Что, как не цепь, твой темный склеп – Где сгинет пленник, нем и слеп! Сим перстнем был союз скреплен С владыкой Фелагундом: он Любви и дружества залог Дал Барахиру: вождь помог Своим щитом, своим копьем Ему спастись в бою с врагом На северных полях войны. Убить ты можешь без вины Меня - но называть не смей Бесстрашного вождя людей Шпионом, Морготским рабом И смердом! Не такой прием Чертогам Тингола пристал!» Глядел завороженно зал На блеск смарагдовых камней В глазах переплетенных змей, Что в перстне Берена сошлись:

«Смерть!» – вторил Дайрон, разъярен. 'Death!' echoed Dairon fierce and low, Затрепетала Лутиэн, but Lúthien trembling gasped in woe. С тоскою глядя на отца. 'And death,' said Thingol, 'thou shouldst Korya 6 из вадоруний мой обет. taste, 1070

> had I not sworn an oath in haste that blade nor chain thy flesh should mar. Yet captive bound by never a bar, unchained, unfettered, shalt thou be in lightless labyrinth endlessly 1075 that coils about my halls profound by magic bewildered and enwound; there wandering in hopelessness thou shalt learn the power of Elfinesse!' 'That may not be!' Lo! Beren spake, 1080 and through the king's words coldly brake. 'What are thy mazes but a chain wherein the captive blind is slain? Twist not thy oaths, O elvish king, like faithless Morgoth! By this ring – 1085 the token of a lasting bond that Felagund of Nargothrond once swore in love to Barahir, who sheltered him with shield and spear and saved him from pursuing foe 1090 on Northern battlefields long ago death thou canst give unearned to me, but names I will not take from thee of baseborn, spy, or Morgoth's thrall! Are these the ways of Thingol's hall?' 1095 Proud are the words, and all there turned to see the jewels green that burned in Beren's ring. These Gnomes had set as eyes of serpents twined that met

Герб дома на заре времен, А Фелагунд теперь носил. Гнев Тингола слегка остыл, Но, мрачной думой обуян, Он хмурил брови. Мелиан Склонилась к мужу, чтоб шепнуть: «Король, гордыню позабудь! Узнай: не от твоей руки Погибнет Берен. Далеки Его дороги! Пришлеца Прочь от подземного дворца Ведет сама судьба: она С твоей судьбою сплетена!» Взглянул на Лутиэн король И так в сердцах подумал: «Сколь Недолговечен смертный люд -Они истают и умрут, Князьков ничтожных сыновья! О дочь прекрасная моя, Таким ли – ныне или впредь – С любовью на тебя глядеть?» И молвил Тингол: «Перстень твой Я вижу, доблестный герой! Но только подвигов отца И Фелагундова кольца Не хватит, чтоб такой ценой Дочь Мелиан назвать женой; И не помогут речи, в дрожь Меня бросающие. Что ж! И я взыскую ценный дар: Но сталь и Морготов пожар, Смиряя Эльфинесса рать,

Мне не дают своим назвать Желанный этот самоцвет.

Ты говоришь, преграды нет

Твоей отваге! Ну так в путь! Мне Сильмариль один добудь,

Цветочную корону ввысь

Вторая гложет. Вещь сия -

Знак Финрода: сработал он

Возносит первая змея,

beneath a golden crown of flowers, 1100 that one upholds and one devours: the badge that Finrod made of yore and Felagund his son now bore.

His anger was chilled, but little less, and dark thoughts Thingol did

possess, 1105 though Melian the pale leant to his side and whispered: 'O king, forgo thy pride! Such is my counsel. Not by thee shall Beren be slain, for far and free from these deep halls his fate doth

lead, 1110

yet wound with thine. O king, take heed!' But Thingol looked on Lúthien. 'Fairest of Elves! Unhappy Men, children of little lords and kings mortal and frail, these fading things, 1115 shall they then look with love on thee?' his heart within him thought. 'I see thy ring,' he said, 'O mighty man! But to win the child of Melian a father's deeds shall not avail, 1120 nor thy proud words at which I quail. A treasure dear I too desire. but rocks and steel and Morgoth's fire from all the powers of Elfinesse do keep the jewel I would possess. 1125 Yet bonds like these I hear thee say affright thee not. Now go thy way!

 $\frac{191}{192}$

192

193

Что в Морготов венец вкреплен, Bring me one shining Silmaril И, буде воля Лутиэн, Ты назовешь ее женой И самоцвет получишь мой!»

Расхохоталась стража – всех Накрыл необоримый смех: Тех самоцветов ясный свет, Восславлен в песнях и воспет, Зажег искусный Феанор В угодьях валар; с давних пор Три Сильмариля, камня три, Сияли светом изнутри, Как в черном небе – звезд огни. В стенах сокровищниц они Хранились в Туне. Той порой Цвел Бельтиль; Глингал золотой Последний берег озарял, Где с ревом вспенивают вал Бескрайние моря Теней; Враг не украл еще камней, И номы из земли благой Покуда не ушли на бой, Мир не постигли сонмы бед, И Берен с Лутиэн на свет Еще не были рождены, И Феаноровы сыны Слов клятвы не произнесли. Но ныне в глубине земли Камней сокрылась красота, В мгле Преисподней заперта. В железном Морготском венце Они сияли во дворце Над сонмом орков и рабов, Ценимы паче жемчугов, Превыше злата; Враг берег Их пуще ока, чтоб не смог Ничей задерживаться взгляд На трех камнях. За рядом ряд, Кривые орочьи клинки, Засовы, стены и замки,

from Morgoth's crown, then if she will, 1130 may Lúthien set her hand in thine; then shalt thou have this jewel of mine.'

Then Thingol's warriors loud and long they laughed; for wide renown in song had Fëanor's gems o'er land and sea, the peerless Silmarils; and three 1135 alone he made and kindled slow in the land of the Valar long ago, and there in Tûn of their own light they shone like marvellous stars at night, in the great Gnomish hoards of Tûn, while Glingal flowered and Belthil's bloom yet lit the land beyond the shore where the Shadowy Seas' last surges roar, ere Morgoth stole them and the Gnomes seeking their glory left their homes, 1145 ere sorrows fell on Elves and Men. ere Beren was or Lúthien. ere Fëanor's sons in madness swore their dreadful oath. But now no more their beauty was seen, save shining clear 1150 in Morgoth's dungeons vast and drear. His iron crown they must adorn, and gleam above Orcs and slaves forlorn, treasured in Hell above all wealth, more than his eyes; and might nor stealth 1155 could touch them, or even gaze too long upon their magic. Throng on throng of Orcs with reddened scimitars encircled him, and mighty bars

И крепость врат, и колдовство, Оплотом стали для того, Кто ими увенчал чело. Расхохотался Берен зло Всех громче, и промолвил так: «За побрякушки, за пустяк, За злато гривен и перстней Продать готовы дочерей Владыки эльфов! Твой наказ Исполню – не в последний раз Перед тобой, о властелин, Встал Берен, Барахира сын. Прощай, Тинувиэль! Звезда Да озарит тебя! Сюда Я на исходе зимних дней Вернусь – но не ценой камней Какими славен Эльфинесс Тебя купить – нет, чтоб снискать В любви – красу и благодать, Цветок под куполом небес». Пред Мелиан и королем Склонившись, Берен сквозь проем Прошел, раздвинув стражи круг, И скрылся в коридорах: звук Шагов угас средь темноты. «Коварной клятвой клялся ты, Отец! На Морготский острог, На цепи и клинки обрек Ты Берена!» – рекла в слезах Принцесса: сжал ей сердце страх. Все отвели глаза; с тех пор, Как с горечью запомнил двор, Умолкли песни Лутиэн. Но вот в тиши дворцовых стен Раздался, ясен и неждан, Холодный голос Мелиан: «Король, твой замысел лукав! Но коли вещий взор мой прав, То лучший для тебя исход – Коль Берен на пути падет. Так лучше для тебя; хотя

Тем самым ты свое дитя

and everlasting gates and walls, 1160 who wore them now amidst his thralls.

Then Beren laughed more loud than they in bitterness, and thus did say:

'For little price do elven-kings their daughters sell – for gems and

rings 1165

and things of gold! If such thy will, thy bidding I will now fulfill. On Beren son of Barahir thou hast not looked the last, I fear. Farewell, Tinúviel, starlit maiden! 1170 Ere the pale winter pass snowladen, I will return, not thee to buy with any jewel in Elfinesse, but to find my love in loveliness, a flower that grows beneath the sky.' 1175 Bowing before Melian and the king he turned, and thrust aside the ring of guards about him, and was gone, and his footsteps faded one by one in the dark corridors. 'A guileful

oath 1180

thou sworest, father! Thou hast both to blade and chain his flesh now doomed in Morgoth's dungeons deep entombed,' said Lúthien, and welling tears sprang in her eyes, and hideous

fears 1185

clutched at her heart. All looked away, and later remembered the sad day whereafter Lúthien no more sang.

Then clear in the silence the cold words rang of Melian: 'Counsel cunning-wise, 1190 O king!' she said. 'Yet if mine eyes lose not their power, 'twere well for thee that Beren failed his errantry.

 $\frac{193}{194}$

На участь горькую обрек И на скитанья без дорог».

Король изрек: «Не продаю Я людям плоть и кровь свою, Тех, кто мне пуще глаза мил. Когда б я лишь предположил, Что в Тысячу Пещер живым Вернется Берен, – я бы с ним Иначе обошелся: впредь Ему б не довелось узреть Мир, звездным светом осиян!» Чуть улыбнулась Мелиан, Но омрачился вещий взгляд Тоской: так мудрые скорбят.

Well for thee, but for thy child a dark doom and a wandering wild.' 1195

'I sell not to Men those whom I love' said Thingol, 'whom all things above I cherish; and if hope there were that Beren should ever living fare to the Thousand Caves once more,

I swear 1200

he should not ever have seen the air or light of heaven's stars again.'
But Melian smiled, and there was pain as of far knowledge in her eyes; for such is the sorrow of the wise. 1205

*

ПРИМЕЧАНИЯ

Начало этой Песни сохранилось в двух машинописных рукописях (до строки 863), причем вторая версия существенно расширена; К.С. Льюис получил первую из них – более того, очевидно, что текст был переработан отчасти благодаря его критике.

758–863 Черновые наброски этой части «Лэ» (гораздо более короткие, нежели приведенный здесь поздний текст) были записаны на обороте счетов от книгопродавцев, датированных 31 декабря 1925 г. и 2 февраля 1926 г.

761 В этой Песни уже в «А» обнаруживается вариант *elvish*, а не *elfin*; однако в обоих текстах в строке 1164 содержится *elfin* (в «В» исправлено на *elven-* [все три формы означают 'эльфийский']). *Elven-* 799 содержится в строке, которая обнаруживается только в поздней переработке «В»(2).

762–773 Эти строки в «А» отсутствуют; вариант «В»(1), сурово раскритикованный К. С. Льюисом, приводится вместе с его комментариями на стр. 326.

781-841 «A»:

and the bare woods nor moved nor sighed. Yet ever after when star or moon

shone clear or misty then came she soon

just after day before the eve

and found him, nor his side did leave until night waned and starlight ceased и нагие леса не дрогнули и не вздохнули. Однако с тех пор всегда, когда звезда или луна

сияли ясно или в тумане, тогда она приходила вскорости, сразу на исходе дня, до наступления сумерек, отыскивала его и не покидала его.

отыскивала его и не покидала его, пока не таяла ночь и не гас звездный свет, and day came pale o'er the pathless east. и не вставал бледный день над нехоженым востоком.

And there in far Broseliand
he learned the touches of her hand;
his feet grew swift as unseen airs,

his laughter soft, and far his cares, his voice like those in Doriath

that wander where there runs no path. Thus days of golden spring did rise while Dairon watched with fiery eyes И там, в далеком Броселианде, он изведал прикосновения ее руки; шаг его сделался стремителен, как незримые дуновения,

смех мягок, а заботы отступили вдаль, а голос уподобился голосам жителей Пориата

которые странствуют там, где нет троп. Так прибавлялись дни золотой весны, а Дайрон наблюдал пылающим взглядом

Написание *Broseliand* через *s* теперь вошло в «А»-текст. В «В»(1) так же, как в «А», за исключением того, что между строк 7 и 8 выше вставлены десять строк, которые отец сохранил в гораздо более пространном тексте «В»(2), 818–827 (*Then trembling-veiled* [Тогда под трепещущим покрывалом], и т.д.).

805 Broseliand [Броселианд] «В»(2), исправлено на Beleriand [Белерианд].

849–851 Эти строки – исправление, внесенное в «В»(2); *Beleriand* [Белерианд] написано именно в таком варианте. Касательно версии «В»(1), раскритикованной К. С. Льюисом, и версии «В»(2) до внесения правки, см. комментарии Льюиса на стр. 327.

891, 904 *Tavros* [Таврос] в «В» было исправлено на *Tauros* [Таурос], но изменение это, по всей видимости, относится к гораздо более позднему времени. В черновых набросках здесь сначала значилось имя (*Ormain* [Opмaйн] >) *Ormaid* [Opмaйд], затем *Tavros*.

937 Исходный вариант в «В»: the last of Men, as songs now sing [последний из людей, как поется ныне в песнях] (и в 939 – like echoes [как эхо]).

941 Исходный вариант в «В»: the last of Men alone to hold [последний из людей, кто единственным еще держит].

983–985 Эти строки отмечены знаком «Х» в «В»-тексте, а слова *on dragons* [на драконах] подчеркнуты и отмечены знаком «Х» – предположительно потому, что твари Моргота не могли быть вырезаны на стенах Тысячи Пещер.

987–989 Здесь повторены строки 408–410 из Песни III.

1010 silver [(из) серебра]: изначально в тексте «В» стояло gold [(из) золота].

1059–1063 Эти строки отмечены знаком «Х» в «В»-тексте, равно как и строки 1068–1069. Возможно, мой отец хотел представить Дайрона менее откровенно враждебным по отношению к Берену, а также показать, что он устыдился своих разоблачительных слов перед Тинголом (строки 909–919).

1087 «А»: that Celegorm of Nargothrond [что Келегорм Нарготрондский], где Celegorm сперва было исправлено на Felagoth [Фелагот], затем на Felagund [Фелагунд] (как в строке 304).

1098 Gnomes [номы]: на полях «В» написано: Elves/smiths [эльфы/кузнецы]. Это

со всей очевидностью позднее исправление, внесенное только ради того, чтобы избавиться от слова *Gnomes* (см. I. 43–44).

1102-1103 «A»:

the badge that Fëanor made of yore Знак, что встарь создал Феанор, and Celegorm his son now bore. а теперь носил его сын Келегорм. Вариант *Celegorm* [Келегорм] здесь не исправлен, как в строке 1087, но в рукописи двустишие взято в скобки.

1141 Glingal [Глингал], Belthil [Бельтиль]: изначально в «В» значились Glingol [Глингол], Bansil [Бансиль]. Те же изменения были внесены в «Детей Хурина» (стр. 80–81, примечания к строкам 2027–2028), где я сохраняю более ранние формы.

1144–1145 Эти строки отмечены знаком «Х» в «В»-тексте, вероятно, просто изза слова *Gnomes* [номы], которое здесь стоит на рифме и замене подлежит с трудом (см. прим. к строке 1098); но К. С. Льюис раскритиковал слово *their* [их] в строке 1145 как непонятно к чему относящееся (см. его комментарии, стр. 329).

1151 «A»: in Morgoth Bauglir's dungeons drear [в мрачных подземельях Моргота Бауглира]. См. стр. 182.

1161 Здесь на полях рукописи «А» вписано: «27, 28 мар. 1928 г.».

1175 Этой строки в «А» изначально не было; она вписана карандашом и снабжена указаниями под вопросительными знаками поместить ее либо после строки 1172, либо (со сбоем рифмы) после 1174, как в «В».

Комментарии к Песни IV

При сравнении Песни со «Сказанием о Тинувиэли» становится очевидно, что повествование наполняется более глубоким смыслом, во многом благодаря кардинальному изменению: Берен уже не эльф, но смертный человек (см. стр. 171). История, рассказанная в поэме - это вариант «Сильмариллиона» (стр. 198-201); ведь прозаическая версия, приближенная к «Лэ» во всех подробностях, крупных и мелких, и, более того, во многих формулировках, напрямую основывалась на стихотворной версии; а в данной Песни стихи впоследствии не претерпевали значительных изменений. В поэме есть отдельные элементы, которые в прозаический пересказ не вошли, как, например, описание Тысячи Пещер (980 и далее), о великолепии и красоте которых упоминается впервые (ср. мои комментарии касательно богатства Тингола, стр. 160-161), - но обиталище Тингола описывалось в «Сильмариллионе» раньше, на стр. 114-115. В исходном тексте «Сильмариллиона» роль Даэрона была, в сущности, полностью упразднена, - со всей очевидностью, сокращения ради (в опубликованный вариант эти эпизоды вернули).* В прозаической версии не говорится о том, что Тинголовы воины громко расхохотались, когда Тингол потребовал от Берена принести ему Сильмариль; возможно, данный эпизод был изъят намеренно. Этот элемент

195 196

^{*} На стр. 199, 205; но отрывок, посвященный Даэрону, на стр. 221 присутствует в исходном тексте. Мой отец, по всей видимости, намеревался вставить ссылки на то, как Даэрон несколько раз предавал Лутиэн, но не сделал этого.

скорее восходит к сцене из «Сказания о Тинувиэли» (II. 13), где Тингол «разразился смехом» при виде оборванного Берена, претендующего на руку его дочери, а придворные заулыбались, когда Тингол попросил Сильмариль в качестве брачного выкупа, видя, что король «счел происходящее неуклюжей шуткой». Ср. мои комментарии к «Сказанию», II. 53:

Но сам тон повествования менее возвышен и серьезен, нежели в поздней обработке; в презрительном смехе Тинвелинта, который воспринимает все происходящее как шутку, а в Берене видит глупца и невежу, нет и намека на то, что очевидно в более позднем варианте: «Так Тингол призвал гибель на Дориат и опутал себя сетью проклятия Мандоса».

 $\frac{196}{197}$

К осени 1925 года Песнь III уже была написана; а напротив строки 1161 Песни IV в «А»-тексте значится дата 27–28 мая 1928 г. Черновики начала Песни IV (строки 758–863) набросаны на оборотной стороне счетов за декабрь 1925 г. и февраль 1926 г., но это мало что доказывает. В любом случае, мне кажется крайне маловероятным, что мой отец сочинял строки 758–1161 в течение двух с половиной лет (с сентября 1925 г. по март 1928 г.): скорее всего, имел место долгий перерыв, и четвертая Песнь была написана приблизительно в одно и то же время. О том, что отец прерывался, говорят и другие свидетельства. Сохранилось три страницы заметок, сделанных на оборотных сторонах счетов от книготорговцев, датированных февралем, мартом и маем 1926 г.; эти страницы представляют большой интерес в том, что касается развития легенды, поскольку содержат наспех составленный план-конспект, в котором мой отец набрасывает последовательность событий для дальнейших Песней «Лэ».

Этот план-конспект я буду называть «Краткое содержание I». Я привожу его здесь вплоть до конца Песни IV. Сокращения имен расшифрованы, вычеркнутые (на момент написания) фрагменты включены.

Берен и Тинувиэль танцуют в лесах.

Дайрон доносит королю.

Берена приводят пленником к королю.

Дайрон требует его смерти.

Король хочет запереть его в своих подземельях.

Тинувиэль умоляет.

Мелиан [вычеркнуто: говорит, что убивать его не должно, и что] отказывается дать совет, но туманно предостерегает Тингола, что тому не должно убивать Берена и что его приход предопределен судьбой.

Тингол посылает его за Сильмарилем.

Речь Берена.

Мелиан говорит, [вычеркнуто: это лучше, чем его смерть, но] для Тингола было бы лучше, если бы Берен не преуспел.

Тингол сказал, что не послал бы его, если бы [он] мог преуспеть. Мелиан улыбается.

Бегство Берена.

В «Сказании о Тинувиэли» Берена в пещеры Тингола привела Тинувиэль (II. 13), и, как я отмечал (II. 52–53):

...В ранней версии Дайрон не выдает Берена Тинголу, ведь изобличать тут нечего; и, в самом деле, в повести не уточняется, знал ли Дайрон хоть что-нибудь о Берене до того, как Тинувиэль привела гостя к пещере, – вот разве что как-то раз видел его лицо в лунном свете.

Более того, в «Сказании» Дайрон приходится Тинувиэли братом (II. 10; см. стр. 124). В «Лэ» (строки 909 и далее) Дайрон роняет прозрачные намеки касательно странной тишины в лесу, и это напрямую приводит к тому, что Лутиэн сообщает о присутствии Берена и требует от отца, чтобы тот не причинял гостю вреда; Тингол дает такую клятву, но отправляет Дайрона с лучниками помешать Берену бежать; в том нет нужды, потому что Лутиэн тем же вечером приводит Берена в чертог Тингола. Первая часть «Краткого содержания» содержит идеи, которые так и не были реализованы. Так, Дайрон говорит Тинголу о Берене, как и в «Лэ»; но Берен схвачен и доставлен к королю как пленник; более того (хотя, конечно же, невозможно утверждать с уверенностью, как в действительности развивался бы сюжет, на основании настолько сжатого конспекта), Дайрон, по всей видимости, добивается смерти Берена куда активнее, чем в поэме (невзирая на строку 1068), а Тинувиэль умоляет отца воздержаться от задуманных мер.

В том, что касается разъяснения ссылок на Келегорма в «А»-тексте (примечания к строкам 1087, 1102–1103), см. 171. Согласно более ранней версии, включенной в «А», кольцо, подаренное Барахиру, было сделано Феанором, отцом Келегорма. В «В» представлена более поздняя версия: герб со сплетенными змеями принадлежит отцу Фелагунда, Финроду (в «Сильмариллионе» Финарфину), который появляется здесь впервые (если не считать более позднего примечания к «Детям Хурина», см. стр. 80, 138). В «А» Барахир здесь впервые сменяет Эгнора в роли отца Берена; а в результате поздней правки в «В» (строки 937, 941) появляется Беор, который на тот момент, как явствует из прозаических текстов, приходится Барахиру отцом. В последующие годы в структуре домов Друзей эльфов имели место чрезвычайно сложные генеалогические и хронологические преобразования, и Беор оказался отделен от Барахира многими поколениями.

Имя *Таврос*, данное Оромэ (891, 904) встречалось задолго до того, в словаре номского языка, с определением «верховный лесной фэйри, Синий Дух Леса» (І. 268, статья «Тавари»). С его «чертогами, подпёртыми деревьями» (892) сравните описание жилища Оромэ в Валмаре в сказании «Пришествие валар и создание Валинора», І. 75–76. В строке 893 впервые упоминаются золоченые копыта коня, принадлежавшего Оромэ.

V

Шли дни, тоскливы и грустны; Теперь проклятье тишины Не омрачало Дориат: Вновь мимо Тинголовых врат

So days drew on from the mournful day; the curse of silence no more lay on Doriath, though Dairon's flute and Lúthien's singing both were mute. 197

198

198 199 Мчит с ревом Эсгалдуин-река, Вновь легкий шорох ветерка Летит с лесистого холма; Но флейта Дайрона нема, И смолкла Лутиэн: заглох Звук песен; приминая мох Плясунья в танце не кружит. Где встарь, оборван и разбит, Во власти грезы и тоски Ждал Берен у седой реки И билась темная волна, Горюет Лутиэн одна: «Темна вода и быстр поток! Так вот любви моей итог: Над зачарованной рекой Изныв душой, взывать с тоской».

Вот лето на исходе. Ей Слышны немолчный скрип ветвей, Гул ветра в океане крон, Дождя хрустальный перезвон, Но не раздастся нежный зов – То имя, коим соловьев Встарь называли. Эха звук Угас – и тишина вокруг. «Тинувиэль!» – Как безутешная свирель Звучало в памяти досель: «Тинувиэль!»

«О матерь Мелиан, открой, Что темный взор провидит твой! Твое пусть скажет волшебство, Где Берен? Кто враги его? В пустыне иль в глуши лесной, Под солнцем, ливнем и луной – Где он бредет, про страх забыв? О матушка, скажи, – он жив?»

«Нет, Лутиэн; ты знать должна, Что участь Берена страшна. У Повелителя Волков Цепей немало и оков, The murmurs soft awake once more 1210 about the woods, the waters roar past the great gates of Thingol's halls; but no dancing step of Lúthien falls on turf or leaf. For she forlorn, where stumbled once, where bruised and torn, 1215

with longing on him like a dream, had Beren sat by the shrouded stream Esgalduin the dark and strong, she sat and mourned in a low song: 'Endless roll the waters past! 1220 To this my love hath come at last, enchanted waters pitiless, a heartache and a loneliness.'

The summer turns. In branches tall she hears the pattering raindrops fall, 1225 the windy tide in leafy seas, the creaking of the countless trees; and longs unceasing and in vain to hear one calling once again the tender name that nightingales were called of old. Echo fails. 'Tinúviel! Tinúviel!' the memory is like a knell, a faint and far-off tolling bell: 'Tinúviel! Tinúviel!' 1235

'O mother Melian, tell to me some part of what thy dark eyes see! Tell of thy magic where his feet are wandering! What foes him meet? O mother, tell me, lives he still 1240 treading the desert and the hill? Do sun and moon above him shine, do the rains fall on him, mother mine?'

'Nay, Lúthien my child, I fear he lives indeed in bondage drear. 1245 The Lord of Wolves hath prisons dark, chains and enchantments cruel and stark, Его темницы глубоки, Закляты чарами замки; Там, слыша в грезах песнь твою, У страшной смерти на краю, Твой Берен страждет взаперти».

«Так я должна к нему идти В узилище, во мрак и тьму – Ведь некому помочь ему На всей земле, помимо той, Кому из всех даров судьбой Даны лишь песнь да радость – но И те утрачены давно».

Смолчала Мелиан, а дочь, Слезами залилась - и прочь Бежала под густую сень И, как затравленный олень, Металась в сумрачных лесах, В очах – необоримый страх, И волосы густой волной Струились за ее спиной. В чащобе Дайрона сыскав Под буком, средь листвы и трав, Она присела рядом с ним На землю. Нем и недвижим, Флейтист, увенчан орляком, Скорбел в молчании немом. «О Дайрон, сжалься надо мной! -Взмолилась дева. - Успокой Истерзанный, смятенный дух -Ведь смех умолк и свет потух!»

«Но музыка мертва – мотив Не сложишь», – горло обхватив, Рек Дайрон, взялся за свирель, И полилась печально трель. Застыло все, пока напев Стенал в лощинах; замерев, Внимал завороженно лес, Забыв про смех и свет небес, Смолк в кронах птичий пересвист, Пока оплакивал флейтист

there trapped and bound and languishing now Beren dreams that thou dost sing.'

'Then I alone must go to him 1250 and dare the dread in dungeons dim; for none there be that will him aid in all the world, save elven-maid whose only skill were joy and song, and both have failed and left her long.' 1255

 $\frac{199}{200}$

Then nought said Melian thereto, though wild the words. She wept anew, and ran through the woods like hunted

deer

with her hair streaming and eyes of fear. Dairon she found with ferny crown 1260 silently sitting on beech-leaves brown. On the earth she cast her at his side. 'O Dairon, Dairon, my tears,' she cried, 'now pity for our old days' sake! Make me a music for heart's ache, 1265 for heart's despair, and for heart's dread, for light gone dark and laughter dead!'

'But for music dead there is no note,'
Dairon answered, and at his throat
his fingers clutched. Yet his pipe he
took, 1270

and sadly trembling the music shook; and all things stayed while that piping

went

wailing in the hollows, and there intent they listened, their business and mirth, their hearts' gladness and the light of earth 1275

forgotten; and bird-voices failed while Dairon's flute in Doriath wailed.

и мгла».

Речь Мелиан передала Она, и рассказала, как Судьба велит идти сквозь мрак, -За горы, к Северным краям Навстречь разору и огням, -Ей, деве, что слаба, хрупка, Без шлема, панциря, клинка, Туда, где гаснет колдовство. Просила помощи его Принцесса в поисках путей На Север, если только с ней, Любя, он вместе не пойдет. «Зачем бы Дайрону в поход Спешить погибельной тропой, Во имя смертного, какой Его предательски лишил Утех и радости? Немил Мне Берен, Барахира сын, О нем крушиться нет причин Тому, кто здесь, в глуши лесов, Познал тяжелый гнет оков. Тебя ж клянусь я уберечь От троп опасностям навстречь, От гибельной дороги в ад».

Но деве было невдогад, Что значили его слова.

Lúthien wept not for very pain, and when he ceased she spoke again: 'My friend, I have a need of friends, 1280 as he who a long dark journey wends, and fears the road, yet dare not turn and look back where the candles burn in windows he has left. The night in front, he doubts to find the light 1285 that far beyond the hills he seeks.' And thus of Melian's words she speaks, and of her doom and her desire to climb the mountains, and the fire and ruin of the Northern realm 1290 to dare, a maiden without helm or sword, or strength of hardy limb, where magic founders and grows dim. His aid she sought to guide her forth and find the pathways to the North, 1295 if he would not for love of her go by her side a wanderer. 'Wherefore,' said he, 'should Dairon go into direst peril earth doth know for the sake of mortal who did steal 1300 his laughter and joy? No love I feel for Beren son of Barahir. nor weep for him in dungeons drear, who in this wood have chains enow, heavy and dark. But thee, I vow, 1305 I will defend from perils fell and deadly wandering into hell.'

No more they spake that day, and she perceived not his meaning. Sorrowfully

 $\frac{200}{201}$

И, грустно вымолвив едва «Благодарю», - она ушла. По веткам крепкого ствола На древо взобралась она. Волос тяжелая волна Рассыпалась на ветерке. И разглядела вдалеке Принцесса, напрягая взор, Зубчатый кряж Тенистых гор: Неясный тусклый силуэт Отрогов, тучами одет, Нагие Южные хребты, Грозны, отвесны и круты, И под грядой – равнины гладь. А Дайрон поспешил предстать Пред Тинголом – и всё открыл: Мол, к гибели безумный пыл Принцессу увлекает - коль Не воспрепятствует король. Был Тингол зол – и изумлен: В смятении и в страхе он Рек Дайрону: «Ты верен мне. Теперь и впредь в моей стране Ты – буков принц и вязов князь! Вовеки не ослабнет связь Любви и дружества меж нас!» Призвал он Лутиэн тотчас: «О дева дивная, почто ж Ты к верной гибели идешь Во внешний мир невзгод и бед? Что за отчаянье и бред Тебя объяли, побудив, Моим веленьям супротив, Покинуть Дориат тайком, Как лань, в которую стрелком Уже нацелена стрела?» «То мудрость», - Лутиэн рекла; На все мольбы твердила: «нет», И не желала дать обет Унять безумный свой порыв И, о любви своей забыв,

she thanked him, and she left him there. 1310

A tree she climbed, till the bright air above the woods her dark hair blew, and straining afar her eyes could view the outline grey and faint and low of dizzy towers where the clouds

go, 1315

the southern faces mounting sheer in rocky pinnacle and pier of Shadowy Mountains pale and cold; and wide the lands before them rolled. But straightway Dairon sought the

king 1320

and told him his daughter's pondering, and how her madness might her lead to ruin, unless the king gave heed. Thingol was wroth, and yet amazed; in wonder and half fear he gazed 1325 on Dairon, and said: 'True hast thou been.

Now ever shall love be us between, while Doriath lasts; within this realm thou art a prince of beech and elm!' He sent for Lúthien, and said: 1330 'O maiden fair, what hath thee led to ponder madness and despair to wander to ruin, and to fare from Doriath against my will,

stealing like a wild thing men would kill 1335

into the emptiness outside?'
'The wisdom, father,' she replied;
nor would she promise to forget,
nor would she vow for love or threat
her folly to forsake and meek 1340
in Doriath her father's will to seek.

 $\frac{201}{202}$

Покорно жить в стенах дворца, Смиряясь с волею отца. В одном лишь поклялась она: Что в путь отправится одна, Отцовых подданных помочь Впредь не прося; из дома прочь Уйдет, ведомая судьбой, Не взявши никого с собой.

Страшась, досадуя, любя, Король размыслил про себя, Как дочь ослушную спасти. В пещерах темных взаперти Зачахнет, тая и грустя, Его прекрасное дитя, Ведь пагубен подземный плен Для хрупкой, нежной Лутиэн: Ей нужно видеть свет небес, И солнце, и луну, и лес. Но там, где травянистый трон Воздвигся на холме, и склон Ковром устлал зеленый дерн, Царица Буков, Хирилорн Над Эсгалдуином вознесла Три неохватные ствола -Без сучьев, гладки и ровны; А с недоступной вышины Листвы раскидистый шатер Мерцающую сень простер Близ крепких Тинголовых врат. И даже зоркой белки взгляд С высот насилу различал Тех, кто внизу, далек и мал. И, шелковиста и сера, Мерцала матово кора. На исполинском буке том Король велел построить дом -На высоте, меж крон густых, -Сколь хватит лестниц приставных. Над первым ярусом ветвей Воздвигся вскоре терем сей,

This only vowed she, if go she must, that none but herself would she now trust, no folk of her father's would persuade to break his will or lend her aid; 1345 if go she must, she would go alone and friendless dare the walls of stone.

In angry love and half in fear Thingol took counsel his most dear to guard and keep. He would not bind 1350 in caverns deep and intertwined sweet Lúthien, his lovely maid, who robbed of air must wane and fade. who ever must look upon the sky and see the sun and moon go by. 1355 But close unto his mounded seat and grassy throne there ran the feet of Hirilorn, the beechen queen. Upon her triple boles were seen no break or branch, until aloft 1360 in a green glimmer, distant, soft, the mightiest vault of leaf and bough from world's beginning until now was flung above Esgalduin's shores and the long slopes to Thingol's doors. 1365 Grey was the rind of pillars tall and silken-smooth, and far and small to squirrels' eyes were those who went at her grey feet upon the bent. Now Thingol made men in the beech, 1370 in that great tree, as far as reach their longest ladders, there to build an airy house; and as he willed a little dwelling of fair wood was made, and veiled in leaves it stood 1375

202

203

Листвой зеленой обрамлен. В нем было несколько окон Едва видны, и три угла – Три Хирилорновых ствола Опорой сделались для стен. Там заключили Лутиэн, – Пока не обретет опять Способность здраво рассуждать, От сумасбродств исцелена. По длинным лестницам она Вскарабкалась в свой новый дом Средь птиц, под лиственным

Ни слова не произнесла, Как отблеск солнечный, светла, И затворила молча дверь. Убрали лестницы. Теперь Ей не ступать на брег речной.

Взбирались стражи вверх порой И доставляли ей туда Все, в чем у пленницы нужда. Смерть верная того ждала, Кто позабудет у ствола Одну из лестниц иль тайком Приставит вновь в часу ночном. Бдил страж с заката до зари Под теремом лесным. Внутри Томилась дева. Что ни день, Под густолиственную сень Являлся Дайрон, удручен; О корень опираясь, он На флейте выводил мотив. Ему предательство простив За песнь, что полнилась тоской, Флейтиста пленница порой Впускала в дом; лишь Дайрон мог Переступить ее порог. Часами долгими она Глядела, сидя у окна, Как солнца яркие лучи Искрятся в кронах, как в ночи

above the first branches. Corners three it had and windows faint to see, and by three shafts of Hirilorn in the corners standing was upborne.

There Lúthien was bidden dwell, 1380 until she was wiser and the spell of madness left her. Up she clomb the long ladders to her new home among the leaves, among the birds; she sang no song, she spoke no words. 1385 White glimmering in the tree she rose, and her little door they heard her close. The ladders were taken and no more her feet might tread Esgalduin's shore.

Thither at whiles they climbed and brought 1390

all things she needed or besought; but death was his, whoso should dare a ladder leave, or creeping there should set one by the tree at night; a guard was held from dusk to light 1395 about the grey feet of Hirilorn and Lúthien in prison and forlorn. There Dairon grieving often stood in sorrow for the captive of the wood, and melodies made upon his flute 1400 leaning against a grey tree-root. Lúthien would from her windows stare and see him far under piping there, and she forgave his betraying word for the music and the grief she heard, 1405 and only Dairon would she let across her threshold foot to set. Yet long the hours when she must sit and see the sunbeams dance and flit in beechen leaves, or watch the stars peep on clear nights between the bars

 $\frac{203}{204}$

В просветы лиственных завес Глядят созвездия с небес. Раз ночью ей приснился сон, Волшбою Мелиан внушен Или Богами: Берен звал Ее из-за холмов и скал, Из дальних сумрачных земель: «Тинувиэль! Тинувиэль!» И сердце воззвало в ответ: «Он всеми брошен – я вослед Ему отправлюсь!» В этот миг Проснулась дева: лунный блик В неясном мареве вокруг Высвечивая контур рук, Дрожал, пробившись меж листвы.

Не поднимая головы, Она гадала взаперти, Как ей свободу обрести, И к бегству измышляла план – Ведь дщери мудрой Мелиан Дарован был великий дар – Она владела силой чар Превыше всех эльфийских дев, Светло мерцавших средь дерев -Тогда иль в наши времена. Текли часы. Зашла луна, Померкли звезды и, горя, По небу разлилась заря, И посветлела темнота. Улыбка тронула уста Принцессы; дева воззвала К бессонным стражам у ствола, Наверх вскарабкался один. Велела дева: из глубин Эсгалдуинских прозрачных вод, Пройдя сколь можно дальше вброд, Литой серебряный фиал, Что тусклой белизной сиял, Наполнить. «В полуночный час Мой должно выполнить наказ, И воду принести ко мне Безгласно, в полной тишине».

of beechen branches. And one night just ere the changing of the light a dream there came, from the Gods,

maybe,

or Melian's magic. She dreamed that she 1415

heard Beren's voice o'er hill and fell 'Tinúviel' call, 'Tinúviel.'
And her heart answered: 'Let me be gone to seek him no others think upon!'
She woke and saw the moonlight

pale 1420

through the slim leaves. It trembled frail upon her arms, as these she spread and there in longing bowed her head, and yearned for freedom and escape.

Now Lúthien doth her counsel

shape; 1425

and Melian's daughter of deep lore knew many things, yea, magics more than then or now know elven-maids that glint and shimmer in the glades. She pondered long, while the moon

sank 1430

and faded, and the starlight shrank, and the dawn opened. At last a smile on her face flickered. She mused a while, and watched the morning sunlight grow, then called to those that walked

below, 1435

And when one climbed to her she prayed that he would in the dark pools wade of cold Esgalduin, water clear, the clearest water cold and sheer to draw for her. 'At middle night,' 1440 she said, 'in bowl of silver white it must be drawn and brought to me with no word spoken, silently.'

204

~~205~~

spin?'

Второму стражнику она Велела крепкого вина В златом кувшине, что с боков Покрыт узором из цветов, Ей ровно в полдень принести, Песнь распевая по пути. Еще один наказ был дан: «Ступайте к мудрой Мелиан, И так скажите: просит дочь, Чтоб грусть и скуку перемочь, О прялке – коротать досуг». Затем был призван Дайрон: «Друг! Приди проведать Лутиэн И скрасить ей бессрочный плен!» Уселась дева под окном: «Мой Дайрон славен мастерством Не только в пенье; искушен В работе с древесиной он: Рождается в руках твоих Орудий множество резных. Сработай ткацкий мне станок – Его поставлю в уголок, Чтоб прясть и ткать узор цветной, Пронизан солнцем и луной, И сумерками напоен Средь буковых зеленых крон». Исполнив, Дайрон рек, смятен: «О Лутиэн, о Лутиэн, Что станешь ткать? Что станешь прясть?»

«В нить дивную вложу я власть Могучих чар, и волшебство Вплету я в полотно: его Не одолеют страх и ад, И силы зла не сокрушат». Был Дайрон удивлен, смущен, И в сердце устрашился он Затеи девы – но о том Не рассказал пред королем.

За гостем двери затворив Принцесса колдовской мотив

Another she begged to bring her wine in a jar of gold where flowers twine – 1445 'and singing let him come to me at high noon, singing merrily.' Again she spake: 'Now go, I pray, to Melian the queen, and say: "thy daughter many a weary hour 1450 slow passing watches in her bower; a spinning-wheel she begs thee send." Then Dairon she called: 'I prithee, friend, climb up and talk to Lúthien!' And sitting at her window then, 1455 she said: 'My Dairon, thou hast craft, beside thy music, many a shaft and many a tool of carven wood to fashion with cunning. It were good, if thou wouldst make a little loom 1460 to stand in the corner of my room. My idle fingers would spin and weave a pattern of colours, of morn and eve, of sun and moon and changing light amid the beech-leaves waving bright.'1465 This Dairon did and asked her then: 'O Lúthien, O Lúthien, What wilt thou weave? What wilt thou

'A marvellous thread, and wind therein
a potent magic, and a spell 1470
I will weave within my web that hell
nor all the powers of Dread shall break.'
Then Dairon wondered, but he spake
no word to Thingol, though his heart
feared the dark purpose of her art. 1475

And Lúthien now was left alone. A magic song to Men unknown

Запела: смертным не дано Его узнать; с водой вино Смешала трижды девять раз; И нараспев вела рассказ О буйном росте в свете дня, Вино с водой соединя В златом кувшине; но стекал Настой в серебряный фиал – И слышался напев иной: О беспредельной тьме ночной, О поднебесной высоте И о свободе. В песни те Все то, что выше и длинней На свете от начала дней, Вплетала мастерски она, Перечисляя имена: Драуглуина-волколака хвост, Долгобородов пряди; рост Дракона Гломунда; хребты, Что содрогаются, круты, Над жаром Ангбандских огней; Ангайнор – до скончанья дней Ту цепь для Моргота скуют Из мук и стали: этот труд Свершить под силу лишь Богам. Добавились к сим именам Меч острый Гленд - владел им Нан; Из Эрумана великан Злой Гилим; и, всего длинней, Власы Владычицы Морей, -Ведь пряди Уинен оплели Все реки и моря земли. Омыла голову она Тем снадобьем - и песню сна Запела: темен и глубок, Струился звук – как темный ток Волос туманных Лутиэн: Так, невесомо-сокровен, Завесу сумрак ткет, застлав Померкший мир цветов и трав С закатом. Сумраку под стать,

she sang, and singing then the wine with water mingled three times nine; and as in golden jar they lay 1480 she sang a song of growth and day; and as they lay in silver white another song she sang, of night and darkness without end, of height uplifted to the stars, and flight 1485 and freedom. And all names of things tallest and longest on earth she sings: the locks of the Longbeard dwarves;

of Draugluin the werewolf pale; the body of Glómund the great

snake; 1490

the vast upsoaring peaks that quake above the fires in Angband's gloom; the chain Angainor that ere Doom for Morgoth shall by Gods be wrought of steel and torment. Names she sought, 1495

and sang of Glend the sword of Nan; of Gilim the giant of Eruman; and last and longest named she then the endless hair of Uinen, the Lady of the Sea, that lies 1500 through all the waters under skies. Then did she lave her head and sing a theme of sleep and slumbering, profound and fathomless and dark as Lúthien's shadowy hair was

dark - 1505

each thread was more slender and more fine than threads of twilight that entwine in filmy web the fading grass

and closing flowers as day doth pass.

 $\frac{205}{206}$

Мягки, тонки, за прядью прядь Росли и делались длинней, И, словно заводи теней, Темнея, растеклись у ног. Дремотный сумрак заволок Постель, и комнату, и дом; И Лутиэн забылась сном. Когда же, бледен, тускл и сед, В оконце заглянул рассвет, Она проснулась: словно дым Заполнил облаком густым Пространство, навевая сон. Се! Пряди девы из окон Свисали, точно тьмы покров, И колыхались вкруг стволов Царицы Буков поутру На освежающем ветру.

Нашарив ножницы рукой,
Она поток волос густой
Остригла. До былой длины
Вновь пряди отросли – пышны,
Густы, и прежнего темней.
Но труд лишь начат. Много дней
Пряла она, ткала она
С рассвета дня и дотемна,
С эльфийским мастерством. Когда ж
С земли взывал к принцессе страж,
«Ступайте прочь! – звучал ответ,
Я сплю; ни в чем нужды мне нет.
Для той, что бодрствует в слезах,
Лишь сон желанен».

Смутный страх В ту пору Дайрона объял. Три дня он деву тщетно звал; Она же ткала полотно Из облака волос – оно Казалось зыбким, как туман Безлунной ночью средь полян. Из ткани был пошит наряд – Как тени, что, дрожа, лежат

Now long and longer grew her hair, 1510

and fell to her feet, and wandered there like pools of shadow on the ground. Then Lúthien in a slumber drowned was laid upon her bed and slept, till morning through the windows

crept 1515 thinly and faint. And then she woke, and the room was filled as with a smoke and with an evening mist, and deep she lay thereunder drowsed in sleep. Behold! her hair from windows

blew 1520

in morning airs, and darkly grew waving about the pillars grey of Hirilorn at break of day.

Then groping she found her little shears,

and cut the hair about her ears, 1525 and close she cropped it to her head, enchanted tresses, thread by thread. Thereafter grew they slow once more, yet darker than their wont before. And now was her labour but

begun: 1530

long was she spinning, long she spun; and though with elvish skill she wrought, long was her weaving. If men sought to call her, crying from below, 'Nothing I need,' she answered,

'go! 1535

I would keep my bed, and only sleep I now desire, who waking weep.'

Then Dairon feared, and in amaze he called from under; but three days she answered not. Of cloudy hair 1540 she wove a web like misty air 206

207

Под деревами у корней, Он был полночной тьмы темней, Пропитанный заклятьем сна – Сильней, чем в оны времена Струили дивные шелка Волшебной Мелиан, пока Сияли сонмы звезд с небес, И Тингол углубился в лес, Благими чарами заклят. Надела Лутиэн наряд: И синий плащ, и блеск камней, Что звезд прозрачней и ясней, И золотая вязь цветов Исчезли: все сокрыл покров, Из темных сотканный волос. Туманный морок смутных грез, Дремотный сон и забытье Струились зыбко вкруг нее. Излишки прядей – к нити нить – Сумела быстро перевить Ее умелая рука – Длинна, надежна и крепка Веревка вышла. Обвила Ее принцесса вкруг ствола Царицы Буков. И на том Покончив с непростым трудом, В окно вперила дева взгляд, На север.

Пламенел закат, И сквозь листву сочился, ал, И сумрак землю застилал, Прокрадываясь меж дерев. Негромко завела напев Принцесса; волосы она К земле спустила из окна; Дремотная волна волос Заколыхалась; креп и рос Мотив; внимал ночной дозор, Прервав досужий разговор, – Но вот, окованные сном, Все распростерлись под стволом.

of moonless night, and thereof made a robe as fluttering-dark as shade beneath great trees, a magic dress that all was drenched with drowsiness, 1545 enchanted with a mightier spell than Melian's raiment in that dell wherein of yore did Thingol roam beneath the dark and starry dome that hung above the dawning world. 1550 And now this robe she round her furled, and veiled her garments shimmering white; her mantle blue with jewels bright like crystal stars, the lilies gold, were wrapped and hid; and down there rolled 1555

dim dreams and faint oblivious sleep falling about her, to softly creep through all the air. Then swift she takes the threads unused; of these she makes a slender rope of twisted strands 1560 yet long and stout, and with her hands she makes it fast unto the shaft of Hirilorn. Now, all her craft and labour ended, looks she forth

from her little window facing North.

Already the sunlight in the trees is drooping red, and dusk she sees come softly along the ground below, and now she murmurs soft and slow.

Now chanting clearer down she cast 1570 her long hair, till it reached at last from her window to the darkling ground.

Men far beneath her heard the sound; but the slumbrous strand now swung and swayed

above her guards. Their talking stayed, 1575 they listened to her voice and fell suddenly beneath a binding spell.

Она, в плаще из тьмы ночной, Вниз по веревке власяной, Скользнула – белочка точь-в-точь, И в танце поспешила прочь Сквозь чащу легкою стопой – Кто б угадал, какой тропой?

Now clad as in a cloud she hung; now down her ropéd hair she swung as light as squirrel, and away, 1580 away, she danced, and who could say what paths she took, whose elvish feet no impress made a-dancing fleet?

> 207 208

ПРИМЕЧАНИЯ

1222–1223 Мой отец поменял местами строки 651–652 по предложению К.С. Льюиса (см. стр. 323); heartache [душевная боль, кручина] было заменено на hunger ['голод', (перен.) 'желание'].

1226 См. строку 664.

1231 Исходный вариант в «В»: are called in elfland. Echo fails. [зовутся в эльфийской земле. Эхо гаснет.] Изменение внесено, по всей вероятности, только для того, чтобы избавиться от «elfland».

1249 *now* [ныне]: неразборчиво (изначальный вариант: *doth Beren dream* [Берен грезит], исправлен на: *?now Beren dreams* [?ныне Берен грезит]).

1253 На протяжении всей этой Песни elfin в «В»-тексте исправлены на elven- и elvish [все три формы означают 'эльфийский'].

1260-1261 Ср. строки 497-498.

1308-1310 В «В»-тексте содержится пометка «переработать».

1312 her dark hair [ее темные волосы]: так же и в «А». См. прим. к строке 558.

1316–1317 Ср. строки 389–390. *The Shadowy Mountains* [Тенистые горы] (1318) – это Горы Ужаса (Эред Горгорот): см. стр. 170–171.

1323 Эта строка помечена знаком «Х» в «В»-тексте.

1329 Как в строке 1323.

1358 Напротив *Hirilorn* [Хирилорн] в «А» написано *Hiradorn* [Хирадорн]; то же в строках 1396, 1523. В строке 1563 в тексте «А» содержится вариант *Hiradorn*.

1362-1363 Ср. строки 872-873.

1370 men [мужей] > them [их] «А». В строке 1390, где в «В» значится they [они], в «А» стоит men [мужи] > they; в строках 1533, 1573 men оставлено без изменения в обоих текстах.

1414–1417 Отчеркнуты в «В»-тексте; на полях вписан новый вариант стихотворного текста, но наспех и так бледно, что прочтению он не поддается.

1488 locks [пряди волос] «В»] beards [бороды] «А».

1489 «A»: of Carcaras the wolf-ward pale [Каркараса, волка-стража с тусклой шерстью].

В исходном черновике имя пишется как *Carcaras* [Каркарас], так же, как в машинописном варианте «Сказания о Тинувиэли» (в рукописи *Karkaras* [Каркарас]). Во втором варианте «Детей Хурина» (стр. 107, строка 374) используется форма *Carcharoth* [Кархарот] (переправлено из *Carcharolch* [Кархаролх]).

1490 Glómund [Гломунд] «В»] Glórund [Глорунд] «А» (как в «Утраченных сказаниях», но там везде без диакритики).

1493 Angainor [Ангайнор] «А», «В»] Engainor [Энгайнор] в исходном черновике. 1496 Nan [Нан] «В»] Nann [Нанн] «А» (но Nan в исходном черновике). 1549–1550 Ср. строки 406–407.

1563 Hirilorn [Хирилорн] «В»] Hiradorn [Хирадорн] «А». См. прим. к строке 1358.

Комментарии к Песни V

План-конспект «Краткое содержание I», охватывающий события этой Песни, крайне невелик:

Скорбь Тинувиэли.

Предательство Дайрона.

Постройка Древесного Дома на Хирилорн.

Бегство Тинувиэли.

[Добавлено: Раскаяние, блуждания и пропажа Дайрона.]

Блуждания и пропажа Дайрона восходят к «Сказанию о Тинувиэли» (II. 20–21) и вошли в «Сильмариллион» (стр. 221); но никаких других упоминаний о его «раскаянии» нет (хотя, возможно, оно подразумевается в «Лэ», строки 1398 и далее).

В моих комментариях к фрагменту из «Сказания о Тинувиэли», соответствующему этой Песни, я отмечал (II. 54), что:

...история ее заточения в домике на Хирилорн и побега оттуда существенным изменениям не подвергалась. Соответствующий отрывок в «Сильмариллионе» (стр. 205–206) и впрямь очень краток, однако отсутствие деталей объясняется сжатостью изложения, а вовсе не сокращением в силу того, что автор остался недоволен текстом. «Лэ о Лейтиан», поэма, на которой основан прозаический пересказ «Сильмариллиона», в этом эпизоде настолько близка к «Сказанию о Тинувиэли» в отношении сюжетных подробностей, что версии эти почти совпадают.

К этому здесь мало что можно добавить. Лишь в одном отношении повествование «Лэ» расходится с изложением «Сильмариллиона». Что такое «проклятье тишины» (1207)? Навлек его Дайрон (848–853). В предварительном, вскорости оставленном наброске для варианта «Сильмариллиона», в котором данный сюжет предполагалось изложить гораздо более пространно (более близко следуя «Лэ»), ситуация проясняется:

Но Дайрон тенью бродил среди дерев и следил за ними издалека; и воскликнул он с горьким сердцем: «Ненавистна стала мне земля, которую любил я, и деревья – уродливы. Более не зазвучит здесь музыка. Пусть заглохнут все

 $\frac{208}{209}$

голоса в Дориате, пусть в каждой долине и на каждом холме дерева застынут в безмолвии!» И пала тишина, и все замерло неподвижно; и народ Тингола преисполнился изумления. И воззвали эльфы к королю, спрашивая, почему воцарилось молчание.

«Проклятие» Дайрона было снято после ухода Берена, хотя Лутиэн более не пела, а Дайрон более не играл на свирели. Напротив, в «Сильмариллионе» (стр. 201), после того, как Берен ушел:

Но Лутиэн промолчала, и с этого часа в Дориате не звучали более ее песни. *Мрачное безмолвие воцарилось в лесах.*

Что до имен и названий в «удлиняющем заклинании», см. II. 67–68. В числе «самых длинных предметов» в варианте «Лэ» появляется новый элемент: пики над Ангбандом (1491–1492); а в «В» имя великого Дракона – Гломунд. Цепь, с помощью которой был скован Моргот, Ангайно/Ангайну в «Утраченных сказаниях», теперь называется Ангайнор; но любопытно, что в «Лэ» о ней говорится только как о наказании, ожидающем Моргота в будущем («до того, как свершится Рок», 1493), в то время как в старом варианте легенды «Оковы Мелько» (І. 104) с ее помощью он был взят в плен в первоначальной войне и оказался в заключении в Валиноре; этот мотив сохранился и в «Сильмариллионе» (стр. 70): в конце Древних Дней «сковали Моргота цепью Ангайнор, что носил он прежде» (ibid., стр. 307).

Новые элементы сюжета, которым еще предстоит проявиться в повествовании «Лэ», уже просматриваются в том, что в «В» Драуглуин заменил Кархараса из «А» в «удлиняющем заклинании» (тем самым Кархарас уже не является «прародителем волков», см. II. 68), и в словах Мелиан о том, что Берен томится в подземельях Повелителя Волков (1246).

Сон Лутиэн, в котором она слышит вдалеке голос Берена, как и в «Сказании», по-прежнему приписывается Богам, пусть и менее уверенно: («пришел сон, возможно, насланный Богами, / или магией Мелиан», 1414–1415); см. II. 19, 68. Но в «В» этот фрагмент отмечен, вероятно, в силу недовольства автора этой идеей.

На полях «В»-текста содержится любопытная подробность. В какой-то момент (как мне представляется) спустя много времени кто-то неизвестный приписал напротив строк 1331-1336: «здесь Тингол выказывает изрядную тупость»; напротив этого замечания мой отец нацарапал: «Но ему не верилось, что она в самом деле *любит* Берена – разве что на нее каким-то образом наложили какието злые чары».

VI

Встарь Моргот в судьбоносный день

Сразил Два Древа; пала тень На светозарный Валинор. Тогда с сынами Феанор VI

When Morgoth in that day of doom had slain the Trees and filled with gloom 1585 the shining land of Valinor, there Fëanor and his sons then swore

209

 $\frac{210}{211}$

На Туне, где вознесся ввысь Строй гордых башен, поклялись Великой клятвой: принесла Их клятва белствий без числа. Туманы с моря наползли, Застлав пределы той земли, Где Глингал в злато был одет, И Бельтиль – в серебристый цвет. Был зыбким маревом объят Прибрежный белоснежный град. Мерцали, трепеща, в тени Бессчетных факелов огни: То номы шли густой толпой По длинной лестнице витой, Что к гулкой площади вела. Вокруг домов сгустилась мгла.

И Феанор, к рассудку глух, Скорбел, оплакивая вслух Труд несравненный рук своих, Три Сильмариля. Гомон стих; Толпа внимала, смущена: Пьянили, как бокал вина Те речи, дерзки и горды (В них Морготовой лжи плоды Смешались с правдой пополам) – Благодаря иным стихам В преданьях запечатлены. Прочь из божественной страны Он номов призывал бежать За темную морскую гладь, Где пенный вал ревет меж льдов, Вслед Морготу, покинув кров, -Вспять, к Внешним землям, в мглу

К войне и горю. Братьев семь Клялись под звездами в ночи Священной Вардой, чьи лучи Сияют в небе как огни; Тимбрентингом клялись они, Где возвышается чертог Владыки Манвэ. Кто привлёк

и темь,

the mighty oath upon the hill of tower-crownéd Tûn, that still wrought wars and sorrow in the

world. 1590

From darkling seas the fogs unfurled their blinding shadows grey and cold where Glingal once had bloomed with gold and Belthil bore its silver flowers.

The mists were mantled round the

towers 1595

of the Elves' white city by the sea.
There countless torches fitfully
did start and twinkle, as the Gnomes
were gathered to their fading homes,
and thronged the long and winding
stair 1600

that led to the wide echoing square.

There Fëanor mourned his jewels divine, the Silmarils he made. Like wine his wild and potent words them fill; a great host harkens deathly still. 1605 But all he said both wild and wise, half truth and half the fruit of lies that Morgoth sowed in Valinor, in other songs and other lore recorded is. He bade them flee 1610 from lands divine, to cross the sea, the pathless plains, the perilous shores where ice-infested water roars; to follow Morgoth to the unlit earth leaving their dwellings and olden mirth; 1615

to go back to the Outer Lands to wars and weeping. There their hands they joined in vows, those kinsmen seven, swearing beneath the stars of Heaven, by Varda the Holy that them wrought 1620 and bore them each with radiance fraught and set them in the deeps to flame. Timbrenting's holy height they name,

В свидетели те имена На все века и времена, Нарушить клятву не дерзнет, Пусть дрогнет твердь и рухнет свод.

Клялись семь братьев, как один: И Келегорм, и Куруфин, И Крантир темный, и при нем Дамрод и Дириэль вдвоем, И Майдрос, статен и высок (Кому назначил муку рок), И Маглор, чей могучий глас Звучит как море и сейчас. «Будь враг он, друг, иль злая тварь Из тех, что Моргот вывел встарь, Иль рода смертного дитя, Что в мир придет года спустя, Ни право, ни любовь, ни ад, Ни мощь Богов не защитят От Феаноровых сынов Того, кто посягнуть готов На камни - выкрасть, вырвать иль Найдя, присвоить Сильмариль. Заклятым трижды сферам трём Сиять немеркнущим огнем, Покуда мир не канет в ночь».

О странствиях ушедших прочь, О войнах, о годах невзгод В сей песни речи не идет. Скитальцы, от домов вдали, Бои на Севере вели. Отважный Фингон, прям и смел Один из всех прийти сумел На помощь Майдросу. Во мгле Прикован за руку к скале, Висел над черной бездной он, На злую муку обречен, И помутневший взгляд вперял В бездонный каменный провал Вниз с Тангородримской горы. О Фингоне до сей поры

whereon are built the timeless halls of Manwë Lord of Gods. Who calls 1625 these names in witness may not break his oath, though earth and heaven shake.

Curufin, Celegorm the fair, Damrod and Díriel were there, and Cranthir dark, and Maidros tall 1630 (whom after torment should befall). and Maglor the mighty who like the sea with deep voice sings yet mournfully. 'Be he friend or foe, or seed defiled of Morgoth Bauglir, or mortal child 1635 that in after days on earth shall dwell, no law, nor love, nor league of hell, not might of Gods, not moveless fate shall him defend from wrath and hate of Fëanor's sons, who takes or steals 1640 or finding keeps the Silmarils, the thrice-enchanted globes of light that shine until the final night.'

211

The wars and wandering of the Gnomes this tale tells not. Far from their homes 1645 they fought and laboured in the North. Fingon daring alone went forth and sought for Maidros where he hung; in torment terrible he swung, his wrist in band of forged steel, 1650 from a sheer precipice where reel the dizzy senses staring down from Thangorodrim's stony crown. The song of Fingon Elves yet sing,

Поют меж эльфами: как встарь Вождь воинств, номов государь Погиб - и в пламени клинков Пал белый стяг его полков: Поют, как Майдроса он спас И распри ярый жар угас. Так Финна гордые сыны Вновь вместе объединены, Теснили Морготову рать, Сумев в осаду Ангбанд взять: Ни орк, ни демон впредь не смел Прорваться за кольца предел. Пришли дни мира и утех В Великих землях; снова смех Звучал, и юный род людской Под солнцем, вспыхнувшим впервой,

Бродил привольно по земле И рос, и множился в числе. Был век тот в песнях наречен Осадой Ангбанда: заслон Мечей эльфийских мир хранил От Морготовых темных сил. Все в рост пошло, оделось в цвет; Но Сильмарилей ясный свет Скрывала ангбандская мгла. И клятва крепла и жила.

Пришел конец, свершился рок:
Огня бурлящего поток
Равнину Жажды затопил.
Вся мощь, что втайне Враг копил,
Исторглась пламени вдогон.
Несметных полчищ легион
Осаду Ангбанда прорвал.
Палящий жар и дыма шквал
Врагов рассеял; кровь, ала,
С кривых клинков росой текла,
Ярилась орочья орда.
Был ранен Фелагунд; тогда
Вождь Барахир, могуч и смел,
Ему на помощь подоспел

captain of armies, Gnomish king, 1655 who fell at last in flame of swords with his white banners and his lords. They sing how Maidros free he set, and stayed the feud that slumbered yet between the children proud of Finn. 1660 Now joined once more they hemmed him in, even great Morgoth, and their host beleaguered Angband, till they boast no Orc nor demon ever dare their leaguer break or past them fare. 1665 Then days of solace woke on earth beneath the new-lit Sun, and mirth was heard in the Great Lands where Men. a young race, spread and wandered then. That was the time that songs do call 1670 the Siege of Angband, when like a wall the Gnomish swords did fence the earth from Morgoth's ruin, a time of birth, of blossoming, of flowers, of growth; but still there held the deathless oath, 1675 and still the Silmarils were deep in Angband's darkly-dolven keep.

An end there came, when fortune turned, and flames of Morgoth's vengeance burned, and all the might which he prepared 1680 in secret in his fastness flared and poured across the Thirsty Plain; and armies black were in his train.

The leaguer of Angband Morgoth broke; his enemies in fire and smoke 1685 were scattered, and the Orcs there slew and slew, until the blood like dew dripped from each cruel and crooked blade. Then Barahir the bold did aid

 $\frac{212}{213}$

С людьми, с копьем и со щитом. Среди болот, в лесу густом Скреплен был дружества обет: Поклялся Фелагунд в ответ И дом соратника, и род Дарить поддержкой в час невзгод. Так были Финрода сыны Все четверо побеждены – Плачевный номов ждал финал: Пал Ангрод, гордый Эгнор пал; Но славный Фелагунд вдвоем С Ородретом тем страшным днем Собрали под руку свою Всех тех, кто уцелел в бою, И всех детей, и нежных дев, Ушли на юг, войну презрев, И тайный возвели оплот Над Нарогом в пещерах; вход Таился под завесой крон. Несокрушимых врат заслон, Гигантский каменный портал, В дни Турина, не раньше, пал. Келегорм с Куруфином тут На годы обрели приют, И креп и множился народ В чертогах близ текучих вод.

В пределах нарогских земель Средь нарготрондских зал досель Царил сокрытый властелин. И ныне Барахира сын В лесах скитался, одинок: Где сумрачный Эсгалдуин тек, Он брел сквозь лес по-над водой, Покуда в Сирион седой Поток не влился и, вольна, Вдаль, к морю понеслась волна. Вот Берен заводей достиг – Там, где мерцает звездный блик, Разлившись, стынет Сирион, И, стиснут и разъединен Наносами и тростником,

with mighty spear, with shield and men, 1690

Felagund wounded. To the fen escaping, there they bound their troth, and Felagund deeply swore an oath of friendship to his kin and seed, of love and succour in time of

need. 1695

But there of Finrod's children four were Angrod slain and proud Egnor. Felagund and Orodreth then gathered the remnant of their men, their maidens and their children

fair: 1700

forsaking war they made their lair and cavernous hold far in the south. On Narog's towering bank its mouth was opened; which they hid and veiled, and mighty doors, that unassailed 1705 till Turin's day stood vast and grim, they built by trees o'ershadowed dim. And with them dwelt a long time there Curufin, and Celegorm the fair; and a mighty folk grew neath their hands 1710

in Narog's secret halls and lands.

Thus Felagund in Nargothrond still reigned, a hidden king whose bond was sworn to Barahir the bold. And now his son through forests

cold 1715

wandered alone as in a dream. Esgalduin's dark and shrouded stream he followed, till its waters frore were joined to Sirion, Sirion hoar, pale silver water wide and free 1720 rolling in splendour to the sea. Now Beren came unto the pools, wide shallow meres where Sirion cools his gathered tide beneath the stars, ere chafed and sundered by the bars 1725

213

214

Питает топи – а потом Ныряет в глубь земли, в провал, На много миль – под своды скал. Затоны сумеречных вод Нарек от века эльфов род Умбот-Муилин. Сквозь дожди Завидел Берен впереди Холмы Охотников - предел Земли Хранимой; разглядел Кряж, гол, иззубрен и суров, Во власти западных ветров, -Под ним густа туманов вязь И морось сыплется, искрясь, В затоны; под хребтом пролег Путь Нарога – там скрыт чертог Владыки Фелагунда, близ Нагорья, где с обрыва вниз Низвергся Ингвиля каскад. Там стражи днем и ночью бдят. Быстр Нарог, светел Сирион – Края меж ними испокон Хранит нарготрондский дозор. Взгляд метких лучников остер, Не знает промаха рука, Смерть поджидает чужака, Проникшего туда тайком. По башне – на холме любом. Но Берен, вторгшись в тот предел, Кольцо блестящее надел – Дар Фелагунда – и твердил: «Не орк идет и не подсыл, Но Берен, Барахира сын, С вождем людей ваш властелин Был дружен». На восточный брег Он вышел: бурный Нарог бег Стремил по черным валунам, Бурля и вспениваясь, - там Стрелки в зеленом гостя вдруг, Нацелив луки, взяли в круг. Они – им перстень был знаком – Склонились перед чужаком,

of reedy banks a mighty fen
he feeds and drenches, plunging then
into vast chasms underground,
where many miles his way is wound.
Umboth-Muilin, Twilight Meres,
those great wide waters grey as tears
the Elves then named. Through driving

rain

from thence across the Guarded Plain the Hills of the Hunters Beren saw with bare tops bitten bleak and raw 1735 by western winds; but in the mist of streaming rains that flashed and hissed into the meres he knew there lay beneath those hills the cloven way of Narog, and the watchful halls 1740 of Felagund beside the falls of Ingwil tumbling from the wold. An everlasting watch they hold, the Gnomes of Nargothrond renowned, and every hill is tower-crowned, where wardens sleepless peer and gaze guarding the plain and all the ways between Narog swift and Sirion pale; and archers whose arrows never fail there range the woods, and secret

kill 1750

all who creep thither against their will.
Yet now he thrusts into that land
bearing the gleaming ring on hand
of Felagund, and oft doth cry:
'Here comes no wandering Orc or

spy, 1755

but Beren son of Barahir who once to Felagund was dear.' So ere he reached the eastward shore of Narog, that doth foam and roar o'er boulders black, those archers

green 1760

came round him. When the ring was seen they bowed before him, though his plight

Пусть он оборван и в пыли; Его на север повели, Ведь нет ни брода, ни моста, Где Нарготрондские врата Минует Нарог по пути – Врагу и другу не пройти. Но севернее, где река Не так бурна и широка, Туман из пенных брызг повис, – Где Гинглит огибает мыс И золотой ее поток Впадает в Нарог – там лишь смог Вброд переправиться отряд, И поспешил к порогу врат, Туда, где различает глаз Уступы каменных террас. Пришел отряд в лучах луны К вратам, что грозны и темны; Прочны, массивны и крепки Их каменные косяки. Так храбрый Берен был введен Туда, где Фелагунда трон.

Учтивый гостя ждал прием: Он, с глазу на глаз с королем, Поведал о своей беде, Скитаньях, мести и вражде; Сбиваясь, вспоминал, смятен, Как танцевала Лутиэн В венке из диких белых роз И пела; и в сетях волос Искрился звездный ореол. Про Дориат он речь повел, Про дивный Тинголов чертог – Подсвечен чарами, глубок, – Где бьют фонтанные струи, И распевают соловьи Для Мелиан и короля, Напевом душу веселя. Пересказал, не пряча глаз, Надменный Тингола наказ:

was poor and beggarly. Then by night they led him northward, for no ford nor bridge was built where Narog

 $\frac{214}{215}$

poured 1765

before the gates of Nargothrond, and friend nor foe might pass beyond. To northward, where that stream yet

young

more slender flowed, below the tongue of foam-splashed land that Ginglith

pens 1770

when her brief golden torrent ends and joins the Narog, there they wade. Now swiftest journey thence they made to Nargothrond's sheer terraces and dim gigantic palaces. 1775 They came beneath a sickle moon to doors there darkly hung and hewn with posts and lintels of ponderous stone and timbers huge. Now open thrown were gaping gates, and in they strode 1780 where Felagund on throne abode.

Fair were the words of Narog's king to Beren, and his wandering and all his feuds and bitter wars recounted soon. Behind closed doors 1785 they sat, while Beren told his tale of Doriath; and words him fail recalling Lúthien dancing fair with wild white roses in her hair, remembering her elven voice that rung 1790 while stars in twilight round her hung. He spake of Thingol's marvellous halls by enchantment lit, where fountain falls and ever the nightingale doth sing to Melian and to her king.

215

216

Во имя девы, что светлей Прекрасных смертных дочерей, Для Лутиэн Тинувиэль В пределы выжженных земель Ему назначено идти, – Чтоб смерть и боль познать

в пути.

Дослушал Фелагунд, и вот Печально молвил в свой черед: «Увы, король, всего верней, Взыскует гибели твоей. Трех самоцветов огнь живой Затронут клятвой роковой; Лишь Феаноровы сыны Владеть и обладать вольны Их светом. Тингол тот кристалл Присвоить вряд ли б возмечтал: Не всей эльфийскою страной Он правит. Но ценой иной Ты не вернешься в Дориат? Немало страшных бед сулят Тебе дороги в никуда. А после Моргота – вражда Помчится по твоим следам С небес – и к адовым вратам. Ведь Феанора сыновья, Тебя убьют, уверен я, Допрежде, чем успеешь ты Достигнуть сладостной мечты И Тинголу вложить в ладонь Неугасимый тот огонь. Ло! Келегорм и Куруфин С остатками своих дружин Придя в предел моей земли, Немало власти обрели, При том, что королем здесь - я, Сын Финрода. Пусть как друзья Они до нынешнего дня Поддержкой были для меня, Но я боюсь не без причин, Что Берен, Барахира сын,

The quest he told that Thingol laid in scorn on him; how for love of maid more fair than ever was born to Men, of Tinúviel, of Lúthien, he must essay the burning waste, 1800 and doubtless death and torment taste.

This Felagund in wonder heard, and heavily spake at last this word: 'It seems that Thingol doth desire thy death. The everlasting fire 1805 of those enchanted jewels all know is cursed with an oath of endless woe. and Fëanor's sons alone by right are lords and masters of their light. He cannot hope within his hoard 1810 to keep this gem, nor is he lord of all the folk of Elfinesse. And yet thou saist for nothing less can thy return to Doriath be purchased? Many a dreadful path 1815 in sooth there lies before thy feet and after Morgoth, still a fleet untiring hate, as I know well, would hunt thee from heaven unto hell. Fëanor's sons would, if they could, slay thee or ever thou reached his wood or laid in Thingol's lap that fire, or gained at least thy sweet desire. Lo! Celegorm and Curufin here dwell this very realm within, 1825 and even though I, Finrod's son, am king, a mighty power have won and many of their own folk lead. Friendship to me in every need they yet have shown, but much I fear 1830 that to Beren son of Barahir

В них состраданья не найдет, Отправившись в такой поход».

Был прав король. Воссев на трон, К народу обратился он, О клятве Барахиру рёк, О том, как смертного клинок Спас короля в дни старины На северных полях войны. Взыграв, сердца рвались на бой; Но вот разнесся над толпой Глас, королю наперекор: Встал Келегорм: надменный взор Пылал огнем, лучился меч, Сияли кудри. Вел он речь, И гневом лик его пылал, И тишина объяла зал.

«Будь враг он, друг, иль демон злой, Эльф, смертный или кто иной, Живущий в мире испокон, Ни состраданье, ни закон, Ни мощь Богов, ни даже ад, Ни сила чар не защитят От Феаноровых сынов Того, кто посягнуть готов На камень – выкрасть, вырвать иль Найдя, присвоить Сильмариль. Заклятым трижды трем камням Дано принадлежать лишь нам».

Как прежде в Туне речь отца Воспламенила все сердца, Так сын, слова сплести сумев, Будил испуг и темный гнев; Грозил он смутой и войной, Живописал, как кровь волной Затопит Нарготронд, ала, Пятная мертвые тела, Коль войско Нарога пойдет За Береном; как тьма невзгод Падет на Дориат лесной – И Тингол страшною ценой

mercy or love they will not show if once thy dreadful quest they know.'

True words he spake. For when the king to all his people told this thing, 1835 and spake of the oath to Barahir, and how that mortal shield and spear had saved them from Morgoth and from

woe

on Northern battlefields long ago, then many were kindled in their hearts 1840 once more to battle. But up there starts amid the throng, and loudly cries for hearing, one with flaming eyes, proud Celegorm with gleaming hair and shining sword. Then all men stare 1845 upon his stern unyielding face, and a great hush falls upon that place.

 $\frac{216}{217}$

'Be he friend or foe, or demon wild of Morgoth, Elf, or mortal child, or any that here on earth may dwell, 1850 no law, nor love, nor league of hell, no might of Gods, no binding spell, shall him defend from hatred fell of Fëanor's sons, whoso take or steal or finding keep a Silmaril. 1855 These we alone do claim by right, our thrice enchanted jewels bright.'

Many wild and potent words he spoke, and as before in Tûn awoke his father's voice their hearts to fire, 1860 so now dark fear and brooding ire he cast on them, foreboding war of friend with friend; and pools of gore their minds imagined lying red in Nargothrond about the dead, 1865 did Narog's host with Beren go; or haply battle, ruin, and woe in Doriath where great Thingol reigned,

Был клятве короля не рад: Любой, отчаяньем объят, И думать не желал о том, Чтоб переведаться с Врагом В его норе. Чуть смолк один Из братьев, начал Куруфин: Имел он убежденья дар – Такие сплел он сети чар, Что лишь при Турине опять Вернулась Нарогская рать К боям открытым. Впредь же ном Сражался скрытно и тайком, Избрав оружием в те дни Силки, засады, западни, И чарами заполнил мглу, И ядом смазывал стрелу Со смертоносным острием. В союзе с птицей и зверьем, Фантомы-лучники как тень Неслышно крались целый день За жертвой, приминая мох, Чтоб в темноте застать врасплох. Лукавых слов был горек плод: Забыли номы долг и род – Такой неодолимый страх Посеял Куруфин в сердцах.

Оплатит роковой кристалл.

И самый преданный вассал

Так номы, души распаля, Взроптали против короля: Мол, Финрод нам не божество, И уж тем паче сын его. И Фелагунд, под общий гул, Корону сняв, ее швырнул Под ноги – Нарготронда шлем. «Пусть клятвы не указ вам всем, Свою сдержу я до конца. Коль есть здесь стойкие сердца, Что сыну Финрода верны, Со мною из моей страны

if Feanor's fatal jewel he gained. And even such as were most true 1870 to Felagund his oath did rue, and thought with terror and despair of seeking Morgoth in his lair with force or guile. This Curufin when his brother ceased did then

begin 1875

more to impress upon their minds; and such a spell he on them binds that never again till Túrin's day would Gnome of Narog in array of open battle go to war. 1880 With secrecy, ambush, spies, and lore of wizardry, with silent leaguer of wild things wary, watchful, eager, of phantom hunters, venomed darts, and unseen stealthy creeping arts, 1885 with padding hatred that its prey with feet of velvet all the day followed remorseless out of sight and slew it unawares at night thus they defended Nargothrond, 1890 and forgot their kin and solemn bond for dread of Morgoth that the art of Curufin set within their heart.

So would they not that angry day King Felagund their lord obey, 1895 but sullen murmured that Finrod nor yet his son were as a god. Then Felagund took off his crown and at his feet he cast it down, the silver helm of Nargothrond: 'Yours ye may break, but I my bond must keep, and kingdom here forsake. If hearts here were that did not quake, or that to Finrod's son were true. then I at least should find a few 1905

217 218

Уйдет хоть небольшой отряд, – Не побреду я прочь от врат, Покинув, словно нищеброд, Корону, город и народ!»

Еще не стихло эхо слов, Как десять доблестных бойцов Из Фелагундовых дружин Шагнули к королю. Один Поднял серебряный венец И молвил: «О король, дворец Покинем мы - но сюзерен По праву ты. Назначь взамен Наместника». И Фелагунд Корону, упреждая бунт, Вручил Ородрету. «Мой брат, Покуда не вернусь назад, Она твоя», - король сказал. Тут Келегорм покинул зал, Надменный Феанора сын; И улыбнулся Куруфин.

to go with me, not like a poor rejected beggar scorn endure, turned from my gates to leave my town, my people, and my realm and crown!'

Hearing these words there swiftly stood 1910

beside him ten tried warriors good, men of his house who had ever fought wherever his banners had been brought. One stooped and lifted up his crown, and said: 'O king, to leave this town 1915 is now our fate, but not to lose thy rightful lordship. Thou shalt choose one to be steward in thy stead.' Then Felagund upon the head of Orodreth set it: 'Brother mine, 1920 till I return this crown is thine.' Then Celegorm no more would stay, and Curufin smiled and turned away.

ПРИМЕЧАНИЯ

218 219

1593–1594 Изначально в «В» значились *Glingol, Bansil* [Глингол, Бансиль], как в строке 1141.

1598—1599 Двустишие, отмеченное для переработки, отчасти из-за *did start* ['вздрагивали'; эмфатическая конструкция в прош. неопр. времени], отчасти из-за слова *Gnomes*. Я не отмечаю последующие примеры такого же плана, встречающиеся тут и там на протяжении всей поэмы.

1619 Здесь в «В»-тексте вписано: «∧ см. "Квенту".» Имеется в виду вариант «Сильмариллиона» 1930 года и, по всей видимости, отсылка сделана на формулировку Клятвы, содержащуюся там.

 $1620\ Varda\ the\ Holy\ [$ Варда Священная] вписано на полях «В»-текста, в котором, как и в «А», значится Bridhil the Blessed [Бридиль Благословенная]. Bridhil встречается выше в «А» (прим. к строкам 377–381), а в «В» формулировка иная.

1632-1633 Ср. строки 506-509.

1647 *Finweg* [Финвег] в «А» и в машинописном тексте «В»; в «В» на ранней стадии исправлено на *Fingon* [Фингон].

1654 Как в строке 1647.

1656 Ср. «Дети Хурина», первый вариант, строка 1975; второй вариант, строка 19, откуда заимствована формулировка (относящаяся к Финвегу / Фингону) fell in flame of swords [пал в пламени мечей]; во второй версии встречаются также white banners [белые знамена] короля.

1710-1711 «A»:

a great people were gathered of the Gnomes in these new-builded secret homes в этих новоотстроенных потаенных жилишах.

1736 Напротив слов by western winds [западными ветрами] вписана (так, чтобы показать, что здесь текст заканчивается, а не начинается отсюда) дата «29 мар. 1928 г.»; предыдущая дата была «27–28 марта 1928 г.» напротив строки 1161.

1859 *Tûn* [Тун] «В»] *Côr* [Кор] «А».

1867 «А»: if Felagund should with Beren go; [если Фелагунд пойдет с Береном;].

1891 «A»: and forgot their blood and kinship's bond [и забыли свою кровь и узы родства].

1900 В «В» crown [корона] исправлена на helm [шлем].

1920 Напротив этой строки поставлен значок «Х», возможно, много времени спустя, когда положение Ородрета было изменено и он перестал быть братом Фелагунда (см. стр. 91).

1921 crown [корона] «В»] realm [королевство] «А».

Комментарии к Песни VI

«Краткое содержание I» продолжается следующим образом:

Берен отправляется к Келегорму, и тот изменяет его облик [вычеркнуто: и дает ему магический кинжал. Берен и его проводники-номы* захвачены орками: несколько выживших приведены к (Мелько >) Морготу. Берен говорит М., что он «лесной охотник».]

Они отправляются и пытаются проникнуть в Ангбанд, замаскированные под орков, однако захвачены [вычеркнуто: их заковали в цепи и убивают одного за другим. Берен лежит, гадая, когда наступит его очередь.] Повелителем Волков: их ввергли в оковы и пожирают одного за другим.

Здесь любопытно отметить, как соответствующие элементы истории представлены в «Очерке мифологии» 1926 года в изначальном его варианте. В этой версии отцом Берена является Барахир, а он «некогда приходился другом Келегорму из Нарготронда». После того, как Тингол потребовал от Берена принести ему Сильмариль:

Берен отправляется исполнять назначенное; он захвачен в плен и брошен в подземелье Ангбанда, однако он скрывает свое истинное имя и отдан в рабство Ту-охотнику.

 $\frac{219}{220}$

^{*} Эта фраза была изменена на: «Берен заплутал и отбился от своих проводников-номов»; а затем вычеркнута вместе со всем абзацем.

Этот фрагмент, со всей очевидностью, создан раньше, чем «Краткое содержание I» (самое раннее, в конце мая 1926 г., - так датирован самый поздний из трех счетов, на котором он записан), поскольку в «Очерке» ни словом не упоминается о помощи Келегорма, о спутниках Берена, о том, как они замаскировались под орков и были захвачены Повелителем Волков. Напротив, Берен отправляется в Ангбанд в одиночестве, так же, как и в «Сказании о Тинувиэли», и – что особенно примечательно, – отдан в рабство «Ту-охотнику», точно так же, как в «Сказании» был отдан в рабство Тевильдо, Князю Котов. Как мне кажется, в «Кратком содержании I» мы видим тот самый момент, когда возникает сюжет о номских спутниках Берена, о том, как они были замаскированы под орков и как погибли один за другим в подземельях Повелителя Волков. (Ту впервые появляется в отрывке из «Лэ о падении Гондолина» (стр. 146) и в «Детях Хурина» как самый могущественный из Морготовых танов: первая версия, строка 391; вторая версия, строка 763.)

Но уже в строке 296 и далее в «А»-тексте «Лэ о Лейтиан» (лето 1925 года) содержится упоминание «об услуге» [«deed of service»], оказанной Эгнором, отцом Берена, Келегорму, и о подаренном кольце; в то время как в «Очерке» Барахир «некогда приходился другом Келегорму из Нарготронда». Таким образом:

«Лэ о Лейтиан» Песнь II (лето 1925 г.) Эгнор, отец Берена, оказал услугу Келегорму и получил от него кольцо.

«Очерк мифологии» (начало 1926 г., см. стр. 3) Барахир, отец Берена, приходился другом Келегорму из Нарготронда.

Берен отправляется в путь в одиночестве, он захвачен в плен и заключен в темницу в Ангбанде, но отдан в рабство Ту-охотнику.

«Краткое содержание I» (после мая 1926 г.)

Берен отправляется к Келегорму, тот оказывает ему помощь (возникает сюжет о спутниках-номах).

Из этого следует довольно удивительный вывод: связь Эгнора/Барахира с Келегормом и подаренное кольцо предшествовали возникновению истории о том, как Берен отправляется к Келегорму за помощью.

В отвергнутой части «Краткого содержания I» мы здесь видим последние сохранившиеся отголоски «Сказания о Тинувиэли»: Берен говорит Морготу, что он – лесной охотник; ср. «Сказание» (II. 15): «Добавил еще Берен, что он – великий охотник, ставит капканы на мелкого зверя и сети на птиц», - именно это объяснение Берена, предоставленное Мелько, и обеспечило ему место в Тевильдовых кухнях. Упоминание в отвергнутом отрывке магического кинжала, врученного Берену Келегормом – это, со всей очевидностью, мимолетная мысль, объясняющая происхождение лезвия, с помощью которого Берен вырежет Сильмариль из Железной Короны, поскольку кухонный нож, которым это было проделано в «Сказании» (II. 33), был отвергнут вместе с кухнями.

В других разрозненных бумагах, в придачу к «Краткому содержанию I», просматривается дальнейшее развитие сюжета. Первую подборку я стану называть «Краткое содержание II»: она начинается с начала Песни VI: здесь я ее процитирую вплоть до конца данной Песни.

220 221

Берен приходит к Фелагунду в Нарготронд; тот оказывает ему добрый прием, но предостерегает о клятве сынов Феанора и о том, что Куруфин и Келегорм, живущие с ним, обладают большой властью в его владениях.

Куруфин и Келегорм узнают о цели Берена и, напоминая о клятве, запрещают номам помогать Берену добыть Сильмариль для Тингола. Номы, опасаясь войны в Нарготронде или войны с Тинголом и, в [любом] случае, не питая ни малейшей надежды проникнуть в глубины Ангбанда силой или хитростью, отказываются поддержать Фелагунда. Фелагунд, памятуя о собственной клятве, передает королевство Ородрету и, лишь со своими верными сподвижниками из числа своих домочадцев (числом десять), уходит с Береном.

В «Лэ о Лейтиан» «Нарготрондский элемент» в сюжете к этому времени (весна 1928 года) эволюционировал дальше (см. стр. 171). Возникла ключевая фигура этого эпизода: (Фелагот >) Фелагунд, сын Финрода, третьего сына Финвэ (см. стр. 91); и к моменту создания Песни VI он уже присутствовал также и в «А»-тексте; это он, а не Келегорм, был спасен в битве, завершившей Осаду Ангбанда; это он отправился на юг вместе со своим братом Ородретом и основал Нарготронд, а Келегорм со своим братом Куруфином в ходе переработки легенды были перемещены на роль Фелагундовых властных «гостей» (в «Лэ» не сказано напрямую, как и почему они оказались в Нарготронде, хотя можно предположить, что они тоже бежали с «северных полей войны»). В вышеприведенном отрывке из «Краткого содержания II» видно, как мой отец разрабатывает сюжет начиная с этого момента и на этой повествовательной основе, и теперь возникают многие мотивы, играющие важную роль в финальной версии: из-за свой клятвы Келегорм и Куруфин отговаривают эльфов Нарготронда поддержать Фелагунда в оказании помощи Берену; Фелагунд передает корону Ородрету; с Фелагундом уходят только десятеро его подданных.* Мне кажется, «Краткое содержание II» со всей определенностью было написано как набросок плана для этой и последующих Песней, - и, в сущности, таковым и послужило.

В Песни VI мы впервые знакомимся с несколькими ключевыми элементами более ранней истории номов в Белерианде и на Севере, хотя, возможно, это не первое их появление на страницах сочинений моего отца. Так, история о спасении Майдроса (Финвегом >) Фингоном от мучений на Тангородриме, где он был подвешен за правую руку, почти наверняка подразумевается в «Детях Хурина»: там говорится, что Майдрос держал меч в левой руке (см. стр. 86); история полностью пересказывается в исходном варианте «Очерка», написанном в начале 1926 года, за пару лет до создания настоящей Песни (см. прим. к строке 1736). Здесь также содержатся отсылки к долгим годам Осады Ангбанда после того, как была улажена распря между владыками номов (причины которой мы пока еще не знаем); и вплоть до того момента, как Морготовы «полчища черные» (ср. «Сильмариллион», стр. 180: «черные полчища орков») вырвались на «Жаждущую равнину» (подробнее о ней см. стр. 55). Здесь мы впервые (если

 $\frac{221}{222}$

^{*} Промежуточную стадию можно наблюдать в переписанном фрагменте «Очерка мифологии» 1926 года, который войдет в том IV: в нем Келегорма уже заменил Фелагот (еще не Фелагунд), но Келегорм узнает о цели Фелагота и Берена уже *после* их ухода из Нарготронда, причем отбывают они с большим войском.

не считать более позднего примечания к «Детям Хурина», стр. 80) встречаем Ангрода и Эгнора, сыновей Финрода и братьев Фелагунда и Ородрета, которые погибли в битве; и здесь же говорится, что Фелагунд был ранен (строка 1691) и что его спасители отступили «в топь» – очень вероятно, что имеется в виду «обширная топь» Сириона, о которой шла речь в строке 1726.

Касательно Финвег > Фингон, и Финн (строка 1660) = Финвэ, см. стр. 137–138. Генеалогия номских владык, в том виде, в каком она возникла в 1920-х гг., теперь завершена:

Самый ранний вариант Феаноровой Клятвы содержится в аллитерационном стихотворении «Бегство нолдоли» (см. стр. 135–136), и вариант из «Лэ о Лейтиан» (строки 1634–1643) довольно близко ему следует, несмотря на то, что написан парнорифмованными двустишиями, причем многие фразы повторяются дословно. Новые вариации вошли в версию Келегорма (строки 1848–1857). Касательно названия *Тимбрентинг* для горы Таникветили (которую призывают в свидетели Клятвы) см. стр. 127, 139.

Большинство географических отсылок и названий в этой Песни подробно объяснены в Части III «Файливрин» в «Детях Хурина». Касательно Холмов Охотников, рек Гинглит и Ингвиль и Хранимой равнины см. стр. 88–89. Теперь становится ясно, что Умбот-Муилин, Сумеречные озера, находятся к северу от водопада Сириона и подземного туннеля (на который есть ссылка в «Детях Хурина», строка 1467), в то время как в «Утраченных сказаниях» – наоборот (см. II. 217); и что Эсгалдуин – это приток Сириона (строки 1717–1720). В строках, описывающих Нарготронд, «Лэ о Лейтиан» восходит к «Детям Хурина» и перекликается с ними; ср.:

222

Doors there darkly
dim gigantic
were hewn in the hillside;
huge their timbers
and their posts and lintels
of ponderous stone
(ctp. 68, 1828–1830)

Врата там мрачные, неясные и гигантские, были прорублены в склоне холма; громадные их балки и их столбы и перемычки –

и их столові и перемычки – из массивного камня

Nargothrond's sheer terraces and dim gigantic palaces

Нарготрондские отвесные террасы и неясные гигантские дворцы (1774–1775)

и:

c:

doors there darkly hung and hewn [к] вратам, там мрачно навешенным и прорубленным

with posts and lintels of ponderous stone со столбами и перемычками из массивного камня and timbers huge. со столбами и перемычками и перемыч

Выше я упоминал (стр. 88, 90) о рисунке и об акварели с изображением входа в Нарготронд. Рисунок подписан «Лайм, 1928 г.» (летний отпуск, проведенный в Лайм-Риджисе в Дорсете); акварель, скорее всего, создана в то же время: то есть несколько месяцев спустя после написания Песни VI «Лэ о Лейтиан». На обеих иллюстрациях видны безлесные Холмы Охотников на заднем плане («с голыми вершинами, выветренные, промозглые и шероховатые», 1735), а на акварели – «Нарготрондские отвесные террасы» (1774), но ни одно из изображений не наводит на мысль о том, что вход был «спрятан и сокрыт» (1704) «нависающими сумеречными деревьями» (1707) – этот элемент описания восходит к «Сказанию о Турамбаре» («входы в пещеры ... были хитроумно сокрыты деревьями», II. 81).

В своих комментариях к «Сказанию о Турамбаре» (II. 124 и сноска) я отмечал, что «присущие эльфам Нарготронда политика скрытности и отказ от открытой войны всегда были важным элементом замысла», но из «Сильмариллиона», «по-видимому, следует, что, когда в Нарготронд явился Берен, политика скрытности уже существовала при Фелагунде», согласно стр. 168; в то время как, согласно стр. 170, «представляется, что политика эта возникла благодаря убедительной речи Куруфина после прихода туда Берена». Из этой Песни явствует, что данное противоречие, если это и впрямь противоречие, восходит к двум фрагментам: к строкам 1743–1751 и 1877–1893.

В этом последнем отрывке вновь прослеживаются отчетливые отголоски «Детей Хурина»; ср.:

beset the stranger,
as of wild things wary
that watch moveless,
then follow fleetly
with feet of velvet
their heedless prey
with padding hatred

a leaguer silent

окружение безмолвное, незримое, скрытное, брало в кольцо чужака, словно сторожкие дикие звери, что недвижно бдят, затем проворно преследуют бархатной поступью свою ничего не подозревающую добычу неслышной ненавистью

223 (стр. 66, 1749–1753)

224

with silent leaguer of wild things wary, watchful, eager, of phantom hunters, venomed darts,

unseen, stealthy,

and unseen stealthy creeping arts, with padding hatred that its prey with feet of velvet all the day followed remorseless...

безмолвным окружением сторожких диких зверей, чутких, жадных, с помощью призрачных охотников,

отравленных стрел и незримых тайных потаенных искусств, неслышной ненавистью, что свою добычу бархатной поступью весь день напролет преследует неумолимо...

(1882 - 1888)

Остается еще пара уточнений касательно топонимики. Великие земли по-прежнему называются именно так (1668); но в 1616 встречается выражение «Внешние земли». Оно уже использовалось в исходном тексте «Домика Утраченной игры» в значении «Великие земли», но впоследствии употреблялось по отношению к землям за пределами Западного моря (см. І. 21, 81–82). В «Сильмариллионе» выражение «Внешние земли» часто употребляется как синоним Средиземья.

Название реки Нарог используется в значении «королевство Нарготронд», как зачастую впоследствии: король Нарготронда = король Нарога (см. строки 1782, 1866).

VII

Двенадцать воинов ушли Из нарогской родной земли На Север потайным путем И скрылись в сумраке ночном. Не провожал их труб мотив; Плащами темными сокрыв Плетенья кольчатой брони, Исчезли без следа они. Вдоль русла Нарога пролег Их путь, извилист и далек. К истоку путь держал отряд, – Туда, где бурный водопад Прозрачный, как стекло, фиал Водой искристой наполнял И пенных струй живой узор Сбегал от Ивринских озер, -Озер, что как хрусталь, чисты: В них отражаются хребты Тенистых гор – в лучах луны Их лики бледны и мрачны.

Осталась позади страна, От темных сил ограждена. За ночью ночь под сенью скал Отряд в засаде бдил и ждал. Однажды облачная мгла Луну и звезды облегла, И разносился ветра вздох В осенних кронах, и на мох

VII

Thus twelve alone there ventured forth from Nargothrond, and to the North 1925 they turned their silent secret way, and vanished in the fading day. No trumpet sounds, no voice there sings, as robed in mail of cunning rings now blackened dark with helmets grey 1930 and sombre cloaks they steal away. Far-journeying Narog's leaping course they followed till they found his source, the flickering falls, whose freshets sheer a glimmering goblet glassy-clear 1935 with crystal waters fill that shake and quiver down from Ivrin's lake, from Ivrin's mere that mirrors dim the pallid faces bare and grim of Shadowy Mountains neath the

moon. 1940

Now far beyond the realm immune from Orc and demon and the dread of Morgoth's might their ways had led. In woods o'ershadowed by the heights they watched and waited many nights, 1945 till on a time when hurrying cloud did moon and constellation shroud, and winds of autumn's wild beginning soughed in the boughs, and leaves went spinning

 $\frac{224}{225}$

Кружась, валился палый лист, -

Чуть Фелагунда грянул крик -Двенадцать орков пали вмиг. Отбросив луки, за клинки Схватились дружно смельчаки, Блеснула сталь – и грянул бой! Подняли орки визг и вой -Как духи адовых глубин. Живым не спасся ни один. Так сгинул орочий отряд: Бездольный край не разорят Враги огнем и сталью впредь. Но рано ликовать и петь, Победу одержав над злом – В набег столь небольшим числом Не ходят орки никогда: А значит, эльфов ждет беда.

down the dark eddies rustling soft, 1950 they heard a murmur hoarsely waft from far, a croaking laughter coming; now louder; now they heard the drumming of hideous stamping feet that tramp the weary earth. Then many a lamp 1955 of sullen red they saw draw near, swinging, and glistening on spear and scimitar. There hidden nigh they saw a band of Orcs go by with goblin-faces swart and foul. 1960 Bats were about them, and the owl, the ghostly forsaken night-bird cried from trees above. The voices died, the laughter like clash of stone and steel passed and faded. At their heel 1965 the Elves and Beren crept more soft than foxes stealing through a croft in search of prey. Thus to the camp lit by flickering fire and lamp they stole, and counted sitting there 1970 full thirty Orcs in the red flare of burning wood. Without a sound they one by one stood silent round, each in the shadow of a tree; each slowly, grimly, secretly 1975 bent then his bow and drew the string.

Hark! how they sudden twang and sing, when Felagund lets forth a cry; and twelve Orcs sudden fall and die. Then forth they leap casting their bows. 1980 Out their bright swords, and swift their blows! The stricken Orcs now shriek and yell as lost things deep in lightless hell. Battle there is beneath the trees bitter and swift; but no Orc flees; 1985 there left their lives that wandering band and stained no more the sorrowing land with rape and murder. Yet no song of joy, or triumph over wrong, 1990 the Elves there sang. In peril sore they were, for never alone to war

 $\frac{225}{226}$

Раздели орков догола И в яму бросили тела. Чтоб недругов ввести в обман, Король измыслил дерзкий план -Всем номам, изменив их стать, Обличье орочье придать.

Вооружился всяк из них Одним из луков костяных, Взял ятаган и взял копье, Надел ангбандское тряпье, Лицо и руки зачернил, Под стать оскалу зверских рыл. Состригли с орочьих голов Копны нечесаных клоков -Грязны, растрепаны, в пыли, И волос к волосу сплели, Чтоб понадежней привязать Вокруг ушей за прядью прядь. Глядели эльфы, оробев. А Фелагунд запел напев Преображающий черты: Оскалились клыками рты, Обвисли уши; песнь лилась, Волшебных чар сплеталась вязь. Одежду спрятав в тайнике, Пустились номы налегке За гнусным орком-вожаком, Допрежь – эльфийским королем.

Немало им пришлось пройти. Приветствовали по пути Их орки, не чиня преград, И с каждым днем смелел отряд. Но вот остался за спиной Белерианд. Плеща волной, Серебряным каскадом тек Бурлящий Сирион сквозь лог, Где Таур-на-Фуин, Ночная Мгла, Земля, где сосны да скала, К востоку обрывалась вниз, А с запада стеной навис

so small an Orc-band went, they knew. Swiftly the raiment off they drew and cast the corpses in a pit. This desperate counsel had the wit 1995 of Felagund for them devised: as Orcs his comrades he disguised.

The poisoned spears, the bows of horn, the crooked swords their foes had borne they took; and loathing each him clad 2000 in Angband's raiment foul and sad. They smeared their hands and faces fair with pigment dark; the matted hair all lank and black from goblin head they shore, and joined it thread by

thread 2005

with Gnomish skill. As each one leers at each dismayed, about his ears he hangs it noisome, shuddering. Then Felagund a spell did sing of changing and of shifting shape; 2010 their ears grew hideous, and agape their mouths did start, and like a fang each tooth became, as slow he sang. Their Gnomish raiment then they hid, and one by one behind him slid, 2015 behind a foul and goblin thing that once was elven-fair and king.

Northward they went; and Orcs they met who passed, nor did their going let, but hailed them in greeting; and more bold 2020

they grew as past the long miles rolled. At length they came with weary feet beyond Beleriand. They found the fleet young waters, rippling, silver-pale of Sirion hurrying through that vale 2025 where Taur-na-Fuin, Deadly Night, the trackless forest's pine-clad height, falls dark forbidding slowly down upon the east, while westward frown

226

~~227~~

Прогнувшись к северу, хребет, Собой закрыв закатный свет.

Там остров-холм стоял один, Как камень, издали с вершин Гигантской сброшенный рукой. Омыт извилистой рекой, Делил он надвое поток, Что гротами скалу иссек И, нехотя прихлынув к ним, Стремился к берегам иным. Здесь высился эльфийский форт, Доныне величав и горд, Днесь мрачен и насторожен, Грозил Белерианду он На юге; к северу легла Пустыня, выжжена дотла – Многострадальная земля: Пески и мертвые поля, А вдалеке - клубился дым, Нависнув облаком густым Над Тангородримской грядой.

Обосновался в башне той Злой дух, чей взор пылал огнем: С высокой башни за путем По Сириону через дол, Что из Белерианда вел, Он надзирал. (Иных дорог На север не вело. Пролег К востоку Аглон – перевал Сквозь горы, да во мгле петлял Сквозь Таур-на-Фуин опасный

Под сень ветвей, во мрак и жуть, Вступал лишь орочий отряд. Вел Аглон в древний Дориат, И был надежно защищен Сынами Феанора он.)

227 Дух прозывался Ту; его 228 Поздней сочли за божество, the northward-bending Mountains grey 2030 and bar the westering light of day.

An isléd hill there stood alone amid the valley, like a stone rolled from the distant mountains vast when giants in tumult hurtled past. 2035 Around its feet the river looped a stream divided, that had scooped the hanging edges into caves. There briefly shuddered Sirion's waves and ran to other shores more clean. 2040 An elven watchtower had it been, and strong it was, and still was fair; but now did grim with menace stare one way to pale Beleriand, the other to that mournful land 2045 beyond the valley's northern mouth. Thence could be glimpsed the fields of drouth, the dusty dunes, the desert wide: and further far could be descried the brooding cloud that hangs and lowers 2050

on Thangorodrim's thunderous towers.

Now in that hill was the abode of one most evil; and the road that from Beleriand thither came he watched with sleepless eyes of flame. 2055 (From the North there led no other way, save east where the Gorge of Aglon lay, and that dark path of hurrying dread which only in need the Orcs would tread through Deadly Nightshade's awful gloom 2060

where Taur-na-Fuin's branches loom; and Aglon led to Doriath, and Fëanor's sons watched o'er that path.)

Men called him Thû, and as a god in after days beneath his rod

2065

И люди, покорясь ярму, Кумирни строили ему. Пусть для людей пока не бог, -Безжалостен, могуч, жесток, -Грозней всех Морготовых слуг Был Князь Волков. В холмах вокруг Зловещий вой не умолкал. Там некромант заклятья ткал. Владея силой колдовской, Сумел он под своей рукой Блуждавших призраков собрать. Отверженных чудовищ рать Он воле подчинил своей – Фантомов, демонов, зверей, -И волколаков без числа, И остров стал оплотом зла, – Впредь Чародейным звался он.

Издалека под сенью крон
Ту заприметил чужаков
И кликнул тотчас же волков:
«Ко мне ведите сей же час
Вон тех сомнительных пролаз!
Мне подозрительны они:
Зачем бы, хоронясь в тени,
Они крадутся воровски
И, приказанью вопреки,
Ко мне с докладом не спешат,
К владыке Ту!»

Горящий взгляд Вперил он в даль, нахмурясь зло: В нем недоверие росло. Вот волки номов взяли в круг, Объял нарготрондцев испуг: Край Нарога, увы, далек, Надежда тает, грозен рок! Вот их проводят по мосту На Чародейный остров, к Ту, Туда, где кровью обагрен Изваянный из камня трон.

«Где вы бывали? Что вы видали?»

bewildered bowed to him, and made his ghastly temples in the shade. Not yet by Men enthralled adored, now was he Morgoth's mightiest lord, Master of Wolves, whose shivering

howl 2070

for ever echoed in the hills, and foul enchantments and dark sigaldry did weave and wield. In glamoury that necromancer held his hosts of phantoms and of wandering ghosts, 2075 of misbegotten or spell-wronged monsters that about him thronged, working his bidding dark and vile: the werewolves of the Wizard's Isle.

From Thû their coming was not hid; 2080 and though beneath the eaves they slid of the forest's gloomy-hanging boughs, he saw them afar, and wolves did rouse: 'Go! fetch me those sneaking Orcs,' he said, 'that fare thus strangely, as if in dread, 2085 and do not come, as all Orcs use and are commanded, to bring me news of all their deeds, to me, to Thû.'

From his tower he gazed, and in him grew suspicion and a brooding thought, 2090 waiting, leering, till they were brought.

Now ringed about with wolves they stand, and fear their doom. Alas! the land, the land of Narog left behind!

Foreboding evil weights their mind, 2095 as downcast, halting, they must go and cross the stony bridge of woe to Wizard's Isle, and to the throne there fashioned of blood-darkened stone.

'Where have ye been? What have ye seen?' 2100

228] 229]

Край выжжен дотла, кровь льется, ала; Там мы бывали, вот что видали. Тридцатерых нет боле в живых – Гниют в яме убитые нами. Сжали мы ниву воронью на поживу».

«В эльфийских краях, там горе и страх,

«И каковы ж, скажите мне, Дела в эльфийской стороне? Кто в Нарготронде королем? В краю вы побывали том?»

«Прошли мы лишь границы вдоль. Там правит Фелагунд-король».

«А говорят, что сгинул он И Келегорм воссел на трон?

«Неправда! Коли сгинул он, Ородрет занял братний трон».

«Сколь слух остер ваш до молвы Из мест, где не бывали вы! Как звать столь доблестных солдат? Кто возглавляет ваш отряд?»

«Нереб и Дунгалеф, при них Нас десятеро. С гор глухих, Из темных скальных нор в поход Нас дело спешное ведет. Ждет Болдог нас в земле теней, Где пламя бьет из-под камней».

«Слыхал я, Болдог пал в бою На порубежье в том краю, Где Тинголов разбойный сброд Запрятался под хмурый свод Зеленой вязовой листвы? Выходит, не слыхали вы О фее Лутиэн? Она Мила, бела и так нежна, Ей Моргот завладеть не прочь. Беглянку в Ангбанд приволочь Был послан Болдог; он убит. Не с ним ли быть вам надлежит?

'In Elfinesse; and tears and distress, the fire blowing and the blood flowing, these have we seen, there have we been. Thirty we slew and their bodies threw in a dark pit. The ravens sit 2105 and the owl cries where our swath lies.'

'Come, tell me true, O Morgoth's thralls, what then in Elfinesse befalls? What of Nargothrond? Who reigneth

Into that realm did your feet dare?' 2110

'Only its borders did we dare. There reigns King Felagund the fair.'

'Then heard ye not that he is gone, that Celegorm sits his throne upon?'

'That is not true! If he is gone, 2115 then Orodreth sits his throne upon.'

'Sharp are your ears, swift have they got tidings of realms ye entered not! What are your names, O spearmen bold? Who your captain, ye have not told.' 2120

'Nereb and Dungalef and warriors ten, so we are called, and dark our den under the mountains. Over the waste we march on an errand of need and haste. Boldog the captain awaits us there 2125 where fires from under smoke and flare.'

'Boldog, I heard, was lately slain warring on the borders of that domain where Robber Thingol and outlaw folk cringe and crawl beneath elm and

oak 2130

in drear Doriath. Heard ye not then of that pretty fay, of Lúthien? Her body is fair, very white and fair. Morgoth would possess her in his lair. Boldog he sent, but Boldog was

slain: 2135

strange ye were not in Boldog's train.

Недобро Нереб хмурит лоб... Малютка Лутиэн! И что б Не посмеяться всласть ему, Раз канет ясный свет во тьму, И непорочность втопчут в грязь, И деву всемогущий князь Замучает в своей тюрьме? Вы слуги Свету или Тьме? Кто мира дольнего творец, Даритель злата и колец? Кто царь – царей превыше всех? Кто древле радости и смех У скаредных Богов отторг? Не хмурьте бровь! За орком орк Обеты повторите вновь! Да сгинет свет, закон, любовь! Проклятье звездам и луне! Пусть вековая тьма извне Затопит ледяной волной Всё - Манвэ, Варду, мир земной; Во зле – начало всех начал, И ненависть – всему финал, И Мир да будет погребен Под векового моря стон!»

Ни эльф, ни смертный человек, Не будучи рабом, вовек Не повторит столь страшных слов. Рёк в гневе Берен: «Князь Волков Не смеет нам чинить препон! Приказ нам отдает не он! Нам в путь пора!»

«Быть по сему! Недолго вам в моем дому Гостить, – со смехом молвил Ту.– Терпение! Сперва почту Я песней вас – внемлите мне!» Пал мрак – и в зыбкой пелене Мерцал огонь бездонных глаз, – И стыла кровь, и разум гас. Он в песнь свою вплетал слова Прозрения и волшебства,

Nereb looks fierce, his frown is grim. Little Lúthien! What troubles him? Why laughs he not to think of his lord crushing a maiden in his hoard, 2140 that foul should be what once was clean, that dark should be where light has been? 229 Whom do ye serve, Light or Mirk? 230 Who is the maker of mightiest work? Who is the king of earthly kings, 2145 the greatest giver of gold and rings? Who is the master of the wide earth? Who despoiled them of their mirth, the greedy Gods? Repeat your vows, Orcs of Bauglir! Do not bend your brows! 2150 Death to light, to law, to love! Cursed be moon and stars above! May darkness everlasting old

Cursed be moon and stars above!
May darkness everlasting old
that waits outside in surges cold
drown Manwë, Varda, and the sun!
May all in hatred be begun,
and all in evil ended be,
in the moaning of the endless Sea!'

But no true Man nor Elf yet free would ever speak that blasphemy, and Beren muttered: 'Who is Thû to hinder work that is to do?'
Him we serve not, nor to him owe obeisance, and we now would go.'

Thû laughed: 'Patience! Not very long shall ye abide. But first a song I will sing to you, to ears intent.'
Then his flaming eyes he on them bent, and darkness black fell round them all.
Only they saw as through a pall 2170 of eddying smoke those eyes profound in which their senses choked and drowned. He chanted a song of wizardry, of piercing, opening, of treachery,

И дрогнул Фелагунд. В ответ Он пел о доблести, борьбе, О стойкой верности судьбе, О развенчаньи обольщений, О смене перевоплощений, О вызволеньи из силков, Об избавленьи от оков. 231 Так песня с песней спор вели, И нарастал, и гас вдали Напев, тревожа эхо скал. И Фелагунд в мотив вплетал Узор видений: трели птиц Над Нарготрондом; свет зарниц Вздох моря, тихий плеск волны О берег дальней стороны, Где тонет в блеске золотом

Предательства, разоблаченья,

Уничтоженья, принужденья,

Являя скрытое - на свет.

Но мрак сгущался. Пала мгла На Валинор, и кровь текла, Пятная берег и пески. То номы, чести вопреки, На родичей войной пошли И захватили корабли. Донесся ропот черных крыл. Закаркал ворон. Волк завыл. В морях раздался скрежет льдов. Им вторил стон и звон оков В темницах Ангбанда. Вдали Взметнулось пламя. Потрясли Раскаты грома своды скал – И Фелагунд, сраженный, пал.

Бессмертный край, эльфийский

Се! К эльфам властью чар опять Вернулись прежний вид и стать: Нет больше орочьих гримас, Всяк светлолиц и ясноглаз, Но участь пленников страшна – Они во власти колдуна.

revealing, uncovering, betraying. 2175 Then sudden Felagund there swaying sang in answer a song of staying, resisting, battling against power, of secrets kept, strength like a tower, and trust unbroken, freedom, escape; 2180 of changing and of shifting shape, of snares eluded, broken traps, the prison opening, the chain that snaps. Backwards and forwards swayed their song. Reeling and foundering, as ever more strong 2185

Thû's chanting swelled, Felagund fought, and all the magic and might he brought of Elfinesse into his words. Softly in the gloom they heard the birds singing afar in Nargothrond, 2190 the sighing of the sea beyond, beyond the western world, on sand, on sand of pearls in Elvenland.

Then the gloom gathered: darkness growing in Valinor, the red blood flowing 2195 beside the sea, where the Gnomes slew the Foamriders, and stealing drew their white ships with their white sails from lamplit havens. The wind wails. The wolf howls. The ravens flee. 2200 The ice mutters in the mouths of the sea. The captives sad in Angband mourn. Thunder rumbles, the fires burn, a vast smoke gushes out, a roar and Felagund swoons upon the floor. 2205

Behold! they are in their own fair shape, fairskinned, brighteyed. No longer gape Orclike their mouths; and now they stand betrayed into the wizard's hand.

230

231

232

В темницу, где не брезжит свет И отблеска надежды нет, Их ввергли: цепи их гнетут, Их душат сети тесных пут, Вгрызаются оковы в плоть.

Но Фелагунд перебороть Смог волю Ту отчасти: он Ни цели эльфов, ни имен Не выведал. Сойдя во мрак, Грозил им лютой казнью Враг: Коль не отыщется средь них Предатель – всем не быть в живых. К ним волки явятся в тюрьму И всех пожрут по одному, У прочих пленных на глазах. Последнего ж измучит страх, Он, ввергнутый в подземный ад, Истерзан будет и распят, И будет пытка жестока, -Так изнывать ему, пока Не скажет все начистоту.

Все так и сталось. Темноту Пронзал огонь горящих глаз, И боли крик звенел и гас, И чавканьем сменялся хруст, Струился запах крови, густ, Но, страх и муку разделя, Никто не предал короля.

Thus came they unhappy into woe 2210 to dungeons no hope nor glimmer know, where chained in chains that eat the flesh and woven in webs of strangling mesh they lay forgotten, in despair.

Yet not all unavailing were 2215 the spells of Felagund; for Thû neither their names nor purpose knew. These much he pondered and bethought, and in their woeful chains them sought, and threatened all with dreadful death, 2220 if one would not with traitor's breath reveal this knowledge. Wolves should come and slow devour them one by one before the others' eyes, and last should one alone be left aghast, 2225 then in a place of horror hung with anguish should his limbs be wrung, in the bowels of the earth be slow endlessly, cruelly, put to woe and torment, till he all declared. 2230

Even as he threatened, so it fared. From time to time in the eyeless dark two eyes would grow, and they would hark to frightful cries, and then a sound of rending, a slavering on the ground, and blood flowing they would smell. But none would yield, and none would tell.

*

ПРИМЕЧАНИЯ

1943 В конце этой строки вписана дата: «30 марта 1928 г.». Предыдущая дата была: «29 марта 1928 г.» напротив строки 1736.

2023 (и далее) Broseliand [Броселианд] «А» и машинописный вариант «В». 2026 Deadly Night] [Смертоносная Ночь] | Tangled Night [Дремучая Ночь] «А» и машинописный вариант «В». Ср. Deadly Nightshade [Смертоносная Ночная тень] как название для Таур-на-Фуин в «Детях Хурина» (стр. 55) и в строке 2060 в настоящей Песни.

2047 fields of drouth [поля засухи]: выражение Plains of Drouth [равнины Засухи] встречается в «Детях Хурина», стр. 36, строка 826.

2056–2063 Эти строки отмечены знаком «Х» и знаком вычеркивания в «В»-тексте, – вероятно, не по причине их содержания, но поскольку отцу они показались избыточными.

2064–2066 В «В» исправлено на: Gnomes called him Gorthû, as a god in after days beneath his rod bewildered they bowed to him, and made

Номы называли его Горту, как богу в последующие дни под его игом, сбитые с толку, они преклонились перед ним и возводили

(Имя Sauron [Саурон] впервые подставлено вместо Thû [Ту]. Меп [люди] вписано рядом с they [они] в строке 2066.) Thû [Ту] > Gorthû [Горту] далее по всей Песни, – либо вместо имени подставлялось местоимение или артикль: так 2088 of all their deeds to me, Gorthû [обо всех своих деяниях мне, Горту]; 2161–2162 Doth Gorthû / now hinder work [Или Горту/ныне препятствует делу]; 2165 He laughed [Он рассмеялся]; 2186 the chanting [пение]; etc.

Это изменение датировать непросто, однако оно было внесено в то время, когда еще использовался этноним *номы* (2064). В Песни VIII имя $Th\hat{u}$ оставлено без изменений, равно как и далее, вплоть до строки 3290, которая была исправлена на where Gorth $\hat{u}$ reigned [где правил Горту]; в конце поэмы (3947, 3951) $Th\hat{u}$ было изменено на Sauron.

2100–2106 Об изменении стихотворного размера в этих строках см. «Комментарии».

2114 После этой строки вписана дата: «31 марта» (т.е. 1928 г.). Предыдущая дата была: «30 марта 1928 г.» напротив строки 1943.

2121 Nereb and Dungalef: исправлено в «В» на Wrath and Hate [Ярость и Ненависть] в то же время, что и $Th\hat{u} > Gorth\hat{u}$.

2137 Nereb looks fierce: [Нереб глядит свирепо:] в «В» исправлено на: Fierce is your chief [Свиреп ваш вождь].

2155 Bridhil [Бридиль] «А» и машинописный вариант «В»; имя было изменено на Varda [Варда] в то же время, что и *Thû* > *Gorthû*. См. прим. к строке 1620.

2175–2177 Три рифмующиеся строки подряд восходят через «А» к первоначальному черновику [18].

2193 Elvenland [Эльфийская страна] – исправление, заменившее Fairyland [Страна фэйри] в «В».

Комментарии к Песни VII

«Краткое содержание I» с наброском сюжета этой Песни уже приводилось выше (стр. 219–220). «Краткое содержание II» продолжается с того момента, на котором оборвалось на стр. 221.

 $\frac{232}{233}$

Они подстерегают в засаде орочью банду и, придав себе обманную внешность убитых и облекшись в их одежду, движутся дальше на Север. Между Тенистыми горами и Лесом Ночи, где Сирион, берущий начало неподалеку, течет по сужающейся долине, они наталкиваются на волколаков и на воинство Ту Повелителя Волков. Их отводят к Ту; в ходе состязания на загадках, состоящих из вопросов и ответов, их разоблачают как шпионов, но Берена считают номом, а то, что Фелагунд – король Нарготронда, удается сохранить в тайне.

Их помещают в глубокое подземелье. Ту желает узнать их цель и истинные имена и сулит смерть одному за одним и пытку последнему, если они не откроют, кто они такие. Время от времени огромный волк [вычеркнуто: Ту в волчьем обличии] является и пожирает одного из пленников.

Со всей очевидностью, это – повествовательная основа Песни VII; здесь история обретает свою окончательную форму. Может показаться, что между наброском сюжета и «Лэ» существует одно отличие: в первом говорится, что «в ходе состязания на загадках, состоящих из вопросов и ответов, их разоблачают как шпионов», в то время как во втором Фелагунд терпит поражение перед песнью превосходящей силы. На самом деле, состязание на загадках в «Лэ» представлено, однако, по всей видимости, не было до конца разработано. В исходном черновике отец набросал следующую заметку, прежде чем написать фрагмент, начинающийся со строк 2100 и далее:

Вопросы-загадки. Где вы были, кого убили? Тридцатерых. Кто правит в Нарготронде? Кто предводитель орков? Кто создал мир? Кто король и т.д. Они выказывают эльфийскую [?предвзятость] и слишком скудные познания об Ангбанде, слишком глубокие – об Эльфийской земле. Ту и Фелагунд ... ... заклятия друг против друга, и Ту постепенно одерживает верх, пока пленники не предстают перед ним разоблаченными эльфами.

Строки 2100–2106 написаны другим размером, особенно подходящим для состязания в загадках, и содержание их (ответ на вопрос Ту: «Где вы бывали? Что вы видали?») само по себе представляет загадку («мнимая точность»). Но после того стих возвращается к обычному размеру, а элемент загадки исчезает (кроме как в «темно наше прибежище/под горами»). Имя Дунгалеф (2121), при том, что звучит оно достаточно по-орочьи – уловка, шитая белыми нитками, учитывая, что о Фелагунде только что шла речь; однако обман удался (2217). Вне всякого сомнения, в данном случае Саурон вполне оправдывает пословицу: на всякого мудреца довольно простоты.

Это – первый полный портрет Ту: он предстает существом великой силы, весьма искушенным в чародействе; более того, здесь он назван «некромантом» (2074). Здесь также содержится первый намек на то, что его история уходит далеко за пределы сказания о Берене и Лутиэн: «в последующие дни» люди станут поклоняться ему и возводить ему «жуткие храмы во мгле».

Именно в этой Песни впервые появляется остров на реке Сирион (в «Кратком содержании II» не упомянутый), равно как и первое упоминание о происхождении крепости:

233

 $\frac{233}{234}$

Некогда – эльфийская сторожевая башня, она и сейчас была мощна и прекрасна. (2041-2042)

Менее четырех месяцев спустя после того, как эти строки были написаны, мой отец нарисовал рисунок – будучи в Дорсете, в Лайм-Риджисе, в июле 1928 г. («Рисунки Дж. Р. Р. Толкина», № 36), – и на рисунке этом видны пещеры, вымытые водой по краю острова (строки 2037-2038).

Тенистые горы, упомянутые в «Кратком содержании II» и в поэме - это уже не горы Ужаса (Эред Горгорот), как в строках 386, 1318 (см. стр. 170–171). В «Кратком содержании II» говорится, что Сирион, берущий начало неподалеку, течет по сужающейся долине между Тенистыми горами и Лесом Ночи (Таур-на-Фуин), и в поэме озеро Иврина отражает

> бледные лики, голые и мрачные, Тенистых гор под луною (1939–1940)

как в «Детях Хурина» (стр. 62, строки 1581-1582). Тем самым, этноним вновь используется в том же значении, что и в аллитерационной поэме, - и значение это закрепится за ним и впредь. Также следует отметить, что эта горная цепь «выгибается к северу» (2030).

Строки касательно Иврина в «Детях Хурина» (1594–1597):

народившийся Нарог переливчатой мощью 235 и мерцающий кубок

с девятнадцати фатомов обрушивается, дивясь, светлыми как стекло

его струями вырезанный фонтанами наполняет он,

эхом повторяются в «Лэ о Лейтиан» (1934–1936):

переливчатые водопады, чьи отвесные струи мерцающий кубок, стеклянно-прозрачный, хрустальными водами наполняют...

В этой Песни появляется новая деталь северных земель: перевал Аглон (2057), уже помещенный (что подтверждают и другие свидетельства) в восточной оконечности Таур-на-Фуин; и в строке 2063 содержится первое указание на то, что эта область принадлежала Феанорингам.

Набег предводителя орков Болдога на Дориат в попытке захватить Лутиэн для Моргота явился важным элементом истории того времени, хотя позже эта деталь исчезла, и в «Сильмариллионе» от нее не сохранилось и следа. Подробнее об этом в «Лэ о Лейтиан» будет рассказано дальше, но здесь стоит отметить, что ранняя ссылка на этот эпизод обнаруживается в «Детях Хурина» (стр. 16, строки 392-394, стр. 117, строки 764-766). Там Моргот приказал «пойти разорить королевство разбойника Тингола» самому Ту.

Термин «Пенные Всадники», используемый по отношению к Третьему Роду эльфов в строке 2197, уже встречался прежде в аллитерационном «Бегстве нолдоли» (см. стр. 140).

234

VIII

Встарь были в Валиноре псы: По следу вепря и лисы, Оленям с ланями вдогон Неслись они под сенью крон, Быстрей, чем быстрые ветра, В ошейниках из серебра. Хозяином в краю лесном Был Оромэ. Хмельным вином Гостей он потчевал, смеясь, И песнь охотничья лилась В его чертогах искони. Он звался Таврос - в оны дни Так номы Бога нарекли; Пел звонкий рог его вдали За кряжем гор во тьме времен. Из всех Богов один лишь он Мир возлюбил допрежь, чем ввысь Над дольним миром вознеслись Знамена Солнца и Луны. Его лихие скакуны Сверкали золотом подков. Жил в чащах род бессмертных псов -Проворны, гибки и быстры, Черны, и серы, и пестры, И буры, и белее льна; Шерсть – шелковиста и длинна, Глаза – как халцедон, ярки, И что китовый ус – клыки, А лай – что колокольный хор Над Валмаром. Рвались со свор Как меч из ножен, псы, чтоб дичь На радость Тавросу настичь.

Среди лугов, среди лесов Щенком рос Хуан – прочих псов Он обгонял, и быстр, и яр. Владыка Таврос отдал в дар Пса Келегорму: рад был ном За Оромэ скакать верхом

VIII

Hounds there were in Valinor with silver collars. Hart and boar, the fox and hare and nimble roe there in the forests green did go. Oromë was the lord divine of all those woods. The potent wine went in his halls and hunting song. The Gnomes anew have named him

long 2245

Tavros, the God whose horns did blow over the mountains long ago; who alone of Gods had loved the world before the banners were unfurled of Moon and Sun; and shod with

were his great horses. Hounds untold baying in woods beyond the West of race immortal he possessed: grey and limber, black and strong, white with silken coats and long, 2255 brown and brindled, swift and true as arrow from a bow of yew; their voices like the deeptoned bells that ring in Valmar's citadels, their eyes like living jewels, their

teeth 2260

like ruel-bone. As sword from sheath they flashed and fled from leash to scent for Tavros' joy and merriment.

In Tavros' friths and pastures green had Huan once a young whelp been. 2265

He grew the swiftest of the swift, and Oromë gave him as a gift to Celegorm, who loved to follow the great God's horn o'er hill and hollow. 235 ~~236~~ Среди нагорий и долин На голос рога. Лишь один Из псов Немеркнущей земли, Ушел, когда, восстав, ушли Прочь Феаноровы сыны. На Севере, в разгар войны, С хозяином был рядом пес, Все тяготы скитаний нес, Сражался в вылазке любой И принимал смертельный бой. Он Келегорму жизнь не раз От орка и от волка спас, -Неутомимый волкодав Свиреп, и сер, и величав. Пронзал его горящий взор Туман и тень, а нюх, остер, Остывший след распознавал В болоте и на камне скал, В пыли дорог, в листве чащоб. Всю сеть белериандских троп Он знал – и страсть любил волков: Любил, сомкнувши сталь клыков На горле зверя, вытрясть дух, Чтоб рык умолк и взор потух. Его боялись как огня Вервольфы Ту. Ни западня, Ни клык, ни яд, ни дрот стальной Псу не вредили. Рок иной Был псу назначен: от клыков Громаднейшего из волков Пасть, с ним вступив в

смертельный бой. Но пес смеялся над судьбой.

Се! В Нарготронде, вдалеке, И за рекой, и по реке, Тревожа Сирионский край Трубят рога и слышен лай, Веселый гам и голоса: Кто нынче выехал в леса? То Келегорм и Куруфин Мчат средь нагорьев и долин,

Alone of hounds of the Land of Light, 2270 when sons of Fëanor took to flight and came into the North, he stayed beside his master. Every raid and every foray wild he shared, and into mortal battle dared. 2275 Often he saved his Gnomish lord from Orc and wolf and leaping sword. A wolf-hound, tireless, grey and fierce he grew; his gleaming eyes would pierce all shadows and all mist, the scent moons old he found through fen and bent, through rustling leaves and dusty sand; all paths of wide Beleriand he knew. But wolves, he loved them best: he loved to find their throats and

wrest 2285

their snarling lives and evil breath.
The packs of Thû him feared as Death.
No wizardry, nor spell, nor dart,
no fang, nor venom devil's art
could brew had harmed him; for his
weird 2290

was woven. Yet he little feared that fate decreed and known to all: before the mightiest he should fall, before the mightiest wolf alone that ever was whelped in cave of stone. 2295

Hark! afar in Nargothrond, far over Sirion and beyond, there are dim cries and horns blowing, and barking hounds through the trees going. The hunt is up, the woods are stirred. 2300 Who rides to-day? Ye have not heard that Celegorm and Curufin have loosed their dogs? With merry din

 $\frac{236}{237}$

До света выехав верхом, И каждый – с луком и копьем. Ведь волки Ту с недавних пор Кишат кругом, чиня разор: Горят глаза в полях ночных За Нарогом. Хозяин их Плетет, быть может, козней сеть, Чтоб нарготрондцев одолеть, Шпионит, не спуская глаз, С лесной земли, где бук и вяз?

«Мне это не по нраву, брат, -Рек Куруфин. – Не зло ль сулят Набеги волчьи? В свой черед, Пора дать тварям окорот! Тем боле, что по сердцу мне За волком мчаться на коне!» И шепотом добавил он: Мол, глуп Ородрет и смешон, Ушел король – простыл и след; Вестей о нем доселе нет. «Жив, мертв ли - о его судьбе Нелишне бы узнать тебе. Вооружись, бери отряд – Как на ловитву. Все решат, О Нароге радеешь ты; Но в чаще, где листы густы, Возможно что-нибудь узнать. А коли шаг направит вспять, Король, слепой судьбой ведом, И коли Сильмариль при нем... Молчу. Ты клятвы не предашь: По праву камень – твой (и наш); Добыть в придачу можно трон -Кровь наша старше испокон».

Дослушал Келегорм – и вот С отрядом выступил в поход; И Хуан, предводитель псов, Возликовал, заслышав зов. Скакали всадники три дня, Волков стреляя и гоня,

they mounted ere the sun arose, and took their spears and took their bows. 2305

The wolves of Thû of late have dared both far and wide. Their eyes have glared by night across the roaring stream of Narog. Doth their master dream, perchance, of plots and counsels deep, of secrets that the Elf-lords keep, of movements in the Gnomish realm and errands under beech and elm?

Curufin spake: 'Good brother mine, I like it not. What dark design 2315 doth this portend? These evil things, we swift must end their wanderings! And more, 'twould please my heart full well to hunt a while and wolves to fell.' And then he leaned and whispered low 2320 that Orodreth was a dullard slow; long time it was since the king had gone, and rumour or tidings came there none. 'At least thy profit it would be to know whether dead he is or free; 2325 to gather thy men and thy array. "I go to hunt" then thou wilt say, and men will think that Narog's good ever thou heedest. But in the wood things may be learned; and if by grace, 2330 by some blind fortune he retrace his footsteps mad, and if he bear a Silmaril - I need declare no more in words; but one by right 2335 is thine (and ours), the jewel of light; another may be won – a throne. The eldest blood our house doth own.'

Celegorm listened. Nought he said, but forth a mighty host he led; and Huan leaped at the glad sounds, the chief and captain of his hounds. Three days they ride by holt and hill the wolves of Thû to hunt and kill,

2340

237

~~238~~

Добыли без числа голов И серых шкур: удачен лов! – И отдохнуть сошли с коней У Дориатских рубежей.

Среди дерев из края в край Трубят рога и слышен лай, Веселый гам и голоса, И кто-то в страхе сквозь леса Прочь птицей вспугнутой летит, Заслыша шум и стук копыт. Дом – далеко; хрупка, бледна, Скользила призраком она, Стремя, как в танце, легкий шаг Через долину и овраг. Зов сердца деву торопил, Туманя взор, лишая сил. Был зорок Хуан, чуток - нос: Тень зыбкую приметил пес В пролеске у куста и пня, -Как прядь тумана в путах дня, Мерцал размытый силуэт. Пес поднял лай – и прянул вслед. На крыльях ужаса сквозь лог, Как от синицы – мотылек, Она петляла меж дерев, То трепеща, то замерев, То дальше, как стрела, спеша. Все было тщетно. Чуть дыша, Беглянка замерла, припав К стволу, - и прыгнул волкодав. Она произнести едва Смогла волшебные слова, -Но вся волшба и чары сна, Что в темный плащ вплела она, Все таинства и чудеса Не помогли ей против пса. Бессмертен древний род его, Пред ним бессильно волшебство. Пусть Хуан был неуязвим К ее заклятьям колдовским,

and many a head and fell of grey they take, and many drive away, till nigh to the borders in the West of Doriath a while they rest.

There were dim cries and horns blowing, and barking dogs through the woods going. The hunt was up. The woods were

stirred, 2350

and one there fled like startled bird. and fear was in her dancing feet. She knew not who the woods did beat. Far from her home, forwandered, pale, she flitted ghostlike through the vale; 2355 ever her heart bade her up and on, but her limbs were worn, her eyes were wan. The eyes of Huan saw a shade wavering, darting down a glade like a mist of evening snared by day and hasting fearfully away. He bayed, and sprang with sinewy limb to chase the shy thing strange and dim. On terror's wings, like a butterfly pursued by a sweeping bird on high, 2365 she fluttered hither, darted there, now poised, now flying through the air in vain. At last against a tree she leaned and panted. Up leaped he. No word of magic gasped with woe, no elvish mystery she did know or had entwined in raiment dark availed against that hunter stark, whose old immortal race and kind no spells could ever turn or bind. 2375 Huan alone that she ever met she never in enchantment set nor bound with spells. But loveliness

 $\frac{238}{239}$

Но укротили в тот же миг Пса нежный голос, бледный лик, Глаза, как звезды, в дымке слез;

Легко схватил, легко понес Трепещущую ношу он. Такой добыче изумлен, Рек Келегорм: «Что за трофей Добыл ты? – говори скорей! Дочь Темных эльфов, дух, фантом? – Какую ж дичь в краю лесном Промыслил ты волкам взамен?»

Она в ответ: «То Лутиэн Из Дориата: сквозь туман От солнечных лесных полян В края, где торжествует страх И где надежды свет зачах, Бреду печально без дорог; Печален путь мой и далек». И встала, сбросив плащ, она, – Вся – серебро и белизна. По синей ткани лилий вязь Узором золотым вилась. Убор из дорогих камней Искрился бликами огней, Как россыпь рос в траве долин. Застыл недвижно Куруфин, Немым восторгом обуян: Прелестный лик и тонкий стан Дивили и пленяли взгляд, Благоуханный аромат Вплетенных в волосы цветов Сковал надежнее оков, Любовью сердце опаля. «О дочь лесного короля, Куда ведет тебя нужда? Что за война, что за беда Постигла Дориат? Скажи! Мы все - к услугам госпожи!» -Рек Келегорм, от девы глаз Не отводя.

and gentle voice and pale distress and eyes like starlight dimmed with tears 2380

tamed him that death nor monster fears.

Lightly he lifted her, light he bore his trembling burden. Never before had Celegorm beheld such prey: 'What hast thou brought, good Huan say! 2385

Dark-elvish maid, or wraith, or fay? Not such to hunt we came today.'

"Tis Lúthien of Doriath," the maiden spake. 'A wandering path far from the Wood-Elves' sunny glades 2390

she sadly winds, where courage fades and hope grows faint.' And as she spoke down she let slip her shadowy cloak, and there she stood in silver and white. Her starry jewels twinkled bright 2395 in the risen sun like morning dew; the lilies gold on mantle blue gleamed and glistened. Who could gaze on that fair face without amaze? Long did Curufin look and stare. 2400 The perfume of her flower-twined hair, her lissom limbs, her elvish face, smote to his heart, and in that place enchained he stood. 'O maiden royal, O lady fair, wherefore in toil and lonely journey dost thou go? What tidings dread of war and woe In Doriath have betid? Come tell! For fortune thee hath guided well; friends thou hast found,' said

Celegorm, 2410 and gazed upon her elvish form.

 $\frac{239}{240}$

Ее рассказ Предугадал он наперед, Но, скрыв коварный свой расчет, Радушно улыбнулся он. «А кто же вы? Кто мчит вдогон За дичью в сумрачных лесах?» Ответ рассеял девы страх: «Владыки Нарготронда мы -Привет тебе! В свои холмы Молим тебя направить путь – Воспрять душой и отдохнуть, Забыв про скорбь на краткий час. О дева дивная! Ты в нас Благодаря самой судьбе, Нашла друзей. Так о себе Поведай нам!»

Не чуя зла, Рассказ свой дева повела О храбром Берене, о том, Как он пришел, судьбой ведом, В лес Дориата, как навлек Гнев Тингола, и сколь жесток Был королевский приговор. Не выдали ни жест, ни взор, Сколь Феаноровы сыны В события вовлечены, И сколь знаком им человек. Про дивный плащ, про свой побег Шутливо речь вела она, Но вспоминала, смятена, В короне звездной Дориат, Сиянием луны объят, Рассветом позлащенный дол, -Покуда Берен не ушел На гибель. «Мешкать мне не след, И времени на отдых нет: Ведь королеве Мелиан Чудесный дар прозренья дан, -И мне поведала она, Сколь участь Берена страшна:

In his heart him thought her tale unsaid he knew in part, but nought she read of guile upon his smiling face.

'Who are ye then, the lordly chase 2415 that follow in this perilous wood?' she asked; and answer seeming-good they gave. 'Thy servants, lady sweet, lords of Nargothrond thee greet, and beg that thou wouldst with them

go 2420

back to their hills, forgetting woe a season, seeking hope and rest. And now to hear thy tale were best.'

So Lúthien tells of Beren's deeds in northern lands, how fate him

leads 2425

to Doriath, of Thingol's ire, the dreadful errand that her sire decreed for Beren. Sign nor word the brothers gave that aught they heard that touched them near. Of her

escape 2430

and the marvellous mantle she did shape she lightly tells, but words her fail recalling sunlight in the vale, moonlight, starlight in Doriath, ere Beren took the perilous path. 2435 'Need, too, my lords, there is of haste! No time in ease and rest to waste. For days are gone now since the queen, Melian whose heart hath vision keen, looking afar me said in fear 2440 that Beren lived in bondage drear.

У Повелителя Волков Цепей немало и оков, Его темницы глубоки, Закляты чарами замки, Там Берен, ввергнутый во тьму, Томится, – ежели ему Не выпало страшней невзгод: А вдруг он мертв? Иль смерть зовет?» И дева не сдержала слез.

Тихонько брату произнес Тут Куруфин: «А вот и весть О Фелагунде! Все как есть Мы вызнали; понятно, брат, Зачем здесь твари Ту кишат, Зачем не молкнет волчий вой», -И нашептал совет-другой, Внушая выбор нужных слов. «Мы ехали травить волков, -Рек Келегорм. - Немал отряд, Но сможем совладать навряд Мы с цитаделью островной. Не малодушье в том виной! Теперь охоту мы прервем, Назад поскачем прямиком, Чтоб дома изыскать пути Из плена Берена спасти».

Так братья деву увезли В пределы нарогской земли. Предчувствий тягостных полна, Вздыхала горестно она, Страшась задержки: мнилось ей – Не шпорят всадники коней. Скачками Хуан мчал вперед И дни, и ночи напролет, И, то и дело глядя вспять, Тревожился, не мог понять, Зачем так мешкает отряд, Зачем не сводит жадный взгляд С прекрасной девы Куруфин? Помнилось псу не без причин,

The Lord of Wolves hath prisons dark, chains and enchantments cruel and stark, and there entrapped and languishing doth Beren lie – if direr thing 2445 hath not brought death or wish for death': then gasping woe bereft her breath.

To Celegorm said Curufin
apart and low: 'Now news we win
of Felagund, and now we know 2450
wherefore Thû's creatures prowling go',
and other whispered counsels spake,
and showed him what answer he should
make.

'Lady,' said Celegorm, 'thou seest
we go a-hunting roaming beast, 2455
and though our host is great and bold,
'tis ill prepared the wizard's hold
and island fortress to assault.

Deem not our hearts or wills at fault.

Lo! here our chase we now forsake 2460
and home our swiftest road we take,
counsel and aid there to devise
for Beren that in anguish lies.'

To Nargothrond they with them bore Lúthien, whose heart misgave her

sore. 2465

Delay she feared; each moment pressed upon her spirit, yet she guessed they rode not as swiftly as they might. Ahead leaped Huan day and night, and ever looking back his thought 2470 was troubled. What his master sought, and why he rode not like the fire, why Curufin looked with hot desire

240 241 Что древнего проклятья зло Как тень на Эльфинесс легло. Крушился, сердцем удручен, О храбром Фелагунде он, О Берене, попавшем в плен, О милой деве Лутиэн.

А в Нарготронде той порой Под струнный звон шел пир горой, Огней горело без числа, И слезы Лутиэн лила. Ей не давали прочь уйти, Ее держали взаперти; О колдовском своем плаще Просила пленница вотще, Напрасны были все мольбы; Увы, на произвол судьбы Покинуты, ей мнилось, те, Кто изнывает в темноте, На смерть и муку обречен, И вторит эху - боли стон. Не тайной было для страны, Что Феаноровы сыны Принцессу держат под замком, Что нету к Берену ни в ком Сочувствия, и нет нужды Спасать двум братьям из беды Немилого им короля, Что в путь пустился, распаля Вражду былую. Суть интриг Ородрет понял и постиг: Оставить короля в плену, Прибрать к рукам своим страну И с Тинголом связать родством Дом Феанора - не добром, Так силой. Но народ был глух К его речам; лишь братьев двух Чтил Нарготронд, лишь им внимал, Презрев наместника, вассал. Отринул ном и долг и стыд; Был всеми Фелагунд забыт.

on Lúthien, he pondered deep, and felt some evil shadow creep of ancient curse o'er Elfinesse. His heart was torn for the distress of Beren bold, and Lúthien dear, and Felagund who knew no fear.

2475

In Nargothrond the torches flared 2480 and feast and music were prepared. Lúthien feasted not but wept. Her ways were trammelled; closely kept she might not fly. Her magic cloak was hidden, and no prayer she spoke 2485 was heeded, nor did answer find her eager questions. Out of mind, it seemed, were those afar that pined in anguish and in dungeons blind in prison and in misery. 2490 Too late she knew their treachery. It was not hid in Nargothrond that Fëanor's sons her held in bond, who Beren heeded not, and who had little cause to wrest from Thû 2495 the king they loved not and whose quest old vows of hatred in their breast had roused from sleep. Orodreth knew the purpose dark they would pursue: King Felagund to leave to die, 2500 and with King Thingol's blood ally the house of Fëanor by force or treaty. But to stay their course he had no power, for all his folk the brothers had yet beneath their yoke, 2505

and all yet listened to their word.

Orodreth's counsel no man heard;
their shame they crushed, and would not heed

the tale of Felagund's dire need.

 $\frac{241}{242}$

А Хуан, нарготрондский пес, В покоях девы стражу нес, Ночами вглядываясь в мрак; А дева сетовала так: «О Хуан, Хуан! Что за зло Твоих хозяев увлекло На путь обмана? Почему Все глухи к горю моему? Когда-то Барахир-смельчак Любил и почитал собак, Когда-то Берен как изгой На Севере, в глуши лесной Жил в окружении вражды; С ним подружились в час нужды Пернатый и пушной народ И духи каменных высот. Теперь ни человек, ни ном Не вспомнят более о том, Кто, с рабской не смирясь судьбой, Вел с Морготом смертельный бой, И думает о нем теперь Лишь вещей королевы дщерь».

Был Хуан нем. Но к деве впредь Приблизиться не мог и сметь Лорд Куруфин – клыков оскал Безмерный страх ему внушал. Раз осенью туман сырой, Клубясь, облек ночной порой Луны лампаду. Рог зимы Будил унылые холмы, И робких звезд неверный луч Едва мерцал в прорехах туч. Пес скрылся. Дева не спала И нового страшилась зла. Но в тихий предрассветный час, Когда все немо, звук угас, И души страхами полны, Тень проскользнула вдоль стены, И плащ волшебный на пол лег, И голос, низок и глубок,

At Lúthien's feet there day by day and at night beside her couch would stay Huan the hound of Nargothrond; and words she spoke to him soft and fond: 'O Huan, Huan, swiftest hound that ever ran on mortal ground, 2515 what evil doth thy lords possess to heed no tears nor my distress? Once Barahir all men above good hounds did cherish and did love; once Beren in the friendless North, 2520 when outlaw wild he wandered forth, had friends unfailing among things with fur and fell and feathered wings, and among the spirits that in stone in mountains old and wastes alone 2525 still dwell. But now nor Elf nor Man. none save the child of Melian, remembers him who Morgoth fought and never to thraldom base was brought.'

Nought said Huan; but Curufin 2530 thereafter never near might win to Lúthien, nor touch that maid, but shrank from Huan's fangs afraid. Then on a night when autumn damp was swathed about the glimmering lamp 2535

of the wan moon, and fitful stars were flying seen between the bars of racing cloud, when winter's horn already wound in trees forlorn, lo! Huan was gone. Then Lúthien lay 2540 fearing new wrong, till just ere day, when all is dead and breathless still and shapeless fears the sleepless fill, a shadow came along the wall. Then something let there softly fall 2545 her magic cloak beside her couch. Trembling she saw the great hound crouch

 $\frac{242}{243}$

В ночи набатом прозвучал Под сводами безмолвных зал.

Впервые Хуан молвил речь -И впредь лишь дважды смог облечь Мысль в слово, Лутиэн служа: «Тебе помочь, о госпожа, Любой бы почитал за честь: Весь Эльфинесс и все, кто есть – И зверь лесной, и птица чащ, И эльф, и смертный. Вот твой плащ, Воспрянь же – и скорее прочь! Еще не посветлеет ночь, Как мы в опасные края Бежим на Север - ты и я». Свой план, и смысл его, и толк Открыл ей Хуан - и умолк. Внимала Лутиэн, дивясь, И всей душой отозвалась На речь такую, пса обняв. Так стал ей другом волкодав.

beside her, heard a deep voice swell as from a tower a far slow bell.

Thus Huan spake, who never before 2550 had uttered words, and but twice more did speak in elven tongue again: 'Lady beloved, whom all Men, whom Elfinesse, and whom all things with fur and fell and feathered wings 2555 should serve and love - arise! away! Put on thy cloak! Before the day comes over Nargothrond we fly to Northern perils, thou and I.' And ere he ceased he counsel wrought 2560 for achievement of the thing they sought. There Lúthien listened in amaze, and softly on Huan did she gaze. Her arms about his neck she cast – in friendship that to death should

last. 2565

*

ПРИМЕЧАНИЯ

2246 Имя *Tavros* [Таврос] не было исправлено, равно как и в строках 2263–2264 (см. стр. 195, прим. к строкам 891, 904).

2248 of Gods had loved [из Богов любил] «В»] of Valar loved [из валар любил] «А». 2283 Beleriand [Белерианд]] Broseliand [Броселианд] «А» и в машинописном варианте «В».

2385 После этой строки вписана дата «2 апреля». Предыдущая дата – «31 марта 1928 г.» – значилась напротив строки 2114.

2423 После этой строки вписана дата «3 апреля». Предыдущая дата – «2 апреля 1928 г.» – значилась напротив строки 2385.

243 2442-2444 Ср. строки 1246-1248.

2484–2485 В «А» упоминание о том, что плащ Лутиэн был спрятан, отсутствует. 2522–2526 Ср. строки 349–353. Строка 2523 повторяется в 2555.

2551 $But\ twice\ more\ [$ но еще дважды] – исправление, внесенное в «В»; $not\ even\ more\ [$ но никогда более] «А», $but\ once\ more\ [$ но еще один лишь раз] в машинописном варианте «В».

2552 elven: elfin [эльфийском] «В», но поскольку форма elfin исправлена почти во всех случаях, я исправил ее и здесь.

Комментарии к Песни VIII

Развитие фабулы этой Песни от «Сказания о Тинувиэли» до «Сильмариллиона» можно проследить шаг за шагом. Первая стадия просматривается в очень кратком изложении «Очерка», следующем за фрагментом, приведенном на стр. 220.

Лутиэн заточена Тинголом, но убегает и отправляется на поиски Берена. С помощью Хуана, повелителя псов, она спасает Берена [т.е. от «Ту-охотника»] и проникает в Ангбанд...

Из этого сжатого пересказа невозможно понять, что за идеи за ним стоят; но по крайней мере вполне ясно, что Хуан по-прежнему не зависим ни от какого хозяина. На самой первой карте Хуану отведена своя территория (к югу и к востоку от Иврина), что явственно согласуется с первоначальной концепцией.

«Краткое содержание I», написанное чуть позже «Очерка» (см. стр. 220), продолжается с того самого момента, на котором повествование оборвалось на стр. 219–220:

Тинувиэль бежит в своем магическом одеянии; она встречает Келегорма, выехавшего на охоту; тот ее преследует; она захвачена его псом Хуаном и пострадала. [Вычеркнуто: Во искупление он предлагает помощь.] Он предлагает искупить вину – но помочь не может; он уступил своих номов Берену и все погибли, та же участь неминуемо ждет и Берена. С ней отправляется Хуан.

Чуть ниже в кратком содержании говорится:

Хуану было предначертано, что убить его сможет только волк.

На данной стадии Келегорм был правителем Нарготронда, к которому Берен обратился со своей бедой, и Келегорм «уступил своих номов» Берену;* он же, выехав на охоту, преследовал Лутиэн, убегающую из Дориата, и девушка пострадала от Хуана, который впервые представлен как пес Келегорма. Здесь нет даже намека на то, что с девушкой поступили дурно (и Куруфин не упоминается вовсе); Келегорм не в состоянии ей помочь больше, чем уже помог Берену, но Хуан отправляется в поход вместе с нею; возможно, это и есть «искупление» причиненного ей вреда, предложенное Келегормом? На этот счет ничего не сказано. Очевидно, что положение правителя Нарготронда как сына Феанора, связанного Клятвой, должно было радикально поменяться, если бы остался в силе именно этот вариант истории, поскольку Келегорм также поклялся прийти на помощь родне Барахира (см. ниже, стр. 247).

244

 $\frac{211}{245}$

^{*} Если предшествующий фрагмент «Краткого содержания I» (стр. 219) воспринять буквально, то Келегорм ушел из Нарготронда вместе с Береном; но со всей очевидностью, этого в виду не имелось: должно быть, мой отец вычеркнул больше, чем собирался. Теперь становится понятно, что в этом варианте истории Келегорм изменил внешность Берена и дал ему проводников.

В «Кратком содержании II», приведенном на стр. 233 вплоть до момента, соответствующего финалу Песни VII, сюжет достигает примерно той же стадии развития, как и в настоящей Песни из «Лэ»; однако происходит это поэтапно, и исходный текст конспекта так менялся и расширялся в ходе последующих переработок, что в таком виде в нем было бы крайне сложно разобраться. Поэтому я привожу его в двух версиях. В исходном варианте говорится:

Куруфин и Келегорм выезжают поохотиться вместе со всеми своими псами. Бессонный Хуан – их предводитель. Он неуязвим для магического сна или смерти: ему суждено погибнуть лишь от «величайшего из волков». Они замечают Лутиэн, она спасается бегством, но поймана Хуаном, которого она не в силах зачаровать. Пес относит ее к Келегорму, и тот узнает о ее цели. Услышав, кто она такая, и влюбившись в нее, он отбирает ее магический плащ и держит ее в плену.

Наконец он уступает ее слезным просьбам освободить ее и возвращает ей плащ, но отказывается помогать ей из-за своей клятвы. Выручать Фелагунда он тоже не желает, поскольку теперь безраздельно властвует в Нарготронде. Она уходит от Келегорма. Но Хуан привязался к Лутиэн и отправляется вместе с нею.

На данной стадии охота со всей очевидностью сама по себе никакой значимостью не обладает: это лишь способ сделать так, чтобы Хуан (который уже в «Кратком содержании І» представлен как пес Келегорма с особой судьбой) сопровождал Лутиэн, – а этот важный элемент сюжета восходит к «Сказанию о Тинувиэли». Здесь не говорится о том, что Хуан причинил ей вред, как в «Кратком содержании І» (так что об «искуплении» речи не идет); зато Келегорм влюбляется в девушку и потому держит ее в плену. Но это продолжается лишь какое-то время; уступив ее мольбам, Келегорм возвращает ей плащ, хотя помогать ей отказывается, в силу своей клятвы; а также появляется и злонамеренность: Келегорм желает гибели Фелагунда, чтобы сохранить за собою власть в Нарготронде. Лутиэн покидает Келегорма; Хуан отправляется вместе с нею, как в «Кратком содержании І», но теперь напрямую говорится, что пес побуждаем любовью к девушке.

В переработанном виде набросок сюжета выглядит так:

Из-за того, что Фелагунд сокрыл свою истинную суть под ложной личиной, Ту преисполнен подозрений, и его волки рыщут все дальше. Келегорм пользуется предлогом устроить охоту на волков.

Куруфин и Келегорм коварно выезжают поохотиться на волков (на самом деле – перехватить Фелагунда)* вместе со всеми своими псами. Бессонный Хуан – их предводитель (Хуан явился вместе с ним [т.е. с Келегормом] из чертогов Тавроса). Он неуязвим для магического сна или смерти: ему суждено погибнуть лишь от «величайшего из волков». Они замечают Лутиэн, она спасается бегством, но поймана Хуаном, которого она не в силах зачаровать. Пес относит ее к Келегорму, и тот узнает о ее цели. Услышав, кто она такая, и влюбившись в нее, Куруфин отбирает ее магический плащ и держит ее в пле-

 $\frac{245}{246}$

^{*} Т.е. если он вернется в Нарготронд; см. строки 2330 и далее.

ну. И хотя она пересказывает ему слова Мелиан о том, что Фелагунд и Берен находятся во власти Ту, он отказывается попытаться спасти хотя бы Фелагунда. (*Примечание на полях*: Это Куруфин заронил зло в сердце Келегорма.)

Невзирая на ее слезные просьбы освободить ее и отдать ей плащ, он отказывается помогать ей из-за своей клятвы и из-за своей любви. Выручать Фелагунда он тоже не желает, поскольку теперь безраздельно властвует в Нарготронде. Но Хуан привязался к Лутиэн и помогает ей бежать без плаща.

Теперь выезд на охоту Келегорма и Куруфина обретает зловещий смысл и связан с волками Ту, которые «рыщут все дальше». Оказывается, что Хуан происходит из Валинора; а Куруфин становится злым гением братьев, – и при этом он влюблен в Лутиэн. Теперь Лутиэн удерживают в плену в Нарготронде, – до тех пор, пока ей не удается бежать с помощью Хуана, – но плаща назад она не получает.

О котором из братьев идет речь в последней части переработанного наброска сюжета, не вполне ясно: в исходном варианте везде фигурировал Келегорм, но после того, как фраза «влюбившись в нее, он отбирает ее магический плащ» была заменена на «влюбившись в нее, Куруфин отбирает ее магический плащ», получается, что далее речь идет о Куруфине. Трудно сказать, в самом ли деле мой отец имел в виду именно это.

К тому моменту, как автор приступил к написанию Песни VIII на основе этого переработанного наброска сюжета, имело место еще одно изменение – а именно: Хуан вернул Лутиэн ее плащ перед тем, как эти двое покинули Нарготронд; и было подробнее разработано дополнение к наброску: «Это Куруфин заронил зло в сердце Келегорма». Теперь именно Куруфин с тайным умыслом предлагает выехать поохотиться на волков, а в строке 2453 он выступает более коварным и дальновидным интриганом: он стоит за спиною брата и подсказывает ему, – из строк 2324 и далее явствует, что Келегорм обладает определенной властью, в отличие от самого Куруфина, – или Куруфин так считает.

Куруфин с презрением отзывается об Ородрете («бестолковый олух», 2321), – это первый намек на ослабление характера Ородрета, о чем я писал выше (стр. 91). Безусловно, с появлением Фелагунда ему в любом случае отводится подчиненная роль – как младшему брату основателя Нарготронда, и сопутствующие обстоятельства, в результате которых Келегорм и Куруфин остались в Нарготронде как могущественные непрошеные гости, еще больше ослабили его позиции. Возможно, что положение, навязанное ему динамикой легенды, привело к выводу о том, что ему, по всей видимости, недостает решительности.

Все эти тонкие нюансы во взаимоотношениях между Келегормом и Куруфином в прозаической версии («Сильмариллион», стр. 206–208) опущены; нет никаких свидетельств того, что в этой паре Куруфин является более зловещим персонажем и инициатором всех их интриг и козней. Роль влюбленного в Лутиэн снова отводится Келегорму. В «Лэ» появляется мотив, не упомянутый в «Кратком содержании II»: Келегорм и Куруфин намерены породниться «с кровью короля Тингола» путем насильственного брака с Лутиэн (строки 2498–2503); и этот же мотив снова возникает в «Сильмариллионе», где Тингола пытаются принудить отдать дочь в жены Келегорму.

246 247 Процесс, в ходе которого легенды о Берене и Лутиэн с одной стороны и о Нарготронде с другой переплелись воедино, теперь (на данной стадии повествования) почти завершился, так что здесь было бы удобно резюмировать ключевые изменения в эволюции предания.

В «Утраченных сказаниях» Ородрет – владыка родотлим, народа номов, в пещерах, которым предстоит в будущем стать Нарготрондом, но Берен с родотлим никак не связан (а у Хуана нет хозяина). Затем появился Келегорм – как владыка номов, которого спас отец Берена (Эгнор > Барахир) в битве, которая впоследствии стала Битвой Внезапного Пламени, и которому он поклялся в вечной дружбе и пообещал прийти на помощь в час нужды; и Келегорм с Куруфином после битвы основали Нарготронд (стр. 84). Поэтому именно к Келегорму Берен пришел за помощью; и в «Кратком содержании І» Келегорм играет ту же роль, что впоследствии – Фелагунд, и даже отправляет с Береном проводников-номов. Убежавшую из Дориата Лутиэн ловит Хуан, на данной стадии – пес Келегорма, и ранит ее, но никаких последствий это не имеет, кроме того, что Лутиэн уходит вместе с Хуаном («Краткое содержание І»).

Самое важное изменение – это появление Фелагунда, который заменил Келегорма в роли основателя Нарготронда, спасенного Барахиром. Ородрет стал его младшим братом: из всех сыновей Финрода только они двое уцелели в битве, положившей конец Осаде Ангбанда. Но Келегорм по-прежнему оставался связан с Нарготрондом: присутствие в городе двух влиятельных братьев, его и Куруфина, – тоже как результат битвы, – вводит мотив конфликта между Феанорингами и королем: ведь каждый связан своей собственной клятвой. Этот конфликт присутствовал и в раннем варианте сюжета, но – только в душе самого Келегорма, поскольку он принес обе клятвы; однако не сохранилось никаких свидетельств того, как мой отец собирался решить эту проблему, – разве что мы предположим, исходя из того, что в «Кратком содержании I» Келегорм дал Берену номов-проводников, что клятва, данная Барахиру, являлась для него более приоритетной.

Когда Лутиэн, пойманную Хуаном, привозят в Нарготронд, девушка оказывается заложницей честолюбивых планов Келегорма и Куруфина; более того, ее пленение – прямое следствие их недобрых замыслов в отношении Фелагунда и их решимости предотвратить возвращение короля.

О Хуане в «Лэ» говорится, что он единственным из псов Валинора отправился на восток за море (2270). Упоминается предначертанная ему судьба (погибнет он не раньше, чем «встретит самого могучего из волков, который когда-либо ступал по земле» («Сильмариллион», стр. 206)), – о ней уже говорилось в «Кратком содержании II», стр. 245–246; но, в отличие от «Сильмариллиона», здесь она не объясняется тем, что на пса Келегорма тоже пал Рок нолдор. В «А»-тексте «Лэ» (прим. к строке 2551) Хуану было дано заговорить только раз в жизни, в «В»-тексте – дважды; что было переправлено на «трижды» и так и осталось в «Сильмариллионе».

Утверждение в строках 2248–2250 о том, что Оромэ:

один из всех Богов возлюбил мир до того, как развернулись знамена Луны и Солнца

 $\frac{247}{248}$

по-видимому, не учитывает Йаванну: см. сказание «Оковы Мелько» (І. 98–99) и «Сильмариллион» стр. 57.

The dim cries and horns blowing,/ and barking hounds through the trees going [Неясные крики и гуд рогов, и лай гончих, доносящийся между деревьев] (строки 2298–2299, повторенные в слегка измененном виде в строках 2348–2349) восходят к среднеанглийскому «Лэ о сэре Орфео»:

With dim cri & bloweing & houndes also wib him berking.*

IX

Мглой Чародейный остров скрыт, Там ночь бессрочная царит; Мрачна пещера, холодна, В скале ни двери, ни окна; Там страждут двое – лишь они Остались в темноте одни. Десятерых уж нет в живых – Свидетельствуют кости их О том, что Нарога сыны Остались королю верны.

Так Фелагунду Берен рёк: «Что я живу – в том малый прок. Я ныне все сказать готов, Чтоб вырвать друга из оков, Его напрасно не сгубя. Освобождаю я тебя От прежней клятвы. Долг былой Ты ныне оплатил с лихвой. Что сверх того – то свыше сил!»

«Неужто Берен позабыл: Посулы Морготовых слуг – Что ветер в поле! Чашу мук Нам суждено испить до дна, IX

In Wizard's Isle still lay forgot, enmeshed and tortured in that grot cold, evil, doorless, without light, and blank-eyed stared at endless night two comrades. Now alone they were. 2570 The others lived no more, but bare their broken bones would lie and tell how ten had served their master well.

To Felagund then Beren said:
"Twere little loss if I were dead, 2575
and I am minded all to tell,
and thus, perchance, from this dark hell
thy life to loose. I set thee free
from thine old oath, for more for me
hast thou endured than e'er was

 $\frac{248}{249}$

earned.' 2580

'A! Beren, Beren hast not learned that promises of Morgoth's folk are frail as breath. From this dark yoke of pain shall neither ever go,

[вдали трубили рога и слышались неясные крики / и лаяли гончие, бывшие при нем].

^{*} Окинлекская рукопись [19], строки 285–286 (под ред. А.Дж. Блисса, Оксфорд 1954, стр. 26); ср. перевод моего отца («Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь», «Перл» и «Сэр Орфео», 1975): with blowing far and crying dim and barking hounds that were with him

Пусть даже наши имена Услышит Ту. Конец один: Узнав, – здесь Барахира сын И Фелагунд – он будет рад Умножить нашу боль стократ, И участь худшая нас ждет, Коль Ту прознает про поход».

Зловещий смех прорезал мрак: «Воистину, все так, все так, – Из ниоткуда голос рёк: «Что смертный жив – в том малый

Изгой никчемен. Но король, Бессмертный эльф, способен боль Немыслимую претерпеть. Глядишь, узнав о муках средь Застенков здешних, твой народ Тебе на выкуп соберет Немало ценного добра – Каменьев, злата, серебра, -И усмирится наконец. А может, Келегорм-гордец, Тебя предав твоей судьбе, Венец и золото себе Оставит; я же в свой черед Сам все пойму про твой поход. Волк голоден, грядет финал: Довольно Берен смерти ждал!»

Шло время. В сумраке ночном Два глаза вспыхнули огнем. Рванулся Берен из оков, Жизнь дорого продать готов, Но вырваться из адских пут Для смертного – напрасный труд. Ло! С грохотом цепей металл Разъединился, наземь пал; Король, отчаяньем объят, Не думая про клык и яд, Напал на тварь волкам сродни, Что кралась, хоронясь в тени.

whether he learn our names or no, 2585 with Thû's consent. Nay more, I think yet deeper of torment we should drink, knew he that son of Barahir and Felagund were captive here, and even worse if he should know 2590 the dreadful errand we did go.'

A devil's laugh they ringing heard within their pit. 'True, true the word I hear you speak,' a voice then said. 'Twere little loss if he were dead, 2595 the outlaw mortal. But the king, the Elf undying, many a thing no man could suffer may endure. Perchance, when what these walls immure of dreadful anguish thy folk learn, 2600 their king to ransom they will yearn with gold and gem and high hearts cowed; or maybe Celegorm the proud will deem a rival's prison cheap, and crown and gold himself will

keep. 2605

Perchance, the errand I shall know, ere all is done, that ye did go.

The wolf is hungry, the hour is nigh; no more need Beren wait to die.'

The slow time passed. Then in the gloom 2610

two eyes there glowed. He saw his doom, Beren, silent, as his bonds he strained beyond his mortal might enchained. Lo! sudden there was rending sound of chains that parted and unwound, 2615 of meshes broken. Forth there leaped upon the wolvish thing that crept in shadow faithful Felagund, careless of fang or venomed wound.

 $\frac{249}{250}$

Боролись долго ном и волк, И хриплый рык во тьме не молк, И пальцы рвали шерсть в клоки, И раздирали плоть клыки, И Берен услыхал сквозь мрак, Как издыхает волколак. И голоса раздался звук: «Прощай, соратник мой и друг, Отважный Берен! Ныне дом Я обрету в краю ином. Разбилось сердце у меня, Кровь стынет, тело леденя. Я силу исчерпал до дна, Разбив оковы колдуна, И волчий клык пронзил мне грудь. Я ухожу в далекий путь К Тимбрентингу, – там ждет покой, Там ходит кубок круговой Промеж Богов, и осиян Лучистым светом океан». Так умер ном. О том рассказ Жив в песнях эльфов посейчас.

Печали не избыв в слезах, В отчаянье забыв про страх, Ждал Берен, чтоб раздался шаг Иль голос – близкой смерти знак. Безмолвие – черно, мертво, Стеной смыкалось вкруг него, Как в склепе древних королей, Что под покровом лет и дней На глубине погребены Во власти вечной тишины.

Но раскололась тишина На серебристые тона. Власть тьмы сломив, напевный зов Заклятый холм, замок, засов Смог силой света превозмочь. Вкруг Берена соткалась ночь, Как звездами расшитый плат. И шорохи, и аромат Нахлынули из темноты.

There in the dark they wrestled slow, 2620 remorseless, snarling, to and fro, teeth in flesh, gripe on throat, fingers locked in shaggy coat, spurning Beren who there lying heard the werewolf gasping, dying. 2625 Then a voice he heard: 'Farewell! On earth I need no longer dwell, friend and comrade, Beren bold. My heart is burst, my limbs are cold. Here all my power I have spent 2630 to break my bonds, and dreadful rent of poisoned teeth is in my breast. I now must go to my long rest neath Timbrenting in timeless halls where drink the Gods, where the light falls 2635

upon the shining sea.' Thus died the king, as elvish singers yet do sing.

There Beren lies. His grief no tear, his despair no horror has nor fear, waiting for footsteps, a voice, for

doom. 2640

Silences profounder than the tomb of long-forgotten kings, neath years and sands uncounted laid on biers and buried everlasting-deep, slow and unbroken round him creep. 2645

The silences were sudden shivered to silver fragments. Faint there quivered a voice in song that walls of rock, enchanted hill, and bar and lock, and powers of darkness pierced with light. 2650

He felt about him the soft night of many stars, and in the air were rustlings and a perfume rare; $\frac{250}{251}$

Коснулись тонкие персты Флейт, и свирелей, и виол; Рулады соловей завел; И та, кого, сколь помнит свет, Прекрасней не было и нет, В лучистый шелк облачена, Кружилась на холме одна. Во сне пригрезилось ему -Он песней разгоняет тьму; Песнь Севера, зовя в поход, Бессчетным страхам вызов шлет, Одолевая силы зла; Дрожат и башня, и скала, И огнь серебряный с высот Пылающий Шиповник льет -Семь Звезд, что Вардой зажжены На небе северной страны, Как свет во тьме, надежды знак: Чтоб помнил и страшился Враг.

«О Хуан! Вслушайся, внемли: Песнь льется из глубин земли, -Песнь Берена, чей голос мне Звучал в скитаньях и во сне», -Шепнула дева в темноту. В плащ запахнувшись, на мосту Она запела, - эхом звук Окрест разнесся и вокруг, В глубины устремясь и ввысь, И камни стен отозвались От недр до каменных высот, Скала и кладка, склеп и свод, – И дрогнул остров колдовской. Раздался волколаков вой Во мраке; глухо заворчав, Залег в засаде волкодав, В преддверье боя.

Не сдержал Улыбки Ту: средь темных зал, В плащ цвета ночи облачен, Стоял и вслушивался он the nightingales were in the trees, slim fingers flute and viol seize 2655 beneath the moon, and one more fair than all there be or ever were upon a lonely knoll of stone in shimmering raiment danced alone. Then in his dream it seemed he sang, 2660 and loud and fierce his chanting rang, old songs of battle in the North, of breathless deeds, of marching forth to dare uncounted odds and break great powers, and towers, and strong walls shake; 2665

and over all the silver fire that once Men named the Burning Briar, the Seven Stars that Varda set about the North, were burning yet, a light in darkness, hope in woe, 2670 the emblem vast of Morgoth's foe.

'Huan, Huan! I hear a song far under welling, far but strong; a song that Beren bore aloft. I hear his voice, I have heard if oft 2675 in dream and wandering.' Whispering low thus Lúthien spake. On the bridge of woe in mantle wrapped at dead of night she sat and sang, and to its height and to its depth the Wizard's Isle, 2680 rock upon rock and pile on pile, trembling echoed. The werewolves howled, and Huan hidden lay and growled watchful listening in the dark, waiting for battle cruel and stark. 2685

Thû heard that voice, and sudden stood wrapped in his cloak and sable hood in his high tower. He listened long,

С донжона, взор во тьму вперив: Узнал он колдовской мотив. «А! Крошка Лутиэн! Ты в сеть Сама решила залететь! О Моргот! Коль к твоей казне Добавить доведется мне Сей самоцвет – ты будешь рад! А я награду из наград Приму из Морготовых рук!» Ту вниз сошел – и выслал слуг.

Песнь все лилась. Оскалив клык И алый вывалив язык, Тварь появилась из-за стен. Объята страхом, Лутиэн Все пела. К деве прыгнул волк – И рухнул, и навек умолк. За волком волка властелин Слал из твердыни. Ни один К нему не возвратился вспять На мягких лапах - рассказать, Что поджидает у моста Тень, беспощадна и люта, А под мостом поток речной Брезгливо брызжется волной Над грудой мертвых серых туш. Но новый зверь, могуч и дюж, Восстав во весь гигантский рост, Собой заполнил узкий мост: Свирепый, жуткий волколак -Сам Драуглуин, седой вожак Волков и гнусного зверья. Под троном Ту он взрос, жуя Корм, что назначил чародей: Плоть мертвых эльфов и людей.

Безмолвным не был этот бой: В ночи звенели лай и вой, Но вот обратно в тронный зал Ужасный зверь, скуля, бежал. «Здесь Хуан», – рёк и умер он. Ту был взбешен и разъярен.

and smiled, and knew that elvish song.

'A! little Lúthien! What brought 2690
the foolish fly to web unsought?
Morgoth! a great and rich reward
to me thou wilt owe when to thy hoard
this jewel is added.' Down he went,
and forth his messengers he sent. 2695

Still Lúthien sang. A creeping shape with bloodred tongue and jaws agape stole on the bridge; but she sang on with trembling limbs and wide eyes wan. 251 The creeping shape leaped to her side, 2700 ~~252~~ and gasped, and sudden fell and died. And still they came, still one by one, and each was seized, and there were none returned with padding feet to tell that a shadow lurketh fierce and fell 2705 at the bridge's end, and that below the shuddering waters loathing flow o'er the grey corpses Huan killed. A mightier shadow slowly filled the narrow bridge, a slavering hate, 2710 an awful werewolf fierce and great: pale Draugluin, the old grey lord of wolves and beasts of blood abhorred, that fed on flesh of Man and Elf beneath the chair of Thû himself. 2715

No more in silence did they fight.

Howling and baying smote the night, till back by the chair where he had fed to die the werewolf yammering fled.

'Huan is there' he gasped and died, 2720 and Thû was filled with wrath and pride.

«Погибнет Хуан от клыков Громаднейшего из волков», -Припомнил Ту. И счел, что смог Придумать, как свершится рок. Ло! Медленно на мост взошла Косматым воплощеньем зла Тварь, источая липкий яд: Свиреп и алчен волчий взгляд, Но отсвет в глубине зрачков Горит страшней, чем у волков. Массивны лапы и крепки, Сверкают острые клыки, Смерть и мучение сулят. Разверста пасть; зловонный смрад Волной разлился. Помертвев, Прервала Лутиэн напев, И в затуманенных очах Холодный заплескался страх.

Так вышел Ту. Волков страшней Не видели с начала дней От Ангбанда до южных гор, Средь тех, что сеяли разор В великих землях искони. Волк прянул. Хуан ждал в тени. Простерлась Лутиэн без сил, К добыче волколак спешил. Дыханья смрадная волна Коснулась девы, и она Слова заклятия едва Произнесла, полумертва, Плащом взмахнув навстречь

И зверь споткнулся на бегу. Пес прыгнул из теней на мост: Звеня, летел до самых звезд Охотничий победный клич – Так лают псы, настигнув дичь. Враги кружили взад-вперед, – То ложный выпад, то отход, – Сцеплялись, падали, опять Вставали, – но сумел подмять

врагу,

'Before the mightiest he shall fall, before the mightiest wolf of all', so thought he now, and thought he knew how fate long spoken should come

true. 2725

Now there came slowly forth and glared into the night a shape long-haired, dank with poison, with awful eyes wolvish, ravenous; but there lies a light therein more cruel and dread 2730 than ever wolvish eyes had fed. More huge were its limbs, its jaws more wide, its fangs more gleaming-sharp, and dyed with venom, torment, and with death. The deadly vapour of its breath 2735 swept on before it. Swooning dies the song of Lúthien, and her eyes are dimmed and darkened with a fear, cold and poisonous and drear.

Thus came Thû, as wolf more great 2740 than e'er was seen from Angband's gate to the burning south, than ever lurked in mortal lands or murder worked. Sudden he sprang, and Huan leaped aside in shadow. On he swept 2745 to Lúthien lying swooning faint. To her drowning senses came the taint of his foul breathing, and she stirred; dizzily she spake a whispered word, her mantle brushed across his face. 2750 He stumbled staggering in his pace. Out leaped Huan. Back he sprang. Beneath the stars there shuddering rang the cry of hunting wolves at bay, the tongue of hounds that fearless slay. 2755 Backward and forth they leaped and ran feinting to flee, and round they span, and bit and grappled, and fell and rose.

 $\frac{252}{253}$

Хуан противника – и вот Его он треплет, глотку рвет Врагу – но это не финал. Обличья на глазах сменял Колдун, – то монстр, то волк, то змей, –

То к сути демонской своей Вернувшись, на глазах он рос, Но хватки не ослабил пес. Волшба и морок колдовской, И клык, и яд, и дрот стальной Псу Валинора никогда Не причинили бы вреда.

Но прежде, чем исторглось прочь Из плоти, боль терпеть невмочь, Исчадье Морготова зла, Встав, Лутиэн ему рекла:

«О демон тьмы, о злой фантом, Двуличной лживостью ведом, Здесь ты умрешь, и отлетит Душа к хозяину; сокрыт Во чреве стонущей земли, В глухой удушливой щели, Томиться станет, претерпев Его презрение и гнев, Твой дух, бесплотен, сир и наг – Скуля и воя, – будет так, Коль ты мне не вручишь ключей От черной крепости твоей. Мне заклинания нужны, Какими камни скреплены; Высвобождения слова».

Ни жив ни мертв, дыша едва, Колдун назвал чреду словес И, Моргота предав, исчез.

Ло! Блик забрезжил на мосту: Как будто ночи темноту Луч звезд пронзил, благословен. Раскинув руки, Лутиэн Then suddenly Huan holds and throws his ghastly foe; his throat he rends, 2760 choking his life. Not so it ends.

From shape to shape, from wolf to worm, from monster to his own demon form, Thû changes, but that desperate grip he cannot shake, nor from it slip. 2765

No wizardry, nor spell, nor dart, no fang, nor venom, nor devil's art could harm that hound that hart and boar had hunted once in Valinor.

Nigh the foul spirit Morgoth made 2770 and bred of evil shuddering strayed from its dark house, when Lúthien rose and shivering looked upon his throes.

'O demon dark, O phantom vile of foulness wrought, of lies and guile, 2775 here shalt thou die, thy spirit roam quaking back to thy master's home his scorn and fury to endure; thee he will in the bowels immure of groaning earth, and in a hole 2780 everlastingly thy naked soul shall wail and gibber – this shall be, unless the keys thou render me of thy black fortress, and the spell that bindeth stone to stone thou tell, 2785 and speak the words of opening.'

With gasping breath and shuddering he spake, and yielded as he must, and vanquished betrayed his master's trust.

Lo! by the bridge a gleam of light, 2790 like stars descended from the night to burn and tremble here below.

There wide her arms did Lúthien throw,

253

254

Вслух воззвала: напев такой Днесь слышат смертные порой, Когда за кряжами, далек, В тиши поет эльфийский рог. Рассвет забрезжил. Нем и сед, Навстречь вздымал главу хребет. Холм дрогнул; крепость сотряслась, Мост пал; камней расторглась связь, Низверглись башни и донжон. Взбурлил кипучий Сирион. Заухали в лучах зари Сычи; пища, нетопыри Взлетели в ледяную высь И с резким писком унеслись Искать себе приют иной Под сенью Смертной Мглы

Ночной.

Скуля, бежали волки вслед, Как тени смутные. На свет Выходят узники – бледны, Оборваны, изумлены, – Из липкой, безотрадной тьмы Зловещей крепости-тюрьмы, Глаза от солнца затеня, – К свободе и к сиянью дня.

Вампирья тень, раскрыв крыла, Взлетела с визгом; кровь текла, За каплей капля с высоты, Кропя деревья и кусты. Лишь волчий труп остался псу, Ту в Таур-на-Фуин бежал – в лесу Твердыню новую и трон Отстраивать. Со всех сторон Звучали гомон, плач, хвала, -Толпа спасенных все росла. Но Лутиэн удручена: Нет Берена. Речет она: «О Хуан! Или наш удел Сыскать средь бездыханных тел Того, за кем мы шли во тьму И бились из любви к нему?»

and called aloud with voice as clear as still at whiles may mortal hear 2795 long elvish trumpets o'er the hill echo, when all the world is still. The dawn peered over mountains wan, their grey heads silent looked thereon. The hill trembled; the citadel 2800 crumbled, and all its towers fell; the rocks yawned and the bridge broke, and Sirion spumed in sudden smoke. Like ghosts the owls were flying seen hooting in the dawn, and bats unclean 2805 went skimming dark through the cold airs shrieking thinly to find new lairs in Deadly Nightshade's branches dread. The wolves whimpering and yammering fled

like dusky shadows. Out there creep pale forms and ragged as from sleep, crawling, and shielding blinded eyes: the captives in fear and in surprise from dolour long in clinging night beyond all hope set free to light.

A vampire shape with pinions vast screeching leaped from the ground, and passed,

its dark blood dripping on the trees; and Huan neath him lifeless sees a wolvish corpse – for Thû had flown 2820 to Taur-na-Fuin, a new throne and darker stronghold there to build. The captives came and wept and shrilled their piteous cries of thanks and praise. But Lúthien anxious-gazing stays. 2825 Beren comes not. At length she said: 'Huan, Huan, among the dead must we then find him whom we sought, for love of whom we toiled and fought?'

 $\frac{254}{255}$

Вброд по камням она и он Перебрались чрез Сирион – Там Берен, нем и недвижим, Скорбел над Фелагундом; к ним Не обернулся он на звук Шагов, глух ко всему вокруг. «О Берен! – дева воззвала. – Не поздно ль я тебя нашла? Увы! Вотще рыдать о том, Кто был славнейшим королем! Увы! Желанной встречи час Слезами окроплен для нас!»

Такой любовью и тоской Звучал призыв – воспряв душой, Взглянул на деву Берен: в нем Вновь сердце вспыхнуло огнем.

«О Лутиэн! Ты, что милей Земли прекрасных дочерей! О свет эльфийской красоты, Ведомая любовью, ты Явилась в логовище зла! О, цвет весенний вкруг чела! О, рук точеных белизна!»

И рухнула без чувств она В его объятья, чуть восход Зажег огнем небесный свод.

Then side by side from stone to stone 2830 o'er Sirion they climbed. Alone unmoving they him found, who mourned by Felagund, and never turned to see what feet drew halting nigh.

'A! Beren, Beren!'came her cry, 2835 'almost too late have I thee found? Alas! that here upon the ground the noblest of the noble race in vain thy anguish doth embrace! Alas! in tears that we should meet 2840 who once found meeting passing sweet!'

Her voice such love and longing filled he raised his eyes, his mourning stilled, and felt his heart new-turned to flame for her that through peril to him came. 2845

'O Lúthien, O Lúthien,
more fair than any child of Men,
O loveliest maid of Elfinesse,
what might of love did thee possess
to bring thee here to terror's lair!
O lissom limbs and shadowy hair,
O flower-entwinéd brows so white,
O slender hands in this new light!'

She found his arms and swooned away just at the rising of the day. 2855

ПРИМЕЧАНИЯ

255 256

2637 elfin [эльфийские] «В», здесь не исправлено, но со всей очевидностью автор намеревался переправить elfin на elvish (elven) ['эльфийские'; разные варианты написания] во всех случаях.

2666–2667 Ср. строки 377–379 и примечание. Данный фрагмент в «А» совпадает с соответствующим фрагментом в «В».

2699 Строка отмечена знаком «Х» в тексте «В».

2712-2713 Эти строки (относящиеся к Драуглуину) в «А» отсутствуют.

2722-2723 Ср. строки 2293-2294.

2755 Строка отмечена знаком «Х» в тексте «В».

2766-2767 Ср. строки 2288-2289.

2769 После этой строки вписана дата «4 апреля». Предыдущая дата – «3 апреля 1928 г.» – значилась напротив строки 2423.

2842 Ср. строку 741.

2854-2855 Ср. окончание Песни III, строки 756-757.

Комментарии к Песни IX

«Краткое содержание I» продолжается с того момента, на котором прервалось на стр. 244:

Хуан отправляется с ней. Она отправляется в замок Повелителя Волков и поет для него. Пленники в темницах ее слышат.

В судьбе Хуана начертано, что он может быть убит только волком.

Она рассказывает (по договоренности) о том, что Хуан недужен, и убеждает Повелителя Волков обернуться волколаком и отыскать его. Битва с волком на поляне. «Открывающие слова» вырваны у Повелителя Волков, и замок сокрушен. Спасение Берена.

«Краткое содержание II» в этой части менее затронуто поздними изменениями; его можно привести здесь как цельный последовательный текст (начиная с того момента, на котором оно обрывается на стр. 246).

Но Хуан привязался к Лутиэн и помогает ей бежать *без плаща*. [*В скобках*: Он идет по следу Берена и Фелагунда до Дома Ту.]

Наконец остаются только Фелагунд и Берен. Приходит черед Берена быть пожранным. Но Фелагунд разрывает оковы и борется с волколаком, и убивает его, но погибает сам. Берену предстоит пытка.

Лутиэн поет перед домом [∂ обавлено: на мосту скорби] Ту, и Берен слышит ее голос, и из-под земли доносится его ответная песня и достигает слуха Хуана.

Ту уводит ее внутрь. Она рассказывает ему вымышленную историю – по желанию Хуана и потому, что без плаща не может его зачаровать. Она рассказывает, что попала в плен к Келегорму и что была схвачена Хуаном, которого якобы ненавидит. Ту ненавидит Хуана больше всего на свете. Известна предначертанная ему судьба: его убьет только «величайший из волков». Лутиэн говорит, будто Хуан лежит недужный в лесу. Ту перевоплощается в могучего волколака, и она отводит его туда, где Хуан залег в засаде. [Добавлено: Но он намеревается сделать ее рабыней.]

Далее следует битва с волколаком. Хуан убивает спутников Ту и, вонзив клыки в горло Ту, в обмен на жизнь вырывает у него «открывающие слова». Дом Ту рушится, пленники обретают свободу. Берен найден [вычеркнуто: и отнесен назад в Нарготронд.]

 $\frac{256}{257}$

Теперь следует также рассмотреть еще один набросок, «Краткое содержание III», написанный наскоро и местами нечитаемый. Этот набросок начинается здесь; я доведу его до конца повествования этой Песни.

Хуан подмял под себя Ту, тот задыхается. Лутиэн поднимается на ноги. Она говорит: «ты, фантом, созданный Морготом из гнусности, ты умрешь, и дух твой в страхе вернется в Ангбанд, где будет встречен с презрением твоим хозяином, и предстоит ему томиться в темном лоне мира, если не уступишь ты "реченные ключи" от своей крепости».

Ёдва дыша, он произносит их. Лутиэн, стоя на мосту и раскинув руки, выкликает их вслух. За горами брезжит бледный рассвет. Холм содрогается и разверзается, башни обрушиваются, мост обрушивается и заграждает Сирион с одной стороны, подземелья разверзаются. При первом свете совы разлетаются точно призраки; видно, как гигантские летучие мыши, тонко пища, уносятся в Таур-на-Фуин. [Добавлено: и ведет их одна, размером с орла. Дух Ту. Его тело... волк.] Скуля и подвывая, разбегаются волки. Бледные пленники, жмурясь от света, выбираются и выползают на свет. [Вычеркнуто: Выходит Берен.] Берена нет. Его ищут и находят сидящим подле Фелагунда.

Эти наброски представляют большой интерес, поскольку наглядно иллюстрируют промежуточную стадию в эволюции легенды, между исходной историей Тевильдо, Князя Котов, в «Сказании о Тинувиэли» и историей Ту в «Лэ о Лейтиан». По-прежнему присутствует обманный рассказ Лутиэн о том, что Хуан лежит недужным в лесу (см. II. 26), а в «Кратком содержании II» Ту сохраняет за собою (исходно кошачью) черту Тевильдо: он ненавидит Хуана больше всех прочих живых существ на свете (II. 21). Изначальный сюжетный элемент -Тинувиэль одна входит в замок, чтобы выманить из него Тевильдо навстречу Хуану, - пока еще не отвергнут; однако в «Кратком содержании II» при ней нет ее плаща, так что заколдовать Ту она не может, в то время как в «Сказании» сонливость, накатившая на кота-привратника Умуийана, а после на самого Тевильдо, навеяна ее «одеждами темного тумана» (II. 24-25). В «Лэ», так же, как и в версии «Сильмариллиона», основанной на «Лэ», на этой стадии усыпляющий плащ Лутиэн вновь фигурирует в повествовании: Хуан вернул его владелице перед тем, как оба они покинули Нарготронд, и девушка воспользовалась им против Ту в битве на мосту.

В «Кратком содержании І» появляется новый элемент: Лутиэн поет перед Ту, а узники подземелий ее слышат; в раннем «Сказании» Лутиэн просто возвысила голос, так, чтобы Берен услышал ее в кухне, где выполнял тяжелую работу. В «Кратком содержании ІІ» этот элемент приобретает свою окончательную форму: Лутиэн поет на мосту, ведущему на Остров Чародея; однако ж все еще входит в замок одна, до «битвы с волколаком».

Фраза, добавленная в «Краткое содержание II», о том, что Ту «намеревается сделать ее рабыней», восходит к «Сказанию» (II. 26): она сохранилась и в «Лэ», и в «Сильмариллионе» («Саурон замыслил захватить ее в плен и передать в руки Моргота, ибо тот богато вознаградил бы своего слугу»).

Утверждение в «II» о том, что «Хуан убивает спутников Ту», несомненно, навеяна «Сказанием», где Тевильдо отправляется на поиски Хуана в сопрово-

257 258 ждении двух своих «танов»; хотя в «Сказании» Хуан убил только Ойкероя, а второй (не поименованный) кот проворно взобрался на дерево, как и сам Тевильдо (II. 28). В «II», и более подробно в «III», описано, как Ту оказался во власти Хуана на земле. Ни в «I», ни в «II» («III» начинается уже после этого момента) ни словом не говорится о том, что из замка выходили волки и Хуан бесшумно убивал их одного за другим, пока, наконец, не появился Драуглуин; но как я отмечал в своих комментариях к «Сказанию» (II. 54–55), «гибель кота Ойкероя – прообраз битвы Хуана с Драуглуином, и шкура убитого противника Хуана используется одинаково в обоих случаях». Что до череды волков, предшествующих появлению Ту, этот элемент впервые возникает только в поэме. Строки, в которых Драуглуин назван последним и величайшим из них (2712–2713) в «А» отсутствуют, но в «удлиняющем заклинании» Лутиэн в «В» назван «Драуглуин, волколак с тусклой шерстью» (1489), в то время как в «А» – *Кархарас*.

Из всех элементов этой части легенды чрезвычайный интерес представляют «открывающие слова» или «реченные ключи», восходящие к «Сказанию» (II. 28–29). Там (II. 55) я проанализировал суть и смысл этой подробности в расширенном контексте (крепость Ту некогда была эльфийской сторожевой башней): последующее «замещение» заклинания, скрепляющего камни.

В «Кратком содержании III» появляются и другие элементы конечного варианта легенды: Ту улетает прочь в обличии громадной летучей мыши; Берен обнаружен сидящим рядом с телом Фелагунда. Прообразом бледных пленников, что, жмурясь, выбираются на свет, изначально явилось сонмище котов, выбежавших из замка в «Сказании» (II. 29, 55): как только чары Тевильдо пали, коты эти уменьшились до крошечного размера.

В Песни IX история обретает свою окончательную форму, и соответствующий фрагмент «Сильмариллиона» следует ей очень близко, лишь с мелкими расхождениями; главное из них состоит в том, что ни словом не упоминается голос Ту в подземелье: эта деталь содержится только в поэме (строки 2592–2609). Исходный элемент, все еще присутствующий в «Кратком содержании II», – то, что Лутиэн входит в замок одна, – наконец-то исчезает.

Остается упомянуть еще несколько любопытных подробностей, помимо развития сюжета. Предсмертные слова Фелагунда (строки 2633–2636):

Теперь я должен идти к своему долгому отдыху под сенью Тимбрентинга во вневременных чертогах, где пьют Боги, где свет падает на сияющее море

очень схожи с прощальными словами Турина, обращенными к мертвому Белегу (стр. 58, 1408–1411):

Ныне доброго тебе пути, Белег, к долгому пиршеству под сенью Тенгветили во вневременных чертогах, где пьют Боги, под золотыми куполами за сияющим морем.

Как я уже упоминал (стр. 94), Турин провидит для Белега посмертие как жизнь в Валиноре, в чертогах Богов, и не говорит, в отличие от самого Белега в Туриновом сне, о времени «ожидания»:

256

259

260

жизнь моя отлетела к долгому ожиданию в чертогах Луны за холмами моря. (стр. 55, 1696–1697)

Весьма примечательны слова о Ту: «злобный дух, *сделанный* Морготом» (строка 2770).

Во фрагменте (2666–2671), посвященном созвездию Большой Медведицы, впервые заходит речь о том, что Варда поместила в небе Семь Звезд как символ надежды в борьбе против Моргота. Ср. «Сильмариллион» (стр. 209):

[Берен] запел песнь-вызов, что сложил некогда в честь Семи Звезд, Серпа Валар, закрепленного встарь Вардой над северной землей как предвестие низвержения Моргота.

X

Певцы эльфийские в веках На позабытых языках И пели, и поют о том, Как Берен с Лутиэн вдвоем Неспешно шли, рука в руке, Вдоль Сириона, по реке. Смеялись весело они, Был легок шаг, отрадны – дни, Коснулись чащ – зимы персты; Но вкруг нее цвели цветы: Тинувиэль! Тинувиэль! Звенела вольно птичья трель Среди заснеженной земли, Где Лутиэн и Берен шли.

Остался остров за спиной; Но на вершине островной Среди густой травы стоит Надгробие – под ним сокрыт Прах Фелагунда-короля – До времени, когда земля Изменит контуры, падет И погрузится в бездну вод, И будет мир преображен. Но Фелагунд под сенью крон Смеется – и нейдет назад В мир, где война и скорбь царят. X

Songs have recalled the Elves have sung in old forgotten elven tongue how Lúthien and Beren strayed by the banks of Sirion. Many a glade they filled with joy, and there their feet 2860 passed by lightly, and days were sweet.

Though winter hunted through the wood, still flowers lingered where she stood.

Tinúviel! Tinúviel! the birds are unafraid to dwell 2865 and sing beneath the peaks of snow where Beren and where Lúthien go.

The isle in Sirion they left behind; but there on hill-top might one find a green grave, and a stone set, 2870 and there there lie the white bones yet of Felagund, of Finrod's son – unless that land is changed and gone, or foundered in unfathomed seas, while Felagund laughs beneath the trees 2875 in Valinor, and comes no more to this grey world of tears and war.

260 261

Он пал от города вдали, Но вести в Нарготронд пришли, Что мертв король, что Ту сражен, Поверглись башни и донжон: Вернулись пленники домой Из тени, мрачной и немой, И словно тень назад пришел Пес Хуан – был хозяин зол, Но, благодарность не снискав, Остался верен волкодав. А в Нарготронде ропот рос, Вплетались в шум слова угроз, И Келегорм бессилен был Унять негодованья пыл. Скорбел о короле народ, Что с сыном Финрода в поход Допрежь идти не пожелал. Твердил изменчивый вассал: Мол, дева совершить смогла Деяний храбрых без числа, Что Феаноровы сыны Содеять были бы должны. Тогда поднялся крик и гам: «Смерть вероломным подлецам!» Ородрет молвил: «Я один Днесь в Нарготронде властелин. Братоубийственной резни Я не дозволю. Но они, Два брата, смевшие презреть Дом Финрода, не сыщут впредь В границах Нарогской земли Ни хлеб, ни кров». Их привели. Не устыжён, кичлив и горд, Встал Келегорм, надменный лорд. Горел угрозой яркий взгляд, Второй же улыбался брат.

«Прочь навсегда – сокройтесь с глаз, Пока свет солнца не угас! Впредь Феаноровы сыны Дорогу позабыть должны To Nargothrond no more he came; but thither swiftly ran the fame of their king dead, of Thu o'erthrown, 2880 of the breaking of the towers of stone. For many now came home at last, who long ago to shadow passed; and like a shadow had returned Huan the hound, and scant had earned 2885 or praise or thanks of master wroth; yet loyal he was, though he was loath. The halls of Narog clamours fill that vainly Celegorm would still. There men bewailed their fallen king, 2890 crying that a maiden dared that thing which sons of Feanor would not do. 'Let us slay these faithless lords untrue!' the fickle folk now loudly cried with Felagund who would not ride. Orodreth spake: 'The kingdom now is mine alone. I will allow no spilling of kindred blood by kin. But bread nor rest shall find herein these brothers who have set at nought 2900 the house of Finrod.' They were brought. Scornful, unbowed, and unashamed stood Celegorm. In his eye there flamed a light of menace. Curufin smiled with his crafty mouth and thin. 2905 'Be gone for ever – ere the day shall fall into the sea. Your way shall never lead you hither more, nor any son of Fëanor; nor ever after shall be bond 2910 of love twixt yours and Nargothrond.'

'We will remember it,' they said, and turned upon their heels, and sped, and took their horses and such folk as still them followed. Nought they spoke 2915 В край Нарога: они и я Отныне больше не друзья».

«Запомним всё!» – они рекли, И развернулись, и ушли, Забрав им преданный народ; В рог протрубивши, от ворот Коней погнали во всю мочь И в ярости умчались прочь.

А Берен с Лутиэн меж тем Все шли. Лес черен был и нем, Дул стылый ветер, и, мертва, Шуршала жухлая трава. Но песни путников неслись В морозную седую высь, И приближался Дориат. Где Миндеб от холмистых гряд Сбегал, мерцая и искрясь, Завеса Мелиан сплелась Вдоль западных границ земли Владыки Тингола. Блюли Заклятья чащу: чужаки Плутали, угодив в силки.

С тяжелым сердцем Берен рёк: «Увы! Пришел разлуки срок, Здесь мы расстанемся – и впредь Нам вместе более не петь».

«Нам – разлучиться? Для чего ж? Заря ясна и день погож».

«Дошли мы до границ страны, Что Мелиан защищены: Здесь ждет тебя в краю родном Любимый лес и милый дом».

«С восторгом прозревает взгляд Неоскверненный Дориат И строй раскидистых дерев. Однако, Дориат презрев, И дом, и род, я прочь ушла. Земля мне эта не мила,

but sounded horns, and rode like fire, and went away in anger dire.

Towards Doriath the wanderers now were drawing nigh. Though bare the bough, though cold the wind, and grey the

grasses 2920

through which the hiss of winter passes, they sang beneath the frosty sky uplifted o'er them pale and high.

They came to Mindeb's narrow stream that from the hills doth leap and gleam 2925 by western borders where begin the spells of Melian to fence in King Thingol's land, and stranger steps to wind bewildered in their webs.

There sudden sad grew Beren's heart: 2930 'Alas, Tinúviel, here we part and our brief song together ends, and sundered ways each lonely wends!'

'Why part we here? What dost thou say, just at the dawn of brighter day? ' 2935

'For safe thou'rt come to borderlands o'er which in the keeping of the hands of Melian thou wilt walk at ease and find thy home and well-loved trees.'

'My heart is glad when the fair trees 2940 far off uprising grey it sees of Doriath inviolate.
Yet Doriath my heart did hate, and Doriath my feet forsook, my home, my kin. I would not look 2945

261

262

Не милы травы и листы, Когда со мной не рядом ты. Эсгалдуин темен и глубок – Там, где, бурля, шумит поток, Ужели буду я одна, Навек надежды лишена, Скорбеть душой, взывать с тоской Над равнодушною рекой?»

«Но Берен, смертный человек, Не вступит в Дориат вовек, Когда б и не чинил преград Король. Я клялся, что назад Я возвращусь, коль буду жив, Лишь светлый Сильмариль добыв, Чтоб заслужить желанный дар. "Ни сталь, ни Морготов пожар Ни Эльфинесса мощь и рать Мне не сумеют помешать Добыть желанный самоцвет". Я некогда принес обет Во имя Лутиэн, светлей Прекрасных смертных дочерей, И пусть мой путь ведет во тьму -Я верен слову своему».

«Так значит, Лутиэн домой Возврата нет: в глуши лесной Ей суждено блуждать в слезах, Забыв про смех, презревши страх. Идти с тобою не вольна, Тебе вослед пойдет она, Сколь деве ты не прекословь, – Пока не встретимся мы вновь Здесь – иль на берегу теней, Любя все крепче, все сильней».

«Нет, Лутиэн, нет, ты смела, Твоя любовь меня спасла Из грозной крепости-тюрьмы. Но в страшную обитель тьмы Не уведу с собой, о нет, Я твой благословенный свет».

on grass nor leaf there evermore without thee by me. Dark the shore of Esgalduin the deep and strong! Why there alone forsaking song by endless waters rolling past 2950 must I then hopeless sit at last, and gaze at waters pitiless in heartache and in loneliness?'

'For never more to Doriath can Beren find the winding path, 2955 though Thingol willed it or allowed; for to thy father there I vowed to come not back save to fulfill the quest of the shining Silmaril, and win by valour my desire. 2960 "Not rock nor steel nor Morgoth's fire nor all the power of Elfinesse, shall keep the gem I would possess": thus swore I once of Lúthien more fair than any child of Men. 2965 My word, alas! I must achieve, though sorrow pierce and parting grieve.'

'Then Lúthien will not go home, but weeping in the woods will roam, nor peril heed, nor laughter know. 2970 And if she may not by thee go against thy will thy desperate feet she will pursue, until they meet, Beren and Lúthien, love once more on earth or on the shadowy shore.' 2975

'Nay, Lúthien, most brave of heart, thou makest it more hard to part. Thy love me drew from bondage drear, but never to that outer fear, that darkest mansion of all dread, 2980 shall thy most blissful light be led.' Твердил он: «Никогда!» Она Молила, нежности полна, Вдруг, словно налетевший шторм, Вскачь Куруфин и Келегорм Промчались, злобясь и ярясь, К лесной дороге, что вилась Меж чащи Таур-на-Фуин, где мгла Тенета темные сплела, И Дориатским рубежом. Гремела дробь копыт как гром. Короткий этот путь пролег В предел родни их, на восток, Где Химлинг, холм сторожевой, Над Аглоном навис главой.

Заметив путников, на них Погнали скакунов шальных Два брата, гневно хмуря бровь, Как будто вздумали любовь И двух влюбленных вместе с ней Смять под копытами коней. Храпят, и ржут, и шеи гнут, Два гордых скакуна - и тут, Свернув с пути в последний миг, Скитальцев Куруфин настиг И деву подхватил в седло. Тотчас возмездие пришло: Как буйствует владыка-лев, От острых стрел рассвирепев, Как, убегая от собак, Олень перемахнет овраг, – Так прыгнул Берен что есть сил На Куруфина и схватил Его за горло; от толчка Конь рухнул, сбросив седока. Беззвучно на ковре лесном Боролись человек и ном, А Лутиэн, оглушена, Простерлась, мертвенно-бледна, В траве под куполом ветвей. Сжимал все крепче, все сильней, Захват свой Берен: враг хрипит,

'Never, never!' he shuddering said. But even as in his arms she pled, a sound came like a hurrying storm. 262 263 There Curufin and Celegorm 2985 in sudden tumult like the wind rode up. The hooves of horses dinned loud on the earth. In rage and haste madly northward they now raced the path twixt Doriath to find and the shadows dreadly dark entwined of Taur-na-Fuin. That was their road most swift to where their kin abode in the east, where Himling's watchful hill o'er Aglon's gorge hung tall and still. 2995

They saw the wanderers. With a shout straight on them swung their hurrying rout, as if neath maddened hooves to rend the lovers and their love to end. But as they came the horses swerved 3000 with nostrils wide and proud necks curved; Curufin, stooping, to saddlebow with mighty arm did Lúthien throw, and laughed. Too soon; for there a spring fiercer than tawny lion-king 3005 maddened with arrows barbed smart, greater than any horned hart that hounded to a gulf leaps o'er, there Beren gave, and with a roar leaped on Curufin; round his neck 3010 his arms entwined, and all to wreck both horse and rider fell to ground; and there they fought without a sound. Dazed in the grass did Lúthien lie beneath bare branches and the sky; the Gnome felt Beren's fingers grim close on his throat and strangle him,

 $\frac{263}{264}$

Глаза полезли из орбит, Распух и посинел язык. Но Берен в этот самый миг От смерти был на волоске: На Берена с копьем в руке Мчал грозный Келегорм, готов Сразить того, кто от оков Спасен был девой. Зарычав, На нома прыгнул волкодав, Встопорщив шерсть, оскалив клык, Как если б волка пес настиг. Конь встал, не превозмогши страх. Воскликнул Келегорм в сердцах: «Будь проклят, подлый пустобрёх, Напавший на меня врасплох!» Но ни скакун и ни ездок, Никто насмелиться не мог Подъехать ближе. Оробев, На грозного Хуана гнев Глядели все издалека. Ни стрел, ни копий, ни клинка, Ни Келегормовых угроз Гигантский не страшился пес.

Не быть обидчику б живым, Но дева сжалилась над ним. Поднявшись на ноги, она Воскликнула, удручена: «Свой правый гнев уйми, мой лорд: Вокруг довольно вражьих орд; Не умалится их число, Коль здесь мы приумножим зло, Проклятьем древним смущены, Ведь страждет мир в тисках войны, И крах, и гибель впереди! Умилосердись, пощади!»

Жизнь Куруфину сохраня, Забрал доспехи и коня У нома Берен, и забрал Блистающий стальной кинжал and out his eyes did start, and tongue gasping from his mouth there hung. Up rode Celegorm with his spear, 3020 and bitter death was Beren near. With elvish steel he nigh was slain whom Lúthien won from hopeless chain, but baying Huan sudden sprang before his master's face with fang 3025 white-gleaming, and with bristling hair, as if he on boar or wolf did stare. The horse in terror leaped aside, and Celegorm in anger cried: 'Curse thee, thou baseborn dog, to

against thy master teeth to bare!'
But dog nor horse nor rider bold
would venture near the anger cold
of mighty Huan fierce at bay.
Red were his jaws. They shrank
away, 3035

and fearful eyed him from afar: nor sword nor knife, nor scimitar, no dart of bow, nor cast of spear, master nor man did Huan fear.

There Curufin had left his life, had Lúthien not stayed that strife. Waking she rose and softly cried standing distressed at Beren's side: 'Forbear thy anger now, my lord! nor do the work of Orcs abhorred; 3045 for foes there be of Elfinesse unnumbered, and they grow not less, while here we war by ancient curse distraught, and all the world to worse decays and crumbles. Make thy peace!' 3050

Then Beren did Curufin release; but took his horse and coat of mail, and took his knife there gleaming pale, hanging sheathless, wrought of steel.

Без ножен, что в былые дни Был кован в Ногроде: огни Пылали, горны разогрев, Тянулся колдовской напев, И гномий молот в унисон Гудел как колокольный звон. Тех ран, что наносил клинок, Уврачевать никто б не смог; Он с легкостью любой металл Как древесину, разрубал И рассекал доспех стальной Как нити пряжи шерстяной. Теперь же рукоять клинка Сжимала смертного рука; И Берен, нома подхватив, Прочь отшвырнул. «Покуда жив, Вон! - насмехаясь, молвил он. -Предатель, убирайся вон! Поохлади в изгнанье пыл, Чтоб впредь разбоя не творил Исчадьям Моргота под стать Сын Феанора! Совершать Дела достойные взамен Пора!» И Берен с Лутиэн Собрались уходить уже, А Хуан ждал настороже.

Воскликнул Келегорм: «Прощай! На край земли или за край Беги! Наш гнев тебе страшней Голодной смерти средь камней; В долинах и среди холмов Месть Феаноровых сынов, Тебя найдет за много миль! Ни девушку, ни Сильмариль Надолго не удержишь ты! Будь проклят – с вышней высоты, Будь проклят – с ночи досветла! Прощай!» – И, соскочив с седла, Он брата подсадил верхом; Свой лук в оплёте золотом Согнул он – свистнула стрела.

No flesh could leeches ever heal 3055 that point had pierced; for long ago the dwarves had made it, singing slow enchantments, where their hammers fell in Nogrod ringing like a bell.

Iron as tender wood it cleft, 3060 and sundered mail like woollen weft.

But other hands its haft now held; its master lay by mortal felled.

Beren uplifting him, far him flung, and cried 'Begone!', with stinging

tongue; 3065

264 265

'Begone! thou renegade and fool, and let thy lust in exile cool!

Arise and go, and no more work like Morgoth's slaves or curséd Orc; and deal, proud son of Fëanor, 3070 in deeds more proud than heretofore!' Then Beren led Lúthien away, while Huan still there stood at bay.

'Farewell,' cried Celegorm the fair.
'Far get you gone! And better were 3075
to die forhungered in the waste
than wrath of Fëanor's sons to taste,
that yet may reach o'er dale and hill.
No gem, nor maid, nor Silmaril
shall ever long in thy grasp lie! 3080
We curse thee under cloud and sky,
we curse thee from rising unto sleep!
Farewell!' He swift from horse did leap,
his brother lifted from the ground;
then bow of yew with gold wire

bound 3085 he strung, and shaft he shooting sent,

Влюбленные, не чуя зла, Беспечно шли, рука в руке. Залаяв, пес поймал в прыжке Стрелу; вновь гномий болт, взлетев, Пропел погибельный напев. Но Берен, молнии быстрей, Метнулся к деве, встал пред ней И грудью заслонил ее. Зазубренное острие Вонзилось с лёту в плоть плеча, И рухнул Берен. Хохоча, Два брата повернули прочь, -Но поскакали во всю мочь, Чуть Хуан, зол и разъярен, За ними бросился вдогон. Слух о предательской стреле Прошел по северной земле, И вспоминали выстрел тот, Как пробил срок идти в Поход. Вот так содеянное зло На пользу Морготу пошло.

Впредь не рождался тот щенок, Какой бы следовал на рог Двух братьев. Гибель и разгром Постигли Феаноров дом, Но, узы дружбы разорвав, Впредь не ложился волкодав У Келегормовых колен, А следовал за Лутиэн. Она же, вся в слезах, склонясь Над страшной раной, принялась Кровь унимать: струя, ала, Все гуще, все быстрей текла. Ему рубаху сдернув с плеч, Она стрелу смогла извлечь, Омыла рану током слез, А Хуан лист в зубах принес – Целебной силой наделен: Под сенью крон таится он, Широк, и сочен, и пушист, Вечнозеленый этот лист.

as heedless hand in hand they went; a dwarvish dart and cruelly hooked. They never turned nor backward looked. Loud bayed Huan, and leaping caught 3090 the speeding arrow. Quick as thought another followed deadly singing; but Beren had turned, and sudden

springing

defended Lúthien with his breast.

Deep sank the dart in flesh to rest. 3095

He fell to earth. They rode away,
and laughing left him as he lay;
yet spurred like wind in fear and dread
of Huan's pursuing anger red.

Though Curufin with bruised mouth
laughed, 3100

yet later of that dastard shaft
was tale and rumour in the North,
and Men remembered at the Marching

and Morgoth's will its hatred helped.

Thereafter never hound was whelped 3105 would follow horn of Celegorm or Curufin. Though in strife and storm, though all their house in ruin red went down, thereafter laid his head Huan no more at that lord's feet. 3110 but followed Lúthien, brave and fleet. Now sank she weeping at the side of Beren, and sought to stem the tide of welling blood that flowed there fast. The raiment from his breast she cast; 3115 from shoulder plucked the arrow keen; his wound with tears she washed it clean. Then Huan came and bore a leaf. of all the herbs of healing chief, that evergreen in woodland glade 3120

Скитаясь в чаще, волкодав Узнал о свойствах разных трав. Пес боль унял, а Лутиэн, Чтоб кровь, текущую из вен, Остановить, плела напев: Среди эльфийских жен и дев Та песнь известна испокон В земле, где войны, плач и стон.

Легли на землю тени скал, Над темным Севером восстал И вспыхнул Серп Богов: лучи Сияли холодом в ночи; А под ветвями, на земле, Мерцает алый блик во мгле – Пылают сучья и кора, Трещит шиповник. У костра Простерся Берен, погружен В тревожный, неспокойный сон. Бессонно бодрствует над ним Та, кем он преданно любим, Целует в лоб, дает питье, А песнь целящая ее Могущественней мудрых рун, Что помнят лекарь и ведун. Ночного бдения часы Проходят. Каплями росы Осел туман; редеет тень, И сумерки сменяет день.

Тогда, исполнен новых сил, Очнулся и глаза открыл Вновь Берен, и воскликнул: «Я Блуждал в плену небытия, Под тусклым небом чуждых стран, Все глубже уходя в туман Владений смерти ледяной. Но голос, близкий и родной, И страх, и боль переборол: Как струны арф или виол, Как перезвон колоколов, Как звуки музыки без слов, –

there grew with broad and hoary blade. The powers of all grasses Huan knew, who wide did forest-paths pursue. Therewith the smart he swift allayed, while Lúthien murmuring in the shade 3125

the staunching song, that Elvish wives long years had sung in those sad lives of war and weapons, wove o'er him.

The shadows fell from mountains grim.
Then sprang about the darkened

North 3130

the Sickle of the Gods, and forth each star there stared in stony night radiant, glistering cold and white. But on the ground there is a glow, a spark of red that leaps below: 3135 under woven boughs beside a fire of crackling wood and sputtering briar there Beren lies in drowsing deep, walking and wandering in sleep. Watchful bending o'er him wakes 3140 a maiden fair; his thirst she slakes, his brow caresses, and softly croons a song more potent than in runes or leeches' lore hath since been writ. Slowly the nightly watches flit. 3145 The misty morning crawleth grey from dusk to the reluctant day.

Then Beren woke and opened eyes, and rose and cried: 'Neath other skies, in lands more awful and unknown, 3150 I wandered long, methought, alone to the deep shadow where the dead dwell; but ever a voice that I knew well, like bells, like viols, like harps, like birds, like music moving without words, 3155

266 267 Он звал и звал сквозь ночь, меня Вновь возвращая к свету дня! Се! Снова воссиял восход, Опять дорога нас зовет К опасностям, что не сулят Спасенья мне. Ты ж в Дориат Вернешься ждать среди дерев, Пока эльфийский твой напев Летит за мною по пятам К далеким тропам и хребтам».

«Нет, во врагах теперь у нас Не только Моргот: в горький час Был втянут ты и твой поход В рознь Эльфинесса. Гибель ждет Обоих нас: такой финал Отважный Хуан предсказал, И будет так наверняка. Нет, никогда твоя рука Не вложит Тинголу в ладонь Неугасимый тот огонь, Тот Феаноров самоцвет, Тогда зачем идти? От бед, От страха, горя и тревог Укроет нас лесной чертог, Пусть целый мир нам будет дом! Уйдем с тобой бродить вдвоем Вдоль взморья или по горам, Навстречу солнцу и ветрам!»

И мукой полнились сердца, Ни взгляд ее – как звездный луч За влажной пеленою туч, – Ни нежность губ, ни гибкость рук, Ни голоса певучий звук, Ни Эльфинесса колдовство Не образумили его. Не соглашался он назад Идти с ней в древний Дориат – Лишь проводить до рубежей; И в Нарготронд вернуться с ней

Так спор их длился без конца,

called me, called me through the night, enchanted drew me back to light!
Healed the wound, assuaged the pain!
Now are we come to morn again, new journeys once more lead us on – 3160 to perils whence may life be won, hardly for Beren; and for thee a waiting in the wood I see, beneath the trees of Doriath, while ever follow down my path 3165 the echoes of thine elvish song, where hills are haggard and roads are long.'

'Nay, now no more we have for foe dark Morgoth only, but in woe, in wars and feuds of Elfinesse 3170 thy quest is bound; and death, no less, for thee and me, for Huan bold the end of weird of yore foretold, all this I bode shall follow swift, if thou go on. Thy hand shall lift 3175 and lay in Thingol's lap the dire and flaming jewel, Fëanor's fire, never, never! A why then go? Why turn we not from fear and woe beneath the trees to walk and roam 3180 roofless, with all the world as home, over mountains, beside the seas, in the sunlight, in the breeze?'

Thus long they spoke with heavy hearts; and yet not all her elvish arts, 3185 nor lissom arms, nor shining eyes as tremulous stars in rainy skies, nor tender lips, enchanted voice, his purpose bent or swayed his choice. Never to Doriath would he fare 3190 save guarded fast to leave her there; never to Nargothrond would go with her, lest there came war and woe;

 $\frac{267}{268}$

Не соглашался, чтоб страну Невольно не втянуть в войну; И допустить никак не мог, Чтоб вновь скиталась без дорог Через пустыни и леса, Бледна, оборвана, боса, Вдали от мест родных она, Любовью в путь уведена. «Пришла в движенье мощь Врага, Дрожат и горы, и луга, Охота мчится по пятам, Крадутся орки тут и там, Обшаривают лес, кусты И заросли. Нужна им ты! При этой мысли меркнет свет В моих глазах: я свой обет Кляну – и проклинаю рок, Что, нас связав, тебя вовлек В мою судьбу и повелел Изгоя разделить удел! Так в путь! Пока горит восход, Пусть нас дорога доведет До рубежей твоей земли, Где буки и дубы взнесли Густые своды чутких крон -От зла надежно загражден Прекрасный, древний Дориат, Благими чарами заклят».

Смирилась дева, и вдвоем Пошли они прямым путем В край Дориат; стволов промеж Пересекли его рубеж, Где буки с шелковой корой Ввысь вознесли безмолвный строй, Близ лога мшистого, и тут Желанный обрели приют. И пели о любви они – Любви, что вечности сродни, – Пусть землю захлестнет волна, Любовь, нетленна и сильна,

and never would in the world untrod to wander suffer her, worn, unshod, 3195 roofless and restless, whom he drew with love from the hidden realms she

knew.

'For Morgoth's power is now awake; already hill and dale doth shake, the hunt is up, the prey is wild: 3200 a maiden lost, an elven child.

Now Orcs and phantoms prowl and

peer

from tree to tree, and fill with fear each shade and hollow. Thee they seek! At thought thereof my hope grows

weak, 3205

my heart is chilled. I curse mine oath, I curse the fate that joined us both and snared thy feet in my sad doom of flight and wandering in the gloom!

Now let us haste, and ere the day 3210 be fallen, take our swiftest way, till o'er the marches of thy land beneath the beech and oak we stand in Doriath, fair Doriath whither no evil finds the path, 3215 powerless to pass the listening leaves that droop upon those forest-eaves.'

Then to his will she seeming bent. Swiftly to Doriath they went, and crossed its borders. There they

stayed 3220

resting in deep and mossy glade; there lay they sheltered from the wind under mighty beeches silken-skinned, 268

269

Восстанет вновь из глубины, Чтоб те, кто здесь разлучены, Друг друга снова обрели У края Западной земли.

Раз поутру, пока она Покоилась во власти сна На мху, как трепетный цветок, Что до зари расцвесть не мог, Встал Берен и, не пряча слез, Промолвил: «Хуан, верный пёс! Оберегай ее, лелей! Нет асфоделя средь полей, Нет розы в чаще меж теней Благоуханней и нежней! Храни ее от зимних вьюг, Оберегай от хищных рук, Спаси от странствий и невзгод!

Меня ж зовут идти вперед Судьба и гордость», – он вскричал, Вскочил в седло и прочь умчал, Не глядя вспять, и гнал коня На Север до исхода дня.

and sang of love that still shall be, though earth be foundered under sea, 3225 and sundered here for evermore shall meet upon the Western Shore.

One morning as asleep she lay upon the moss, as though the day too bitter were for gentle flower 3230 to open in a sunless hour, Beren arose and kissed her hair, and wept, and softly left her there. 'Good Huan,' said he, 'guard her well! In leafless field no asphodel, 3235 in thorny thicket never a rose forlorn, so frail and fragrant blows. Guard her from wind and frost, and hide from hands that seize and cast aside; keep her from wandering and woe, 3240 for pride and fate now make me go.'

The horse he took and rode away, nor dared to turn; but all that day with heart as stone he hastened forth and took the paths toward the North. 3245

*

ПРИМЕЧАНИЯ

2877 После этой строки вписана дата: «5 апреля». Предыдущая дата – «4 апреля 1928 г.» – значилась напротив строки 2769.

2929 В конце этой строки вписана дата: «6 апреля».

2950-2953 Ср. строки 649-652, 1220-1223.

2998 Напротив этой строки вписана дата: «27 апреля 1928 г.».

3031 Перед этой строкой вписана дата: «ноябрь 1929 г.». Эта дата может относиться к тексту выше или ниже; но и она, и последующий текст написаны чуть более тонким пером, нежели предшествующий фрагмент поэмы. Предыдущая дата, «27 апреля 1928 г.», значилась напротив строки 2998.

3076–3084 Напротив этих семи строк, изначально на полях рукописи «А», значится дата: «30 сентября».

3119 Напротив этой строки мой отец вписал на полях текста «В» слово «ателас». В «Братстве Кольца» (І. 12) Арагорн говорит, что ателас был привезен в Средиземье нуменорцами.

3220 После слова borders [границы] вписана дата: «25 сентября 1930 г.».

3242–3245 Эти последние четыре строки Песни содержатся только в «А», но я подозреваю, что опущены они были по недосмотру.

269 270

Комментарии к Песни Х

Развитие сюжета этой Песни снова можно проследить шаг за шагом по кратким содержаниям. В «Сказании о Тинувиэли» (II. 30–31) Берен и Тинувиэль, победив Тевильдо, уходят прочь вместе с Хуаном; Тинувиэль стремилась вернуться в Артанор, но не желала расставаться с Береном: именно это и подтолкнуло их к решению попробовать отвоевать Сильмариль. Влюбленные выпросили у Хуана кошачью шкуру Ойкероя, тана Тевильдо, которую пес унес в качестве трофея; и Берен отправился в Ангбанд в обличии кота.

В «Кратком содержании I» касательно этой части повествования говорится только: «Тинувиэль и Берен в обличии волколака идут в Ангбанд»; помимо того факта, что шкура была не кота, а волколака, по всей видимости, от «Сказания» этот фрагмент ничем не отличался.

«Краткое содержание II» продолжается с того момента, на котором закончилось на стр. 257, следующим образом:

Лутиэн выхаживает Берена в лесу. Хуан приносит вести в Нарготронд. Номы выгоняют Куруфина и Келегорма, сокрушаясь о Фелагунде, и отсылают Лутиэн плащ. Лутиэн снова обретает свой плащ, и, ведомые Хуаном, они отправляются в Ангбанд. Благодаря его наставлениям и ее магии им удается избежать плена. Хуан не смеет идти дальше. Берен принимает обличие волколака. Они входят в Ангбанд.

Фразы «и отсылают Лутиэн плащ. Лутиэн снова обретает свой плащ» на момент написания были изменены следующим образом: «и посылают помощь Берену и Лутиэн. Хуан приносит Лутиэн ее плащ». (Безусловно, этот план был набросан еще до того, как мой отец дошел до конца Песни VIII, в финале которой Хуан приносит Лутиэн ее плащ перед тем, как девушка бежит из Нарготронда.)

Здесь «Краткое содержание II» заканчивается. Внизу страницы начерно набросано:

Посольство Келегорма к Тинголу, чтобы Тингол знал или думал, что знает, будто Берен мертв, а Лутиэн в Нарготронде.

Почему Келегорма и Куруфина ненавидит Тингол ... ...

Пропажа Дайрона.

Здесь впервые упоминается об изгнании Келегорма и Куруфина из Нарготронда, но совершенно очевидно, что эпизода с их нападением на Берена и Лутиэн еще не существовало. Хуан приносит вести об уничтожении Башни Чародея, но, по всей видимости, Нарготронд он покидает не с Келегормом и относит Лутиэн плащ независимо от него.

270

«Краткое содержание III» на стр. 257 заканчивалось на том моменте, когда Лутиэн и Хуан обнаруживают Берена «сидящим подле Фелагунда». Я привожу здесь следующий фрагмент этого плана в первом его варианте:

Они освящают остров и предают Фелагунда земле на вершине, и ни волк, ни злобная тварь никогда больше не придут туда снова. Берена уводят в леса. [Следующая фраза взята в скобки и сопровождается пометкой на полях о том, что она должна быть вставлена позже: Моргот, услышав о том, что Башня Чародея пала, высылает отряд орков; обнаружив перебитых волков с ... глотками, он полагает, что это сделал Хуан, и создает огромного волка – по имени Кархарас – самого могучего из всех волков, охранять свои врата.]

Они прячутся в Таур-на-Фуин, стараясь не потерять из виду свет на опушке. Лутиэн просит Берена отступиться. Он говорит, что не может вернуться в Дориат. Тогда, говорит она, она будет жить в лесах с Береном и Хуаном. Но он дал слово; он поклялся не устрашиться Моргота ... ада. Тогда говорит она, [что она] боится, что их жизни обречены. Но, возможно, жизнь есть и после смерти. Куда пойдет Берен, пойдет и она. Это вынуждает его замешкаться. Они спрашивают Хуана. Он заговаривает во второй и последний раз. «Далее Хуану нельзя идти с вами – то, что увидите вы у врат, он увидит позже, – его судьба не ведет в Ангбанд. Возможно, хотя взгляд его и затуманен, [?твои] пути снова из него выведут». Он уходит в Нарготронд. Они не соглашаются вернуться в Нарготронд с ним вместе.

Лутиэн и Берен покидают Таур-на-Фуин и какое-то время скитаются вместе. Ее охватывает неодолимое желание взглянуть на Дориат, а Берен задумывается о том, что его поход не завершен. Берен предлагает отвести ее к границам Дориата, но они не в силах расстаться.

Они отправляются на Остров Чародея и забирают «волчий мех» и облачение летучей мыши. Внутренне трепеща, они пускаются в путь. Путешествие к Ангбанду через Дор-на-Фауглит и в темные ущелья предгорий.

Здесь впервые говорится о погребении Фелагунда на вершине острова и о его освящении. В этом наброске ни словом не упоминается о событиях в Нарготронде: все внимание сосредоточено на Берене и Лутиэн. Они в лесу Таур-на-Фуин, и Хуан с ними; здесь в первом варианте представлен совет Хуана влюбленным и его предсказание: то, что они встретят у Врат Ангбанда, позже увидит и он сам. Поскольку нападения Келегорма с Куруфином еще не придумано, история короче, нежели станет впоследствии; так Хуан заговаривает с ними в лесу Таур-на-Фуин вскорости после уничтожения Башни Чародея, а затем отбывает в Нарготронд; они же спустя некоторое время отправляются на Остров и забирают «волчий мех» ['wolf-ham'] ('wolf-hame' в «Сильмариллионе», стр. 213, др.-англ. hama) и «облачение летучей мыши», которое появляется впервые (хотя «волчий мех» восходит к кошачьей шкуре Ойкероя в «Сказании»). Судя по словам «Они не соглашаются вернуться в Нарготронд с ним вместе» и судя по тому факту, что в записанном плане пес дальше не упоминается, становится ясно, что Хуан больше не задействован в сюжете (вплоть до его нового появления в более позднем эпизоде). Относительно речи Хуана сообщается, что он заговорил вслух «во второй и последний раз». Впоследствии этот элемент сюжета

был изменен: Хуан в третий раз заговорил с Береном, будучи при смерти (см. прим. к строке 2551).

В эту часть «Краткого содержания III» карандашом были внесены изменения; тем самым повествование заметно приблизилось к финальному варианту.

Они освящают остров и предают Фелагунда земле на вершине, и ни волк, ни злобная тварь никогда больше не придут туда снова.

Лутиэн и Берен покидают Таур-на-Фуин и какое-то время скитаются вместе. Ее охватывает неодолимое желание взглянуть на Дориат, а Берен задумывается о том, что его миссия не завершена. Берен предлагает отвести ее к границам Дориата, но они не в силах расстаться.

Пленники и Хуан приносят вести в Нарготронд. Келегорм и Куруфин ... в возмущении чувств нарготрондцы хотят убить их. Ородрет не дозволяет. Они изгнаны – равно как и все Феаноринги – из Нарготронда навсегда. Они уезжают прочь. Нападение Келегорма и Куруфина в лесу на Берена и Лутиэн. Их спасает Хуан. Берен борется с Куруфином и отбирает его магический кинжал – [восемь последующих слов неразборчивы].

Хуан приносит им волчий мех. Внутренне трепеща, они пускаются в путь. Хуан заговаривает в последний раз и прощается. Он идти отказывается. Путешествие к Ангбанду, и т.д.

Здесь подробнее рассказывается об изгнании Келегорма и Куруфина из Нарготронда и о нежелании Ородрета позволить убить их; и здесь же наконец-то упоминается – возможно, записано в тот самый момент, когда этот элемент был придуман, – о нападении на Берена и Лутиэн, когда Феаноринги ехали из Нарготронда. Подразумевается, что Хуан покинул Келегорма; Берен получает кинжал Куруфина, – этому кинжалу предстоит заменить нож из кухонь Тевильдо в качестве инструмента, с помощью которого Берен вырезает Сильмариль из Железной Короны; именно Хуан раздобывает волчью шкуру, а затем произносит свою прощальную речь.

На странице, заполненной крайне неразборчивым карандашным текстом («Краткое содержание IV»), видно, как разрабатывались дальше эти новые элементы:

Сердце Берена полнится грустью. Он говорит, что привел Тинувиэль к границе ее земли, где она в безопасности. Увы, они расстаются во второй раз. Она говорит, что из этой земли она сама бежала и спаслась только затем, чтобы быть с ним – однако она признает, что ее сердце тоскует по Дориату и по Мелиан тоже, но не по Дориату без него. Он повторяет свои собственные слова, сказанные Тинголу: «Ни Морготово пламя и т.д.» – и говорит, что не может (даже если Тингол позволит) вернуться с пустыми руками ... она отказывается возвращаться. Она станет блуждать в лесах – и если он не возьмет ее с собой, она последует за ним вопреки его воле. Он протестует – в этот самый момент подъезжают Келегорм и Куруфин, ища дорогу на Север [вычеркнуто на момент написания: в объезд Дориата через Горгорот] между Дориатом и Таур-на-Фуин к ущелью Аглон и их собственной родне.

Они мчатся вперед и пытаются затоптать Берена под копытами. Куруфин, нагнувшись, подхватывает Лутиэн в седло. Берен отпрыгивает в сторо-

271

272

 $\frac{272}{273}$

ну и прыгает Куруфину на шею, [? опрокидывая] его вниз. Келегорм с копьем подъезжает, дабы убить Берена. Вмешивается Хуан: разгоняет народ и собак [? братьев] и не подпускает Келегорма, пока Берен борется с Куруфином и душит его; тот теряет сознание. Берен забирает его оружие – в частности его магический кинжал, – и велит ему сесть в седло и убираться восвояси. Они уезжают. Хуан остается с Береном и Лутиэн и покидает своего хозяина [? навсегда]. Келегорм внезапно разворачивается и стреляет в Хуана; конечно же, стрела падает, не причинив ему вреда, но Куруфин стреляет в Берена (и Лутиэн) [изменено на: стреляет в Лутиэн] и ранит Берена.

Лутиэн исцеляет Берена. Они рассказывают Хуану о своих сомнениях и спорах, Хуан уходит и приносит с Острова Чародея шкуры волка и летучей мыши. Хуан заговаривает в последний раз.

Они готовятся отправиться в Ангбанд.

Этот набросок со всей очевидностью подготавливался как план Песни 10 «Лэ», потому что следующая за ним часть краткого содержания озаглавлена «11».

Здесь добавляется новый элемент сюжета: Берен и Лутиэн приходят к границам Дориата; но эпизод, в котором Берен, будучи исцелен, уходит один, оставив Лутиэн на Хуана, пока еще не возник. Рассказ о драке с Келегормом и Куруфином пока еще немного отличается от финального варианта, но по большей части детали происходящего не менялись в сравнении с тем, как эпизод был впервые (как мне кажется) изложен на этой странице. Не упоминается о том, что Берен забрал у Куруфина коня, верхом на котором впоследствии в одиночестве уедет на север к Анфауглиту; и эпизод с выстрелом из лука тоже отличается в некоторых подробностях: в кратком содержании Келегорм целился в Хуана, а Куруфин (у которого, по-видимому, остался лук, при том, что Берен отобрал у него все оружие) – в (Берена и) Лутиэн. Упоминается также «народ», последовавший за братьями из Нарготронда.

В этом наброске впервые встречается название Горгорот.

Существует еще один набросок («Краткое содержание V»), состоящий из четырех страниц с заключительной частью некоего текста, от которого не сохранилось первой части; он начинается с заголовка «продолжение 10-й»: это со всей очевидностью номер Песни, хотя его содержание выходит далеко за рамки финала Песни X в «Лэ».* Текст начинается с исцеления раны Берена.

Хуан приносит целительную траву, Лутиэн и пес выхаживают Берена в лесу, построив шалаш из ветвей. Выздоравливающий Берен по-прежнему намерен продолжать свой поход. Однако Лутиэн предсказывает, что все они расстанутся с жизнью, если пойдут дальше. Но иначе Берен отказывается вернуться в Дориат. Равно как он и Хуан отказываются отправиться в Нарготронд или удержать при себе Лутиэн вопреки воле Тингола, потому что тогда неизбежно вспыхнет война между эльфом и эльфом, [? даже] если Ородрет даст им убежище. «Тогда почему нам не жить здесь, в лесу?» – молвит Лутиэн. Потому, что за пределами Дориата опасно, рыщут орки и Моргот наверняка теперь знает о скитаниях Лутиэн.

^{*} Возможно также, что «продолжение 10-й» означает только то, что отец начал «Краткое содержание V» с этого момента, т.к. уже дошел приблизительно до строки 3117 в создании «Лэ», когда приступил к наброску краткого содержания.

Однажды ранним утром Берен тайком уезжает верхом на коне Куруфина и достигает окраины Таур-на-Фуин.

Здесь наконец появляется новый элемент сюжета: Берен уезжает в одиночестве.

273 274

Эпизод с изгнанием Келегорма и Куруфина из Нарготронда в «Лэ» очень близко воспроизведен в «Сильмариллионе» (вплоть до дословных формулировок, как, например, «ни хлеб, ни приют»); однако, в «Лэ» братья уезжают не одни (строки 2914–2915) – эта подробность присутствует в «Кратком содержании IV», в то время как в «Сильмариллионе», со всей очевидностью, за братьями никто не следует.*

Спор между Береном и Лутиэн, прерванный появлением Келегорма и Куруфина (строки 2930-2982) со всей очевидностью основан на плане, приведенном в «Кратком содержании IV» (стр. 172); он же вновь возникает и в «Сильмариллионе», хотя и в изрядно сокращенном и измененном виде. Драка с Келегормом и Куруфином также восходит к «Краткому содержанию IV» и воспроизведена в прозаическом варианте «Сильмариллиона» - с такими подробностями, как: Берена проклинают «под облаками и небом», а кинжал, разрезающий железо как молодое дерево, Куруфин носит на поясе без ножен. В «Лэ» клинок становится оружием гномьей работы из Ногрода, хотя ни кинжал, ни его создатель по имени пока что не названы. В «Лэ» предательские стрелы выпускает Келегорм; в «Сильмариллионе» - Куруфин, взяв лук Келегорма; подлое деяние приписывается наиболее злобному (и со всей очевидностью также наиболее умному) из двух братьев – в этой Песни ему придано обличие, подобающее коварному злодею: «с лукавыми, тонкими губами» (2905). Фраза в строке 3103 «и люди помнили [о стреле] в пору Похода» является отсылкой на Союз Майдроса перед Битвой Бессчетных Слез.

Второй спор между Береном и Лутиэн после того, как Берен оправился от раны, восходит к «Краткому содержанию V»; в «Сильмариллионе» этот элемент отсутствует, хотя явно значим как иллюстрация твердой решимости Берена, несмотря на все уговоры Лутиэн отказаться от попыток добыть камень.

В этой Песни появляются два новых топонима: холм Химлинг (позже Химринг), возвышающийся к востоку от ущелья Аглон (2994), и река Миндеб: их описание, по всей видимости, содержится только в строках 2924–2925 (и в переработанных стихах, приведенных на стр. 360), и нигде больше.

Любопытный элемент сюжета, – особый интерес Моргота к Лутиэн (так что он даже посылает Болдога, предводителя орков, в Дориат захватить девушку, строки 2127–2136), – снова возникает в этой Песни (3198–3201).

В самом начале Песни в описании погребения Фелагунда содержится отсылка на его посмертную судьбу без упоминания Мандоса (см. стр. 259):

в то время как Фелагунд смеется под деревьями

в Валиноре, и больше не приходит

в этот сумрачный мир слез и войны.

^{*} Упоминание в «Сильмариллионе» о том, что Келебримбор, сын Куруфина, в ту пору остался в Нарготронде и отрекся от своего отца, возникло гораздо позже.

ΧI

Здесь некогда в степную гладь Свою серебряную рать Король Финголфин вел на бой: Сияли кони белизной, Слепил глаза клинков металл И каждый щит луной блистал. Пропели трубы: горд и смел, Их вызов к облакам летел Над башней северной средь скал, Где Моргот бдил и выжидал.

Потоки ярого огня Исторглись в ночь, воспламеня Равнину, что, белым-бела, До горизонта пролегла, И заалел небесный свод. Следили с Хитлумских высот, Как плещет пламя, чад и дым Клубятся облаком густым И душат звезды в небесах. Равнина обратилась в прах, В пустыню мертвую. На ней Белеют кости меж камней, Пыль вьется, да песок шуршит. Край Жаждущий, Дор-на-Фауглит, Назвали тот проклятый край: Там слышится вороний грай Над кладбищем, где полегли Храбрейшие сыны земли. Туда с нагорья сходит склон, -С высот, известных с тех времен Как Смертная Ночная Мгла: Там сосны вскинули крыла, Оперены плюмажем тьмы, Черны, угрюмы и прямы, Подобны мачтам, что взнесли Немые смерти корабли, Одеты черной пеленой, Влекомы призрачной волной.

ΧI

Once wide and smooth a plain was spread, where King Fingolfin proudly led his silver armies on the green, his horses white, his lances keen; his helmets tall of steel were hewn, 3250 his shields were shining as the moon. There trumpets sang both long and loud, and challenge rang unto the cloud that lay on Morgoth's northern tower, while Morgoth waited for his hour. 3255

Rivers of fire at dead of night in winter lying cold and white upon the plain burst forth, and high the red was mirrored in the sky.

From Hithlum's walls they saw the fire, 3260

the steam and smoke in spire on spire leap up, till in confusion vast the stars were choked. And so it passed, the mighty field, and turned to dust, to drifting sand and yellow rust, 3265 to thirsty dunes where many bones lay broken among barren stones. Dor-na-Fauglith, Land of Thirst, they after named it, waste accurst, the raven-haunted roofless grave 3270 of many fair and many brave. Thereon the stony slopes look forth from Deadly Nightshade falling north, from sombre pines with pinions vast, black-plumed and drear, as many a mast 3275

of sable-shrouded ships of death slow wafted on a ghostly breath.

275

~~276~~

Со склона Берен оглядел Пустынный выжженный предел И дальних башен грозный строй Под Тангородримской горой. Голодный конь, понурясь, встал. Мрак леса страх ему внушал; На пустошь, где прошел огонь, Впредь ни один не ступит конь. «Конь, что хозяина добрей, Простимся здесь! Гляди бодрей! – Промолвил Берен. – Убегай В зеленый Сирионский край, Где пала крепость колдуна, Где свежая трава вкусна, Где воды сладки и чисты, И если Куруфина ты Вновь не отыщешь – не грусти! Пусть уведут тебя пути В угодья, где олень и лань На воле странствуют! Воспрянь Вдали от тягот и войны; Смотри о Валиноре сны, Откуда твой могучий род Начало исстари ведет, В угодьях Тавроса рожден».

И Берен, опустясь на склон, Запел в тиши – напев не молк, Пусть рядом рыщут орк и волк, Пусть твари в сумерках лесных Крадутся – не страшился их Тот, кто, надежду схороня, Сказал «прости» сиянью дня.

«Прощай, листва, что поутру Слагает песни на ветру; Цветок, сменяющий бутон В извечной череде времен; Журчащий по камням поток, И пруд, недвижен и глубок! Прощайте, горы и луга, Ветра, и тучи, и снега,

Thence Beren grim now gazes out across the dunes and shifting drought, and sees afar the frowning towers 3280 where thunderous Thangorodrim lowers. The hungry horse there drooping stood, proud Gnomish steed; it feared the wood; upon the haunted ghastly plain no horse would ever stride again. 3285 'Good steed of master ill,' he said, 'farewell now here! Lift up thy head, and get thee gone to Sirion's vale, back as we came, past island pale where Thû once reigned, to waters

sweet 3290

and grasses long about thy feet.
And if Curufin no more thou find,
grieve not! but free with hart and hind
go wander, leaving work and war,
and dream thee back in Valinor,
whence came of old thy mighty race
from Tayros' mountain-fencéd chase.'

There still sat Beren, and he sang, and loud his lonely singing rang.
Though Orc should hear, or wolf

a-prowl, 3300

or any of the creatures foul within the shade that slunk and stared of Taur-na-Fuin, nought he cared, who now took leave of light and day, grim-hearted, bitter, fierce and fey. 3305

'Farewell now here, ye leaves of trees, your music in the morning-breeze!
Farewell now blade and bloom and grass that see the changing seasons pass; ye waters murmuring over stone, 3310 and meres that silent stand alone!
Farewell now mountain, vale, and plain!
Farewell now wind and frost and rain,

276 277

Дождь и тумана пелена; Звезда и ясная луна, Что будут свет струить с высот, Пусть даже Берен и умрет, Пусть даже суждено ему Во тьме подземной и в дыму, Где гаснет даже эха звук, Томиться в ожиданье мук. Прощай, земля; прощай, страна, Навеки благословлена, Ведь здесь, под Солнцем и Луной, Ступала легкою стопой По тропам северных земель Ты, Лутиэн Тинувиэль! Пусть сущий мир постигнет крах, Пусть рухнет он, падет во прах И в хаос будет погружен Вне бытия и вне времен – Но были созданы не зря Рассвет, закат, леса, моря; Ведь мир обрел свои черты, Чтоб в этот мир явилась ты!»

Он, к небесам воздев клинок, Слал вызов, горд и одинок, Оплоту Морготова зла И клял Врага: его дела, Его твердыни высоту, Его железную пяту, Исток, начало и финал, – И вниз по склону зашагал, Бесстрашен и ожесточен.

«О Берен, Берен! – слышит он. Не поздно ль я тебя нашла? О воин, чья душа смела, Дух стоек и рука крепка, – Не расстаемся мы пока! Нет, Берен, знай: эльфийский род Свою любовь не предает! Моя любовь – твоей под стать – С твердыней смерти воевать

and mist and cloud, and heaven's air; ye star and moon so blinding-fair 3315 that still shall look down from the sky on the wide earth, though Beren die though Beren die not, and yet deep, deep, whence comes of those that weep no dreadful echo, lie and choke 3320 in everlasting dark and smoke. 'Farewell sweet earth and northern sky, for ever blest, since here did lie, and here with lissom limbs did run, beneath the moon, beneath the sun, 3325 Lúthien Tinúviel more fair than mortal tongue can tell. Though all to ruin fell the world, and were dissolved and backward hurled unmade into the old abyss, yet were its making good, for this the dawn, the dusk, the earth, the sea that Lúthien on a time should be!'

His blade he lifted high in hand, and challenging alone did stand 3335 before the threat of Morgoth's power; and dauntless cursed him, hall and tower, o'ershadowing hand and grinding foot, beginning, end, and crown and root; then turned to stride forth down the slope 3340

abandoning fear, forsaking hope.

'A, Beren, Beren!' came a sound,
'almost too late have I thee found!
O proud and fearless hand and heart,
not yet farewell, not yet we part!
3345
Not thus do those of elven race
forsake the love that they embrace.
A love is mine, as great a power
as thine, to shake the gate and tower

Способна, сколько хватит сил; Чего бы рок ей ни судил, Все сможет выдержать она, Пусть даже будет сметена В провал предвечной темноты. Глупец любимый! Тщишься ты Бежать меня; в мощь чар почти Не веря, от любви спасти Свою любимую, – но ей Смерть и страдания милей, Чем чахнуть в клетке золотой Бескрылой пленницей, – судьбой Назначено, чтоб я, любя, Подмогой стала для тебя!»

Так Лутиэн к нему пришла: Меж степью, выжженной дотла, И чащей, вне путей людских Судьба соединила их. И Берен девушку привлек К груди, и с поцелуем рёк, Не размыкая рук кольцо И глядя в нежное лицо: «Я трижды свой кляну обет, Тебя увлекший мне вослед! Но где же Хуан-волкодав? Я с ним простился, наказав, Чтоб он, кто так тебя любил, Тебе во всем зашитой был И удержать тебя помог От здешних гибельных дорог!»

«Не знаю! Только пес добрей Сурового вождя людей, И просьбам больше склонен внять! Однако ж снова и опять Я умоляла, чтобы пес Меня к тебе скорей отнес. Не сыщешь лучше скакуна, – Шаг легок, широка спина! Да ты бы рассмеялся сам – Мы по болотам и лесам

of death with challenge weak and

frail 3350

that yet endures, and will not fail nor yield, unvanquished were it hurled beneath the foundations of the world. Beloved fool! escape to seek from such pursuit; in might so weak 3355 to trust not, thinking it well to save from love thy loved, who welcomes grave and torment sooner than in guard of kind intent to languish, barred, wingless and helpless him to aid 3360 for whose support her love was made!'

Thus back to him came Lúthien:
they met beyond the ways of Men;
upon the brink of terror stood
between the desert and the wood. 3365 277
He looked on her, her lifted face 278
beneath his lips in sweet embrace:
'Thrice now mine oath I curse,' he said,
'that under shadow thee hath led!
But where is Huan, where the hound 3370
to whom I trusted, whom I bound
by love of thee to keep thee well
from deadly wandering unto hell?'

'I know not! But good Huan's heart is wiser, kinder than thou art, 3375 grim lord, more open unto prayer! Yet long and long I pleaded there, until he brought me, as I would, upon thy trail – a palfrey good would Huan make, of flowing pace: 3380 thou wouldst have laughed to see us race,

Как орк – на волке, во всю мочь Неслись вперед за ночью ночь. Когда же в сумрачном краю Я услыхала песнь твою, (И каждым словом – Лутиэн Ты громко славил, дерзновен, Злых тварей словно бы дразня), – Тогда на землю пес меня Ссадил – и тут же без следа Исчез не ведаю куда».

Но вскоре пес пришел назад, Дыша с трудом, как пламя –

взгляд,

Тревожась – как бы хищный зверь На деву не напал. Теперь Сложил он к их ногам в траве Два подношенья – шкуры две С развалин башни: волчий мех – Косматый, с множеством прорех Плащ Драуглуина – шерсть его Встарь напитало колдовство; И с ним – нетопыря наряд С крылами мощными: торчат На сочленениях шипы Как заостренные серпы. Как гряды облаков, темны, Такие крылья свет луны Порою застят на лету, Когда спешат посланцы Ту Из Смертной Мглы.

- «Что ты принес, О Хуан? - задает вопрос Псу Берен. – Памятный трофей Победы доблестной твоей? Что от него за прок в глуши?» И пес заговорил в тиши, И слышался в звучанье слов Звон Валмарских колоколов:

«Ты должен, хочешь или нет, Украсть бесценный самоцвет, - as Orc on werewolf ride like fire night after night through fen and mire, through waste and wood! But when I heard thy singing clear – (yea, every word of Lúthien one rashly cried, and listening evil fierce defied) -, he set me down, and sped away; but what he would I cannot say.'

Ere long they knew, for Huan came, 3390 his great breath panting, eyes like flame, in fear lest her whom he forsook to aid some hunting evil took ere he was nigh. Now there he laid before their feet, as dark as shade, 3395 two grisly shapes that he had won from that tall isle in Sirion: a wolfhame huge - its savage fell was long and matted, dark the spell that drenched the dreadful coat and

skin, 3400

the werewolf cloak of Draugluin; the other was a batlike garb with mighty fingered wings, a barb like iron nail at each joint's end such wings as their dark cloud extend 3405 against the moon, when in the sky from Deadly Nightshade screeching fly Thû's messengers.

'What hast thou brought, good Huan? What thy hidden thought? Of trophy of prowess and strong

when Thû thou vanquishedst, what need here in the waste?' Thus Beren spoke, and once more words in Huan woke: his voice was like the deeptoned bells that ring in Valmar's citadels: 3415

'Of one fair gem thou must be thief, Morgoth's or Thingol's, loath or lief;

278 ~~279~~

Сокровище, каким богат Иль Ангбанд – или Дориат. Любовь иль клятва – выбирай! Но если выбрал клятву – знай, Что или Лутиэн умрет Одна – или с тобой в поход Пойдет, ведомая судьбой, Чтоб вместе вызвать смерть на бой. Надежды ваш поход лишен, Но не вполне безумен он, Коль Берен переменит вид, А не бездумно поспешит На гибель: смертного наряд От смерти защитит навряд. План Фелагунда был хорош, Но станет лучше, коль дерзнешь, Внять моему совету ты: Вам должно изменить черты. Сокройте вашу красоту Личиной волколака Ту И гнусного нетопыря, Что призраком в ночи паря, Роняет тень когтистых крыл. Вы любы мне, я вам служил, -Увы! Ваш путь завел в беду, Яж с вами дальше не пойду – Кто видел, чтоб, друзьями став, Шли с волколаком волкодав К ужасным Ангбандским вратам? Но я провижу: то, что там Вы встретите, пройдя порог, Судил и мне увидеть рок, Пусть мне заказан путь до врат. Темна надежда, мстится взгляд, И в будущее заглянуть Не в силах я. Быть может, путь Вас, паче чаянья, ведет Назад, под Дориатский свод, И может статься, мы втроем Там встретимся перед концом».

thou must here choose twixt love and oath!

If vow to break is still thee loath, then Lúthien must either die 3420 alone, or death with thee defie beside thee, marching on your fate that hidden before you lies in wait. Hopeless the quest, but not yet mad, unless thou, Beren, run thus clad 3425 in mortal raiment, mortal hue, witless and redeless, death to woo. 'Lo! good was Felagund's device, but may be bettered, if advice of Huan ye will dare to take, 3430 and swift a hideous change will make to forms most curséd, foul and vile, of werewolf of the Wizard's Isle. of monstrous bat's envermined fell with ghostly clawlike wings of hell. 3435 'To such dark straits, alas! now brought are ye I love, for whom I fought. Nor further with you can I go whoever did a great hound know in friendship at a werewolf's side to Angband's grinning portals stride? Yet my heart tells that at the gate what there ye find, 'twill be my fate myself to see, though to that door my feet shall bear me nevermore. 3445 Darkened is hope and dimmed my eyes, I see not clear what further lies; yet maybe backwards leads your path beyond all hope to Doriath, and thither, perchance, we three shall

wend, 3450

279

~~280~~

and meet again before the end.'

Внимали путники, дивясь, Как речь чеканная лилась; Вдруг пес исчез, умчался прочь, И над землей сгустилась ночь.

И пса послушались они:
Чтоб стать чудовищам сродни,
Личина жуткая ждала –
Мех волчий, черные крыла.
Соткала чары Лутиэн,
Чтоб в ходе страшных перемен
Безумье в души не вошло;
Заклятьями смиряя зло,
Сплетала вязь волшебных пут,
И в полночь был закончен труд.

В обличье волчьем, видом – дик, Ждал Берен, вывалив язык И скалясь, но на дне зрачка Плескались мука и тоска; Глядит он в ужасе сквозь тьму, Как нетопырь подполз к нему, Влача тугие складки крыл. Волк встрепенулся, прянул, взвыл: От камня к камню мчится он По склону вниз – летит вдогон Оставив позади холмы, Крылатый морок, сгусток тьмы.

Зыбучей серой пеленой Равнина Жажды под луной, Легла, уныла и гола: Сплошь шлак, и пепел, и зола, Осколки пористых камней, Песок да крошево костей. По ней, пыля, бредет теперь Исчадье ада, жуткий зверь. Забрезжил утра бледный блик, Но впереди – немало лиг; Сгустилась ночь, осела пыль, Но впереди – немало миль.

They stood and marvelled thus to hear his mighty tongue so deep and clear; then sudden he vanished from their sight even at the onset of the night.

3455

His dreadful counsel then they took, and their own gracious forms forsook; in werewolf fell and batlike wing prepared to robe them, shuddering. With elvish magic Lúthien wrought, 3460 lest raiment foul with evil fraught to dreadful madness drive their hearts; and there she wrought with elvish arts a strong defence, a binding power, singing until the midnight hour. 3465

Swift as the wolvish coat he wore,
Beren lay slavering on the floor,
redtongued and hungry; but there lies
a pain and longing in his eyes,
a look of horror as he sees 3470
a batlike form crawl to its knees
and drag its creased and creaking wings.
Then howling undermoon he springs
fourfooted, swift, from stone to stone,
from hill to plain – but not alone: 3475
a dark shape down the slope doth skim,
and wheeling flitters over him.

Ashes and dust and thirsty dune withered and dry beneath the moon, under the cold and shifting air 3480 sifting and sighing, bleak and bare; of blistered stones and gasping sand, of splintered bones was built that land, o'er which now slinks with powdered fell and hanging tongue a shape of hell. 3485 Many parching leagues lay still before when sickly day crept back once more; many choking miles yet stretched ahead when shivering night once more was spread

 $\frac{280}{281}$

Трепещут тени; тишина Зловещих шорохов полна. И вновь рассвет встает в чаду. Волк, изнурен, в полубреду, Добрел, шатаясь, слеп и хром, К предгорьям Севера. На нём Свернулась, подобрав крыла, Тварь, чьи угодья – ночи мгла.

Воздвиглись скалы, как клыки, Как когти, остры и крепки, И хищно сжали с двух сторон Злосчастный путь: вел дальше он К чертогам в глубине Горы, В туннели, залы и дворы. Прокрались в сумрачную тень И там, пережидая день, Вервольф с нетопырем в пыли Вблизи дороги залегли. Им снились сны про Дориат, Про песни, смех и аромат, Разлитый в воздухе вокруг, И трели птиц, и дуб, и бук. Они проснулись. Всколыхнул Глухое эхо тяжкий гул Подземных кузней, и, взбурля, Под ними дрогнула земля. Раздался топот о песок Подкованных железом ног: Шла банда орков на разбой – Вели их балроги с собой.

Под вечер волк с нетопырем По склону начали подъем Сквозь чад, и тучи, и дымы, – Как и пристало тварям тьмы. Кричали коршуны со скал, И тут и там зиял провал, Над трещинами меж камней Вились дымы, как клубы змей; Мрак, неподвижен и глубок,

with doubtful shadow and ghostly sound 3490

that hissed and passed o'er dune and mound. A second morning in cloud and reek struggled, when stumbling, blind and weak, a wolvish shape came staggering forth and reached the foothills of the North; 3495 upon its back there folded lay a crumpled thing that blinked at day.

The rocks were reared like bony teeth, and claws that grasped from opened sheath, on either side the mournful road 3500 that onward led to that abode far up within the Mountain dark with tunnels drear and portals stark. They crept within a scowling shade, and cowering darkly down them laid. 3505 Long lurked they there beside the path, and shivered, dreaming of Doriath, of laughter and music and clean air, in fluttered leaves birds singing fair. They woke, and felt the trembling sound, 3510

the beating echo far underground shake beneath them, the rumour vast of Morgoth's forges; and aghast they heard the tramp of stony feet that shod with iron went down that

street: 3515

the Orcs went forth to rape and war, and Balrog captains marched before.

They stirred, and under cloud and shade at eve stepped forth, and no more stayed; as dark things on dark errand bent 3520 up the long slopes in haste they went. Ever the sheer cliffs rose beside, where birds of carrion sat and cried; and chasms black and smoking yawned, whence writhing serpent-shapes were spawned; 3525

282

Навис как беспощадный рок
Под Тангородримской стеной
И душной затопил волной
Рокочущие недра гор.
Вступили двое, как во двор
В кольце утесов и твердынь,
В предел последней из пустынь,
Что, неприветна и тускла,
Мертвящей лентой пролегла
К последней крепостной стене
Чертогов Бауглира. Извне,
Под сенью каменных громад,
Густела тень гигантских врат.

until at last in that huge gloom, heavy as overhanging doom, that weighs on Thangorodrim's foot like thunder at the mountain's root, they came, as to a sombre court 3530 walled with great towers, fort on fort of cliffs embattled, to that last plain that opens, abysmal and inane, before the final topless wall of Bauglir's immeasurable hall, 3535 whereunder looming awful waits the gigantic shadow of his gates.

*

ПРИМЕЧАНИЯ

3249-3253 Ср. начало «Лэ», строки 5-10.

3267 Напротив этой строки вписана дата: «26 сент. 1930 г.». Предыдущая дата – «25 сент. 1930 г.» – значилась напротив строки 3220.

3297 $Tavros\ [Taвpoc] > Tauros\ [Taypoc]\ «В»: см. примечания к строкам 891, 904; 2246. 3303 <math>Taur-na$ - $Fuin\ [Tayp-на$ - Φ уин] > Taur-nu- $Fuin\ [Tayp-ну$ - Φ уин] «В» (поздняя правка).

3401 Draugluin [Драуглуин] появляется здесь в тексте «А» (см. стр. 258).

3414-3415 Ср. строки 2258-2259.

3419–3423 Переход от *thee* ['ты', 2 л.ед.ч., архаичн.ф.] к *your* ['ваш', 2 л., мн.ч.] и *you* ['вы', 2 л., мн.ч.] сделан намеренно: он показывает, что Хуан теперь обращается и к Берену, и к Лутиэн – к обоим.

3478 Напротив этой строки вписана дата: «27 сент. 1930 г.».

Комментарии к Песни XI

В самом раннем варианте сюжета этой Песни описывается, как Тинувиэль зашивает на Берене кошачью шкуру Ойкероя и обучает его кошачьим повадкам; сама она обличие не изменяет. О путешествии к Ангаманди говорится очень мало, зато описано их приближение к воротам:

Наконец, однако, приблизились они к Ангаманди, как подсказали им грохот и подземный гул, и звон могучих молотов десяти тысяч кузнецов, ни на минуту не прекращающих своей работы. Уже недалеко были чертоги скорби, где рабы-нолдоли трудились, изнемогая, под присмотром орков и горных гоблинов; столь непроглядная тьма и мрак царили там, что сердца путников дрогнули ... (II. 31).

В «Кратком содержании I» и «II» о путешествии практически ничего не рассказывается, помимо простой констатации факта (стр. 270). В исправленном виде «Краткое содержание III» приближается к финальному варианту истории о «волчьем мехе» и прощании с Хуаном (стр. 272); этот набросок продолжается так:

282 283

Над ними возвышается Тангородрим. Слышен грохот; пар и испарения вырываются из трещин в скале. Десять тысяч кузнецов стучат молотами – они проходят подвалы, где рабы-номы трудятся без устали. Мрак проникает им в души.

Этот текст примечательно близок к процитированному выше фрагменту из «Сказания о Тинувиэли».

«Краткое содержание IV» (стр. 273) ничего к этому не прибавляет; после «Они готовятся идти в Ангбанд» далее рассказывается о событиях в Дориате и о посольстве к Тинголу от Келегорма: на этой стадии мой отец собирался ввести историю с посольством до ангбандского приключения, и в данном наброске о таковом практически ничего не говорится.

Остается «Краткое содержание V», план которого для Песни «10» приводился на стр. 273 вплоть до: «Однажды ранним утром Берен тайком уезжает верхом на коне Куруфина и достигает окраины Таур-на-Фуин»; именно здесь впервые говорится о том, что Берен уезжает один. План продолжается, по-прежнему под заголовком «Песнь 10»:

Оттуда он смотрит на Тангородрим и поет песнь прощания с землей и светом, и с Лутиэн. Но тут появляются Лутиэн и Хуан! С помощью пса она последовала за ним; более того, с Острова Чародея Хуан принес волчий мех и шкуру летучей мыши. [Вычеркнуто в процессе написания: Берен сажает Лутиэн на коня, и они скачут через Таур-на-Фуин.]* Берен отпускает Куруфинова коня на волю, и тот галопом уносится прочь. И вот Берен принимает обличие волколака, а Тинувиэль – летучей мыши. Тогда Хуан прощается с ними. И говорит. Ни один пес не может ходить бок о бок с волколаком – в земле Моргота я для вас скорее опасен, нежели в помощь. Однако ж то, что вы увидите у врат Ангбанда, я, вероятно, тоже увижу, пусть судьба моя и не ведет к тем дверям. Темна надежда и затмился мой взор, однако ж, возможно, провижу я, что твои пути снова выведут оттуда. На том пес исчезает. Они пускаются в тяжкий путь. Тангородрим нависает над ними ... ... в дымных его предгорьях.

Здесь заканчивается набросок к «Песни 10» в «Кратком содержании V».

В структуре сюжета в «Лэ» есть примечательное отличие от варианта «Сильмариллиона» (стр. 178–179): в «Лэ» в тот момент, когда Лутиэн находит Берена, Хуан отсутствует (он отправился на Остров Чародея за волчьим мехом и шкурой летучей мыши) – Лутиэн не знает, куда пес делся – но чуть позже он возвращается. Однако в прозаической версии Хуан и Лутиэн приходят вместе,

^{*} На самом деле, Берен, по всей видимости, находился на северной окраине Таур-на-Фуин, когда Лутиэн и Хуан его нагнали, поскольку «он смотрит на Тангородрим».

и облачены они в «чудовищную шкуру Драуглуина и крылья летучей мыши Турингветиль» - это зрелище повергает Берена в ужас. Версия «Сильмариллиона» возвращается к «Краткому содержанию V», во всяком случае, в том, что касается одновременного появления Хуана и Лутиэн («Но тут появляются Лутиэн и Хуан», стр. 128).

В «Лэ» про крылья летучей мыши говорится лишь то, что на таковых летают посланцы Ту; они не ассоциируются с каким-либо конкретным или главным гонцом (с Турингветилью, «посланницей Саурона»).

Но во всем остальном прозаическая версия близко следует «Лэ»: как и прежде, в ней сохраняются целые фразы и формулировки («between the desert and the wood» [между пустыней и лесом], «Thrice now I curse my oath» [Я трижды ныне проклинаю свою клятву], «fingered wings... barbed at each joint's end» [перепончатые крылья... с шипом на каждом сочленении], «the bat wheeled and flittered above him» [летучая мышь кружила и порхала над ним]); а речь Хуана вторит соответствующему фрагменту из «Лэ».

Из речи Берена, обращенной к коню (3288–3290):

убегай в долину Сириона, назад, откуда мы пришли, мимо бледного острова, где некогда правил Ту

становится ясно, что, так же, как и в «Сильмариллионе», «вновь поскакал Берен на север, к ущелью Сириона; и, добравшись до окраин Таур-ну-Фуин, окинул взглядом пустошь Анфаунглит». В «Лэ» не говорится, как именно там оказались Хуан и Лутиэн, но в «Сильмариллионе», «облаченные в эти жуткие одежды», они «мчались сквозь Таур-ну-Фуин, и все живое в страхе бежало от них».

Битва Внезапного Пламени (строки 3256 и далее) описывалась в «Лэ» выше (строки 1678 и далее), но прежде не говорилось о том, что северная равнина некогда была зеленой и травянистой (3246-3248) и превратилась в пустыню после того, как «потоки огня ... / исторглись на равнину».

Слова Берена, обращенные к коню Куруфина (3295–3297):

переносись во сне в Валинор, откуда издревле явился твой могучий род

ср. с отрывком из «Сильмариллиона» (стр. 144), где говорится, что «предки» коней хитлумских нолдор, разъезжавших по равнине Ард-гален, по большей части были родом из Валинора.

XII

Здесь встарь, глубокой мглой укрыт, Стоял Финголфин; синий щит Хрустальным отблеском, горда, Венчала яркая звезда. Тоской и гневом ослеплен,

XII

In that vast shadow once of yore Fingolfin stood: his shield he bore with field of heaven's blue and star 3540 of crystal shining pale afar. In overmastering wrath and hate

В ворота зла ударил он -Бесстрашный номов властелин. Средь мрачных башен и вершин Звенел, теряясь, одинок, С зеленой перевязью рог. Финголфин от подножья скал Свой безнадежный вызов слал: «Приди, врата открыть вели, Проклятье неба и земли! Приди, тиран, сразись со мной Своим мечом, своей рукой! Ты, трус из крепости-тюрьмы, Ты, злобное исчадье тьмы, Ты, недруг эльфов и Богов, Кто в битву посылать рабов Из-под защиты стен привык! Я жду. Приди! Яви свой лик!»

И Враг пришел. Глубинный трон За годы битв покинул он В последний раз; тяжелый шаг Будил, тревожа сонный мрак, Рокочущий подземный гул. Железом венчан, он шагнул Вслед тени, за пределы врат -Закованный в сталь черных лат, И с черным, без герба, щитом. Над лучезарным королем Навис он тучей и подъял Гронд, молот преисподней. Пал Вниз молот смерчем огневым, Сминая скалы. Взвился дым, И, камень гор разъединя, Взметнулись языки огня.

Финголфин, словно светлый луч, Слепящий блик под сенью туч, Отпрянул вспять, успев извлечь Разящий смертным хладом меч – Эльфийский Рингиль: край стальной Искрился льда голубизной. Семь раз врага он поражал, Семь раз крик боли сотрясал

desperate he smote upon that gate, the Gnomish king, there standing lone, while endless fortresses of stone 3545 engulfed the thin clear ringing keen of silver horn on baldric green. His hopeless challenge dauntless cried Fingolfin there: 'Come, open wide, dark king, your ghastly brazen doors! 3550 Come forth, whom earth and heaven abhors!

Come forth, O monstrous craven lord, and fight with thine own hand and sword, thou wielder of hosts of banded thralls, thou tyrant leaguered with strong walls, 3555 thou foe of Gods and elvish race! I wait thee here. Come! Show thy face!

Then Morgoth came. For the last time in those great wars he dared to climb from subterranean throne profound, 3560 the rumour of his feet a sound of rumbling earthquake underground. Black-armoured, towering, iron-crowned he issued forth; his mighty shield a vast unblazoned sable field 3565 with shadow like a thundercloud; and o'er the gleaming king it bowed, as huge aloft like mace he hurled that hammer of the underworld, Grond. Clanging to ground it tumbled 3570 down like a thunder-bolt, and crumbled the rocks beneath it; smoke up-started, a pit yawned, and a fire darted.

Fingolfin like a shooting light beneath a cloud, a stab of white, sprang then aside, and Ringil drew like ice that gleameth cold and blue, his sword devised of elvish skill to pierce the flesh with deadly chill. With seven wounds it rent his foe, and seven mighty cries of woe

284

285

Земную твердь, звеня в горах, Рать Ангбанда ввергая в страх. Со смехом орки говорят О битве у проклятых врат, -Однако эльфы в старину Помимо этой – лишь одну Сложили песнь, - когда земля Прияла тело короля, Как Торндор рек, Орел небес, -И скорбь объяла Эльфинесс. Три раза на колени был Финголфин брошен что есть сил, -И трижды вновь вставал с колен, И поднимал, непокорен, Свой иссеченный шлем и щит, Где звездный свет с металлом слит. Ни тьма, ни сила одолеть Их не смогли – покуда твердь Не испещрили тут и там Пробоины глубоких ям. Финголфин, обессилев, пал, Споткнувшись. Тяжелее скал Ступня лежащему во мгле Пригнула голову к земле. Повержен – но не побежден, Отчаянный, последний он Нанес удар – ступню рассек Лучистый Рингиль. Черный ток Из алой раны вверх, дымясь, Забил струей и хлынул в грязь. С тех пор навек остался хром Могучий Моргот. С королем Покончив, Враг скормить волкам Задумал тело по кускам. Но вот с заоблачных хребтов Вниз ринулся Король Орлов, -Недаром на заре времен Воздвигнуть поднебесный трон Ему сам Манвэ приказал, Чтоб за Врагом следить со скал! Лик Бауглиру разбивши в кровь Злаченым клювом, Торндор вновь

rang in the mountains, and the earth quook, and Angband's trembling armies shook. Yet Orcs would after laughing tell of the duel at the gates of hell; 3585 though elvish song thereof was made ere this but one - when sad was laid the mighty king in barrow high, and Thorndor, Eagle of the sky, the dreadful tidings brought and told 3590 to mourning Elfinesse of old. Thrice was Fingolfin with great blows to his knees beaten, thrice he rose still leaping up beneath the cloud aloft to hold star-shining, proud, 3595 his stricken shield, his sundered helm, that dark nor might could overwhelm till all the earth was burst and rent in pits about him. He was spent. His feet stumbled. He fell to wreck 3600 upon the ground, and on his neck a foot like rooted hills was set, and he was crushed – not conquered yet; one last despairing stroke he gave: the mighty foot pale Ringil clave 3605 about the heel, and black the blood gushed as from smoking fount in flood. Halt goes for ever from that stroke great Morgoth; but the king he broke, and would have hewn and mangled thrown 3610

to wolves devouring. Lo! from throne that Manwë bade him build on high, on peak unscaled beneath the sky,

Morgoth to watch, now down there

swooped

Thorndor the King of Eagles, stooped, 3615 and rending beak of gold he smote in Bauglir's face, then up did float

287

Под вопли орков в небо взмыл. Мощь тридцатисаженных крыл Прах короля умчала ввысь. Где цепи скал в кольцо сошлись, Вдаль, к югу, выше тех равнин, Где укрепленный Гондолин Воздвигнется меж горных гряд, Где пеленой снега лежат, -Туда, на каменный утес Орел погибшего отнес. Не смели орк и демон впредь Стопою осквернить ту твердь, Где, горным солнцем осиян, Стоял Финголфина курган, Храня скалистый перевал, -Покуда Гондолин не пал.

Так безобразный шрам возник, Что темный изувечил лик; Так охромел навеки Враг. На троне, погружен во мрак, В чертогах тайных, в толще скал Он замысел неспешно ткал Обречь на рабство целый свет. Вождь воинств, повелитель бед, Впредь недругу он и рабу Готовил страшную судьбу: Умножил трижды стражей рать, Не уставал шпионов слать Хитросплетеньями дорог От Запада и на Восток. Они из Северной земли Ему известия несли: Кто пал, кто выступил с войной, Кто покорился, кто казной Владел немалой, затаясь; Красива ль дева, горд ли князь -Все ведал Моргот, все умы Опутал паутиной тьмы. Лишь Дориат, храним от зла Плащом, что Мелиан ткала, Был недоступен для атак:

on pinions thirty fathoms wide bearing away, though loud they cried, the mighty corse, the Elven-king; and where the mountains make a ring far to the south about that plain where after Gondolin did reign, embattled city, at great height upon a dizzy snowcap white 3625 in mounded cairn the mighty dead he laid upon the mountain's head. Never Orc nor demon after dared that pass to climb, o'er which there stared Fingolfin's high and holy tomb, 3630 till Gondolin's appointed doom.

Thus Bauglir earned the furrowed scar that his dark countenance doth mar, and thus his limping gait he gained; but afterward profound he reigned 3635 darkling upon his hidden throne; and thunderous paced his halls of stone, slow building there his vast design the world in thraldom to confine. Wielder of armies, lord of woe, 3640 no rest now gave he slave or foe; his watch and ward he thrice increased, his spies were sent from West to East and tidings brought from all the North, who fought, who fell; who ventured

forth, 3645 who wrought in secret; who had hoard; if maid were fair or proud were lord; well nigh all things he knew, all hearts well nigh enmeshed in evil arts.

Doriath only, beyond the veil 3650 woven by Melian, no assail

Лишь смутным слухам верил Враг. Летела весть к его вратам О происшедшем здесь и там: Ему войной грозили вновь Семь Феаноровых сынов, И Нарготронд, и Фингон, рать Спешивший в Хитлуме собрать Под древом и холмом: о том Враг в страхе слышал день за днем; Деяньям Берена хвала Вводила в гнев и сердце жгла; А в нефах чащ звенел, не молк, Лай Хуана.

Разнесся толк

О Лутиэн – на диво всем: Одна, в лесу, что дик и нем, Она скиталась... Изумлен Поступком нежной девы, он В том Тингола провидел план. Был послан Болдог, злобный тан, С огнем и сталью в Дориат, Но был разбит его отряд, Никто не выжил; Болдог пал, И Тингол вновь торжествовал, Бахвальство Моргота презрев. И вновь сомнения и гнев Изведал Моргот: весть пришла, Что Ту повержен, остров зла Разбит, разграблен, сокрушен. Шпионов устрашился он, И в каждом орке был готов Признать лазутчика врагов. А в нефах чащ из края в край Звенел, не умолкая, лай Пса Хуана из гончих свор, Какими славен Валинор.

Тогда о Хуана судьбе Воспомнил Моргот. При себе Держал он испокон веков Злых духов в облике волков: could hurt or enter; only rumour dim of things there passing came to him. A rumour loud and tidings clear of other movements far and near 3655 among his foes, and threat of war from the seven sons of Fëanor, from Nargothrond, from Fingon still gathering his armies under hill and under tree in Hithlum's shade, 3660 these daily came. He grew afraid amidst his power once more; renown of Beren vexed his ears, and down the aisléd forests there was heard great Huan baying.

Then came word 3665 most passing strange of Lúthien wild-wandering by wood and glen, and Thingol's purpose long he weighed, and wondered, thinking of that maid so fair, so frail. A captain dire, 3670 Boldog, he sent with sword and fire to Doriath's march; but battle fell sudden upon him: news to tell never one returned of Boldog's host, and Thingol humbled Morgoth's boast. 3675 Then his heart with doubt and wrath was burned:

new tidings of dismay he learned, how Thû was o'erthrown and his strong isle broken and plundered, how with guile his foes now guile beset; and spies 3680 he feared, till each Orc to his eyes was half suspect. Still ever down the aisléd forests came renown of Huan baying, hound of war that Gods unleashed in Valinor. 3685

Then Morgoth of Huan's fate bethought long-rumoured, and in dark he wrought. Fierce hunger-haunted packs he had that in wolvish form and flesh were clad,

 $\frac{287}{288}$

Тревожил их зловещий вой Пещеры в камне под горой, И эхом рык гремел средь скал. Из них щенка Враг отобрал И выкормил его с руки, Бросая лучшие куски, От плоти эльфов и людей, -И вскоре в конуре своей Волк не вмещался; на полу Лежал он, вглядываясь в мглу, У трона Моргота; теперь Ни балрога, ни орка зверь На шаг к себе не подпускал. На славу волк попировал Под мрачным троном, теша злость, Сжирая плоть, глодая кость. Там чары пали на него, Преображая естество: Пасть – что огонь, как угли – взгляд, Дыхание – могильный смрад, – Он стал огромней и страшней, Чем звери чащ или полей, Чем твари ада и земли, Что в мир когда-либо пришли; Пред ним склонился, в свой черед, Клан Драуглуина, волчий род.

В легендах Кархаротом он, Утробой Алой наречен; В ту пору зверь из адских врат Еще не вырвался, объят Безумьем; там, где грозный свод Навис во тьме, он стережет И ждет: не меркнет ни на час Багровый свет горящих глаз, Разверста пасть, оскален клык – Чтоб не пробился, не проник, Неслышной не прошел стопой В чертоги Моргота – чужой.

Но, ло! – приметил страж – во мгле Мелькнула тварь; припав к земле,

but demon spirits dire did hold; 3690 and ever wild their voices rolled in cave and mountain where they housed and endless snarling echoes roused. From these a whelp he chose and fed with his own hand on bodies dead, 3695 on fairest flesh of Elves and Men, till huge he grew and in his den no more could creep, but by the chair of Morgoth's self would lie and glare, nor suffer Balrog, Orc, nor beast to touch him. Many a ghastly feast he held beneath that awful throne, rending flesh and gnawing bone. There deep enchantment on him fell, the anguish and the power of hell; 3705 more great and terrible he became with fire-red eyes and jaws aflame, with breath like vapours of the grave, than any beast of wood or cave, than any beast of earth or hell 3710 that ever in any time befell, surpassing all his race and kin,

288 289

Him Carcharoth, the Red Maw, name the songs of Elves. Not yet he came 3715 disastrous, ravening, from the gates of Angband. There he sleepless waits; where those great portals threatening loom his red eyes smoulder in the gloom, his teeth are bare, his jaws are wide; 3720 and none may walk, nor creep, nor glide, nor thrust with power his menace past to enter Morgoth's dungeon vast.

the ghastly tribe of Draugluin.

Now, lo! before his watchful eyes a slinking shape he far descries 3725

По хмурой пустоши ползет; Вот замерла – и вновь вперед Рванулась, с виду – волк, избит, Устал, измучен, зев раскрыт; Над волком, распахнув крыла, Летучей мыши тень плыла. Подобных тварей в замке том Немало: тут им кров и дом; Но неспокоен страж; смущен Предчувствием неясным он.

«Что за кошмар, страшней, чем ад, Поставлен Морготом у врат От чужаков стеречь порог? Немало мы прошли дорог, Чтоб смерть сама в конце пути Нам к цели не дала пройти! Но от начала наш поход Надежды не сулил. Вперед!» Так Берен обреченно рёк, Замешкавшись на краткий срок, Вервольфыим взором разглядев Издалека разверстый зев; И вновь в отчаянье спешит Меж ям, что рассекли гранит У Ангбанда, у черных скал, – Где встарь Король Финголфин пал.

Вот двое подошли к вратам. Страж, недоверчив и упрям, Рыча, метнул недобрый взгляд, И эхо дрогнуло у врат: «Лорд клана, мой тебе привет, О Драуглуин! Не вел твой след Давненько в здешние края! Своим глазам не верю я! Чудней не знал я перемен: Днесь ты усталостью согбен, Измучен, – встарь, исполнен сил, Сквозь дол и чащи ты спешил, Все сокрушая на пути! Что, трудно дух перевести,

that crawls into the frowning plain and halts at gaze, then on again comes stalking near, a wolvish shape haggard, wayworn, with jaws agape; and o'er it batlike in wide rings 3730 a reeling shadow slowly wings. Such shapes there oft were seen to roam, this land their native haunt and home; and yet his mood with strange unease is filled, and boding thoughts him

seize. 3735

'What grievous terror, what dread guard hath Morgoth set to wait, and barred his doors against all entering feet?
Long ways we have come at last to meet the very maw of death that opes 3740 between us and our quest! Yet hopes we never had. No turning back!'
Thus Beren speaks, as in his track he halts and sees with werewolf eyes afar the horror that there lies. 3745
Then onward desperate he passed, skirting the black pits yawning vast, where King Fingolfin ruinous fell alone before the gates of hell.

Before those gates alone they stood, 3750 while Carcharoth in doubtful mood glowered upon them, and snarling spoke, and echoes in the arches woke:
'Hail! Draugluin, my kindred's lord!
'Tis very long since hitherward 3755 thou camest. Yea, 'tis passing strange to see thee now: a grievous change is on thee, lord, who once so dire, so dauntless, and as fleet as fire, ran over wild and waste, but now 3760 with weariness must bend and bow!

 $\frac{289}{290}$

Коль в горло, остры и крепки, Вонзились Хуана клыки? Что за счастливый произвол Тебя живым сюда привел, Коль Драуглуин ты впрямь? А ну, Дай на тебя вблизи взгляну!»

«Как смел ты, выскочка-щенок, Посланцу преградить порог? От Ту, сокрытого в лесу, Я вести спешные несу. Прочь! Я ль войду; ты ль, страж ворот, Ступай, скажи про мой приход!»

Тогда поднялся стражник врат, И злобно вспыхнул мрачный взгляд. Волк заворчал: «О Драуглуин, Коль это ты, входи - один. Но что за странный силуэт, Таясь в тени, крадется вслед? Крылатых тварей здесь не счесть, Но мне известны все, что есть. А эта – нет. Вампир, постой! Мне не по вкусу облик твой И род твой. Отвечай, велю: Что за забота к королю Тебя, крылатый ты червяк, Ведет? Ручаюсь, что пустяк! Не будет дела никому, Войдешь ли, нет ли, я ль возьму Да раздавлю тебя, как моль, Иль крылья съем – вползи, изволь!»

Свирепый страж шагнул в проем; Взор Берена сверкнул огнем, Шерсть дыбом поднялась: преград Не ведал дивный аромат Неувядаемых цветов Из Валинора, из краев, Где длится вечная весна, Где с травами обручена Дождей искристая капель. Там, где прошла Тинувиэль,

'Tis hard to find the struggling breath when Huan's teeth as sharp as death have rent the throat? What fortune rare brings thee back living here to fare – 3765 if Draugluin thou art? Come near! I would know more, and see thee clear.'

'Who art thou, hungry upstart whelp, to bar my ways whom thou shouldst help? I fare with hasty tidings new 3770 to Morgoth from forest-haunting Thû. Aside! for I must in; or go and swift my coming tell below!'

Then up that doorward slowly stood, eyes shining grim with evil mood, 3775 uneasy growling: 'Draugluin, if such thou be, now enter in! But what is this that crawls beside, slinking as if 'twould neath thee hide? Though wingéd creatures to and fro 3780 unnumbered pass here, all I know. I know not this. Stay, vampire, stay! I like not thy kin nor thee. Come, say what sneaking errand thee doth bring, thou wingéd vermin, to the king! Small matter, I doubt not, if thou stay or enter, or if in my play I crush thee like a fly on wall, or bite thy wings and let thee crawl.'

290 291

Huge-stalking, noisome, close he came. 3790

In Beren's eyes there gleamed a flame; the hair upon his neck uprose. Nought may the fragrance fair enclose, the odour of immortal flowers in everlasting spring neath showers 3795 that glitter silver in the grass in Valinor. Where'er did pass Tinúviel, such air there went.

Зверь гнусным, дьявольским чутьем

Не мог не ощутить кругом Чудесный этот фимиам – Каким бы ни предстал глазам Обманный облик, чар покров. То Берен понимал, готов У адской бездны на краю, Дать бой – и умереть в бою. Во взглядах – ненависть и гнев: Два недруга, освирепев, Воздвиглись грозно у ворот – Лже-Драуглуин и Кархарот. Как вдруг – о чудо! – дивный дар Проснулся в деве: силу чар Богов из Западных земель Вдруг обрела Тинувиэль. Она наряд вампира прочь Легко отбросила; сквозь ночь Так ласточка взлетит в восход; Каскадом серебристых нот Высокий голос зазвучал – Так труб невидимых хорал Пронзает сердце, чист, звенящ, В прохладных нефах утра. Плащ, Руками сотканный, как дым, Как вечер, маревом густым Объявший землю, лег волной На очи чудища, покой Даря ему, и тень, и сон, Мерцаньем звездным озарен.

«Измученный, злосчастный раб, Усни, пади – бессилен, слаб, Вниз – отрешившись от страстей, От глада, боли и цепей, В забвенье вне границ и дна, В бессветный сумрак, в омут сна – На краткий час – взываю я! – Забудь о пытке бытия!»

 $\frac{291}{292}$

И взор померк, и торс обвис; Зверь рухнул – так валится вниз From that foul devil-sharpened scent its sudden sweetness no disguise 3800 enchanted dark to cheat the eyes could keep, if near those nostrils drew snuffling in doubt. This Beren knew upon the brink of hell prepared for battle and death. There threatening stared 3805

those dreadful shapes, in hatred both, false Draugluin and Carcharoth when, lo! a marvel to behold: some power, descended from of old, from race divine beyond the West, 3810 sudden Tinúviel possessed like inner fire. The vampire dark she flung aside, and like a lark cleaving through night to dawn she sprang, while sheer, heart-piercing silver, rang 3815 her voice, as those long trumpets keen thrilling, unbearable, unseen in the cold aisles of morn. Her cloak by white hands woven, like a smoke, like all-bewildering, all-enthralling, 3820 all-enfolding evening, falling from lifted arms, as forth she stepped, across those awful eyes she swept, a shadow and a mist of dreams 3825 wherein entangled starlight gleams.

'Sleep, O unhappy, tortured thrall!
Thou woebegotten, fail and fall
down, down from anguish, hatred, pain,
from lust, from hunger, bond and chain,
to that oblivion, dark and deep,
the well, the lightless pit of sleep!
For one brief hour escape the net,
the dreadful doom of life forget!'

His eyes were quenched, his limbs were loosed; he fell like running steer that noosed 3835

Бык, заарканенный петлей. Нем, неподвижен, часовой Простерся – молния подчас Так сокрушает древний вяз. and tripped goes crashing to the ground. Deathlike, moveless, without a sound outstretched he lay, as lightning stroke had felled a huge o'ershadowing oak.

*

ПРИМЕЧАНИЯ

3554 banded [связанных] «А», «В»; > branded [клейменых] «В», но мне кажется, буква r была вписана кем-то еще.

3589 *Thorndor* [Торндор] переправлено на *Thorondor* [Торондор] в «В», но мне кажется, это более позднее исправление.

3606 pinned it to earth [пригвоздил ее к земле] «А», «В»; about the heel [в области пяты] – по всей видимости, позднее исправление в «В».

3615 *Thorndor* [Торндор] впоследствии исправлено на *Thorondor* [Торондор] в «В», см. 3589.

3623 after [после] > secret [тайный] «В», более позднее исправление, внесенное, когда дата основания Гондолина была отодвинута гораздо дальше в прошлое. 3638–3639 «А»:

nor ever again to war came forth until the last battle of the North, but builded slow his mighty thought и никогда больше не выходил на войну, вплоть до последней битвы Севера, но неспешно выстраивал свой могучий замысел,

of pride and lust unfathomed wrought. сработанный из непомерной гордыни и страсти.

3650 Напротив этой строки вписана дата: «28 сент.». Предыдущая дата, «27 сент. 1930 г.», значилась напротив строки 3478.

3658 Finweg [Финвег] «А», «В», исправлено на Fingon [Фингон] «В», как в строках 1647, 1654.

3712–3713 Это двустишие в исходном варианте «А» отсутствует.

3714 «А» (в исходном варианте):

Him Carcharos, the Knife-fang, name...

[Его Кархаросом, Ножевым клыком, называют]

Carcharos затем > Carcharas [Kapxapac], и затем > Carcharoth [Kapxapot] (см. примечания к строкам 3751, 3807). На полях «А» написано Red Maw [Алая Утроба] и Caras [Карас] с еще одним, неразборчивым, словом, начинающимся с Car- [Кар-]; также Gargaroth [Гаргарот]; и Fearphantom Draugluin is his name [Страхофантом Драуглуин его имя]. Возможно, это означает, что мой отец думал использовать имя Draugluin для Волка Ангбанда, хотя оно к тому времени уже фигурировало в тексте «А» (3401): так звали огромного волка с Острова Чародея.

292

293

3751 Carcharas «А» не исправлено на Carcharoth (см. прим. к 3714).

3790 Напротив этой строки вписана дата: «30 сент. 1930 г.». Предыдущая дата, «28 сент. 1930 г.», значилась напротив строки 3650.

3807 Carcharoth «А» (рифмуется с both [оба]); см. прим. к строкам 3714, 3751.

Комментарии к Песни XII

Бо́льшая часть этой Песни ретроспективна; начинаясь с гибели Финголфина в битве с Морготом, далее она повествует о сомнениях и страхах Моргота и о том, как Моргот вырастил Кархарота. К этому времени (сентябрь 1930 года), по крайней мере, значительная часть прозаического «Сильмариллиона», возникшего из «Очерка мифологии», уже была написана, как я надеюсь показать далее; по всей видимости, рассказ о поединке Финголфина с Морготом, так, как он представлен в данной Песни, следует прозаической версии, хотя здесь встречается впервые (равно как и названия Гронд, Молот Преисподней, и Рингиль, меч Финголфина). Текст «Сильмариллиона» (стр. 183–184), в значительной степени основанный на «Лэ», придерживается той же структуры повествования и за-имствует оттуда немало фраз;* но налицо и следы независимой «прозаической традиции». Стихотворный рассказ не сообщает, ни когда происходил поединок, ни что заставило Финголфина бросить вызов Морготу. О гораздо более раннем упоминании о смерти Финголфина (ныне неясного, но явно задуманного совершенно иначе) см. стр. 146–147.

Об упоминании вылазки Болдога далее по тексту Песни (строки 3665–3675) мы расскажем подробнее в конце поэмы (стр. 310–313).

Что до основной сюжетной линии, уже приводившийся отрывок из «Краткого содержания III» (стр. 270–271) опирается на содержание Песни XII; этот фрагмент был взят в скобки и помечен словом «Позже».

Моргот, услышав о том, что Башня Чародея пала, высылает отряд орков; обнаружив перебитых волков с ... глотками, он полагает, что это сделал Хуан, и создает огромного волка – по имени Кархарас – самого могучего из всех волков, охранять свои врата.

«Краткое содержание III» продолжается с того момента, на котором закончилось на странице стр. 283:

Отвратительные врата Ангбанда. Там разлегся *Кархарот ножевой клык*. Он медленно поднимается на ноги и преграждает вход. «Не рычи, о Волк, ибо я иду к Морготу с вестями от Ту». Он приблизился, дабы принюхаться к ней, ибо смутное подозрение проснулось в его злобном сердце, и погрузился в дрему.

 $\frac{293}{294}$

^{*} Например: «the rumour of his feet» [гул его поступи] (ср. строку 3561); Моргот «like a tower, iron-crowned» [подобен венчанной железом башне] (ср. 3563); он обрушил вниз Гронд «like a bolt of thunder» [подобно удару грома] (ср. 3571); «smoke and fire darted» [вырвались дым и пламя] (ср. 3572–3573); «the blood gushed forth black and smoking» [кровь забила фонтаном, черная и дымящаяся] (ср. 3606–3607); и т.д.

Перевод имени волка как «Ножевой клык» восходит к «Сказанию о Тинувиэли» и сохранен в «А»-тексте «Лэ» (см. прим. к строке 3714), но в «В»-тексте был заменен переводом «Алая Утроба». Эпитет «алая утроба» используется в «Сказании» по отношению к Каркарасу, но не в качестве его имени (II. 34).

Идея о том, что Кархарот приближается к Лутиэн, «дабы принюхаться к ней», тоже дословно заимствована из «Сказания» (II. 31).

«Краткое содержание IV» здесь не представляет для нас интереса (см. стр. 283); «Краткое содержание V», с того места, на котором закончилось на стр. 283, теперь помечено цифрой «11» и со всей очевидностью легло в основу повествования Песни XII «Лэ».

[Добавлено карандашом: Битва Моргота с Финголфином.]

Моргот узнает о том, что замок Ту разрушен. В помыслах его – дурные предчувствия и гнев. Врата Ангбанда укреплены; из-за слухов о Хуане он [вычеркнуто на момент написания: создает огромнейшего] отбирает самого свирепого волка среди волчат своих стай, откармливает его мясом людей и эльфов и заколдовывает так, что тот вырастает самым огромным и ужасным из всех когда-либо существовавших зверей – это Кархарос.

Берен и Лутиэн приближаются. [Добавлено карандашом: изрытая равнина, где сражался Финголфин.] Кархарос заколдован.

XIII

Во тьму, где в скалах гаснет звук, Где смертью дышит все вокруг, В чудовищный подземный склеп, Где правит ужас, нем и слеп, Вниз, по извивам галерей, Вниз, в обиталище теней, Вниз, к горным недрам, что в веках Грызет, терзает, крошит в прах Подземных тварей гнусный рой – Вниз шли они.

За их спиной Поблек, померк закатный свет. Ударам молота в ответ Палящий ветер выл во мгле. Из скважин, выбитых в скале, Ввысь поднимались дым и смрад. Там идолов зловещих ряд, Подобно чудищам немым Насмешкою над всем живым

XIII

Into the vast and echoing gloom, more dread than many-tunnelled tomb in labyrinthine pyramid where everlasting death is hid, down awful corridors that wind down to a menace dark enshrined; 3845 down to the mountain's roots profound, devoured, tormented, bored and ground by seething vermin spawned of stone; down to the depths they went alone. The arch behind of twilit shade they saw recede and dwindling fade; the thunderous forges' rumour grew, a burning wind there roaring blew foul vapours up from gaping holes. Huge shapes there stood like carven

trolls 3855

enormous hewn of blasted rock to forms that mortal likeness mock;

294 295 Изваянный из черных скал Порой из мрака выступал – В мгновенном отблеске огней На переходах галерей. Подземных наковален звон Звучал все громче; плач и стон Сливались с лязганьем оков Терзаемых во тьме рабов.

Во мгле раздался грубый смех, Исполнен злобы против всех; Как беспошалные клинки. Что режут души на куски, Звучал нестройный, хриплый хор Из мрака; длинный коридор Вел вдоль распахнутых дверей. Багровый свет печных огней Мерцал на бронзовом полу. Под своды арок, ввысь, во мглу, Тянулся душный темный дым. Вверху, где облаком густым Он купол облекал, клубясь, Свет молний вспыхивал и гас. Вступили гости в пышный зал, Где Моргот часто пировал За чашей страшного питья – В ней жизнь людей и кровь зверья. Огонь и дым слепили взор; Колонны, словно ряд опор Для многоярусных основ, Виденьями нечистых снов Вздымались - как деревьев ряд: Ручьи отчаянья поят Их корни, гибельны – плоды, Тень лютой злобы и вражды Дарят сплетения ветвей -Клубки свивающихся змей. В доспехах черных у стены -Рать Моргота; обнажены Мечи; в них алый отблеск скрыт, Как кровь, пятнающая щит.

monstrous and menacing, entombed, at every turn they silent loomed in fitful glares that leaped and died. 3860 There hammers clanged, and tongues there cried with sound like smitten stone; there wailed faint from far under, called and failed amid the iron clink of chain

voices of captives put to pain.

Loud rose a din of laughter hoarse, self-loathing yet without remorse; loud came a singing harsh and fierce like swords of terror souls to pierce. Red was the glare through open doors 3870 of firelight mirrored on brazen floors, and up the arches towering clomb to glooms unguessed, to vaulted dome swathed in wavering smokes and steams stabbed with flickering lightning-

gleams. 3875

3865

To Morgoth's hall, where dreadful feast he held, and drank the blood of beast and lives of Men, they stumbling came: their eyes were dazed with smoke and flame. The pillars, reared like monstrous

shores 3880

to bear earth's overwhelming floors, were devil-carven, shaped with skill such as unholy dreams doth fill: they towered like trees into the air, whose trunks are rooted in despair, 3885 whose shade is death, whose fruit is bane, whose boughs like serpents writhe in pain. Beneath them ranged with spear and sword stood Morgoth's sable-armoured horde: the fire on blade and boss of shield 3890 was red as blood on stricken field.

296

Под самой главной из колонн – Трон Моргота; предсмертный стон И обреченных плач слышны Вкруг страшного столпа войны. Пред троном – танов злобный ряд: Строй балрогов. Огнем горят Их гривы; блещет сталь клыков; Поодаль – свора злых волков. А над проклятой ратью бед Струился ясный, чистый свет: Свет Сильмарилей: их сковал Короны Зла стальной оскал.

Се! Сквозь портал, одетый в ночь, Тень, закружась, рванулась прочь, И Берен вздрогнул: он – один, Затерян, брошен средь глубин. Крылатый призрак в тишине Взмыл к сводам, рея наравне С клубами дымных облаков. И, как на грани темных снов Вдруг возникает, неясна, Тень – явь ли, порожденье ль сна, Бесформенный, размытый мрак Что душу подчиняет – так Замолкли голоса и смех, Безмолвие накрыло всех. Неясный, зыбкий страх объял Угрюмый пиршественный зал И рос, и подчинял себе, Подобно боевой трубе Тревожа в проклятых сердцах Мысль об отвергнутых богах. Но голос Моргота, как гром, Пронзил безмолвье: «Вниз, фантом! Сюда! И души, и умы Открыты Властелину Тьмы, -Мой взор тебе не обмануть! Не жди – закрыт к спасенью путь! Вступившие под своды врат Не возвращаются назад!

Lo! through the grinning portals dread sudden a shadow swooped and fled; 3905 and Beren gasped – he lay alone, with crawling belly on the stone: a form bat-wingéd, silent, flew where the huge pillared branches grew, amid the smokes and mounting

steams. 3910

And as on the margin of dark dreams a dim-felt shadow unseen grows to cloud of vast unease, and woes foreboded, nameless, roll like doom upon the soul, so in that gloom 3915 the voices fell, and laughter died slow to silence many-eyed.

A nameless doubt, a shapeless fear, had entered in their caverns drear, and grew, and towered above them

hearing in heart the trumpets loud of gods forgotten. Morgoth spoke, and thunderous the silence broke: 'Shadow, descend! And do not think to cheat mine eyes! In vain to shrink 3925 from thy Lord's gaze, or seek to hide.

My will by none may be defied.

И крылья дрогнули, сдались, Поникли. Видит Берен: вот, Затрепетав, прервав полет, Тень пала вниз, в кромешный мрак, К подножью трона; злобный враг Вперил в нее горящий взор. Тут Берен, скрытый до сих пор, Ощерил пасть, припал к земле, Пополз вперед, таясь во мгле, Заполз под трон, как страж немой, И замер, слившись с темнотой. И молвила Тинувиэль -Пронзительно и резко трель Звучала в полной тишине: «Из залов Ту велели мне Сквозь Таур-на-Фуин и ночи тьму Лететь к престолу твоему».

«Кто ж, кто ты, жалкий мотылек? Ту сообщил мне все, что мог, Не так давно. Зачем опять Ко мне таких посланцев слать?»

«Я – та, чьи темные крыла Свет лунный застят, чтобы мгла Сошла в Белерианд ночной: Турингветиль перед тобой».

«Ты лжешь, обманывая взгляд – Отнюдь не мысль. Так сбрось наряд, Что чужд тебе. Предстань иной – В своем обличье предо мной!»

И призрак сник, затрепетал, Наряд летучей мыши пал Hope nor escape doth here await those that unbidden pass my gate. Descend! ere anger blast thy wing, 3930 thou foolish, frail, bat-shapen thing, and yet not bat within! Come down!'

Slow-wheeling o'er his iron crown, reluctantly, shivering and small,
Beren there saw the shadow fall, 3935 and droop before the hideous throne, a weak and trembling thing, alone.
And as thereon great Morgoth bent his darkling gaze, he shuddering went, belly to earth, the cold sweat dank 3940 upon his fell, and crawling shrank beneath the darkness of that seat, beneath the shadow of those feet.

Tinúviel spake, a shrill, thin, sound piercing those silences profound: 3945 'A lawful errand here me brought; from Thû's dark mansions have I sought, from Taur-na-Fuin's shade I fare to stand before thy mighty chair!'

'Thy name, thou shrieking waif, thy name! 3950

Tidings enough from Thû there came but short while since. What would he now? Why send such messenger as thou?'

'Thuringwethil I am, who cast a shadow o'er the face aghast 3955 of the sallow moon in the doomed land of shivering Beleriand.'

'Liar art thou, who shalt not weave deceit before mine eyes. Now leave thy form and raiment false, and stand 3960 revealed, and delivered to my hand!'

There came a slow and shuddering change: the batlike raiment dark and strange

 $\frac{296}{297}$

К ногам: обличием иным Предстала дева перед ним. Волос туманный водопад Струился по плечам; наряд, Подобный сумеркам, таил Мерцание ночных светил. Сон, сладостное забытье Струились зыбко вкруг нее, Сплетаясь с ароматом трав Эльфийских вековых дубрав В искристом серебре лучей, Где переливами дождей Вечерний воздух напоен. К ней двинулся со всех сторон Подземных тварей алчный ряд. Воздев персты, потупив взгляд, Запела в тишине она Мотив забвения и сна, Волшбы исполненный - сродни Тем чарам, что в былые дни В безмолвном сумраке полян Вплетала в песни Мелиан.

И Ангбанд стих. В последний раз Огонь взметнулся и погас, И в залы медленно вползла Глубинных подземелий мгла, Заполнив своды галерей Игрою призрачных теней. Все замерло: движенье, звук. Во тьме, сгустившейся вокруг, Застыла тишина: не глох Лишь спящих чудищ смрадный вздох.

Один огонь во тьме не гас: Взгляд Моргота горящих глаз. И в тишине уснувших зал Холодный голос прозвучал:

«Ну что ж, о Лутиэн, ну что ж – И ты, как эльф и смертный, лжешь? Входи ж, входи: в моих дворцах Нужда и в слугах, и в рабах.

was loosed, and slowly shrank and fell quivering. She stood revealed in hell. 3965 About her slender shoulders hung her shadowy hair, and round her clung her garment dark, where glimmered pale the starlight caught in magic veil. Dim dreams and faint oblivious sleep 3970 fell softly thence, in dungeons deep an odour stole of elven-flowers from elven-dells where silver showers drip softly through the evening air; and round there crawled with greedy

stare 3975

dark shapes of snuffling hunger dread. With arms upraised and drooping head then softly she began to sing a theme of sleep and slumbering, wandering, woven with deeper spell 3980 than songs wherewith in ancient dell Melian did once the twilight fill, profound, and fathomless, and still.

The fires of Angband flared and died, smouldered into darkness; through the wide 3985

and hollow halls there rolled unfurled the shadows of the underworld. All movement stayed, and all sound ceased, save vaporous breath of Orc and beast. One fire in darkness still abode: 3990 the lidless eyes of Morgoth glowed; one sound the breathing silence broke: the mirthless voice of Morgoth spoke.

'So Lúthien, so Lúthien, 3995 a liar like all Elves and Men! Yet welcome, welcome, to my hall! I have a use for every thrall.

297 298

Can che of come in mens! موره عدم المالية الم of Lundia Lad elimites my 5 ; o bood bycel and in his marins byon Gryciar bestrat - on garninhag Less Fred Decker de des de Capes ; ו שושם מול מלובלה יום משמען בלסתותו a peut aucu ducu von cha Dabaiey ahme مان مولم بالا منامع الله المولم مامه والم المولم ا سايد عو شدير ديل دلهي على بدالمودود a profucior don sipe juine body . Fry is enough ind enedica out of bon Copa Sip In giage large. سيسان ما معدد سيده معدد في المعدد بن ما من والمعلمة من المعدد والمعدد المعدد ا che 22 pp prochaig? Dit dam & Gpen he Leture Line the broken price projection promoces? du las claice Tin prude had prior min prior con Goat in paciel Eqpino; minschalles Charam مه مه من مونو ، بده مانو ماله rge span begile, - ling ma like ting lac, bid pushes minsprin, and zipe Tahiem & lins.

~~300~~

Что нового в земле отца? Что Тингол? Верно, ждет конца В своем краю, где гладь да тишь, Забившись в нору, словно мышь? Иль он безумен, раз не смог Свое дитя от сих дорог Держать подальше? Или он Лазутчиками обделен?»

И смолкла песня, сжалась грудь: «Был долог и тяжел мой путь, Но не король послал меня – Отец до нынешнего дня Не знает, что за тропы прочь Ослушную уводят дочь. Но все дороги и пути Ведут на север: я прийти Сюда решилась в час нужды; В смирении – не для вражды. Дан Лутиэн дар колдовской Великих услаждать покой».

«И здесь - ты рада, нет ли, - плен Твой путь венчает, Лутиэн. И боль – заслуженный удел Тех, кто противиться мне смел: Смутьяна, вора и раба. Тебя ждет сходная судьба! Иль пытка – не для нежных рук И хрупких плеч? К чему же вдруг Ты песнь не к месту завела? Я менестрелей без числа Сзываю в эти залы. Все ж Ты здесь так скоро не умрешь. Оставлю жизнь еще на день Прекрасной, нежной Лутиэн -Игрушке прихоти моей. В садах разнеженных царей Не счесть цветов, подобных той, Что вижу: властною рукой Срывают их, чтобы устам Припасть к медвяным лепесткам, - What news of Thingol in his hole shy lurking like a timid vole?
What folly fresh is in his mind,
who cannot keep his offspring blind from straying thus? or can devise no better counsel for his spies?'

She wavered, and she stayed her song.

'The road,' she said, 'was wild and long, 4005 but Thingol sent me not, nor knows what way his rebellious daughter goes. Yet every road and path will lead Northward at last, and here of need I trembling come with humble brow, 4010 and here before thy throne I bow; for Lúthien hath many arts

for solace sweet of kingly hearts.'

'And here of need thou shalt remain now, Lúthien, in joy or pain -4015 or pain, the fitting doom for all, for rebel, thief, and upstart thrall. Why should ye not in our fate share of woe and travail? Or should I spare to slender limb and body frail 4020 breaking torment? Of what avail here dost thou deem thy babbling song and foolish laughter? Minstrels strong are at my call. Yet I will give a respite brief, a while to live, 4025 a little while, though purchased dear, to Lúthien the fair and clear, a pretty toy for idle hour. In slothful gardens many a flower like thee the amorous gods are used 4030 И, смятые, отбросить прочь. Кто ж до услады не охоч? Но здесь, в обители тревог, Не часто встретится цветок Столь дивный. Кто бы ни припал К нектару; кто б ни растоптал Тех бледных, нежных лепестков – Так, по обычаю богов, Свой коротая день? Богам – Проклятье! Ненависти к вам Мне не избыть! О, как меня Жжет жажда! Языков огня Испепеляющая власть! Я знаю, что вам бросить в пасть!»

Во взгляде тлеющий костер Вновь вспыхнул пламенем.

Простер

К ней руку дерзкий. Лутиэн Отпрянула под своды стен И молвила, ступив во мрак: «О нет, не так, король! Не так! Не так властители земли Встречают тех, что к ним пришли С мольбой о милости. Дана Песнь каждому певцу. Одна Звонка, другая же – нежней; Но каждый песней горд своей, И должно выслушать певца -Пусть фальшь в напеве – до конца. Дан Лутиэн дар колдовской Великих услаждать покой. Так слушай!» – И, схватив крыла, Быстрее мысли вверх взмыла, Прочь от протянутой руки. И, трепеща, под потолки Пред взором Моргота взвилась, И, в вихре танца закружась, Тенёта морока свила Вкруг венценосного чела. И песня заструилась вновь -Как летний дождь в листве садов,

honey-sweet to kiss, and cast then bruised, their fragrance loosing, under feet.

But here we seldom find such sweet amid our labours long and hard, from godlike idleness debarred.

4035

And who would not taste the honey-sweet lying to lips, or crush with feet the soft cool tissue of pale flowers, easing like gods the dragging hours?

A! curse the Gods! O hunger dire,

O blinding thirst's unending fire!

One moment shall ye cease, and slake your sting with morsel I here take!'

In his eyes the fire to flame was fanned, and forth he stretched his brazen

hand. 4045

Lúthien as shadow shrank aside.
'Not thus, O king! Not thus!' she cried,
'do great lords hark to humble boon!
For every minstrel hath his tune;
and some are strong and some are

soft, 4050

and each would bear his song aloft, and each a little while be heard, though rude the note, and light the word. But Lúthien hath cunning arts for solace sweet of kingly hearts. 4055 Now hearken!' And her wings she caught then deftly up, and swift as thought slipped from his grasp, and wheeling round, fluttering before his eyes, she wound a mazy-wingéd dance, and sped 4060 about his iron-crownéd head. Suddenly her song began anew; and soft came dropping like a dew

 $\frac{300}{301}$

glared

Звеня под сенью мрачных зал; И голос колдовской звучал Как говор водопадов, с гор Спадающих на дно озер.

Вихрь всколыхнувшихся одежд Был полон чар для сонных вежд. Кружась во тьме, пленяя взор, Она сплетала свой узор Заклятий в пляске; равных ей Не знал ни эльфов род, ни фей Ни встарь, ни впредь; где мрак глубок,

Как ласточка, как мотылек, Легка, скользила: дивный вид! – Прекрасней девушек-сильфид В чертогах Варды: их крыла Как будто греза соткала. Уснули орк и балрог; зал Застыл в безмолвьи; сон сковал Все взоры, пасти, стук сердец. Она же, из конца в конец Проклятых стен, объятых сном, Кружилась в танце колдовском. Все взоры сон сковал; один Сверкал: то Темный Властелин, Нахмурив брови, изумлен, Следил, как мир объемлет сон. Но и его горящий взгляд Померк, утратил волю; ад Пронзили звездные лучи: То ярче засиял в ночи Свет Сильмарилей, устремясь Ввысь из глубин, где тьма и грязь.

Вдруг камни, вспыхнув, как маяк, Вниз, вниз, в кромешный пали

Глава склонилась; как утес, Что к облакам свой пик вознес, Поникли плечи; мощный стан Согнулся – буйный ураган

down from on high in that domed hall her voice bewildering, magical, and grew to silver-murmuring streams pale falling in dark pools in dreams.

She let her flying raiment sweep, enmeshed with woven spells of sleep, as round the dark void she ranged and reeled. 4070

From wall to wall she turned and wheeled in dance such as never Elf nor fay before devised, nor since that day; than swallow swifter, than flittermouse in dying light round darkened house more silken-soft, more strange and fair than sylphine maidens of the Air whose wings in Varda's heavenly hall in rhythmic movement beat and fall. Down crumpled Orc, and Balrog

proud; 4080 all eyes were quenched, all heads were bowed; the fires of heart and maw were stilled, and ever like a bird she thrilled above a lightless world forlorn in ecstasy enchanted borne. 4085 All eyes were quenched, save those that

in Morgoth's lowering brows, and stared in slowly wandering wonder round, and slow were in enchantment bound. Their will wavered, and their fire failed, 4090 and as beneath his brows they paled, the Silmarils like stars were kindled that in the reek of Earth had dwindled escaping upwards clear to shine, glistening marvellous in heaven's mine. 4095

Then flaring suddenly they fell, down, down upon the floors of hell. The dark and mighty head was bowed; like mountain-top beneath a cloud

 $\frac{301}{302}$

Так сокрушает крепость скал; Так Моргот, побежденный, пал И распростерся, недвижим. Корона с грохотом пред ним Обрушилась на камни; звон Затих. Безмолвие и сон Зал неподвижный погребли, Как в сердце дремлющей Земли.

Узором каменных аркад Сплелись гадюки; волки в ряд Пред троном зла, что опустел, Простерлись грудой мертвых тел. И рядом – Берен, погружен В беспамятство, в глубокий сон: Застыв, не расступалась тьма Безмолвствующего ума. «Вставай, вставай! Час возвещен! Властитель Ангбанда сражен! Проснись, проснись! Судьба свела Нас вместе вновь пред троном

Так голос звал его в края Живых из тьмы небытия. Рука, прохладна и нежна, Легко коснулась лба. И сна Озера всколыхнулись. Он Воспрял, от мрака пробужден, Отбросил волчью шкуру прочь, И на ноги вскочил; и в ночь Отчаявшийся взор вперил, Как заживо во тьме могил Покинутый. Тинувиэль К нему, дрожа, приникла. Цель Она достигла для него, И мужество, и волшебство В неравной исчерпав борьбе. И он ее привлек к себе.

Пред ними, ослепляя взор, Сиял огонь, что Феанор the shoulders foundered, the vast form 4100 crashed, as in overwhelming storm huge cliffs in ruin slide and fall; and prone lay Morgoth in his hall. His crown there rolled upon the ground, a wheel of thunder; then all sound 4105 died, and a silence grew as deep as were the heart of Earth asleep.

Beneath the vast and empty throne the adders lay like twisted stone, the wolves like corpses foul were

strewn; 4110

and there lay Beren deep in swoon:
no thought, no dream nor shadow blind
moved in the darkness of his mind.
'Come forth, come forth! The hour hath

knelled,

and Angband's mighty lord is felled! Awake, awake! For we two meet alone before the aweful seat.' This voice came down into the deep where he lay drowned in wells of sleep; a hand flower-soft and flower-cool 4120 passed o'er his face, and the still pool of slumber quivered. Up then leaped his mind to waking; forth he crept. The wolvish fell he flung aside and sprang unto his feet, and wide 4125 staring amid the soundless gloom he gasped as one living shut in tomb. There to his side he felt her shrink, felt Lúthien now shivering sink, her strength and magic dimmed and

spent, 4130

and swift his arms about her went.

Before his feet he saw amazed the gems of Fëanor, that blazed

303

Вложил в кристалл; лучистый свет,

Оправленный на много лет В железо. Но поднять венец Не стало сил, и, наконец, Устав, в отчаянии своем, Склонился Берен над венцом, Стремясь, рассудку вопреки, Разжать железные тиски Руками. Вдруг припомнил он, Как Куруфин был им сражен, И из-за пояса извлек Отточенный стальной клинок -Оружье Ногрода: над ним Во мраке кузниц вился дым, Звучал напев былых веков В лад перезвону молотков. И, словно дерево, кинжал Рассек сверкающий металл, Разъяв железные клыки, Несокрушимы и крепки, И чистый, трепетный огонь Наполнил сжатую ладонь, Мерцая ало. И опять Склонился Берен, тщась изъять Второй сверкающий кристалл, Что мудрый Феанор создал. Но рассудил иначе рок: Предательский стальной клинок – Творенье лживых кузнецов Из Ногрода в конце концов Владельца предал. Острие Сломалось надвое: копье Разить точнее не могло б. Обломок оцарапал лоб Владыки Тьмы. Он застонал -Так стонет ветер в толще скал, В пещерах горных заключен. И дрогнуло безмолвье. Стон Разнесся эхом в тишине, И заворочались во сне

with white fire glistening in the crown of Morgoth's might now fallen down. To move that helm of iron vast no strength he found, and thence aghast he strove with fingers mad to wrest the guerdon of their hopeless quest, till in his heart there fell the thought 4140 of that cold morn whereon he fought with Curufin: then from his belt the sheathless knife he drew, and knelt, and tried its hard edge, bitter-cold, o'er which in Nogrod songs had rolled 4145 of dwarvish armourers singing slow to hammer-music long ago. Iron as tender wood it clove and mail as woof of loom it rove. The claws of iron that held the gem, 4150 it bit them through and sundered them; a Silmaril he clasped and held, and the pure radiance slowly welled red glowing through the clenching flesh. Again he stooped and strove afresh 4155 one more of the holy jewels three that Fëanor wrought of yore to free. But round those fires was woven fate: not yet should they leave the halls of hate. The dwarvish steel of cunning blade by treacherous smiths of Nogrod made snapped; then ringing sharp and clear in twain it sprang, and like a spear or errant shaft the brow it grazed of Morgoth's sleeping head, and dazed 4165 their hearts with fear. For Morgoth groaned with voice entombed, like wind that moaned in hollow caverns penned and bound.

There came a breath; a gasping sound

И орк, и зверь, погружены В виденья смерти и войны. Зашевелился балрог; звук Все нарастал, и, вторя, вдруг В кромешной тьме над головой Раздался долгий волчий вой.

moved through the halls, as Orc and beast 4170 turned in their dreams of hideous feast; in sleep uneasy Balrogs stirred, and far above was faintly heard an echo that in tunnels rolled, a wolvish howling long and cold. 4175

 $\frac{303}{304}$

ПРИМЕЧАНИЯ

3840 В начале этой Песни вписана дата: «1 окт. 1930 г.». Предыдущая дата, «30 сент. 1930 г.», значилась напротив строки 3790.

3860 На этой строке заканчивается машинописная часть «В»; отсюда и до конца следует начисто переписанный от руки текст.

3881 Эта строка датирована «14 сент. 1931 г.». Предыдущая дата, «1 окт. 1930 г.», значилась напротив строки 3840.

3887 Эта строка датирована «15 сент.» (1931 г.).

3947 Поздняя правка в «В»: from Sauron's mansions have I sought [из чертогов Саурона я прилетела]. См. стр. 232, прим. к строкам 2064–2066.

3951 Поздняя правка в «В»: *Tiding enough from Sauron came* [Достаточно вестей пришло от Саурона].

3954 На полях рукописи «В» напротив имени *Thuringwethil* [Турингветиль] на момент создания текста вписано: «т.е. та, что в сокрытой тени».

3957 Beleriand в «А» и «В» (т.е. не исправление варианта Broseliand).

3962 Эта строка датирована «16 сент. 1931 г.».

3969 magic [магическая] > elvish [эльфийская] в «В», но эта правка, вне всякого сомнения, внесена на позднем этапе, когда мой отец уже не использовал свое некогда любимое слово.

4029 Напротив этой строки вписана дата «14 сентября», дублируя дату, проставленную напротив строки 3881.

4045 Напротив этой строки вписана дата «16 сентября», дублируя дату, проставленную напротив строки 3962.

4085 После этой строки вписана последняя дата в рукописи «А»: «17 сент. 1931 г.». 4092–4093 Эти строки были вписаны на полях «В», но исходный вариант:

the Silmarils were lit like stars that fume of Earth upreeking mars

Сильмарили зажглись как звезды, которые омрачает дым Земли, поднимаясь вверх

вычеркнут не был.

4163-4166 «A»:

in twain it sprang; and quaking fear

он сломался надвое, и трепещущий страх fell on their hearts, for Morgoth groaned охватил их сердца, потому что Моргот застонал

Комментарии к Песни XIII

Относительно этой части повествования из «Кратких содержаний» узнать можно не так уж много, но, в сравнении с исходным ее вариантом в «Сказании о Тинувиэли», сцена в Ангбанде почти не менялась (II. 31 и далее). «Краткое содержание I» в конце сводится только к заглавиям, «II» уже исчерпано, а в «IV» о приходе в Ангбанд не говорится. «Краткое содержание III», приведенное на страницах 293-294 вплоть до того момента, когда был заколдован Кархарот, продолжается так:

После бесконечных блужданий по коридорам они оказываются перед Морготом. Моргот говорит: «Кто ты, порхающая в моих чертогах, словно летучая мышь, на деле ею не будучи? Ты не отсюда, и не призывали тебя сюда. Кто и когда являлся сюда без зова? Никто!» - «Но меня звали. Я - Лутиэн, дочь Тингола». Тогда Моргот рассмеялся, но, охваченный подозрением, объявил, что ее проклятый род не встретит в Ангбанде ни слов милости, ни благоволения. Что может она сделать, чтобы угодить ему и спасти себя от самых глубоких темниц? Он простер к ней свою могучую дерзкую длань, но она отпрянула. Он злится; она предлагает танцевать.

Оставшаяся часть наброска сделана карандашом и местами прочтению не поддается:]. Она сбрасывает облачение летучей мыши. Ее волосы рассыпаются. Огни Ангбанда гаснут. Все окутывает непроглядная мгла; только глаза Моргота и слабое мерцание Тинувиэли ...... Благоухание, исходящее от нее, заставляет всех жадно придвинуться ближе. Тинувиэль летит (в? к?) двери, оставляя Берена, охваченного ужасом ... ...

Здесь набросок заканчивается. Слова Моргота: «Кто ты, порхающая в моих чертогах, словно летучая мышь?» также встречается в «Сказании о Тинувиэли» (II. 32) – данный набросок в нескольких местах точно повторяет слова «Сказания», см. стр. 283, 294. Это любопытная подробность, ведь в «Сказании» Тинувиэль не была одета в шкуру летучей мыши, а в «Кратком содержании III» была. Возможно, этот элемент повествования был порожден именно словами Мелько.

В «Сказании» Тинувиэль солгала Мелько, говоря, что Тинвелинт, ее отец, прогнал ее из дому, Моргот же отвечал, что ей не стоит надеяться на «слова милости», - эта фраза тоже повторяется в «Кратком содержании III». Но оставшаяся часть этого наброска уже не соотносится со «Сказанием» столь близко.

«Краткое содержание V» в этой части представлено крайне сжато. После «Кархарос заколдован» (стр. 294) в нем говорится только (все еще под заголовком «11»):

> Моргот обморочен, Сильмариль похищен. Гномий кинжал Куруфина ломается.

304

305

Тогда Тинувиэль закружилась в танце, подобного которому ни она, ни другой лесной дух, фея или эльф не танцевали ни встарь, ни впредь...

и строками 4072-4073:

в пляске, подобной которой ни эльф, ни фея прежде не измышляли, равно как и по сей день;

А слова «гадюки лежали как скрученный камень» (4109) перекликаются с фразой: «Под троном каменными изваяниями застыли гадюки». Интересно наблюдать, как в ходе создания этой Песни возникает идея о том, что обломок лезвия кинжала оцарапал лоб Моргота (в «Сильмариллионе» – щеку); в исходном варианте (см. прим. к строкам 4163–4166) спящих потревожил, по всей видимости, звук сломавшегося лезвия, как об этом однозначно сообщается в «Сказании» (II. 33). С упоминанием о «предательских кузнецах Ногрода» (4161), отковавших кинжал Куруфина, ср. отрывок из «Детей Хурина» касательно «бородатых гномов, не соблюдающих данное слово», сделавших кинжал Флиндинга, который выскользнул из ножен (стр. 44, строки 1142 и далее): этот кинжал отковали гномы Белегоста, и, как и кинжал Куруфина:

[его] острие грызло железо бесшумно – так ком глины рассекает лемех.

Рассказ в «Сильмариллионе» (стр. 216–217) явно основан на Песни XIII и унаследовал многие ее черты, хотя и представлен в сокращении: так, например, два эпизода пения Лутиэн (3977 и далее; 4062 и далее) совмещены здесь в один, и прозаический вариант не так много заимствует в этой части из стихотворного «Лэ», как в других местах.

Примечательно, что Лутиэн называет себя *Турингветилью* перед Морготом (3954). В «Сильмариллионе» (стр. 213–215) шкура летучей мыши, которую Хуан принес из Тол-ин-Гаурхот, действительно принадлежала Турингветили: она «была посланницей Саурона и часто летала в обличии вампира в Ангбанд», в то время как в «Лэ» (строки 3402 и далее), как я уже отмечал выше (стр. 284) «про крылья летучей мыши говорится лишь то, что на таковых летают посланцы Ту; они не ассоциируются с каким-либо конкретным или главным гонцом». Возможно, что в «Лэ» Лутиэн просто придумала себе это имя («та, что в сокрытой тени»), с помощью игры слов описав себя саму, и описание это привело к возникновению образа летучей мыши-гонца по имени Турингветиль, которая летает с Острова Чародея в Ангбанд; но доказательств этой версии нет.

С отрывком:

подобные сильфам девы Воздуха, чьи крылья в небесном чертоге Варды ритмичным движением трепещут и опускаются (4077–4079)

 $\frac{305}{306}$

соотносится сказание «Пришествие валар и создание Валинора» (І. 65–66), где говорится, будто вместе с Манвэ и Вардой в мир вступили «многие из меньших вали, кои любили их и некогда играли свою мелодию близ них, подстраиваясь под их музыку»; это были манир и сурули, «сильфы воздуха и ветров».

XIV

Из тьмы, где в скалах гаснет звук, Где смертью дышит все вокруг, Из мрачных склепов в недрах гор, Сквозь бесконечный коридор, Как привидения, сквозь ночь Они стремглав бежали прочь. Во взорах – ужас, звон в ушах; Их гнал вперед безумный страх, И эхо собственных шагов Вселяло трепет в беглецов.

Но, наконец, вдали, маня, Забрезжил бледный отблеск дня – Подземных врат немой портал. Там новый ужас поджидал. Назначен охранять порог, Недвижен, зорок и жесток, Встал Кархарот – сам приговор; Во взгляде – тлеющий костер, Зияет огненная пасть – Отверстый склеп; готов напасть; Оскалясь, преграждает путь, Чтоб не пытался ускользнуть Ни зыбкий дух, ни пленный раб. Какая ложь иль мощь могла б С подобным стражем на пути От смерти к свету провести?

Издалека заслышал враг Их легкий, торопливый шаг, Вдохнул нездешний аромат, Почуял, что бегут назад Два чужака. Борясь со сном, Встряхнулся зверь, одним прыжком

XIV

Up through the dark and echoing gloom as ghosts from many-tunnelled tomb, up from the mountains' roots profound and the vast menace underground, their limbs aquake with deadly fear, 4180 terror in eyes, and dread in ear, together fled they, by the beat affrighted of their flying feet.

306 307

At last before them far away they saw the glimmering wraith of

day, 4185

the mighty archway of the gate – and there a horror new did wait.

Upon the threshold, watchful, dire, his eyes new-kindled with dull fire, towered Carcharoth, a biding doom: 4190 his jaws were gaping like a tomb, his teeth were bare, his tongue aflame; aroused he watched that no one came, no flitting shade nor hunted shape, seeking from Angband to escape. 4195

Now past that guard what guile or might could thrust from death into the light?

He heard afar their hurrying feet, he snuffed an odour strange and sweet; he smelled their coming long before 4200 they marked the waiting threat at door. His limbs he stretched and shook off sleep, then stood at gaze. With sudden leap

Метнулся к ним, и жуткий вой Разнесся эхом под скалой. Опережая мысль и взор, Атаковал он – слишком скор, Чтоб вновь прибегнуть к силе чар. И Берен, отводя удар От изнемогшей Лутиэн, Ее толкнул под своды стен И храбро выступил вперед, Готов, покуда не падет, Тинувиэль оборонять, На шаг не отступивши вспять. Рукою левой он схватил За горло зверя; что есть сил Сжав камень правою рукой, Нанес удар наотмашь свой -В глаза. Как в пламени клинки, Сверкнули острые клыки, И захрустев, сомкнулись вновь, Перекусив запястье, кровь Разбрызгивая, как фонтан; И вгрызшись, как стальной капкан, Чтоб кость и жилы размолоть, Пожрали трепетную плоть. Так канул свет в утробе зла, И камень поглотила мгла.

upon them as they sped he sprang, and his howling in the arches rang. 4205 Too swift for thought his onset came, too swift for any spell to tame; and Beren desperate then aside thrust Lúthien, and forth did stride unarmed, defenceless to defend 4210 Tinúviel until the end. With left he caught at hairy throat, with right hand at the eyes he smote his right, from which the radiance welled of the holy Silmaril he held. 4215 As gleam of swords in fire there flashed the fangs of Carcharoth, and crashed together like a trap, that tore the hand about the wrist, and shore through brittle bone and sinew nesh, 4220 devouring the frail mortal flesh; and in that cruel mouth unclean engulfed the jewel's holy sheen.

Ненаписанные Песни

Начало Песни XIV, в том, что касается повествовательной структуры, практически не изменилось в сравнении со «Сказанием»; отличие же версии «Сильмариллиона» состоит в том, что Берен не ударил волка по глазам правой рукой, в которой сжимал Сильмариль, но воздел руку с камнем перед Кархаротом, дабы устрашить его. Мой отец намеревался исправить «Лэ» в этой части: в пометке на полях содержится указание на то, что необходимо ввести элемент «устрашения».

Здесь заканчивается «Лэ о Лейтиан», как в рукописях «А» и «В», так и на страницах черновиков; но на отдельном листе, найденном среди других материалов, приводятся несколько последующих строчек, а также их варианты, на начальной стадии создания:

И Берен из последних сил рукою левой заслонил Тинувиэль. Потрясена картиной мук его, она со стоном опустилась вниз.

Against the wall then Beren reeled but still with his left he sought to shield fair Lúthien, who cried aloud to see his pain, and down she bowed in anguish sinking to the ground.

Существует также небольшой фрагмент, записанный на отдельном листе в конце текста «В» и озаглавленный «отрывок из последней части поэмы»:

В чащобе, где шумел поток, где, неподвижен и высок, застыл деревьев темный строй по-над мерцающей рекой, где тени вкруг стволов густы, внезапно дрогнули листы: вздох ветра, словно смутный стон, безмолвных кущ нарушил сон, и эхо донеслось с холма, холодное, как смерть сама: «Долга, длинна тропа теней, и не ведет следов по ней, через моря, через отрог! Край Наслаждения далёк, – но много дальше Край Утрат, где дни Умершие влачат. В безмолвной мгле не слышен звук – ни голоса, ни сердца стук; лишь раз в сто лет глубокий вздох звучит на рубеже эпох. Край Ожиданья тьмой укрыт: там те, кто в мире позабыт, ждут, в сумрак дум погружены, в земле вне солнца и луны».

Where the forest-stream went through the

and silent all the stems there stood of tall trees, moveless, hanging dark with mottled shadows on their bark above the green and gleaming river, there came through leaves a sudden shiver, a windy whisper through the still cool silences; and down the hill, as faint as a deep sleeper's breath, an echo came as cold as death: 'Long are the paths, of shadow made where no foot's print is ever laid, over the hills, across the seas! Far, far away are the Lands of Ease, but the Land of the Lost is further vet, where the Dead wait, while ye forget. No moon is there, no voice, no sound of beating heart; a sigh profound once in each age as each age dies alone is heard. Far, far it lies, the Land of Waiting where the Dead sit, in their thought's shadow, by no moon lit.

308 309

Ср. последние строки с отрывком из завершающей части предания о Берене и Лутиэн в «Сильмариллионе» (стр. 225):

Но Лутиэн явилась в чертоги Мандоса, туда, где назначено ожидать эльдалиэ – вдали от дворцов Запада у границ мира. Там души умерших пребывают в раздумьях и мрак окутывает их.

Более никаких продолжений не существует, и я не думаю, что было написано что-либо еще. Вся последующая работа отца над поэмой сводилась к переделке уже созданного; здесь заканчивается «Лэ о Лейтиан».

*

Из пяти кратких содержаний, приведенных фрагмент за фрагментом выше, только в пятом говорится о бегстве Берена и Лутиэн из Ангбанда. Этот набросок в последний раз цитировался на стр. 305 («гномий кинжал Куруфина ломается»). Вот его продолжение:

Берен и Лутиэн в страхе бегут прочь. Пробуждение Кархароса. Рука Берена, в которой он держит Сильмариль, откушена. Безумие Кархароса. Ангбанд просыпается. Бегство Берена и Лутиэн к водам Сириона. Песнь [т.е. Песнь 11, см. стр. 305] заканчивается на том, что они слышат позади преследующих волков. Завернувшись в плащ Лутиэн, они спешат под звездами.

Тем самым спасение Берена и Лутиэн Торондором и его вассалами еще не вошло в сюжет; в этом отношении история не изменилась в сравнении со «Сказанием о Тинувиэли» (II. 34): ср., в частности:

Тинувиэль набросила часть своего темного плаща на Берена, и так, скользя в сумерках и во мраке среди холмов, они какое-то время оставались незамеченными.

Самая первая запись измененной истории бегства из Ангбанда обнаруживается на отдельном листке: этот сделанный наспех карандашный набросок с трудом поддается прочтению:

Кархарот обезумел и гонит всех [орков] перед собою как ветер. От звука его жуткого воя раскалываются и падают камни. В глубинах происходит землетрясение. Ярость Моргота при пробуждении. Проем ворот [?обваливается] вовнутрь, и ад оказывается завален, и великое пламя и дымы исторгаются из Тангородрима. Гром и молния. Берен лежит умирающим у ворот. Песнь Тинувиэли: она целует его руку и готовится умереть. Торондор слетает вниз и уносит их среди молний, что [?бьют] в них как копья, и града стрел с зубчатых стен. Они пролетают над Гондолином, и Лутиэн видит далеко внизу белый город, [?мерцающий] как лилия долины. Торондор опускает ее на землю в Бретиле.

 $\frac{309}{310}$

В том, что касается повествовательной структуры, этот набросок очень близок к варианту «Сильмариллиона» (стр. 219–220): происходит землетрясение, из Тангородрима вырываются огонь и дым, Берен лежит при смерти у Врат, Лутиэн целует его руку (унимая кровь, текущую из раны), с небес слетает Торондор, и орел (орлы) пролетает(ют) над Гондолином. Эта последняя подробность свидетельствует, что данный краткий набросок сюжета создан сравнительно поздно, ведь Гондолин уже существовал до Битвы Бессчетных Слез (II. 208). Но в настоящем тексте их опускают на землю в Бретиле (а это название появится в сочинениях лишь несколько лет спустя); в «Сильмариллионе» их опускают «у границ Дориата», «в той самой долине, откуда охваченный отчаяньем Берен тайком ушел прочь, покинув спящую Лутиэн». – О ссылке на Гондолин как на «лилию долины», см. І. 172.

В «Кратком содержании V» далее рассказывается подробнее о скитаниях Берена и Лутиэн до того, как они возвратились в Дориат, но здесь я хочу представить оставшиеся материалы полностью, прежде чем начну их комментировать.

Сперва уместно было бы здесь процитировать финал «Краткого содержания II», уже приводившегося выше (стр. 270):

Посольство Келегорма к Тинголу, чтобы Тингол знал или думал, что знает, будто Берен мертв, а Лутиэн в Нарготронде.

Почему Келегорма и Куруфина ненавидит Тингол, как стр. 270 ... ... Пропажа Дайрона.

«Краткое содержание IV» приводилось выше (стр. 273) только до того момента, как «Они готовятся отправиться в Ангбанд», поскольку после того план отходит от истории Берена и Лутиэн как таковых, согласно тогдашним представлениям моего отца о дальнейшем развитии событий в «Лэ», и продолжается следующим образом:

11

Дориат. Охота за Лутиэн и пропажа Дайрона. Война на границах. Болдог убит. Так что Тингол знает, что Лутиэн еще не погибла и поймана, но опасается, что набег Болдога означает, что Моргот прознал о ее скитаниях. На самом деле, это всего-навсего легенда о ее красоте и ничего больше.

Прибывает посольство от Келегорма. Тингол узнает, что Берен мертв и что Лутиэн в Нарготронде. Он разгневан намеками в письме на то, что Келегорм намерен бросить Фелагунда умирать и узурпирует трон Нарготронда. Так что Тинголу лучше оставить Лутиэн там, где она есть.

Тингол готовит войско, чтобы выступить против Нарготронда, но узнает, что Лутиэн покинула город, а Келегорм с Куруфином бежали к Аглону. Он шлет посольство в Аглон. Внезапная атака Кархараса разгоняет посольство и обращает его в бегство. Уцелевший Маблунг рассказывает о происшедшем. Опустошение Дориата Кархарасом.

 $\frac{310}{311}$

12

Похищение Сильмариля и возвращение Берена и Лутиэн.

13

Охота на волка и смерть Хуана и Берена.

14

Возвращение Берена и Хуана.

«Краткое содержание V» продолжается как более содержательная подготовка к окончанию поэмы, которое так и не было написано и на которое мой отец на данной стадии отводил три последующие Песни.

12

Скорбь в Дориате из-за бегства Лутиэн. Сердце Тингола ожесточилось против Берена, невзирая на слова Мелиан. Созвана могучая охота по всему королевству, но многие участники сбились с пути и разбрелись на север и запад, и юг от Дориата за пределы магии Мелиан, и сгинули. Дайрон отбился от сотоварищей и ушел на Восток мира; там, говорят иные, он все еще играет на свирели, напрасно разыскивая Лутиэн.

Посольство от Келегорма рассказывает Тинголу, что Берен и Фелагунд мертвы, что Келегорм намерен сделаться королем Нарога, и, сообщая ему, что Лутиэн в Нарготронде в безопасности и ведя переговоры о ее руке, намекает, что она не вернется; а также предостерегает Тингола не затрагивать опасную тему Сильмарилей. Тингол разгневан – и это заставляет его лучше думать о Берене, при том все еще виня [его] в горестях, что последовали за его приходом в Дориат, более же всего в пропаже Дайрона.

Тингол вооружается для войны против Келегорма. Мелиан говорит, она бы запретила эту недобрую войну эльфа с эльфом, но только Тингол никогда не скрестит меча с Келегормом. Воинство Тингола сталкивается с армией Болдога на границах Дориата. Моргот прослышал о красоте Лутиэн, и до него дошла молва о ее скитаниях. Он приказал Ту и оркам захватить ее. Происходит битва, и Тингол одерживает победу. Орки оттеснены в Таур-на-Фуин или перебиты. Тингол сам убивает Болдога. Маблунг Тяжелая Длань был главным из бойцов Тингола и сражался рядом с ним; Белег был главным из его разведчиков. Хотя и одержав победу, Тингол преисполнен еще большей тревоги из-за того, что Моргот охотится за Лутиэн. Белег уходит из лагеря на границах Дориата и, незримо для лучников, добирается до Нарога. Он приносит вести о бегстве Лутиэн, о спасении Берена и об изгнании Келегорма и Куруфина. Он [читай: Тингол] отправляется домой и высылает посольство в Аглон, требуя возмещения и помощи в спасении Лутиэн. Он повторяет клятву навеки заключить Берена в темницу, если тот не вернется с Сильмарилем, хотя Мелиан предостерегает Тингола, что он не ведает, что говорит.

Посольство сталкивается с нападением Кархароса, который волею судьбы или силой Сильмариля врывается в Дориат. Все гибнут, кроме Маблунга, который приносит вести. Опустошение лесов. Лесные эльфы бегут в пещеры.

13

Берен и Лутиэн бегут к Тенистым горам, но сбиваются с пути и плутают среди ужасов Нан Дунгортина, их преследуют фантомы, и под конец они попадают в сети к огромным паукам. Хуан их спасает и провожает вниз по Сириону, и так они добираются до Дориата с юга и обнаруживают, что леса немы и пусты, пока не приходят к охраняемому мосту.

Хуан, Берен и Лутиэн предстают перед Тинголом. Они рассказывают свою повесть; однако ж Тингол не желает смягчиться. Храбрые слова Берена, раскрывающие тайну Кархароса. Тингол смягчается. Готовится охота на волка. Хуан, Тингол, Берен и Маблунг отбывают. Лутиэн остается с Мелиан, обуреваемая дурными предчувствиями. Кархарос убит, но он убивает Хуана, защищающего Берена. Однако Берен смертельно ранен; хотя успевает вложить в руку Тингола Сильмариль, который Маблунг вырезал из волчьего брюха.

Встреча и прощание Берена и Тинувиэли под буком Хирилорн. Погребение Хуана и Берена.

14

Истаивание Лутиэн. Ее путешествие в Мандос. Песнь Лутиэн в залах Мандоса, и освобождение Берена. Они долго жили в Броселианде, но более никогда не говорили со смертными людьми, и Лутиэн стала смертной.

 $\frac{311}{312}$

На этом наброски планов заканчиваются. Касательно набега Болдога и интереса Моргота к Лутиэн см. в «Лэ» как таковом: строки 2127-2136, 2686-2694, 3198-3201 и 3665-3675.

В «Кратком содержании IV» (стр. 310) набег Болдога по сюжету происходит раньше, еще до прибытия посольства Келегорма к Тинголу, но его роль в повествовании не вполне ясна. Непонятно, почему благодаря набегу Тингол узнает, что «Лутиэн еще не погибла и поймана» и почему он заключает, что «Моргот прознал о ее скитаниях». Более того, утверждение, будто «на самом деле, это всего-навсего легенда о ее красоте и ничего больше» может означать только то (если Моргот и впрямь не слышал о том, что Лутиэн ушла из Дориата и блуждает в лесах), что он выслал военный отряд Болдога с недвусмысленной целью похитить ее из твердыни Тысячи Пещер.

В «Кратком содержании V» набег сдвинут по времени на более поздний момент, а войско из Дориата, уничтожившее Болдога, на самом-то деле выступило против Нарготронда. В «Сильмариллион» посольство Келегорма вошло, но от набега Болдога не осталось и намека, а Тингол всего лишь «думает объявить войну» Нарготронду:

Но король узнал о том, что пути увели Лутиэн далеко от Дориата, ибо пришли тайные гонцы от Келегорма, ... сообщая, что Фелагунд и Берен мертвы, а Лутиэн находится в Менегроте и Келегорм желает взять ее в жены. Тогда разгневался Тингол и разослал лазутчиков, думая объявить войну Нарготронду: так стало известно королю, что Лутиэн бежала опять, а Келегорм и Куруфин изгнаны из Нарготронда. Теперь же Тингол пребывал в нерешительности, ибо у него не доставало сил воевать с семью сыновьями Феанора; но он послал гонцов в Химринг просить их о помощи в поисках Лутиэн, раз уж Келегорм не отослал ее в дом отца и не сумел удержать ее в безопасности (стр. 221).

«Лазутчики» этого фрагмента восходят к тайной вылазке Белега в Нарготронд в «Кратком содержании V» (стр. 311). Представляется вероятным, что мой отец на самом деле отказался от идеи о набеге Болдога, а вместе с ним исчезли и все ссылки на то, что Морготу сообщили о скитаниях Лутиэн (ср. строки 3665 и далее) и что Ту был отдан приказ захватить ее («Краткое содержание V»). Фрагмент в Песни IX «Лэ» (2686–2694), когда Ту узнает голос Лутиэн, – или, по крайней мере, понимает, что это, по-видимому, поет она, – в действительности отнюдь не подразумевает, что Ту ее деятельно разыскивал. Эти строки послужили источником для соответствующего фрагмента в «Сильмариллионе», где Саурон, стоя в башне на Тол-ин-Гаурхот:

улыбнулся, заслышав ее голос, ибо понял, что явилась дочь Мелиан. Слава о красоте Лутиэн и дивном ее пении давно уже гремела за пределами Дориата; и Саурон замыслил захватить деву в плен и передать ее в руки Моргота, ибо тот богато вознаградил бы своего слугу.

Но представление о том, что Саурон прослышал о красоте и о пении Лутиэн, сохранилось с той стадии, когда интерес Моргота к ней был значимым мотивом.

312

313

Как отмечалось выше (стр. 209), рассказ о скитаниях и пропаже Дайрона восходит к «Сказанию о Тинувиэли» (II. 20–21) и сохранился в «Сильмариллионе» (стр. 183), где говорится, что Дайрон ушел за Синие горы «на Восток Средиземья. Там, на протяжении долгих веков, слагал он близ темных вод плач о Лутиэн». Еще меньше места в более поздней версии отведено великой охоте за Лутиэн, и ровным счетом ничего не говорится о смене настроений и намерений Тингола в том, что касается Берена, упомянутой в «Кратком содержании V». «Политическая» составляющая амбиций Келегорма и Куруфина и попытка запугать и пошантажировать Тингола, – это, безусловно, новый элемент сюжета, впервые возникший в «Кратких содержаниях» (если не считать более ранних упоминаний в «Лэ», 2501–2503, о намерениях братьев в этом отношении), поскольку «нарготрондский элемент» в «Сказании о Тинувиэли» полностью отсутствует, равно как и нападение Кархарота на посольство Тингола в Аглон, – из которого в итоге уцелел один Маблунг. Этот элемент тоже сохранился в «Сильмариллионе».

В «Кратком содержании V», где история о том, как Берена и Лутиэн уносит из Ангбанда Торондор, еще не представлена, они спасаются из Ангбанда, держа путь «к водам Сириона» (стр. 309), и «бегут к Тенистым горам, но сбиваются с пути и плутают среди ужасов Нан Дунгортина, их преследуют фантомы, и под конец они попадают в сети к огромным паукам. Хуан их спасает и провожает вниз по Сириону...» (стр. 312). Точно так же в «Сказании» (II. 34–35) Хуан спасает их из «Нан Думгортина». Эта географическая подробность и эта варьирующаяся топонимика крайне озадачивают. Я уже продемонстрировал (стр. 170–171, 234), что значение топонима «Тенистые горы» меняется на протяжении «Лэ о Лейтиан»: при том, что изначально (строки 386, 1318) подразумеваются Горы Ужаса (Эред Горгорот), впоследствии (строка 1940) имеется в виду хребет Эред Ветрин, ограждающий Хитлум. Горы Ужаса, с гигантскими пауками, описаны в строках 563 и далее.

В настоящем отрывке «Краткого содержания V» утверждения о том, что Берен и Лутиэн бежали из Ангбанда к Сириону и что Хуан спас их из Нан Дунгортина и провел вниз по Сириону, явственно предполагают, что здесь Тенистые горы, как можно ожидать, снова – Эред Ветрин. Нан Дунгортин, тем самым, по-видимому, располагается, как в «Детях Хурина», к западу от Сириона, в одной из долин среди южных склонов Тенистых гор. Но это означает, что гигантские пауки водятся и там, и там.

Придумать удовлетворительное объяснение этому весьма непросто. Возможно, что, когда Берен переходил через Горы Ужаса и повстречался с пауками (строки 569–574), «Нан Дунгортин» располагался в этой области, хотя и не был поименован; однако в «Кратком содержании V» он вновь перенесен к западу от Сириона, вместе со всеми пауками.

В более поздней версии орлы опускают Берена и Лутиэн на землю у границ Дориата, и там их находит Хуан.

Заключительная часть «Краткого содержания V» почти полностью совпадает с рассказом об охоте на волка и о гибели Берена в «Сильмариллионе», насколько возможно судить по очень сжатому плану; но в «Кратком содержании» Белег не принимал участия в охоте, точно так же, как и в «Сказании» (II. 38).

Примечательна последняя фраза «Краткого содержания»: «Возвращение Берена и Хуана» (стр. 311). «Возвращение» со всей очевидностью подразумевает, что они вернулись из Мандоса (последний заголовок «Краткого содержания І» гласит: «Тинувиэль отправляется в Мандос и возвращает Берена»; в каковом случае мой отец, по всей видимости, намеревался вернуть Хуана из мертвых вместе с Береном и Лутиэн. В «Сказании о Тинувиэли» Хуан не гибнет (II. 39), и никакое пророчество относительно его судьбы не предрекает, что он падет от самого могучего из волков, какой только рождался в мире; пес стал спутником Маблунга (II. 41), и в «Сказании о Науглафринге» он вернулся к Берену и Лутиэн в землю и Гуильвартон после смерти Тингола и разграбления Тысячи Пещер.

314

ПРИЛОЖЕНИЕ

Комментарии К. С. Льюиса к «Лэ о Лейтиан»

Я привожу здесь бо́льшую часть этих комментариев (касательно них см. стр. 150–151).* Ссылки на номера строк у Льюиса, безусловно, приведены в соответствие с нумерацией строк в данной книге. Буквы H, J, K, L, P, R обозначают вымышленные рукописи древней поэмы.

Касательно текста, раскритикованного в первом комментарии, см. стр. 157–158, т.е. текст «В»(1).

4 Meats were sweet [Яства были сладки]. Так в РRК. Пусть поверит кто сможет, что наш автор способен породить подобную какофонию. Ј His drink was sweet his dishes dear [Его питье было сладким, блюда – драгоценными]. L His drink was sweet his dish was dear [Его питье было сладким, блюдо – драгоценным]. (Многие ученые отвергают строки 1–8 целиком как совершенно недостойные поэта. «Они добавлены позже, чтобы заполнить лакуну в источнике, – утверждает Пибоди [20] и добавляет: – Более мелодичный ритм и более уверенная динамика повествования начиная со строки 9 [Виt fairer than are born to Men] [Но прекраснее, чем рождаются у людей] убедили бы распоследнего глупца, что именно здесь и только здесь начинается подлинное произведение поэта». Я склонен предположить, что истинное начало «Жесты» содержится как раз в H-рукописи, которую стоит здесь процитировать целиком.

^{*} Об этих комментариях (с приведением нескольких цитат) рассказывается в книге «Инклинги» Х. Карпентера, стр. 29–31, где было исправлено утверждение из «Биографии» (стр. 226) о том, что «никаких предложенных Льюисом исправлений Толкин не принял» [21].

В безлюдной и глухой стране Границ Броселианда вне Король жил, славен и богат: Был златом шит его наряд, Обут был в злато, облачен, И препоясан златом он. Его многоколонный зал Сокровищ множество вмещал От нижних погребов до крыш: Тут – из слоновой кости мышь, Там – золотой пчелиный рой; Сиял янтарных шахмат строй На медном поле. Для вина Бессчетные рога - сполна За них уплату взял в свой срок Пугливый зверь единорог. Но все сокровища не в счет...

Давно, когда в былые дни

Зажглись впервые звезд огни,

That was long since in ages old
When first the stars in heaven rolled,
There dwelt beyond Broseliand,
While loneliness yet held the land,
A great king comely under crown,
The gold was woven in his gown,
The gold was clasped about his feet,
The gold about his waist did meet.
And in his many-pillared house
Many a gold bee and ivory mouse
And amber chessmen on their field
Of copper, many a drinking horn
Dear purchased from shy unicorn
Lay piled, with gold in gleaming grot.
All these he had etc.)

 $\frac{315}{316}$

[Можно утверждать почти наверняка, что именно критика Льюиса заставила моего отца переписать начало (текст «В»(2), стр. 154). Если янтарным шахматам и мышкам из слоновой кости в новом варианте места не нашлось, примечательно, что в строках Льюиса фигурирует формулировка «And in his many-pillared house» [И в его многоколонном доме]. Она не заимствована из текста «В»(1), прочитанного Льюисом, но в «В»(2) возникает строка (14) in many-pillared halls of stone [в многоколонных каменных чертогах]. По всей видимости, Дуриновы many-pillared [многоколонные] чертоги в песни, которую поет Гимли в Мории, изначально были названы так К.С. Льюисом, представляющим себе чертоги Тингола в Дориате.]

40 Описание Лутиэн расхваливали столько раз и по праву, что смиренному комментатору вмешиваться нет нужды.

68 tall [высокий]. Так в PRKJH. В L vast [обширный]. Мнение Шика, назвавшего эту какофонию «внутренней рифмой», ей, безусловно, польстило, что, впрочем, положения не спасает. «Автор "Жесты" ничего не знал о внутренней рифме, и ее (так называемое) появление здесь безошибочно указывает на то, что текст в этом месте искажен» (Пумперникель). Но ср. 209, 413.

71–72 В качестве эталона подлинного стиля «Жесты» читателю стоит заучить наизусть это характерное безупречное двустишие.

 $\frac{316}{317}$

77 HL Of mortal men at feast has heard [(Ухо) смертных людей на пиру слышало]

[Строка в «В»(1) выглядела как: of mortal feaster ever heard [(Ухо) смертного пирующего когда-либо слышало]. Строка, предложенная Льюисом, была включена в текст, с заменой has [форма 3 л.ед.ч. вспомогательного глагола have] на hath [устар. форма 3 л.ед.ч. вспомогательного глагола have].]

99–150 Все критики единодушно сходятся на том, что это – один из великолепнейших фрагментов «Жесты».

112 Обратите внимание на двойной смысл слова within [внутри] (макрокосмический и микрокосмический). То, что сам поэт, скорее всего, этого не сознавал, нисколько не умаляет нашего восхищения.

[Льюис не без оснований подозревал, что сам поэт о двойном смысле не задумывался.]

117 H The legions of his marching hate [легионы его марширующей ненависти]

[Льюис критиковал исходную строку в «В»: his evil legions' marshalled hate [направляемая ненависть его злобных легионов]. Строка, предложенная Льюисом, была включена в текст, с сохранением marshalled [направляемой, сосредоточенной] вместо marching [марширующей].]

[В нижеследующем комментарии критике был подвергнут следующий фрагмент:

swift ruin red of fire and sword

Стремительное алое разорение огнем и мечом

leapt forth on all denied his word,

настигало всех, [кто] поступал вопреки его слову,

and all the lands beyond the hills uere filled with sorrow and with ills.

и все земли за пределами холмов были наполнены страданиями и невзгодами.]

124 Подразумевается относительное местоимение. Подозрение вызывает как вся конструкция, так и слово denied [отрицали] – и то, и другое звучат фальшиво. В H:

And ruin of red fire and sword To all that would not hail him lord И разорение алым огнем и мечом Ко всем, кто не признавал его

владыкой,

Came fast, and far beyond the hills

Приходило быстро, и далеко за

холмы

Spread Northern wail and iron ills.

Расходились северные стоны и

And therefore in wet woods and cold etc. И потому в мокрых и холодных

лесах... и т.д.

железные невзгоды.

130 «Слабая строка» (Пибоди).

[Исходная строка в «В», которую раскритиковал Льюис, изначально звучала как: who had this king once held in scorn [кто этого короля некогда презирал], и была заменена на: who once a prince of Men was born [кто некогда был рожден князем людей].]

137 Некоторые редакторы вносят исправления. Ритм, однако, неплохой, и, возможно, встречался бы чаще, если бы силлабическое ханжество не подвигало переписчиков «исправлять» его в других местах.

172 LH When I lost all [Когда я все потерял].

[Текст исправлен не был.]

173-174 L

Thus, out of wet night while he gazed, Так, пока он глядел из мокрой ночи, he thought, with heavy heart amazed он думал с тяжелым сердцем и дивясь [Текст исправлен не был.]

[Редакция, подвергнутая критике в следующем комментарии, звучала так: But ere he dared to call her name or ask how she escaping came или спросить, как она, ускользнув, пришла]

175–176 She escaping [Она, ускользнув]. Латинизированная фраза, что сразу выдает позднее искажение. Неблагозвучный ассонанс ere... dared [прежде, чем... посмел] подтверждает мои подозрения касательно данного двустишия. Никаких удовлетворительных исправлений предложено не было. [Фраза she escaping came [она, ускользнув, пришла] была заменена на she escaped and came [она ускользнула и пришла].]

196 Н Whining, his spirit ached for ease [Изнывая, его дух жаждал облегчения]. Пибоди так характеризует весь эпизод в целом: «Сочетание крайней простоты с убедительной психологической достоверностью, а также пафос, который без объяснений доносит до нас мысль о том, что поступок Горлима одновременно простителен и непростителен, делают эту часть повествования необычайно проникновенной».

[Текст строки 196 исправлен не был.]

208 haply [быть может]. LH chance [случаем]. [Текст исправлен не был.]

209–210 Один из немногих отрывков, где находит некоторое подтверждение теория Шика об осознанном использовании внутренней рифмы.

[См. комментарий к строке 68.]

 $\frac{317}{318}$

215 that [то]. H the [определенный артикль].

[Текст исправлен не был.]

Строки 313-316, которым посвящен следующий комментарий, были взяты в скобки для исключения, а в строке 317 еще до отправки текста Льюису слово that [что] было заменено на Then [Тогда].]

313 В рукописи Н читаем:

Thus Morgoth loved that his own foe

Should in his service deal the blow. Then Beren...

Так Морготу было любо, что его собственный недруг На его службе нанес удар.

Тогда Берен...

«Наш писец совершенно справедливо вымарал второе двустишие, но удаление первого не оправдано» (Пибоди). Первые две стертые строки безусловно заслуживают, чтобы их оставили в тексте; более того, их утрата делает Моргота значительно менее реалистичным. Я бы напечатал по тексту H, выделив фрагмент между *Thus* [Так] и *blow* [удар] скобками или тире.

[Мой отец поставил галочки напротив первых двух строк (313–314), возможно,

как указание на то, что он принял это предложение. Я оставил в тексте все четыре.]

400 О Песни II в целом Пибоди пишет: «Если это не прекрасное романтическое повествование, то я признаю себя невеждой, не знающим и смысла этих слов».

401 и далее. Более философичное описание данного периода мы находим в так называемой «Poema Historiale» [«Историческая поэма» – лат.], которая, видимо, датируется тем же временем, что и самые ранние рукописи «Жесты». Вот как выглядит в ней соответствующий отрывок:

Еще до солнца, на заре времен, Покуда не был предопределен Ход тел небесных, - в плоть

облачены, Мир эльфами заполоняли сны. А страсти, чьи пределы ныне – тьма

И потайные закрома ума, Желанье, и отчаянье, и грех,

На воле вольной воле жили без

В ту пору дух пронизывал насквозь Текучий мир – и заново ткалось Из грезы бытие за нитью нить,

There was a time before the ancient sun And swinging wheels of heaven had learned to run

More certainly than dreams; for dreams themselves

Had bodies then and filled the world with

The starveling lusts whose walk is now

To darkness and the cellarage of the mind, And shudderings and despairs and shapes of sin

Then walked at large, and were not cooped within.

318 319 Умели зверь и птица говорить. Со звездами вступали в брак мужи, И не было ни истины, ни лжи. Thought cast a shadow: brutes could speak: and men

Get children on a star. For spirit then Kneaded a fluid world and dreamed it new Each moment. Nothing yet was false or true.

[Хамфри Карпентер, цитирующий эти стихи в своей книге «Инклинги», пишет (стр. 30): «Иногда Льюис даже предлагал целые новые отрывки на замену тех строк, что не пришлись ему по нраву, а здесь он еще и выдавал предложенные им самим варианты за фрагменты якобы существовавших исторических источников. Так, он предложил заменить строки о "древних днях" [401 и далее] на приведенную ниже строфу собственного сочинения, которую он описал как «так называемую "Poema Historiale" [и т.д.]». Но невозможно предположить, чтобы эти строки, которые не только, по словам Карпентера, демонстрируют, «насколько сильно поэтическая фантазия Льюиса отличалась от толкиновской», но и написаны другим размером, предназначались Льюисом в качестве возможной замены; см. комментарий Льюиса к строкам 438–442.]

413 Еще один пример, подтверждающий теорию «внутренней рифмы».

438–442 Почти наверняка позднейшая интерполяция. Абстрактное философское утверждение, которое не удивило бы нас в контексте схоластической поэзии данного периода, подобной «Poema Historiale», совершенно чуждо стихотворной манере «Жесты». В L мы находим:

...singing in the wood
And long he stood and long he stood
Till, many a day, with hound and hail
His people seek him ere they sail,
Then, finding not, take ship with tears.
But after a long tale of years
(Though but an hour to him it
seemed)

He found her where she lay and dreamed.

... пению в лесу

И долго стоял он, и долго стоял он, Пока много дней с псами и криками Его подданные искали его перед отплытием,

Потом, не найдя, [они] отплыли в слезах.

Но после долгой повести лет (Хотя ему она показалась лишь часом)

Он нашел ее там, где она спала и видела сны.

[Мой отец отметил строки 438 и далее в машинописном тексте, но никаких изменений не внес.]

516 Flowering candles [Цветущие свечи]. Читателю следует отметить, как обыкновенно скупой стиль «Жесты» способен, тем не менее, подниматься на такие высоты, не теряя своей целостности.

[Строки, послужившие поводом для следующего комментария, выглядели следующим образом:

 $\frac{319}{320}$

the silent elms stood dark and tall,

где безмолвные вязы стояли, темные и высокие,

and round their boles did shadows fall 518 where glimmered faint...

а вокруг их стволов падали тени, где бледно мерцали...]

518 did [вспомогательный глагол do в архаичном значении усиления, подтверждения] PRK, let [позволяли (падать), роняли] JL. Хотя ни один вариант нельзя назвать удовлетворительным, редакция PRK представляется предпочтительной. Она не вполне благозвучна, но читатель, пытливо следующий за повествованием, этого не заметит: «тонкий» ход с заменой на let, придающий активную роль деревьям, сильно усугубляет положение, поскольку дешевая декорация куда хуже простого полотна. В Н стоит:

The silent elms stood tall and grey

Безмолвные вязы стояли, высокие

And at the roots long shadows lay

А у их корней лежали долгие тени

519–542 «Этот фрагмент, – отмечает Пибоди, – более чем заглаживает оплошность, допущенную поэтом в строке 518 (dormitat Homerus [«И Гомер иногда дремлет» – лат.]). Ipsa mollities [«Сама нега» – лат.]».

[Мне непонятно, почему Льюис так придрался к глаголу did в строке 518: он крайне часто применяется в качестве подспорья в стихосложении в тексте «В», показанном Льюису, – так, глагол дважды появляется в фрагменте, расхваленном выше: did flutter [порхали] 523, did waver [колыхались] 533. В обоих случаях впоследствии была внесена правка.]

320 321

555–556 «О si sic omnia!» [«О, если бы всё так!» – лат.] Не воспаряет ли наш пиит порой в самые поэтические эмпиреи? Однако в своем трудолюбивом смирении он чаще предпочитает витать в более умеренном воздухе (отметим, не в эфире) средних небес» (Пумперникель). Некоторые склонны усматривать в концепции возрождения от смерти к жизни некое позднее наслоение. Но см. текст весьма раннего стихотворения, дошедшего до нас в рукописи № 3057, ныне хранящейся в публичной библиотеке Нэрроутрода (бывш. *Нарготронд*), которое по времени написания соответствует «Жесте», хотя, будучи схоластическим сочинением, отличается более современным тоном:

Гордыней одержим, В плену самообмана, Я с зеркалом моим Сверяюсь постоянно, И, веря лестным грезам, Учусь красивым позам.

Because of endless pride Reborn with endless error, Each hour I look aside Upon my secret mirror, And practice postures there To make my image fair. Ты виноград мне дал, А я гляжу украдкой, Как ярок он и ал В моей ладони гладкой; Гляжу, красой обманут, Покуда грозди вянут.

Под стать Нарциссу, так Я умер бы от глада, Но прозревает зрак, Порою тени ада, – Из гордости тогда я Гордыню усмиряю.

И, нехотя склоняя Главу все ниже, ниже, Я плавлюсь и пылаю, И, оглянувшись, вижу, Как свет рождает тьму, как в благе – зло

Являет мне зеркальное стекло,

Чтоб себялюбье в смерти жизнь любви дало.

You give me grapes, and I, Though staring, turn to see How dark the cool globes lie In the white hand of me, And stand, yet gazing thither, Till the live clusters wither.

So should I quickly die Narcissus-like for want, Save that betimes my eye Sees there such shapes as haunt Beyond nightmare and make Pride humble for pride's sake.

Then, and then only, turning
The stiff neck round, I grow
A molten man all burning
And look behind, and know
Who made the flaw, what light makes
dark, what fair
Makes foul my shadowy form reflected
there,
That self-love, big with love, dying, its
child may bear.

[Остается только гадать, как отреагировал создатель Нарготронда на упоминание «публичной библиотеки Нэрроутрода». – Приведенное выше стихотворение с некоторыми исправлениями включено в книгу «Кружной путь, или Блуждания паломника» (1933 г.) [22].]

563–592 Так во всех рукописях. Это, безусловно, оригинальный фрагмент, не уступающий остальной «Жесте». Но не был ли он изначально расположен после нынешней строки 391 или 393? Искусственная вставка рассказа о путешествии Берена в данный момент повествования, в результате чего события излагаются не прямо, а ретроспективно, быть может, и оправдана, но такие ухищрения представляются чересчур замысловатыми для «Жесты»: именно такую интерполяцию можно было бы ожидать от позднеброселиандского литературного редактора, увлекающегося классической эпической поэзией.

[Четверть века спустя – или еще позже – отец переписал эту часть поэмы и последовал совету Льюиса. См. стр. 352.]

[Изначальный текст рукописи «В», подвергшийся критике в следующем комментарии (строки 629 и далее) выглядел так:

 $\frac{321}{322}$

Then stared he wild in dumbness bound Тогда взглянул он, дикий, пораженный немотой, на безмолвные деревья, пустынную at silent trees, deserted ground; землю; the dizzy moon was twisted grey дрожащая луна исказилась серым цветом in tears, for she had fled away. сквозь слезы, потому что она [Лутиэн] бежала.]

629-630 Так в PRKJ. Латинизированное использование прилагательного в функции наречия (wild [дикий]) и опущенные артикли в следующей строке вызывают подозрения.

L But wildly Beren gazed around On silent trees (and)* empty ground. Но дико Берен взглянул вокруг На безмолвные деревья (и)* пустынную землю.

The dizzy moon etc.

Дрожащая луна... и т.д.

(*Пибоди вставляет союз «и». Но односложная стопа тоже возможна. Cp. 687.)

H But wildly Beren gazed around. Emptied the tall trees stood. The ground

Но дико Берен взглянул вокруг. Опустевшими стояли высокие деревья. Земля

Lay empty. A lonely moon looked grey

Лежала пустынной. Одинокая луна глядела серо

Upon the untrodden forest way.

На неторную лесную тропу.

Я предпочитаю вариант Н, поскольку он избавляется от прихотливой метафоры (а ни о чем другом говорить тут не приходится) касательно луны. (Такого рода половинчатую персонификацию, само собой, следует отличать от истинной мифологии.)

[Рядом с этим утверждением Льюиса мой отец написал: «А вот и нет!! Луна казалась дрожащей и искаженной от того, что у него в глазах стояли слезы!» Тем не менее, он жирной чертой вычеркнул эти две строки в машинописным тексте, так что я не включил их в издание.]

635-636 Великолепное сравнение.

641 Пибоди, несмотря на свое немалое пристрастие к метрическому распущению [23] в целом, в данном случае находит распущение (Bewildered enchanted [Растерян, очарован]) «неоправданно резким». Возможно, в оригинале стояло wildered [растерян].

[В рукописи «В» стояло bewildered, enchanted and forlorn [растерян, очарован и потерян]. Отец впоследствии заменил bewildered на wildered [Оба слова значат 'растерян'.] и поменял его местами с enchanted.]

322

<u>323</u>

651-652 В JHL порядок строк изменен.

Так и было сделано. Ср. строки 1222–1223, где эти строки встречаются вновь, но оставлены в своей изначальной последовательности.]

После строки 652 в «В» значилось:

Thus thought his heart. No words would come

from his fast lips, for smitten dumb a spell lay on him, as a dream in longing chained beside the stream. в томлении скованного у потока.

Так думало его сердце. Ни слова не сходило с его сжатых губ, ведь на пораженного немотой

было наложено заклятие, как во сне

Прочитав комментарий Льюиса, отец поставил напротив этих строк метку «Поправить», а также знак удаления, на основании чего я исключил эти четыре строки из текста.]

Только в PR. Вызывает сильные сомнения. «Поздние редакторы, – пишет Пумперникель, - постоянно добавляли ненужные усилительные конструкции, как будто воображение их читателей неспособно было бы справиться самостоятельно, и таким образом притупляли истинную силу и мощь "Жесты"...» Предлагаю читать:

A heartache and a loneliness

- Enchanted waters pitiless.' A summer wanted etc.

Сердечная боль и одиночество -Зачарованные воды безжалостные».

Лето прошло, и т.д.

[Изначально в рукописи «В» в строке 651 было употреблено слово heartache [сердечная боль], которое позже было заменено на hunger [голод], однако оставлено без изменений в строке 1223.]

653-672 Об этом великолепном фрагменте Пибоди отмечает: «Как будто заговорил сам лес».

677-679 LH

From her dim cave the damp moon eyed Из своей мрачной пещеры влажная луна глядела,

White mists that float from earth to hide Как поплыли белые туманы с земли, чтобы закрыть

The sluggard morrow's sun and drip Неторопливое утреннее солнце и капать

[Текст исправлен не был.]

683 Слово beat [удар] совершенно не годится для описываемого звука, что несомненно указывает на порчу текста. Никаких разумных альтернатив предложено не было.

[Мой отец вписал в текст возможную замену слова beat, а также новый вариант строки 684 (of his own feet on leafy... [его собственных ног на лиственной...]), но я не могу разобрать рифмующиеся слова.]

323 324 685–708 Мне нет нужды добавлять ни слова к бессчетным отзывам моих предшественников, на все лады восхваляющих этот отрывок.

710 Бентли предлагает замену на *saw far off* [увидел вдали], дабы избежать неблагозвучности, неизбежно возникающей, когда окончание на *-w* предшествует слову, начинающемуся с гласного звука.

[Раскритикована была фраза saw afar [увидел вдалеке], и строка была отредактирована согласно предложению Льюиса.]

715 Stole he [Подкрался он] PRK. He stole [Он подкрался] JHL. Похоже, что в PRK имеет место «усовершенствование» переписчиком размера дорогой ценой – за счет бессмысленной инверсии.

[Раскритикована была фраза *Then stole he nigh* [Тогда подкрался он ближе], замененная на *Then nigh he stole* [Тогда ближе он подкрался].]

727–745 Эти строки в своем нынешнем виде сильно попорчены, но их изначальную прелесть все еще можно различить.

[См. комментарии ниже.]

324 325

[Изначально строки 729-730 в рукописи «В» выглядели как:

the hillock green he leaped upon – the elfin loveliness was gone;

он вскочил на зеленый холмик – эльфийская краса исчезла;]

729 Невыносимый ложный пафос и прозаичность в момент столь сильного напряжения.

[Изначально в тексте «В» строка 739 выглядела как: its echoes wove a halting spell: [ее отголоски сплелись в мешкотное заклятье:]]

739 Почему *halting* [мешкотное]? «Пусть переписчик возьмет назад свою ерунду!» (Бентли).

[Рядом с этими строками отец написал «Заклятье, чтобы заставить замешкаться», но на полях рукописи «В» он вписал *staying/binding* [останавливающее/связывающее], и я вставил в текст вариант *binding* [связывающее].]

[Изначально строки 741–745 в «В» выглядели следующим образом:

His voice such love and longing fill 741 one moment stood she, touched and still; one moment only, but he came and all his heart was burned with flame. 744]

Его голос наполняют такая любовь и томление на один миг застыла она, растроганная и недвижимая; лишь на один миг, но он подошел, и все его сердце было сожжено в пламени.]

741–742 Историческое прошедшее время всегда выглядит подозрительно. Второе двустишие безнадежно испорчено. Такое значение слова *touched*

[растроганная] в языке «Жесты» невозможно: а если бы само слово и могло бы там быть употреблено, то такое понятие больше подходит для гостиной Нэрроутрода XIX века, чем для героических страстей. В HL читаем:

And clear his voice came as a bell

Whose echoes wove a wavering spell

Tinúviel. Tinúviel.

Such love and longing filled his voice

That, one moment, without choice,

One moment without fear or shame.

Tinúviel stood; and like a flame

He leapt towards her as she stayed

And caught and kissed that elfin maid.

И чисто его голос прозвучал, как колокол,

Чье эхо движет заклятьем

замешательства:

Тинувиэль. Тинувиэль.

Такая любовь и томление наполнили его голос,

Что на миг, не имея выбора, На один миг без страха или стыда Тинувиэль замерла; и как пламя, Он прыгнул к ней, пока она

замешкалась,

И поймал и поцеловал ту эльфийскую

Мой отец пометил этот отрывок словом «Поправить» и внес некоторую черновую правку (позаимствовав заключительные строки из версии Льюиса), приведя отрывок в тот вид, который я вопроизвел в опубликованном тексте, невзирая на неметричное двустишие.

325 326

[Изначально в рукописи «В» значилось:

aswoon in mingled grief and bliss, в беспамятстве от смешения горя и счастья, enchantment of an elvish kiss. очарования эльфийского поцелуя.]

760-761

L Aswoon with grief, aswoon with bliss. В беспамятстве от горя, в беспамятстве от счастья,

Enchanted of an elfin kiss.

Очарованный эльфийским поцелуем.

[Слово enchantment [очарование] было заменено на enchanted [очарованный].]

[Исходный текст строк 762-773 в рукописи «В»(1), которая была показана Льюису (см. стр. 194), выглядел следующим образом:

5

and saw within his blinded eyes a light that danced like silver flies a starlit face of tenderness crowned by the stars of Elfinesse. A mist was in his face like hair, and laughing whispers moved the

'O! dance with me now, Beren. Dance!' -

a silver laugh, a mocking glance:

и увидел ослепленными глазами свет, плясавший подобно серебряным мошкам,

освещенное звездами лицо нежности, увенчанное звездами Эльфинесса. Туман был у него перед лицом, как волосы, и смеющийся шепот всколыхнул воздух -«О, потанцуй со мной теперь, Берен.

Танцуй!» –

серебристый смех, насмешливый взгляд:

'Come dance the wild and headlong maze those dance, we're told, beyond the ways 10 who dwell that lead to lands of Men! Come teach the feet of Lúthien!' The shadows wrapped her. Like a stone the daylight found him cold and lone.

«Ну же, танцуй в диком и безудержном лабиринте, как танцуют те, говорят, что живут за пределами путей, что ведут в земли людей! Ну же, направь стопы Лутиэн!» Тени окутали ее. Подобным камню, рассвет нашел его холодным и одиноким.

Льюис прокомментировал строку 8 из этого отрывка:]

L a silver laughter, an arch glance [серебристый смех, лукавый взгляд] «Не стану и пытаться определить, какой из вариантов – mocking [насмешливый] или arch [лукавый] нестерпимее отдает кисейными барышнями» (Пибоди).

[В версию «В»(2) эта строка не вошла. Относительно строк 9–12 Льюис написал:]

JHL: отсутствуют. Не будет ли справедливо признать, что весь кусок [с начала этой Песни до конца приведенного выше отрывка из «B»(1)] недостоин поэта?

[Очевидно, что именно эта суровая критика послужила причиной редактирования начала Песни.]

775 Хиазм – подозрительно классическая фигура. В Н читаем: *Dark is the sun, cold is the air* [Темно солнце, холоден воздух].

326 327

[Рядом с этим мой отец наспех написал: «Но классические авторы не изобрели хиазм! – это вполне естественный прием». (*Хиазм* – грамматическая фигура, в которой порядок слов в одном из двух параллельных предложений является зеркальным отражением другого.)]

[Отрывок, который Льюис подверг критике в следующем комментарии, выглядел так:

Hateful art thou, O Land of Trees! My flute shall finger no more seize; may music perish etc.

Будь проклят ты, о Край Дерев! Мою флейту палец более не схватит; пусть музыка погибнет...]

849 Очевидное искажение. HJL Oh hateful land of trees be mute! My fingers, now forget the flute! [О ненавистный край дерев, умолкни! Мои пальцы, отныне забудьте флейту!]

[Напротив этого комментария мой отец написал: «Чудовищный XVIII век!!!» Но он переставил местами слова во второй строке: *my fingers the flute shall no more seize* [мои пальцы флейту более не схватят], а впоследствии переписал этот отрывок так, как приведено в тексте, строки 849–852.]

849-883 «Строки, исполненные подлинного величия» (Пумперникель).

909 cometh [грядет]. HJL comes [идет]. Ритм безусловно четче в HJL. [Текст исправлен не был.]

[Изначально в рукописи «В» строка 911 выглядела следующим образом: ...те берега, those white rocks where the last tide roars те белые скалы, где последний

911 «Где восемь скучных слов столь вползают в дурную строку». Строки, состоящие из односложных слов, часто встречаются в «Жесте», но такое нагромождение согласных, как здесь – скорее редкость. Никаких удовлетворительных правок не предлагается. Подозреваю, что мы имеем дело с

искаженным вариантом строк 1142-1143: наши писцы не всегда признают

прибой ревет]

или понимают эпические повторы.

[Правка, внесенная в текст «В» и напечатанная в окончательном тексте, основана, как и предлагал Льюис, на строках 1142—1143. Его комментарий – аллюзия на строку 347 из «Опыта о критике» Поупа: And ten low words oft creep in one dull line /И десять подлых слов часто вползают в одну скучную строку] [24].]

978–979 В журнале «Gestestudien» [«Исследования жест» – нем.] № XIII, стр. 9–930 [25], читатель найдет краткое изложение войны между критиками, которая разгорелась вокруг возможности использования ассонанса (или рифмы) within-dim [внутри-темный]. Возможно, ученым мужам прошлого столетия удалось бы сэкономить немало чернил, если бы им было известно о редакции в рукописи L: Where out of yawning arches came A white light like unmoving flame [Где из-под зияющих арок исходил / Белый свет, подобный недвижному пламени]. «Что до меня, то я пришел к выводу, что если использование ассонанса в textus receptus ['общепринятом тексте' – лат.] оправдано, то тот же феномен ранее наверняка использовался чаще и был искоренен в других местах переписчиками. Редакторы могли бы с пользой приложить усилия к тому, чтобы восстановить утраченные ассонансы» (Шуффер). Но см. 1140–1141.

[Изначально в рукописи «В» в строках 980-981 значилось:

With gentle hand there she him led down corridors etc. Ласковой рукой туда она его повела вниз по коридорам... и т.д.]

980 J Downward with gentle hand she him led [Вниз ласковой рукой она его повела], что объясняет нерегулярность стиха. Изначально строка выглядела как Downward with gentle hand she led [Вниз ласковой рукой она повела]. Писец рукописи J безосновательно счел, что здесь необходимо дополнение, и вставил слово him [его]. В Vulg. мы находим «исправление» ради

 $\frac{327}{328}$

размера с потерей Downward [вниз] и вставкой there [туда], в результате чего имеем неуклюжую строчку.

[В этом комментарии сокращением Vulg. обозначается Vulgate [Вульгата] - общепринятый или распространенный вариант литературного произведения. Мой отец вписал предложенную Льюисом строку в текст «В», пометив ее инициалами автора, а в следующей строке 981 заменил down [вниз] на through [через].] [Изначально в рукописи «В» значилось: as into archéd halls was led [когда под своды был приведен].]

991 HJL she led [она привела]

996 L in old stone carven stood [в древнем камне высечены, стояли] [Текст исправлен не был.]

[Изначально в тексте «В» значилось: while waters endless dripped and ran [пока воды бесконечно капали и бежали].]

1007 H While water forever dript and ran [Пока вода вечно капала и бежала] [Изначально в тексте «В» значилось: in lightless labyrinths endlessly [в бессветных лабиринтах бесконечно].]

328

329

1075 Labyrinths. HJL Labyrinth.

[Льюис исправил предложенный им вариант на Laborynth(s), и напротив этого слова мой отец приписал: «К чему такое написание?»]

980-1131 Весь этот фрагмент по праву считается одним из наиболее удачных мест в «Жесте».

1132-1161 Меня одолевают подозрения, что эта часть была значительно расширена позднейшими редакторами, обнаружившими, что их аудитория не вполне в курсе исходных мифов. В своем нынешнем виде она далека от совершенства. С одной стороны, налицо чересчур долгий перерыв в действии; с другой стороны, для читателя, не знающего изначальной мифологии, изложение чересчур сжатое. Кроме того, оно еще и невнятно; так, редкий читатель догадается, что в строке 1145 their [их] относится к «Сильмарилям». Сокращенный вариант, сохранившийся в Н и L, не идеален, но в некоторых отношениях, возможно, ближе оригиналу:

Then Thingol's warriors loud and long Тогда воины Тингола громко и долго Laughed: for wide renown in song Had Fëanor's gems o'er land and sea, The Silmarils, the shiners three, Three only, and in every one The light that was before the sun

Смеялись: ведь широкую славу в песнях Снискали самоцветы Феанора на суше и на море,

Сильмарили, светоча три, Только три, и в каждом Свет, что существовал до солнца And moon, shone yet. But now no more
Those leavings of the lights of yore
Were seen on earth's back: in the drear
Abysm of Morgoth blazing clear
His iron crown they must adorn
And glitter on orcs and slaves forlorn etc.

И луны, еще сиял. Но теперь Этих остатков былых огней Было не видно на хребте земли:

в страшной Преисподней Моргота, сверкая ярко, Его железную корону они должны украшать И сиять злосчастным оркам и рабам... и т.д.

[Мой отец поставил восклицательный знак напротив слов *shiners three* [светоча три] и пометил строки 1144–1145 знаком «Х» (см. примечание к этим строкам).]

*

На этом комментарии К. С. Льюиса к «Жесте о Берене и Лутиэн» заканчиваются, и в анналах «Gestestudien» не сохранилось более никаких соображений, высказанных Пибоди, Пумперникелем, Шуффером и Шиком – а также, в данном контексте, соображений их даровитого создателя.

IV

ВОЗОБНОВЛЕННОЕ «ЛЭ О ЛЕЙТИАН»

Когда мой отец заново взялся за «Лэ о Лейтиан» с самого начала, сперва он, скорее всего, планировал всего-навсего отредактировать текст, улучшить отдельные строки и небольшие фрагменты, причем в рамках первоначального плана и композиции. По крайней мере, именно так он поступил с Песней I – причем правку вносил в старую машинопись «В». Но, дойдя до Песни II, он быстро увлекся, перешел к переработке гораздо более радикальной и взялся, по сути дела, сочинять новую поэму на ту же самую тему и тем же самым размером, что прежняя. Безусловно, это произошло отчасти потому, что изменилась история Горлима, но самоочевидно и то, что новый порыв вдохновения искал нового выражения, не довольствуясь переделкой уже созданного. Старый машинописный текст по-прежнему использовался как по меньшей мере материальная основа для нового сочинения, но на протяжении обширного фрагмента напечатанные строки просто вычеркивались, а новые вписывались на вложенных страницах и листках.

Прежняя Песнь II, содержащая чуть больше 300 строк, была увеличена до пятисот и заново поделена на Песни 2 и 3 (старые и новые удобно различать посредством римских и арабских цифр).

Переписывание старого машинописного текста продолжалось, захватило небольшой фрагмент в начале Песни III (новая Песнь 4), а затем оборвалось. На основе данного, ставшего крайне хаотичным, текста, мой отец, переписав его набело, создал изящно изукрашенную рукопись «С», неизбежно вставляя новые изменения; этот вариант заканчивается за несколько строк до того места, где обрывается переписанный «В»-текст. После того машинистка перепечатала текст («D») в двух экземплярах, по всей видимости, под контролем моего отца, но сейчас говорить о нем нет нужды; достаточно отметить, что позже мой отец внес правку и в эти тексты.

Переписывание «В»-текста, по всей видимости, явилось вторым этапом, от которого подготовительных наработок не осталось; потому что в случае новой Песни 4 такие предваряющие черновики сохранились. На одной из этих страниц, со всей очевидностью, в то же самое время, когда создавались эти стихотворные наброски, мой отец начертил поэтажный план части дома № 99 по Холиуэлл-стрит в Оксфорде, куда он переехал в 1950 году. Вне всякого сомнения, он нарисовал этот план незадолго до переезда, обдумывая, как лучше обустроиться на новом месте. Тем самым, ясно, что к новой переработке «Лэ о Лейтиан» он приступил практически сразу же по завершении «Властелина Колец».

Ниже я привожу текст рукописи «С» в его финальной форме (то есть, после внесения в него определенной правки) вплоть до его окончания (строка 624),

включив одно-два мелких исправления, внесенных впоследствии в машинописный (ые) текст(ы) «D», и еще небольшой фрагмент (строки 625–660), существовавший только в черновиках до того, как был допечатан в «D». Краткие примечания и комментарии приводятся на стр. 348 и далее.

ЛЭ О ЛЕЙТИАН

1. О ТИНГОЛЕ В ДОРИАТЕ

Встарь, до того, как род людской Явился в мир – лесной страной Могучий правил властелин Средь чащ, прогалин и долин. Был плащ - венцу из листьев в цвет; Щиты вобрали звездный свет Во дни до солнца и луны, А копья - остры и длинны. Когда в последующие дни Зажглись сигнальные огни И взвились стяги – эльфов рать В Срединный мир вернулась вспять, И Эльдамара короли На бой во всеоружьи шли, -Зов труб не молк в стране лесной Под юным солнцем и луной. В Белерианде, где хранят Заклятья древний Дориат, На троне Тингол восседал Среди многоколонных зал. В сокровищницах он хранил Опал, и жемчуг, и берилл, Без счета панцирей, кольчуг И копий для могучих рук; Мечи, щиты и топоры Во тьме таились до поры. Их все считая за пустяк, Король превыше прочих благ Ценил дочь, Лутиэн, светлей Земли прекрасных дочерей.

THE LAY OF LEITHIAN

1. OF THINGOL IN DORIATH

A king there was in days of old: ere Men yet walked upon the mould his power was reared in caverns' shade, his hand was over glen and glade. Of leaves his crown, his mantle green, 5 his silver lances long and keen; the starlight in his shield was caught, ere moon was made or sun was wrought. In after-days, when to the shore of Middle-earth from Valinor 10 the Elven-hosts in might returned, and banners flew and beacons burned, when kings of Eldamar went by in strength of war, beneath the sky then still his silver trumpets blew when sun was young and moon was new. Afar then in Beleriand. in Doriath's beleaguered land, King Thingol sat on guarded throne in many-pillared halls of stone: 20 there beryl, pearl, and opal pale, and metal wrought like fishes' mail, buckler and corslet, axe and sword, and gleaming spears were laid in hoard: all these he had and counted small, for dearer than all wealth in hall. and fairer than are born to Men, a daughter had he, Lúthien.

332

О ВОЗЛЮБЛЕННОЙ ЛУТИЭН

OF LÚTHIEN THE BELOVED

Не помнит трав лесной ковер Столь легкий шаг, столь ясный взор

Не помнят чащи и цветы Столь совершенной красоты. Синей небес ее наряд, И, словно летний вечер, взгляд. По шелку – вязь златых лилей, Темней теней – волна кудрей. Походка, как полет, легка, А смех – нежнее ветерка. К воде склонившийся тростник, В зеленой чаще света блик, Весной цветущие поля, Хрустальный перезвон ручья – Что лучше передаст черты Ее бессмертной красоты?

В лесном краю жила она – Мощь эльфов в оны времена Хранила древний Дориат. В густую чащу, говорят, Был никому не ведом путь. Никто незваным проскользнуть Не смел в волшебную страну, Листвы нарушив тишину. Оттуда к северу лежал Дунгортин, – и громады скал, Где мертвы тропы, где бледны Свет солнца и лучи луны, Где Смертная Ночная Мгла Край Таур-ну-Фуин заволокла. На юг, бесплодные, легли Пространства сумрачной земли. На западе, у черных скал Ревел и дыбил пенный вал Безбрежный, бурный океан. К востоку призрачный туман Окутал синих гор хребты, Безмолвны, дики и круты.

Such lissom limbs no more shall run on the green earth beneath the sun; 30 so fair a maid no more shall be from dawn to dusk, from sun to sea. Her robe was blue as summer skies, but grey as evening were her eyes; her mantle sewn with lilies fair. 35 but dark as shadow was her hair. Her feet were swift as bird on wing, her laughter merry as the spring; the slender willow, the bowing reed, the fragrance of a flowering mead, 40 the light upon the leaves of trees, the voice of water, more then these her beauty was and blissfulness, her glory and her loveliness.

She dwelt in the enchanted land 45 while elven-might yet held in hand the woven woods of Doriath: none ever thither found the path unbidden, none the forest-eaves dared pass, or stir the listening leaves. 50 To North there lay a land of dread, Dungorthin where all ways were dead in hills of shadow bleak and cold; beyond was Deadly Nightshade's hold in Taur-nu-Fuin's fastness grim, where sun was sick and moon was dim. To South the wide earth unexplored; to West the ancient Ocean roared. unsailed and shoreless, wide and wild: to East in peaks of blue were piled, 60 in silence folded, mist-enfurled, the mountains of the outer world.

333

Царил средь Тысячи Пещер Менегротских подземных сфер Король, величьем осиян; С ним – королева Мелиан. Она, бессмертна и светла, Вкруг трона сети чар сплела, Закляв скалу и сень чащоб Вдали от всех путей и троп. Был меч остер и шлем высок Владыки чащ, где бук и дрок; Был зелен лист, шли травы

в рост,

И пели иволга и дрозд;
В лучах и в сумраке густом
Кружилась в танце колдовском
Плясунья Лутиэн, легка;
И плыли над землей века.

О ДАЙРОНЕ, МЕНЕСТРЕЛЕ ТИНГОЛА

День гас в вечерней пелене, Сияли звезды в вышине; И Дайрон, дивный менестрель, Искусно ткал за трелью трель На тонких флейтах, вдохновен, Для милой девы, Лутиэн.

Тот дивный край не знал забот; Был вечер – тих, лучист – восход В Белерианде вековом. Искрились бледным серебром, Камнями редкой красоты И алым золотом – персты; И нифредиль, и эланор Расцветили лесной ковер. Но пробил судьбоносный час, Как повествует эльфов сказ.

Thus Thingol in his dolven hall amid the Thousand Caverns tall of Menegroth as king abode: 65 to him there led no mortal road. Beside him sat his deathless queen, fair Melian, and wove unseen nets of enchantment round his throne. and spells were laid on tree and stone: 70 sharp was his sword and high his helm, the king of beech and oak and elm. When grass was green and leaves were long, when finch and mavis sang their song, there under bough and under sun 75 in shadow and in light would run fair Lúthien the elven-maid, dancing in dell and grassy glade.

OF DAIRON MINSTREL OF THINGOL

When sky was clear and stars were keen, then Dairon with his fingers lean, 80 as daylight melted into eve, a trembling music sweet would weave on flutes of silver, thin and clear for Lúthien, the maiden dear.

There mirth there was and voices bright; 85 there eve was peace and morn was light; there jewel gleamed and silver wan and red gold on white fingers shone, and elanor and niphredil bloomed in the grass unfading still, 90 while the endless years of Elven-land rolled over far Beleriand, until a day of doom befell, as still the elven-harpers tell.

*

334

2. О МОРГОТЕ И О ТОМ, КАК ГОРЛИМА ЗАМАНИЛИ В ЛОВУШКУ

2. OF MORGOTH & THE SNARING OF GORLIM

В далеких северных горах, Во тьме пещер, где правит страх, Стоял престол в кругу огня. Дыханье жизни хороня, Столпами ввысь тянулся дым. По подземельям колдовским К погибели влачился всяк, Низринутый в мертвящий мрак. Там жил король - грозней и злей Не ведал мир с начала дней: Древней, чем звезды и луна, Чем твердь и моря глубина; Ни эльда и ни человек Его бездонных дум вовек Постичь не мог. Пока не стал Земною твердью - камень скал, Он, порожденье древних сил, Жесток и лют, во тьме бродил, И, ярым пламенем палим, Повелевал и правил им. Он разорил и вверг во тьму Блаженный Край; пришлось ему, Бежав в Срединный край, опять Чертог подгорный возрождать. Заполонил свой бастион Рабами ненависти он, И смерти тень ждала у врат. Он рать бесчисленных солдат Вооружил на бой: у них Не счесть секир и пик стальных, И пламенеющих мечей. За ними полз безвекий змей И крались волки по пятам. Отдал приказ своим полкам Король, и вспыхнула война. Там, где в полях цвела весна И золотистый эланор Расцвечивал травы ковер,

Far in the Northern hills of stone 95 in caverns black there was a throne by flame encircled; there the smoke in coiling columns rose to choke the breath of life, and there in deep and gasping dungeons lost would creep 100 to hopeless death all those who strayed by doom beneath that ghastly shade. A king there sat, most dark and fell of all that under heaven dwell. Than earth or sea, than moon or star 105 more ancient was he, mightier far in mind abysmal than the thought of Eldar or of Men, and wrought of strength primeval; ere the stone was hewn to build the world, alone 110 he walked in darkness, fierce and dire, burned, as he wielded it, by fire. He 'twas that laid in ruin black the Blessed Realm and fled then back to Middle-earth anew to build 115 beneath the mountains mansions filled with misbegotten slaves of hate: death's shadow brooded at his gate. His hosts he armed with spears of steel and brands of flame, and at their heel 120 the wolf walked and the serpent crept with lidless eyes. Now forth they leapt, his ruinous legions, kindling war in field and frith and woodland hoar. Where long the golden elanor 125

had gleamed amid the grass they bore

Взметнулся черный шелк знамен; Где арф певучий перезвон Звучал в лугах из края в край, Не молк вороний хриплый грай Над грудами гниющих тел; Где прежде звонкий зяблик пел, С клинков стекала кровь, ала. Неспешно с Севера ползла Тень вражья, смерть и плен суля Тем, кто восстал на короля. Весь Север вплоть до черных скал Под гнетом Моргота стенал.

Но жил, таясь, в стране лесной Отважный Барахир – герой Был сыном Беора; рожден Повелевать и править, он, Лишась земель и княжьих прав, Скрывался средь чащоб и трав.

 $\frac{334}{335}$

О ТОМ, КАК 12 БЕОРИНГОВ СПАСЛИ КОРОЛЯ ИНГЛОРА ФЕЛАГУНДА

С ним дюжина бойцов; они Хранили верность в злые дни. В эльфийских песнях их имен Не позабыли с тех времен, Как пали Дагнир и Рагнор, Радруин, Дайруин и Гильдор, Злосчастный Горлим и Артад, Хаталдир с Уртелем; и яд Отравленного острия Две жизни взял - и сыновья, Какими славен Бреголас, Погибли оба в горький час, – И Белегунд, и Барагунд, -И кровь их оросила грунт; И Берен, Барахира сын, С кем не сравнится ни один Герой легенд, чей рок высок, На дроги бездыханным лег.

their banners black, where finch had sung and harpers silver harps had wrung now dark the ravens wheeled and cried amid the reek, and far and wide 130 the swords of Morgoth dripped with red above the hewn and trampled dead. Slowly his shadow like a cloud rolled from the North, and on the proud that would not yield his vengeance fell; 135 to death or thraldom under hell all things he doomed: the Northern land lay cowed beneath his ghastly hand.

But still there lived in hiding cold
Bëor's son, Barahir the bold,
of land bereaved and lordship shorn
who once a prince of Men was born,
and now an outlaw lurked and lay
in the hard heath and woodland grey.

OF THE SAVING OF KING INGLOR FELAGUND BY THE XII BËORINGS

Twelve men beside him still there went, 145 still faithful when all hope was spent. Their names are yet in elven-song remembered, though the years are long since doughty Dagnir and Ragnor, Radhruin, Dairuin and Gildor, 150 Gorlim Unhappy, and Urthel, and Arthad and Hathaldir fell; since the black shaft with venomed wound took Belegund and Baragund, the mighty sons of Bregolas; 155 since he whose doom and deeds surpass all tales of Men was laid on bier, fair Beren son of Barahir.

Из дома Беора мужи Встарь удержали рубежи Заросших Серехских болот: Вкруг Инглора в день страшный

Они дрались к плечу плечом И, заградив клинков кольцом, Спасли того, кто всех славней В роду эльфийских королей. Так Инглор, им навеки друг, Остался жив, бежал на юг, Так в Нарготронд вернулся он, В свой славный край, где испокон Носил свой венценосный шлем. Назад уехали меж тем В пределы северной страны Отважны, непокорены, Беоринги – дразня судьбу, Они с врагом вели борьбу, Пусть Морготова злоба там Гналась за ними по пятам.

О БЛАГОСЛОВЕННОМ ОЗЕРЕ АЭЛУИН

Деяний храбрых без числа Свершал отряд; наймиты зла, Их посланные превозмочь, От смельчаков бежали прочь. Хоть за изгоев нескудна Была назначена цена -Вергельд за короля таков! – Но тайный лагерь смельчаков Не удалось сыскать врагам. Взнеслись уступами к снегам, Голы, темны, за склоном склон -Сосновый край Дортонион К далеким уводил хребтам. Гладь озера синела там: Днем синева была светла; В ночи, как в зеркале стекла, В ней отражался ясный свет Звезд и созвездий Эльберет,

For these it was, the chosen men
of Bëor's house, who in the fen
of reedy Serech stood at bay
about King Inglor in the day
of his defeat, and with their swords
thus saved of all the Elven-lords
the fairest; and his love they earned. 165
And he escaping south, returned
to Nargothrond his mighty realm,
where still he wore his crownëd helm;
but they to their northern homeland
rode,
dauntless and few, and there abode

dauntless and few, and there abode 170 unconquered still, defying fate, pursued by Morgoth's sleepless hate.

OF TARN AELUIN THE BLESSED

Such deeds of daring there they wrought that soon the hunters that them sought at rumour of their coming fled. 175

Though price was set upon each head to match the weregild of a king, no soldier could to Morgoth bring news even of their hidden lair; for where the highland brown and

above the darkling pines arose
of steep Dorthonion to the snows
and barren mountain-winds, there lay
a tarn of water, blue by day,
by night a mirror of dark glass
for stars of Elbereth that pass

Что в небе к Западу плывут. Благословленный сей приют Встарь осеняла благодать – Не смели край тот осквернять Ни орк, ни Морготов фантом: Блестел озерный окоём В кольце серебряных берез, Вокруг, в болотах, вереск рос, И остов каменный земли Дрок и утесник оплели. Близ Аэлуина вождь-изгой В камнях устроил лагерь свой.

О ГОРЛИМЕ ЗЛОСЧАСТНОМ

Сын Ангрима, как молвит стих, Горлим Злосчастный, среди них Был всех отчаяннее. Он Когда-то, молод и влюблен, Ввел Эйлинель женой в свой дом И жил с ней счастливо вдвоем. Уехал Горлим на войну, И в разоренную страну Приехал, возвратясь с войны: Поля и пашни сожжены, А дом, разрушен, разорен, Темнеет меж безлистных крон. А Эйлинель, его жена, Похищена, увезена – На смерть иль в рабство. В этот день Ему на душу пала тень: В глуши, от лагеря вдали, Его сомнения гнели; Ночами долгими без сна Гадал он – вдруг жива она? Вдруг уцелела, вдруг спаслась, Под сенью леса схоронясь, И в дом придет, и, в свой черед, Погибшим Горлима сочтет? Один, тайком, в ночи глухой Он лагерь покидал порой; Опасностям наперекор, Прокрадывался вновь на двор,

above the world into the West.

Once hallowed, still that place was blest:
no shadow of Morgoth, and no evil thing
yet thither came; a whispering ring 190
of slender birches silver-grey
stooped on its margin, round it lay
a lonely moor, and the bare bones
of ancient Earth like standing stones
thrust through the heather and the
whin; 195

and there by houseless Aeluin the hunted lord and faithful men under the grey stones made their den.

OF GORLIM UNHAPPY

Gorlim Unhappy, Angrim's son, as the tale tells, of these was one 200 most fierce and hopeless. He to wife, while fair was the fortune of his life, took the white maiden Eilinel: dear love they had ere evil fell. To war he rode; from war returned 205 to find his fields and homestead burned, his house forsaken roofless stood, empty amid the leafless wood; and Eilinel, white Eilinel, was taken whither none could tell, 210 to death or thraldom far away. Black was the shadow of that day for ever on his heart, and doubt still gnawed him as he went about in wilderness wandring, or at night 215 oft sleepless, thinking that she might ere evil came have timely fled into the woods: she was not dead, she lived, she would return again to seek him, and would deem him slain, 220

Therefore at whiles he left the lair, and secretly, alone, would peril dare, and come to his old house at night,

 $\frac{336}{337}$

Где нет ни света, ни огня, И бдил, и ждал, судьбу кляня, Боль растравляя всякий раз.

А между тем немало глаз Пронзали темноту и мрак: Не ведал недостатка Враг В шпионах тайных – и от них Прознал о вылазках ночных. Вот как-то раз осенним днем Под стылым ветром и дождем Пустился Горлим в долгий путь – На дом покинутый взглянуть, И видит: тускл и одинок, В окне мерцает огонек. Дивясь, подходит ближе он, И обнадежен, и смущен. Да, это Эйлинель! Она Бледна, слаба, изнурена, От слез померкнул взгляд ее, Одета в жалкое рванье; Она скорбит: «Горлим, Горлим! Ты мертв! О, будь ты невредим, Ты не расстался бы со мной! Судьба мне прозябать одной, И голодать, и холодать, Бесплодной пустоши под стать!»

Он вскрикнул – огонек свечи Погас, и на ветру в ночи Завыли волки. Тяжела, Длань на плечо его легла. Так вражеским дозором он Был схвачен, связан, приведен К владыке духов и теней, И волчьих стай. Страшней и злей Всех прочих Морготовых слуг Был Саурон. Сея смерть вокруг, Он остров Гаурхот, свой оплот, Покинул и повел в поход, По слову Морготову, рать, Чтоб Барахира отыскать.

broken and cold, without fire or light, and naught but grief renewed would gain, 225 watching and waiting there in vain.

In vain, or worse – for many spies had Morgoth, many lurking eyes well used to pierce the deepest dark; and Gorlim's coming they would mark 230 and would report. There came a day when once more Gorlim crept that way, down the deserted weedy lane at dusk of autumn sad with rain and cold wind whining. Lo! a light 235 at window fluttering in the night amazed he saw; and drawing near, between faint hope and sudden fear, he looked within. 'Twas Eiline!' Though changed she was, he knew her well. 240

With grief and hunger she was worn, her tresses tangled, raiment torn; her gentle eyes with tears were dim, as soft she wept: 'Gorlim, Gorlim! Thou canst not have forsaken me.

Then slain, alas! thou slain must be! And I must linger cold, alone, and loveless as a barren stone!'

One cry he gave – and then the light blew out, and in the wind of night 250 wolves howled; and on his shoulder fell suddenly the griping hands of hell. There Morgoth's servants fast him caught and he was cruelly bound, and brought to Sauron captain of the host, 255 the lord of werewolf and of ghost, most foul and fell of all who knelt at Morgoth's throne. In might he dwelt on Gaurhoth Isle; but now had ridden with strength abroad, by Morgoth bidden 260

to find the rebel Barahir.

 $\frac{337}{338}$

В стан Саурона в глухой ночи Свою добычу палачи К его ногам приволокли, Скрутив покрепче и петли Не снявши с шеи. Много мук Он претерпел от вражьих рук, -И длились казни день и ночь, Чтоб противленье превозмочь; Но Горлим стойко муки снёс И, новых не страшась угроз, Не выдал своего вождя. Но вот, немного погодя, Был в пытках сделан перерыв, И некто, ближе подступив, Заговорил с ним в тишине Об Эйлинели, о жене. «Ужель ты умереть готов, Когда двух-трех довольно слов, Чтоб для нее и для себя Купить свободу? Вы, любя Друг друга, будете вольны Вдали от ужасов войны Жить как вассалы Короля». И Горлим, тем речам внемля, В надежде вновь жену узреть (Что тоже угодила в сеть Наймитов вражьих, думал он) И долгой пыткой изнурен, Дал низким помыслам расцвесть, И дрогнул, и забыл про честь. Тотчас был пленник приведен Пред Сауронов зловещий трон Из камня. Горлим, рад не рад, Стоял и, ужасом объят, Взирал на жуткие черты. «Ну, жалкий смертный! Значит, ты Дерзнул со мной вступить в

торги? – Рёк Саурон. – Говори, не лги! Цена измены какова?» И Горлим, подобрав едва Слова, и голову склонив, Просил того, кто зол и лжив,

He sat in dark encampment near, and thither his butchers dragged their prey.

There now in anguish Gorlim lay: with bond on neck, on hand and foot, 165 to bitter torment he was put, to break his will and him constrain to buy with treason end of pain. But naught to them would he reveal of Barahir, nor break the seal 270 of faith that on his tongue was laid; until at last a pause was made, and one came softly to his stake, a darkling form that stooped, and spake to him of Eilinel his wife. 'Wouldst thou,' he said, 'forsake thy life, who with few words might win release for her, and thee, and go in peace, and dwell together far from war, friends of the King? What wouldst thou more?' 280

And Gorlim, now long worn with pain, yearning to see his wife again (whom well he weened was also caught in Sauron's net), allowed the thought to grow, and faltered in his troth. Then straight, half willing and half loath, they brought him to the seat of stone where Sauron sat. He stood alone before that dark and dreadful face. and Sauron said: 'Come, mortal base! 290 What do I hear? That thou wouldst dare to barter with me? Well, speak fair! What is thy price?' And Gorlim low bowed down his head, and with great woe, word on slow word, at last implored that merciless and faithless lord

Ему свободу даровать, Чтоб Эйлинель найти опять И мирно жить с женой вдвоем, Впредь не воюя с Королем.

И улыбнулся Враг слегка: «Что ж, раб! Цена невысока За стыд с изменой наряду! Исполню все! Реки, я жду!» И Горлим был уже готов Отречься от позорных слов, Взяв обещания назад; Но Саурона горящий взгляд Огнем несчастного ожёг, И тот солгать уже не смог. Тому, кто оступился, вспять Возврата нету; рассказать Пришлось ему все то, что знал – Так братство и вождя вассал Предал – и ниц повергся.

– «Дрянь, Никчемный червь! – рёк Саурон. – Встань

И слушай! И до дна испей Отмеренный рукой моей Фиал скорбей! Знай – пуст твой дом, Глупец! Ты видел лишь фантом, Обманный морок, что помог Влюбленного завлечь в силок! Объятья духов холодны! А что же до твоей цены -Я расплачусь с тобой сполна: Давно мертва твоя жена И стала пищей для червей Тебя ничтожней и гнусней! Но вновь ты встретишь Эйлинель И ляжешь вновь в ее постель, Забыв про войны, гнет невзгод И мужество! Награда ждет!»

Уволокли его, и он Жестокой смертью был казнен,

that he might free depart, and might again find Eilinel the White, and dwell with her, and cease from war against the King. He craved no more. 300

Then Sauron smiled, and said: 'Thou thrall!

The price thou askest is but small for treachery and shame so great! I grant it surely! Well, I wait:

Come! Speak now swiftly and speak

true!' 305

338

339

Then Gorlim wavered, and he drew half back; but Sauron's daunting eye there held him, and he dared not lie: as he began, so must he wend from first false step to faithless end: 310 he all must answer as he could, betray his lord and brotherhood, and cease, and fall upon his face.

Then Sauron laughed aloud. 'Thou base, thou cringing worm! Stand up, 315 and hear me! And now drink the cup that I have sweetly blent for thee! Thou fool: a phantom thou didst see that I, I Sauron, made to snare thy lovesick wits. Naught else was

there. 320

Cold 'tis with Sauron's wraiths to wed! Thy Eilinel! She is long since dead, dead, food of worms less low than thou. And yet thy boon I grant thee now: to Eilinel thou soon shalt go, 325 and lie in her bed, no more to know of war – or manhood. Have thy pay!'

And Gorlim then they dragged away, and cruelly slew him; and at last

И в яму сброшен был, на дно, Где упокоился давно Несчастной Эйлинели прах – Убитой в выжженных лесах. Так сгинул Горлим, и не раз Он клял себя в предсмертный час. Так Моргот сплел искусно сеть, Чтоб Барахира одолеть. Предательство свело на нет Благословенье, что от бед Хранило край тот испокон: И пал невидимый заслон Вкруг Аэлуина – в тайный стан Был путь отныне невозбран.

in the dank mould his body cast, where Eilinel long since had laid in the burned woods by butchers slain. Thus Gorlim died an evil death, and cursed himself with dying breath, and Barahir at last was caught 335 in Morgoth's snare; for set at naught by treason was the ancient grace that guarded long that lonely place, Tarn Aeluin: now all laid bare were secret paths and hidden lair. 340

339 340

3. О БЕРЕНЕ, СЫНЕ БАРАХИРА, И О ТОМ, КАК ЕМУ УДАЛОСЬ СПАСТИСЬ

Стояла осени пора, Пригнали с Севера ветра Густую хмарь. Темна, мутна, Плескала стылая волна, И шелестел пожухший дрок. «Сын Берен, - Барахир изрёк, -Дошла молва: на нас Гаурхот Рать многочисленную шлет; У нас же на исходе снедь. Тебе достался жребий – средь Всех прочих: так ступай скорей Просить подмоги у друзей, Какие даже посейчас Тайком поддерживают нас, И постарайся принести Нам вести. Доброго пути! Вернись скорей! Отряд наш мал, Да Горлим или заплутал, Иль мертв. Нам без тебя невмочь! Прощай!» Пустился Берен прочь; Пока же шел сквозь чащу он, В душе, как погребальный звон,

3. OF BEREN SON OF BARAHIR & HIS ESCAPE

Dark from the North now blew the cloud; the winds of autumn cold and loud hissed in the heather; sad and grey Aeluin's mournful water lay.

'Son Beren', then said Barahir, 345

'Thou knowst the rumour that we hear of strength from the Gaurhoth that is

sent

against us; and our food nigh spent.
On thee the lot falls by our law
to go forth now alone to draw 350
what help thou canst from the hidden

few

that feed us still, and what is new to learn. Good fortune go with thee! In speed return, for grudgingly we spare thee from our brotherhood, 355 so small: and Gorlim in the wood is long astray or dead. Farewell!' As Beren went, still like a knell Звучали эхом без конца Последние слова отца.

Сквозь лес и топь, и луг, и лог Он шел и шел: был путь далек. Он миновал Сауронов стан: Пылал костер, багрово-рдян, И вой заливистый не молк; То промышляли орк и волк. Когда же повернул он вспять, Пришлось ему заночевать В лесу: устал и изнурен, Найдя барсучью нору, он Залег под корни и траву. Во сне, а может, наяву Он слышал: маршем шли войска -В нагорья, вверх, под облака, К крутым плато в кольце хребтов, Под звон кольчуг и лязг щитов. Затем он соскользнул во тьму – На дно - но удалось ему, Рванувшись из последних сил, Всплыть вверх и вынырнуть сквозь

У кромки сонного пруда. Темнела тусклая вода, Деревья мертвые вокруг Вздымали ветви: каждый сук Листва живая облекла – Трепещут черные крыла, И гнутся ветки, как былье: Нет, то не листья – воронье! Сочится кровью каждый клюв. Камыш и ряску всколыхнув, Отпрянул Берен прочь. Но вот Над мертвой гладью жутких вод Сгустилась тень, бледна, тускла, И тихо, медленно рекла: «Я Горлим был, теперь я дух, Лишенный воли, к чести глух, Предатель преданный. Не стой, Не жди! Назад спеши стрелой! О Барахиров сын, воспрянь! Сомкнулась Морготова длань

resounded in his heart that word, the last of his father that he heard. 360

Through moor and fen, by tree and briar he wandered far: he saw the fire of Sauron's camp, he heard the howl of hunting Orc and wolf a-prowl, and turning back, for long the way, 365 benighted in the forest lay. In weariness he then must sleep, fain in a badger-hole to creep, and yet he heard (or dreamed it so) nearby a marching legion go 370 with clink of mail and clash of shields up towards the stony mountain-fields. He slipped then into darkness down, until, as man that waters drown strives upwards gasping, it seemed to him 375

he rose through slime beside the brim of sullen pool beneath dead trees. Their livid boughs in a cold breeze trembled, and all their black leaves stirred: each leaf a black and croaking bird, 340 whose neb a gout of blood let fall. 341 He shuddered, struggling thence to crawl through winding weeds, when far away he saw a shadow faint and grey gliding across the dreary lake. 385 Slowly it came, and softly spake: 'Gorlim I was, but now a wraith of will defeated, broken faith, traitor betrayed. Go! Stay not here! Awaken, son of Barahir, 390 and haste! For Morgoth's fingers close upon thy father's throat; he knows

На горле твоего отца! Про тайный стан у озерца Проведал Враг – и знает путь В наш лагерь». Адских козней суть Раскрыл тут Горлим, рассказал, Как он обманут был и пал, В слезах просил простить ему И канул вновь в немую тьму. Проснулся Берен, – ярый гнев Его объял, в груди вскипев; Свое оружье подобрав, Как вспугнутый олень, стремглав, Помчался он, не чуя ног, Через болота, лес и лог, До света не повременя. С закатом, на исходе дня Вернулся к Аэлуину он. Багряно-алый небосклон Огнем на западе пылал, Но Аэлуин – от крови ал, Кровь меж камнями запеклась; Красна истоптанная грязь. А на березах тут и там Расселась по нагим ветвям Густая стая воронья, Ошметки влажные клюя, Как клочья мглы, черным-черна. «Не скор был Берен!» – так одна Закаркала. И жуткий хор Откликнулся: «Ха-ха! Не скор!» И Берен поскорей в камнях Похоронил отцовский прах, Не начертав ни рун, ни слов Над насыпью из валунов; Но в верхний камень, исступлен, Ударил трижды; трижды он Отцово имя прокричал, И эхо дрогнуло средь скал. «За гибель я твою воздам, Хотя бы к Ангбандским вратам Судьба направила меня», – И он, слезы не пророня, Отворотился молча: мгла Герою сердце облегла.

your trysts, your paths, your secret lair.' Then he revealed the devil's snare in which he fell, and failed; and

last 395

begging forgiveness, wept, and passed out into darkness. Beren woke, leapt up as one by sudden stroke with fire of anger filled. His bow and sword he seized, and like the

roe 400

hotfoot o'er rock and heath he sped before the dawn. Ere day was dead to Aeluin at last he came, as the red sun westward sank in flame; but Aeluin was red with blood, 405 red were the stones and trampled mud. Black in the birches sat a-row the raven and the carrion crow; wet were their nebs, and dark the meat that dripped beneath their griping

feet. 410

One croaked: 'Ha, ha, he comes too late!'
'Ha, ha!' they answered, 'ha! too late!'
There Beren laid his father's bones
in haste beneath a cairn of stones;
no graven rune nor word he wrote 415
o'er Barahir, but thrice he smote
the topmost stone, and thrice aloud
he cried his name. 'Thy death', he vowed,
'I will avenge. Yea, though my fate
should lead at last to Angband's

gate.' 420

And then he turned, and did not weep: too dark his heart, the wound too deep.

Сир, обездолен, одинок, Он в ночь пустился без дорог.

Он без труда сыскал следы – Победоносны и горды, Назад убийцы маршем шли В пределы Северной земли, Топча кусты, трубя в рога. По следу злобного врага, Как пес – за дичью, быстр и смел, Шел Берен. Где родник темнел, -То Ривиль тонкою струей, Излившись с пустоши глухой, Нес воды в серехский тростник, -Головорезов он настиг. Со склона ближнего холма Он счел их всех: врагов - не тьма, Но всех он перебьет навряд: Велик достаточно отряд, Разбивший лагерь у ручья. Бесшумно, как в траве змея, Поближе подобрался он. Уже сморил уставших сон; Разлегшись, пили вожаки И, ухмыляясь воровски, Награбленному счет вели, И по рукам трофеи шли. Завистливо и алчно всяк Косился на любой пустяк, Что посрывали с мертвых тел. Один кольцо в руках вертел: «Чур, это мне! Гляди, братва, Моя добыча какова! Таких немного видел мир! Сраженный мною Барахир Его носил, стервец и плут! Когда побасенки не врут, Какой-то там эльфийский князь Им наградил, не мелочась, Лихого мечника. И что ж? Он пал – на что подарок гож, Раз Барахир уже мертвец? Хоть от эльфийских от колец

Out into night, as cold as stone, loveless, friendless, he strode alone.

Of hunter's lore he had no need the trail to find. With little heed his ruthless foe, secure and proud, marched north away with blowing loud of brazen horns their lord to greet, trampling the earth with grinding

feet. 430

Behind them bold but wary went now Beren, swift as hound on scent, until beside a darkling well, where Rivil rises from the fell down into Serech's reeds to flow, 435 he found the slayers, found his foe. From hiding on the hillside near he marked them all: though less than fear, too many for his sword and bow to slay alone. Then, crawling low 440 as snake in heath, he nearer crept. There many weary with marching slept, but captains, sprawling on the grass, drank and from hand to hand let pass their booty, grudging each small

thing 445

raped from dead bodies. One a ring held up, and laughed: 'Now, mates,' he cried

'here's mine! And I'll not be denied, though few be like it in the land. For I 'twas wrenched it from the

hand 450

of that same Barahir I slew, the robber-knave. If tales be true, he had it of some elvish lord, for the rogue-service of his sword. No help it gave to him – he's dead. 455 They're parlous, elvish rings, 'tis said; 342

Добра не жди, я утаю Находку ценную свою, Удвоив жалкий свой барыш. Расстаться с перстнем? Нет,

шалишь!

Мне Саурон наказал принесть Кольцо - но у него не счесть В казне сокровищ! Ей-же-ей, Чем князь богаче, тем жадней! Чур, про добычу ни словца! Скажу, что не нашел кольца!» Тут из-за дерева стрела Взвилась – и речь оборвала: С торчащим в горле острием, Убийца рухнул вниз лицом, Ухмылки не стерев. Стремглав, Как беспощадный волкодав, Ворвался Берен в стан врагов, Двоих отбросив, заколов Того, кто дал отпор ему, Схватил кольцо, и вновь во тьму Метнувшись, сей же миг исчез. Истошный крик прорезал лес: Звенели в нем и страх, и гнев; Как волчья стая, озверев, Убийцы кинулись вдогон, Ломясь сквозь зарослей заслон, Поднявши гвалт, и рев, и вой, Ругаясь – и за роем рой Пуская стрелы наугад -Где тени и листы дрожат. Был Берен в добрый час рожден: Над стрелами смеялся он; Неутомим и легконог, Любого обогнать он мог; Как эльф, знал все пути лесов; Броня работы кузнецов Из Ногрода, крепка, светла, От стрел владельца берегла.

Был Берену неведом страх: За доблесть в сечах и боях Он был отмечен меж имен Воителей былых времен.

still for the gold I'll keep it, yea and so eke out my niggard pay. Old Sauron bade me bring it back, and yet, methinks, he has no lack 460 of weightier treasures in his hoard: the greater the greedier the lord! So mark ye, mates, ye all shall swear the hand of Barahir was bare!' And as he spoke an arrow sped 465 from tree behind, and forward dead choking he fell with barb in throat; with leering face the earth he smote. Forth, then as wolfhound grim there leapt

Beren among them. Two he swept 470 aside with sword; caught up the ring; slew one who grasped him; with a spring back into shadow passed, and fled before their yells of wrath and dread of ambush in the valley rang. Then after him like wolves they sprang, howling and cursing, gnashing teeth, hewing and bursting through the heath, shooting wild arrows, sheaf on sheaf, at trembling shade or shaken leaf. In fateful hour was Beren born: he laughed at dart and wailing horn; fleetest of foot of living men, tireless on fell and light on fen, elf-wise in wood, he passed away, 485 defended by his hauberk grey of dwarvish craft in Nogrod made, where hammers rang in cavern's shade.

As fearless Beren was renowned: when men most hardy upon ground 490 were reckoned folk would speak his

name,

foretelling that his after-fame

 $\frac{342}{343}$

Шел слух: прославится герой В веках, как Хадор Золотой, Как Барахир и Бреголас, И паче них во много раз. Теперь же свет небес померк Для Берена. Скорбя, отверг Он смех и радость; воевал Не ради жизни и похвал, Но лишь чтоб Моргота бы смог Его карающий клинок Сколь можно глубже уязвить, -Доколе горькой жизни нить Не оборвется и доколь Со смертью не утихнет боль. Страшась лишь участи раба, Он смерти вызов слал – судьба Его оберегала. Толк О дерзких подвигах не молк И вновь надежду даровал Тем, кто ослаб и духом пал. При слове «Берен» люд в ночи Опять тайком точил мечи В подпольных кузнях; песен звук Звенел в тиши – про меткий лук, Про Дагмор-меч; и как герой Бесшумно проникал порой Во вражеские лагеря, Чтоб там прикончить главаря; Как загнан в угол, окружен, Выскальзывал из сети он И возвращался всякий раз, -Под звездами в полночный час, В тумане или белым днем. Так пели без конца о нем – О череде его удач: Загонщик – загнан, пал палач; Зарублен Горгол Живоглот, На Ладрос учинен налет, Друн выжжен; перебит отряд – Десятка три мертвы лежат; Бежали волки, как щенки, Сам Саурон ранен в кисть руки. Так Берен с вражеской ордой Один вел беспощадный бой.

would even golden Hador pass or Barahir and Bregolas; but sorrow now his heart had

wrought 495

to fierce despair, no more he fought in hope of life or joy or praise, but seeking so to use his days only that Morgoth deep should feel the sting of his avenging steel, 500 ere death he found and end of pain: his only fear was thraldom's chain. Danger he sought and death pursued, and thus escaped the doom he wooed, and deeds of breathless daring

343

wrought 505

alone, of which the rumour brought new hope to many a broken man. They whispered 'Beren', and began in secret swords to whet, and soft by shrouded hearths at evening oft songs they would sing of Beren's bow, of Dagmor his sword: how he would go silent to camps and slay the chief, or trapped in his hiding past belief would slip away, and under night 515 by mist or moon, or by the light of open day would come again. Of hunters hunted, slayers slain they sang, of Gorgol the Butcher hewn, of ambush in Ladros, fire in Drûn, of thirty in one battle dead, of wolves that yelped like curs and fled, yea, Sauron himself with wound in hand. Thus one alone filled all that land with fear and death for Morgoth's

folk; 525

Его друзьями в трудный час Надолго стали бук и вяз; Пернатый и пушной народ, Что рыщет, прячется, снует В холмах и чащах без дорог, За ним следил, его стерег.

Но всяк мятежник обречен: Могуч был Моргот и силен, Не помнят короля грозней Сказания минувших дней; Болота, скалы, сосняки Накрыла тень его руки – Над той землей, темным-темна, Тянулась все хищней она, Назад отдернувшись едва. Один враг пал – являлось два. Мертва надежда, нет в живых Мятежников; звук песен стих; Рубили лес и вереск жгли, И орды орков маршем шли; Из края в край была страна Шпионами наводнена. В кольце врагов, что с ходом

дней

Сжималось туже и тесней, Затравлен, помощи лишен, Знал Берен: либо ныне он Погибнет, либо, наконец Покинув край, где пал отец, Спасется, горы перейдя. Истлеет славный прах вождя, Покинут сыном и родней, Вблизи от заводи немой, И восскорбят над ним в тиши Лишь Аэлуина камыши.

Пришла зима. Ночной порой Сквозь неусыпных стражей строй Прокрался Берен – он врагу Помстился тенью на снегу, Порывом ветра; скрылся он – Захваченный Дортонион,

his comrades were the beech and oak who failed him not, and wary things with fur and fell and feathered wings that silent wander, or dwell alone in hill and wild and waste of stone 530 watched o'er his ways, his faithful friends.

Yet seldom well an outlaw ends; and Morgoth was a king more strong than all the world has since in song recorded: dark athwart the land 535 reached out the shadow of his hand, at each recoil returned again; two more were sent for one foe slain. New hope was cowed, all rebels killed; quenched were the fires, the songs were stilled, 540

the waste marched the black host of Orcs in haste. Almost they closed their ring of steel round Beren; hard upon his heel now trod their spies; within their

tree felled, heath burned, and through

hedge 545

of all aid shorn, upon the edge
of death at bay he stood aghast
and knew that he must die at last,
or flee the land of Barahir,
his land beloved. Beside the mere 550
beneath a heap of nameless stones
must crumble those once mighty bones,
forsaken by both son and kin,
bewailed by reeds of Aeluin.

In winter's night the houseless North
he left behind, and stealing forth
the leaguer of his watchful foe
he passed – a shadow on the snow,
a swirl of wind, and he was gone,
the ruin of Dorthonion,

560

 $\frac{344}{345}$

Немую Аэлуина гладь Ему отныне не видать. Смолк свист стрелы. Среди листвы Не слышно звона тетивы; Не преклонит главы изгой На дерн и вереск голубой. Безмолвен облетевший лес. Созвездья северных небес, – Огнь серебристый, что с высот Пылающий Шиповник льет, – Теперь ему светили вслед: Лучи горят – его уж нет.

Он к югу шел; на юг пролег Путь, долог, труден, одинок, Под сенью жутких горных гряд, Что прозывались Горгорат. Доселе тот, кто храбр и смел, В те горы восходить не смел, Не поднимался на хребты, Не видел с жуткой высоты, Как громоздятся глыбы скал, Как низвергаются в провал, Из тьмы предвечной взнесены Во дни до солнца и луны. В долинах, средоточье чар, Таятся морок и кошмар, И сладковато-горький яд Потоки мертвые струят. А вдалеке, за цепью гор, Мог различить орлиный взор С недосягаемых твердынь, Пронзавших горизонтов синь, -Что смертный взгляд бы не постиг, -

Как на озерах – звездный блик, В неясной голубой дали Границы призрачной земли: Белерианд, Белерианд, Плетенье колдовских гирлянд.

Tarn Aeluin and its water wan, never again to look upon.

No more shall hidden bowstring sing, no more his shaven arrows wing, no more his hunted head shall lie 565 upon the heath beneath the sky.

The Northern stars, whose silver fire of old Men named the Burning Briar, were set behind his back, and shone o'er land forsaken: he was gone. 570

Southward he turned, and south away his long and lonely journey lay, while ever loomed before his path the dreadful peaks of Gorgorath.

Never had foot of man most bold 575 yet trod those mountains steep and cold, nor climbed upon their sudden brink, whence, sickened, eyes must turn and shrink

to see their southward cliffs fall sheer in rocky pinnacle and pier 580 down into shadows that were laid before the sun and moon were made. In valleys woven with deceit and washed with waters bitter-sweet dark magic lurked in gulf and glen; 585 but out away beyond the ken of mortal sight the eagle's eye from dizzy towers that pierced the sky might grey and gleaming see afar, as sheen on water under star, 590 Beleriand, Beleriand, the borders of the Elven-land.

345 346

*

4. О ПРИХОДЕ БЕРЕНА В ДОРИАТ; НО ПРЕЖДЕ ПОВЕСТВУЕТСЯ О ВСТРЕЧЕ МЕЛИАН И ТИНГОЛА

Издревле, на заре времен, Дремал, в безмолвье погружен, Во мгле под звездами небес Нан Эльмот, сумеречный лес. Давным-давно, в начале дней, Свет засиял среди теней, Раздался голос колдовской И птицы трель в глуши лесной. То Мелиан пришла; темна, Кудрей тяжелая волна Спадала по плечам; до пят Струился темный водопад. С ней соловьи; в былые дни Учились пению они, Слетев в ладони Мелиан В тиши немеркнущих полян; И трели сладкозвучных птах Звучали в рощах и лесах. Край Лориэн, обитель сна Давно покинула она; За стену Валинорских скал, Где у подножья пенят вал Моря Теней, на край земли Беглянку тропы увели. Не возвратясь в сады Богов, За гранью смертных берегов, В краю, что сумрачен и дик, Как зыбкий предрассветный блик, Она мерцала меж дерев, И колдовской ее напев Плел чар магическую вязь. В лесу Нан Эльмот раздалась Трель птицы. Тингол, удивлен, Застыл – и тут услышал он Песнь в смутном сумраке лесов, Прекрасней птичьих голосов; Песнь, что хрустальна и светла,

Как нить лучистого стекла.

4. OF THE COMING OF BEREN TO DORIATH; BUT FIRST IS TOLD OF THE MEETING OF MELIAN AND THINGOL

There long ago in Elder-days ere voice was heard or trod were ways, the haunt of silent shadows stood 595 in starlit dusk Nan Elmoth wood. In Elder-days that long are gone a light amid the shadows shone, a voice was in the silence heard: the sudden singing of a bird. 600 There Melian came, the Lady grey, and dark and long her tresses lay beneath her silver girdle-seat and down unto her silver feet. The nightingales with her she

brought, 605 to whom their song herself she taught, who sweet upon her gleaming hands had sung in the immortal lands. Thence wayward wandering on a time from Lórien she dared to climb the everlasting mountain-wall of Valinor, at whose feet fall the surges of the Shadowy Sea. Out away she went then free, to gardens of the Gods no more 615 returning, but on mortal shore, a glimmer ere the dawn she strayed, singing her spells from glade to glade. A bird in dim Nan Elmoth wood trilled, and to listen Thingol stood 620 amazed; then far away he heard a voice more fair than fairest bird, a voice as crystal clear of note as thread of silver glass remote.

 $\frac{346}{347}$

Здесь заканчивается рукопись «С». Следующий небольшой фрагмент представлен ни много ни мало как пятью черновиками с бесконечными мелкими вариациями (а его первые десять строк были вписаны в текст «В»). Затем конечный вариант был допечатан в машинописи «D»:

Он позабыл родню, народ, И для чего они в поход От Куивиэнена ушли; О землях, что лежат вдали За гладью вод, не вспомнил он, Неотвратимо завлечен В Нан Эльмот – зовом

колдовским.

Но вот предстала перед ним Волшебница Ар-Мелиан, Вся в сером. Призрачный туман Клубился у ее колен; Свет, озарявший Лориэн, Мерцал в ее чертах. Она Ждала, безмолвна и бледна, Под сводами недвижных чащ. Закутан в серебристый плащ, К ней Элу Тингол сделал шаг, Неловко раздвигая мрак, И за руку в кольце дерев Взял чаровницу. Замерев, Лицом к лицу стоят они: Кружась, небесные огни Веков отсчитывают ход; Нан Эльмота древесный свод Воздвигся темен и высок; Не слышен Элу Улмо рог, Не слышен шум волны у скал.

Вотще народ его искал; Но вновь позвал рог Улмо в путь. Не в силах короля вернуть, Горюя, эльдар прочь ушли К последним берегам земли, Где плещет неумолчно вал О серых гаваней причал, И были перевезены В пределы Благостной страны,

Of folk and kin no more he thought; 625 of errand that the Eldar brought from Cuiviénen far away, of lands beyond the Seas that lay no more he recked, forgetting all, drawn only by that distant call 630 till deep in dim Nan Elmoth wood lost and beyond recall he stood. And there he saw her, fair and fay: Ar-Melian, the Lady grey, as silent as the windless trees, 635 standing with mist about her knees, and in her face remote the light of Lórien glimmered in the night. No word she spoke; but pace by pace, a halting shadow, towards her face forth walked the silver-mantled king, tall Elu Thingol. In the ring of waiting trees he took her hand. One moment face to face they stand alone, beneath the wheeling sky, 645 while starlit years on earth go by and in Nan Elmoth wood the trees grow dark and tall. The murmuring seas rising and falling on the shore and Ulmo's horn he heeds no more. 650

But long his people sought in vain their lord, till Ulmo called again, and then in grief they marched away, leaving the woods. To havens grey upon the western shore, the last 655 long shore of mortal lands, they passed,

347 За Море, в Валинор, навек, – На западный бессмертный брег, Где зелен холм Эзеллохар, В край Аман, в землю Эльдамар. and thence were borne beyond the Sea in Aman, the Blessed Realm, to be by evergreen Ezellohar in Valinor, in Eldamar. 660

*

- 52 В одном из экземпляров «D» Dungorthin [Дунгортин] было изменено на Dungortheb [Дунгортеб], но эта правка принадлежит к более позднему пласту ономастики, и в текст я ее не вносил.
- 55 *Taur-nu-Fuin* [Таур-ну-Фуин] «С»: в рукописи «В»-текста в этой строке по-прежнему значится *Taur-na-Fuin* [Таур-на-Фуин].

140 Bëor's son [сын Беора]: в одном из экземпляров «D» исправлено на the Bëoring [Беоринг], т.е. человек из дома Беора. Это изменение было внесено, когда генеалогическое древо существенно расширилось, и Барахир из сына Беора стал его отдаленным потомком (см. стр. 198).

249–330 В этой части Песни переписанный поверх (или вставленный в) «В» текстовой фрагмент существует в двух версиях, причем одна непосредственно предшествует другой. Различие между ними состоит в том, что в более ранней Горлим все еще, как и в раннем варианте «Лэ», был доставлен в Ангбанд к самому Морготу. Тем самым, первый вариант переписанного отрывка, соответствующего строкам 255–266, гласит:

to Angband and the iron halls в Ангбанд и железные зал where laboured Morgoth's hopeless thralls; где трудились Морготовы

and there with bonds on hand and foot to grievous torment he was put

в Ангбанд и железные залы, где трудились Морготовы лишенные надежды рабы;

и там, скован по рукам и ногам, он был предан жестокой муке.

Далее обе версии совпадают, за исключением того, что в первой фигурирует Моргот, а не Саурон: в остальном строки дословно повторяются. Но в строках 306–311 первый вариант звучит как:

Then Gorlim wavered, and he drew half back; but Morgoth's daunting eyes

there held him. To the Lord of Lies 'tis vain in lies the breath to spend: as he began, so he must end,

and all must answer as he could A в строках 318–321 Моргот говорит: Thou fool! A phantom thou didst see

that Sauron my servant made to snare

Тогда Горлим дрогнул и едва не пошел на попятный; но устрашающий взор Моргота удержал его. Перед Повелителем Лжи напрасно тратить дыхание на ложь: как он начал, так ему пришлось и закончить

и все, как смог, рассказать

Глупец! Ты видел фантом, созданный Сауроном, моим слугой, чтобы уловить в сеть

thy lovesick wits. Naught else was there.

Cold 'tis with Sauron's wraiths to wed!

твой снедаемый любовью разум. Ничего другого там не было. Холодна свадьба с призраками Саурона!

547 Слово *aghast* [объятый ужасом] было отмечено знаком «Х» в «С» (поскольку Берен вовсе не был объят ужасом).

348 349

567-568 Поначалу фрагмент в «В» (стр. 167, строки 369-382), начинающийся с *No more his hidden bowstring sings* [Более его потаенная тетива не поет] при переписывании почти не менялся, но в первом варианте рукописи «С» значилось (прежде – строки 376-379):

found him no more. The stars that burn более его не обнаруживали. Звезды,

about the North with silver fire that Varda wrought, the Burning Briar

as Men it called in days long gone

более его не обнаруживали. Звезды, что горят нал Севером серебряным пламенем

над Севером серебряным пламенем, которое сработала Варда, Пылающий Шиповник,

как называли его люди в давно минувшие дни

Затем изначальные строки 373–375 были вырезаны, а 376–379 – переписаны:

The stars that burn with silver fire about the North, the Burning Briar that Varda lit in ages gone

Звезды, что горят серебряным огнем над Севером, Пылающий Шиповник, что зажгла Варда в минувшие века

Этот вариант в свою очередь был заменен на приведенный в книге текст, строки 567–568.

581 В одном из экземпляров «D» напротив этой строки значится знак «X». Думаю, он, по всей вероятности, был поставлен на очень позднем этапе и свидетельствует об изменившихся представлениях моего отца касательно создания Солнца и Луны.

596 Nan Elmoth [Нан Эльмот]: в черновом наброске лес сперва назывался Gladuial [Глад-уиал], исправлено на Glath-uial [Глат-уиал]; затем Gilam-moth [Гилам-мот], исправлено на Nan Elmoth. Именно здесь название Nan Elmoth возникает впервые.

627 В одном из черновиков этого фрагмента строка выглядит как: from Waking Water far away [от Воды Пробуждения далеко].

634 В одном из черновиков этого фрагмента на полях в качестве альтернативного варианта имени значится *Tar-Melian* [Тар-Мелиан].

Комментарии к строкам 1-660

В строго хронологическом рассказе об эволюции легенд Древних Дней пришлось бы проанализировать еще несколько произведений, предшествующих изменениям в «Лэ о Лейтиан». Рассматривая переработанное и непереработанное «Лэ» как единое целое, а не по частям, эти стадии я миную, и имена и на-

 $\frac{349}{350}$

звания, на самом-то деле возникшие задолго до того, здесь, в этой «Истории» появляются впервые. Я только перечисляю их списком:

65 Menegroth [Менегрот]

89 elanor [эланор] и niphredil [нифредиль]. В строке 125 упоминается the golden elanor [золотой эланор].

115 Middle-earth [Средиземье]

149 Имена воинов из отряда Барахира, помимо Берена и Горлима: Dagnir [Дагнир], Ragnor [Рагнор], Radhruin [Радруин], Dairuin [Дайруин], Gildor [Гильдор], Urthel [Уртель], Arthad [Артад], Hathaldir [Хаталдир]; Belegund [Белегунд] и Baragund [Барагунд].

Отец Белегунда и Барагунда – *Bregolas [*Бреголас] (брат Барахира); а отец Горлима – *Angrim [*Ангрим] (199).

Все эти имена фигурируют в «Сильмариллионе» (стр. 185, 192).

161 'the fens of reedy Serech' [топи заросшего тростником Сереха]. Берен настиг орков у истока ручья Rivil [Ривиль], который 'rises from the fell/down into Serech's reeds to flow' [берет начало на пустоши/и стекает вниз, в тростники Сереха] (434–435).

162 Фелагунд носит имя Inglor [Инглор] (в подзаголовке – Инглор Фелагунд, стр. 335).

182, 560 *Dorthonion* [Дортонион]

186 Elbereth [Эльберет]

196, и т.д. (*Tarn*) Aeluin [(Озеро) Аэлуин]

255, и т.д. *Sauron* [Саурон]

259, 347 Gaurhoth [Гаурхот]. Ср. Tol-in-Gaurhoth [Тол-ин-Гаурхот] 'Остров Волколаков' в «Сильмариллионе».

434 Rivil [Ривиль]

494 Hador [Хадор]

512 Dagmor [Дагмор]. Меч Берена нигде более не поименован.

519 Gorgol the Butcher [Горгол Живоглот]. Нигде более он не поименован.

520 *Ladros* [Ладрос] (земли к северо-востоку от Дортониона, пожалованные нолдорскими королями людям из Дома Беора).

520 *Drûn* [Друн]. Данный топоним отмечен на более поздней из карт «Сильмариллиона» (на той, которая послужила основой для опубликованной карты) севернее Аэлуина и западнее Ладроса, но нигде более это название не встречается.

574 Gorgorath [Горгорат]. Это название уже встречалось в прозаическом наброске для Песни X «Лэ», но в форме Gorgoroth [Горгорот] (стр. 272).

596, и т.д. Nan Elmoth [Нан Эльмот]. См. прим. к строке 596.

634 Ar-Melian [Ap-Мелиан] (Tar-Melian [Тар-Мелиан]). Данное имя ни с одним из этих префиксов нигде более не встречается.

659 Ezellohar [Эзеллохар] (Зеленый Холм Двух Дерев в Валиноре).

Кроме того, здесь стоит отметить Dungorthin [Дунгортин] (52); в новой версии прежние строки 49–50:

To North there lay the Land of Dread whence only evil pathways led

К Северу лежала Земля Ужаса, откуда вели только недобрые тропы

изменены на:

To North there lay a land of dread, Dungorthin where all ways were dead К Северу лежала земля ужаса, Дунгортин, где все пути мертвы

В старой версии под словами «Земля Ужаса» со всей очевидностью подразумевалась просто-напросто «земля Моргота». Здесь Дунгортин, как и в «Сильмариллионе» (стр. 146), помещен между горами Ужаса и северной границей Завесы Мелиан; см. стр. 314.

Во второй версии «Лэ» гораздо подробнее разработана история Горлима. В прежнем варианте (см. стр. 162–164, 169–170) Горлим покидает своих сотоварищей и отправляется «на встречу/с тайным другом в долине», обнаруживает «некую усадьбу, смутно белеющую во мраке», а внутри видит призрак Эйлинели. Он уходит прочь от дома, опасаясь Морготовых охотников и волков, и возвращается к отряду; но спустя несколько дней он намеренно отыскивает слуг Моргота и предлагает выдать своих соратников. Его отводят в чертоги Моргота – и тот вовсе не утверждает, будто призрак был создан специально для того, чтобы завлечь Горлима в западню:

призрак того, что могло быть, – возможно, вот что ты видел!

(Однако в строках 241–242 говорится, что «люди верили, будто Моргот создал / дьявольский фантом».)

В переработанном «Лэ» есть еще одна примечательная подробность: «12 Беорингов» (причем разумно было бы ожидать 13, включая самого Барахира) Дортониона – это те же самые воины, которые спасли короля Фелагунда в Битве Внезапного Пламени:

Ибо это были они, лучшие воины из дома Беора, что в топях заросшего тростником Сереха держали оборону вокруг короля Инглора в день его разгрома... (159–163)

В «Сильмариллионе» говорится, что «Моргот безжалостно преследовал его [Барахира], вознамерившись уничтожить, и наконец остались с Барахиром только двенадцать спутников» (стр. 192): ни словом не упоминается о том, что эти уцелевшие представляли собою отборный отряд соратников, в прошлом уже совершивший в таком составе одно героическое деяние.

Теперь утверждается, что Фелагунд (Инглор) *вернулся* в Нарготронд (строки 166–167) после того, как был спасен Барахиром и его людьми (см. стр. 85–86).

350 351 С этого момента и далее существенная переработка поэмы ограничивается несколькими фрагментами.

Продолжение Песни III

Начиная с того места, где заканчивается переработанное начало поэмы (строка 660 выше), машинописный текст «D» продолжается как копия «В» до самого конца поэмы, но, хотя перепечатка со всей определенностью производилась под контролем моего отца, сам по себе он текстологической ценности не представляет.

Фрагмент исходного текста (стр. 173), начиная со строки 453 («Так Тингол не уплыл за моря») и до строки 470 остался неизменным; но отрывок между 471 («В последующие дни, когда Моргот впервые») и приблизительно 613 строками мой отец заменил на 142 новых стихотворных строки (опустив длинный ретроспективный фрагмент начиная с 563 строки и далее, описывающий переход Берена через горы Ужаса), в которых от изначального «Лэ» сохранилось очень немного и, по мере продвижения от начала к концу, остается все меньше и меньше. Не приходится сомневаться, что эти строки написаны на (относительно) позднем этапе: переработанный, по всей видимости, одновременно с ними фрагмент из Песни X явно создавался после 1955 года (см. стр. 360), а возможно, что и значительно позже. Сохранилось множество рукописных черновых набросков, а также и машинописная копия первых 103 строк, перепечатанная моим отцом и вложенная в текст «D».

352

351

Когда же Моргот прочь бежал От кары, и под сенью скал, Что исторгают дым и чад, Венец Железный был подъят, Престол свой вновь упрочил Враг, И разрастались страх и мрак. Под Тенью Севера ждала Народы гнет и кабала: Враг подчинил людских вождей, В краях Изгоев-Королей Велась война; живут в те дни В последних гаванях они И в порубежных крепостях; Вокруг их стен густеет страх; Обречены твердыни пасть. Но вечной королевы власть И воля короля хранят Благословенный Дориат. Сокрытый край не знает зла: Здесь смех звенит, здесь даль светла In later days, when Morgoth fled from wrath and raised once more his head and Iron Crown, his mighty seat beneath the smoking mountain's feet 5 founded and fortified anew, then slowly dread and darkness grew: the Shadow of the North that all the Folk of Earth would hold in thrall. The lords of Men to knee he brings, the kingdoms of the Exiled Kings 10 assails with ever-mounting war: in their last havens by the shore they dwell, or strongholds walled with fear defend upon his borders drear, till each one falls. Yet reign there still in Doriath beyond his will the Grey King and immortal Queen. No evil in their realm is seen; no power their might can yet surpass: there still is laughter and green grass, 20

352

353

И солнце озаряет лес – В краю легенд, в земле чудес.

В Хранимых землях, где вокруг Все зелено – и вяз, и бук, Ступала по траве полян Дочь короля и Мелиан: Старейших из детей земли, Что Ардой древле нарекли. Эльфийским утром рождена На свет, свой род вела она От Тех, чье бытие древней Чем Арды твердь; одной лишь ей Судили средь потомков их Облечься в плоть одежд земных.

Вне Арды за звездой звезда Сияли в память их труда -Тот сокровенный древний свет В Виденье явлен и предпет. Когда ж бессчетные лучи Струились с вышины в ночи И расступались облака, -В венке из листьев орляка Искусный Даэрон средь теней, На палых листьях, меж корней, Играл на флейте колдовской, Что души смертные тоской Переполняет; тьмой объят, Внимал напеву Дориат. Подобных музыкантов свет Не знает: не было и нет Таких перстов и губ, гласят Преданья эльфов, - с ним навряд Сравниться сможет хоть один, -Лишь Маэлор*: Феанора сын Был юн, когда во цвет и лист Оделась Лаурелин: арфист,

there leaves are lit by the white sun, and many marvels are begun.

There went now in the Guarded Realm beneath the beech, beneath the elm, there lightfoot ran now on the green 25 the daughter of the king and queen: of Arda's eldest children born in beauty of their elven-morn and only child ordained by birth to walk in raiment of the Earth 30 from Those descended who began before the world of Elf and Man.

Beyond the bounds of Arda far still shone the Legions, star on star, memorials of their labour long, 35 achievement of Vision and of Song; and when beneath their ancient light on Earth below was cloudless night, music in Doriath awoke, and there beneath the branching oak, 40 or seated on the beech-leaves brown, Daeron the dark with ferny crown played on his pipes with elvish art unbearable by mortal heart. No other player has there been, 45 no other lips or fingers seen so skilled, 'tis said in elven-lore, save Maelor* son of Fëanor. forgotten harper, singer doomed, who young when Laurelin yet bloomed 50

^{*} В рукописном черновиках к этому фрагменту встречаются варианты и *Маглор*, и *Маэлор*. В финальном машинописном тексте значится *Маэлор*; имя исправлено на *Маглор*, но, как мне кажется, не рукой моего отца.

 $\frac{353}{354}$

Но Даэрон в радости души Играл под звездами в глуши, Покуда летом как-то раз Не пробил судьбоносный час. Звеня, свирель вела напев; Сгустился полумрак, одев Тенями заводь**, ветер стих, Прохлада сумерек ночных Под сенью сонных крон плыла, Шли травы в рост. Белым-бела, Дрожала дымка вкруг стволов -То буйно цвел болиголов; И призрачные мотыльки Порхали, зыбки и легки. Над бестревожной гладью вод Струились переливы нот, Летя все выше, все звончей, И вот в сиянии лучей, Покинув девичий покой, Явилась легкою стопой Она - и тени рассекла, Как пламя ярое, светла; Она прошла – и все кругом Вслед замерцало серебром. Сгущалась ночь, темнела высь, И сонмы летних звезд зажглись; Вот по зеленому ковру, Как гибкий стебель на ветру, Она, качнувшись, чуть вперед Скользнула, замерла - и вот, Как будто обретя крыла, Плясунья танец начала – Шагов затейливую вязь; И дымка белая ткалась, Вплетаясь в вихревой полет. Рябь дрогнула на глади вод,

Певец забытый, скорби полн,

Обрел могилу в бездне волн.*

to endless lamentation passed and in the tombless sea was cast.* But Daeron in his heart's delight yet lived and played by starlit night, until one summer-eve befell. 55 as still the elven harpers tell. Then merrily his piping trilled; the grass was soft, the wind was stilled, the twilight lingered faint and cool in shadow-shapes upon the pool** 60 beneath the boughs of sleeping trees standing silent. About their knees a mist of hemlocks glimmered pale, and ghostly moths on lace-wings frail went to and fro. Beside the mere 65 quickening, rippling, rising clear the piping called. Then forth she came, as sheer and sudden as a flame of peerless white the shadows cleaving, her maiden-bower on white feet

and as when summer stars arise radiant into darkened skies, her living light on all was cast in fleeting silver as she passed.

There now she stepped with elven pace, 75 bending and swaying in her grace, as half-reluctant; then began to dance, to dance: in mazes ran bewildering, and a mist of white was wreathed about her whirling flight. 80 Wind-ripples on the water flashed, and trembling leaf and flower were plashed

leaving; 70

^{*} В «Сильмариллионе» (стр. 308) не говорится, что Маглор погиб в море; он бросил в море Сильмариль, «а после вечно скитался вдоль морских берегов и слагал песни у кромки прибоя, терзаемый раскаяньем и мукой».

^{**} О «заводи» или «озере» в том месте в лесу, где Берен повстречал Лутиэн, не упоминается нигде более.

Бриллианты рос, светлы, чисты, Одели листья и цветы. Кружилась дева все быстрей.

Вихрь разметавшихся кудрей Мерцал и трепетал вокруг Воздетых к небу тонких рук. Над кронами луна взошла, Ясна, роскошна и кругла, И безмятежный свет с небес Лег на прогалину и лес. Прервался танец. Меж дерев Взмыл ввысь ликующий напев: В созвучия эльфийских слов Вплеталась трель – у соловьев Переняла ее она, И, радостью упоена, Расцветила, преобразив, И дивный зазвучал мотив Нетленной, чистой красотой Неоскверненной и святой.

Ир Итиль аммен Эрухин менель-вир сила дириэль си лот а галад ласто дин! А Хир Аннун гильтониэль, ле линнон им Тинувиэль! [26]

with diamond-dews, as ever fleet and fleeter went her wingéd feet.

Her long hair as a cloud was

streaming 85
about her arms uplifted gleaming,
as slow above the trees the Moon
in glory of the plenilune
arose, and on the open glade
its light serene and clear was laid. 90
Then suddenly her feet were stilled,
and through the woven wood there
thrilled,

half wordless, half in elven-tongue, her voice upraised in blissful song that once of nightingales she learned 95 and in her living joy had turned to heart-enthralling loveliness, unmarred, immortal, sorrowless.

Ir Ithil ammen Eruchín
menel-vîr síla díriel 100
si loth a galadh lasto dîn!
A Hîr Annûn gilthoniel,
le linnon im Tinúviel! [26]

Здесь заканчивается машинописный текст, но финальный рукописный набросок продолжается:

О дева-эльф, о Лутиэн, Чем был твой танец вдохновен? В ту ночь? Не Эльфинесса ль рок Зачаровать твой голос смог? Ни днем, ни в сумерках опять Такому чуду не бывать – Ни на Земле, ни за волной, Ни в зеркале луны ночной! Свирель отбросил Даэрон прочь – Восторг не в силах превозмочь, Застыл с разбитым сердцем он В тени заслушавшихся крон.

O elven-fairest Lúthien what wonder moved thy dances

then? 105 That night what doom of Elvenesse enchanted did thy voice possess? Such marvel shall there no more be on Earth or west beyond the Sea, 354 110 355 at dusk or dawn, by night or noon or neath the mirror of the moon! On Neldoreth was laid a spell; the piping into silence fell, for Daeron cast his flute away, 115 unheeded on the grass it lay, in wonder bound as stone he stood heart-broken in the listening wood.

Объяли чары Нельдорет. Она все пела: к свету свет Так устремляется с земли. Как вдруг недвижность сотрясли Шаги – грузны и тяжелы, И на прогалину из мглы Явился некто – через дол Наощупь, как незрячий, брел Он, спотыкаясь, сквозь кусты; Зловещим сгустком темноты Скользила тень в лучах луны. Как жаворонок с вышины Вниз камнем падает стремглав, Так смолкла дева, оборвав Напев. Расторглось волшебство, И Даэрон, сбросив власть его, Вскричал, испуган и смятен: «Беги, беги же, Лутиэн! Зло рыщет в чаще! Прочь спеши!» И в страхе прочь бежал – в глуши Крик угасал среди ветвей: «Беги же, Лутиэн! Скорей!» Но страх был деве незнаком -Подлунным трепетным цветком Она на месте замерла, Хрупка, недвижна и светла, Лик запрокинув...

Здесь рукопись заканчивается.

And still she sang above the night, as light returning into light upsoaring from the world below 120 when suddenly there came a slow dull tread of heavy feet on leaves, and from the darkness on the eaves of the bright glade a shape came out 125 with hands agrope, as if in doubt or blind, and as it stumbling passed under the moon a shadow cast bended and darkling. Then from on high as lark falls headlong from the sky the song of Lúthien fell and ceased; but Daeron from the spell released awoke to fear, and cried in woe: 'Flee Lúthien , ah Lúthien go! An evil walks the wood! Away!' Then forth he fled in his dismay 135 ever calling her to follow him, until far off his cry was dim 'Ah flee, ah flee now, Lúthien!' But silent stood she in the glen unmoved, who never fear had known, 140

Песнь IV

waiting

Небольшой фрагмент этой Песни был частично переписан на более позднем этапе. Строки 884 и далее были изменены на:

 $\frac{355}{356}$

«О Дайрон, – Тингол молвил так, – Твой чуток слух, твой зорок зрак, И все дела лесной страны Тебе понятны и ясны. Что предвещает тишина?

Then Thingol said: 'O Dairon wise, with wary ears and watchful eyes, who all that passes in this land dost ever heed and understand, what omen doth this silence bear?

as slender moonlit flower alone,

white and windless with upturned face

Этот вариант, наспех вписанный в «В»-текст, был продиктован в первую очередь, как мне кажется, желанием избавиться от слова *magic* [магия] в строке 886: оно подчеркнуто и отмечено знаком «Х» в машинописи «D». В то же время

wild stallion [дикий жеребец] в строке 893 было заменено на great stallion [могучий жеребец], а Tavros [Таврос] на Tauros [Таурос] в строке 891. Примерно в это же время были изменены строки 902–919 чуть ниже:

Под сенью Энноратских крон.* Ах, кабы так! Ведь с тех времен, Как Нахар устремлял свой бег К срединным землям – минул век; В покое жили мы, пока Вдогон за Морготом войска Владык мятежных не пришли В пределы северной земли, Покинув светлый Эльдамар, И полыхнул войны пожар Над Севером необжитым. Иль Таврос мчит на помощь им? Но ежели не Таврос – кто ж?» Рёк Дайрон: «Ты напрасно ждешь! Никто из племени Богов Вновь не покинет берегов, Где Внешние моря ревут; Немало бед случится тут, Пройдет немало дней и лет До той поры! Лорд Таврос? Нет! Средь нас - чужак. Леса молчат, Но знай: край немотой объят При виде небывалых дел: Чего король не доглядел, То взоры королев, - как знать? -Смогли постичь и угадать; А деве ведомо самой Кто бродит с ней в стране лесной».

Строки 926-929 были переписаны:

Но Дайрон встретил ясный взгляд Принцессы и, стыдом объят, Не дал ответа на вопрос, И молча гнев владыки снес.

beneath the trees of Ennorath.* Would it were so! An age now hath gone by since Nahar trod this earth in days of our peace and ancient mirth, ere rebel lords of Eldamar pursuing Morgoth from afar brought war and ruin to the North. Doth Tauros to their aid come forth? But if not he, who comes or what?' And Dairon said: 'He cometh not! No feet divine shall leave that shore where the Outer Seas' last surges roar, till many things be come to pass, and many evils wrought. Alas! the guest is here. The woods are still, but wait not; for a marvel chill them holds at the strange deeds they see, though king sees not – yet queen, maybe, can guess, and maiden doubtless knows who ever now beside her goes.'

But Dairon looked on Lúthien's face and faltered, seeing his disgrace in those clear eyes. He spoke no more, and silent Thingol's anger bore.

Но все эти переделки производились наспех, на уровне черновиков, и нико-им образом не сравнимы с предшествующим текстом.

^{*} Эннорат: 'Средиземье'; ср. «Властелин Колец», Приложение Е (III. 393, сноска 1).

Песни V-IX

В этих Песнях поздние переработки отсутствуют, если не считать четырех строк в Песни IX: предсмертные слова Фелагунда, обращенные к Берену (2633 и далее):

Я ухожу в далекий путь За Эльдамара светлый брег, – Жить в памяти за веком век И долгий обрести покой Там, в Амане, в земле благой». Так умер ном. О том рассказ Жив в песнях эльфов посейчас.

I now must go to my long rest in Aman, there beyond the shore of Eldamar for ever more in memory to dwell.' Thus died the king, as still the elven harpers sing.

В этом месте мой отец приписал на одном из экземпляров «D»-текста: «Он должен отдать кольцо обратно Берену» (о дальнейшей истории кольца см. «Неоконченные предания», стр. 171, прим. 2, и «Властелин Колец», Приложение А, III. 322, прим. 1 и 338). Но на самом деле нигде не говорится, что Берен возвратил кольцо Фелагунду.

Песнь Х

С началом этой Песни начинается пространный переработанный фрагмент, поначалу вписанный поверх «В»-текста, а затем, с новыми изменениями, добавленный в машинописный текст, перепечатанный моим отцом, по всей видимости, в то же самое время, как и тот, что приводился на стр. 352–355 (но в данном случае новый стихотворный фрагмент был перепечатан уже как часть «D»-текста).

Звучат под арфы перезвон Напевы эльфов испокон, В которых сказано о том, Как Берен с Лутиэн вдвоем По долу шли, в руке рука, Где мчалась Сирион-река. Смеялись весело они, Был легок шаг, отрадны – дни, Коснулись чащ – зимы персты; А вот вкруг них цвели цветы: Тинувиэль! Тинувиэль! Звенела вольно птичья трель В ветвях среди снегов земли, Где Лутиэн и Берен шли.

Холм островной вдали исчез Но там, под куполом небес,

Songs have recalled, by harpers sung long years ago in elven tongue, how Lúthien and Beren strayed in Sirion's vale; and many a glade they filled with joy, and there their feet 5 passed by lightly, and days were sweet. Though winter hunted through the wood, still flowers lingered where they stood. Tinúviel! Tinúviel!

Still unafraid the birds now dwell 10 and sing on boughs amid the snow where Lúthien and Beren go.

From Sirion's Isle they passed away, but on the hill alone there lay

357

358

Среди густой травы стоит Надгробие – под ним сокрыт Прах Финрода – ему отец Финарфин; ждет в свой срок конец Ту землю, и она падет, И погрузится в бездну вод, И будет мир преображен. Но Финрод – в Эльдамаре*; он От светлых кущ нейдет назад В мир, где война и скорбь царят.

a green grave, and a stone was set, and there there lie the white bones yet of Finrod fair, Finarfin's son, unless that land be changed and gone, or foundered in unfathomed seas, while Finrod walks beneath the trees 20 in Eldamar* and comes no more to the grey world of tears and war.

Он пал от города вдали, Но вести в Нарготронд пришли, Что мертв король, что башню зла Низвергнуть Лутиэн смогла, Что Властелин Волков сражен, Что пали стены и донжон. Вернулись пленники домой Из тени, мрачной и немой, И словно тень пришел назад Пес Хуан – был ему не рад Неблагодарный Келегорм. А в Нарготронде, словно шторм, Гул нарастал; все, как один, Кого коварный Куруфин Встарь запугал; все, кто внемля Его угрозам, короля Не поддержали в час нужды, Кричали там на все лады, Объяты гневом и стыдом: «Злодеи королевский дом Финарфина известь хотят! Убьем незваных кукушат! От них добра не будет нам! Смерть вероломным подлецам!» Ородрет молвил тяжело: «Не должно множить скорбь и зло, Лукавству противостоя! Пал Финрод. Днесь король ваш – я. Его устами ныне вам Повелеваю: я не дам

To Nargothrond no more he came but thither swiftly ran the fame of their dead king and his great deed, 25 how Lúthien the Isle had freed: the Werewolf Lord was overthrown. and broken were his towers of stone. For many now came home at last who long ago to shadow passed; 30 and like a shadow had returned Huan the hound, though scant he earned or praise or thanks of Celegorm. There now arose a growing storm, 35 a clamour of many voices loud, and folk whom Curufin had cowed and their own king had help denied, in shame and anger now they cried: 'Come! Slay these faithless lords untrue! Why lurk they here? What will they

but bring Finarfin's kin to naught, treacherous cuckoo-guests unsought? Away with them!' But wise and slow Orodreth spoke: 'Beware, lest woe and wickedness to worse ye bring! 45 Finrod is fallen. I am king. But even as he would speak, I now command you. I will not allow

^{*} Эльдамар: ранний вариант *Благословенное Королевство*. – С этими строками ср. отредактированную версию предсмертных слов Фелагунда в Песни IX (стр. 357).

358 359 Чтоб в Нарготронде клятвы яд Вновь вызвал распрю и разлад. Оплачьте Финрода – но меч Ваш долг для Моргота сберечь! Да не прольется кровь родни! Но пусть ни хлеб, ни кров они Не сыщут в Нарготронде впредь – Кто дом Финарфина презреть Дерзнул! Пусть братьев приведут, Им не вредя, ко мне на суд! Учтивость Финрода народ Пускай им выкажет!»

И вот,

Надменен и непокорен, В зал Келегорм явился; он Глядел вокруг с презреньем злым, Дыша угрозой. Рядом с ним Встал, улыбаясь, Куруфин: Держался Феанора сын, За нож, насторожен и нем. Расхохотался он: «Зачем Ты, о Наместник, призывал Нас в кои веки в тронный зал? Что надобно тебе от нас?»

Ородрета холодный глас Разнесся в тишине кругом: «Стоите вы пред королем. Ему в вас надобности нет, Но вы званы держать ответ: Свою объявит волю он, Которая для вас – закон. Прочь навсегда – сокройтесь с глаз, Пока свет солнца не угас! Впредь Феаноровы сыны Дорогу позабыть должны В край Нарога: ваш дом и я Отныне больше не друзья».

«Запомним всё!» – они рекли, И развернулись, и ушли Седлать коней. Со всем добром, И псом, и луком, и копьем,

in Nargothrond the ancient curse from evil unto evil worse 50 to work. With tears for Finrod weep repentant! Swords for Morgoth keep! No kindred blood shall here be shed. Yet here shall neither rest nor bread the brethren find who set at naught 55 Finarfin's house. Let them be sought, unharmed to stand before me! Go! The courtesy of Finrod show!'

In scorn stood Celegorm, unbowed, with glance of fire in anger proud 60 and menacing; but at his side smiling and silent, wary-eyed, was Curufin, with hand on haft of his long knife. And then he laughed, and 'Well?' said he. 'Why didst thou call 65

for us, Sir Steward? In thy hall we are not wont to stand. Come, speak, if aught of us thou hast to seek!'

Cold words Orodreth answered slow:
'Before the king ye stand. But know, 70
of you he seeks for naught. His will
ye come to hear, and to fulfil.
Be gone for ever, ere the day
shall fall into the sea! Your way
shall never lead you hither more, 75
nor any son of Fëanor;
of love no more shall there be bond
between your house and Nargothrond!'

'We will remember it,' they said, and turned upon their heels, and sped, 80 saddled their horses, trussed their gear, and went with hound and bow and spear, Умчались прочь, коней гоня, Как буря на закате дня, Два брата. Ни один вассал За ними следовать не стал. alone; for none of all the folk would follow them. No word they spoke, but sounded horns, and rode away 85 like wind at end of stormy day.

Здесь заканчивается машинописный текст, перепечатанный моим отцом, но переработанный вариант, вписанный в «В»-текст, продолжается (он был включен в машинопись «D»).

А Берен с Лутиэн меж тем Все шли. Пусть лес был гол и нем, Недолог – день, трава – бура, Шуршали стылые ветра, Но песни путников неслись Звеня, в серебряную высь, И приближался Дориат. От северных высоких гряд Тек Миндеб к Нельдорету там, Журча по бурым валунам; Но разом онемел поток, Едва завесу пересек, Что вдоль границ лесной земли Заклятья Мелиан сплели. Там Берен горестно умолк: Все неотступней сердца долг Ему напоминая, рёк: увы, настал разлуки срок. «Увы, Тинувиэль, вдвоем С тобой мы дальше не пойдем: Вдвоем в Эльфийские края. Не вступим вместе ты и я». «Нам – разлучиться? Для чего ж? Заря светла и день погож».

Towards Doriath the wanderers now were drawing nigh. Though bare was bough,

and winter through the grasses grey went hissing chill, and brief was day, 9 they sang beneath the frosty sky above them lifted clear and high. They came to Mindeb swift and bright that from the northern mountains'

height

to Neldoreth came leaping down with noise among the boulders brown, but into sudden silence fell, passing beneath the guarding spell that Melian on the borders laid of Thingol's land. There now they

stayed; 100

for silence sad on Beren fell.
Unheeded long, at last too well
he heard the warning of his heart:
alas, beloved, here we part.
'Alas, Tinúviel,' he said,
'this road no further can we tread
together, no more hand in hand
can journey in the Elven-land.'
'Why part we here? What dost thou say,
even at dawn of brighter day?'

Начиная со строки 2936 и до строки 2965 новых изменений не вносилось (если не считать замены *Elfinesse* [Эльфинесс] на *Elvenesse* [Эльвенесс] в строке 2962). В предшествующем фрагменте Инглор Фелагунд, сын Финрода, стал Финродом Фелагундом, сыном Финарфина, а значит, переработка датируется самое раннее 1955 годом, поскольку это изменение в первое издание «Властелина Колец» не вносилось.

Еще один небольшой переработанный фрагмент начинается со строки 2966 и возвращается к исходному тексту на строке 2968:

359 360 360 361

Я клятву соблюду свою! Не первым из мужей пролью Я много сокрушенных слез О горькой клятве, что принес, Гордыней гневной обуян. Лучи зари застлал туман, Желанной встречи краток час, И скоро ночь разлучит нас. Все клятвы пагубны: томит Боль - сердце, и немыслим - стыд. А! лучше б спать мне вечным сном В могиле каменной, с отцом! А ты бы по сей день одна, Бессмертна, радостна, юна, Напевами дарила лес, Чаруя в танце Эльвенесс».

«Тому не быть. Есть связь прочней, Чем камень и металл цепей, И крепче клятвы узы есть! Есть гордость у любви и честь! Ты мнишь, моя любовь робка, Слаба, безвольна и хрупка? Я верности дала обет – Клянусь созвездьем Эльберет, Что если руку ты мою Отринешь здесь, в глухом краю, Так значит, Лутиэн домой...

My word, alas! I now must keep, and not the first of men must weep for oath in pride and anger sworn. Too brief the meeting, brief the morn, too soon comes night when we must

All oaths are for breaking of the heart, with shame denied, with anguish kept. Ah! would that now unknown I slept with Barahir beneath the stone, and thou wert dancing still alone, unmarred, immortal, sorrowless, singing in joy of Elvenesse.'

'That may not be. For bonds there are stronger than stone or iron bar, more strong than proudly spoken

oath. 15

20

Have I not plighted thee my troth? Hath love no pride nor honour then? Or dost thou deem then Lúthien so frail of purpose, light of love? By stars of Elbereth above! If thou wilt here my hand forsake and leave me lonely paths to take, then Lúthien will not go home...

В то же время строка 2974 была заменена на:

сверх чаянья, среди теней

beyond all hope in love once more

Строки 2988 и далее были заменены на:

...Промчались на восток, ярясь, К дороге древней, что вилась Меж грозных Горгоратских скал И краем Тингола. Лежал Тот путь прямой в предел земли, Где их родня жила: вдали, Где Химринг, холм сторожевой, Над Аглоном навис главой.

Завидя странников, на них Коней направили лихих...

In rage and haste thus madly eastward they now raced, to find the old and perilous path between the dreadful Gorgorath and Thingol's realm. That was their road most swift to where their kin abode far off, where Himring's watchful hill o'er Aglon's gorge hung tall and still.

They saw the wanderers. With a shout straight on them turned their steeds about...

Песни XI-XIII

В Песнях XI и XII не содержится переработок; небольшие изменения были внесены ближе к концу Песни XIII. Строки 4092–4095 были заменены на:

Трех Сильмарилей свет живой Лучился над мертвящей тьмой, – Так звезды Севера горят Над твердью, где клубится смрад.

the Silmarils with living light were kindled clear, and waxing bright shone like the stars that in the North above the reek of earth leap forth.

Строки 4150-4159 были заменены на:

Клыки железные кристалл Сжимали крепко, но кинжал Рассек, как ногти мертвеца, Металл железного венца. Огнь Феанора, утра свет, Надежды луч, в веках воспет, До солнца и луны рожден, Был наконец освобожден. Лег камень в смертную ладонь, И Берен встал. Живой огонь Сквозь плоть и кость струился, ал, И яркость крови обретал. Желание Берену пришло Из адских недр, судьбе назло, Три Сильмариля, не один, Унесть с собой из мглы глубин, Где Моргот свет камней скрывал. Вновь он склонился, сжав кинжал, Что обод и зажим рассёк; Но вкруг каменьев темный рок Соткался - ненависти сеть. Мощь Морготову одолеть Еще не пробил час; когда, Спустя бессчетные года, Два камня вырвут у Врага, Затопит море берега, Твердь сокрушится – и падет Свет Сильмарилей в бездну вод И в огнь земли – и погребен Пребудет до конца времен.

In claws of iron the gem was caught; the knife them rent, as they were naught but brittle nails on a dead hand.

Behold! the hope of Elvenland, the fire of Fëanor, Light of Morn 5 before the sun and moon were born, thus out of bondage came at last, from iron to mortal hand it passed.

There Beren stood. The jewel he held, and its pure radiance slowly welled 10 through flesh and bone, and turned to

with hue of living blood. Desire then smote his heart their doom to dare, and from the deeps of Hell to bear all three immortal gems, and save 15 the elven-light from Morgoth's grave. Again he stooped; with knife he strove; through band and claw of iron it clove. But round the Silmarils dark Fate was woven: they were meshed in

and not yet come was their doomed hour

hate, 20

when wrested from the fallen power of Morgoth in a ruined world, regained and lost, they should be hurled in fiery gulf and groundless sea, 25 beyond recall while Time shall be. 361 362

Песнь XIV

Строки 4185-4190 были заменены на:

Но наконец вдали возник
Едва приметный бледный блик –
То тусклые лучи дрожат
В проеме грозных Адских врат.
Надежда, пробудясь едва,
Угасла и была мертва.
Отверст портал, раскрыта дверь,
Но на пороге – жуткий зверь.
Но пробудился лютый зверь
Но бдит, проснувшись, лютый зверь,

И алый свет горит в зрачках; То Кархарот, вселяя страх Воздвигся: смертный приговор... At last before them far away they saw a glimmer, faint and grey of ghostly light that shivering fell down from the yawning gates of Hell. Then hope awoke, and straightway died –

the doors were open, gates were wide; but on the threshold terror walked. The dreadful wolf awake there stalked The wolf awake there watchful stalked and in his eyes the red fire glowered; there Carcharoth in menace towered, a waiting death, a biding doom:

362 363

Строки 4208-4211 были переписаны:

И Берен из последних сил Собою Лутиэн закрыл, Готов ее оборонять, На шаг не отступивши вспять.

and Beren in despair then strode past Lúthien to bar the road, unarmed, defenceless, to defend the elven-maid until the end.

*

В переработанном варианте представлено не более одной шестой исходного «Лэ», а доля новых стихов по отношению к старым – меньше четверти; так что утверждение Х. Карпентера в книге «Инклинги», стр. 31: «Более того, со временем он переписал всю поэму», – увы, нуждается в поправке.

Заметка о первом представлении в издательство «Лэ о Лейтиан» и «Сильмариллиона» в 1937 г.

После того, как «Хоббит», опубликованный 21 сентября 1937 г., мгновенно стал бестселлером, Стэнли Анвин, директор издательства «George Allen & Unwin», естественно, очень хотел, чтобы мой отец написал продолжение или новый роман о хоббитах. В результате их первой встречи вскоре после публикации книги, мой отец отправил в издательство несколько рукописей, в том числе «Лэ о Лейтиан» (в переписке того времени поэма фигурирует под названием «Жеста о Берене и Лутиэн») и «Сильмариллион».

Хамфри Карпентер в своей «Биографии» (стр. 287) пишет: «Рукопись [«Сильмариллиона»] — точнее, пачка рукописей — прибыла в редакцию в несколько разрозненном виде, и на первый взгляд единственным цельным текстом из всего этого была длинная поэма "Жеста о Берене и Лутиэн"». Рейнер Анвин сообщил мне, что в перечень входящих рукописей, регистрируемых в издательстве «Allen & Unwin», произведения, доставленные 15 ноября 1937 г., были внесены как:

- 1. «Фермер Джайлс из Хэма»
- 2. Длинная поэма
- 3. «Мистер Блисс»
- 4. Материалы про номов
- 5. «Утраченный путь».

Из записей моего отца следует, что вместе с «Сильмариллионом» «как таковым» он тогда же послал тексты под названием «Айнулиндалэ» («Музыка Айнур»), «Амбарканта» («Устроение мира») и «Падение нуменорцев». Думаю, именно поэтому четвертый пункт в перечне был обозначен как «Материалы про номов». Возможно, рукописи были не слишком четко разграничены, а по заглавным страницам разных произведений, безусловно, понять что-либо оказалось непросто; и общее название «Материалы про номов» оказалось удобной сопроводительной формулировкой.* Однако в нем, пожалуй, ощущается и нота беспомощности, самоочевидная также и в описании пункта 2 как «Длинной поэмы». – С другой стороны, следует отметить, что «Сильмариллион» на тот момент представлял собою набело переписанный, несложный и легко читаемый рукописный текст.

^{*} Нет никаких сомнений в том, что на тот момент «Сильмариллион» как таковой в самом деле был отправлен в «Allen & Unwin». Пока текст находился в издательстве, мой отец отметил для себя, какие изменения понадобится внести в рукопись по ее возвращении, и со всей определенностью подтвердил ее прибытие («Письма», №19): «Недавно получил ... "Жесту" (в стихах) и "Сильмариллион" с относящимися к нему фрагментами в целости и сохранности».

365

Нет никаких подтверждений тому, что «Сильмариллион» и прочие прозаические произведения на тему Средиземья попали в руки рецензента издательства. В своем отзыве о поэме рецензент ссылается только на «страницу-другую» и «несколько страниц» в прозе; а Стэнли Анвин, возвращая рукопись 15 декабря 1937 г., упомянул «страницы прозаического варианта», присовокупленные к поэме. Со всей очевидностью, Хамфри Карпентер был прав, предполагая («Биография», стр. 287), будто эти страницы прилагались для того, «чтобы было понятно, что произошло дальше, поскольку сама "Жеста" была не окончена»; это были страницы из предания о Берене и Лутиэн в изложении «Сильмариллиона». Но из отзыва рецензента также явствует, что никаких других фрагментов «Сильмариллиона» он не видел. Отзыв этот озаглавлен: «"Жеста о Берене и Лутиэн" (пересказанная в стихах – кем?)», и начинается так:

Я просто-таки затрудняюсь сказать, что с этим делать – тут, похоже, даже автора нет! – и никакого указания на источники и т.д. По справедливости считается, что рецензенты издательств могут похвастаться каким-никаким интеллектом и начитанностью, но, признаюсь, ранние кельтские Жесты в круг моего чтения не входят, и я даже не знаю, это какая-то знаменитая Жеста или нет, или, если на то пошло, насколько она подлинная. Полагаю, что все-таки подлинная, потому что оставшийся неизвестным стихотворец приложил страницу-другую прозаической версии (которая на голову выше).

Думаю, в последней фразе рецензент имел в виду, что *пегенда* как таковая, представленная, как ему показалось, близким к оригиналу прозаическим переводом, является подлинной «кельтской Жестой», а «оставшийся неизвестным стихотворец» взялся переложить ее в стихи.

Однако, сей критик в своем вкусе нимало не сомневался, и противопоставил поэму, отнюдь не к ее выгоде, «нескольким страницам (предположительно) прозаического подстрочника, сделанного с оригинала». Поэме, утверждал он, «недостает первозданной силы, недостает ярких, чистых цветов», – любопытный вывод, даже при том, что эволюция Предания о Берене и Лутиэн тем самым была повернута с ног на голову.

Может показаться странным, что у рецензента, которому передали поэму, было так мало информации; еще более странно, что он не без энтузиазма писал о приложенном к поэме фрагменте прозаического повествования, однако ж так и не увидел произведения, откуда фрагмент был заимствован, при том, что из всех присланных автором рукописей эта являлась самой важной: рецензенту просто неоткуда было заподозрить о ее существовании. Но я бы предположил, что мой отец с самого начала не разъяснил толком, что представляют собою прозаические произведения о Средиземье и как они соотносятся между собою; и в результате «Материалы про номов» были отложены в сторону как слишком специфические и сложные.

Внизу рецензии Чарльз Ферт, сотрудник издательства «Allen & Unwin», приписал: «И что нам с этим делать?»; а придумывать выход из положения пришлось тактичному Стэнли Анвину. Возвращая рукописи моему отцу, он сообщил:

Как вы и сами догадались, непросто будет сделать что-либо с «Жестой о Берене и Лутиэн» в стихотворной форме; но на нашего рецензента произвели

сильнейшее впечатление страницы прозаической версии, к ней приложен-

366

И Стэнли Анвин процитировал из рецензии *только* одобрительные (пусть и не по адресу направленные) замечания рецензента о фрагменте из «Сильмариллиона», которые приводятся в книге Хамфри Карпентера: «Есть в ней [в этой истории] та безумная, ослепляющая красота, что озадачивает англосакса при встрече с кельтским искусством», и т.д. Далее Стэнли Анвин писал:

В «Сильмариллионе» – масса великолепных материалов; собственно говоря, это не столько книга сама по себе, сколько золотые копи, которые предстоит разрабатывать, сочиняя новые книги вроде «Хоббита».

Эти слова сами по себе убедительно свидетельствуют о том, что «Сильмариллион» никакому рецензенту не передавался и отрецензирован не был. На тот момент он представлял собою вполне целостное и упорядоченное произведение, хотя в данном варианте не оконченное.* Вне сомнения, Стэнли Анвин стремился пощадить чувства моего отца, отвергая предоставленный материал (в том, что касалось поэмы, издатель положился на отзыв рецензента), и одновременно убедить автора написать книгу, которая продолжила бы успех «Хоббита». Но в результате мой отец оказался введен в заблуждение: в своем ответе от 16 декабря 1937 г. (полностью приведенном в «Письмах», № 19) – за три дня до того, как он сообщил, что закончил первую главу, «Долгожданные гости», «новой истории про хоббитов», – он писал:

Больше всего я радуюсь тому, что «Сильмариллион» не был отвергнут с презрением. ... Насчет стихотворного переложения я не возражаю [т.е. стихотворного переложения предания о Берене и Лутиэн, «Лэ о Лейтиан»]; невзирая на отдельные удачные куски, серьезных недостатков там полно; для меня это только черновик.** Однако теперь я со всей определенностью буду надеяться, что в один прекрасный день «Сильмариллион» опубликуют – или я смогу позволить себе издать его за свой счет!

Со всей очевидностью, у него сложилось впечатление, что «Сильмариллион» передали рецензенту – и на рукопись был написан отзыв (без сомнения, фразе Стэнли Анвина «страницы прозаического варианта» он не придал значения); в то время как, насколько можно судить по существующим свидетельствам (а они, по-видимому, исчерпывающи), ничего подобного не произошло. Мой отец подумал, что рукопись прочли и отклонили; в то время как ее просто-напросто отклонили, не читая. Рецензент несомненно отверг «Лэ о Лейтиан»; «Сильмариллиона» он не отвергал: из него он видел лишь несколько страниц (не зная, что они такое) и, в любом случае, эти страницы ему понравились – принимая во внимание то, как непросто англосаксу оценить кельтское искусство.

^{*} В том, что касается переработки текста 1930 г., оставалось сделать не так уж и много: новый вариант был расширен (примерно на 40 000 слов) по ходу переписывания главы XXI «О Турине Турамбаре».

^{**} Весьма неожиданное утверждение; но не следует забывать, что мой отец оставил работу над поэмой за шесть лет до того и в то время был поглощен редактурой прозаического «Сильмариллиона».

367

Странно задумываться над тем, каковы могли бы быть вероятные последствия, если бы на тот момент «Сильмариллион» действительно прочли и если бы рецензент, которому так понравились несколько страниц, остался бы при своем мнении; нет веских оснований предполагать, что даже тогда «Сильмариллион» непременно приняли бы к публикации, но такой исход не вовсе исключается. А если бы приняли? Много времени спустя (в 1964 г., «Письма», № 257) мой отеп писал:

Тогда [после публикации «Хоббита»] я предложил в издательство легенды Древних Дней, но рецензенты их отклонили. Издательство требовало продолжения. А мне хотелось героических легенд и возвышенного эпоса. Результатом стал «Властелин Колец».

СЛОВАРЬ АРХАИЗМОВ, УСТАРЕВШИХ И МАЛОУПОТРЕБИМЫХ СЛОВ И ИХ ЗНАЧЕНИЙ

В данном списке слова, встречающиеся в «Песни о детях Хурина» (ДХ, и во втором варианте ДХ іі) и в «Лэ о Лейтиан» (ЛЛ, и в цельном фрагменте переработанного варианта ЛЛ іі), «привязаны» к номерам строк; в случае слов из других поэм или фрагментов даются отсылки на номера страниц.

В обеих поэмах, но главным образом в «Детях Хурина», встречаются совершенно вышедшие из употребления слова (и значения); однако список включает в себя также и достаточно много хорошо известных литературных архаизмов, и некоторое количество слов, которые не относятся ни к одной из этих категорий, но частота их употребления весьма ограничена.

an – если, ДХ 63, 485.

as - словно, ДХ 310, ii. 659.

astonied - ошеломленный, ДХ 578.

bade – ДХ іі. 646. Если *This Thingol she bade* означает «Вот что предложила она Тинголу», выходит, в этой строке слово использовано в двух разных смыслах: она предложила (*bade*) ему шлем и попросила (*bade*) его принять ее благодарность; но более вероятно, что строка означает: «она попросила его принять шлем и ее благодарность» (ср. ДХ 301).

bale - зло, страдание, мука, ДХ 56, іі. 81.

balusters - столбики балюстрады, балясины стр. 132.

bated – сдерживаемый, обуздываемый, затаенный, ДХ 1121.

bent – луг, луговина, склон холма – открытое пространство, поросшее травой, ДХ 1032, 1517, 1539, ii. 500; ЛЛ 1369, 2281.

betid - случилось, произошло, ЛЛ 2408.

blent – смешанный, ДХ 453, 583; ЛЛ іі. 317.

boots в it boots not – это бесполезно, ДХ 1871.

bare-bosmed = bare-bosomed, с нагой грудью / с нагим лоном (о земле), ДХ 1198.

brand - меч, клинок, ДХ 1340, ii. 149.

carping – разговор, болтовня, ДХ 477; carped – болтал ДХ 506.

casque – шлем, ДХ ii. 655.

chaplet – венок, венчик, ЛЛ 753.

chase – охотничьи угодья, ЛЛ 3297.

clomb – устаревшая форма прош. вр. от гл. *climb*, взбираться, карабкаться, воздвигаться, ДХ 1494; ЛЛ 1382, 3872.

corse = *corpse*, труп, ДХ 1295, 1404; ЛЛ 3620.

cozening – введение в обман, заморачивание, стр. 305.

стоft – обнесенный оградой участок обрабатываемой земли, приусадебный участок, ЛЛ 1968.

dear – ценный, драгоценный, ДХ 480.

dolour - страдание, ЛЛ 2814.

dolven (также в dark(ly)-dolven [выкопанный в темных недрах], deep-dolven [глубоко выкопанный]) – вырытый, выкопанный, ДХ 2052; ЛЛ 213, 1677, іі. 63. dreed – вытерпели, выстрадали, ДХ 531.

drouth (по происхождению то же самое слово, что *drought*) – засуха, сушь, ДХ 946, 972; (**plains of, fields of**) **drouth** [(равнины, поля) жажды], жажда, ДХ 826; ЛЛ 2047.

eld – старость, ДХ ii. 595; **of eld** = of old – встарь, в древности, ДХ 118, ii. 262.

enfurled (в **mist-enfurled** [одетые туманом]) окутанные, одетые (во что-то спутанное или складчатое), ЛЛ 59, іі. 61. Это слово с приставкой *en-* не зафиксировано. Ср. **furled** обернула, ЛЛ 1551, **unfurled** – развернули(сь), раскрыли(сь), развернутые, разостланные, ЛЛ 404, 1591, 3986.

enow - достаточно, ЛЛ 1304.

error - (вероятно) блуждание, ДХ ii. 495.

fain – охотно, ДХ 130; ЛЛ 823; довольный, ЛЛ іі. 368; **fain of** жаждущий чего-либо или охотно довольствующийся чем-то, ДХ 410, 458, іі. 786; **warfain** – жадный до войны, ДХ 386, 1664, іі. 137, **bloodfain** – кровожадный іі. 750; **I had fainer** – я бы охотнее, ДХ іі. 146.

falchion - (с широким лезвием) меч, палаш, ДХ 1217, іі. 63, 146.

fallow – золотисто-коричневый, ДХ 2106; стр. 128–129; fallow-gold – красновато-золотой стр. 129; fallow deer – лань ЛЛ 86. (Слово, отличное от *fallow* 'вспаханный под пар').

fare - странствие, путешествие, ДХ 2184.

fast – сосредоточенно, неподвижно, ДХ 1614 (или, возможно, прилагательное, определяющее слово *pondering* 'размышление', глубокий, ненарушенный, ср. *fast asleep* 'крепко спящий'); огражденный от нападений, ЛЛ 360.

fell – шкура, ЛЛ 2344, 3398, 3458, 3484, 3941, 4124, ii. 528.

fey – обреченный на смерть, ЛЛ 3305; см. unfey.

flittermouse – летучая мышь, ЛЛ 4074.

fold – земля, область, ДХ 765; **folds** ДХ 533, 1632, вероятно, то же самое, но, может быть, 'изгибы'.

force - водопад, ДХ 1595.

forhungered – изголодавшийся, ЛЛ 3076.

forwandered – измученный странствиями, ДХ 190, 897, ii. 498; ЛЛ 550, 2354.

freshets – ручейки, струйки пресной воды, ДХ 1597; ЛЛ 1934.

frith – лес, лесные угодья, ДХ 1795; стр. 132; ЛЛ 896, 2264, іі. 124.

frore – седой, ДХ іі. 594; очень холодный, ледяной, ЛЛ 578, 1718.

garth – огороженный участок рядом с домом, сад, двор, ДХ 149, ii. 313.

ghyll – глубокое скалистое ущелье, ДХ 1498.

glaive - копье или меч, глевия, ДХ 322, 1210, ii. 680.

glamoury - магия, чары, стр. 122-123; ЛЛ 2073.

gloam - сумерки, стр. 146.

grasses - растения, травы, ЛЛ 3122.

guerdon - воздаяние, вознаграждение, ДХ 658; ЛЛ 222, 1064, 4139.

haggard (об одежде) – изорванная, в беспорядке, ДХ 466; (о холмах) – дикие, ДХ 2120, ЛЛ 3167; современное значение (изнуренный, изможденный) ДХ 1890, ЛЛ 3720 (в переносном смысле, haggard hunger – дикий голод, haggard care – тяжкая тревога, ДХ 1437, ЛЛ 564).

haled – вытащил, извлек, ДХ іі. 551. hap – удел, участь, ДХ 340. hest – повеление, ДХ 86, 689. hie – спешить, торопиться, ДХ 838. hight – назван, поименован, ДХ 366, 863. hold – крепость, твердыня, ЛЛ 52, 1702, 2457

hold – крепость, твердыня, ЛЛ 52, 1702, 2457; стр. 134 (или, возможно, 'хватка, владение'); прибежище, ЛЛ 210.

holt – лес, роща, ЛЛ 2342.

inane – пустой, пустынный, ЛЛ 3533.

keep – главная башня крепости, донжон, ЛЛ 1677.

lambent – (о пламени) отблескивающий, играющий на поверхности, не сжигая ее, ДХ 1217.

lapped – окружили, ДХ 690; окутанный, ДХ 709.

lea – луг, сенокосное угодье, ДХ 35, 1797, ii. 66.

leasows – луга, ДХ 1797.

leeches – лекари, ЛЛ 3055, 3144.

let – препятствовать, ЛЛ 2019.

levin – молния, ДХ 1681.

lief – согласный, желающий, ЛЛ 3417; liever – лучше, приятнее, ДХ 78.

like – нравиться, быть по душе, ДХ 90, 286, 598, 1376, ii. 226, 626 (но 'любить, относиться одобрительно' ДХ 616).

lind = *linden*, липа, стр. 120.

loath – ненавистный, нежеланный кому-то, ЛЛ 3419; нежелающий, несклонный, ЛЛ 3417.

lode – тропа, дорога, ДХ 798.

louted - клонили, сгибали, ДХ 1520.

march – граница, пограничная область, ДХ іі. 493; ЛЛ 3672.

marge - край, окоем, ДХ 1555.

mavis – певчий дрозд, ЛЛ іі. 74.

meed - вознаграждение, награда, ДХ 81, 268, 701, 793, ii. 195, 231, 604.

meet - уместный, подобающий, ДХ 487.

mete – отмерять, распределять (используется в конструкции *I shall mete thee a meed* [Я отмерю тебе награду], *his meed was meted* [награда была ему отмерена]) ДХ 81, 532, 701, 1092, ii.195.

mews - чайки, стр. 129; seamew - сизая чайка, ДХ 1551.

neb – клюв, ЛЛ 255, 570, ii. 381, 409.

nesh - мягкий, нежный, ЛЛ 4220.

opes – открывается, разверзается, зияет, ЛЛ 3740; oped – отворил, ДХ 550.

or ever – прежде чем, ЛЛ 1821.

or... or – или... или, ДХ 439–440; ЛЛ 54, 2886; стр. 359.

outer – крайний, запредельный (?), ЛЛ 2979.

palfrey – небольшая смирная верховая лошадь, ЛЛ 3379.

parlous – опасный, губительный, ЛЛ іі. 456.

pled – устар. ф. прош. вр. от *plead* 'умолять', ЛЛ 2983.

plenilune – полнолуние, стр. 354.

prate – болтать, вести пустой разговор, ДХ 501.

quick – живой, ДХ іі. 78.

quod – (= quoth), сказал, молвил, ДХ 88.

quook - устар. ф. прош. вр. от quake 'содрогаться, дрожать', ЛЛ 3582.

recked – заботился, интересовался, ДХ 619; ЛЛ іі. 629; unrecked брошенный, оставленный без внимания, ДХ 1799.

redeless – лишенный помощи и совета; не знающий, что делать ЛЛ 3427.

rive – рассечь, расколоть, ДХ 1211; прош. вр. rove, ЛЛ 4149.

roamed – пролегал, блуждал (о пути), ДХ 1432; пролегли, протянулись (?) (об областях), ДХ 1577. (Эти значения, по всей видимости, не зафиксированы).

rout - отряд, группа, банда, ЛЛ 2997.

rove - cm. rive.

ruel-bone – разновидность слоновой кости, ЛЛ 2261 (ср. Дж. Р. Р. Толкин, «"Сэр Гавейн", "Перл" и "Сэр Орфео"», перевод поэмы «Перл», строфа 18: «And her hue as rewel ivory wan» [И цвет ее лица бледен, как слоновая кость]).

ruth – жалость, сострадание, ДХ 306, 1941, 1969, 2134, ii. 654; ЛЛ 116; раскаяние, ДХ 509; горе, ДХ 1661.

shaws – леса, чащи, ДХ 647 (ср. *the Trollshaws* [досл. Тролльи чащобы] к западу от Ривенделла).

sheer – (о свете) яркий, незамутненный, ЛЛ 689; (о воде) прозрачная и чистая, ЛЛ 1439.

shoon – устар. мн.ч. от shoe 'туфелька, башмачок', ЛЛ 490.

shores – опоры, крепления, ЛЛ 3880.

sigaldry – колдовство, чародейство, ЛЛ 2072 (ср. строфа 3 стихотворения «Призвание» в сборнике Дж. Р. Р. Толкина «Приключения Тома Бомбадила», 1962).

slade – долина, лощина, ДХ 235, 1150, 2171, ii. 561; **slades of death** – долы смерти, ДХ 685, 886.

slot - след (по которому идет охотник), ДХ 745, 1314.

slough – грязь, ДХ 881.

sped – был полезным, помог (в достижении его цели) ДХ 41; посодействовал, продвинул кого-то в достижении цели (переходный), ДХ 247, преуспел (непереходный) іі. 574; сподвиг, побудил, вынудил, ДХ 284; отправлен в спешке, ДХ 654.

stared – (возможно) сиял, ЛЛ 3132, в этом значении глагол использован в средневековых аллитерационных поэмах: ср. Дж.Р.Р. Толкин, «"Сэр Гавейн", "Перл" и "Сэр Орфео"», перевод поэмы «Перл», строфа 10: «...Stars stare in the welkin in winter night» [звезды сияют в небе зимней ночи], где в оригинале употреблен глагол staren в этом же значении.

strikes – бежит, течет, ДХ 240, 520, іі. 567.

suage – успокоить, облегчить, ДХ 612.

sued – просил, умолял о, ДХ 857.

swath – прокос, полоса скошенной травы «расстояние, покрываемое взмахом косы» (О.Е.D.), ДХ 33, іі. 64; ЛЛ 2106.

swinking – работающий не покладая рук, ДХ 784.

sylphine – подобный сильфу (духу воздуха, см. стр. 306), ЛЛ 4077. (Это прилагательное, образованное от существительного *sylph* 'сильф', нигде более не зафиксировано.)

tale – счет, количество, сумма, ДХ 159, 471, ii. 326. Ср. **untold** = неисчислимый, неописуемый, ДХ ii.678, ЛЛ 12, 2251.

targe - щит, ДХ 131, 409, 2153, ii. 284, 785.

thewed [мускулистый] в **mighty-thewed** – обладающий великой силой, с могучими мускулами, ДХ іі. 714.

thirled – пронзенный, ДХ 697.

tilth - возделанная земля, ДХ 1798.

tors - скалистые вершины холмов, ДХ 2119.

travail – тягота (как выносимая в пути, т.е. и *travail*, и *travel* 'путешествие'), ДХ 143, іі. 300.

unfey – не «fey», не обреченный на смерть, ДХ ii. 752 (или, возможно, в значении 'не слабый, не робкий', – противоположное еще одному значению *fey*). Это слово, по всей видимости, в английском языке не зафиксировано, но слово *ú-feigr* 'не обреченный на смерть' существует в древнеисландском.

unkempt – нечёсаный, растрепанный, ДХ 490.

unrecked - cm. recked.

wading – идущий, проходящий, ДХ 1605.

waiving – отказывающийся, отвергающий, ДХ іі. 154.

wallet – котомка, дорожная сумка для провизии, ДХ 228, ii. 551.

wan – темный, ЛЛ 261, ii. 561.

wanhope - отчаянье, ДХ 188.

web – тканое полотно, ЛЛ 1471; применительно к кольчуге ЛЛ 324, и к «ткани» судьбы ДХ іі. 13.

weeds - одежда, ДХ 445.

weft – тканое полотно, ЛЛ 3061.

weird – судьба, рок, ДХ 160, іі. 119, 246, 327; ЛЛ 2290, 3173.

weregild – (др.-англ.) вергельд, цена, назначаемая в качестве компенсации за убийство человека сообразно статусу убитого, ЛЛ іі. 177.

whin – утёсник, ЛЛ іі. 195.

wieldy - (способный с легкостью владеть оружием или своим телом), энергичный, проворный, подвижный, ДХ 1765.

wildered – заплутавший, ДХ 188, 204, 1316, ii. 516; стр. 146; сбитый с толку, растерявшийся, ДХ 774; ЛЛ 641 (см. стр. 323).

winding – (1) о движении ветра или воды (не обязательно завихряющемся), ДХ 769, 1857. (2) (о трубе) гудя, трубя, ДХ 1832.

wist - cm. wot.

wold – поросшие лесом холмы или нагорья (см. стр. 88), ДХ 1816, 1992, 1994; ЛЛ 1742.

wolfham(e) – волчья шкура, ЛЛ 3398; стр. 271–273, 283 (см. стр. 271).

woof – тканое полотно, ЛЛ 4149.

wot (наст. вр. от гл. *wit*), знаем, ДХ 204, ii. 516; прош. вр. wist – знал, ДХ 160, 200, 399, ii. 327; прич. прош. вр. unwist – неизвестный, ДХ 257.

wrack – (1) гибель, несчастье, уничтожение, ДХ 27, 629, 2036, ii. 120; стр. 142. (2) морские водоросли, ДХ 1569.

wrights - мастера, ремесленники, ДХ 300, 1147, ii. 641, 671.

УКАЗАТЕЛЬ

Данный указатель построен по тому же принципу, что указатели в «Книге утраченных сказаний», части I и II, и, подобно им, имеет целью предоставить (лишь за несколькими исключениями) полный перечень ссылок на все статьи, включая и отдельные ссылки на фрагменты, где персонаж или топоним не названы напрямую. Указатель не содержит ссылок на заметку о представлении в издательство рукописей «Лэ о Лейтиан» и «Сильмариллиона» в 1937 г.

Агарваэн (Agarwaen) 'Запятнанный кровью', имя, взятое Турином в Нарготронде. 92.

Аглон, ущелье (Aglon, Gorge of) Между Таур-на-Фуин и Химлингом (Химрингом). 227, 235, 263, 272, 274, 310–311, 313, 361.

Айглир Ангрин (Aiglir Angrin) Железные горы. 49. (Заменило Ангородин (Angorodin), и в свой черед было заменено на Эйглир Энгрин (Eiglir Engrin)). Алая Утроба (Red Maw) См. Кархарот.

Алое Сердце (Scarlet Heart, The) Герб Тургона. 146.

Алквал**о**ндэ (Alqualondë) 136. См. Копас Алквалунтен, Братоубийство, Лебединая гавань.

Аман (Атап) 348, 357. См. Благословенное Королевство.

Амори (Атоиту) Неизвестное название. 123.

Ангайнор (Angainor) Огромная цепь, которой был скован Моргот. 205, 208–210. Ранние формы: Ангайно (Angaino), Ангайну (Angainu) 209, Энгайнор (Engainor) 208.

Ангаманди (Angamandi) Название Ангбанда в «Утраченных сказаниях». 282.

Ангбанд (Angband) 7, 16, 32, 35, 49, 51, 53, 55, 69–70, 75, 87, 102, 107, 116, 126, 205, 209, 212, 220–221, 226, 231, 234, 244, 253, 257, 270–273, 279, (281–282), 283, 285, 289, 292–294, 298, 302, 304–307, 309, 314, 341, 348; описание 294–296. Осада Ангбанда (Siege of, Leaguer of, Angband) 55, 83–86, 171, 212–213, 221–222, 247. См. Железные Преисподние.

Английский (язык) (English (language)) 123, 127,139, 160. См. Древнеанглийский.

Англия (England) 154, 157, 181–182. См. Лейтиэн, Лутани.

Анг**о**родин (Angorodin) Раннее название Железных гор. 49.

Ангрим (Angrim) Отец Горлима Злосчастного. 336, 349.

Ангрод (Angrod) Сын Финрода / Финарфина, павший в Битве Внезапного Пламени. 80, 85, 138, 213, 222.

Анфауглит (Anfauglith) Другое название Дор-на-Фауглит. 273, 284.

Арагорн (Aragorn) 124, 126, 269.

Aрда (Arda) 138, 352.

 $\hat{Ap}$ д-гален (Ard-galen) Обширная травянистая северная равнина; после того, как была разорена, называлась $Ah\phi$ ауглит (Anfauglith) и Дор-на-Фауглит (Dor-na-Fauglith). 284.

Ар-Мелиан (Ar-Melian) Мелиан. 347, 350. См. Тар-Мелиан.

Арминас (Arminas) Эльф-нолдо, вместе с Гельмиром принесший предостережение Улмо в Нарготронд. 92.

Арсирианд (Arsiriand) Отвергнутое название для Белерианда. 160.

Артад (Arthad) Один из двенадцати соратников Барахира в Дортонионе. 335, 349.

Артанор (Artanor) Раннее название Дориата. 27, 87, 125, 147–148, 270.

Артуровские легенды (Arthurian legends) 160.

Арьядор (Aryador) Название Хитлума среди людей. 29.

Ателас (athelas) Исцеляющая трава. 269.

Аулэ (Aulë) 137, 139.

Аэлуин (Aeluin) См. Озеро Аэлуин.

Балар (Balar) Остров Балар, залив Балар. 183.

Балрог(и) (Balrog(s)) 7, 36–37, 70, 97–100, 102, 142, 281, 288, 296, 301, 303.

Балтрондинг (Balthronding) Лук Белега. 117, 127; поздняя форма Бельтрондинг (Belthronding) 26, 127.

Бан (Вап) Отец Блодрина-предателя. 48–49, 52. См. Бор.

Бансиль (Bansil) Белое Древо Валинора (Сильпион, Тельперион). 5, 73, 81–82, 195, 219. (Заменено на Бельтиль (Belthil)).

Барагунд (*Baragund*) Племянник и соратник Барахира, отец Морвен. 335, 349. *Барахир* (*Barahir*) Отец Берена (сын Беора, 198, 334, 348). 25, 153, 161, 163–167,

170–171, 188, 190–191, 193, 198, 201, 213–214, 216, 220, 242, 245, 247, 249, 334–335, 337–343, 345, 348–349, 351, 360.

Бауглир (Bauglir) (1) Ранний вариант имени для Блодрина-предателя. 48–49, 52. (2) Имя Моргота (заменило варианты Бельха (Belcha), Белегор (Belegor), Мелегор (Melegor)). 6–8, 10, 16, 21–22, 28, 41, 49, 52, 57, 59–61, 64–66, 84, 96, 98, 100, 116–117, 135. 168, 170, 182, 196, 211, 230, 282, 286–287.

Башня Чародея (Wizard's Tower) Башня Ту на Острове Волколаков. (258), 270–271,

Белаурин (Belaurin) Форма имени «Палуриэн» на языке номов. 160.

Белауриэн (Belaurien) Отвергнутое название для Белерианда. 160.

Белег (Beleg) 10–12, 16–17, 25–27, 30–51, 53–58, 60, 63–64, 76, 86, 89, 94, 110–112, 116–118, 127, 259, 311, 313–314; см., в частности, 25–26, 127. В «Детях Хурина» прозван Охотником / Ловчим / Следопытом (the Huntsman, the Hunter), Лучником (the Bowman). Плач Турина «Дружба Лучника» (The Bowman's Friendship) 64, 89, «Лаэр Ку Белег» (Laer Cú Beleg), «Песнь о Могучем Луке», 89.

Белегор (Belegor) Имя Моргота (заменило вариант Бельха (Belcha), заменено на Мелегор (Melegor), Бауглир (Bauglir)). 21.

Белегост (Belegost) Город гномов. 44 (черный Белегост (black Belegost)), 306.

Белегунд (Belegund) Племянник и соратник Барахира. 335, 349.

Белерианд (Beleriand) 83, 152, 155, 157–158, 160, 166, 168–169, 184–185, 195, 222, 226–227, 236, 243, 297, 304, 331, 333, 346. (Заменило вариант *Броселианд* (Broseliand); касательно других отвергнутых названий см. 160).

Бельтиль (*Belthil*) Белое Древо Валинора (Сильпион, Тельперион). 5, 81–82, 192, 195, 210. (Заменило Бансиль (Bansil)).

Бельтр**о**ндинг (Belthronding) См. Балтрондинг.

Бельха (Belcha) Имя Моргота (заменено на Белегор (Belegor), Мелегор (Melegor), Бауглир (Bauglir)). 21–23, 52.

«Беовульф» (Beowulf) 127.

Беор (Beor') Отец Барахира. 198, 334, 348; сыны Беора (Beor's sons), дом Беора (Beor's house) 187, 335, 348, 350-351.

Беоринг(и) (Bëoring(s)) Люди дома Беора. 335, 348, 351.

Бессчетные Слезы (Unnumbered Tears) См. Битва Бессчетных Слез.

Берен (Beren) 9, 12–13, 22, 25, 52, 61, 87–89, 104, 106–110, 112, 114, 120–122, 124–126, 136, 138; passim в «Лэ о Лейтиан» и комментариях. Берен как человек или эльф 25, 124–125, 171; его вторая жизнь 125–126. См. Эрмабвед, Эрхамион, Маглор (1).

Бильбо Бэггинс (Bilbo Baggins) 49, 159.

Битва Бессчетных Слез (Battle of Unnumbered Tears) 6, 11, 23–26, 59, 83–86, 92, 96, 111, 137, 146–147, 274, 310; поле слез (field of tears) 80, 85, (111). См. Нинин Удатриол / Унотрадин, Нирнайт Арнедиад / Орнот / Унот.

Битва Внезапного Пламени (Battle of Sudden Flame) 83, 147, 171, 247, 284, 351; другие ссылки 55, 85, 221–222; описание 212–213, 275.

Битва-под-Звездами (Battle-under-Stars) 87.

Благословенное Королевство (Blessed Realm) Аман. 334, 348, 358; Блаженное(ые) Королевство(а) (Blissful Realm(s)) 72, 93, 132.

Бладорвен (Bladorwen) 'Широкая земля, Мать-Земля', имя Палуриэн. 160.

Бладоринанд (Bladorinand) Отвергнутое название для Белерианда. 160.

Блодрин (*Blodrin*) Эльф, предавший банду Турина (ранний вариант имени – Бауглир). 31–33, 40, 48–49, 52.

Бог(u) (God(s)) Избранные ссылки. Фрагменты, касающиеся взаимоотношений Богов с эльфами и людьми 11–12, 26, 43, 54, 111–112; «сон, посланный Богами» ('a dream from the Gods') 203, 210; Боги «глядят на мир» ('gaze on the world') 17; «гнев Богов» ('wrath of the Gods') 73; Разор Земли Богов (Wrack of the Realm of the Gods) 31; Бог Ада (God of Hell) 6, Бог Тьмы (of Darkness) 102, Бог Сна (God of Sleep) 180. См. Валар.

Болдог (Boldog) Орочий вожак, возглавлял набег в Дориат. 229, 235, 274, 288, 293, 310–313.

Большая Медведица (Great Bear) 170, 259. См. Пылающий Шиповник, Семь Звезд, Серп Богов, Тимбридиль.

Бор (Вог) Отец Блодрина-предателя (этот вариант ненадолго заменил имя Бан (Вап)). 31–33, 40, 49, 52.

Братоубийство в Алквал**о**ндэ (Kinslaying at Alqualondë) 17, 70, 90, 104, 118, 136, 231

Бреголас (Bregolas) Брат Барахира, отец Барагунда и Белегунда. 335, 343, 349.

Брегор (Bregor) (В легендах более позднего времени) отец Барахира и Бреголаса. 25.

Bregu (др.-англ.) = 'вала'. 127.

Бр**е**диль Благословенная (Bredhil the Blessed) См. Бридиль.

Бретань (Brittany) 160.

Бретиль (Brethil) Лес. 50, 309-310.

Бридиль (Bridhil) Имя Варды на языке номов; именуется Бридиль Благословенная (Bridhil the Blessed), Бридиль Королева Звезд (Bridhil Queen of Stars). 135, 139, 169–170, 219, 233; изменено на Бредиль (Bredhil) 133–135, 139. См. Тимбридиль; Эльберет.

Бр**о**нвег (Bronweg) Имя Воронвэ, спутника Туора, на языке номов. 148.

Броселианд (*Broseliand*) Раннее название Белерианда. 152, 157–160, 169, 194–195, 232, 243, 304, 312, 315, 322; изначальное написание – *Broceliand* 158–160, 169.

Бросели**а**ндэ (Broceliande) Лес. 160. См. Броселианд.

Бруитвир (Bruithwir) Отец Феанора в «Утраченных сказаниях». 137, 139.

Бэйнс, Полин (Baynes, Pauline) (Карта Средиземья) 26.

Ваде хельсингов (Wade of the Helsings) 142–144; Вада (Wada) 143–144; Гадо (Gado) 144.

Валак**и**рка (Valacirca) Серп Валар. 170. См. Большая Медведица, Серп Богов.

Валар (Valar) 26, 54, 127, 136–137, 173, 192, 243; Девять валар (the Nine Valar) 133, 137.

Вали (Vali) 137, 306.

Валинор (Valinor) 28, 37, 92, 94, 104, 127, 136, 139, 142, 147, 149, 182, 210–211, 231, 235, 247, 253, 259–260, 274, 276, 284, 288, 291, 331, 346, 348, 350; Горы Валинора (Mountains of Valinor) 172, 346, Горы Запада (Mountains of the West) 74; вино Валинора (wine of Valinor) 111, 127. См. Аман, Благословенное Королевство, Земля Света, Земля Блаженства.

Валмар (Valmar) 198, 236, 279.

Ваньяр (Vanyar) 139. См. Телери (1).

Варда (Varda) 139, 170, 211, 219, 230, 233, 251, 259, 301, 306, 349; именуемая Священная (the Holy) 211, 219. См. Бридиль, Тимбридиль, Тинветари.

Великие Земли (Great Lands) 26,149, 212, 224. См. Внешние Земли.

Великое Путешествие (Great Journey) 182.

«Видсид» (Widsith) Древнеанглийское стихотворение. 143.

«Вингелот» (Wingelot) Корабль Эаренделя. 144.

Владыка Ада (Lord of Hell) Моргот. 97–98. Также прозывался Повелителем Лжи (Lord of Lies) 348; Властелин Мира (Lord of the World) 99; Властелин Горя / Зла (Lord of Woe) 8, 101, 287; Повелитель Племени Адова (Prince of the People of Hell) 16.

Владыка Богов (Lord of Gods) См. Манвэ.

Владыка / Властелин Океана (Lord of Ocean) См. Улмо.

Владыка Сна / Снов (Lord of Sleep) См. Лориэн.

Внешние земли (Outer Lands) Великие земли (Средиземье). 211, 224.

Внешние моря (Outer Seas) 356; заокраинное море (outmost sea) 172.

Внешний мир (Outer World) Земли к востоку от Синих гор. 156, 160, 332.

Воды Пробуждения (Waters of Awakening) См. Куивиэнен.

Волчьи всадники (Wolfriders) 10, 40, 110, (278).

Вор**о**нвэ (Voronwë) 90. См. Бронвег.

Врата Ужаса (Gates of Dread) (возможно) Дверь Ночи. 149.

Высокий Φ **а**рот (High Faroth) См. Холмы Охотников.

 $B \ni (V \hat{e})$ Чертог Вефантура Мандоса. 28.

Галвег (Galweg) Отец Файливрин в «Сказании о Турамбаре». 91.

Галдор Высокий (Galdor the Tall) Отец Хурина в более позднем варианте легенды (заменил Гумлина (Gumlin) (2)). 126.

Гандальв (Gandalf) 127.

Гаргарот (Gargaroth) См. Кархарот.

Гаурвайт (Gaurwaith) Люди-волки, банда изгоев, к которой примкнул Турин в более позднем варианте легенды. 50.

Гаурин (Gaurin) Неизвестный персонаж; назван в «затачивающем заклинании» Белега. 45, 54.

 Γ аурхот (Gaurhoth) Волколаки Ту. 340, 350; Остров Γ аурхот (Gaurhoth Isle) 337, см. Тол-ин- Γ аурхот.

Гварет, холм (Gwareth, mount of) Холм Гондолина (Амон Гварет (Amon Gwareth)). 142.

Гваэрон (Gwaeron) (синдарин) месяц март. 87.

Гвенделинг (Gwendeling) Имя королевы Артанора в «Сказании о Тинувиэли». 125. Гвенетлин (Gwenethlin) Имя королевы Артанора во втором варианте «Сказания о Тинувиэли». 4.

«Гвингелот» (Guingelot) Корабль Ваде. 144.

Гвиндор (Gwindor) Нарготрондский эльф, спутник Турина (ранее Флиндинг (Flinding)). 83, 89–92.

Гелерианд (Geleriand) Отвергнутое название Белерианда. 160.

Гельмир (Gelmir) Отец Финголфина в «Лэ о падении Гондолина». 146–147.

Гиламмот (Gilammoth) Отвергнутое название Нан Эльмота. 349.

Гилим (Gilim) 'Великан из Эрумана', названный в «удлиняющем заклинании» Лутиэн. 205.

Гильдор (Gildor) Один из двенадцати соратников Барахира в Дортонионе. 335, 349.

Гим Гитиль (Gim Githil) Первоначальное имя Инвэ на языке номов (заменено на Инвитиэль (Inwithiel)). 28.

Гимли (Gimli) Гном из дома Дурина, входил в Братство Кольца. 158, 316.

Гинглит (Ginglith) Река, впадающая в Нарог выше Нарготронда. 66, 88, 215, 222. Глад-уиал (Glad-uial), Глат-уиал (Glath-uial) Отвергнутое название Нан Эльмота (заменено на Гиламмот (Gilammoth)). 349.

Гламхот (*Glamhoth*) Название орков на языке номов. 16, 22, 30, 34, 41–42, 46, 48, 57, 71, 92, 96,116, 146–147.

Гленд (Glend) Меч великана Нана. 205.

Глингал (Glingal) Золотое Древо Валинора (Лаурелин). 5, 80–82, 192, 195, 210; ранняя форма Глингол (Glingol) 5, 73, 80–82, 195, 219.

Гломунд (*Glómund*) Более позднее имя Глорунда (заменено вариантом *Глаурунг* (*Glaurung*)). 205, 208–209.

Глорфиндель (Glorfindel) Владыка народа Золотого Цветка в Гондолине. Глорфиндель Золотой (Glorfindel the golden) 142.

Глорунд (Glórund) Дракон. 5–6 (в заглавии первого варианта «Детей Хурина»), 103, 208; Змий Алчный (the Worm of Greed) 8, 100. (Имя заменено на Гломунд (Glómund)).

Глубинный Житель (Dweller in the Deep) См. Улмо.

Гномы (Dwarves) 32, 44, 52, 56, 111, 127, 161, 264, 306 (см., в частности, 52, 306); гномий край (dwarfland) 115, 126; прилагательное гномий (dwarfen) 44, в других местах гномий (dwarvish). См. Долгобороды.

Гоблин(ы) (Goblin(s)) 34, 46, 48, 64, 148, 225-226, 282.

Голда (Golda) Исходный эквивалент слова нолдо (Noldo) в языке номов. 160. См. Голод.

Голлум (Gollum) 49.

 Γ олод (Golodh) Эквивалент квенийского слова нолдо (Noldo) в языке синдарин. 160. Γ олодинанд (Golodhinand), отвергнутое название Белерианда. 160.

Голфин (Golfin) Сын Гельмира (= Финголфин). 147.

Гондобар (Gondobar) 'Град Камня', одно из Семи Имен Гондолина. 145–146.

Гондолин (Gondolin) 23, 51, 81, 83, 90, 141–143, 145–149, 160, 286–287, 292, 309–310. Гондотим (Gondothlim) Народ Гондолина. 103.

Гондотлимбар (Gondothlimbar) 'Град Живущих в Камне', одно из Семи Имен Гондолина. 145.

Горгол (Gorgol) Орк, прозванный Живоглотом (Butcher), убит Береном. 344, 350. Горгорат (Gorgorath), Горгорот (Gorgoroth) См. Эред Горгорот.

Горлим (*Gorlim*) Соратник Барахира, выдавший его убежище в Дортонионе; прозван 'Злосчастным'. 162–165, 169–170, 318, 330, 333, 335–341, 348–351.

Гортол (Gorthol) 'Грозный Шлем', имя, взятое Турином в Дор-Куартоле. 51.

Горту (Gorthû) Имя Ту на поздней стадии. 153, 232–233.

Горы Железа (Mountains of Iron) См. Железные горы.

Горы Запада (Mountains of the West) Горы Валинора. 74.

Горы Севера (Mountains of the North) Железные горы. 59, (101).

Горы Тени (Mountains of Shadow) См. Тенистые горы.

Горы Ужаса (Mountains of Terror) Эред Горгорот. 170–171, 183, 208, 234, 314, 350–351.

Готмог (Gothmog) Предводитель балрогов. 103.

«Град Богов» (City of the Gods, The) (стихотворение) 94.

Град Камня (City of Stone) (Гондобар), Гондолин. 145. Град Живущих в Камне (City of the Dwellers in Stone) (Гондотлимбар), Гондолин. 145.

Гронд (Grond) Гигантская булава Моргота, 'Молот Преисподней'. 285, 293.

Гулма (Gulma) Исходное имя Улмо на языке номов. 93. См. Ильмир.

Гумлин (Gumlin) (1) Старший из сопровождающих Турина на пути в Дориат. 9, 12, 14, 22, 25, 126. (Заменено на Майльгонд (Mailgond), Майльронд (Mailrond)).

(2) Отец Хурина. 115, 126. (Заменено на Галдор Высокий (Galdor the Tall)).

Гуртолфин (Gurtholfin) Меч Турина. 28.

Гуртронд (Gurthrond) 'Долина Ожидающих Мертвых' (?) 20, 28; ранняя форма Гутронд (Guthrond) 23, 28.

Дагмор (Dagmor) Меч Берена. 344, 350.

Дагнир (Dagnir) Один из двенадцати соратников Барахира в Дортонионе. 335, 349.

Дагор Браголлах (Dagor Bragollach) 83. См. Битва Внезапного Пламени. Дайделот (Daideloth) Раннее название Дор-на-Фауглит. 49.

Дайлир (Dailir) Стрела Белега, которая никогда не терялась – и всегда находилась неповрежденной. 42, 45, 53, 55.

Дайрон (Dairon) Менестрель Тингола. 104–105, 108–110, 119, 124, 156, 174, 176, 179, 181–182, 185–188, 190–191, 195, 197–198, 200–201, 203–206, 209, 270, 310–311, 313, 333, 356; поздняя форма Даэрон (Daeron) 196–197, 313, 353, 355.

Дайруин (Dairuin) Один из двенадцати соратников Барахира в Дортонионе. 335, 349

Дамрод (Damrod) Сын Феанора. 65, 135, 211.

Данигветиль (Danigwethil) Название Таникветили на языке номов. 22. См. Тайн-Гветиль, Тенгветиль.

Д**а**эрон (Daeron) См. Дайрон.

Два Вождя (Two Captains) Белег и Турин в Земле Дор-Куартол. 51.

Два Древа (Two Trees) 93, 350; Древа Света (Trees of Light) 132; Древа (the Trees) 139, 210.

Дверь Ночи (Door of Night) 149. См. Врата Ужаса.

Делу-Моргот (Delu-Morgoth) Одна из форм имени Моргота, значение ее неизвестно. 6–7, 21, 49, 102; ранний вариант Делиморгот (Delimorgoth) 21, 49.

«Дети Хурина» (Children of Húrin) (поэма, написанная парнорифмованными двустишиями) 130.

Динитель (Dinithel) (?Дуритель (?Durithel)) Ранний вариант имени Дириэля. 86. Диор Прекрасный (Dior the Fair) Сын Берена и Лутиэн. 125, 137, 182.

Дириэль (Díriel) Сын Феанора. 65, 86, 135, 211.

Долгобороды, гномы (Longbeard Dwarves) 205.

Долина Ожидающих Мертвых (Valley of the Dead Awaiting) 20, 28. Край Ожидания (Land of Waiting) 309; Край Утраченных / Утрат (Land of the Lost) 308. См. Гуртронд.

Дор-Винион, Дорвинион (Dor-Winion, Dorwinion) Южная область, откуда на Север импортировали вино. 11, 17, 22, 26, 112, 118, 127.

Дор-Куартол (Dor-Cúarthol) 'Земля Лука и Шлема', область, защищаемая Белегом и Турином в позднем варианте легенды. 50–51.

Дор-на-Дайделот (Dor-na-Dhaideloth) 49.

Дор-на-Майглос (Dor-na-Maiglos) Раннее название Дор-на-Фауглит. 49.

Дор-на-Фауглит (Dor-na-Fauglith) Название, данное обширной северной равнине (Ард-гален (Ard-galen)) после разорения ее в ходе Битвы Внезапного Пламени. 39, 41, 48–49, 55, 58, 87, 271, 275; см. 284, и см. Анфауглит, Разоренная равнина, Дайделот, Дор-на-Майглос, Земля Жажды, Равнины Засухи, Жаждущая равнина.

Дор-татрин (Dor-tathrin) Одно из названий Нан-Татрин, Земли Ив. 89.

Дориат (Doriath) 10, 16, 20, 22, 24–28, 30, 33–34, 50–51, 53, 76, 87, 93, 104, 106–107, 109–110, 114, 116, 126–127, 146–147, 155, 158, 170, 173, 183, 185, 188, 195–196, 198, 200–202, 209, 215–217, 227, 229, 235, 238–240, 244, 247, 261–263, 267–268, 271–274, 280–281, 283, 287–288, 310–314, 316, 331–332, 346, 352–353, 359; Дориат за Сирионом (Doriath beyond Sirion) 89; Плясунья Дориата (the Dancer of Doriath) 9, 61, 88; Король Дориата (King of Doriath), см. Тингол. См. Артанор, Хранимое Королевство, Сокрытое Королевство, Сокрытый народ.

Дорл**о**мин (Dorlómin) 8, 16, 24, 26, 29, 93, 104, 114, 116, 126, 148.

Дортонион (Dorthonion) Обширные лесистые нагорья, позже получившие название $Tayp-ha(hy)-\Phi yuh$ (Taur-na(nu)-Fuin). 171, 335, 345, 350–351.

Драконий шлем (Dragon-helm) 13–14, 16, 26–27, 51, 114, 116–117, 126; Шлем Хадора (Helm of Hador) 27, Шлем Хурина (Helm of Húrin) 114–115.

Драуглуин (Draugluin) Гигантский волколак с Острова Чародея, убитый Хуаном. 205, 210, 252, 256, 258, 278, 282–283, 289–293; Страхофантом Драуглуин (Fearphantom Draugluin) 292.

Древнеанглийский (Old English) 23, 87, 95, 127, 140–141 (размер), 143–145, 151, 271. Древние Дни (Elder Days) 90, 210, 346, 349.

Друзья эльфов (Elf-friends) 198.

Друн (Drûn) Область к северу от озера Аэлуин. 344, 350.

Дуилин (Duilin) Отец Флиндинга в «Сказании о Турамбаре»; с патронимическим префиксом го- (go-) > бо-Дуилин (bo-Dhuilin) 'сын Дуилина'. 53. (Заменено вариантом Фуилин (Fuilin)).

Дунгалеф (Dungalef) Ананим (написание в обратном порядке) имени Фелагунд (Felagund) (заменено на Ненависть (Hate), 233). 229, 233–234.

Дунгортин, Дунгортеб (Dungorthin, Dungortheb) См. Нан Дунгортин. Дурин (Durin) 316.

Жаждущая равнина (Thirsty Plain) Dor-na-Fauglith. 39, 55, 213, 222.

Железная Корона (Iron Crown) Корона Моргота. 52, 192–193, 221, 272, 296, 302, 352; железом венчанный (iron-crowned) 285, 293, 301.

Железные горы (Iron Mountains) 29, 49, 148; Горы Железа (Mountains of Iron) 39, 96. См. Ангородин, Айглир Ангрин, Эйглир Энгрин, Холмы Горечи, Железные холмы, Горы Севера.

Железные холмы (Iron Hills) Железные горы. 33, 49; Холмы Железа (Hills of Iron) 30, 50

Железные Преисподние / Железный Ад (Hells of Iron) Ангбанд. 6, 49.

Заветерь (Weathertop) 124, 126.

Заводи Сумерек (Pools of Twilight) 56, 142. См. Сумеречные озера, Умбот-Муилин. Западное море (Western Sea) 224; Западный берег (Western Shore) 268.

Земли Тумана (Lands of Mist) Хитлум. 96.

Земля Жажды (Land of Thirst) Дор-на-Фауглит. 275.

Земля Ив (Land of Willows) Нан-Татрин. 141–142.

Земля Ожидания (Land of Waiting) См. Долина Ожидающих Мертвых.

Земля Света (Land of Light) Благословенное Королевство. 236.

Земля Тени (Теней) (Land of Shadow(s)) Хитлум. 8, 104, 108.

Земля Ужаса (Land of Dread) Земля Моргота. 155, 158, 168, 350.

Земля Умерших, что Живы (Land of the Dead that Live) 89. См. $И \cdot \Gamma$ уильвартон.

Земля Утраченных / Утрат (Land of the Lost) См. Долина Ожидающих Мертвых.

«Зима приходит в Нарготронд» (Winter Comes to Nargothrond) (стихотворение, также озаглавленное «Гроза над Нарогом» (Storm over Narog)) 128–129.

Змий Алчности (Worm of Greed) См. Глорунд.

M-Гуильвартон (I-Guilwarthon) Умершие, что снова живы. 314.

138-139.

Иварэ (Ivárë) Эльфийский менестрель, «слагающий напевы у моря». 181–182. Иврин (Ivrin) Озеро и водопады под Тенистыми горами, где брала начало река

Нарог. 60, 62–63, 76, 87–91, 94, 170, 224, 234, 244.

Идриль Келебриндал (Idril Celebrindal) Дочь Тургона, жена Туора. 83.

Ильвэ (*Ilwë*) Срединный воздух, что струится меж звезд. 139.

Илькорины (*Ilkorins*) Эльфы «не с Кора». 84.

Ильмир (Ylmir) Номская форма имени Улмо (Ulmo). 5, 59, 61–62, 79, 87, 93. См. Гулма.

Инвэ (*Inwë*) Ранняя форма имени *Ингвэ* (*Ingwë*). 28.

Инв**и**тиэль (Inwithiel) Номское имя Инвэ на ранней стадии. 28. (Заменило Гим Г**и**тиль (Gim Githil)).

Инг (Ing) (1) Форма имени Ингвэ (Ingwë) на языке номов. 28, 133, 138–139; сыны Инга (sons of Ing) 17, 28, 127; башня Инга (tower of Ing) 73, 82, 93. (2) Король Лутани. 28.

Ингеиль (*Ingwil*) Река, низвергающаяся с Холмов Охотников и впадающая в Нарог близ Нарготронда. 68, 72, 80, 88, 214, 222. (Заменено на *Рингвиль* (*Ringwil*)). *Ингвэ* (*Ingwë*) Владыка Первого Рода эльфов (*Инг* (*Ing*) на языке номов). 28, 93,

Инглор (*Inglor*) Старший сын Финрода (1) (позже Финарфина), по прозвищу *Фелагунд* (*Felagund*). 335, 350–351, 360. (Заменено на Ф**и**нрод (*Finrod*) (2)).

Индор (Indor) Отец Пелега, отца Туора (в сказании «Падение Гондолина»). 145. **И**сфин (Isfin) Сестра Тургона, мать Меглина. 145–147, 222. (Впоследствии носила имя **А**рэдель (Aredhel)).

Исчезнувшие острова / Острова Сгинувшие (Vanished Isles) 142–143. **И**тиль (Ithil) (Синдарин) Луна. 354.

Йав**а**нна (Yavanna) 248. См. Палуриэн.

Каркарас (Karkaras) См. Кархарот.

Карпентер, Хамфри (Carpenter, Humphrey) 3, 315, 319, 363.

Кархарот (Carcharoth) Волк Ангбанда. 107, 119, 125, 151, 208, 289–294, 304, 307–309, 313, 362. Ранние формы имени – Каркарас (Karkaras) 125, 208, 294; Каркарас (Carcaras) 125, 208; Кархарас (Carcharas) 208, 210, 258, 271, 292–293, 310; Кархарос (Carcharos) 292, 294, 305, 309, 312; Кархаролх (Carcharolch) 119, 125, 208; Гаргарот (Gargaroth) 292. Ножевой клык (Knife-fang) 292–294; Алая Утроба (the Red Maw) 289, 292, 294.

«Квента» (Qenta) «Квента Нолдоринва», вариант «Сильмариллиона» 1930 г. 219. Квенья (Quenya) 87, 160.

Келебр**и**мбор (Celebrimbor) Сын Куруфина. 274.

Келег Айторн (Celeg Aithorn) Мифический меч (или молния?), названный в «затачивающем заклинании» Белега. 45, 54.

Келегорм (Celegorm) (1) Недолго просуществовавшее употребление = Тингол. 158–159, 171. (2) Сын Феанора, прозванный 'прекрасным' (the fair). 65, 80, 84–86, 91, 135–136, 151,159, 169, 171, 182, 195, 198, 211, 213, 216, 218–222, 229, 236–240, 244–249, 256, 260, 263–265, 270–274, 283, 310–313, 358–359 (см., в частности, 84–86, 171, 220–221, 247).

Клятва Феанорингов (Oath of the Fëanorians) 31, 50, 135–136 (аллитерационным стихом), 193, 210, 211–212 (парнорифмованными двустишиями), 216, 217 (в варианте, произнесенном Келегормом), 219, 221–222, 245.

К**о**йвиэ-Н**е**ни (Koivië-Néni) См. Куивиэнен.

Кольцепризраки (Ringwraiths) 124.

Копас Алквалунтен (Со́раѕ Alqalunten) 'Гавань Лебединых Кораблей'. 90. См. Алквалондэ, Лебединая гавань.

Kop (*Côr*, *Kôr*) 21–22, 29, 73, 93, 98, 103, 118, 123, 132–133, 149, 219; *Kop* (*Kôr*) 21–22, 24, 84, 93, 139–140, 149.

Кортун (Corthûn) 7, 21, 29, 103. См. Тун.

Край Благой / Край Наслаждения (Lands of Ease) Благословенное Королевство. 172, 187, 308; земля нег (a land of ease) 148.

Крантир (Cranthir) Сын Феанора, прозванный 'темным' (the dark). 65, 80, 86, 131, 135, 211; ранняя форма Крантор (Cranthor) 80, 86, 131.

Кристорн (Cristhorn) 'Орлиная Расселина' в Окружных горах над Гондолином. 141–143; Расселина Орлов (Cleft of Eagles), ущелье Орлов (gap of the Eagles), 142–143.

Куивиэнен (Cuiviénen) 18, 23, 347; Воды Пробуждения (Waters of Awakening) 29, Пробуждающая Вода (Waking Water) 349. Исходная форма Койвиз-Нени (Koivië-Néni) 23.

Куинлимфин (*Cuinlimfin*) Недолго просуществовавшая форма, замененная вариантом «Куивиэнен». 23, 29.

Курган Павших (Mound of Slain) (58–59), 87. См. Холм Смерти.

Куруфин (Curufin) Сын Феанора, прозванный 'искусным' (the crafty). 65, 80, 84–86, 91, 135, 151, 171, 211, 213, 216–218, 221, 223, 237, 239–242, 244–247, 260, 263–265, 270–274, 276, 303, 310–311, 313, 358–359; его конь 263–264, 269, 273. 275–276, 283–284; его кинжал (не поименован; позже Ангрист (Angrist)) 264, 272, 274, 303, 305–306, 309.

Ладрос (Ladros) Земли к северо-востоку от Дортониона. 344, 350.

Лайм-Риджис, Дорсет (Lyme Regis, Dorset) 223, 234.

Пассирианд (*Lassiriand*) Отвергнутое название для Белерианда. 160.

Лаурелин (Laurelin) 353.

«Лаэр Ку Белег» (Laer Cú Beleg) «Песнь о Могучем Луке». 89. См. Белег.

Лебединая гавань (Swanhaven, Swans' Haven) 70, 104, 118; Лебяжьелодейная Гавань (Swanships' Haven) 17. См. Алквалондэ, Копас Алквалунтен.

«Легка, как лист на липовой ветке» (Light as Leaf on Lindentree) (стихотворение) 108–110, 120–126, 159, 181–182.

Лейтиэн (Leithien), Лейтиан (Leithian) Англия. 154. См. Лутиэн (2).

Лес Houu (Forest of Night) Таур-на-Фуин. 38, 55, 233–234.

Лесные эльфы (Woodland Elves) Эльфы Дориата. 24, 159–160; Лесные эльфы (Wood-Elves) 239, 312; народ леса (folk of the wood) 9, 16, 29, 105, 116, народ пещер (folk of the caves) 20. См. Сокрытый народ.

Лесные люди / жители / Лесной народ (Woodmen of Brethil) 50, 93.

Лидбрук (Lydbrook) Название реки в Англии. 88.

Лидский университет (Leeds, University of) 3, 81, 94, 120–122, 131, 142, 145.

Лионесс (Lionesse) Легендарная земля, ныне затонувшая, между Корнуоллом и островами Силли. 140.

Лориэн (Lórien) 137, 346–347; Бог Сна (God of Sleep) 180, Владыка Сна / Снов (Lord of Sleep) 172.

Поруин (Loruin) Альтернативное имя для персонажа, названного Наргиль (*Nargil*). 49.

Лот (Loth) 'Цветок', одно из Семи Имен Гондолина. 149.

Лот-а-ладвен (Loth-a-ladwen) 'Лилия Долины', одно из Семи Имен Гондолина. 149 (ср. 309–310). (Заменило Лотенгриол (Lothengriol)).

Лотенгриол (Lothengriol) Имя Гондолина как 'Лилии Долины', заменено на Лот-а-ладвен (Loth-a-ladwen). 149.

Лот Бародрин (Loth Barodrin) Отвергнутое имя для Лот-а-ладвен (Loth-аladwen). 149.

Луна (Moon) Избранные ссылки. Лунные чертоги / хоромы (Halls of the Moon) 47, 56, 65, 259; Луна как корабль (см. Серебряный Ялик (Silver Wherry)) 74, 93, 128–129; Феанорово предвидение Солнца и Луны 138.

Лунгортин (*Lungorthin*) 'Властелин балрогов'. 98, 102.

Лутани (*Luthany*) Англия. 154.

Лутиэн (Lúthien) (1) Эльфвине. 154. (2) Англия. 154. См. Лейтиэн.

Лутиэн (Lúthien) (3) Дочь Тингола и Мелиан. 54, 104, 107, 119–120, 124–125; passim в «Лэ о Лейтиан» и комментариях. См. Мелилот, Тинувиэль.

Льюис, К. С. (Lewis, С. S.) 150–151, 153, 157–158, 169, 181, 194–196, 208, 315–329. «Лэ о Лейтиан» (Leithian, Lay of) Дата создания 3-4, 150-151, 159; названо в «Детях Хурина» 107, 121, и в первых строках стихотворения «Легка, как лист на липовой ветке» (Light as Leaf on Lindentree) 120; значение названия 154.

Маблуи (Mablui) Имя Мелиан. 34, 55-56, 108.

Маблунг (Mablung) 'Тяжелая Длань', первый из воинов Тингола (311). 25-26, 56, 310 - 314.

М**а**вуин (Mavwin) См. Морвен.

Маглор (Maglor) (1) Недолго просуществовавшее употребление = Берен. 159, 168-171, 182. (2) Сын Феанора. 65, 84, 86, 135-136, 159, 174, 181-182, 211, 353; по прозванию «быстрый» ('the swift') 65, «могучий» ('the mighty') 135, 211.

Майдрос (Maidros) Старший сын Феанора. 65, 84, 86, 135–137, 211–212, 222; Союз Майдроса (Union of Maidros) 274 (см. Поход).

Майльвин (Mailwin) См. Морвен.

Майльронд (Mailrond) Старший из провожатых Турина на пути в Дориат. 105-106, 113, 119, 123, 126; ранняя форма Майльгонд (Mailgond) 119, 126. (Заменило Г**ү**млин (Gumlin) (1)).

Манвэ (Манwë) 133, 137, 139, 211, 230, 286, 306; Владыка Богов (Lord of Gods) 211. Мандос (Mandos) 28, 103, 125, 137-138, 196, 274, 309, 312, 314.

Манир (Mánir) Духи воздуха из свиты Манвэ и Варды. 137, 306.

Man, Уолтер (Map, Walter) 144.

M**а**эглин (Maeglin) См. Меглин.

Маэлор (Maelor) Вариант имени Маглор (Maglor). 353.

Меассэ (*Meássë*) Богиня-воительница. 127.

Меглин (Meglin) Сын Эола и Исфин, предавший Гондолин. 146–147; поздняя форма Маэглин (Maeglin) 52, 83.

Мелегор (Melegor) Имя Моргота, заменило Белегор (Belegor), заменено на Бауглир (Bauglir). 21–22.

Мелиан (Melian) Королева Дориата. 4, 12–13, 16, 22, 28, 33–34, 53, 55, 107, 112–114, 116–117, 125, 127, 148, 172–173, 188–194, 197, 199–200, 203–204, 207, 210, 215, 240, 242, 246, 261, 272, 287, 298, 311–313, 332, 346–347, 350, 360; бессмертная Королева (the immortal Queen) 352. См. Ар-, Тар-Мелиан; Гвенделинг, Гвенетлин; Маблуи.

Мелилот (Melilot) Недолго просуществовавшее употребление = Лутиэн. 157, 159, 182.

Мелилот Брендибак (Melilot Brandybuck) 159.

Мелько (Melko) 21, 27, 137, 139, 142, 145, 148, 219, 221, 305.

Менегрот (Menegroth) Тысяча Пещер в Дориате. 28, 50-51, 332, 349.

Средиземье (Middle-earth) 90, 224, 269, 313, 331, 334, 349, 356; срединный мир (midworld) 18. См. Эннорат, Великие земли.

Мим, гном (Mîm the Dwarf) 52.

Миндеб (Mindeb) Приток Сириона. 261, 274, 360.

Миндон Эльдализва (Mindon Eldaliéva) Башня Ингвэ в Тирионе. 93. См. Инг.

Митрим (Mithrim) (Озеро и, вероятно, также область, см. 103). 103, 105, 115, 118–119, 126; Владыка Митрима (Prince of Mithrim) (Хурин) 96, 103; Люди Митрима (Men of Mithrim) 97, 103.

Морвен (Morwen) Жена Хурина. 5, 22–27, 92–94, 104–106, 111–116, 126–127; Морвен Эледвен (Morwen Eledhwen) 92. Ранние формы Мавуин (Mavwin) 5, 22–25, Майльвин (Mailwin) 22, Морвин (Morwin) 5, 8–14, 16–18, 22–23, 27.

Моргот (Morgoth) Passim. Другие имена: см. Бауглир, Бельха, Белегор, Мелегор, Мелько, Делу-Моргот, Владыка Ада (Lord of Hell), и в статье «Боги». Мория (Moria) 158, 316.

Мэлори, сэр Томас (Malory, Sir Thomas) 143.

Нан (Nan) Великан. 205, 208; *Нанн (Nann)* 208.

Нан Дунгортин (Nan Dungorthin) 59, 87, 89, 148, 312, 314; Дунгортин (Dungorthin) 148, 332, 348, 350; ранняя форма Нан Думгортин (Nan Dumgorthin) 87, 314; поздняя форма Дунгортеб (Dungortheb) 348. См. Нан Орвен.

Нан **О**рвен (Nan Orwen) Временная замена для Дунг**о**ртин (Dungorthin). 148.

Нан-Татрин (Nan-Tathrin) Земля Ив. 61, 89; Нантатрин (Nantathrin) 89. См. Дор-татрин, Тасаринан.

Нан Эльмот (Nan Elmoth) 346-347, 349-350. См. Глад-уиал, Гиламмот.

Наргиль (Nargil) Неизвестный персонаж; поименован в «затачивающем заклинании» Белега. 45, 49, 54. См. Лоруин.

Нарготронд (Nargothrond) 36, 38, 51, 53, 55, 58, 61–62, 64–66, 69, 74, 80, 83–88, 90–93,151,171,191,195, 213–215, 217–218, 220–221, 223–224, 229, 231, 233–234, 237, 240–247, 257, 260–261, 268, 270–274, 287, 310–313, 321–322, 335, 351, 358–359. «Зима приходит в Нарготронд» (Winter comes to Nargothrond) (стихотворение) 128–129. См. Hlýdingaburg.

«Нарн и Хин Хурин» (Narn i Hîn Húrin) 5, 21, 24-28, 50-52, 88, 91-92, 126.

Нарог (Narog) 61–62, 65–69, 74–75, 79, 84–85, 87–89, 150–151, 213–215, 224, 234, 237; номская река (the Gnome-river) 74; = 'поток' 61. Топоним используется для обозначения номского королевства Нарготронд в целом (Владыка Нарога (Lord of Narog), народ Нарога (folk of Narog), и т.д.) 67, 69, 75, 213, 215, 217, 224, 228, 237, 260, 311; Хранители / Стражи Нарога (Wards of Narog) 66, 88. «Гроза над Нарогом» (Storm over Narog) (стихотворение) 128. См. НІу́да.

Нахар (Nahar) Конь Оромэ. (186,198), 356.

Неллас (*Nellas*) Эльфийская дева из Дориата, свидетельствовавшая против Саэроса на суде над Турином перед Тинголом. 50.

Нельдорет (Neldoreth) Лес, образующий северную часть Дориата. 355, 360.

Немори (Nemorie) Неизвестное название. 122.

Hере δ (Nегеb) Ананим (прочтение в обратном порядке) имени Берен (Bегеn) (заменено на Bрость (Wrath), 233). 229, 233.

Hecca (Nessa) 127.

Нинин Удатриол (Nínin Udathriol) 'Бессчетные Слезы'. 21–22, 79. (Заменено на Нинин Унотрадин (Nínin Unothradin)).

Нинин Унотрадин (Nínin Unothradin) 'Бессчетные Слезы'. 5–6, 11, 21, 79; Нирнайтос Унотрадин (Nirnaithos Unothradin) 21, 79. (Заменено на Нирнайт Унот (Nirnaith Únoth)).

Ниниэль (Níniel) Имя, данное Ниэнор Турамбаром. 6, 96.

Нифредиль (niphredil) Белый цветок, что цветет в Дориате. 333, 349.

Нирнайт Арнедиад (Nirnaith Arnediad) 'Бессчетные Слезы'. 5, 102–103; поздняя форма Нирнаэт (Nirnaeth). 91. (Заменило Нирнайт Орнот (Nirnaith Ornoth)).

Нирнайт Орнот (Nirnaith Ornoth) 'Бессчетные Слезы'. 5, 59, 61, 79, 84, 96, 102, 111. (Заменено на *Нирнайт Арнедиад (Nirnaith Arnediad)*).

Нирнайт Унот (Nirnaith Unoth) 'Бессчетные Слезы'. 5, 79–80, 84–85, 102, 123. (Заменено на Нирнайт Орнот (Nirnaith Ornoth)).

Ниэнор (Nienor) Сестра Турина. 9, 13–14, 22, 25, 93, 104, 113, 115; Слезная Дева (Maid of Tears) 20; Ниэнори (Nienóri) 22.

Ногрод (Nogrod) Город гномов. 32, 45, 52, 56, 111, 127, 264, 274, 303, 306, 343.

Ножевой Клык (Knife-fang) См. Кархарот.

Нолдоли (Noldoli) 21, 24, 55, 82, 84, 90, 138, 140, 146–147, 149, 282; ед.ч. нолдо (Noldo) 53, 160. См. Нолдор, Номы.

Нолдор (Noldor) 104, 139, 284; Рок нолдор (Doom of the Noldor) 248; прилагательное нолдорский (Noldorin) 83, 137, 147, 350. См. Нолдоли, Номы.

Нолдоринан (Noldórinan) Отвергнутое название для Белерианда. 160.

Номский (Gnomish) (язык) 28–29, 61, 87, 93, 138–139,160, 182; ранний словарь номского языка (early Gnomish dictionary) 22, 87, 89, 93, 124, 139, 160, 170, 198.

Номы, номский 7, 11, 18, 21–22, 25, 28–29, 31, 35–38, 40, 45, 58–59, 61, 63–66, 69–70, 74 (Номская река (the Gnome-river)), 83–86, 90, 92, 94, 99, 104, 107, 111, 133, 136–139, 145–146, 148, 150, 152–153, 173, 187, 191–192, 195–196, 210, 212, 214, 217, 219–222, 226, 231–233, 235–237, 244, 247, 263, 270, 275, 283, 285; Рок Номов (Doom of the Gnomes) 16, 116; светильники номов (lamps of) 35, 148. См. Нолдоли, Нолдор.

Нуменорцы (Númenóreans) 269.

Оарни (Oarni) Духи моря. 148.

Огбар (Ogbar) Неизвестный персонаж; поименован в «затачивающем заклинании» Белега. 45, 54.

Одинокий остров (Lonely Island) 48.

Озеро Аэлуин (*Tarn Aeluin*), *Аэлуин* (*Aeluin*) Озеро в Дортонионе, где Барахир и его соратники устроили тайный лагерь. 171, 335–336, 339–341, 345, 350.

Ойкерой (Oikeroi) Кот, один из танов Тевильдо, убит Хуаном. 258, 270–271, 282. Окружные горы (Encircling Mountains) Кольцо гор вокруг долины Гондолина. 143, 148, 286.

Οκεφορд (Oxford) 3, 81, 94, 120, 127, 330.

Орки (Orcs) Passim. См. Гламхот, Гоблины, Волчьи Всадники. Орочья дорога (Orc-road), см. Таур-на-Фуин.

Орфалх Эхор (Orfalch Echor) Ущелье в Окружных горах, ведущее к Гондолину. 83. **О**ргов (Orgof) Эльф из Дориата, убитый Турином. 18–20, 23–25, 28, 30, 51, 127. Орлиная Расселина (Eagles' Cleft) См. Кристорн.

Ормайд (Ormaid) Отвергнутое имя для Тавроса (Оромэ), измененное Ормайн (Ormain). 195.

Ородрет (*Orodreth*) Король Нарготронда. 65, 69–71, 75, 80, 82–86, 90–91, 138, 213, 218–219, 221–222, 229, 237, 242, 246–247, 260, 272–273, 358–359; см., в частности, 91, 246.

Оромэ (Оготё) 127, 137, 198, 235–236, 248. См. Ормайд, Таурос, Таврос.

Оссирианд(э) (*Ossiriand*(e)) Отвергнутое название для Белерианда. 158–160. **О**ссэ (*Ossë*) 137, 148.

Остров Волколаков (Isle of Werewolves) Тол-ин-Гаурхот. 87, 350. См. Остров Чародея.

Остров Чародея / Чародейный остров (Wizard's Isle) Остров Волколаков (Тол-ин-Гаурхот). 228, 248, 251, 258, 271, 273, 279, 283, 293, 306. Другие ссылки на остров 227, 234, 241, 260, 270–271, 276, 278, 284, 288; описание острова 227, 234.

Охотничье Нагорье (Hunters' Wold) См. Холмы Охотников.

«Очерк мифологии» (Sketch of the Mythology) Исходный «Сильмариллион» (1926). 3, 5, 28, 52, 84–86, 93, 137–139, 147, 153–154, 170, 220–222, 244, 293.

Палуриэн (Palúrien) Йаванна. 160; жена Аулэ 139.

Пелег (Peleg) Отец Туора в «Утраченных сказаниях». 145. См. Фенгель (1).

Пенные Всадники (Foamriders) Третий Род эльфов (солосимпи «Утраченных сказаний», позже телери). 133, 140, 231, 235.

Первая Эпоха (First Age) 83.

Первый Род (First Kindred) 28, 139.

Повелитель / Князь Волков (Lord of Wolves) Ту (Саурон). 199, 210, 220, 233, 240, 256; Хозяин Волков (Master of Wolves) 228; Повелитель Волколаков / Властелин Волков (Werewolf Lord) 358.

Поход (Marching Forth) Союз Майдроса. 265, 274.

Пробуждающие Воды (Waking Water) См. Куивиэнен.

Пророчество Севера (Prophecy of the North) 103–104, 136.

Прядильщица Мглы (Gloomweaver) Гигантская Паучиха. 132. См. Унголиант.

Пылающий Шиповник (Burning Briar) Название созвездия Большая Медведица. 167, 170, 251, 345, 349.

Равнины / cmenu Засухи (Plains of Drouth) Дор-на-Фауглит. 36, 55, 232; поля засухи (fields of drouth) 227, 232.

Рагнор (Ragnor) Один из двенадцати соратников Барахира в Дортонионе. 335, 349. Радруин (Radhruin) Один из двенадцати соратников Барахира в Дортонионе. 335, 349.

Разлучающие моря (Sundering Seas) 126.

Разоренная равнина (Blasted Plain) Дор-на-Фауглит. 49, 55.

Расселина Орлов (Cleft of Eagles) См. Кристорн.

Рейнолдс, Р. У. (Reynolds, R. W.) 3.

Рингиль (Ringil) Меч Финголфина. 285–286, 293.

Рингвиль (Ringwil) Позднее название реки Ингвиль. 89.

Ривиль (Rivil), Родник Ривиля (Rivil's Well) Река, что брала начало в Дортонионе и впадала в Сирион в Топи Сереха. 171, 342, 350.

Родотлим (Rodothlim) Предшественники номов Нарготронда. 53, 83, 85, 90, 247. Родрим (Rodrim) Неизвестный персонаж; поименован в «затачивающем заклинании» Белега. 45, 54.

Рун, Mope (Rhûn, Sea of) 26.

Сайтнар (Saithnar) Неизвестный персонаж; поименован в «затачивающем заклинании» Белега. 45, 54.

Саурон (Sauron) 153, 170, 232–233, 284, 304, 306, 313, 337–340, 342, 344, 348, 350. *Саэрос (Saeros)* Дориатский эльф, враг Турина. 51.

Светильни (Lamps, The) 148.

Семь Звезд (Seven Stars) Созвездие Большая Медведица. 170, 251, 259.

Серебряный Ялик (Silver Wherry) Луна. 74, 93, 128.

Серех, Топь (Serech, Fen of) К северу от Ущелья Сириона, где Ривиль, сбегающий с Дортониона, впадает в Сирион. 171, 335, 342, 350–351.

Cepn Богов (Sickle of the Gods) Созвездие Большая Медведица. 170, 266; Cepn Baлap (Sickle of the Valar) 259; cepn небесного поля (sickle of the heavenly field) 169–170.

«Сильмариллион» (Silmarillion, The) 21, 23, 25–26, 50–53, 55, 81, 87–93, 103–104, 125, 127, 136, 138–139, 149, 169–171, 183, 196, 198, 209–210, 222–224, 235, 244, 246–248, 257–259, 271, 274, 283–284, 293, 305–306, 309–310, 312–314, 349–351, 353. Вариант 1930 года («Квента Нолдоринва» (Quenta Noldorinwa)) 25, 28–29, 53, 80–81, 93, 104, 137, 139, 152–154, 170, 219, 293; ссылки на произведение в целом 83, 85, 103, 183, 209; самая ранняя карта к «Сильмариллиону» 87–89, 103, 160, 244; поздняя карта 350.

Сильмариль (Сильмарили) (Silmaril(s)) 52, 125, 134–136, 138–139, 151, 192–193, 196–197, 211–212, 216–217, 220–221, 237, 262, 265, 270, 272, 296, 301, 303–305, 307–309, 311–312, 329, 353, 361–362; номский кристалл (the Gnome-crystal) 107, Феаноров огонь (Fëanor's fire) 267, огонь Феанора, Свет Утра (fire of Fëanor, Light of Morn) 362; Три (the Three) 133–134.

Синие горы (Blue Mountains) Эред Луин. 160, 313; не поименованы, 83, 156, 332.

С**и**ндарин (Sindarin) 87, 160.

Сирион (Sirion) 23, 59-61, 87-89, 129, 142-143, 148, 160, 213-214, 222-223, 227, 233-234, 237, 254-255, 257, 259-260, 278, 309, 312, 314; Сирионская долина (Sirion's vale) 276, 284, 357; Ущелье Сириона (Pass of Sirion) 284; Сирионский остров, остров на Сирионе (Sirion's Isle, the isle in Sirion) 260, 278, 357; Исток Сириона (Sirion's Well) 59, 87.

Слезная Дева (Maid of Tears) См. Ниэнор.

Смертная Ночная Мгла (Deadly Nightshade) Таур-на-Фуин. 34, 36, 48, 55, 63, 155, 227, 232, 254, 275, 279, 332; Смертоносная Ночь (Deadly Night) 227, 232; Дремучая Ночь (Tangled Night) 232; Лес Ночи (Forest of Night) 38, 55, 233–234.

Сокрытое Королевство (Hidden Kingdom) Дориат. 10, 106.

Сокрытый народ / племя (Hidden People) Эльфы Дориата. 11, 16, 111, 114, 116–117. См. Лесные эльфы.

Солос**и**мпи (Solosimpi) Третий Род эльфов, впоследствии звались телери. 140. Союз М**а**йдроса (Union of Maidros) 274. См. Поход.

Cnexm, Tonac (Speght, Thomas) Издатель Чосера. 144.

Сулимэ (Súlimë) Квенийское название третьего месяца. 88.

Сумеречные озера (Twilight Meres) 214, 222. См. Заводи Сумерек, Умбот-Муилин. Сурули (Súruli) Духи ветров. 137, 306.

Сын(ы) Феанора (Son(s) of Fëanor)) 6, 32, 50, 65, 84, 86–87, 96, 98, 102, 131, 134–136, 138, 159, 171, 182, 192, 210–211, 216–217, 221–222, 227, 236, 241, 244, 260–261, 265, 287, 313, 353, 359.

«Сэр Орфео» (Sir Orfeo) Среднеанглийское лэ. 248.

Таврос (Tavros) Имя Оромэ. 186–187, 195, 198, 235–236, 243, 245, 276, 282, 356. (Заменено на Таурос (Таuros)). См. Ормайд.

Тайн-Гветиль (Tain-Gwethil), Тайнгветиль (Taingwethil) Номское название Таникветили. 17, 31, 49–50, 79, 118, 123, 127, 135–136. См. Тенгветиль, Данигветиль.

Талиодрин (Thaliodrin) Имя Турина, 'сын Талиона'. 9, 22, 49, 79.

Талион (Thalion) 'Стойкий'. (1) Имя Хурина, также the Thalion. 4, 6–9, 11–14, 21–22, 37, 71, 92, 96–97, 100–102, 111, 114. (2) Имя Турина. 32–33, 48–49, 51, 60, 66, 72.

Тангородрим (Thangorodrim) 8, 24, 33, 37, 39–40, 49, 55, 59, 87, 101, 212, 222, 227, 275, 281–283, 309–310; тройные пики 40, 55.

Тан**и**кветиль (Taniquetil) 22, 50,127, 139, 222.

Тар-Мелиан (Tar-Melian) Мелиан. 349–350. См. Ар-Мелиан.

Тасаринан (Tasarinan) Земля Ив. 89. См. Нан-Татрин.

Таур-на-Фуин (Таиг-па-Fuin) 34, 36, 40–41, 53, 55, 63, 89, 146–148, 155, 160, 170, 227, 234–235, 255, 257, 263, 271–273, 276, 282–283, 297, 311, 348; ранняя форма Таур Фуин (Таиг Fuin) 55, 146, 160; поздняя форма Таур-ну-Фуин (Таиг-пи-Fuin) 171, 282, 284, 332, 348. Древняя орочья дорога через лес 39, 53. См. Смертная Ночная Мгла, Дортонион.

Tаур-эн- Φ арот (Taur-en-Faroth) См. Холмы Охотников.

Таурос (Tauros) Имя Оромэ. 195, 282, 356. (Заменило *Таврос (Tavros)*).

Тев**и**льдо, Князь Котов (Tevildo Prince of Cats) 220–221, 257–258, 270, 272.

Телери (Teleri) (1) Первый Род эльфов (впоследствии звались ваньяр). 28, 139. (2) В более позднем значении = солосимпи «Утраченных сказаний». 140.

Тельхар (Telchar) Гном, ногродский кузнец. 115, 126.

Темные эльфы (Dark Elves) 146; Темный Эльф (Dark Elf) (Эол) 147; [дева] из народа Темных эльфов (Dark-elvish) 239; племена сумрака (kindreds of the dark) 74.

Тенгветиль (*Tengwethil*) Название Таникветили на языке номов. 22, 58, 79, 123, 135–136, 139, 259; *Тенгветиэль* (*Tengwethiel*) 49. См. *Тайн-Гветиль*.

Тенистые горы (Shadowy Mountains) (1) = Эред Ветрин. 16, 29, 59, 62, 87, 116, 148, 170, 224, 233–234, 312, 314. (2) = Эред Горгорот. 168, 170, 183, 201, 208, 234, 314; Горы Тени (Mountains of Shadow) 170; описание 175–176, 345.

Тенистые моря (*Shadowy Seas*) 73, 93, 95, 148, 187, 192; Тенистое море 346. *Теоден* (*Théoden*) Король Рохана. 145.

Тимбрентинг (Timbrenting) Древнеанглийское название Таникветили. 133–136, 139, 211, 222, 250, 259; альтернативная форма Тиндбрентинг (Tindbrenting) 123, 127, 139. Касательно имени см. 127, 139.

Тимбридиль (*Timbridhil*) (1) Имя Варды. 139, 170. (2) Название Большой Медведицы. 169–170.

Тинвелинт (Tinwelint) Король Артанора (впоследствии Тингол Дориатский). 26, 124, 148, 160–161, 305; *Тинвэ Линто (Tinwë Linto)* 124.

Тинветари (Tinwetári) 'Королева Звезд', Варда. 170.

Тинвиэль (Tinwiel) Недолго просуществовавшая форма имени Тинувиэль (Tinúviel). 22.

Тингол (Thingol) 9–14, 16–17, 19–20, 24–28, 30, 32–34, 43, 50–52, 61, 98, 104–105, 107, 111–115, 117–118, 124, 127, 138; passim в «Лэ о Лейтиан» и в комментариях. Элу Тингол (Elu Thingol) 347; разбойник Тингол (Robber Thingol) 229, ср. 16, 117; Серый Король (the Grey King) 352; Король Дориата (King of Doriath) 12, 17–18, 112–113, 117; его богатство 26, 160–161. См. Тинвелинт.

Тиндбрентинг (Tindbrenting) См. Тимбрентинг.

Тинувиэль (Tinúviel) 9, 22, 87, 89, 104, 107–109, 120, 122, 124–125, 153, 159, 180–184, 193, 197–199, 203, 209, 215, 244. 257–259, 261, 270, 272, 277, 282–283, 291, 297, 305, 307, 309, 312, 314, 354, 357, 360; Тинвиэль (Tinwiel) 22. Касательно значения имени см. 124, 182.

Тинфанг (Tinfang) Имя свирельщика Тимпинена на языке номов. Тинфанг Трель (Tinfang Warble) 181–182; позже Тинфанг Гелион (Tinfang Gelion) 174, 181–182.

Т**и**рион (Tirion) 93, 149.

Тол-ин-Гаурхот (Tol-in-Gaurhoth) Остров Волколаков на реке Сирион. 306, 313, 350; остров Гаурхот (Gaurhoth Isle) 337. См. Остров Чародея.

Тол Эр**е**ссеа (Tol Eressëa) 148, 183.

Толкин, Дж.Р.Р. (Tolkien, J.R.R.) Сочинения: «Хоббит» (The Hobbit) 26, 152; «Властелин Колец» (The Lord of the Rings) 81, 152, 330, 356–357, 360; «Братство Кольца» (The Fellowship of the Ring) 124, 127, 158, 269; «Неоконченные предания» (Unfinished Tales) 5, 26, 53, 83, 89, 91, 94, 145, 357 (см. также «Нарн и Хин Хурин» (Narn i Hîn Hírin); «Рисунки Дж.Р.Р. Толкина» (Pictures by J.R.R. Tolkien) 53, 88, 90, 223, 234; «"Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь", "Перл" и "Сэр Орфео"» (Sir Gawain and the Green Knight, Pearl, and Sir Orfeo), переводы, 248; «"Чудовища и критики" и другие статьи» (The Monsters and the Critics and Other Essays) 23, 140. «Сильмариллион» (The Silmarillion) вынесен в отдельную статью.

Торндор (*Thorndor*) Имя Соронтура, Короля Орлов, на языке номов. 286, 292; поздняя форма *Торондор* (*Thorondor*) 292, 309–310, 314.

Торнсир (Thornsir) Низвергающийся поток под Кристорном в Окружных горах над Гондолином. 142; река Орлов 143.

Трамори (Tramorie) Неизвестное название. 122.

Третий Род (Third Kindred) 140, 235.

Третья Эпоха (Third Age) 145.

Три Рода (Three Kindreds) 8, 100, 132, 138.

Турингветиль (*Thuringwethil*) (1) Имя, которым Лутиэн назвалась перед Морготом. 297, 304, 306. (2) Летучая мышь, посланница Саурона. 283–284.

Тысяча Пещер (Thousand Caves) 9, 12, 20, 28, 34, 50, 53, 76, 98, 105, 113, 127, 156, 160, 194–196, 312, 314; Тысяча Гротов (Thousand Caverns) 186, 332. См. Менегрот.

Ty ($Th\hat{u}$) 16, 27–28, 117, 146–148, 153, 170, 220, 227–228, 230–238, 240–241, 244–246, 249, 251–254, 256–260, 276, 279, 284, 288, 290, 293–294, 297, 306, 311, 313; прозван некромани (necromancer) 228, 234. (Заменено на Γ opmy (Gorth $\hat{u}$)).

Т**у**лкас (Tulkas) 127, 137.

Тумладин (Tumladin) Долина Гондолина. 142; более поздняя форма – Тумладен (Tumladen) 83.

Тун (Tûn) 17, 21, 29, 36, 49, 53, 73, 81–82, 93, 123, 132, 192, 210, 217, 219. См. Кор, Кортун.

Т**v**на (Túna) 149.

Tуор (Tuor) 83, 89–90, 143–144, 145, 148–149; вариант имени – Tур ($T\hat{u}r$) 142–143. Tурaмbар (Turambar) 29.

Тургон (Turgon) 6-7, 21, 23-24, 96-100, 103, 137-138, 146-147, 149, 222.

Турин (Тигіп) (включая ссылки на него как на сына Хурина (son of Húrin), и т.д.) 6, 9–14,16–20,22–28,30–33,37,40,43–60,62–67,70–79,82–83,86–94,96–97,104–107, 110, 112–118, 121, 124, 126–127, 148, 215, 217, 259. Его возраст 14, 25, 115, 127; его характер 14, 27, 115–116; его рост и стать 44. См. Талиодрин, Талион.

Турумарт (Turumart) Форма имени Турамбар (Turambar) на языке номов. 29.

Узкая Переправа (Narrow Crossing) Из Западных земель в Великие земли. 31. Уинен (Uinen) Владычица Моря. 205.

Улмо (Ulmo) 5, 79, 87, 89, 93–94, 137, 183, 347; Глубинный Житель (Dweller in the Deep) 61, 93; Властелин Океана (Lord of Ocean) 130.

Умарт (Úmarth) 'Злополучный', вымышленное имя, данное Хурину Турином в Нарготронде. 92.

Умбот-Муилин (Umboth-Muilin) 56, 214, 222. См. Заводи Сумерек, Сумеречные озера.

Умуийан (Umuiyan) Привратник Тевильдо. 257.

Унг**о**лиант (Ungoliant) 132, 141. См. Прядильщица Мглы.

Урин (Úrin) См. Хурин.

Уртель (Urthel) Один из двенадцати соратников Барахира в Дортонионе. 335, 349. Уфедин (Ufedhin) Ном, союзник гномов, обманувший Тинвелинта. 52.

- Файли, Йоркшир (Filey, Yorkshire) 150, 181.
- Файливрин (Failivrin) Прозвище, данное Финдуилас, дочери Ородрета Нарготрондского. 76, 78, 80–81, 91–92; поздняя форма Фаэливрин (Faelivrin) 91.
- Φ ангрос (Fangros) Неизвестное место. 31, 49, 55; ранняя форма Φ ангайр (Fangair) 49, 55.
- Фаэри (Faëry, Faërie) 16, 20, 28–32, 50, 58, 72, 93, 116, 134; Залив Фаэри (Gulf of Faërie) 17, 118, 148; Гавань Фаэри (Bay of Faëry) 95; Земля Фаэри (Faëry land) 156, 168, Страна фэйри (Fairyland) 233. «Берега Фаэри» (The Shores of Faëry) (стихотворение) 182.
- Феанор (Fëanor) 87, 133, 135–138, 146–147, 192, 195, 198, 210–211, 217, 222, 242, 267, 302–303, 329; сын Финна 133, 138; Феаноров огонь (Fëanor's fire), огонь Феанора (fire of Fëanor) (Сильмариль) 267, 362. См. Сыновья Феанора, Клятва Феанорингов.
- Феаноринги (Fëanorians) 235, 247, 272.
- Фелагот (Felagoth) Ранняя форма имени Фелагунд (Felagund). 169, 171, 195, 221.
- Фелагунд (Felagund) 80, 85, 91, 138, 166, 169, 171, 191, 195, 198, 213–219, 221–223, 225–226, 229–231, 233–234, 240–242, 245–250, 255–258, 260, 270–271, 274, 279, 310–311, 313, 350–351, 357–358; Инглор Фелагунд (Inglor Felagund) 335, 350, 361; (поздний вариант имени) Финрод Фелагунд (Finrod Felagund) 93, 360. См. Финрод (2), Инглор.
- Фенгель (Fengel) (1) Отец Туора (заменил собою Пелега из «Утраченных сказаний»). 145, 148. (2) Туор. 141, 145. (3) Пятнадцатый король Рохана. 145.
- Финарфин (Finarfin) 198, 357–360. (Заменил Финрода (Finrod) (1)).
- Φ инвег (Finweg) (1) = Финвэ (Нолемэ). 6, 21, 24, 86, 137–138, 146. (2) На ранней стадии имя Фингона. 5, 71, 80, 86, 92, 96, 102–103, 111, 123, 136–138, 146, 152, 219, 222, 292.
- Финвэ (Finwë) Первый правитель нолдоли (нолдор), отец Феанора, Финголфина и Финрода (1) / Финарфина. 24, 137–138, 146–147, 221–222; Финвэ Нолемэ (Finwë Nólemë) 21, 86, 140, 146–147. См. Финголма, Финн, Финвег (1), Гельмир. Финголма (Fingolma) Имя Финвэ Нолемэ. 146–147.
- Финголфин (Fingolfin) 21, 24, 86, 96, 98, 102, 136–138, 140, 145–147, 152, 222, 275, 284–287, 290, 293–294; курган Финголфина 286–287. См. Голфин.
- Фингон (Fingon) Сын Финголфина, брат Тургона; погиб в Битве Бессчетных Слез. 5, 80, 86, 102–103, 137–138, 146–147, 152, 212, 219, 222, 287, 292. (Заменило вариант Финвег (Finweg (2)).
- Финдориэль (Findóriel) На ранней стадии имя Финдуилас. 81.
- Финдуилас (Finduilas) Дочь Ородрета Нарготрондского. 65, 70, 75–78, 80–81, 83, 91–93. См. Файливрин.
- Финн (Finn) Вариант имени Финвэ на языке номов. 133, 137–138, 212, 222.
- Финрод (Finrod) (1) На ранней стадии имя Финарфина. 80, 85, 138, 191, 198, 213, 216, 218, 221–222, 247, 260, 360. (2) На поздней стадии имя Инглора (Фелагунда). 93, 357–360.
- Флиндинг (Flinding) Ном из Нарготронда, спутник Турина. 36–39, 41, 43–48, 52–60, 62–65, 67, 69–72, 74, 76–78, 80, 86–92, 94, 148, 306; часто именуется Флиндинг го-Фуилин (Flinding go-Fuilin), т.е. Флиндинг, сын Фуилина. (Заменено на Гвиндор (Gwindor)).

Фоал**о**кэ (Foalókë) Дракон в «Сказании о Турамбаре». 29.

Фуилин (Fuilin) Отец Флиндинга. 72–74, 92–93; его народ, его дети, Флиндинг 72, 74, 80. Все прочие ссылки даются на Фуилина как на отца Флиндинга: 36, 38, 44, 47, 53, 56, 65, 67, 69–72, 78, 80, 89. (Заменило Дуилин (Duilin)).

 Φ уитлуг (Fuithlug) Φ орма имени Φ оал**о**кэ (Foalókë) на языке номов. 29.

Фэйри (Fairies) 54, 156; волшебный, принадлежащий фэйри (fairy, прилагательное) 108, 122. См. Фаэри.

Xaдop (Hador) 92, 126, 343, 350; Шлем Хадора (Helm of Hador) 27 (см. Драконий шлем). Халет (Haleth), Народ Халет. 91.

Халмир (Halmir) (1) Сын Ородрета, убитый орками; прозван 'охотником'. 75, 82, 91. (2) Правитель Народа Халет. 91.

Халог (Halog) Младший из сопровождающих Турина на пути в Дориат. 9, 11–12, 22, 25, 105–108, 110–111, 113–114, 121–125.

Хаталдир (Hathaldir) Один из двенадцати соратников Барахира в Дортонионе. 335, 349.

Хелькараксэ (*Helcaraxë*) 136.

Хельсинги (Helsings) Германское племя, которым правил Вада (Ваде). 142–144; др.-англ. Hælsingas 143–144.

Химлинг (*Himling*) Огромный холм к востоку от ущелья Аглон. 263, 274; поздняя форма *Химринг* (*Himring*) 274, 313, 361.

X**и**радорн (Hiradorn) = X**и**рилорн (Hirilorn). 208.

Хирилорн (Hirilorn) 'Королева Буков' в Дориате. 186, 202-203, 206-209, 312.

Хисил**о**мэ (Hisilómë) 28, 89. См. Хитлум.

Хитлум (Hithlum) 6, 8, 10–11, 14, 16, 19–20, 24–25, 27, 29, 34, 37, 44, 54, 59–60, 62, 73, 87, 96–97, 101, 105–107, 111–117, 119, 125–126, 148, 170, 274, 284, 287, 314. См. Арьядор, Дорломин, Хисиломэ, Земля Теней, Земли Тумана.

Hlýda, Ĥlýdingaburg (др.-англ.) Нарог, Нарготронд. 87.

Холм Смерти (Hill of Death) Курган, возведенный Сынами Феанора после Битвы Бессчетных Слез. 87. См. Курган Павших.

Холмы Горечи (Bitter Hills) Название Железных гор в «Утраченных сказаниях». 29. Холмы Железа (Hills of Iron) См. Железные холмы.

Холмы Охотников (Hills of the Hunters) Нагорья к западу от реки Нарог. 61, 88–89, 214, 222–223; Охотничьи холмы (Hunters' Hills) 66, 88; Нагорье Охотников (Wold of Hunters) 72, 89, Охотничье нагорье (Hunters' Wold) 67, 88, 92; поздние названия: Высокий Фарот (High Faroth) 88–89, Таур-эн-Фарот (Taur-en-Faroth) 88. Земля Умерших, что Живы, в холмах Охотников, 61, 89.

Хранимая равнина Нарготронда (Guarded Plain of Nargothrond) 66, 88, 214, 222. Хранимое Королевство (Guarded Realm) Дориат. 352.

Хуан (Huan) 87,107, 236, 238–239, 241–248, 251–258, 260, 263–267, 269–273, 278–279, 283–284, 287–288, 290, 294, 306, 311–312, 314, 358; nec Хитлума (the hound of Hithlum), Хуан волчья погибель (Huan wolf-bane) 107.

Хурин (Hū́rin) 4, 7, 11–14, 21–27, 37, 55–56, 71, 92, 96–98, 100, 102–105, 111–115, 117, 119, 125–126 (ссылки на Турина как на сына Хурина (son of Hū́rin) и т.д. приводятся в статье Турин (Turin)). Прозывался Стойкий (the Steadfast) 11–12; Владыка / Князь Митрима (Prince of Mithrim) 96, 103; Владыка Земель Тума-

нов (Lord of the Lands of Mist) 96; и см. Эритамрод, Талион. Ранняя форма Урин (Urin) 21–22, 25 (Уринталион (Urinthalion) 21).

Чемберс, Р. У. (Chambers, R. W.) 143.

Чосер, Джеффри (Chaucer, Geoffrey) 143-144.

Шлем Хурина (Helm of Húrin) 114–115. См. Драконий шлем.

Эадгиву (Éadgifu) Жена Эльфвине. 140.

Эарендель (Eärendel) 141–142, 144–145, 149; сын Фенгеля 141, 145. Поздняя форма Эарендиль (Eärendil) 83.

Эгламар (Eglamar) = Эльдамар (Eldamar). 157, 181–182.

Эгнор (Egnor) (1) Отец Берена (имя заменено на *Барахир (Barahir)*). 25, 119, 125, 159, 168–171, 198, 220, 247. (2) Сын Финрода (позже Аэгнор, сын Финарфина), сражен в Битве Внезапного Пламени. 80, 85,138, 213, 222.

Эзеллохар (Ezellohar) Зеленый холм Двух Дерев в Валиноре. 348, 350.

Эйглир Энгрин (Eiglir Engrin) Железные горы. 33, 41, 49. (Заменило Айглир Ангрин (Aiglir Angrin)).

Эйлинель (Eilinel) Жена Горлима Злосчастного; прозвана 'белой' ('the white'). 162–164, 169–170, 336–339, 350.

Эланор (elanor) Растение с золотистыми цветами, растет в Белерианде. 333–334, 349.

Эл**е**двен (*Eledhwen*) Прозвище Морвен. 92.

Элу (Тингол) (Elu (Thingol)) Форма имени Эльвэ (Синголло) (Elwë (Singollo) на языке синдарин. 347.

Эльберет (Elbereth) Имя Варды на языке синдарин. 336, 350, 361.

Эльвенесс (Elvenesse) См. Эльфинесс.

Эльд**а**лиэ (Eldalië) 309.

Эльдамар (Eldamar) 'Эльфийский дом'. 182, 331, 348, 356–358. См. Эгламар.

Эльдар (Eldar) 138, 334, 347.

Эльдар**и**сса (Eldarissa) Язык эльдар (на стадии «Утраченных сказаний»). 89.

Эльфвине (Ælfwine) 28, 87, 140, 154, 182.

Эльфийская земля (Elfland, Elvenland) 34, 134, 138, 183, 208, 231, 233, 234, 333, 346, 360, 362.

Эльфийский (Elfin) Как название языка эльдар (в отличие от номского языка) . 139. (Другие случаи использования прилагательного elfin, замененного формами elven и elvish, не приводятся.)

Эльфинесс (Elfinesse) 6, 108, 155, 174, 176, 180, 182, 190–193, 216, 228–229, 231, 241, 243, 255, 262, 264, 267, 286, 326, 360; поздняя форма Эльвенесс (Elvenesse) 354, 360.

Эльфы (Elves) Избранные ссылки. Отличны от номов 11, 22; суждение о людях 7, 24; рост и телосложение; умаление в связи с приходом людей 44, 54; людям суждено принести погибель эльфам 98, 103–104; судьба после смерти 20, 28, 47, 56, 58, 65, 94, 250, 258–260, 274, 308, 357–358; плывут через Океан в Валинор на кораблях 172, 182–183. См. Темные эльфы, Лесные эльфы.

Энгайнор (Engainor) См. Ангайнор.

Эннорат (Ennorath) Средиземье. 356.

Эол (Eöl) Отец Меглина (Маэглина). 52, 145–148.

Эред Ветрин (Ered Wethrin) Тенистые горы. 29, 314.

Эред Горгорот (Ered Gorgoroth) Горы Ужаса. 171, 183, 208, 234, 314; Горгорот (Gorgoroth) 272–273, 350; Горгорат (Gorgorath) 341 (описание), 350, 361. См. Тенистые горы.

Эред Луин (Ered Luin) Синие горы. 160.

Эриол (Eriol) 182.

Эритамрод (Erithámrod) Имя Хурина (переводится как 'Несгибаемый', 37, строка 864), почти всегда в сочетании Талион Эритамрод (Thalion Erithámrod). 6, 9, 11, 13, 21, 37, 96, 101, 111, 114.

Эрмабвед (Ermabwed) 'Однорукий', имя Берена. 9, 12, 22, 25, 56, 104, 107, 112, 119–121; Эрмабвет (Ermabweth) 119, 123. (Заменено на Эр(х)амион (Er(h)amion), Эрхамион (Erchamion).

Эруман (Eruman) 205.

Эрухин (Eruchîn) Дети Эру. 354.

Эрхамион (Erchamion) 'Однорукий', имя Берена. 121; Эр(x)амион (Er(h)amion) 119. (Заменило Эрма(Ermabwed)).

Эсгалдуин (Esgalduin) Зачарованная река Дориата. 76, 81–82, 93, 156, 158, 160, 177, 186, 199, 202–204, 213, 223, 262; Эльфийская река (the Elf-river) 76; ранняя форма Эсгадуин (Esgaduin) 81, 93, 158, 160.

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКОВ

1 (к стр. 2) использования эмфатических doth и did там, где эмфаза отсутствует.

В английском языке в утвердительных (а также и повелительных) предложениях могут употребляться эмфатические (усилительные) вспомогательные глаголы do / does (в настоящем времени), did (в прошедшем времени), doth (устар. ф. в настоящем времени) в сочетании с инфинитивом смыслового глагола при сохранении прямого порядка слов. На русский язык такие эмфатические конструкции принято переводить с добавлением слов «действительно», «в самом деле» и т.д. В поэзии эмфатические вспомогательные глаголы зачастую используются «в качестве подспорья в стихосложении» (см. стр. 320–321, комм. 518, 519–542), то есть в качестве втычек – односложных вставочных слов для заполнения слогами строк, и никакого смысла (в том числе и эмфатического) не несут (в русском языке в аналогичных целях неумелыми стихотворцами используются втычки «уж», «вот», «тот» и т.д.):

enchantment did his realm enfold [чары окутывали его королевство] (строка 11, стр. 154) а dark and hidden king did dwell [темный, потаенный король жил] (строка 69, стр. 156) murmurless Esgalduin doth flow [безмолвный Эсгалдуин течет] (строка 861, стр. 186)

Таких втычек в «Лэ о Лейтиан» действительно много; неудивительно, что, перерабатывая поэму, Толкин стремился избавиться от искусственных метрических заполнителей (см. стр. 153).

- 2 (к стр. 3) *Terminus a quo* отправная точка (лат.).
- 3 (к стр. 49) 718 Ср. вторую загадку Бильбо, загаданную Голлуму.

В строке поэмы *«and the eye of day was opened wide»* [и око дня широко раскрылось] (718) подразумевается маргаритка / ромашка, англ. *daisy*. В главе «Загадки во тьме» Бильбо загадывает Голлуму традиционную загадку про этот цветок:

Смотрит глаз из синевы, Видит глаз среди травы: «Мы с тобою схожи, Ты – глазок, я – тоже. Только ты – в низине, А я – на вершине». (Пер. С. Лихачевой)

В загадке обыгрывается этимология слова daisy - dæges éage = coвр. day's eye 'око дня': этот цветок раскрывает белые лепестки поутру и благодаря желтой серединке становится похож на солнце; но вечером лепестки закрываются.

- 4 (к стр. 60) *Ти́гіоп*, предположительно, является опечаткой: нигде больше этот вариант не встречается. Однако он содержится во всех основных английских и американских изданиях «Лэ о Лейтиан» в твердом переплете, начиная с первого английского издания «Allen & Unwin», 1983, и заканчивая подарочным трехтомным изданием «Истории Средиземья» издательства «Harper Collins», 2017. Между тем, в дешевых массовых американских изданиях в бумажной обложке («Ballantine», «Del Rey») в этом месте значится вариант *Tи́гіп*: в связи с изменением формата для американских изданий текст переверстывался, однако было ли исправление *Tи́гіоп* > *Tи́гіп* санкционированным или случайным, неизвестно. В переводных изданиях встречаются оба варианта: так, в испанском издании значится *Tи́гіоп*, а во французском *Tи́гіп*. В данном издании вариант *Tи́гіоп* сохранен. (Переводчик благодарит К. Скалл за предоставленную информацию.)
- 5 (к стр. 66) *no horns hooted in the hills ringing* [рога не трубили в холмах, звеня]. Эту строку автор впоследствии повторит почти дословно в «Песни о Курганах Мундбурга», приписываемой безымянному роханскому поэту и посвященной Битве на Пеленнорских полях («Властелин Колец», книга V):

We heard of the horns in the hills ringing, the swords shining in the South-kingdom... [Мы слышали, как рога в холмах звенели, мечи сияли в Южном королевстве...]

В стихах, написанных для «Властелина Колец», содержится немало подобных отголосков из более ранних поэтических произведений Толкина. Таким образом он вольно или невольно воспроизвел в своем легендариуме бытование древне- и среднеанглийской поэзии, в которой зачастую встречаются варианты или даже повторы одних и тех же строк. (Прим. М. Артамоновой.)

6 (к стр. 102) only the mighty of soul, of Men or Elves, doom can conquer, and in death only [лишь могучие духом, из числа людей и эльфов, могут победить судьбу, и только в смерти]

Из грамматики и синтаксиса английского текста неясно, идет ли речь об одном герое или нескольких. Возможно, подразумевается пророчество Мандоса о том, что в Последней битве Дагор Дагорат Турину (к тому времени погибшему) суждено нанести Морготу смертельный удар. Но, поскольку речь идет о могучем герое из числа «людей или эльфов», мы сочли корректным поставить здесь мн. ч.

7 (к стр. 143) «Видсид» (др.-англ. Widsið) – древнеанглийское стихотворение (состоит из 143 строк), сложилось не позже VII в., записано предположительно в IX веке. Единственный экземпляр текста стихотворения сохранился в составе Эксетерской книги, в настоящий момент хранящейся в библиотеке Кафедрального собора Эксетера (МS 3501, конец X в.). Стихотворение включает в себя перечни имен (так называемые «тулы»), восходящие еще к эпохе великого переселения народов: своего рода каталог королей и племен древнегерман-

ского мира. Певец Видсид (буквально «Широкостранствующий») перечисляет народы и королей, о которых слышал и в гостях у которых побывал. В строке 22 названо племя хэльсингов и их правитель Вада: «Витта правил свэвами, Вада хэльсингами» (цит. по: Древнеанглийская поэзия / Пер. В.Г. Тихомирова, ред. О.А. Смирницкой. М.: Наука, 1982. С. 15.).

8 (к стр. 143) Томас Мэлори (*Thomas Malory*, ок. 1415–1471) – английский писатель, автор либо составитель эпохального труда под названием «Полная книга о короле Артуре и о его благородных рыцарях Круглого Стола» («The Hoole Book of Kyng Arthur and of His Noble Knyghtes of The Rounde Table») – исчерпывающего свода артуровского мифа. Первопечатник У. Кэкстон издал этот труд в 1485 г. под названием «Смерть Артура». В книге VII, гл. 9, злоязычная девица Линет подзуживает юного Гарета, которого принимает за «кухонного мужика», говоря ему: «For were thou as wight as ever was Wade, or Launcelot, Tristram, or the good knight Sir Lamorake, thou shalt not pass a pass here, that is called the pass perilous...». В классическом переводе И. Бернштейн в этом эпизоде упоминание о Ваде, стоящем в одном ряду с такими непобедимыми рыцарями, как Ланселот, Тристрам и Ламорак, опущено: «Ибо будь ты даже могуч, как сэр Ланселот, сэр Тристрам или добрый рыцарь сэр Ламорак, все равно тебе не пройти этим ущельем, которое называется Гиблый Проход» (Цит. по: *Мэлори Томас*. Смерть Артура. М.: Ладомир. 1993. С. 204–205).

9 (к стр. 143) Чосер ссылается на «корабль Ваде» в «Рассказе Купца»; в «Троиле и Крессиде» Пандар рассказывает «сказ о Ваде».

Джеффри Чосер (Geoffrey Chaucer, ок. 1340 / 1345–1400), английский переводчик и поэт, один из основоположников литературного английского языка и английской национальной литературы, автор стихотворного сборника «Кентерберийские рассказы», предвосхищающего английское Возрождение, а также целого ряда стихотворных произведений («Книга герцогини», «Птичий парламент»), явившихся данью куртуазной традиции средневековья. Эпическая поэма Чосера «Троил и Крессида» (середина 1380-х гг.) посвящена трагической любви троянского царевича Троила и прелестной молодой вдовы Крессиды во время Троянской войны. В одном из эпизодов Книги III лукавый дядя Крессиды Пандар приглашает племянницу в гости с целью посодействовать ухаживаниям молодого Троила; причем вечер начинается с вполне невинных развлечений: «He song; she pleyde; he tolde tale of Wade» [Он спел; она сыграла; он рассказал сказ о Ваде] (кн. III, 614). В русском переводе М. Бородицкой упоминание о Ваде опущено:

Он спел; вдова сыграла; был поведан Какой-то древний сказ, известный дедам...

(Цит. по: Чосер Джеффри. Троил и Крессида / Пер. М. Бородицкой. М.: Грантъ, 1997. С. 163).

В «Рассказе Купца», входящем в сборник «Кентерберийских рассказов», незадачливый старик Януарий, решив жениться на юной красавице Мае, рассуждает о предпочтительности молодой девушки в сравнении с дамой в возрасте: «And eek thise olde wydwes, God it woot, / They konne so muchel craft on

Wades boot, / So muchel broken harm, whan that hem leste, / That with hem sholde I nevere lyve in reste...» [А эти старые вдовы, Господь свидетель, / они столько всего знают о корабле Вады (т.е. «слишком много знают») / и причиняют столько вреда, / что с такой мне не знать покоя...»]. В пер. О. Румера упоминание о Ваде опущено:

От всяких старых вдов Куда угодно я бежать готов. Они обычно прихотей полны, – Бог упаси от этакой жены.

(Цит. по: Чосер Джеффри. Кентерберийские рассказы. М.: Грантъ, 1996. С. 500.)

- 10 (к стр. 143) Рэймонд Уилсон Чемберс (Raymond Wilson Chambers), 1874–1942, один из самых влиятельных англосаксонистов первой половины XX века, преемник У. П. Кера на посту профессора английского языка и литературы в лондонском Юниверсити-Колледже, автор ряда работ по древнеанглийской и среднеанглийской поэзии от «Беовульфа» и «Видсида» до Чосера, Лэнгленда и Томаса Мора. Чемберс известен также своим изданием «Беовульфа» (переработанное издание А. Дж. Уайетта). В 1925 году ему предложили оксфордский пост профессора англосаксонского языка Ролинсона—Босворта. Чемберс отказался, и кафедра досталась Толкину. В своей монографии «Видсид» («Widsith: A Study in Old English Heroic Legend»), на которую ссылается К. Толкин, Р. У. Чемберс ссылается и на менее известные произведения, в которых упоминается Ваде, в частности, на аллитерационную поэму «Смерть Артура» («Могtе Arthure»). (Прим. М. Артамоновой.)
- 11 (к стр. 143) Гельсингфорс шведское название столицы Финляндии Хельсинки; до 1926 г. в русском языке официально использовалось именно оно.
- 12 (к стр. 144) в комментариях Спехта к Чосеру.

Томас Спехт (*Thomas Speght*, ум. 1621) – издатель трудов Дж. Чосера. Родился в Йоркшире, получил степень бакалавра в Питерхаусе, старейшем колледже Кембриджского университета, в 1566 г., стал школьным учителем в Лондоне. В 1598 г. на основе сборника Чосера, выпущенного Джоном Стоу в 1561 г., и с его помощью, подготовил новое аннотированное издание произведений Чосера, сопроводив его биографией автора и глоссарием («Истолкование древних и малопонятных слов Чосера»), в который вошло 2034 статей: вероятно, это самый пространный список архаизмов, опубликованный до появления первых английских словарей. Труд Спехта оказался настолько востребованным, что в 1602 г. вышло его переиздание с переработанным глоссарием.

13 (к стр. 144) странствиями Ваде, описанными у английского автора XII в. Уолтера Мапа.

Уолтер Мап (Walter Map, лат. Gualterius Mappus; ок. 1135/1140 – ок. 1210) – средневековый писатель валлийского происхождения; писал на латыни. Учился в Парижском университете; входил в группу образованных придворных из окружения английского короля Генриха II наряду с Петром Блуаским,

Фомой Бекетом и другими представителями «Возрождения XII века», побывал при нескольких дворах Европы, в частности, у Людовика VII во Франции; был послан с миссией к Папе Александру III; возможно, присутствовал на III Латеранском Соборе. Из произведений Мапа сохранилось только одно: «О придворных безделицах» в пяти частях («De Nugis Curialium») – сборник занятных рассказов, исторических анекдотов и любопытных фактов (в него вошли, в частности, самые ранние в Англии рассказы о вампирах). Во вторую часть книги включена история о легендарном воителе Гадо (т.е. Ваде), который оказывается вовлечен в предание об Оффе. Гадо, сын одного из королей племени вандалов, из любви к приключениям покидает дом еще мальчиком и странствует по свету, восстанавливая справедливость и защищая обиженных. Он прибывает ко двору Оффы, который только что женился на дочери римского императора. По возвращении домой римские гости подстрекают соотечественников напасть на Оффу; как только дела призвали Гадо в далекие Индии, римляне высылают против Оффы огромную армию. Закончив свои дела в Индиях, Гадо возвращается, причем корабль сам по себе, против его воли, отвозит героя в Кольчестер к Оффе, и, встав во главе английской армии, Гадо наносит врагам сокрушительное поражение. По всей видимости, волшебный корабль, доставивший Гадо в Кольчестер, и есть «Гвингелот», упомянутый у Спехта: Спехт, вероятно, сам плохо знал эту историю, поэтому и не стал ее пересказывать; однако название корабля Гадо встречается только у него и нигде более.

14 (к стр. 145) in extenso – полностью, без сокращений (лат.).

15 (к стр. 157) Несмотря на то, что согласно концепции данного издания, в примечаниях к текстам поэм цитаты даются в построчном переводе (см. «Предисловие переводчика и редактора»), данный отрывок представляется достаточно пространным и законченным, чтобы мы сочли необходимым привести его также и в поэтическом переводе:

Король жил на заре времен. Его слоновой кости трон Мерцал под сводом древних зал; Его златой венец сиял Рубинами и хрусталем, Нужды не знал король ни в чем: Не перечесть сокровищ груд, И сладких яств, и ценных блюд, Вино и песни до зари, И тридцать воинов, и три, -Но все сокровища не в счет Пред королевной Мелилот. Не помнят чащи и цветы Столь совершенной красоты. Как синь небес – ее наряд, Но не синей, чем синий взгляд.

По ткани – вязь златых лилей, Но ярче – золото кудрей.

- 16 (к стр. 159) Melilot (англ.) донник, травянистое медоносное растение. Шестнадцатилетняя Мелилот Брендибак, дочь Мармадаса Брендибака (представлена в Генеалогическом Древе Брендибаков, «Приложение С» к «Властелину Колец»), присутствовала на дне рождения у Бильбо Бэггинса («Властелин Колец», Книга I, глава «Долгожданные гости»): в паре с молодым Эверардом Туком мисс Мелилот Брендибак, запрыгнув на стол, собиралась станцевать «милый, но довольно бурный» танец с колокольчиками в руках.
- 17 (к стр. 181) 743 В данном двустишии отсутствует вторая строка. В русском переводе не сохранено.
- 18 (к стр. 233) 2175–2177 Три рифмующиеся строки подряд восходят через «A» к первоначальному черновику. В русском переводе не сохранено.
- 19 (к стр. 248) Иллюминированная Окинлекская рукопись (*The Auchinleck Manuscript*, NLS Adv. MS 19.2.1) входит в коллекцию Национальной библиотеки Шотландии. Предположительно создана в Лондоне ок. 1340 г., силами светских переписчиков (не монахов), возможно, переписывавших уже существующие тексты, а возможно, переводивших с французского и латыни. Содержит 43 произведения на разных диалектах среднеанглийского языка: от житий святых («Святая Катерина», «Житие святой Марии Магдалины») до рыцарских романов и повестей и бретонских лэ («Сэр Дегарэ», «Флор и Блашефлер», «Сэр Тристрем»). В ней же содержится текст лэ «Сэр Орфео», переведенного Дж. Р. Р. Толкином на английский язык. На Окинлекскую рукопись ссылается, в частности, В. Скотт в своем предисловии к роману «Айвенго»: именно эта рукопись, «приводящая имена целой орды норманнских баронов, подсказала ему чудовищное имя Фрон де Беф».
- 20 (к стр. 315) Имена вымышленных критиков, используемые К.С. Льюисом, вероятно, пародируют конкретных исследователей средневековой литературы и языковедов. Так, имя «Пибоди», возможно, отсылает к имени одного из крупнейших медиевистов-современников Толкина и Льюиса, Фрэнсиса Пибоди Магуна (Francis Peabody Magoun). Пародийные немецкие имена «Пумперникель», «Шуффер» и «Шик» напоминают о том, что в начале XX века в науках о древних языках и средневековой литературе доминировали немецкие ученые. (Прим. М. Артамоновой.)
- 21 (к сноске на стр. 315). Утверждение о том, что «никаких предложенных Льюисом исправлений Толкин не принял», содержалось в первом издании «Биографии Дж. Р. Р. Толкина» (1977) Х. Карпентера (стр. 145)* (К. Толкин цитирует «Биографию» не вполне точно.) В первом тираже издания «Allen & Unwin» (Paperbacks, 1978) фраза была изменена на: «Tolkien was amused by this, but he accepted few of Lewis's suggested emendations» [Толкина это позабавило, но из

^{*} Здесь и далее цит. по: Carpenter Humphrey. The Inklings. London: Harper Collings Publishers, 1997.

предложенных Льюисом исправлений он принял лишь немногие], – и в таком виде содержится во всех последующих изданиях, в том числе и в русском переводе «Биографии». В этом же исправленном виде фраза вошла в книгу «Инклинги» Х. Карпентера (стр. 29–31), где автор подробнее рассказывает о комментариях Льюиса к «Лэ о Лейтиан», с приведением нескольких цитат. (Переводчик благодарит К. Скалл за предоставленную информацию.)

- 22 (к стр. 322). Данное стихотворение Льюиса впоследствии вошло в его роман-аллегорию «Кружной путь, или Блуждания паломника» («The Pilgrim's Regress», 1933): в книге X, части 5, эту песню поет Виртус после встречи со Спесильдой (Superbia), которая «восхваляет себя и выражает гнушение всякой плотью». В русском переводе H. Трауберг текст стихотворения отсутствует.
- 23 (к стр. 323) Распущение в поэзии (например, древнегерманской) функциональная замена одного долгого слога на два кратких. (Прим. М. Артамоновой.)
- 24 (к стр. 327) Александр Поуп (Alexander Pope, 1688–1744) английский поэт эпохи классицизма, самый цитируемый из англоязычных поэтов после У. Шекспира; переводчик «Илиады» Гомера на английский язык пятистопным ямбом; автор сатирических и ироикомических поэм («Дунсиада», «Похищение локона»), а также ряда так называемых «Опытов» («Опыт о человеке», «Опыты о морали») философских и дидактических поэм. В «Опыте о критике» («Ап Essay on Criticism», 1711) Поуп формулирует общие принципы классицистской эстетики, перечисляет «литературные прегрешения» эпохи и описывает «идеальное поведение» критика по отношению к автору. В переводе А. Субботина (Поуп Александр. Поэмы. М.: Художественная литература, 1988) эта строка Поупа выглядит так: «Не велика и помощь слов вставных; / Затертые слова вползают в стих». В оригинале и у Льюиса, и у Поупа строка, критикующая нагромождения односложных слов, сама составлена из таких слов, что-то вроде: «Где сто слов в ряд, там стих из рук вон плох»). (Прим. М. Артамоновой.)
- 25 (к стр. 327) Gestestudien название вымышленного немецкого журнала обыгрывает многочисленные подобные научные журналы, посвященные всевозможным аспектам языкознания, литературоведения и прочих научных дисциплин. (Прим. М. Артамоновой.)

26 (к стр. 354)

Ir Ithil ammen Eruchín menel-vîr síla díriel si loth a galadh lasto dîn! A Hîr Annûn gilthoniel, le linnon im Tinúviel!

Этот фрагмент на синдарине близок по стилю к эльфийскому гимну к Эльберет (A Elbereth Gilthoniel), приведенному во «Властелине Колец» (Книга II, гл. 1). Перевод его таков:

Когда Луна для нас, детей Эру, Небесная драгоценность, сияет серебром на страже, Пусть цветок и дерево внемлют в безмолвии, О Владыка (Владычица?) Запада, зажигающий звезды, К тебе взываю я в песне, я, Соловей.

Дж. Р. Р. Толкин не оставил авторского перевода данного фрагмента; но поскольку большинство использованных слов содержатся в иных источниках, смысл песни Лутиэн достаточно прозрачен. Ее подробный разбор сделан П. Уинном и приводится в журнале «Vinyar Tengwar» № 9, pp. 8–11 (январь 1990 г.).

Проблему представляет четвертая строка. Использованное в ней слово $h\hat{i}r$ 'владыка' – мужского рода. Ряд исследователей предлагают переводить это слово в женском роде, предполагая, что песнь Лутиэн обращена к Эльберет (между тем, 'владычица' ж.р. – $h\hat{i}ril$ или heryn) . По версии П. Уинна, Лутиэн обращается к Луне (майа Тилион – м.р.), что объясняет слово «владыка» в м.р. – но в таком случае непонятно, почему Лутиэн использует по отношению к нему традиционный эпитет Варды – gilthoniel 'Возжигающая Звезды'.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Толкин Джон Рональд Руэл ПЕСНИ БЕЛЕРИАНДА

Ответственный редактор В. Демичев Редактор С. Лихачева Корректор С. Беляков Верстальщик Н. Семенова Технический редактор Т. Полонская

Подписано в печать 01.08.2020. Формат 70х100 ¹/16. Усл. печ. л. 42,78. Печать офсетная. Гарнитура MinionPro.

Тираж экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1- книги, брошюры печатные

Произведено в Российской Федерации Изготовлено в 2020 г. Изготовитель: ООО «Издательство АСТ» 129085, г. Москва, Звёздный бульвар, дом 21, строение 1, комната 705, пом. I, 7 этаж.

Наш электронный адрес: www.ast.ru. Интернет-магазин: www.book24.ru. E-mail: neoclassic@ast.ru. ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic.

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, Жулдызды гүлзар, д. 21, 1 кұрылым, 705 бөлме, пом. 1, 7-қабат Біздін злектрондык мекенжаймыз: www.ast.ru
Интернет-магазин: www.book24.kz Интернет-дүкен: www.book24.kz
Импортер в Республику Казахстан и Представитель по приему претензий в Республике Казахстан — ТОО РДЦ Алматы, г. Алматы.
Қазақстан Республикасына импорттаушы және Қазақстан Республикасында наразылықтарды қабылдау бойынша өкіл — «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», Б литері офис 1. Тел.: 8(727) 2 51 59 90,91, факс: 8 (727) 251 59 92 ішкі 107; Е-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz, www.book24.kz
Тауар белгісі: «АСТ» Өндірілген жылы: 2020
Өнімнін жарамдылық; мерзімі шектелмеген.

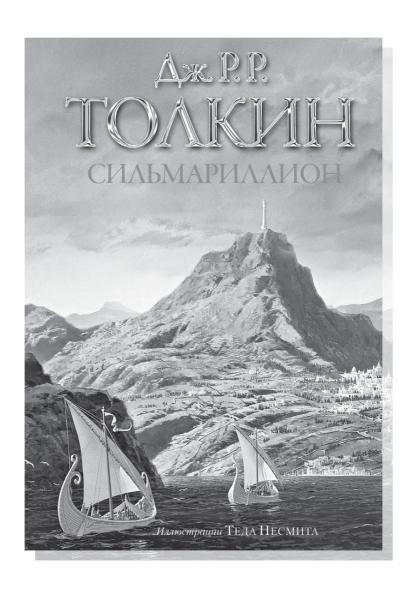

Редакция **Neoclassic** ЧИТАЙТЕ ДРУГИЕ КНИГИ **ДЖОНА РОНАЛЬДА РУЭЛА ТОЛКИНА**

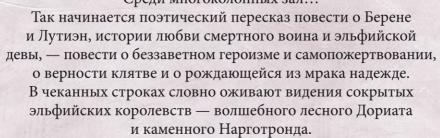

Редакция **Neoclassic** ЧИТАЙТЕ ДРУГИЕ КНИГИ **ДЖОНА РОНАЛЬДА РУЭЛА ТОЛКИНА**

Встарь, до того, как род людской Явился в мир, — лесной страной Могучий правил властелин Средь чащ, прогалин и долин. Щиты его – что лунный лик, Мерцал в знаменах звездный блик; Слепил глаза клинков металл, Серебряный венец блистал, И серебром в тиши ночной Песнь труб звенела под луной. Тот край был чарами объят; Могуч, и славен, и богат, Король на троне восседал Среди многоколонных зал...

Третий том «Истории Средиземья» дает нам уникальную возможность взглянуть на созидание мифологии Средиземья через призму стихотворных переложений двух наиболее значимых сюжетов толкиновского мира:

легенд о Турине и о Лутиэн.

Первая из поэм, грандиозная неопубликованная «Песнь о детях Хурина», посвящена трагедии Турина Турамбара. Вторая, проникновенное «Лэ о Лейтиан», главный источник предания о Берене и Лутиэн в «Сильмариллионе», повествует о Походе за Сильмарилями и о столкновении с Морготом в его подземной крепости.

Поэмы сопровождаются комментариями об эволюции истории Древних Дней. В книгу также включен любопытный критический разбор «Лэ о Лейтиан» К. С. Льюиса, который прочел поэму в 1929 году.

